

POLYSTORIA

*Анатомия власти:
государь и подданные в Европе
в Средние века и Новое время*

POLYSTORIA

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ЛАБОРАТОРИЯ • МЕДИЕВИСТИЧЕСКИХ • ИССЛЕДОВАНИЙ

POLYSTORIA

*Анатомия власти:
государь и подданные в Европе
в Средние века и Новое время*

Составители и ответственные редакторы
Олег Воскобойников, Ольга Тогоева

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва, 2021

Нескромное обаяние власти

Название этой книги — и мы это прекрасно осознаем — может и привлечь, и отпугнуть наших читателей. Поспешим их успокоить: мы не метим в наследники Андреаса Везалия и не планируем пересматривать

основополагающие принципы научной анатомии. Напротив, мы решили последовать доброй средневековой традиции: ведь уже в середине XII столетия Иоанн Солсберийский описывал государство как тело человека.

В позднеантичном герметическом трактате «Тридцать шесть деканов» все отношения между людьми — любовь, подчинение, господство — переселились в мир созвездий, а планеты и знаки Зодиака резонно были названы государями. Средневековая астрология унаследовала такую образность. Франческо ди Джорджо в 1480-х годах предлагал герцогу Урбино Федерико да Монтефельтро построить идеальный город на возвышении, где на «голове» располагалась бы резиденция государя, на «животе» — главная площадь, на которую выходил бы собор, стоящий на «груди», а периметр стен охватывал бы «конечности» с четырьмя сторожевыми башнями — на «локтях» и на «ступнях». Этот архитектор умел строить вполне реальные крепости. Но он же, всерьез следуя гуманистическому принципу «Человек — мера всех вещей», с видимой легкостью вписывал человеческую фигуру и в фасад античного храма, и в план христианской базилики, и в «тело» города. Еще дальше пошел его современник Антонио Филарете: он анализировал и описывал постройки примерно так, как медик рассуждал о живом организме.

Можно, конечно, прописать такой ход мысли по части органологической метафорики: аналогическое мышление способно сравнить что угодно с чем угодно. Однако последние сто лет, начиная с «Королей-чудотворцев» Марка Блока, историки почему-то всерьез относятся к подобным сопоставлениям, и телесность вошла в плоть и кровь исторической науки, что в особенности касается медиевистов, но вовсе не только их. Быть может, потому, что люди, вступающие друг с другом в отношения власти и подчинения, также состоят из плоти и крови. Или же потому, что они выстраивают личные связи, иногда осознанно, а порой и инстинктивно следуя устройству собственного организма. Разве мы не пытаемся вообразить политический макрокосмос, сообразуясь с гармонией в микрокосмосе? Люди эпохи Средневековья и раннего Нового времени, как кажется, в этом не сомневались.

Некоторые старые, но по-прежнему не банальные вопросы, подумалось нам, нуждаются в новых формулировках, в особенности сегодня, когда все привычные связи оказались неожиданно поставлены под вопрос. А потому мы решили объединить усилия тридцати друзей, в той или иной степени испытавших или все еще испытывающих на себе скромное обаяние Михаила Анатольевича Бойцова — кому-то ученика, кому-то учителя, коллеги и друга. Тематически, как заметит всякий, кто знаком с его творчеством, наша книга связана с тем бескрайним исследовательским полем, в котором его достижения особенно заметны. Это история власти в

самом широком смысле слова, история «потестарности», столь дорогой сердцу нашего юбиляра.

Мы воспользовались возможностью поздравить его не только для того, чтобы заверить в наших искренних симпатиях, но и чтобы попытаться подвести некоторые итоги — как обычно, всего лишь промежуточные — и представить научному сообществу и заинтересованным читателям объективный срез ситуации в области изучения власти. Ведь все мы хорошо знаем, насколько М.А. Бойцов всегда оставался безжалостным к своему предмету: именно он подверг саму природу власти, ее душу и тело исторической диссекции. И если Жака Ле Гоффа друзья ласково называли «историком-людоедом», то наш дорогой коллега вполне заслуживает имени нового Везалия. Впрочем, здесь уместным оказалось бы сравнение и с Элиасом Канетти, и с Эрнстом Канторовичем, и с Мишелем Фуко, и даже с Иеремией Бентамом.

В любом случае в наши задачи не входило определение места М.А. Бойцова в историографии, оно и так ни для кого не является секретом. Мы попытались, следуя за ним, как Данте за Вергилием, представить власть эпохи Средневековья и раннего Нового времени во всей неоднозначности ее проявлений, как сложный организм, существующий на протяжении долгих веков на широком географическом горизонте: от Руси и Византии до Пиренеев, Исландии и Южной Америки. А поскольку феномен власти неопишем в рамках какой-то одной проблематики или методологии, столь же широким нам видится и ее тематическое поле. Его можно довольно условно разделить на такие «подразделы», как право, символическая коммуникация внутри социума, ритуалы и репрезентация, политические провалы и победы, влияние власти на экономику, институты управления и возникновение государственных должностей, ее центры и периферии, ее отношения с религией, индивидуальное и коллективное ее восприятие, ее исключительные и типичные проявления, наконец, проблемы «властного» мифотворчества. Ко всем этим сюжетам примыкают источниковедческие и историографические аспекты изучения феномена «потестарности».

Как можно видеть, этот набор тем в той или иной мере отражает научный путь М.А. Бойцова. Но в не меньшей степени он обусловлен и нашим желанием создать труд, у которого есть шанс стать определенной вехой в отечественной исторической науке, заставить читателей задуматься о собственном прошлом и о непреходящей актуальности того, что уже, казалось бы, давно миновало. Ведь на самом деле обаяние власти никогда не бывает скромным...

Ольга Тогоева

Олег Воскобойников

Имя, титул, инсигния

Алексей Муравьев

Эсхатологический царь-странник. Мифологема царской харизмы времен Юстиниана в восточно-христианских текстах [1]

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_14-26

Представление о харизме царской власти, столь явственное в зрелом византийском и западном Средневековье, принимало на позднеантичном христианском Востоке порой интересные формы, отражавшие разные незападные влияния. Эта восточная харизма царства является пред взором читателя средневековых восточных текстов флюктуирующей, то появляющейся, то исчезающей, но неизменно устремленной в эсхатологическую перспективу. Вся постэллинистическая картина царской харизмы оказалась осенена огромной фигурой Александра Македонского, который, пройдя через призму еврейской эсхатологии, оказался царем-странником [2]. Вся эпопея его завоеваний была полностью переосмыслена на Востоке в этой перспективе.

В сирийской традиции, в отличие от византийской или, тем паче, западной, Александр рано стал таким образцовым царем. Христианская версия «Александрии», которая, как ясно на настоящий момент, была одним из самых распространенных и влиятельных текстов далеко за пределами сирозычной области (сейчас уже известны еврейская, уйгурская и старомонгольская версии, не говоря об арабской «Жизни Александра», сирату-л-Искендер), стала очень известной. Популярность ее отчасти объясняется тем, что это текст-модель [3] всего процесса эллинизации Востока. Его объясняющий потенциал настолько силен, что его читали едва ли не как Библию и уж точно как дополнение к Библии. Именно «Александрия» объяснила разным народам, как сложился и как устроен мир, в котором они живут. Но самое главное — она объясняла им, как получают свою власть цари и зачем она нужна в перспективе конца света.

Это объяснение состоит в том, что цари нужны, чтобы уберечь великую мировую державу ромеев до конца времен, который уже близок. Иначе говоря, Александр стал не просто путешественником, но апокалиптическим царем-странником. П. Александер, знаток и исследователь византийской апокалиптики, справедливо указывал на роль пророчеств Даниила и Иезекииля в представлениях о конце света [4]. Конечно, не стоит забывать, что весь жанр апокалиптики был еврейско-арамейского происхождения. Однако окончательное утверждение в византийской и восточнохристианской (прежде всего сирийской), а также отчасти и в западной традиции (вспомним мифологему о Гоге и Магоге)

темы Последнего Царя, как замечает Александер, отграничило Средневековье от поздней Античности через представление об особой форме царской харизмы.

Царь-странник и библейские пророчества

Эта граница пролегла по пророчеству о царе-тиране и триумфе христиан: только впоследствии конец века сирийцы отождествили с арабскими завоеваниями в «Откровении Псевдо-Мефодия». Но если в VII в. все сложилось для сирийцев и потом для византийцев в понятную и единую картину [5] и писание таких *vaticinia post eventu* было делом составителей зеркал, то в VI в. такое пророчество было еще видением. И тем не менее, как считает П. Александер, это видение в контексте сивиллиных пророчеств (Тибуртинской сивиллы прежде всего) и библейских пророчеств Даниила и Иезекииля было базой историософского видения позднеантичных сирийцев и ромеев.

Сирийская версия романа Псевдо-Каллисфена (*taš' ītā d-aleksandrōs*) была лишь частью богатой сирийской литературы об Александре, к которой относят «Жизнь Александра», «Изречения» и «Деяния» (*neṣḥānā*) [6]. Более показательна для раннего времени «Мемра» (Песнь), приписанная антихалкидонитскому деятелю и поэту Якову Саругскому, полное название которой — «Стих об Александре Филипповиче преславном и о вратах, поставленных против Гога и Магога» [7]. Издатель текста Г. Райник подхватил старую идею Пфистера о том, что *Wanderungsmotiv*, т.е. путешествие Александра в Страну Тьмы и строительство Стены, — первичны, а «Песнь» предшествует сирийской «Александрии».

Когда Александр собирает своих советников (*mhaumānē*), он обращает к ним такие слова: «Меня охватило огромное желание повидать другие страны [8], посмотреть, каковы они, вплоть до удаленных уголков и прежде всего “область тьмы” (*beṭ ḥšōḥē*)» [9]. И начинается долгое странствие в Страну Востока.

На протяжении «Мемры» Александр все время советуется со старцами (*qaššīsē*), от которых он узнает о земле «агогитов и магогитов» (*bēṭ 'Agōg w- bēṭ Magōg*), решает построить против них стену и получает Божию помощь в этом деле. Дело в том, что в христианизированной «Александрии» герой-царь посещает Иерусалим, где пророк Иеремия открывает ему тайный смысл истории и его в ней предназначение. Так Александр становится «верующим царем», он «приходит в разум» и его харизма получает божественную, а не только правопреимственную санкцию [10].

Очевидно, что новый мир со своей программой, который начал складываться в VI в., означал новые невиданные опасности и требовал новых пониманий, в частности понимания карты мира и карты истории.

Стоунман отмечает, что главным мотивом эсхатологического путешествия Александра было его желание узнать час своей смерти [11]. Это и есть знаменитый πόθος Александра, его стремление унести свое царство на Восток, спасти его и спастись самому, выпив живой воды. Исследователь объясняет это заботой о судьбе великой Империи [12]. Ворота, выстроенные царем, как открывает ему ангел в видении, пребудут закрытыми до конца времен [13]. При конце же (в конце VII тысячи лет) начнется апокалиптический ужас, а затем врата раскроются и выйдут агогиты и магогиты. Предчувствие конца мира в «Александрии» выражено максимально ясно в виде последовательно наступающей вражды, ненависти и прихода неизвестных народов-разорителей. После победы над персидским царем Табарлаком (Тубарликом) Александр строит ворота, чтобы раз и навсегда закрепить царство в его пределах и обезопасить его от нападения с востока.

Далее этот фундаментальный для сирийской идентичности миф перекочевал в первую часть «Откровения Псевдо-Мефодия» (так называемая последовательность царств) [14] — своего рода ретроспективный «конструктор истории». Здесь уже перед нами схема передачи харизмы. Отцом Великого Александра называется македонский царь Филипп, а матерью его — Кушет (Qušet), воплощение Эфиопии, той, из которой происходит царица Савская (она же Кандака). История связалась — от древнего Соломона к Александру. Кушет после смерти сына возвращается в Куш, а потом, после женитьбы Кушет и Визаса (т.е. эпонима Византия), — в Грецию. Принцесса Византия выходит замуж за Ромула (? romulōs) и получает Рим. Воспроизведя этот миф, автор переходит к главному — пророчеству Иезекииля о Гоге (в сирийском обычно — Агоге) и Магоге. Эта история при правильном истолковании дает ключ ко всей эсхатологической конструкции.

И именно это и произошло в VII в. для наблюдателя со стороны Римской империи: народы с востока пришли и разрушили весь обитаемый мир: гунны (эфталиты) разрушили Персидское царство, а агаряне (сарацины) разрушили ромейский Восток. Это произошло, ибо нарушены были заветы Александра, цари римские, начиная с Юстина I, ополчились на противников Халкидона. Последовали меры по изгнанию монахов и закрытию церквей, а затем началось переселение авар, которые пришли на место гуннов в качестве основной угрозы для Империи. Переселение гуннов в IV в., савиров и оногуров в V в., землетрясения и волны чумы, аварская эпопея и «арабское пробуждение» в VI в. довершили картину апокалипсиса. Все это сирийский Восток перенес в полной мере.

Антицарь и харизма

Царь Александр, повинувшись апокалиптическому зову, идет на Восток, чтобы защитить Вечное царство. Этот образ царя-странника в поисках «живой воды» в литературной традиции сирийцев получил и своего темного двойника. История о Юлиане-отступнике, царе-злодее IV в., стала парадигматической: образ злодея стал образом нового Александра, но не «обратившегося», а продавшего душу дьяволу. Об этом сирийским читателям поведал текст, сохранившийся в рукописи VI в. и названный «сирийским романом о Юлиане» [15]. Влияние его на историографию в целом было небольшим, учитывая его жанр: апокалиптическая агиография [16]. В 1906 г. Р. Готтхейль опубликовал в Лейдене в серии «Semitic Study series» выборку из «Романа», в предисловии к которой впервые указал на ряд арабо-мусульманских историков, которые зависят от «Романа» [17]. Но текст был изолированным, никто из средневековых греческих писателей его не цитировал, и казалось, тексту суждено стать очередной забытой сенсацией востоковедов.

Однако в 1939 г. академик К.С. Кекелидзе идентифицировал «Роман» как один из источников «Жизни Вахтанга Горгасала», которая входит в «Картлис цховреба», главную царскую хронику Грузии [18]. Только в 1953 г. экспедиция «American Foundation of Man» занялась пересъемкой арабских рукописей монастыря св. Екатерины на горе Синай. Среди рукописей Синая находилась Sinai arab. 516, которая на первом же листе содержала имя **لليانوس**. В 1956 г. У. Бен Хорин предпринял ее исследование и пришел к выводу, что перед ним арабский перевод сирийского «Романа» [19], который Саид ибн Стефан бен Маркиан переписал в 928 г. Фрагмент той же синайской рукописи с колофоном Бен Хорин отыскал в коллекции Альфонса Минганы в Сэлли-Оук под шифром Mingana Ar. Christ. 239. Автор статьи указал на «Тāрих» Табари как на возможное звено дальнейшей передачи, однако ему не удалось развить свою идею: когда статья вышла из печати (1961 г.), ее автора уже не было в живых. Так оказалось, что этот текст оказал влияние через иранцев (Табари) на мусульманские представления о царях прошлого.

Нёльдеке считал, что «Роман» был написан в Сирии в начале VI в. Идея семитолога также состояла в постулате о характере текста как о художественной фантазии [20]. Его взгляды были подвергнуты критике Ханом Драйверсом, который предположил, что «Роман» принадлежит антииудейской полемической литературе [21]. Наконец, М. ван Эсбрук описал характер текста как агиографический [22]. Г. Райник назвал этот текст «эсхатологическим». «Роман о Юлиане» состоит из трех частей. Первая история отступничества Юлиана и первые шаги императора (его имя звучит по-сирийски как Lūlianōs) в Константинополе. Рассказ об

отважном епископе Евсевии Римском составляет вторую часть [23]. Третья описывает поход Юлиана против Персии и его смерть.

«Роман» воскрешает события IV в., чтобы сделать актуальной тему утраты царем харизмы вследствие помрачения ума и гонения. Г. Райнинк, первым вскрывший эсхатологический смысл «Романа» [24], указал на использование тем из тезауруса «последних времен» (τὰ ἔσχατα), который Г. Подскальски назвал «имперской эсхатологией». Герой «Романа» генерал Иовиниан (Yūbīnyanōs) совершает аскетический подвиг, отказываясь от своей христианской идентичности. Он служит императору-отступнику, спасая христиан, и становится свидетелем противостояния императора и понтифика «города Рима» (обобщенный образ западного христианского мира) Евсевием [25], за которым отчетливо проглядывает фигура лидера сирийских антихалкидонитов Севира Антиохийского. Этот выдающийся церковный деятель VI в. долго противостоял попыткам императора Юстина сместить его с престола Антиохии. Это удалось в конце концов, но в момент, когда к власти пришел Юстиниан, у сирийцев-антихалкидонитов возникла надежда на то, что смягчение политики руками этого «правоверного генерала при еретике-царе» приведет к восстановлению единства двух частей восточнохристианского мира Империи. «Роман» отражает ровно этот момент и становится памятником этим надеждам. Харизма царя (Юлиана-Лулиана-Юстина) из-за его ереси зависает и передается его генералу — тайному христианину Иовиниану-Юстиниану.

В «Романе» Иовиниан сперва остается в тени. Главный герой второй части — Евсевий, архиепископ Римский [26] (переосмысленный Севир), который не дает Юлиану осквернить великий город (в понимании автора VI в. символ христианства) алтарями богов, и царю не удается сжечь его. Ярость Отступника изливается на христиан, многих из которых он предаст смерти, но изменить ход событий ему уже не под силу. В наказание за нечестие царя Евсевий призывает толпы монахов (намек на иноков-антихалкидонитов, изгнанных из своих монастырей Юстином), которые громят весь «Рим», не щадя сторонников «неправой веры» [27].

Трудно не увидеть в этой мрачной истории своего рода антиутопию: подобно Евсевию, противостоящему Юлиану, Севир и другие антихалкидониты противостояли Юстину, мечтая о благочестивом его преемнике [28]. Отчаявшись убить христиан в Риме (т.е. на западе Империи), Отступник организует поход на Персию, чтобы по пути, в Константинополе и Антиохии, нанести христианам как можно больше вреда. Вспомним, что при Юстине персидская война возобновилась с новой силой.

И здесь уже главный герой Иовиниан (имя Иовиана в «Романе») идет с ним и со всем войском в глубины Персии. Злодей Юлиан в «Романе» — это анти-Александр, который идет к границам мира уже не за живой водой

(как тот), а за смертью и разрушением для христиан. Его тайная цель — открыть заветные врата, убив христиан, и начать Армагеддон. Такое решение образа Юлиана в «Романе» напрашивается. Но, перейдя фронтир Империи, Иовиниан встречает партнера с персидской стороны в лице тайного советника Аримихра (*ἰοβιανός*), главного мобеда Сасанидского царства. Вместе они противостоят царю-гонителю, который хочет, как выясняется, не завоевать Персию (как настоящий Александр), а убить побольше христиан. Однако его самого карает Божий гнев в виде стрелы, посланной мучеником мар Куриосом (*κουριός*), посланником Бога (превратившимся затем в св. Меркурия [29]).

Чтобы оттенить фигуру антицаря, в «Романе» выведен персидский шаханшах Шапур, который восхваляется как достойный, хотя и враждебный, властитель. Он не теряет своей харизмы, которая обусловлена Божьей волей в отношении как ромеев, так и персов [30]. Последний акт этой псевдоисторической драмы, для которого использованы аутентичные документы IV в., разыгрывается после смерти злодея Юлиана. Его преемника венчает на царство сам Христос, а венец императора на Крест возлагает шаханшах Шапур! Харизма царя, сделав круг, возвращается на главу достойного. Цари заключают мир, видимо отражающий «Вечный мир», заключенный Юстинианом и Кавадом в 532 г.

Так западносирийский автор из Эдессы, писавший, вероятно, в изгнании (единственная рукопись написана, возможно, в Египте во время ссылки туда мар Севира) сагу о царе-отступнике, гонении и аскетическом противостоянии злу, выражал свое убеждение в том, что Бог ведет христиан верным путем к концу времен, ставя им правильных царей и поражая неправильных.

Эта идея возвращает нас к «царскому списку последних времен». Он воспроизведен, в частности, в сирийском «Откровении Псевдо-Мефодия» [31]. Этот текст был создан в VII в., однако он отражает эсхатологические ожидания и картину мира предыдущего столетия. Как доказал П. Александер, текст восходит к «Эдесскому апокалипсису». Не только лишь «Александрия» изображала мир, стремящийся к своему концу, как назидательную историю. Неизвестный сирийский автор VI в. составил «Роман о Юлиане», чтобы показать, как эсхатологический император Рима [32] преодолевает сатанинские козни и гонения царя-тирана своим странничеством физическим и духовным. Бог в истории побеждает, а сатана проигрывает, но этот поединок длится до завершения времен. Вероятно, западносирийский автор сочинил эту эпическую сагу практически как зеркало для преемника Юстина, который должен был восстановить правую веру в преддверии конца света.

Сирийская мифологема и царская харизма в Грузии

Нам остается упомянуть в связи с этим текстом связь сирийцев и картлийцев, которую обнаружил К.С. Кекелидзе в статье 1935 г. [33] Памятник «Жизнь Вахтанга Горгасала», вошедший в «Картлис цховреба» в редакции Джуаншера в IX в., — интересный текст с точки зрения нахождения в нем сирийских влияний. О герое, великом грузинском царе V в., говорится, что его бабка по отцу была ромейкой из рода Иовиана (nat'esavi ivbimianos mer'isa) [34], а затем персы укоряют Вахтанга в том, что в нем «возобладала природа матери отца». Такое возведение рода Вахтанга (житие которого под слоем персидских заимствований скрывает глубокий аутентичный слой) к Иовиану и его истории неслучайно. После упоминания «битвы (с'qoba) при Андзиандзоре» [35] Вахтанг, обращаясь к своим спутникам во время похода на Малую Азию (Армению), произносит пламенную речь:

Неужто неведомо вам о чудесах (sasç'aulni), свершенных царем Константином водительство креста, либо о тех чудесах, которые имели место в Ромейской стране с царем-язычником-Юлианом (ivlianes-ze mekerp'isa mer'isa)? — как поразило его копье небесное [36] и собрались воины ромейские и поставили царем Иовиана (ivbimianos), а он не принял этого [т.е. царского достоинства. — А. М.], покуда [они] не сокрушили идолов и не воздвигли кресты, и лишь после этого возложили на него царский венец. Тогда ангел небесный вознес венец и возложил его на главу Иовиана — истинного государя (ivbimianossa č'ešmaritša mer'essa). И звучал глас небесный, который вещал царю персидскому Хосро-Тангу (Xuasroṭanga): «Прекратите войну против Иовиана, ибо мощью креста он неодолим» [37]. И с тех пор стали друзьями царь и Хосро до скончания дней их [38].

Имя Иовиана, как уже заметили Кекелидзе и М. ван Эсбрук, приведено в такой форме (Ivbimiane), которая транслитерирует сирийское , именно так, как она дается в «Романе» (транслитерировано с неслоговым чтением «вав» как «вин»). Далее императоры Константин и Иовиан перечисляются в одном ряду с Давидом и Соломоном. И эпизод с возложением венца на главу точно воспроизводит эпизод, в котором выражена ромейская эсхатология. Царство ромейское есть последнее царство мира, и генеалогию царств, подобную Баальбекскому оракулу и «Александрии», Вахтанг излагает ранее. Она связана с откровением архангела Михаила Нимвроду (Неброту в груз.). Архангел произносит, в частности, такую фразу: «И оставил говорящих по-индски — в Индии, синдов — в Синде, римлян — в Риме, греков — в Греции, аго[гито]в и магог[ит]ов — в Магугии, персов — в Персии; но главным языком остался сирийский (pirveli ena asureli iqo)» [39]. Эта эсхатологическая мифологическая реконструкция отражает сирийские источники Джуаншера, в частности «Роман о Юлиане». Ученики Григория Назианзина,

обсуждающие с грузинским царем западносирийский эсхатологический текст, — такова была реальность христианского Востока в VI в., когда создавалась основа «Жизни Вахтанга». Именно поэтому автор вместо Шапура упомянул Хосрова — реконструкция IV в., сделанная в VI в., была уже неактуальна для Джуаншера. Видимо, не имея под руками сирийского текста, он по памяти поставил шаханшаха ровно того времени, когда, как ему казалось, и происходили события (Хосров Ануширван правил с 531 по 579 г.). В лице Иовиана, «истинного царя», безвременно ушедшего, отражен не кто иной, как Юстиниан времен первого периода и надежд на новый энотизм. Скверный и нечестивый «язычник Юлиан» — это, конечно, Юстин, гонитель антихалкидонитов.

Наконец, образ нечестивого антицаря появляется в несколько неожиданном тексте — знаменитом житийном романе «Билаухар и Будисат» (имена при переводе на греческий переводчик Ефимий Святогорец (Еквтимэ Мтацмидели) превратил в более понятные и похожие на библейские «Варлаам и Иоасаф») [40]. Его анонимный автор, писавший, вероятно, в VI–VII вв. по-сирийски [41], изобразил царя, теряющего харизму и развязывающего гонение на аскетов-странников. Разумеется, автор самого древнего гипотетически предполагаемого среднеперсидского [42] варианта вполне универсально представлял себе конфликт царя-тирана и верующих беглецов. Тот факт, что для своей конструкции неизвестный автор первой редакции романа воспользовался жизнеописанием Сиддхарты Гаутамы «Лалитавистарой», совершенно не меняет картины.

В «Балавариани» устами христиан повторяется мысль о том, что образ земного мира непостоянен и необходимо стремиться к Царствию Небесному путем отказа от земных благ. Такие настроения, по мнению царя страны Шолайт [43] Абенесера [44], нарушают существующие в его стране порядки и представляют угрозу для правителя.

Гонения в «Повести» продиктованы как религиозными, так и общественными причинами: неприятие отшельничества царем оборачивается расколом в землях Шолайта и, как следствие, уходом христиан в странствие, выходом их из общества. Граждане массово уходят в странничество, так что даже царский вельможа (в тексте — «герой, мученик», *սեռչսեռ*), не названный по имени, становится отшельником: ...в стране его умножились верующие в Христа и подвижники — люди святые, из которых иные совершенно отрешились от мирских забот. И весьма дивились они тому, что царь столь зависим от собственных страстей и сделался рабом славословия. И начали они ненавидеть жизнь и все деяния царя. Говорили о затаенных страданиях и соблазнах мира, о конце мирской злобы и о том, что образ мира сего непостоянен... И дошли их слова до царя Абенес(ер)а, который весьма ожесточился по этому

поводу и сказал про себя, что такое их сопротивление может послужить причиной разрушения его царства и растления порядка. Посему он вознегодовал на христиан и навлек беду на людей благочестивых и на всех, кто прислушивался к их словам. И тогда начал он замышлять при помощи дьявола зло против них. И наложил на них тяжелую руку, и стал истязать и мучить их, столкнув с ними людей безумных [45].

Помрачение ума, постигающее Абенесера (Авенира в греческой версии), находит особое выражение в гонении на отшельников. Но уход праведных из столицы Шавилабатта / Шолайта в горы — лишь предварение истории «восхождения» святого царевича Будисафа / Иодасафа под руководством цейлонского старца Билаухара / Балахвара. Иначе говоря, в этой нарративной конструкции отшельники уходят в пустыню не просто чтобы убежать от гонения (гонение описывается скорее как часть психологического портрета Абенесера), а именно затем, чтобы спасти и принести назад драгоценный камень веры (ḡawhar), который потом Билаухар отдает Будисафу. Получив его, Будисаф, который не приемлет нечестия, уходит в странствие, становясь настоящим эсхатологическим царем.

Перед нами еще заключительная форма инкарнации мифологемы о праведном царе-страннике, который уходит в пустыню, оставляя престол вакантным для Бога. Индоиранская «Повесть» о царе-отшельнике, попав в сирийскую среду, была переосмыслена через идею бегства как способа духовной легитимации эсхатологического правителя. В пустыню, в странствие бегут отшельники, бегут вельможи-христиане, бежит, наконец, к Билаухару и сам царевич Будисаф. Мы видим эту мифологему и в других источниках. Царь-странник в ней — это выражение Божьего промысла о царстве, которое, с одной стороны, земное, а с другой — конечная проекция бесконечного. Именно внимание к странникам и отшельникам становится в сирийской литературе VI в. признаком почивания харизмы на царе. Гонение на отшельников оборачивается отъятием благословения Божия от царя-гонителя.

Харизма царя на Востоке с арабским завоеванием не ушла в прошлое: вера в сокрытого Имама шиизма, в Махди, наконец, истории о странствиях царей, пророков и халифов, которые собирал Ибн ал-Калби и записывал Табари, отдаленно, но отчетливо соотносятся с этой восточнохристианской мифологемой.

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

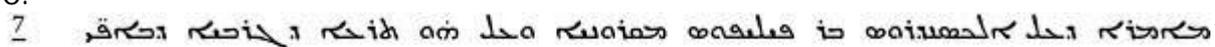
[2] См.: Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980.

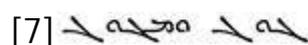
[3] Pfister F. Alexander der Große in den Offenbarungen der Griechen, Juden, Mohammedaner und Christen // Kleine Schriften zum Alexanderroman (Beiträge zur klassischen Philologie, 61). Meisenheim am Glan, 1976. P. 301–347; Reinink G. Alexander the Great in Seventh-Century Syriac “Apocalyptic” Texts // Byzantinorossica 2. Saint-Petersburg, 2003. P. 150–178. Из новейших работ по всему комплексу мифологии: *Les voyages d’Alexandre au paradis: Orient et Occident, regards croisés* / C. Gaullier-Bougassas, M. Bridges (eds). Tournhout, 2013; Monferrer-Sala, Zuwiyya D. *A Companion to Alexander Literature*. Leiden; Boston, 2011.

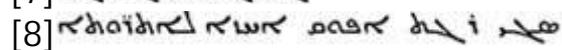
[4] Alexander P.J. *The byzantine apocalyptic tradition*. Berkeley; Los Angeles, 1985. P. 30–55.

[5] А косвенно — и для мусульман, ибо мессианская риторика и риторика «новой эпохи» и «новой земли» не чужды Корану. См.: Reinink G.J. *Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius*. Louvain, 1993.

[6] *The History of Alexander the Great, Being the Syriac Version of the Pseudo-Callisthenes* / E.A.W. Budge (ed.). Cambridge, 1969; Nawotka K. *Syriac and Persian Versions of the Alexander Romance* // *Brill’s Companion to the Reception of Alexander the Great*. Leiden, 2018. P. 525–542; Ciancaglini C.A. *The Syriac Version of the Alexander Romance* // *Le Muséon*. 2005. T. 114 (1). P. 121–140.

7

[7]

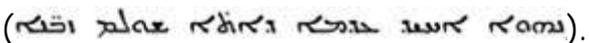
[8]

[9] *Alexanderlied*. I, 37. P. 26 (*Das Alexanderlied. Die drei Rezensionen*. 2 vols / ed. par G. Reinink. Louvain, 1983).

[10]

[11] Morgan R., Stoneman R. *Greek Fiction*. L., 2013. P. 125.

[12] *Ibid.* P. 126–127.

[13] *Alexanderlied*. I, 426. P. 86 ().

[14] *Ibid.* P. V–XVII.

[15] См.: Julianos der Abtrünnige. *Syrische Erzählungen* / hrsg. von G.J.E. Hoffmann. Kiel, 1880; *The Julian Romance* / M. Sokoloff (ed., transl.). Piscataway, 2016; Muraviev A. *The Syriac Julian Romance and its place in literary history* // *Христианский Восток*. 1999. Т. 1. № 7. P. 194–207.

[16] См.: Braun R., Richer J. *L’Empereur Julien. De l’histoire à la légende (331–1715)*. Dijon, 1978.

[17] “It may even be conjectured that a translation was made into Arabic, seeing that it evidentially forms the basis for the legendary accounts of Julian in Muhammadan histories” (Gottheil R. *A Selection from the Syriac Julian Romance*. Leiden, 1906. P. IX–X).

[18]

¹⁸ Kart. Sxovr. C. 160–161 (ქართლის ცხოვრება (Жизнь Картли) / С. Кауц-чишвили (изд.). Т. 1. Тбилиси, 1955); Кекелидзе К.С. (კეკელიძე კ.) “ივლიანეს რომანი” კვალი ადრინდელ ქართულ მწერლობაში [«Роман о Юлиане» как источник грузинской письменности] // ეტიუდები ძველი ქართული ლიტერატურის ისტორიიდან. Т. II. Тбилиси, 1959. P. 70–80.

[19] Ben Horin U. An Unknown Old Arabic Translation of the Syriac Romance of Julian the Apostate // Scripta Hierosolymitana IX. Studies in Islamic History and Civilization / U. Heyd (ed.). Jerusalem, 1961. P. 1–10.

[20] Nöldeke T. Über den syrischen Roman von Kaiser Julian // ZDMG. 1879. 28. S. 263–292.

[21] Drijvers H.J.W. The Syriac romance of Julian. Its function, place of origin and original language // Orientalia christiana analecta. 1994. No. 247. P. 201–214.

[22] Esbroeck van M. Le soi-disant Roman de Julien Apostat // Symposium Syriacum. 1987. Vol. V. P. 191–202. [OCA 229].

[23] The Julian Romance. P. VII.

[24] Reinink G.J. The Romance of Julian Apostate as a Source for Seventh Century Syriac Apocalypses // Reinink G.J. Syriac Christianity under Late Sasanian and Early Islamic Rule. L., 2005. P. 75–86.

[25] Schwartz D.L. Religious Violence and Eschatology in the Syriac Julian Romance // Journal of Early Christian Studies. 2011. Vol. 19. No. 4. P. 565–587.

[26] Этот Евсевий попал в «Роман» из эдесского цикла о Обретении Креста.

[27] Drijvers J.W. Ammianus, Jovian, and the Syriac Julian Romance // Journal of Late Antiquity. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 280–297.

[28] Wood P. “We have no king but Christ”. Christian political thought in greater Syria on the eve of the Arab conquest (c. 400–585). Oxford, 2010. P. 132–162.

[29] Любимого героя коптов الشهيد أبو مرقورة. См.: Binon S. Essai sur le cycle de saint Mercure. P., 1937 [Bibliothèque de l'École des Hautes Études, Sciences Religieuses, 53]; Orlandi T. Passione e miracoli di S. Mercurio. Milano, 1976; Meinardus O.F. St. Mercurius-Abu's-saifain // Studia Orientalia Christiana. 1970. Vol. 15. P. 107–119.

[30] Муравьев А.В. Враг Рима — «благочестивый персидский царь» // Вестник древней истории. 2005. № 3 (254). С. 115–125.

[31] Reinink G.J. Die syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius. См.: Suermann H. Die Geschichtstheologische Reaktion auf die einfallenden Muslime in der edessenischen Apokalyptik des 7. Jahrhunderts. Vol. 256. Bonn, 1985; греческий текст: Апок. Ps-Method. gr.; Martinez F.J. The Apocalyptic Genre in Syriac: The World of Pseudo-Methodius. [s.l.], 1987.

[32] Alexander P.J. The medieval legend of the last Roman Emperor and Its messianic origin // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1978. Vol. 41. P. 1–15.

[33] Кекелидзе К.С. Указ. соч. С. 73.

[34] Kart. Sxovr. C. 140: ამაჲს არჩილ მოიყვანა ცოლი საბერძნეთით ნათესავი ივბიმიანოს მეფისა.

[35] წყობა პირველთა მეფეთა იყო ანბიანძორს, სადა უკუე

- [36] В романе — стрела.
- [37] ძალითა ჯუარისათა უძლეველ არს
- [38] Kart. Sxovr. C. 161–162.
- [39] Kart. Sxovr. C. 165.
- [40] Роман дошел в двух версиях: «Мудрость» и «Житие», объединяемых общим термином «Балавариани»: 2. ბალავარიანის ქართული რედაქციები [Грузинские редакции повести «Варлаам и Иоасаф»]. Памятники древнегрузинского языка. Т. 10 / И.В. Абуладзе (изд.). Тбилиси, 1957.
- [41] Согласно реконструкции К.С. Кекелидзе.
- [42] По крайней мере, иранского, сделанного в манихейской среде.
- [43] Капилавасту на санскрите, груз. შოლაითი, из араб. شوليط.
- [44] Авенир в греческом. Соответствует отцу Сиддхарты Suddhōdana (აბენეს < ჰაბენესერ < حنسر جنتر).
- [45] Балавариани / пер. с груз., предисл., ред. И. Абуладзе. Тбилиси, 1962. С. 62.

Анастасия Ануфриева

Вормс — Ахен, 961 год: коронация и ее образ

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_27-54

Прошло уже два десятилетия с того момента, как французский медиевист Филипп Бюк выпустил в свет монографию «Опасности ритуала» [1] и тем самым спровоцировал среди коллег бурную дискуссию.

Раннесредневековые политические ритуалы известны нам преимущественно по свидетельствам субъективных нарративных источников, и потому их изучение фактически невозможно, сетовал он [2]. Сложно не согласиться с пессимистичными выводами исследователя, если предполагать, что изучение раннесредневековых ритуалов подразумевает их достоверную реконструкцию. Однако в ходе обсуждения тезисов Ф. Бюка ряд историков предложили иное решение данной проблемы. Если субъективность средневековых сочинителей мешает изучать ритуалы, запечатленные в их произведениях, то почему бы не превратить в объект исследования само их отображение в текстах? [3]

В числе тех исследователей, кто принял участие в этой дискуссии, был и М.А. Бойцов. Полемизируя с тезисами Ф. Бюка, он писал: «Из того, что мы, скорее всего, никогда не узнаем, как именно в действительности выглядела коронация Оттона I в Ахене в 936 г., вовсе не следует, что сомнительное описание этой церемонии у Видукинда Корвейского лишено интереса для историка политического символизма. Просто полноценным объектом изучения нужно признать не столько саму коронацию, сколько

ее образ, получившийся по тем или иным причинам у Видукинда, а также воздействие этого образа на современников и потомков» [4].

Показательно, что в качестве примера «сомнительного описания» раннесредневековой церемонии М.А. Бойцов обратился именно к эпохе Оттона I (короля Восточно-Франкского королевства в 936–973 гг., римского императора в 962–973 гг.). Государь из рода Людольфингов (именуется также династией Оттонов, Саксонской династией) был окружен яркими и не похожими друг на друга историографами, которые, прославляя покровителя, запечатлели в своих сочинениях множество политических ритуалов. Описания эти и в самом деле можно назвать сколь выразительными, столь и «сомнительными».

Именно оттоновскую эпоху, и притягательную, и «опасную» для исследователя политических ритуалов, мне посчастливилось изучать под научным руководством Михаила Анатольевича [5]. И в качестве скромного оммажа хотелось бы преподнести ему статью, посвященную как раз этой задаче — исследованию образа одной коронации, вероятно тесно связанной и с вышеупомянутым «сомнительным» рассказом Видукинда Корвейского, и с не менее загадочными и субъективными свидетельствами ряда его современников.

Расцвет оттоновской историографии пришелся на период с конца 50-х до начала 70-х годов X в., состав этого круга авторов был чрезвычайно пестрым. В это время своими трудами пытался снискать благоволение государя беглец из Италии, блестяще образованный остролов Лиутпранд Кремонский [6]. В прославленных саксонских монастырях масштабные исторические сочинения создавали выходцы из высшей местной знати, вероятно лично связанные с членами правящего рода и сохранявшие живой интерес к делам мирским. Монах Видукинд Корвейский воодушевленно воспевал воинственный дух саксов [7], а в женском монастыре Гандерсгейм трудилась канонисса Хротсвита, которой благочестие не мешало ценить отнюдь не целомудренные творения Теренция и писать, наряду с историческими и агиографическими поэмами, подражания античным драмам [8]. Не отставали от них в прославлении рода Людольфингов и выходцы из западных областей державы: Руотгер, преданный биограф младшего брата Оттона архиепископа Бруно Кёльнского [9], а также Адальберт, успевший за свою долгую карьеру побывать писцом в королевской канцелярии, монахом и аббатом в лотарингских и франконских монастырях, миссионером в славянских землях и, наконец, первым архиепископом в главном церковном центре Саксонии — Магдебурге [10].

Все они не могли обойти стороной в своих сочинениях сцены коронации государя. Здесь и далее этим понятием будет обозначаться комплекс символических процедур, в который, помимо возложения венца

на голову нового государя и помазания [11], мог входить и ряд иных составляющих. В зависимости от эпохи и региона коронационные акты включали различные сочетания и последовательность этих элементов.

Подобное многообразие создавало дополнительный простор для субъективных авторских интерпретаций. Тем более что представления о надлежащем порядке коронационного обряда в эпоху Оттона I были далеко не неизменными [12] — государи новой династии находились в непрерывном поиске нового языка символической репрезентации власти.

В процессе изучения оттоновских описаний политических ритуалов часто выясняется, что внимание или невнимание авторов к тому или иному эпизоду не всегда было напрямую связано с реальной политической значимостью события [13]. В зависимости от своих задач создатели этих описаний могли преуменьшать или преувеличивать эту значимость, подчас делая второстепенные эпизоды центральными в своих произведениях и наоборот.

В связи с этим интересен вопрос, можно ли выделить в исторических сочинениях второй половины X в. какую-либо коронацию, образ которой оказался наиболее значимым для данного круга авторов?

Инаугурации Саксонской династии: от королей — к императорам

К началу правления Оттона I его династия совсем недавно утвердилась на троне: он был лишь вторым по счету королем из рода Людольфингов. Тем не менее в дальнейшем амбициозный государь стремительно преодолевал все новые и новые ступени на пути к вершинам власти. Начало каждого этапа сопровождалось актом инаугурации — своего рода обрядом перехода правителя в некое новое качество (а вместе с тем и изменения статуса династии в целом).

В 936 г. Оттон I взошел на трон Восточно-Франкского королевства после смерти своего отца Генриха I (919–936). В 951 г., совершив свой первый поход в Италию, он обрел власть и над Итальянским королевством, а в 962 г., в ходе второго итальянского похода, получил в Риме императорский венец. Кроме того, еще при жизни Оттона I дважды был коронован его сын Оттон II (самостоятельное правление — 973–983 гг.): сначала в 961 г. в качестве соправителя-короля, а затем — в 967 г. как соправитель-император [14].

В поле зрения историографов эпохи Оттона I попала также инаугурация Генриха I, хоть и отдаленная во времени на несколько десятилетий, но по-прежнему чрезвычайно значимая как момент обретения королевской власти династией Людольфингов. Во многих случаях эти авторы описывали разные инаугурации с разной степенью подробности, а некоторые из них могли и вовсе обойти вниманием. Так,

ником не была упомянута коронация 951 г. в Италии, и лишь Адальберт Магдебургский не забыл в своем сочинении ни об одной из пяти остальных.

События, связанные с началом правления династии, отображены в разных сочинениях с большим количеством вариаций. Видукиндр сравнительно подробно описывает инаугурацию во Фрицларе в 919 г., в ходе которой брат предыдущего государя Франконской династии Конрада I (911–918), Эберхард, десигнировал его «перед всем народом франков и саксов» [15]. Отдельно отмечено, что Генрих смиренно отказался от предложенного ему помазания, заявляя, что главным для него является избрание знатью [16]. Лиутпранд также упоминает схожий сюжет — первоначальный смиренный отказ Генриха от «вершины королевского достоинства», но сообщает, что в конце концов тот согласился принять власть во всей полноте. При этом акт избрания автор обходит стороной [17]. Наконец, у Адальберта инаугурация и вовсе отнесена к более поздней дате — 920 г., и речь идет исключительно об избрании — зато уже не только франками и саксами, но и представителями всех прочих племенных герцогств королевства [18].

На этом примере хорошо видно, что каждый из авторов «конструирует» ход инаугурации Генриха в соответствии со своими идеологическими установками: для Видукиндр важна прежде всего преемственность саксов по отношению к франкам, для Лиутпранда — легитимность королевской власти, для Адальберта — объединение всех племенных герцогств. В силу отдаленности событий во времени конкретных деталей сцены, по-видимому, до авторов 950–970-х годов почти не дошло. В общей исторической памяти задержалась только одна важная деталь — отсутствие помазания при инаугурации первого короля династии.

По-видимому, на тот момент не существовало даже консенсуса, какой именно символический акт следует считать точкой отсчета истории династии. Видукиндр выдвигает на первый план акт, совершенный в 919 г. во Фрицларе, — с согласия знати Франконии и Саксонии, для Адальберта важнее события годом позже, уже после «собираения» земель королевства. Лиутпранд и вовсе вместо избрания короля знатью в своем сочинении превратил в главный квазиинаугурационный акт сцену у смертного одра Конрада I, в которой тот будто бы завещал Генриху королевские инсигнии (еще в 918 г.) [19].

Королевская коронация 936 г. привлекла внимание далеко не всех авторов. Лиутпранд лишь сообщил о том, что отец утвердил Оттона I в качестве законного следующего короля [20]. Адальберт в свою очередь кратко упомянул о его избрании преемником после смерти отца «с согласия первых лиц королевства» [21]. Ни тот ни другой даже не привел

свидетельства именно о коронации как возложении венца и помазании. Хротсвита также лаконично упомянула о совершении помазания новоиспеченного государя, «угодного желанию народа», а Руотгер — о помазании и «согласии князей» [22].

С этой краткостью резко контрастирует велеречивость Видукинда: данной сцене он посвятил развернутое, детальное и красочное описание, о котором было сказано в цитате М.А. Бойцова, открывавшей нашу статью [23]. Несмотря на внушительный объем текста, это свидетельство заслуживает быть процитированным целиком.

После смерти отца отечества Генриха, величайшего и наилучшего из королей, весь народ франков и саксов избрал себе предводителем его сына Оттона, прежде уже десигнированного отцом в качестве короля. Было указано, чтобы местом всеобщего избрания стал дворец в Ахене. Находится же это место близ Юла [24], названного по имени основателя Юлия Цезаря. И когда Оттон прибыл туда, герцоги, а также главные из префектов со множеством других военачальников, собравшись в ксистуме [25], примыкающем к базилике Карла Великого, возвели нового вождя на установленный там трон, подавая ему руки, обещая верность и, клятвенно заверяя в своей поддержке против всех врагов, согласно своему обычаю, сделали его королем. Пока герцоги и прочие высшие сановники совершали это, понтифик [26] вместе со всем духовенством и всем простым народом ожидали внутри базилики процессию нового короля. Когда он вошел, великий понтифик, проследовав навстречу, левой рукой коснулся десницы короля, держа в правой руке посох, одетый в линею, облаченный в столу и планету [27], и остановился, выйдя на середину храма. Обернувшись к народу, стоявшему вокруг, — ведь в этой базилике внизу и вверху были сделаны круговые галереи, — так, чтобы весь народ мог видеть, он сказал: «Вот, вывожу к вам Оттона, прежде избранного Богом и десигнированного государем Генрихом, ныне же всей высшей знатью сделанного королем; если это избрание угодно вам, дайте знак, подняв к небу правые руки». На это весь народ, подняв правые руки вверх, громкими возгласами пожелал благоденствия новому предводителю. Вслед за этим понтифик с королем, одетым по обычаю франков в узкую тунику, проследовал за алтарь, на который были положены королевские инсигнии — меч с перевязью, плащ и армиллы [28], посох и скипетр, а также венец. Был же в то время верховный понтифик по имени Хильдеберт, родом из франков, монах, вскормленный и обученный в Фульдском монастыре, он заслуженно удостоился чести стать аббатом этой обители, а затем получил и сан верховного понтифика Майнцского престола. Он был муж, весьма прославленный необыкновенным благочестием и, помимо врожденной мудрости, еще и усердными учеными трудами. Говорили, что он, среди прочих даров [Божьей] милости, получил и пророческий дух. И когда выясняли, какой из понтификов будет посвящать короля — Трирский или Кёльнский, один — поскольку его престол древнее и будто бы основан блаженным апостолом Петром, или другой — потому что место относилось

к его диоцезу, то, хотя каждый и полагал, что чести посвящать [короля] должен быть удостоен именно он, — оба они все же уступили всеми признанной милости Хильдеберта. Он же, подойдя к алтарю и взяв с него меч с перевязью, обратившись к королю, сказал: «Прими этот меч, чтобы ты изгонял им всех врагов Христа, варваров и дурных христиан, ведь по божьей воле тебе передана полная власть над всей империей франков, для нерушимейшего мира всех христиан». Затем, взяв армиллы и плащ, облачил его и сказал: «Эти рога, направленные к земле [29], пусть напоминают тебе, чтобы ты пылал жаром веры и что ты до конца должен пребывать в заботе о мире». Наконец, взяв посох и скипетр, сказал: «Эти знаки пусть напоминают тебе, чтобы ты с отцовской строгостью наказывал подданных и прежде всего с милосердием оказывал помощь служителям Бога, вдовам и сиротам; и пусть никогда не утратит силу елей сострадания на твоей голове, чтобы в настоящем и будущем ты увенчался вечной наградой». И тотчас же после того, как был помазан святым елеем и коронован золотым венцом самими понтификами Хильдебертом и Викфридом и все посвящение было должным образом завершено, этими же понтификами он был подведен к трону, подниматься на который надо было по винтовой лестнице, установленной между двумя мраморными колоннами дивной красоты, откуда он мог видеть всех и быть виден всем [30].

Видукинд показывает эту инаугурацию как сложный комплекс различных символических актов, детально передает перемещение участников в пространстве капеллы, перечисляет облачения, инсигнии, словесные формулы, произнесенные в ходе церемонии. Безусловно, в поиске образа коронации, ярче всего запечатленного в оттоновской историографии, данное описание никак нельзя обойти стороной. Однако именно такая степень подробности в повествовании о давних событиях 936 г., почти незнакомых другим авторам того же времени, заставляет относиться к свидетельству Видукинда с особенной осторожностью.

Не может не обратить на себя внимание поразительная скудость свидетельств и о важнейшем символическом акте всего периода правления Оттона I — императорской коронации 962 г. [31] Лиутпранд и Адальберт уделяют ей всего по несколько строк, а Видукинд и вовсе не упоминает [32]. Возможно, подробное описание этого акта присутствовало в исторической поэме Хротсвиты, однако по иронии судьбы от нее до наших дней дошел лишь совсем небольшой фрагмент [33].

Своеобразным продолжением и логическим завершением сюжета об обретении Оттонами императорской власти служит инаугурация в 967 г. сына государя, Оттона II (самостоятельное правление — 973–983 гг.), как императора-соправителя. У Адальберта этот эпизод стал ключевым, завершающим все его сочинение и демонстрирующим достижение Людольфингами высшего могущества (он уже не был омрачен, подобно инаугурации 962 г., последующим конфликтом с папой и знаменовал в

восприятию автора окончательное признание власти Оттонов римлянами [34]). У Хротсвиты императорская коронация сына также рассматривается в качестве логического продолжения пути отца [35].

В описаниях обеих императорских коронаций оттоновские историографы делают особый акцент на символических элементах, связанных с приемом государей в Риме (инаугурация тесно переплетается с актами *adventus domini*, прибытия государя) и обязательствами, которые принимает на себя перед новоиспеченным императором местная светская и духовная знать, включая самого папу.

Итак, свидетельства о двух самых ранних инаугурациях Оттонов в основном настолько кратки и разноречивы, что трудно предположить, будто они были основаны на воспоминаниях о реальных символических актах давностью в несколько десятилетий. И лишь подробнейшее свидетельство Видукинда о коронации 936 г. явно выбивается из этого ряда. За описаниями императорских коронаций, напротив, уже угадывается некий набор общих деталей, но сохранившиеся свидетельства также крайне лаконичны, а некоторые авторы и вовсе не сочли необходимым касаться в своих сочинениях этих событий.

Второстепенная инаугурация глазами оттоновских историографов

В предыдущем разделе намеренно была оставлена за скобками еще одна коронация — инаугурация Оттона II в 961 г., которая на первый взгляд представляется с политической точки зрения менее существенной, чем все рассмотренные выше. Две предшествовавшие ей знаменовали утверждение династии на германском троне, две последующие — обретение и закрепление за Оттонами императорского титула, сама же она являлась как бы промежуточной, совершенной для подстраховки в ситуации, когда Оттон I отправлялся в рискованный поход и оставлял в немецких землях наследника, которому не было еще и шести лет.

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в коллективной памяти оттоновских историографов эта коронация занимала не менее, а то и более значимое место. Данная сцена описана и Лиутпрандом, и Адальбертом, и Руотгером [36]. В поэме Хротсвиты фрагмент, повествующий о соответствующем временном отрезке, утрачен, и потому мы не можем судить, уделила ли внимание этому эпизоду гандерсгеймская поэтесса. Видукинд напрямую это событие не упоминает, однако немецкий историк Х. Келлер выдвинул очень убедительную гипотезу о том, что саксонский историограф использовал именно инаугурацию 961 г. в качестве основы для описания коронации 936 г. [37]

Как полагает Х. Келлер, упомянутое Видукиндом совместное участие в коронации архиепископов Майнца, Кёльна и Трира — обстоятельство,

характерное именно для событий 961 г. Ход передачи инсигний государю по этому описанию во многом соответствует тексту Майнцского коронационного чина, который, по-видимому, близок по времени к инаугурации Оттона II [38]. Наконец, историограф не упоминает о присутствии на инаугурации жены государя, хотя в коронации 936 г. должна была бы участвовать первая супруга Оттона I Эдита († 946) [39].

С предположением Х. Келлера хорошо согласуется уже отмеченная нами особенность: свидетельства об инаугурации 936 г. у всех оттоновских историографов, кроме Видукинда, чрезвычайно кратки и почти не содержат каких-либо подробностей. Это вполне объяснимо большой временной дистанцией, которую Видукинд мог «преодолеть», спроецировав на полузабытые события образы из недавнего прошлого.

Однако даже если гипотеза немецкого историка справедлива, это не значит, что историограф буквально скопировал ход инаугурации 961 г. при описании событий 936 г. Для Видукинда чрезвычайно существенно было отразить в своем свидетельстве реалии, связанные непосредственно с моментом воцарения Оттона I. В частности, упомянутые им имена участников коронации, как и последующего пира во дворце [40], действительно принадлежали современникам событий 936 г. Весьма вероятно, что он по-своему скорректировал и некоторые детали самой церемонии так, чтобы ее описание послужило подтверждением важных для него идей. Идей, возводимых автором именно к началу правления Оттона I, — прежде всего особой роли высшей знати королевства в возведении государя на престол.

И все же очень существенно, что использованные Видукиндом образы, видимо, восходили по большей части к коронации, осуществленной в 961 г. Для того чтобы разобраться, почему же именно они привлекли к себе пристальное внимание и его самого, и иных авторов, рассмотрим сначала, какое место инаугурация 961 г. занимала в контексте каждого из сочинений.

Наиболее кратко говорит об этих событиях Лиутпранд в самом начале «Истории Оттона», произведения, повествующего преимущественно о противоборстве Оттона I после его императорской коронации с папой Иоанном XII (955–963), внезапно перешедшим на сторону противников немецкого правителя [41]. По словам историографа, Оттон I отправился в поход после настойчивых уговоров итальянцев: «Благочестивейший король, тронутый их слезными мольбами, помышляющий не о своем, а о том, что угодно Иисусу Христу, поставив королем своего сына, носящего то же имя, против обыкновения еще в детских летах, оставил его в Саксонии; сам же, собрав войска, поспешно двинулся в Италию» [42]. Здесь историограф упоминает, по существу, лишь один источник легитимации — десигнацию, указание наследника самим государем. Он ничего не

сообщил о ходе символического акта, зато особо подчеркнул его исключительность. По-видимому, само по себе решение назначить сына соправителем не являлось, с его точки зрения, непривычным, но вот сделать это в столь юном возрасте Оттона II — было «против обыкновения».

Для Лиутпранда в контексте данного сочинения этот эпизод оказывался не более чем кратким прологом к дальнейшим событиям, одной из мер, предпринятых при подготовке масштабной экспедиции. Помимо прочего, эта деталь помогла историографу подчеркнуть сочувствие государя к бедам итальянцев и его готовность в ответ на их «слезные мольбы» поступить «против обыкновения» (тем чудовищнее на фоне такой готовности Оттона идти на жертвы будет выглядеть последующее предательство со стороны папы).

У Адальберта помимо десигнации речь идет также об избрании, причем автор разделяет его на два акта: «Король, распорядившись идти в Италию, собрал великое множество своих приближенных в Вормсе, где по единодушному согласию знати королевства и всего народа избирается королем его сын Оттон. Отправившись дальше, с согласия и по избранию всех лотарингцев он поставляется королем в Ахене» [43].

Адальберт рассматривал в качестве первой из двух взаимосвязанных частей инаугурации акт избрания в Вормсе, во Франконии, при участии Оттона I. К нему же, вероятно, фактически отсылали и два предыдущих автора, говоря о десигнации наследника отцом, не называя при этом точного места действия. И лишь затем хронист сообщал о последующих событиях в Ахене, причем без указания на коронацию — упоминая только о «дополнительном» избрании короля еще и лотарингской знатью. Автор хроники как бы «следовал» за Оттоном I по маршруту его последнего объезда немецких земель перед отправлением в Италию и рассказывал об инаугурации Оттона II в ряду других важных мер по устройству государем дел в королевстве.

Руотгер, чаще всего не склонный уделять пристальное внимание политическим ритуалам, в случае с инаугурацией 961 г. был куда более многословен: «Сын императора был еще юным, чрезвычайно одаренным и исполненным радости, [он являлся] залогом мира и славы народа. Препоручив архиепископам, дяде и брату [44], император оставил его для надзора над Цизальпийским королевством, чтобы отправиться в Рим и распорядиться делами всей Италии. Сам будущий цезарь постановил, чтобы по всеобщему согласию всем народом был избран король, и Оттона, одноименного отцу, помазали королем архиепископ Бруно, Вильгельм и Генрих [45] и прочие служители Господа в Ахенском дворце, и народ выразил величайшее ликование, говоря: "Да живет король вечно!"» [46].

Вполне закономерно, что у Руотгера, как агнографа Бруно Кёльнского, этот эпизод вызывал самый живой интерес. Главный герой его сочинения стал одним из двух регентов при малолетнем соправителе и в числе трех архиепископов принял участие в помазании Оттона II. Характерно, что в обоих случаях при перечислении автор поставил на первое место именно Бруно.

Но, несмотря на первостепенный интерес к фигуре своего патрона, автор жития уделил внимание самым разным составляющим инаугурации — в том числе и тем, к которым кёльнский архиепископ не имел прямого отношения. Руотгер называет четыре главных элемента, легитимировавших власть короля-соправителя: 1) десигнация Оттона II его отцом; 2) избрание государя «по всеобщему согласию всем народом»; 3) его помазание при участии трех архиепископов; 4) выражение одобрения народом через провозглашение славословия-аккламации.

Что же касается свидетельства Видукинда о коронации 936 г., ритуал, детально описанный им, по структуре очень напоминал тот, о котором рассказывал Руотгер. Это дополнительно подкрепляет версию о том, что в основе данного сообщения саксонского историографа лежали именно сведения о событиях 961 г., «адаптированные» автором к реалиям 936 г.

Десигнация сразу же упоминается историографом в тесной связи с избранием: «После смерти отца отечества Генриха, величайшего и лучшего из королей, весь народ франков и саксов избрал себе предводителем его сына Оттона, прежде уже десигнированного отцом в качестве короля. Распорядители приказали, чтобы местом всеобщего избрания стал дворец в Ахене» [47].

Обращает на себя внимание, что церемония эта оказывается здесь разделенной на две части: сначала совершается избрание «народом франков и саксов», без указания точного места, а затем — повторное, «всеобщее» избрание уже в Ахене. Угадывается аналогия с событиями 961 г., состоявшими из двух актов — в Вормсе и Ахене. Само ахенское избрание у Видукинда представлено в виде сцены возведения государя на трон в ксистуме представителями знати [48].

Далее, уже в самой капелле, в пространстве перед алтарем архиепископ Майнцкий обратился к собравшимся в капелле представителям «простого народа», призвав их поднять вверх правые руки и провозгласить аккламации государю, что должно было, вслед за избранием короля знатью, показать поддержку его «всем народом». «Весь народ», разумеется, был представлен на церемонии в лице тех, кто сумел поместиться в пространстве капеллы, сравнительно небольшом, даже если и были заполнены все ярусы галерей знаменитого восьмигранного зала [49].

Пышная церемония завершилась церковным посвящением. В алтаре архиепископ Майнца вручил инсигнии Оттону, а затем — уже совместно с архиепископом Кёльна — короновал и помазал его. Наконец, оба архиепископа возвели нового государя на еще один трон, теперь уже установленный в самой церкви [50]. Именно на этом этапе Видукиндр впервые указывает имена архиепископов — он называет Хильдеберта Майнцкого и Викфрида Кельнского, действительно занимавших эти кафедры в 936 г. Здесь же автор посвящает отдельное обширное отступление спору за право короновать государя между архиепископами Майнца, Кёльна и Трира и говорит об убедительной победе в нем именно Хильдеберта [51].

Этот эпизод открывает вторую из трех книг «Деяний саксов». Он знаменует для автора начало принципиально нового этапа в истории его народа и всей державы Оттонов. Но, что особенно интересно, все прочие описания инаугураций в сочинении Видукиндр, случившихся и ранее, и позднее, можно рассматривать как своеобразные проекции данной сцены. Так, как было показано выше, инаугурация Генриха I во Фрицларе в 919 г., по свидетельству Видукиндр, включала десигнацию предшественником (в данном случае от имени брата покойного короля Конрада I действовал его брат, герцог Эберхард Франконский), одобрение кандидатуры представителями знати, диалог с архиепископом Майнцским (на этот раз — Херигером), в котором Генрих отказывался принять помазание, и, наконец, ликующие возгласы «всей толпы» [52].

Очевидно совпадение набора элементов символических актов и их последовательности со сценой 936 г. Причем, даже несмотря на то что помазания во фрицларской сцене так и не случилось, между выражением воли знати и аккламациями народа здесь вставлена беседа с архиепископом Майнца, который появляется в сцене фактически лишь для того, чтобы выслушать отказ Генриха (обоснованный первостепенным значением для него десигнации и одобрения знатью). По-видимому, именно такие элементы легитимации и похожая их последовательность представляются автору важными для «правильной» инаугурации.

Более того, он стремится еще больше удревнить данную традицию. Рассказывая об отказе герцога Оттона Светлейшего (836–912), отца Генриха I, от королевской власти в 911 г., сам этот отказ историограф обыгрывает как своего рода несостоявшуюся инаугурацию, упоминая схожий набор символических элементов. Как уверяет Видукиндр, именно герцог Оттон должен был стать преемником последнего правителя Восточно-Франкского королевства из рода Каролингов, Людовика IV Дитяти (900–911) [53], причем с одобрения «народа франков и саксов» — речь фактически шла о десигнации и изъявлении воли знати и народа. Однако саксонский государь будто бы «дал совет» передать власть

Конраду Франконскому, и уже именно он затем принял помазание [54]. Налицо все тот же набор символических элементов и почти та же их последовательность.

Впрочем, еще задолго до появления на исторической сцене государей из рода Людольфингов, по мнению Видукинда, легитимная инаугурация властителя должна была быть выстроена таким же образом. Отдаленным предшественником правителей Саксонской династии в его сочинении предстает еще король франков из рода Меровингов Теодорих I (511–533), внебрачный сын Хлодвига I (481–511): «[...] король франков Хуга [55] умер, не оставив наследником королевства никого иного, кроме единственной дочери по имени Амальберга, которая вышла замуж за Ирминфрида, короля тюрингов. Но народ франков, с которым его властитель обходился человечно и милостиво, чтобы воздать благодарность, помазал себе королем его сына по имени Теодорих, которого тот имел от любовницы» [56]. Иными словами, ключевыми элементами вновь оказываются наследование (хотя официальной десигнации и не происходит, этот аспект автору важно обозначить), воля народа/знати (избрание), сакральная процедура посвящения (помазание) [57].

Все к тем же основным составляющим инаугурации Видукинд отсылает, рассказывая о подтверждении прав Оттона II с началом его самостоятельного правления в 973 г. Этот акт совершается, по его свидетельству, на следующий день после кончины отца, 8 мая: «С наступлением утра, хотя прежде он уже был помазан королем и десигнирован как император блаженным апостоликом [58], сыну императора, единственной надежде всей церкви, с тем же рвением, что и вначале, подавали руки, обещая верность и подтверждая воинскими клятвами свою помощь против всех врагов» [59].

Из этого отрывка ясно, что Видукинд был осведомлен и о королевской, и об императорской инаугурации Оттона II как соправителя. Но предпочел он описать именно сцену окончательного вступления наследника в права, подтверждающую, что и после смерти Оттона I Саксонская династия сохранила прежнее могущество. Данная сцена завершает последнюю книгу его сочинения, при этом автор лишь отсылает к совершенным ранее актам инаугурации — десигнации и помазанию, которые мыслятся как единое целое с повторным выражением поддержки знати.

Таким образом, историограф создает в своем сочинении впечатление единой, непрерывной и почти неизменной традиции проведения инаугураций, тянущейся от древних франкских государей к Оттону II, самостоятельное правление которого только начиналось к моменту завершения труда Видукинда. Показательно, что раз за разом воспроизводимый им набор символических элементов, необходимых для

легитимации, из всех иных описаний инаугурации у оттоновских авторов ближе всего к свидетельству Руотгера об инаугурации Оттона II в 961 г.

Исходя из этого, можно предположить, что не только коронация 936 г., но и едва ли не каждая из инаугураций, описанных Видукингом, являлась «отражением» акта 961 г. как модели «правильной», полностью легитимной процедуры возведения государя на престол. В контексте сочинения Видукинда каждый из этих актов — важная ступень прежде всего в истории возвеличивания народа саксов, к которым могущество и слава перешли от франков.

Очевидно, что особое значение этот историограф придавал актам признания государя саксонской знатью. Генрих вовсе отказывается от помазания, заявляя, что довольствуется лишь избранием, Оттон II после смерти отца повторяет прежде всего присягу знати. Что же до коронации 936 г., согласно интерпретации Видукинда, Оттон I обретал новый статус именно в момент избрания: после этого в тексте он именуется уже не «новым предводителем» (лат. *novus dux* [60]), а «новым королем» [61]. Все дальнейшее, включая одобрение народом и церковный обряд инаугурации, служит, по существу, лишь подтверждением обретения этого нового статуса.

Как видим, в каждом из рассмотренных случаев свидетельства, прямо или косвенно связанные с инаугурацией 961 г., приводятся авторами исходя из совершенно разных мотивов и в разном контексте. Однако у каждого из них нашлись причины уделить внимание данной коронации, и в целом можно заключить, что ее образ оказал наибольшее влияние на авторов из окружения Оттона I.

Инаугурация как воплощение баланса интересов

Отчасти внимание оттоновских историографов к образам, связанным с инаугурацией 961 г., можно объяснить их лучшей осведомленностью о данном символическом акте. Воспоминания об этой коронации в 960-х — начале 970-х годов были гораздо более свежими, чем об инаугурациях 919 г. или 936 г.

В то же время, в отличие от коронаций 951, 962 и 967 гг., инаугурация 961 г. состоялась не в Италии, а в Вормсе и Ахене — т.е. во франконских и лотарингских землях, родных для Адальберта и Руотгера, которые для сакса Видукинда также были чрезвычайно важны как территория, ассоциировавшаяся с символической преемственностью по отношению к франкам. Есть основания предполагать, что именно эту часть владений Оттона к северу от Альп хорошо знал и Лиутпранд Кремонский [62].

Ахен как центр для германских авторов географически значительно более близкий, чем Рим, при этом был почти столь же значимым в отношении символической репрезентации власти. Немецкие медиевисты

середины прошлого столетия не без основания предлагали рассматривать Видукинда в качестве создателя концепции «неримской имперской власти», подразумевавшей, что Оттон получил легитимный титул императора не благодаря походам в Италию и коронации папой, а при поддержке знати Восточно-Франкского королевства и с опорой на символическое наследие Каролингов [63].

Кроме того, вероятно, инаугурация 961 г. оказалась, по существу, первой, которая проводилась в момент, когда Оттон I уже недвусмысленно выражал свое намерение направиться в Рим за императорской короной. Таким образом, она дала возможность провести «испытания» нового подхода к репрезентации власти. Показательны и появление, вероятно, примерно в то же время Майнцского коронационного чина, и начало работы оттоновских историографов над первыми крупными сочинениями.

Но, может быть, важнейшим фактором, которым можно объяснить интерес столь широкого круга авторов к этой инаугурации, явилось то, что именно она стала узловым моментом в урегулировании целого ряда противоречий и конфликтов, назревших в среде немецкой знати.

Вероятно, основания опасаться за прочность своего положения были в тот момент у королевы Адельгейды (ок. 931–999). Дети Оттона I от первого брака с Эдитой [64] к тому моменту уже ушли из жизни, но и два старших сына Адельгейды — Генрих (952–954) и Бруно (953) — умерли во младенчестве [65], и политическое влияние королевы теперь зависело от судьбы Оттона II. Ко времени сборов Оттона I во второй итальянский поход Адельгейда по-прежнему еще воспринималась частью немецкой знати как чужеземка, и в случае гибели мужа события могли принять для нее и ее потомства неблагоприятный оборот [66].

В Саксонской династии прежде не было принято десигнировать наследника до достижения им совершеннолетия, а соправление с сыном в его «детских годах» являлось еще более радикальным нововведением. В то же время совместное царствование государя с несовершеннолетними детьми было привычным для византийской практики и, вероятно, именно оттуда оказалось перенято властителями Италии [67]. Более того, первый супруг самой Адельгейды, Лотарь II (самостоятельное правление 945–950), также с раннего детства царствовал вместе со своим отцом, итальянским королем Гуго Арльским (926–947).

Учитывая все это, вполне вероятно, что идея заблаговременной коронации Оттона II могла исходить от самой королевы и быть следствием напряженности между окружением Адельгейды и ее оппонентами, способными выдвинуть из своей среды альтернативных претендентов на престол.

Сопоставление свидетельств Адальберта, Руотгера и Видукинда указывает на еще одну вероятную конфликтную ситуацию, связанную с

этой инаугурацией, — соперничество архиепископов Майнца, Кёльна и Трира за право провести коронацию. По-видимому, принципиальнее всего здесь была подспудная борьба Вильгельма Майнцского и Бруно Кёльнского за первенство в качестве наместников Оттона I в немецких землях на время его похода.

По свидетельству Руотгера, в церемонии были задействованы три церковных иерарха — Бруно, Вильгельм и Генрих Трирский, причем этот автор никак не разделяет их роли в ходе ритуала, утверждая, что все они «помазали» [68] Оттона II на царство. Однако порядок перечисления имен подразумевает первенство кёльнского архиепископа, что неудивительно, если вспомнить о принадлежности автора к окружению Бруно.

Адальберт не упоминает архиепископов в прямой связи с инаугурационными актами в Вормсе и Ахене, но указывает, что чуть позже Оттон I доверил опеку над сыном Вильгельму Майнцскому — о Бруно же Адальберт «забыл» [69]. Далее хронист сообщает, что сам он вернулся в немецкие земли из неудачной миссии на Русь только летом 962 г., после чего был милостиво принят как раз Оттоном II и Вильгельмом [70]. Иными словами, сколько-нибудь подробные сведения об инаугурации дошли до него не ранее чем спустя год после нее и, по-видимому, именно из окружения майнцкого архиепископа.

Видукинд, как уже упоминалось выше, также говорит о споре майнцкого, кёльнского и трирского архиепископов по вопросу о том, кто из них будет посвящать короля, а затем — о всеобщем признании первенства архиепископа Майнца. Именно майнцскому архиепископу он «доверяет» вручение государю инсигний и произнесение соответствующих церемониальных формул. Однако при описании главного акта посвящения, помазания и коронации, в повествовании фигурируют уже одновременно майнцкий и кёльнский архиепископы [71].

Хотя Видукинд использует имена архиепископов, актуальные для 936 г., само появление мотива соперничества трех церковных иерархов, с особым выделением двух из них и упоминанием их «сотрудничества» при коронации и помазании, выглядит как еще одно убедительное подтверждение гипотезы о проецировании автором на прошлое воспоминаний о событиях 961 г.

Эти вариации в отображении событий разными авторами — первенство Вильгельма, первенство Бруно или баланс между ними в распределении ролей — можно объяснить тем, что в самом акте инаугурации была заключена попытка нахождения некоего компромисса между двумя сторонами, дававшая возможность заинтересованным интерпретаторам истолковать происходящее в свою пользу.

Между тем Вильгельма, Бруно и Генриха объединяло то, что они получили свой сан в середине 50-х годов (в 953, 954 и 956 гг.

соответственно). В этот период Оттон I начал последовательно проводить новую церковную политику, фактически назначая представителей своего ближайшего окружения (к которому относился и Генрих [72]) на важнейшие архиепископские и епископские кафедры, которые прежде нередко занимали представители оппозиционной знати [73]. Участие трех наиболее могущественных представителей этого «нового поколения» высших церковных иерархов в коронации сына государя можно, таким образом, рассматривать как своего рода публичное утверждение, закрепление превосходства новой, преданной государю церковной знати над старой.

Наконец, с коронацией 961 г. в восприятии современников, очевидно, были связаны противоречия между светской и церковной знатью. На это указывает спор о том, что имеет первостепенное значение как легитимирующий акт: избрание государя или его церковное посвящение — помазание и коронация.

Выше уже упоминалось, что Видукинд связывал момент превращения государя из «предводителя» («герцога») в «короля» именно с актом избрания. Тот же самый прием — изменение титула прямо по ходу описания инаугурации — использован и в Майнцском коронационном чине. Но здесь коронуемый именуется «десигнированным государем» (*designatus princeps*, возможен также перевод «десигнированный князь») вплоть до начала церковного посвящения с участием архиепископов [74].

И в «Деяниях саксов», и в Майнцском чине приводятся формулы, произносимые архиепископом при передаче инсигний, однако они существенно различаются — прежде всего тем, что во втором случае настойчиво подчеркивается значимость роли высших церковных иерархов как посредников при передаче власти от Господа — земному государю [75].

Значимость этих различий кажется тем большей, если предположить, что Видукинд, описывая события 936 г., намеренно корректировал какие-то из элементов, связанных с 961 г., стремясь создать образ идеальной, на его взгляд, коронации, в которой представителям светской знати отводилось бы подобающее место. Адальберт использует в качестве обозначения всей инаугурации одно лишь слово «избрание», Руотгер упоминает разные составляющие символического акта, но делает акцент скорее на церковном посвящении. И лишь Лиутпранд остается «над схваткой», подчеркивая первостепенную значимость десигнации — воли самого государя-отца.

Поскольку главным предназначением инаугурации 961 г. было обеспечение мира в королевстве на время отсутствия Оттона I, в ней должен был быть символически закреплен баланс интересов различных групп знати, а то и конкретных персон. Во многом особая значимость этого акта в памяти оттоновских историографов была связана с тем, что едва ли

не для каждого из них с ней ассоциировалась та или иная насущная проблема, связанная с их личными интересами.

Не случайно в оттоновской традиции именно вокруг событий 961 г. выстраивались самые подробные свидетельства об инаугурационном акте как комплексе разного рода символических элементов — десигнации, избрания, церковного посвящения, аккламаций. Такой набор, вероятно, был важен для историографов как отображение баланса разных источников легитимации власти оттоновских государей — наследования, избрания знатью, коронации и помазания, проводимых высшими церковными иерархами, и выражения одобрения «всем народом».

Безусловно, едва ли не каждую средневековую коронацию любой эпохи и любого региона можно назвать комплексным символическим актом, в котором отображалась сложная система компромиссов между представителями властной элиты, актуальная на момент проведения церемонии. Однако для нас сейчас важно, что для поколения историографов эпохи Оттона I в силу ряда объективных и субъективных факторов более всего актуализировались сюжеты, связанные именно с этим историческим моментом, этим регионом и этой средой. Инаугурация 961 г. в их восприятии вбирала и «старые», и «новые» смыслы. С одной стороны, она закрепляла сохранение баланса интересов светской и духовной знати в немецких землях на время долгого отсутствия государя на родине. С другой же стороны, в ней впервые опробовался новый символический арсенал, что служило своеобразным прологом к последовавшим вскоре императорским коронациям в Италии, а в восприятии некоторых авторов даже их «заменой».

Эта инаугурация происходила в промежутке между двумя эпохами в истории династии Людольфингов, накануне обретения Оттоном I императорского статуса, когда былые способы реализации и репрезентации власти трансформировались и разрушались, а формирование новых лишь начиналось. Но в восприятии оттоновских историографов все это делало данную церемонию не столько «промежуточной», «проходной», сколько «центральной», связанной и с прошлым, и с грядущим, с закреплением давней традиции и с зарождением новой.

Именно оттоновские историографы первыми столкнулись с задачей запечатлеть публичные акты репрезентации власти германских государей. Образы политических ритуалов, созданные ими, значительно повлияли на последующие поколения средневековых историографов, а также на других теоретиков и практиков «потестарной имагологии». И потому отголоски «второстепенной» коронации 961 г., по-видимому, слышатся в актах инаугурации немецких государей самых разных периодов, где вновь и вновь в тех или иных сочетаниях комбинировались символические

элементы, связанные с наследованием, избранием знатью, церковным посвящением и согласием народа.

[1] Buc P. *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Princeton; Oxford, 2001.

[2] *Ibid.* P. 248–261.

[3] См., например: Spiegel G.M. Philippe Buc. *The Dangers of Ritual: Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*. Review // *American Historical Review*. 2003. Vol. 108. No. 1. P. 149.

[4] Бойцов М.А. *Величие и смирение. Очерки политического символизма в Европе*. М., 2009. С. 203.

[5] В том числе этим сюжетам была посвящена моя кандидатская диссертация: Ануфриева А.С. *Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени*. М., 2016 (на правах рукописи).

[6] Наиболее полное и актуальное издание сочинений: *Liutprandi Cremonensis Opera Omnia / a cura di P. Chiesa*. Turnhout, 1998. Рус. пер.: Лиутпранд Кремонский. *Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь*. 2-е изд., испр. и доп. / пер. И.В. Дьяконова. М., 2012. Более подробная справочная биографическая информация о Лиутпранде: Ануфриева А.С. *Лиутпранд Кремонский* // ПЭ. Т. 41. М., 2015. С. 300–302; Karpf E. *Liutprand von Cremona* // *LexMA*. Bd. 5. Sp. 2041–2042; Herbers K. *Liudprand von Cremona* // *BBKL*. Bd. 5. Herzberg, 1993. Sp. 139–140; Chiesa P. *Liutprando di Cremona (Liuto, Liuzo)* // *DBI*. Vol. 65. Roma, 2005. P. 298–303; Sutherland J.N. *Liudprand of Cremona, Bishop, Diplomat, Historian. Studies of the Man and His Age*. Spoleto, 1988.

[7] *Widukindi monachi Corbeiencis Rerum Gestarum Saxoniarum libri tres / hrsg. von P. Hirsch, H.E. Lohmann (MGH SSrGus, [60])*. Hannover, 1935 (далее: *Wid. Gesta Sax.*). Рус. пер.: Видукинд Корвейский. *Деяния саксов* / пер. Г.Э. Санчука. М., 1975. Подробнее об авторе: Althoff G. *Widukind von Corvey* // *LexMA*. Bd. 9. 1998. Sp. 76–78; Nass K. *Widukind* // *VL*. Bd. 10. München, 1999. Sp. 1000–1006; Springer M. *Widukind von Corvey* // *RGA*. Bd. 33. Berlin; N.Y., 2006. S. 586–592; Beumann H. *Widukind von Korvey, Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des 10. Jahrhunderts*. Weimar, 1950.

[8] *Hrotsvithae Opera omnia / hrsg. von W. Berschin*. München; Leipzig, 2001. Рус. пер. отдельных сочинений: Хротсвита Гандерсгеймская. *Предисловие к драмам. Дульциций. Каллимах. Авраам. Пафнутий. История страдания св. Агнессы, девы и мученицы* // *Памятники средневековой латинской литературы X–XI века* / пер. Б.И. Ярхо, М.Л. Гаспарова, М.Р. Ненароковой и др. М., 2011. С. 690–738. Arndt K., Bautz F.W. *Hroswitha von Gandersheim* // *BBKL*. Bd. 2. Hamm, 1990. Sp. 1095–1097; Düchting R. *Hrotsvit* // *LexMA*. Bd. 5. Sp. 148–149; Rädle F. *Hrotsvit von Gandersheim* // *VL*. Bd. 4. Berlin; N.Y., 1983. Sp. 196–210; Sticca S. *Hrotsvitha of Gandersheim* // *Women in the Middle Ages. An Encyclopedia* / K.M. Wilson, N. Margolis. Westport (eds). L., 2004. P. 436–441.

[9] Ruotgeri Vita Brunonis archiepiscopi Coloniensis / hrsg. von I. Ott (MGH SSrGNS, [9]). Köln, 1958 (далее: VB). Рус. пер.: Руотгер. Жизнь св. Бруно, архиепископа Кельнского. 928–965 гг. (в 966 г.) // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 2. От Карла Великого до Крестовых походов / пер. и сост. М.М. Стасюлевич. СПб.; М., 2001. С. 358–373.

[10] Adalberti Continuatio Reginonis // Reginonis abbatis Prumiensis Chronicon cum Continuatione Treverensi / hrsg. von F. Kurze (MGH SSrGus, [50]). Hannover, 1890 (далее: Adalb. Chron.). P. 154–179; Bautz F.W. Adalbert I // BBKL. Bd. 1. Hamm, 1975. Sp. 24–25; Wunder H. Adalbert von Magdeburg // VL. Bd. 1. Berlin; N.Y., 1978. Sp. 32–34; Claude D. Adalbert, Erzbischof von Magdeburg // LexMA. Bd. 1. 1980. Sp. 98–99.

[11] Термины «коронация» и «помазание» в ряде европейских языков рассматриваются как синонимические: например, *Weihe* и *Krönung* — в немецком, *consécration*, *couronnement* и *sacre* — во французском: Джексон Р.А. Коронации императоров и королей // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд., испр. и доп. М., 2007. С. 229.

[12] Это подтверждают в том числе очень разноречивые свидетельства коронационных чинов данной эпохи: *Isabella G. Modelli di regalità a confronto. L'ordo coronationis regio di Magonza e l'incoronazione regia di Ottone I in Widukindo di Corvey* // *Forme di potere nel pieno medioevo (secc. VIII–XII). Dinamiche e rappresentazioni* / a cura di G. Isabella. Bologna, 2006. P. 55–56.

[13] Один из примеров см. в работе: Ануфриева А.С. Молитва государя: роль короля в битве при Биртене в интерпретации Лиутпранда Кремонского // Вестник Томского гос. ун-та. 2014. № 389. С. 128–132.

[14] См. подробнее об основных событиях периода правления Оттона I: Ануфриева А.С. Оттон I // ПЭ. Т. 53. М., 2019. С. 547–551.

[15] *Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 26. P. 33–34. "Ut ergo rex imperarat, Evurhardus adiit Heinricum seque cum omnibus thesauris illi tradidit, pacem fecit, amicitiam promeruit; quam fideliter famialiariterque usque in finem obtinuit. Deinde congregatis principibus et natu maioribus exercitus Francorum in loco qui dicitur Fridisleri, designavit eum regem coram omni populo Francorum atque Saxonum". «Поэтому, как и приказал король, Эберхард пришел к Генриху и передал в его распоряжение себя вместе со всеми сокровищами, заключил мир, снискал дружбу, которую до конца сохранил верной и близкой. Затем, когда в месте под названием Фрицлар собрались предводители и старейшины войска франков, [Эберхард] десигнировал его королем перед всем народом франков и саксов» (здесь и далее цитаты из источников приводятся в переводе автора статьи).*

[16] *Ibid. "Cumque ei offerretur unctio cum diademate a summo pontifice, qui eo tempore Hirigerus erat, non spreuit, nec tamen suscepit: 'Satis', inquiens, 'michi est, ut pre maioribus meis rex dicar et designer, divina annuente gratia ac vestra pietate; penes meliores vero nobis unctio et diadema sit: tanto honore nos indignos arbitramur'". «Когда же верховным понтификом, которым был в то время Херигер, ему [Генриху] были предложены помазание и венец, он не отверг [их], но и не принял, говоря: "Мне достаточно того, что я*

провозглашаюсь и десигнируюсь королем перед моими знатными [людьми], по соизволению божественной милости и вашего благочестия; помазание же и венец пусть будут у тех, кто лучше нас: мы считаем себя недостойными такой чести"».

[17] Liutprandi Cremonensis Antapodosis // Liutprandi Cremonensis Opera Omnia / a cura di P. Chiesa. (CCCM, [156]). Turnhout, 1998 (далее: Liutpr. Ant.). Lib. II. Cap. 20. P. 44. "Qui regiae dignitatis culmen et prius humiliter declinavit, ac paulo post non ambitiose suscepit". «Сначала он смиренно отказался от вершины королевского достоинства, однако вскоре без честолюбия принял».

[18] Adalb. Chron. Ann. 920. P. 156. "Heinricus dux consensu Francorum, Alamannorum, Bawariorum, Turingorum et Saxonum rex eligitur". «Герцог Генрих по согласию франков, алеманнов, баваров, тюрингов и саксов избирается королем».

[19] Liutpr. Ant. Lib. II. Cap. 20. P. 43–44. Подробнее о данном эпизоде см.: Ануфриева А.С. Средневековый историограф как «создатель» политического ритуала: описание сцены завещания королевских инсигний в «Антаподосисе» Лиутпранда Кремонского // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Тезисы докладов XXXII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения». СПб., 2013. С. 5–8.

[20] Liutpr. Ant. Lib. IV. Cap. 16. P. 106. "Quantae fuerit prudentiae quantaeque rex Heinricus scientiae, hinc probari potest, quod potissimum ac religiosissimum natorum suorum regem constituit". «Каким благоразумием и какой мудростью был наделен король Генрих, ты можешь убедиться по тому, что он поставил королем могущественнейшего и благочестивейшего из своих отпрысков».

[21] Adalb. Chron. Ann. 936. P. 159. "[...] filius suus Otto consensu primorum regni successor eligitur". «[...] сын его Оттон по согласию первых лиц королевства избирается наследником».

[22] Hrotsvithae Gesta Ottonis // Hrotsvithae Opera omnia / hrsg. von W. Berschin. München; Leipzig, 2001 (далее: Hrotsv. Gesta Ott.). Vers. 128–131. P. 280. "Quo nam defuncto, regnum suscepit Oddo, / Eiusdem primogenitus regis venerandus; / Et, voto cuncti iam respondente popelli, / Unguitur in regem, Christo praestante, potentem". «Когда он умер, королевство принял Оттон, достопочтенный первенец того же короля, и, угодный желанию всего народа, при покровительстве Христа, [он] помазывается как могущественный король»; VB. Cap. 5. P. 6. "Otto filius eius maior natu benedictione Domini auctus et oleo letitiae unctus magna voluntate et consensu principum regnare coepit". «Его старший сын Оттон, возвеличенный благословением Господа и помазанный елеем радости, по великому желанию и согласию первых лиц начал царствовать».

[23] Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 54–57.

[24] Ныне г. Юлих, в федеральной земле Северный Рейн — Вестфалия. О том, как в упоминании Видукингом этого города и (ложной) этимологии его названия проявляется стремление «удревнить» традицию передачи

власти, возведя ее не к каролингским, а к античным корням, подробнее см.: Zielinski H. Zur Aachener Königserhebung von 936 // DA. 1972. Bd. 28. S. 210–222.

[25] Колонный двор, примыкавший к капелле с западной стороны. Ley J. Aquis palatium: Spätantiker Palast oder frühmittelalterliche Pfalz? Architekturhistorische Überlegungen zur Ikonographie der Aachener Pfalz // The Emperor's House. Palaces from Augustus to the Age of Absolutism / M. Featherstone, J.-M. Spieser, G. Tanman, U. Wulf-Rheidt (eds). Berlin; Boston, 2015. P. 127–129.

[26] Таким образом Видукинд, как видно из дальнейшего повествования, обозначает сан архиепископа.

[27] Линея, или альба — длинная льняная туника, надеваемая в качестве нижнего облачения священнослужителем (соответствует стихарю, или подризнику, в православной традиции). Стола — элемент облачения священнослужителя, длинная лента, надеваемая поверх альбы: диаконами — через плечо, священниками и епископами — на шею (соответствует орарю, или епитрахили, в православной традиции). Планета, или казула — плащ, риза, надеваемая священниками и епископами поверх альбы и столы.

[28] Особые украшения для запястий.

[29] Речь идет, по-видимому, о специфической форме армилл.

[30] Wid. Gesta Sax. P. 54–57. (Lib. II. Cap. 1). Defuncto itaque patre patriae et regum maximo optimo Heinrico omnis populus Francorum atque Saxonum iam olim designatum regem a patre, filium eius Oddonem, elegit sibi in principem. Universalisque electionis notantes locum iusserunt esse ad Aquasgrani palatii. Est autem locus ille proximus Iulo a conditore Iulio Caesare cognominato. Cumque illo ventum esset, duces ac prefectorum principes cum caetera principum militum manu congregati in sexto basilicae Magni Karoli cohaerenti collocarunt novum ducem in solio ibidem constructo, manus ei dantes ac fidem pollicentes operamque suam contra omnes inimicos spondentes, more suo fecerunt eum regem. Dum ea geruntur a ducibus ac caetero magistratu, pontifex maximus cum universo sacerdotali ordine et omni plebe infra in basilica prestolabatur processionem novi regis. Quo procedente pontifex obvius laeva sua dexteram tangit regis, suaque dextera lituum gestans, linea indutus, stola planetaque infulatus, progressusque in medium usque fani subsistit; et reversus ad populum, qui circumstabat — nam erant deambulatoria infra supraque in illa basilica in rotundum facta —, quo ab omni populo cerni posset: 'En', inquit, 'adduco vobis a Deo electum et a domino rerum Heinrico olim designatum, nunc vero a cunctis principibus regem factum Oddonem; si vobis ista electio placeat, dextris in caelum levatis significate'. Ad haec omnis populus dextras in excelsum levans cum clamore valido inprecanti sunt prospera novo duci. Proinde procedit pontifex cum rege tunica stricta more Francorum induto pone altare, super quod insignia regalia posita erant, gladius cum balteo, clamis cum armillis, baculus cum sceptro ac diadema. Eo quippe tempore erat summus pontifex nomine Hildiberhtus Franco genere, monachus professione, nutritus vel doctus in Vuldo monasterio, et ad id honoris merito progrediens, ut pater eiusdem loci

constitueretur, deinde summi pontificatus Mogontiacae sedis fastigium promeruisset. Hic erat vir mirae sanctitatis et preter naturalem animi sapientiam litterarum studiis satis clarus. Qui inter caetera gratiarum dona spiritum prophetiae accepisse predicatur. Et cum quaestio esset pontificum in consecrando rege, Treverensis videlicet et Coloniae Agrippinae — illius, quia antiquior sedes esset et tamquam a beato Petro apostolo fundata; istius vero, quia eius ad diocesim pertineret locus: et ob id sibi convenire arbitrati sunt huius consecrationis honorem — cessit tamen uterque eorum Hildiberhti cunctis notae almitati. Ipse autem accedens ad altare et sumpto inde gladio cum balteo, conversus ad regem ait: 'Accipe', inquit, 'hunc gladium, quo eicias omnes is Christi adversarios, barbaros et malos Christianos, auctoritate divina tibi tradita omni potestate totius imperii Francorum, ad firmissimam pacem omnium Christianorum'. Deinde sumptis armillis ac clamide induit eum: 'His cornibus', inquit, 'humitenus demissis monearis, quo zelo fidei ferveas, et in pace tuenda perdurare usque in finem debere'. Exinde sumpto sceptro baculoque: 'His signis', inquit, 'monitus paterna castigatione subiectos corripias, primumque Dei ministris, viduis ac pupillis manum misericordiae porrigas; numquamque de capite tuo oleum miserationis deficiat, ut in presenti et in futuro sempiterno premio coroneris'. Perfususque ilico oleo sancto et coronatus diademate aureo ab ipsis pontificibus Hildiberhto et Wichfrido ac omni legitima consecratione completa, ab eisdem pontificibus ducitur ad solium ad quod per cocleas adscendebatur, et erat inter duas marmoreas mirae pulchritudinis columnas constructum, unde ipse omnes videre et ab omnibus ipse videri posset.

[31] О поразительно скудном количестве свидетельств об этом символическом акте: Isabella G. Eine problematische Kaiserkrönung. Die Darstellung des Verhältnisses zwischen Otto I. und Johannes XII. in den Berichten über die Kaiserkrönung in zeitgenössischen italienischen und deutschen Quellen // Der "Zug über Berge" während des Mittelalters. Neue Perspektiven der Erforschung mittelalterlicher Romzüge / hrsg. von C. Jörg, C. Dartmann. Wiesbaden, 2014. S. 73, 87.

[32] Liutprandi Cremonensis Historia Ottonis // Liutprandi Cremonensis Opera Omnia (далее: Liutpr. Hist. Ott.). Cap. 3. P. 170. "Ubi miro ornatu novoque apparatu susceptus ab eodem summo pontifice et universali papa Iohanne unctionem suscepit imperii". «Здесь он, принятый тем самым верховным понтификом и вселенским папой Иоанном с удивительной пышностью и в новом убранстве, принял помазание империи». Adalb. Chron. Ann. 962. P. 171. "[...] indeque progrediens Romae favorabiliter susceptus acclamatione totius romani populi et cleri ab apostolico Iohanne, filio Alberici, imperator et augustus vocatur et ordinatur". «[...] следуя оттуда в Рим, принятый благосклонно, под аккламации всего римского народа и клира он апостолическим Иоанном, сыном Альберика именуется и назначается императором и августом».

[33] В рукописи здесь утрачены листы: Berschin W. Editoris prefatio // Hrotsvithae Opera omnia. P. XII.

[34] Adalb. Chron. Ann. 967. P. 179. "Domnus autem papa in gradibus beati Petri residens eos honorifice suscepit et sequenti die Ottonem regem acclamatione totius Romane plebis ante confessionem beati Petri cesarem et augustum

ordinavit; factaque est non modica nostratium et Romanorum leticia de iocundissima duorum augustorum cum domno papa conventionem". «Господин же папа, восседающий на ступенях блаженного Петра, с почетом принял их и на следующий день под аккламации всего римского народа перед криптой блаженного Петра поставил короля Оттона цезарем и августом; и было немалым ликование наших и римлян о радостнейшей встрече двух августов с господином папой».

[35] Hrotsv. Gesta Ott. Vers. 1502–1505. "Ipsius prolem post illum iam venientem, / Scilicet Oddonem, nutricis ab ubere regem, / Ad fasces augustalis provexit honoris / Exemploque sui digne fecit benedici". «Своего отпрыска, идущего вслед за ним, а именно Оттона, с грудного возраста бывшего королем, привел к фациям августовой почести и повелел достойно благословить по своему примеру».

[36] Liutpr. Hist. Ott. Cap. 2. P. 169–170; Adalb. Chron. Ann. 961. P. 171; VB. Cap. 41. P. 43.

[37] Keller H. Widukinds Bericht über die Aachener Wahl und Krönung Ottos I // FMSt. 1995. Bd. 29. S. 418–420.

[38] Майнцский чин датируют приблизительно 950–963/964 гг. Набор инсигний и последовательность их вручения в Майнцском чине полностью совпадают со свидетельством Видукинда о коронации, за исключением того, что вместе с армиллами и плащом (облачением, которое в чине именуется pallium) коронуемому вручается еще и кольцо. См.

подробнее: Isabella G. Modelli di regalità. P. 56–58.

[39] Keller H. Op. cit. S. 414–420.

[40] Описание пира см. подробнее: Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 2. P. 57.

[41] Подробнее об особенностях этого сочинения см.: Chiesa P. Introduzione // Liutprando di Cremona. De Iohanne papa et Ottone imperatore. Crimini, deposizione e morte di un pontefice maledetto / a cura di P. Chiesa. Firenze, 2018. P. IX–XLVIII.

[42] Liutpr. Hist. Ott. Cap. 2. P. 169. "Horum itaque rex piissimus lacrimosis questibus inclinatus, non quae sua, sed quae Iesu Christi sunt cogitans, filium suum sibi aequivocum contra morem puerilibus in annis regem constituens, eum in Saxonia dereliquit; ipse collectis copiis Italiam percitus venit".

[43] Adalb. Chron. Ann. 961. P. 171. "Rex in Italiam ire disponens maximam suorum fidelium multitudinem Wormatie coadunavit, ubi consensu et unanimitate regni procerum totiusque populi filius eius Otto rex eligitur. Indeque progrediens convenientia quoque et electione omnium Lothariensium Aquis rex ordinatur".

[44] То есть Бруно, архиепископу Кёльнскому, и Вильгельму, архиепископу Майнцскому, — младшему брату и внебрачному сыну Оттона I соответственно.

[45] Имеется в виду архиепископ Генрих Трирский (956–964).

[46] VB. Cap. 41. P. 43. "Erat imperatori filius adhuc tenellus, delicatissime indolis et integerrime voluptatis, obses pacis et gloria plebis. Hunc archiepiscopis, patruo fratrique, commendatum ad custodiam regni Cisalpini reliquerat imperator profecturus Romam et res totius Italiae ordinaturus. Cesar

ipse futurus electum summo consensu ab omni populo regem esse constituit, unxeruntque Ottonem, equivocum patris, Bruno archiepiscopus, Wilhelmus et Henricus ceterique sacerdotes Domini regem in Aquisgrani palatii et exultavit maxima gratulatione populus dicens: 'Vivat rex in aeternum!'"

[47] Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 54. "Defuncto itaque patre patriae et regum maximo optimo Heinrico omnis populus Francorum atque Saxonum iam olim designatum regem a patre, filium eius Oddonem, elegit sibi in principem. Universalisque electionis notantes locum iusserunt esse ad Aquasgrani palatii".

[48] Ibid. P. 54–55.

[49] Ibid. P. 55. "Quo procedente pontifex [...] progressusque in medium usque fani subsistit; et reversus ad populum, qui circumstabat — nam errant deambulatoria infra supraque in illa basilica in rotundum facta —, quo ab omni populo cerni posset: 'En', inquit, 'adduco vobis a Deo electum et a domino rerum Heinrico olim designatum, nunc vero a cunctis principibus regem factum Oddonem; si vobis ista electio placeat, dextris in caelum levatis significate'. Ad haec omnis populus dextras in excelsum levans cum clamore valido inprecanti sunt prospera novo duci". «Когда он вошел, понтифик [...] остановился, выйдя на середину храма. Обернувшись к народу, стоявшему вокруг, — ведь в этой базилике внизу и вверху были сделаны круговые галереи, — так, чтобы весь народ мог видеть, он сказал: "Вот, вывожу к вам Оттона, прежде избранного Богом и десигнированного государем Генрихом, ныне же всей высшей знатью сделанного королем; если это избрание угодно вам, дайте знак, подняв к небу правые руки". На это весь народ, подняв правые руки вверх, громкими возгласами пожелал благоденствия новому предводителю».

[50] Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 55–56.

[51] Ibid. P. 56.

[52] Ibid. Lib. I. Cap. 26. P. 34. Развернутая цитата приводится выше.

[53] У этих сведений, сообщенных Видукиндо, мало общего с действительностью: Конрад I, имевший значительное влияние уже при дворе Людовика IV, рассматривался как главный преемник Каролингов в немецких землях, в то время как политическое влияние герцога Саксонии было не столь велико: Goetz H.-W. Europa im frühen Mittelalter. 500–1050. Stuttgart, 2003. S. 74.

[54] Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 16. P. 22–23. "Regi autem Hluthowico non erat filius, omnisque populus Francorum atque Saxonum quaerebat Oddoni diadema inponere regni. Ipse vero quasi iam gravior recusabat imperii onus; eius tamen consultu Cuonradus quondam dux Francorum ungitur in regem. Penes Oddonem tamen summum semper et ubique fiebat imperium". «У короля Людовика не было сына, и весь народ франков и саксов просил Оттона надеть королевский венец. Но он, будучи уже отягощен [годами], отказался от бремени правления; по его же совету Конрад, некогда герцог франков, был помазан королем. Однако высшая власть всегда и повсюду оставалась у Оттона».

[55] Так Видукиндо заменяет имя Хлодвига.

[56] Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 9. P. 9. “[...] moritur Huga rex Francorum, nullumque alium heredem regni relinquens preter unicum filium nomine Amalbergam, quae nupserat Irminfrido regi Thuringorum. Populus autem Francorum a seniore suo humane clementerque tractatus, pro gratiarum actione rependenda filium quem ex concubine genuit nomine Thiadricum unguunt sibi in regem”. Преемственность по отношению к отцу упоминается как одно из ключевых оснований легитимации власти Теодориха, хотя, согласно свидетельству самого Видукинда, он был не законным наследником Хлодвига, а сыном от наложницы.

[57] Причем формулировка подразумевает, что помазание — прежде всего также акт, совершаемый по соизволению народа: “Ungunt sibi in regem” (Wid. Gesta Sax. Lib. I. Cap. 9. P. 9).

[58] То есть папой.

[59] Wid. Gesta Sax. Lib. III. Cap. 76. P. 127. “Mane autem iam facto, licet iam olim unctus esset in regem et a beato apostolico designatus in imperatorem, spei unice totius ecclesiae, imperatoris filio, ut in initio certatim manus dabant, fidem pollicentes et operam suam contra omnes adversarios sacramentis militaribus confirmantes”.

[60] Возможен также вариант перевода «новый герцог», учитывая, что Видукинд фиксирует момент уже после смерти отца Оттона, но еще до завершения его королевской инаугурации.

[61] Ср.: Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 54–55. Развернутая цитата приводится выше.

[62] Так, в своем главном историческом сочинении «Антаподосис», над которым Лиутпранд работал в немецких землях, он упоминает около десятка городов во Франконии и Лотарингии, только три — в Саксонии и один — в Швабии.

[63] Erdmann C. Die nichtrömische Kaiseridee // Erdmann C. Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters / hrsg. von F. Baethgen. Berlin, 1951. S. 1–51; Beumann H. Widukind von Korvei. Untersuchungen zur Geschichtsschreibung und Ideengeschichte des 10. Jahrhunderts. Weimar, 1950. S. 205–265; Brundage J.A. Widukind of Corvey and the “Non-Roman” Imperial Idea // Medieval Studies. 1960. Vol. 22. S. 15–26; Keller H. Op. cit. S. 397–410; Karpf E. Herrscherlegitimation und Reichsbegriff in der ottonischen Geschichtsschreibung des 10. Jahrhunderts. Stuttgart, 1985. S. 168–175.

[64] Сын Людольф (ок. 930–957) и дочь Лиутгарда (931–953).

[65] Подробнее: Ануфриева А.С. Оттон I. С. 548–549.

[66] Подробнее о биографии Адельгейды в контексте политических конфликтов в оттоновской Германии: Glocker W. Die Verwandten der Ottonen und ihre Bedeutung in der Politik: Studien zur Familienpolitik und zur Genealogie des sächsischen Kaiserhauses. Köln; Wien, 1989. S. 80–101.

[67] Ср.: Ohnsorge W. Die Idee der Mitregentschaft bei den Sachsenherrschern // Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs. 1972. Bd. 25. S. 539–548.

[68] VB. Cap. 41. P. 43. “[...] unxeruntque Ottonem, equivocum patris, Bruno archiepiscopus, Wilhelmus et Heinricus ceterique sacerdotes [...]”. «[...] и Оттона,

одноименного отцу, помазали королем архиепископ Бруно, Вильгельм и Генрих и прочие служители Господа [...]».

[69] Adalb. Chron. Ann. 961. P. 171.

[70] Ibid. Ann. 962. P. 172.

[71] Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 56-57. "Perfususque ilico oleo sancto et coronatus diademate aureo ab ipsis pontificibus Hildiberhto et Wichfrido ac omni legitima consecratione completa, ab eisdem pontificibus ducitur ad solium ad quod per cocleas adscendebatur, et erat inter duas marmoreas mirae pulchritudinis columnas constructum, unde ipse omnes videre et ab omnibus ipse videri posset". «И тотчас же после того, как был помазан святым елеем и коронован золотым венцом самими понтификами Хильдебертом и Викфридом и все посвящение было должным образом завершено, этими же понтификами он был подведен к трону, подниматься на который надо было по винтовой лестнице, установленной между двумя мраморными колоннами дивной красоты, откуда он мог видеть всех и быть виден всем».

[72] Генрих Трирский также являлся родственником Оттона I: Ries H. Heinrich I. // NDB. Bd. 8. Berlin, 1969. S. 402–403.

[73] Подробнее см.: Ануфриева А.С. Оттон I. С. 551–552.

[74] Isabella G. Modelli di regalità a confronto. P. 55.

[75] Например, формулы при вручении меча у Видукинда (Wid. Gesta Sax. Lib. II. Cap. 1. P. 56). "Accipe", inquit, "hunc gladium, quo eicias omnes Christi adversarios, barbaros et malos Christianos, auctoritate divina tibi tradita omni potestate totius imperii Francorum, ad firmissimam pacem omnium Christianorum" («Прими этот меч, чтобы изгонять всех врагов Христа, варваров и дурных христиан, ведь по божьей воле тебе передана полная власть над всей империей франков, для нерушимейшего мира всех христиан»). Ср. в Майнцском чине: "Accipe gladium per manus episcoporum licet indignas, vice tamen et auctoritate sanctorum apostolorum consecratas, tibi regaliter impositum nostraeque benedictionis officio in defensionem sanctae Dei ecclesiae divinitus ordinatum". «Прими меч из рук епископов, пусть недостойных, но освященных властью святых апостолов, врученный тебе как королю и нашим благословением предназначенный для защиты по божественному велению святой Божьей церкви» (цит. по: Isabella G. Modelli di regalità a confronto. P. 98).

Сергей Иванов

Кто такой миродержец?

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_55-65

Греческое слово κοσμοκράτωρ, «миродержец», впервые появляется, по некоторым предположениям, уже в IV в. до н.э. [1] в текстах, относящихся к богам, главным образом восточным. На рубеже новой эры оно прилагается к Гелиосу, Зевсу, Гермесу, Серапису, но особенно к Митре. В митраистских контекстах [2] и орфических гимнах слово имеет позитивное значение, в астрологических [3] и магических — нейтральное; в гностических —

отрицательное [4]: там «миродержец» воспринимается как повелитель проклятого тварного мира, враждебного человеческой душе.

Именно в гностическом значении использовано слово κοσμοκράτωρ в Послании апостола Павла к Эфессянам (6.12): «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной (πρὸς τὰς ἀρχάς, πρὸς τὰς ἐξουσίας, πρὸς τοὺς κοσμοκράτορας τοῦ σκότους τούτου, πρὸς τὰ πνευματικὰ τῆς πονηρίας ἐν τοῖς ἐπουρανίοις)». В столь же эсотерическом контексте употреблен термин в апокрифических «Деяниях Иоанна»: «κοσμοκράτορος ἅπαντα ἡ δύναμις (вся сила миродержца)» [5].

Уже очень рано загадочный «мироправитель» был осмыслен ранними толкователями как Сатана. Ириней пишет: «От печали произошли духи злобы; отсюда получили бытие дьявол, которого называют они и миродержцем (ὅθεν τὸν Διάβολον τὴν γένεσιν ἐσχικέναι, ὃν καὶ κοσμοκράτορα καλοῦσι), бесы и ангелы, и всякое духовное злобное существо. И хотя Демиурга они называют сыном их Матери, а миродержителя — тварью Демиурга, но говорят, что миродержитель знает превысшее его, потому что он дух злобы, а Демиург, как душевный, не знает. Матерь их, по их словам, обитает в пренебесном месте, т.е. в середине, а Демиург — на небесах, т.е. в седмице, миродержитель же — в нашем мире» [6]. Позднее отождествление космократора с Дьяволом сделалось общим местом всей христианской экзегезы [7] и продолжало воспроизводиться в десятках византийских толкований.

Однако уже на очень раннем этапе слово «космократор» было также заимствовано светской властью. Космические атрибуты начали появляться у эллинистических царей [8], которые, правда, никогда не включали самого термина в свою титулатуру. Этот вселенский размах приглянулся и римским цезарям [9]. Греческое слово «космократор» не имело даже латинского эквивалента [10], однако в восточной половине Империи оно тем не менее к цезарям прилагалось. Первым стал, видимо, либо Траян [11], либо Марк Аврелий, затем Каракалла [12]. Слово даже вошло в еврейский язык [13], а с III в. в грекоязычной части Империи стало употребляться в официальном титуловании императоров. Мы встречаем его на надписи, посвященной Александру Северу, из Египта [14], на надписи в честь Гордиана из Газы: «ΕΥΤΥΧΗ ΣΕΒΑΣΤΟΝ ΤΟΝ ΘΕΟΦΙΛΕΣΤΑΤΟΝ ΚΟΣΜΟΚΡΑΤΟΡΑ (благочестивого священного боголюбивейшего миродержца)» [15], на надписи, посвященной каким-то соправителям рубежа III–IV вв., из Малой Скифии: «ΥΠΕΡ ΥΓΕΙΑΣ ΚΑΙ ΝΕΙΚΗΣ ΤΩΝ ΚΥΡΙΩΝ ΚΟΣΜΟΚΡΑΤ[ΟΡΩΝ ΑΝΙ]ΚΗΤΩΝ (Во имя здоровья и побед господ непобедимых миродержцев)» [16].

Образ царя как «космократора» нашел наиболее зримое воплощение в фигуре Александра Македонского, каким он предстает в популярном

романе Псевдо-Каллисфена [17]. Именно там царь именуется миродержцем уже в заголовке. По ходу сюжета его называют так прорицатели и боги, заморские цари и собственные воины, Филипп и Аристотель. Позднее, после перевода романа на арабский язык, эта символика зажила отдельной жизнью в исламском мире [18]. Именно традиция языческого преклонения перед верховной властью заставила Евсевия Кесарийского, основоположника христианской властной идеологии, забыть обо всем плохом, что написано о космократоре в Евангелиях и в сочинениях апологетов. В панегирике к тридцатилетию правления Константина он восхваляет «миродержавную власть победительного василевса (τὰ τῆς κοσμοκρατορικῆς ἀρχῆς τοῦ νικητοῦ βασιλέως)» [19], а в «Жизнеописании» императора добавляет, что Елена «перед своей кончиной... объявила последнюю свою волю в пользу единственного сына, василевса, космократора, монарха (βασιλεῖ μονάρχῳ κοσμοκράτο-ρι)» [20]. Разумеется, такая титулатура была неотделима от космической символики: по словам Евсевия, Константину «и мертвому посвящали картины, как живому, изображая на них красками вид неба и представляя василевса покоящимся в горнем жилище, превыше небесных кругов» [21]. О том, что подобная символизация нравилась и самому императору, свидетельствует его триумфальная иконография [22].

Однако в данном случае, как и во многом другом, последующая византийская традиция оказалась гораздо более осторожной, чем ее собственный основатель: новая христианская властная титулатура не могла совсем игнорировать новозаветный текст, и хотя образ императора как повелителя космических высот и природных стихий никуда не исчез [23], сам термин «космократор» после Евсевия не использовался [24]. Любопытно, что он встречается единственный раз в одном из «Чудес Николая Мирликийского» и прилагается там как раз к Константину: «Я должен донести миродержцу и благочестивейшему императору Константину о том, что ты сделал (ἀνεύγκαι γὰρ ἔχω τῷ κοσμοκράτορι καὶ πιστοτάτῳ βασιλεῖ Κωνσταντίνῳ περὶ ὧν ἔδρασας)» [25]. Данный текст был написан приблизительно в середине VI в. [26] Более мы не встречаем интересующего нас термина (в политическом его значении) на протяжении долгих веков. При этом комментирование и всяческое обыгрывание слов Павла из Послания к Эфессянам продолжается с прежним размахом [27]. Термин однозначно, без всяких пояснений, определяет здесь Дьявола [28].

Между серединой VI и серединой XII в. слово κοσμοκράτωρ в его светском значении встречается в византийской литературе лишь однажды: в «Житии Косьмы Маюмского и Иоанна Дамаскина», написанном, видимо, в конце X в. [29], есть эпизод, в котором император Константин VI падает ниц перед Косьмой, а иконоборцы, ненавидящие святого за его

преданность иконам, возмущаются: «τίς ὦν ποῖους πόδας περιπτύσσεται ὁ μικροῦ δεῖν κοσμοκράτωρ! (Сам столь великий, чьи ноги лобызает сей почти что миродержец!)» [30]. Тут любопытно как то, что титул вложен в уста отрицательных персонажей, так и то, что они употребляют ограничительное определение μικροῦ δεῖν («едва ли не», «чуть ли не», «без пяти минут»).

Полноценное возвращение слова κοσμοκράτωρ в политический лексикон происходит в середине XII столетия [31]. Поначалу оно вроде бы используется в несерьезных контекстах: герой одной из «Птохопродромовых поэм» (экспериментального опуса на разговорном языке, приписываемого знаменитому поэту Феодору Продрому), жалуясь на бедность, восклицает: «βασιλεῦ, δέσποτα στεφηφόρε, σκηπτοῦχε κομνηνόβλαστε, κράτιστε κοσμοκράτορ, τῆ σκέπη τῶν χρυσέων σου προσέρχομαι πτερούγων (О император, венценосный владыка, скиптроносче, отпрыск Комнинов, могущественный миродержче, я прибегаю под защиту твоих золотых крыльев)» [32]. В той же поэме титул используется еще дважды: «Πότε γὰρ ἐκ τὸν ἴαμβον νὰ φάγω, κοσμοκράτορ? (Ямбы когда, наконец, меня станут кормить, миродержче?)»; «Ἐγὼ δέ, κοσμοκράτορ μου, ταύτας τὰς τρεῖς κολάσεις ἐνταῦθα τὰς κολάζομαι... (Я, о мой миродержче, подвергаюсь всем трем наказаниям в этой жизни)» [33]. Но если «Птохопродромовы поэмы» могли предназначаться, а могли и не предназначаться для августейшего слуха, то уж у энкомиев точно не было никакой иной функции. И вот тот же Феодор Продром в панегирике именует императора Иоанна Комнина «κοσμοκρατὲς Περσόλεθρε Σκυθοδαλματοκτόνε (миродержавный, персогубительный, скифо-далматобийственный)» [34]. Феодор Вальсамон льстиво обращается к его сыну и преемнику Мануилу Комнину: «Прими горную небесноцарственную милость, о самовластный миродержче (αὐτάναξ κοσμοκράτορ)» [35]. Нужды нет, что Вальсамон являлся патриархом и вроде бы должен был более чутко относиться к новозаветной лексической традиции. В самом конце XII в. друнгарий Григорий Антиох восхваляет «миродержавную руку (τὴν κοσμοκράτιν χεῖρα)» [36] севастократора Исаака Ангела. Михаил Оловол в конце XIII в. пишет в энкомии Михаилу VII Палеологу: «φιλόστοργον πατέρα μᾶλλον ἢ βασιλέα ἢ φήμη σε πανταχοῦ κηρύττει, κοσμοκράτορ περιφανές (Повсеместная молва именует тебя скорее любящим отцом, нежели императором, о славный миродержче)» [37]. В XIV в. Стефан Сгуропул в энкомии Алексею III Великому Комнину пишет: «χαίροις, κοσμοκράτορ, χιλιάκις μυριάκις! (Радуйся, миродержче, тысячекратно, десятитысячекратно!)» [38]. Георгий Трапезундский называет «миродержцем» уже турецкого султана [39].

Откуда же в политический лексикон вновь вернулось слово κοσμοκράτωρ?

Есть основания полагать, что оно обязано своим вторым рождением все тому же псевдокаллисфенову «Роману об Александре», где «миродержец» — постоянная характеристика царя. В эпосе про Дигениса Акрита сказано:

Ἀλέξανδρος ὁ Μακεδῶν δυνατὸς ἐν φρονήσει,
Θεὸν τε ἔχων συνεργὸν γέγονε κοσμοκράτωρ

(«Александр Македонский, великий своим умом, с Божьей помощью стал миродержцем») [40]. Популярность «Романа об Александре» выросла тогда же, когда возродился оригинальный византийский роман [41]. Каким образом титул «перескакивает» с царя на византийского императора, можно понять из сравнения двух источников.

«Письмо трех восточных патриархов императору Феофилу об иконах» было написано в IX в., но нас интересует не оно само, а два сочинения, развившихся на его основе. Одно — это «Житие Космы Маюмского», приписанное Иоанну Дамаскину, но в действительности созданное не ранее середины X в. [42], а другое — «новый финал» письма, относящийся к какому-то труднодатируемому периоду после «Жития» и донесенный рукописью монастыря Ивирон № 381. В них обоих имеется рассказ (хорошо известный нам и по множеству иных источников) о том, как император Лев V явился к лжепрорицателю Савватию, который обещал ему долгую жизнь, если он запретит почитание икон.

Исследователи давно обратили внимание на то, что в версии Псевдо-Дамаскина содержится обширная вставка из романа Псевдо-Каллисфена об Александре Македонском: процитирован эпизод, в котором царь приходит к египетскому богу Сесострису с вопросом, сколько ему осталось жить, а тот наставительно объясняет, что людям этого знать не положено. Мораль сравнения проста: Савватий поступил неправильно, дав Льву V предсказание, от которого уклонился даже Сесострис [43]. «Ивиронская» версия того же рассказа на первых порах практически дословно совпадает с предыдущей, но псевдокаллисфеновскую цитату не приводит. Однако из слов автора, что Савватий все устроил «на манер богов древних египтян», можно уверенно заключить, что текст с отрывком из романа был перед его глазами и влиял на весь стиль подачи материала. В приводимой ниже таблице псевдокаллисфеновский материал выделен подчеркиванием. Курсивом же отмечены те места, где смысл несколько сдвинут.

Καὶ δὴ περιβαλὼν ἑαυτῷ ὁ
Σαββάτιος ἄλυσιν μεγίστην τῷ
τραχήλῳ,
καὶ σιδηροπέδαις ἑαυτὸν
περισφίγξας,
περικλείει ἑαυτὸν ἐν τοῖς τοῦ
Δαγιστέως μεγάλου
λούτρου τῶν καμίνων κούφοις. Καὶ δὴ
ὁ Βασίλειος τὰ
βασιλεια
καταθύμια τάχιον ἐκπληρῶν,
προσαγήσκει αὐτὸν τῷ μάντει τῆς
Πύθωνος. Νῦν δὲ βαθεῖα ἦν, καὶ
σκότος ψηλαφητόν· καὶ ἰδοὺ καὶ ὑπὸ
στρατοπέδων
δορυφόρων φρουρούμενος
βασιλεὺς,
μεμονωμένος, γυμνὸς καὶ ἄοπλος
σὺν τῷ Βασιλείῳ παραγίνεται ἐν
ὑπογείοις καὶ καταχθονίοις
ἀμειδέσι
τόποις, ὡς ποτε Ἰουλιανὸς ὁ
παραβάτης, ὑπὸ τοῦ μαθηματικοῦ
Ἑβραίου τῷ διαβόλῳ σπονδιζόμενος.
Ὡ πῶς ἀπώλετο ἡ
σοφία τῶν σοφῶν! πῶς ἠθέτηται ἡ
σύνεσις τῶν συνετῶν! ὦ πῶς οἱ
θέλοντες εἶναι σοφοὶ ἐμωράνθησαν!
Τί
οὖν ὁ μέγας καὶ ἔνδοξος, καὶ
φοβερὸς βασιλεὺς;

Περιβαλόμενος ὁ Σαββάτιος ἄλυσιν
μεγίστην (5)
ἐν τῷ τραχήλῳ, καὶ σιδηροπεδήσας
ἑαυτὸν καὶ περισφίγξας κατὰ τοὺς
κρονικῶν Αἰγυπτίων θεοῦς,
περικλείει ἑαυτὸν
ἐν τοῖς καμινιαίοις κούφοις τοῦ ποτὲ
μεγάλου Δαγιστέως λοετροῦ.

(40) Καὶ νυκτὸς βαθείας οὔσης, ἰδοὺ
ὁ ὑπὸ στρατοπέδων φρουρούμενος
βασιλεὺς μόνος μεμονωμένος
γυμνὸς καὶ ἄοπλος ἅμα τῷ
Βασιλείῳ παραγίνεται, ἐν οἷς τόποις
ζεζοφωμένοι καὶ ψηλαφητοῖς

ὁ
Σαββάτιος ἦν ἐγκεκλεισμένος ὡς
πάλαι Ἰουλιανὸς ὁ
παραβάτης, ὑπὸ μαθηματικῶν
Ἑβραίων τῷ
διαβόλῳ ἑαυτὸν ἀναθέμενος. Ὡ πῶς
ἀπώλετο ἡ σοφία του σοφοῦ.
Ὡ πῶς ἐξέστη τὰς φρένας
ὁ κοσμοκράτωρ καὶ
ἠλλοίωτο. Τί οὖν ὁ μέγας καὶ φοβερὸς
βασιλεὺς; Προσπίπτει τοῖς τοῦ
μάντεως
ποσὶ, καὶ

Προσκυλινδεῖται
 τοῖς ποσὶ τοῦ Πύθωνος·
 χρησμοδοτίας αἰτεῖται, ὥσπερ ὁ
Ἀλέξανδρος ποτε μετὰ
Κανδαύλου συμψύχου αὐτοῦ
εἰσελθὼν
εἰς τὸν Σέραπιν, ὥστε μαθεῖν τὰ
ἀποβησόμενα, καὶ ὄρᾳ τινας
ἀστράπτοντας ἐκ τῶν
ὀφθαλμῶν
ἀνακειμένους, ἓνα δὲ λέγοντα αὐτῷ,
Χαίροις Ἀλέξανδρε· οἶδās με τίς εἰμι;
 Ὁ δέ· Πῶς, κύριε; Ὁ δὲ μάγος·
 Ἐγὼ εἰμι
 Σεσοῦχ ὁ σεισμοκράτωρ
βασιλεύς· οὐ τοσοῦτον δ’
εὐτύχησα, ὅσον σύ· καὶ σχεῖς ὄνομα
ἀθάνατον· Ὁ δέ· Πῶς
κύριε; Ὁ δὲ λέγει· Εἰσελθε ἔνδον, ἵνα
θεάσῃ τὸν προστάτην· Εἰσέρχεται
Ἀλέξανδρος ἔνδον·
ὄρᾳ
ὀμίχλην πυραυγῆ,
καὶ καθεζόμενον ἐπὶ θρόνου, ὃν
ποτε
εἶδεν ἐν Ῥακούντιδι
προσκυνοῦμενον
βροτοῖς Σέραπιν· Εἶπε δὲ
 ὁ Ἀλέξανδρος· Κύριε,
 πόσα ἔτη ζήσομαι;

*Chrysostomides J., Dendrinος Ch.,
 Harvalia-Crook E., Munitiz J.A. The
 Letter. P. 179–181.*

χρησμοὺς αἰτεῖται παρ’ αὐτοῦ
 καὶ φησί· *Τί ποιήσω καὶ τί πορίσομαι,*
ὅπως ἐν εὐδαιμονία καὶ εὐζωΐᾳ καὶ
τροπαιοφόρῳ νίκη
βιώσωμαι τὸν ἅπαντα χρόνον;

*Chrysostomides J., Dendrinος Ch.,
 Harvalia-Crook E., Munitiz J.A.
 The Letter. P. 115.*

Нам, однако, интересуют именно мелкие подвижки
 смысла: σκότος ψηλαφητόν («осязаемая тьма») Псевдо-Иоанна — это

цитата из Книги Исхода (10:21), но в версии монастыря Ивирон она превратилась в τόποις ζεζοφωμένοις καὶ ψηλαφητοῖς («места зловонные и такие-темные-что-передвигаться-можно-лишь-ощупью»). Вопрос Александра «Господин, сколько лет я проживу?» обернулся другим: «Что мне сделать, чтобы свой век прожить в счастье?» Но главное: загадочное и нигде более не встречающееся слово σεισμokrátωρ («владыка-сотрясатель»), выступающее у Псевдо-Иоанна в качестве эпитета бога Сесостриса, превратилось в характеристику императора Льва: Ὡ πῶς ἐξέστη τὰς φρένας ὁ κοσμokrátωρ καὶ ἡλλοίωτο. Τί οὖν ὁ μέγας καὶ φοβερὸς βασιλεύς; (О, насколько повредился умом и обезумел миродержец! Что же (натворил) великий и грозный император?).

Ф. Пфистер и У. Ридингер указывают на то, что в соответствующем месте романа у Псевдо-Каллисфена стоит слово κοσμokrátωρ, и высказывают предположение, что Псевдо-Иоанн специально искажил его, чтобы не вызывать ассоциаций с Посланием к Эфесеянам [44]. Может быть, это и так, но не исключено, что дело заключалось в ошибке переписчика или издателя [45]. Нам важно лишь то, что характеристика бога оказалась сознательно перенесена на императора. Нет сомнений, что это было сделано именно потому, что весь пассаж проникнут духом «Романа об Александре», где, как уже было сказано, царя постоянно именуют «миродержцем» [46].

Сращивание императорской иконографии с иконографией Александра Македонского началось еще раньше: от X в. сохранилась шкатулка слоновой кости, на которой вырезан традиционный сюжет вознесения Александра на небо в колеснице, запряженной парой грифонов [47]. Однако царь при этом одет в официальный наряд византийских императоров: он в лоросе, со скипетром в одной руке и венком в другой и в типичной византийской короне-диадеме с препендулиями. Изображения Александра как правителя мира и одновременно как византийского императора встречаются позже и в палеологовском искусстве [48].

Итак, императора в поздневизантийский период без затруднения именовали κοσμokrátωρ. Значит ли это, что «бесовское» значение у этого слова вовсе исчезло? Отнюдь нет. В том же XII в. Иоанн Оксит и Михаил Хониат, Евфимий Зигавин и Иоанн Каматир продолжают как ни в чем не бывало использовать его в традиционном, евангельском значении. Могли ли те люди, которые употребляли слово κοσμokrátωρ в двух столь взаимоисключающих смыслах, не знать друг о друге? Конечно же нет! Это был, в сущности, один и тот же, не очень многочисленный круг интеллектуалов. Однако все они четко осознавали многослойность своей цивилизации: в том же XII в. архиепископ Евстафий Солунский без издевки рассуждал об олимпийских богах в своих комментариях к Гомеру, а Никифор Васибеки, приближенный патриарха, сочинил речь от имени

Пасифаи (в защиту ее страсти к быку), твердо зная, что за скотоложство в Византии полагается суровая кара. В случае с «космократором» византийская цивилизация достигла пика своей многосложности, утвердив два полярно противоположных значения одного и того же слова. Кажется парадоксом, что случилось это именно тогда, когда обоснованность императорских притязаний на миродержавие начала катастрофически сокращаться. В действительности же никакого парадокса не существовало: просто риторика всегда оказывается тем пышнее, чем меньше она соответствует реальности.

- [1] Ср.: Ладынин И.А. Реминисценции царствования Сенусерта I в сведениях Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского о царе Сесоосисе // *Aegyptiaca Rossica*. 2017. Вып. 3. С. 151.
- [2] Cumont F., Canet L. Mithra ou Sarapis ΚΟΣΜΟΚΡΑΤΩΡ? // *Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions*. 1919. P. 313–328.
- [3] Ristow G. Zum Kosmokrator im Zodiacus. Ein Bildvergleich // *Hommages à M.J. Vermaseren*. Vol. 3 / M.B. de Boer, T.A. Edridge (eds). Leiden, 1978. S. 885–987; *Hori Apollinis Hieroglyphica* / F. Sbordone (ed.). Hildesheim, 2002. P. 124.
- [4] Scopello M. The Temptation of Allogenes // *Essays in Honor of J. Turner*. Leiden, 2013. P. 123, 131.
- [5] *Acta Johannis* / E. Junod, J.-D. Kaestli (eds). Turnhout, 1983. P. 171.
- [6] Harvey W.W. *Sancti Irenaei episcopi Lugdunensis libri quinque adversus haereses*. Vol. 1. Cambridge, 1857. P. 47–48.
- [7] Edwards M.J. Gnostics and Valentinians in the Church Fathers // *The Journal of Theological Studies*. New Series. 1989. Vol. 40. No. 1. P. 40, 41, 44.
- [8] Goukowsky P. *Essai sur les origines du mythe d'Alexandre: Les Origines politiques*. P., 1978. P. 149–165; L'Orange H.P. *The Iconography of Cosmic Kingship in the Ancient World*. Oslo, 1953. P. 34.
- [9] Pascal A. L'image du globe dans le monde romain: science, iconographie, symbolique // *Mélanges de l'École française de Rome*. 1984. Vol. 96. P. 53–116; Picard G. Le monument de Cesar Cosmocrator au Capitole // *Revue Archéologique*. Nouvelle Série. 1973. Fasc. 2. P. 261–272; Arnaud P. L'apothéose de Néron-Kosmokrator et la cosmographie de Lucain au premier livre de la "Pharsale" (l. 45–56) // *Revue des études latines*. 1987. Vol. 65. P. 167–193.
- Видимо, первым в Риме оценил преимущества эллинистической символики власти Помпей, см.: Martin P.-M. "Imperator Rex", recherche sur les fondements républicains romains de cette inadéquation idéologique // *Pallas*. 1994. Vol. 41. P. 7–26.
- [10] В астрологических латинских текстах оно транскрибировалось как cosmocrator: Julius Firmicus Maternus. *Matheseos libri VIII*. Vol. I / W. Kroll, F. Skutsch (eds). Stuttgart, 1968. P. 108, ср.: p. 123.
- [11] Cumont Fr. Trajan "kosmokrator"? // *Mélanges d'études anciennes offerts à Georges Radet* / F. Chapouthier, W. Seston, P. Boyancé (eds). P., 1940. P. 408–411.

- [12] El-Khachab Abd El-Mohsen. Ο' "ΚΑΡΑΚΑΛΛΟΣ" ΚΟΣΜΟΚΡΑΤΩΡ // The Journal of Egyptian Archaeology. 1961. Vol. 47. P. 119–133.
- [13] Shimoff S.R. Hellenization Among the Rabbis: Some Evidence from Early Aggadot Concerning David and Solomon // Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period. 1987. Vol. 18. No. 2. P. 184–185; Kelly H. The Devil in the Desert // The Catholic Biblical Quarterly. 1964. Vol. 26. No. 2. P. 210.
- [14] Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. Vol. I. No. 1063 / R. Cagnat et al. (eds). P., 1911.
- [15] Ibid. No. 3387.
- [16] Popescu E. Inscriptiile grecesti si latine din secolele IV–XIII descoperite în România. No. 85. Bucuresti, 1976. Cp.: Inscriptiones graecae. T. XIV. No. 926.
- [17] Cp.: Il romanzo di Alessandro. Testo greco e latino / R. Stoneman, T. Gargiulo (eds). Vol. I. Milano, 2007. P. 504–505.
- [18] Polignac Fr. de. Cosmocrator. L'Islam et la légende antique du souverain universel // The Problematics of Power: Eastern and Western Representations of Alexander the Great / M. Bridges, J.Ch. Bürgel (eds). Bern, 1996. P. 149–164.
- [19] Eusebii De laudibus Constantini. VI. 18 // Eusebius Werke. Vol. I / I.A. Heikel (ed.). Leipzig, 1902. S. 211.
- [20] Eusebii Vita Constantini III. 46 // Ibid. S. 97.
- [21] Eusebii Vita Constantini. IV. 69 // Eusebius Werke. Vol. I. S. 146.
- [22] Marlowe E. Framing the Sun: The Arch of Constantine and the Roman Cityscape // The Art Bulletin. 2006. Vol. 88. No. 2. P. 236–237; Koch H. Constantin le Grand // Byzantion. 1955–1956–1957. Vol. 25/27 (2). P. 457–472.
- [23] Cp.: Alexander S.S. Heraclius, Byzantine Imperial Ideology and the David Plates // Speculum. 1977. Vol. 52. No. 2. P. 217–237.
- [24] Cp., однако, определение, которое дает словарь Гесихия: «αὐτοκράτωρ· αὐτεξούσιος ἢ κοσμοκράτωρ (самодержец — самовластец или миродержец)» (Hesychii Lexikon. Berlin; Boston, 2018. P. 385). Статья перенесена в этот словарь из словаря Кирилла Александрийского. Возможно, здесь как-то сказались египетское бытование лексемы.
- [25] Anrich G. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen. Bd. I. Leipzig; Berlin, 1913. S. 85. В другой редакции того же Чуда император в этом же месте назван αὐτοκράτωρ: Ibid. S. 79.
- [26] Ibid. Bd. II. Leipzig; Berlin, 1917. S. 375.
- [27] Nicétas le Paphlagonien. Sept homélie inédites / F. Lebrun (ed.). Leuven, 1997. P. 303; Dyobouniotes C.I. Νικήτα Παφλαγόνοϛ ἐγκώμιον εἰς Ἰωάννην τὸν Χρυσόστομον // Θεολογία. 1934. T. 12. Σ. 58; D' Aiuto F. Tre canoni di Giovanni Mauropode in onore di santi militari [Bollettino dei Classici Suppl. 13]. Roma, 1994. P. 96; Michaelis Pselli. Poemata / hrsg. von L.G. Westerink. Stuttgart, 1992. S. 39; Michaelis Pselli. Philosophica minora / hrsg. von D.J. O'Meara. Bd. 2. Leipzig, 1989. S. 155, etc.
- [28] The Life of St. Andrew the Fool. Vol. II / L. Rydén (ed.). Uppsala, 1995. P. 60.
- [29] Δετοράκη Θ. Κοσμᾶς ὁ Μελωδός, Βίος καὶ Ἔργο. Θεσσαλονίκη, 1979. Σ. 54.

- [30] Papadopoulos-Kerameus A. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Τ. 4. СПб., 1897. Σ. 293–294. При этом у Михаила Пселла прямо противопоставляются друг другу κοσμοκράτωρ и αὐτοκράτωρ (Michael Psellus. Epistolae / ed. S. Papaioannou. Berlin, 2019. P. 515).
- [31] Любопытно отметить, что это семантическое новшество было тотчас воспринято на Руси: у Кирилла Туровского упоминается «отъ миродръжителеи боголюбная милостыня, отъ велможь церковное попечение» (Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894. С. 140) — т.е. явно задействовано политическое значение термина.
- [32] Eideneier H. Ptochoprodromos. Köln, 1991. S. 117.
- [33] Ibid. S. 124, 130.
- [34] Hörandner W. Theodoros Prodromos, Historische Gedichte. Wien, 1974. S. 277.
- [35] Horna K. Die Epigramme des Theodoros Balsamon // Wiener Studien, Zeitschrift für Klassische Philologie. 1903. Bd. 25. S. 199.
- [36] Bachmann M., Dölger F. Die Rede des Megas Droungarios Gregorios Antiochos auf den Sebastokrator Konstantinos Angelos // Byzantinische Zeitschrift. 1940. Bd. 40. S. 399.
- [37] Manuelis Holoboli Orationes / hrsg. von M. Treu. Potsdam, 1906. S. 45.
- [38] Papadopoulos-Kerameus A. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Vol. 1. СПб., 1891. P. 434.
- [39] Georges de Trébizonde. De la vérité de la foi des chrétiens / Th. Khoury (ed.). Altenberge, 1987. P. 108, 138.
- [40] Digenis Akritis. The Grottaferrata and Escorial versions / E. Jeffreys (ed.). Cambridge, 1998. P. 68.
- [41] Мне осталась недоступна диссертация: Gleixner H.J. Das Alexanderbild der Byzantiner. München, 1961.
- [42] Chrysostomides J., Dendrinos Ch., Harvalia-Crook E., Munitiz J.A. The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilos and Related Texts. Camberley, 1997. P. XXXVIII.
- [43] Pfister F., Riedinger U. Ein Zitat aus dem Alexander-roman des Ps.-Kallisthenes in einer untergeschobenen Schrift des Johannes von Damaskos // Byzantinische Zeitschrift. 1955. Bd. 48.
- [44] Pfister F., Riedinger U. Op. cit. S. 87–88.
- [45] Gero S. The Alexander Legend in Byzantium: Some Literary Gleanings // Dumbarton Oaks Papers. 1992. Vol. 46. P. 84.
- [46] Не приводя всех бесконечных изводов романа, сошлемся только на самый «византийский» его вариант: Trumpf J. Anonymi Byzantini vita Alexandri regis Macedonum. Stuttgart, 1974. S. 5, 21, 47, 53, 73, 85, 95, 96, 109, 123, 124, 130, 151, 153, 159, 163.
- [47] Дармштадт. Музей земли Гессен. Hessisches Landesmuseum, Darmstadt. Kg. 54: 215A; The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era / H. Evans, W. Wixom (eds). N.Y., 1997. P. 227.

[48] Galavaris G. Alexander the Great Conqueror and Captive of Death: His Various Images in Byzantine Art // RACAR: Revue d'art canadienne / Canadian Art Review. 1989. Vol. 16. No. 1. P. 12–18, 74–77. Fig. 7.

Александр Назаренко

«Владимиръ на столѣ»: тронные изображения на монетах крестителя Руси

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_66-88

Как известно, правление крестителя Руси князя Владимира (978–1015) сопровождалось чеканкой немногочисленной золотой и более массовой серебряной монеты. Последняя подразделяется на четыре типа. Иконографическое оформление серебряников I типа совпадает с оформлением золотников, что объясняется, очевидно, примерной одновременностью их выпуска. Изображения на серебряниках II–IV типов, отличаясь от монет I типа, разнятся и между собою. Нумерация монетных типов следует хронологии чекана (от наиболее раннего, I, к самому последнему, IV), которая выясняется главным образом благодаря наличию перечеканок ранних монет позднейшими штемпелями [1].

В свое время И.И. Толстой достаточно убедительно показал, что иконография золотников (илл. 1) [2] и серебряников I типа (илл. 4) восходит к изображениям на византийских монетах современников Владимира — императоров Василия II (976–1025) и его брата-соправителя Константина VIII (976–1028) [3]. Это относится к композиции в целом с изображением правителей на лицевой стороне и погрудного Спаса — на оборотной [4], а также к общему очерку и ряду деталей фигуры Христа.

В самом деле, такая композиция на византийских золотых получает распространение начиная с Константина VII (944–959), во всех случаях — с крестчатым нимбом вокруг головы Христа [5], но неизменно присутствующие на золотниках Владимира крайне широкие лопасти креста без украшающих их разнообразных орнаментов из точек свойственны практически только весьма распространенному 6-му виду *nomisma histamenon* Василия II и Константина VIII, в особенности подвиду 6b (илл. 2), тогда как на монетах подвида 6a концы лопастей расширяются при примыкании к линии нимба, а сами лопасти, как следствие, заметно уже [6], что менее располагает к нанесению на них какого бы то ни было орнамента (илл. 3).

Таков же (прямые широкие лопасти без орнамента) крестчатый нимб на несравненно более редких номисмах этих императоров подвида 3h, однако он сочетается на реверсе не с простым четырехконечным крестом в руках василевсов, как на золотых 6-го вида и на золотниках Владимира, а с шестиконечным так называемым патриаршим крестом [7], как на всех

видах номисм Василия II и Константина VIII, за исключением 6-го (см., например, илл. 5).

Простой крест на золотых 6-го вида замечателен еще тем, что на его концах отчетливо просматриваются засечки-точки; похоже, они определили форму креста в деснице Владимира, где лопасти креста укорочены до крайности, а точки, напротив, акцентированы, будучи превращены в крупные бусины.

На серебряниках Владимира I типа использована, напомним, та же самая иконографическая модель, что и на золотниках, но иногда с некоторыми отличиями в деталях.

Серебряники, оттиснутые парами штемпелей № 7–10 (здесь и далее нумерация по каталогу М.П. Сотниковой), не имеют, как и золотники, точек в лопастях креста, вписанного в нимб Спасителя, тогда как в штампах начиная с № 11 здесь помещена многоточечная розетка (илл. 4), явно воспроизводящая изящную восьмиточечную розетку, характерную для номисм 4-го вида (илл. 5) и, как исключение, для подвида 3f [8].

Кроме того, две эти группы штемпелей отличает и другая особенность: для второй характерна манера (которая удерживается и в серебряниках II–III типов) изображать нос князя и основание княжеского венца в виде единой резкой Т-образной фигуры (илл. 4, 6, 7). Между тем сходная манера заметна на некоторых подвидах номисм 4-го вида (4b, 4d), а также снова для подвида 3f, где, в сравнении с близкими подвидами, опознается скорее как попытка передать грозно сдвинутые брови, а вовсе не нахлобученную на глаза императорскую диадему.

Есть еще одна деталь, которая сближает золотники Владимира с номисмами 4-го и 6-го видов, самыми ходовыми, наряду с 3-м, — это раздвоенное завершение подвесок-пендилий императорского (*vice versa* княжеского) венца [9], выраженное двумя бусинами, которые расположены не только на известном расстоянии друг от друга, но и на разной высоте (на более ранних монетах бусины на концах пендилий представлены плотной группой на одном уровне).

Нумерация монетных штемпелей в каталогах отражает существующие в науке на настоящий момент представления о последовательности их применения. Несмотря на всю зыбкость, а порой и умозрительность этой реконструируемой хронологии, зафиксируем все же с ее учетом предварительный вывод из сделанных выше наблюдений. Изготовители матриц золотников и отнюдь не многочисленных (судя по дошедшим до нас 5 экземплярам) серебряников I типа № 7–10 ориентировались либо на предшествующие матрицы, либо непосредственно на золотой Василия II и Константина VIII 6-го вида. Позднее в поле зрения резчика (резчиков) попала более ранняя номисма 4-го вида, повлиявшая на усложненное оформление крестчатого нимба Христа, которое удержалось на всех

оставшихся штемпелях (№ 11–18) I вида (25 экземпляров). По ориентировочной хронологии Ф. Грирсона [10], эмиссия золотых 6-го вида началась, вероятно, в 1005 г. и продолжалась до смерти Василия II в 1025 г. В таком случае получающийся *terminus post quem* для начала чеканки монет Владимира вступает в довольно резкое противоречие с господствующим в отечественной науке мнением, что эта чеканка началась, видимо, немедленно после крещения Владимира и его женьбы на порфирородной сестре правивших василевсов Анне, т.е. около 990 г. [11]

Несколько смягчить эту коллизию можно было бы, допустив, что штемпели без орнамента в крестчатом нимбе не предшествовали, а, напротив, следовали за матрицами с орнаментом, ориентированным на номисму 4-го вида, которая, по предположению Ф. Грирсона, чеканилась в 1001–1005 гг. Но тогда придется объяснять, откуда на таких серебряниках I типа взялся простой четырехконечный крест в руках князя, появляющийся только на византийских номисмах 6-го вида. И объяснение тому, кажется, возможно лишь одно: этот крест не был копией византийского прототипа, а изображал какую-то знакомую резчику древнерусскую реалию — скажем, тот крест, который, по преданию, княгиня Ольга привезла из Царьграда и который хранился впоследствии в алтаре Софийского собора в Киеве [12] (если то был не напрестольный, а выносной процессионный крест).

Оценка вероятности такого объяснения зависит от ответа на аналогичный вопрос по отношению к другим, помимо креста, инсигниям, составляющим в своей сумме державный образ русского князя на лицевой стороне его монет.

Тождество иконографической модели серебряников I типа и золотников — факт примечательный, ведь византийские милиарисии того времени оформлены совсем иначе: вместо изображения Спасителя, как на золотых, здесь помещалась надпись с именами василевсов (илл. 12). Это различие означает, что Владимир стремился не просто к подражанию имперскому монетному чекану (хотя количественные характеристики серебряников — вес и размер — ориентированы именно на милиарисий), а к созданию некоего единого монетного образа, визуальное воздействие которого сильно пострадало бы, если бы он ограничивался только золотниками с их крайне ограниченным тиражом (известно только 11 экземпляров при 6 парах штемпелей, тогда как серебряников учтено две с половиной сотни при более чем полутора ста штемпелей). Возможно, свою роль сыграло и то обстоятельство, что тип имперской государственной печати Василия II и Константина VIII, несомненно хорошо известный на Руси, иконографически совпадал именно с номисмой [13].

Понятно, что образ благословляющего Спасителя был принципиально важен и его смысл в паре с образом князя ясен для новокрещеного народа.

Тем не менее на серебряниках II–IV типов он исчезает, будучи заменен на княжеский знак (о чем еще пойдет речь подробнее). Как следствие, основная, нюансированная, семантическая нагрузка сосредоточилась на изображении князя. Оно претерпело на серебряниках существенную эволюцию, сохранив, однако, все принципиальные структурные элементы.

Везде Владимир представлен с типичными атрибутами императорских портретов: в венце с возвышающимся посередине крестом и свисающими по бокам пендилиями (препендулиями), с крестом на длинном древке в правой руке, в плаще-хламиде, накинутом на плечи и скрепленном круглой фибулой (кроме серебряников II типа, где эта часть фигуры передана «голым» силуэтом по причине, которая будет разъяснена ниже), а на серебряниках II и IV типов — даже с нимбом вокруг головы (илл. 6–8).

Общее сходство атрибутов образа Владимира с византийской имперской иконографией — прежде всего на монетах и печатях — настолько очевидно, что, кажется, лишило исследователей стимула к более детальному изучению этого параллелизма. Между тем он того заслуживает.

Начнем с нимба. Его присутствие на портретах византийских императоров — прочно затверженный факт, и эта хрестоматийность породила в подытоживающем справочном издании о древнерусских монетах удивительное недоразумение: нимб на серебряниках Владимира возник потому-де, что являлся «на византийских монетах одним из обязательных признаков императорского достоинства» [14]. Ошибка эта под пером специалиста-нумизмата совершенно непростительная, так как обязательным на византийских монетах и, добавим, печатях послеиконоборческого времени было как раз, наоборот, отсутствиенимба вокруг головы императора. В нумизматических материалах VIII–XI вв. василевс никогда не изображался в нимбе [15], как то зачастую бывало на императорских портретах в других видах изобразительного искусства. Отсюда бесспорный вывод: русские резчики монетных штемпелей в процессе работы над образом князя для новых эмиссий серебряников аккумулировали в качестве образцов дополнительный византийский иконографический материал, причем не только нумизматический и сфрагистический [16].

На всех вариантах изображений русского князя всегда (за исключением серебряников II типа) хорошо просматривается плащ, хотя для императорского портрета на монетах и печатях в равной мере типично облачение в лор. Так, на парных портретах, обычных для монет Василия II и Константина VIII, старший, Василий, представлен в дивитисии, или далматике (это видно по складкам на локте правой руки), и лоре, а младший, Константин, — в дивитисии и плаще-хламиде с фибулой [17] (илл. 3, 5). Возникает вопрос: что же именно изображено на

монетах Владимира — императорская хламида или древнерусский плащ-корзно, типичный для торжественного княжеского облачения, судя по несколько более поздним материалам [18]? Склоняемся к первому вот по какой причине. На серебряниках III типа отчетливо видны свисающие с фибулы шнуры (илл. 7б), которые служили отличительным признаком именно императорской хламиды [19]; они хорошо видны на хламиде Константина VIII на илл. 3, 5. Судя по тому, что эта деталь присутствует на Владимировых серебряниках лишь эпизодически, русские мастера скорее всего не понимали ее специфического смысла, точно так же как не придавали ей значения, насколько нам известно, и современные исследователи [20].

Полагаем, что похожее недопонимание в историографии имеет место и в отношении другого элемента княжеского облачения, на этот раз на серебряниках II типа, который в науке обычно описывают как длинную «кольчугу» [21], «кольчугообразное одеяние» [22] или, совсем в другом роде, как «торжественное императорское одеяние, украшенное камнями и жемчугом» [23] (илл. 6). Последнее ближе к истине, но упускает главное: у такого «торжественного императорского одеяния» имелось конкретное название — лор (λωρος) [24]. Достаточно предъявить для сравнения любое изображение императора, где, в отличие от погрудного формата, свойственного монетам Василия II и его брата, присутствует поясная часть лора, — например, ростовой портрет на номисмах Александра (912–913) (илл. 9).

Для удобства выделим соответствующие части обоих сравниваемых изображений (илл. 10).

Если, как то часто бывало на монетах, грудная часть лора передавалась иначе, не в виде диагональных перекрещивающихся полос (илл. 9), а в виде прямоугольной сетки (это отражало новый покрой лора — с отверстием для головы), так что переход от грудной части к поясной выглядел переходом от вертикальных рядов точек к горизонтальным, как, например, на номисмах Константина VII (944–959) 10-го вида (император изображен с сыном-соправителем Романом II) (илл. 11), то сходство с псевдокольчугой Владимира станет еще больше.

Понятно, что плащ и фибула при подобном варианте орната, как и положено, исчезают (хламида надевалась на дивитисий, но не на лор [25]), тогда как на всех других монетных типах Владимира они налицо. Как и в случае с кистями хламиды, мастер-изготовитель штемпелей II типа (их 65!) и его подражатели едва ли имели понятие о таких тонкостях, и тем самым обозначенная взаимоисключающая комплементарность в изображениях княжеского наряда на серебряниках II типа и всех остальных монетах Владимира (либо «кольчуга», либо плащ) становится аргументом в пользу

интерпретации «кольчугообразного» княжеского облачения без плаща как именно посильной копии византийского лора.

Настало время вернуться к поставленному выше вопросу о кресте в руках Владимира и возможности усмотреть в нем древнерусскую реалию. После всего сказанного такое предположение кажется маловероятным. Против него говорит также явно укороченная форма креста на серебряниках III типа, где он лежит на правом плече князя, нижним концом упираясь в колени (илл. 7), тогда как на всех других монетах Владимира крест изображен вертикально стоящим на полу, на уровне ног, что отчетливее всего видно на серебряниках I типа (илл. 4). Не станем относить эту разницу на счет условности изображения — ведь ничто не мешало продлить древко креста до нижнего ободка монеты и на серебряниках III типа. Если вариант креста на длинном, до полу, древке скорее всего воспроизводит, как говорилось выше, изображение простого (не «патриаршего») креста на номисмах Василия II и Константина VIII 6-го вида, то сильно наклоненный вправо крест на серебряниках III типа очень напоминает картину на некоторых номисмах (8-й вид) и разнообразных фоллах 25-го вида Константина VII, где император представлен с сильно наклоненным лабарумом у правого плеча [26]. Лабарум, будучи слишком специфическим символом, мог восприниматься русским резчиком просто как несколько осложненная форма креста. Действительно, та же композиция, причем не с лабарумом, а с крестом, наблюдается и на печатях болгарского царя Петра I (927–969), только в зеркальном отражении [27]. Похоже, резчик — родоначальник штемпелей III типа (всего их 42) в поисках образца для изображения трона Владимира (см. ниже) получил в свое распоряжение, как и его предшественники, довольно большое количество византийского нумизматического материала.

Против предположения о кресте на монетах Владимира как отражении какой-то реалии свидетельствует и другое обстоятельство, пусть и не столь заметное. На некоторых штемпелях серебряников IV типа — например, № 167, 168, 172 [28] — крест представлен на так называемой голгофе — двух- или трехступенчатом подножии. Такая форма никак не соотнобразуется с предполагаемым выносным характером креста, и ее эпизодическое появление на монетах Владимира объясняется, вероятно, как практически и все прочие детали, наличием византийского образца, который в данном случае отыскивается без труда: на всех многочисленных видах милиарисиев Василия II и Константина VIII крупный крест между фигурками императоров является как раз так называемым голгофским [29] (илл. 12).

Важно учесть, что и в Византии крест на высоком древке, на подножии или без него, также не являлся тронной реалией [30], а присутствовал на монетах символически в качестве знака царской победы, хотя и имел, как

считается, действительный прототип в виде триумфального креста, воздвигнутого Константином Великим на форуме своей новой столицы [31]. Тот украшенный драгоценными камнями золотой крест, который нес в левой руке император во время самых торжественных выходов (на Пасху, Пятидесятницу и при приеме важных гостей), согласно обряднику Константина Багрянородного [32], разумеется, не мог соответствовать пропорциям, представленным на монетах, и был значительно более скромных размеров [33]. О настоящих процессионных крестах в рост человека дают представление миниатюры из «Минология Василия II» с изображением крестных ходов по случаю землетрясений в Константинополе 447 и 740 гг. В первом случае крест несет обеими руками вестиарий перед императором и патриархом [34], во втором — диакон удерживает огромный крест с помощью лямки, перекинутой через шею [35].

Обратимся, наконец, к венцу князя, который, вне всякого сомнения, воспроизводит императорскую диадему на византийских монетах, непременной принадлежностью которой с середины X в. становятся пендиллии [36], какие видим и на всех монетах Владимира. Императорский характер венца выдается наличием у него, помимо пендиллий, еще и крестообразного навершия, чем венец василевса отличался от кесарского (кесарь, следовавший в византийской государственной иерархии сразу за императором, также имел право на ношение диадемы — *καίσαρ(ί)κιον*) [37].

Это обстоятельство мешает думать, что Владимир изображен в реальном византийском венце. Да, из категорического запрета середины X в. посылать хазарским, венгерским, русским или иным «скифским» правителям «что-нибудь из царских одеяний, или венцов, или мантий» [38] в отношении Владимира как свойственника и духовного сына императора вроде бы могло быть сделано исключение, коль скоро оно уже было для него сделано из не менее сурового запрета не выдавать багрянородных царевен за варваров [39]. И все же: что заставляло Василия II дарить собственно императорский венец, а не какой-либо иной, сколь угодно пышно убранный для удовлетворения «варварского» честолюбия? Во всяком случае, сохранившиеся короны византийской работы, оказавшиеся за пределами Византии (в Венгрии), не могли быть императорскими, как видно хотя бы по тому, что их центральные эмалевые медальоны несут изображения императоров: на одной — Константина IX Мономаха (1042–1055) (с формальными соправительницами Зоей и Феодорой, дочерьми Константина VIII), на другой — Михаила VII Дуки (1071–1078) с сыном-соправителем Константином (впоследствии она составила нижнюю часть венгерской королевской короны, так называемой короны св. Стефана) [40]. Если подобная корона с изображением византийского василевса и была подарком зарубежному правителю, то

выглядела (по крайней мере, в глазах Константинополя) как символ верховной власти первого над вторым. Крестчатый венец Владимира на его монетах — иной и копирует именно императорскую стемму. Заметим, что венгерский король Геза I (1074–1077), изображенный на одной из эмалей короны с Михаилом VII, увенчан драгоценной стеммой, но без креста и подвесок, тогда как императоры, как положено, представлены здесь же в крестчатых стеммах с пендилиями.

Итак, в общем единый, но разнящийся в мелочах (каждая из которых имеет византийский прототип) княжеский орнат Владимира на его монетах показывает, что атрибуты орната — венец, хламида (или лор) и крест — отражают не реальные инсигнии, а лишь те или иные византийские иконографические образцы, причем разные. Этот вывод в корне подрывает исходную посылку тех исследователей, которые в несводимости деталей на Владимировых монетах к какому-то одному византийскому изображению видели как раз залог реальности изображаемого: «...трудно представить, чтобы резчики штемпелей собрали различные образцы византийских монет, заимствовали из них отдельные детали и скомпоновали их на изображении» [41]. Но дело обстояло совсем иначе: детали единой в целом композиции, сформировавшейся на основе иконографии номисм Василия II и Константина VIII 6-го вида, оставаясь на своих местах, несколько видоизменялись по мере расширения круга доступных резчику византийских иконографических материалов.

А вот что действительно трудно себе представить — так это что цареградские василевсы могли в самом деле прислать русскому князю-родственнику практически полный набор византийских государственных символов; из этого набора в русской иконографии не замечены только лабарум и держава. На первое в науке, сколько мы знаем, не обращалось внимания, а вот второму придавали значение: сферическая держава не была воспринята Владимиром якобы потому, что служила собственно императорской инсигнией [42]. Последнее, возможно, и верно [43], но объяснение все равно не годится. Ведь исключительно императорскими иконографическими атрибутами были и лор [44], и хламида, скрепленная фибулой со шнурами (кистями), и венец с крестом и подвесками. Однако это отнюдь не помешало Владимиру включить все перечисленные яркие детали в княжеское облачение на своих монетах.

Между тем соблазнительная идея, будто на монетах князя Владимира изображены его реальные императорские инсигнии, полученные, хотя бы частично, от греков, довольно прочно обосновалась в науке [45]. Богатый иконографический материал, предоставляемый монетами Владимира, послужил даже поводом развить эту мысль до ее логического предела: проследить гипотетическую эволюцию формы княжеского венца крестителя Руси [46]. Силясь представить себе в укромной камере дворца

Владимира поставец с его многообразными венцами, должны признать, что в таком предельном, даже гротескном виде предположение о возможном даре византийского императора русскому князю носит скорее саморазоблачительный характер. Трезвый призыв к осторожности, к необходимости рассматривать дело в перспективе творческого усвоения византийского «художественного образа» [47] не был услышан.

Итак, рассмотрение элементов княжеского облачения Владимира на его монетах показывает, по нашему убеждению, что речь надо вести не об изображении реальных императорских инсигний, а именно о следовании византийскому «художественному образу» императора, как он отразился в нумизматически-сфрагистической сфере, хотя и не исключительно в ней. Понятно, что такой вывод сам по себе не может опровергнуть возможного наличия у Владимира тех или иных символов власти, полученных из Византии; он всего лишь исключает нумизматическую иконографию из числа аргументов в пользу этого наличия.

Вместе с тем при всем обилии византийских иконографических аллюзий на монетах Владимира изготовители их штемпелей с самого начала не имели возможности ограничиться простым копированием. В отличие от реверса с ликом Христа, работа над аверсом, где надлежало быть портрету князя, обязывала резчика проявить самостоятельность. Не только потому, что ему нужно было парное изображение превратить в одинарное — в конце концов, таких византийских образцов также было в изобилии. Главное, что бросается в глаза, но до сих пор нами не обсуждалось: изображения на византийских монетах (да и печатях) того или близкого времени — погрудные, реже они представляют императора в рост, тогда как на Владимировых монетах князя должно было представить сидящим на престоле.

Да, тронные портреты императоров в византийской нумизматике известны, но они сходят на нет к началу Македонской династии [48] и, что важнее, никогда не сочетались с изображением Христа Пантократора, и это понятно: перед ликом «Царя царствующих» (1 Тим. 6:15) можно было только склоняться в поклоне или по крайней мере стоять. На многих монетных изображениях, начиная с императора Юстиниана II (685–695, 705–711), который, кажется, и ввел этот тип Вседержителя в нумизматику, он даже сопровождался прямой экспликацией в виде латинской легенды REX REGNANTIUM. Именно с появлением на монетах образа Пантократора, или Памвасилевса, связано исчезновение с них тронных императорских портретов [49]; погрудные изображения были в этом отношении паллиативны, скрадывая коллизии божественного и императорского величия. Иконография с Пантократором на реверсе доминирует и на печатях болгарских царей Симеона и Петра I, где изображение правителя, как и на византийских образцах, также поясное или, изредка, ростовое, но

никогда не тронное. (Еще и по этой причине, заметим, напрасны недоумения, почему русский мастер не избрал себе какого-то единого византийского прототипа.)

Что русский изготовитель монетных штемпелей золотников и серебряников I типа имел перед глазами в качестве иконографического образца не тронное изображение василевса, а как раз поясное, обычное для монет его времени, со всей непреложностью видно из следующего курьезного обстоятельства, не раз отмечавшегося [50]. Заполнив почти все поле поясной фигурой, резчик вынужден был приделать к ней схематические, непропорционально малые ноги; иногда они чуть согнуты в коленях и только потому можно догадаться, что князь изображен сидящим. Затруднения, которые испытывал мастер, очевидны [51] (илл. 1, 4).

Такое труднопреодолимое отклонение от авторитетной модели должно было иметь вескую причину, и она указана на самих монетах в круговой надписи: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЪ [52] (исключение составляют только 2 золотника, где надпись иная: ВЛАДИМИРЪ А СЕЕГО ЗЛАТО [53]). На более поздних разновидностях монет (серебренники II–IV типов), когда на реверсе вместе с изображением Спаса исчезает надпись ІСУСЪ ХРИСТОСЪ и освобождается дополнительное место, эта надпись изменяется, но первоначальная формула из нее не исчезает: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЪ А СЕ ЕГО СРЕБРО [54]. Сохраняется, соответственно, и сам характер иконографии: князь по-прежнему восседает на престоле, который теперь даже прямо выступает на изображении — то ли в виде массивной, украшенной пуансоном спинки (серебренники III типа) (илл. 7), то ли в виде тронной подушки-валика с кистями (серебренники II и IV типов) (илл. 6, 8). Зато изменяется другое: с оборота монеты исчезает образ Христа (!), а на его место помещается родовой знак Владимира (трезубец), который ранее, в сильно уменьшенном виде, находился на лицевой стороне у левого плеча князя.

Замена прямо-таки вопиет своей алогичностью: креститель державы добровольно и даже намеренно лишает свой официальный образ соседства с образом благословляющего Пантократора — соседства, столь привычного по императорским изображениям, тем самым как бы устраняясь от благословения Спасителя! Это странно вдвойне, потому что право помещать на своих печатях изображение Христа Вседержителя в Римейской империи принадлежало, как считается, исключительно императорам, немногочисленным членам его семейства и ближайшему его окружению — вероятно, крестникам [55] (к последним — по крайней мере, в смысле «политических» крещений Средневековья [56] — относился и Владимир). Если так, то почему же русский князь, поначалу воспользовавшись было столь редким и крайне престижным правом,

усвоенным себе и болгарскими царями IX–X вв., со временем отказался от него? (Покуда печати Владимира неизвестны [57], исходим из того, что сфрагистические и нумизматические изображения объединены близостью иконографического типа.)

Понятно, что столь броский факт не остался без обсуждения в науке [58], хотя очевидная парадоксальность случившейся перемены и ускользала от внимания. Еще и поэтому предлагавшиеся объяснения едва ли достаточны. Одно слишком утилитарно, сводя дело к случайному обстоятельству: резчики штемпелей серебряников II типа из-за неумелости будто бы «не отваживались копировать лик Христа как слишком для них сложное изображение», в отличие от княжеского знака, тогда как изготовители штемпелей серебряников III и IV типов просто следовали за предшественниками [59]. Другое сводится к тому, что если первый этап монетной чеканки при Владимире (золотники и серебряники I типа) связывать с крещением князя и его женитьбой на византийской царевне Анне, сестре правивших императоров Василия II и Константина VIII, то второй этап (серебряники II–IV типов) логично отнести ко времени второго брака Владимира якобы с немкой, «внучкой германского императора Оттона I» [60], и произошедшими тогда «антивизантийскими действиями князя» [61]. Вот пример объяснения, которое ничего не объясняет. Факт второго христианского брака Владимира засвидетельствован достаточно прочно [62], но ни о каком антивизантийском повороте в позиции князя нет ровным счетом никаких данных, это — чистый домысел. Но даже если бы дело было и так, почему гипотетическая размолвка с Царьградом и те или иные политические интересы на латинском Западе должны были повести к удалению лика Христа с монет? Никакого объяснения перемене не дает и догадка Ф. Андрощука, будто серебряники II типа начали чеканиться в связи с освящением Десятинной церкви в 995/6 г. [63]

Полагаем, что правильный ответ на изложенное недоумение диктуется отмеченным выше единственным, но принципиальным несоответствием (при несомненной общей подражательности) иконографии русского князя византийскому обычаю, который, повторим, не допускал тронного изображения василевса в сочетании с изображением Христа Памвасилевса. Греки обязаны были обратить внимание Владимира на эту тонкость, которая до тех пор вполне могла быть и не замечена на Руси, и князь не стал без нужды противиться византийскому канону (тем более что последний был в данном случае мотивирован богословски, а не политически) и устранил противоречие. Но как! Ведь можно было пойти по пути максимально полного уподобления образцу и сделать изображение князя поясным, тем самым заодно сильно облегчив задачу изготовителям монетных штемпелей. Но Владимир предпочел пожертвовать образом

Христа ради сохранения именно тронной иконографии и подкреплявшей ее выразительной надписи!

Более того, русские резчики, работавшие над матрицами серебряников II–IV типов, настойчиво старались усовершенствовать изображение именно в направлении вящей визуализации княжеского стола, с которой так плохо справились их предшественники — изготовители штемпелей для золотников и серебряников I типа. Не слишком мастеровитый создатель иконографической модели серебряников II типа просто подчеркнул валики тронной подушки, позаимствовав их с тронных изображений Христа — например, на некоторых разновидностях номисм Константина VII [64]. На серебряниках III типа та же задача выполнена иначе, с грубой прямолинейностью: княжеский престол с несомненностью усматривается по широкой и высокой спинке; ее очевидный византийский прообраз, встречающийся, например, на золотых Льва VI, Александра, Константина VII применительно к престолу Христа [65], получил название трона с лирообразной спинкой. Это громоздкое изображение на серебряниках IV типа снова уступило место модели с тронной подушкой, но теперь, в отличие от II типа, искусно, с соблюдением пропорций, очерчена фигура сидящего князя, округлость выступающего колена — деталь, которая позаимствована, похоже, с тех же византийских изображений Христа на престоле [66]. (Показательно, что все три иконографические детали, которые по отдельности использованы на серебряниках II–IV типов, присутствуют в совокупности на одних и тех же византийских монетах.)

Сказанное подводит к заключению: в идеологической символике князя Владимира понятие «стола» занимает центральное место. В то же время описанный разницей в изображениях престола на княжеских монетах показывает, что, как и в случае с другими инсигниями — венцом, крестом, хламидой и лором, на них представлен не реальный трон (который, конечно же, существовал), а лишь реплики с подходящих византийских монетных изображений. Это еще не парадокс, ибо понятно, что важно было не просто изображение, а изображение в идеологически авторитетных формах. Парадокс заключается в другом: в этом ряду иконографических ориентиров русский мастер (или направлявший его руку идеолог) не нашел императорских изображений, но, ничуть не смутясь этим, заимствовал нужные ему детали с монетной иконографии Спасителя. Да, тронные изображения императоров, конечно же, практиковались в том числе вплоть до Льва VI и на монетах — правда, только на медных фоллах (виды 5, 6) [67]. Однако иконографически «тронный» Владимир с ними никак не связан — то ли потому, что их просто не оказалось под рукой русского мастера, то ли иконография медных монет не считалась достаточно солидной.

Итак, нельзя сказать, чтобы сам по себе мотив трона правителя отличал древнерусский материал от византийского. Но место этого мотива и его осмысление в той и другой традиции, при отдельных, иногда ярких, схождениях [68], были все-таки разными. Если византийские императоры уже в X в. легко отказались от него в нумизматике по причинам, которые обсуждались выше, то русский князь, совсем наоборот, ввел (если угодно, вернул) его в монетную иконографию.

Действительно, в византийской символике императорской власти трон играл роль важную, но отнюдь не исключительную, входя составной частью в разветвленную систему инсигний. Традиционная державная символика русских князей являет собой совершенно иную, куда более простую картину, сводясь, насколько известно, именно к столу. Стать князем на Руси значило «сести на столъ», обычно «на столъ отьнѣ и дѣднѣ»; такова была сакраментальная формула принятия власти даже века спустя после Владимира [69]. Сама процедура вокняжения включала в себя посажение на столе в качестве ключевого момента, остальные же части церемонии не были связаны с какими-либо иными княжескими инсигниями (скажем, венцом): торжественное вступление в город, встреча столичной верхушкой и священнослужителями, посещение соборного храма и целование икон, принесение князем и местной знатью взаимных клятв и скрепление их крестоцелованием и т.п. [70]

Следовательно, иконография монет Владимира выдает стремление не столько соединить византийские властные инсигнии с древнерусскими, сколько расставить в византийской системе инсигний русские акценты. Видимо, еще точнее было бы сказать: князь Владимир намеревался с помощью византийской (а потому воспринимавшейся как собственно христианская) символики освятить, сакрализовать основное понятие и символ русского княжого права — стол. И на то у него имелись причины, обусловленные политико-династическим строем Руси, который коренным образом разнился с византийским.

Руси было свойственно представление о коллективном совладении государством всех членов правящего рода. Согласно этому обыкновению после смерти Владимира государственная территория (за вычетом Полоцкого княжества, где укрепилась младшая ветвь рода, подчиненная киевским князьям) подлежала разделу между Владимировичами. Главный, киевский, стол причитался старейшему из братьев, но в остальном никакого собственно политического механизма зависимости уделов от Киева не существовало. Государственно-политически все князья и их уделы были равны, князей-братьев связывало только семейно-династическое почтение к старейшему, которое, естественно, было далеко не так сильно, как власть отца [71].

Владимир уже вступил на путь традиционного раздела, когда выделял подрастающим сыновьям отдельные столы [72], и, таким образом, перед киевским князем, отцом многочисленного семейства, маячила неизбежная перспектива дробления его владений на несколько самостоятельных (пусть, возможно, только временно) княжеств. Понятно, что ни новоприобретенный статус христианской державы, ни связанный с ним международный авторитет и престиж Руси и ее правителя как свойственника ромейских василевсов никакому разделу не поддавались, и новое государственно-политическое самосознание Владимира должно было противиться дроблению. Неудивительно, что князь вознамерился воспрепятствовать этому и предпринял попытку реформировать династический порядок, оставив киевский стол Борису, одному из своих младших сыновей от «болгарыне» — вероятно, представительницы болгарского царского рода [73].

Именно с этой реформой следует, на наш взгляд, связывать практически одновременное выступление против Владимира его старших сыновей — туровского князя Святополка в 1013 г. [74] и новгородского Ярослава в 1014 г. [75]. Если многочисленный монетный чекан Святополка, в точности повторявший IV, финальный, тип Владимировых серебряников, лишь с изменением личного княжеского знака [76], относился, очевидно, к периоду его киевского княжения, то количественно несравненно более скудный тип, в котором княжеское изображение на аверсе уступает место изображению патронального святого Святополка — апостола Петра (тип серебряника с именем «Петрос») [77], вполне естественно было бы сопоставить с аналогичным и столь же малочисленным чеканом Ярослава новгородского периода (аверс — св. Георгий, реверс — княжеский знак Ярослава) [78]. В этой связи обратим внимание на уникальную легенду на одной из разновидностей серебряников IV типа: ВЛАДИМИРЕ СЕРЕБРО СЯТОГО ВАСИЛЯ [79] (именем Владимира в крещении, как известно, было Василий); изображения святого Василия Великого на монете еще нет, но имя его уже призывается. Не решаемся определить, была ли такая легенда источником для указанных новаций на монетах Святополка и Ярослава, или, напротив, стала реакцией на них [80].

Причина смены иконографического типа (по крайней мере, одна из них) на монетах обоих мятежных Владимировичей заключается, как нам видится, именно в том, что тронное изображение князя прочно ассоциировалось с проектом Владимира устроить княжескую власть на Руси по византийско-болгарскому образцу, представить киевского князя своего рода «русским царем», «βασιλεὺς τῶν Ῥῶς» — в том смысле, в каком Константинополь, оставляя за собой титул настоящих, римских императоров («βασιλεῖς τῶν Ῥωμαίων»), скрепя сердце шел на признание каролингских императоров «императорами франков» («βασιλεῖς τῶν

Φράγγων»), а болгарских царей — «императорами болгар» («βασιλεῖς τῶν Βουλγάρων»). Русский князь, супруг византийской багрянородной царевны, в собственных глазах был достоин никак не меньшего, чем болгарский царь Петр, женатый всего лишь на внучке императора Романа I Лакапина (920–944), которая не была ни порфирогенитой, ни даже вообще царевой императорской крови (Роман I взшел на трон, став тестем императора Константина VII). Между тем этот брак был принципиально важен для легитимации царского звания правителя Болгарии, если судить по наиболее многочисленному типу печатей Петра, на которых он изображен в паре с Марией Лакапиной [81].

Вот почему при создании нумизматического образа русского князя была, с одной стороны, сознательно использована императорская иконография с византийских монет, а с другой, вопреки византийской иконографии, в этом образе так настойчиво подчеркивалась эмблематика стола, на котором и восседал украшенный царскими инсигниями правитель новой Руси. Ведь задача была не просто в том, чтобы дать наглядное выражение превращения, сублимации княжеского стола в стол царский, а в том, чтобы явить соединение русской и византийской государственной идеологии в единой композиции.

[1] Толстой И.И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. Нумизматический опыт. СПб., 1882; Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983; Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М., 1995; Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 403–435. В настоящее время атрибуцию монет именно Владимиру Святославичу можно считать доказанной, хотя альтернативная гипотеза о принадлежности их киевскому князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху (1113–1125), главным защитником которой был в свое время такой авторитет, как А.В. Орешников (Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси (Труды Гос. исторического музея. Вып. 6). М., 1936), время от времени всплывает в историографии до сих пор: Pritsak O. The Origin of the Old Rus Weights and Monetary Systems. Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries (Harvard Series in Ukrainian Studies, IV). Cambridge (Mass.), 1998. P. 75–76, 117.

[2] См. вклейку. В списке иллюстраций (см. с. 513) для изображений золотников и серебряников Владимира в скобках приводится номер соответствующего экземпляра по каталогу: Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. Указано также музейное собрание, из которого происходят изображаемые монеты.

- [3] Толстой И.И. Древнейшие русские монеты X–XI века // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. 6. СПб., 1893. С. 323–331.
- [4] В определении лицевой и, соответственно, оборотной стороны в науке нет единообразия; мы придерживаемся традиции, закрепившейся в отечественной литературе, хотя и сознаем ее условность.
- [5] Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Vol. 3: Leo III to Nicephorus III (717–1081). Part 2. Washington, 1973. Pl. XXXVI–XXXVII, виды 12–13, 15.
- [6] Ibid. Pl. XLV, вид 6. Аналогичный вид 12 номисм Константина VII крайне редок.
- [7] Ibid. Pl. XLIV.
- [8] Grierson P. Op. cit. Pl. XLIV.
- [9] Ibid. P. 607.
- [10] Ibid. P. 603, 605–607.
- [11] Сотникова М.П., Спасский И.Г. Указ. соч. С. 81; Сотникова М.П. Указ. соч. С. 191–192; Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Указ. соч. С. 421 (со ссылкой на М.П. Сотникову и И.Г. Спасского); Androshchuk F. Images of Power. Byzantium and Nordic Coinage, с. 995–1035 (Occasional Monographs published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 5). Kyiv; P., 2016. P. 59–60; и др.
- [12] Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009. С. 422.
- [13] См., например: Соколова И.В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции [Государственного Эрмитажа]. СПб., 2007. № 89–95.
- [14] Сотникова М.П. Указ. соч. С. 189.
- [15] Grierson P. Op. cit. Vol. 3. Part 1. Washington, 1973. P. 107.
- [16] В качестве любопытной и, кажется, уникальной параллели отметим изображение с нимбом венгерского короля Иштвана (Стефана) I (997–1038) на его золотых (известно 4 экземпляра); впрочем, существует мнение, что эти монеты были выпущены в 1080-х годах при короле Ласло (Владиславе) I в связи с канонизацией св. Стефана (Gedai I. King saint Stephen's gold coinage // Numismatica e antichità classiche. Quaderni ticinesi. Т. 28. Lugano, 1999. P. 311–346; Tóth Cs. Minting, financial administration and coin circulation // The Economy of Medieval Hungary / J. Laszlovszky et al. (eds). Leiden; Boston, 2018. P. 284–285). Заметим, что изображения на печатях болгарских царей X в. вполне следуют византийским образцам и не содержат нимба: Йорданов И. Корпус на печатите на средновековна България (Монетосечения и монетна циркуляция на Балканите, 6). София, 2001.
- [17] См., например: Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока / сост. и автор коммент. В.С. Шандровская (Научное наследство. Т. 19). М., 1991. С. 253. Табл. LXXVI, 12; Соколова И.В. Указ. соч. № 89–95; Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Указ. соч. С. 414. Рис. 10, 2 (= Соколова И.В. Указ. соч. № 89).
- [18] По выходной миниатюре Изборника Святослава 1073 г. (Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983. Л. 1 об.) или по

примерно одновременному портрету князя Ярополка Изяславича на страницах молитвенника его матери польки Гертруды (Psalterium Egberti: Facsimile del ms. CXXXVI del Museo Archeologico Nazionale di Cividale del Friuli / C. Barberi (ed.). S. I., [2000]. [Relazioni della Soprintendenza per i beni ambientali, architettonici, archeologici, artistici e storici del Friuli-Venezia Giulia, 13]. Fol. 10 v), если говорить только о наиболее ранних свидетельствах.

[19] Grierson P. Op. cit. Vol. 3. Part 1. P. 117–120.

[20] Эти шнуры ошибочно воспринимались как аналогия столь же непонятной «кольчуге» на серебряниках II типа (Сотникова М.П. Указ. соч. С. 76. № 124), о которой см. подробнее ниже.

[21] Орешников А.В. Указ. соч. С. 70; Сотникова М.П. Указ. соч. С. 182 (характеризует определение А.В. Орешникова как «удачное»).

[22] Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Указ. соч. С. 415.

[23] Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 301.

[24] Š[evčenko] N.P. Loros // The Oxford Dictionary of Byzantium (далее: ODB). Vol. 2, 1991. P. 1251–1252.

[25] Отдельные случаи одновременного присутствия лора и хламиды на императорских изображениях прослеживаются только много позже, со второй половины XII в., со времени Маниула I Комнина (1143–1180) (Parani M.G. Reconstructing the Reality of Images: Byzantine Material Culture and Religious Iconography (11th–15th Centuries). Leiden; Boston, 2003. P. 14. Note 10).

[26] См., например: Grierson P. Op. cit. Vol. 3. Part 2. Pl. XXXVI, XXXVIII–XXXIX.

[27] Йорданов И. Указ. соч. № 113–117а; на сходных сфрагистических изображениях царя Симеона (893–927) в руках правителя, кажется, не крест, а лабарум (Там же. № 49–56).

[28] Сотникова М.П. Указ. соч. С. 92, 94.

[29] Grierson P. Op. cit. Vol. 3. Part 2. Pl. XLVI.

[30] Ibid. P. 139.

[31] Грабар А. Император в византийском искусстве / пер. Ю.А. Грейдинга; вступ. ст. Э.С. Смирновой. М., 2000. С. 53 (французский оригинал вышел в 1936 г.).

[32] В правой руке император, облаченный в венец и лор, при этом держал акакий: Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo / E rec. I.I. Reiskii. T. 1. Bonn, 1829. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Cap. I, 1K. P. 25.18–22.

[33] Так, византийский крест этого рода из собора в Турнэ имеет высоту всего лишь 14,4 см; очевидно, он служил навершием скипетра, иначе его неудобно было бы держать (см. подробнее: Grierson P. Op. cit. Vol. 3. Part 1. P. 140).

[34] Cod. Vatic. graec. 1613. Fol. 350 (факсимиле на сайте Ватиканской библиотеки DigiVatLib). Видимо, это тот крест, который хранился в церкви св. Стефана во дворце Дафны и предносился перед императором во время некоторых выходов — например, рождественского (Беляев Д.Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 2:

- Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X вв. СПб., 1893. С. 45. Примеч. 1; 50).
- [35] Cod. Vatic. graec. 1613. Fol. 142.
- [36] Grierson P. Op. cit. Vol. 3. Part 1. P. 127–129.
- [37] Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis. Cap. I, 43; II, 5. P. 218.24–219.1, 711.22–712.3; Беляев Д.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 21. Примеч. 2; Guiland R. Recherches sur les institutions byzantines. [Т.] 2. Berlin; Amsterdam, 1967. (Berliner byzantinische Arbeiten. Bd. 23). P. 37.
- [38] Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / [пер. Г.Г. Литаврина]; под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1989. Гл. 13. С. 54–57.
- [39] Там же. С. 58–61.
- [40] Из сложной и противоречивой литературы вопроса, в которую здесь не место вникать, укажем лишь: Kiss E. The State of Research on the Monomachos Crown and Some Further Thoughts // Perceptions of Byzantium and Its Neighbors (843–1261) / O.Z. Pevny (ed.). N.Y., 2000. P. 60–83; Deér J. Die heilige Krone Ungarns. (Denkschriften der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-histor. Klasse, 91). Wien, 1966. S. 35–88.
- [41] Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 4. Л., 1972. С. 158.
- [42] Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 294–295.
- [43] В византиноведении не завершена дискуссия, является ли держава только традиционным символическим атрибутом императорского портрета (Schramm P.E. Sphaira, Globus, Reichsapfel. Wanderung und Wandlung eines Herrschaftszeichens von Caesar bis zu Elisabeth II. Ein Beitrag zum "Nachleben" der Antike. Stuttgart, 1958. S. 24–28) или реальной инсигнией (Deér J. Der Globus des spätrömischen und des byzantinischen Kaisers. Symbol oder Insigne? // Byzantinische Zeitschrift. München. 1961. Bd. 54. S. 53–85, 291–318); см.: К[azhdan] A. Sphaira // ODB. 1991. Vol. 3. P. 1936; Parani M.G. Op. cit. P. 34; и др.
- [44] Лор мог служить также отличием некоторых должностных лиц самого высокого уровня во время пасхальных пиров (Š[evčenko] N.P. Op. cit.), но вряд ли этот нюанс мог повлиять на иконографию монет и печатей.
- [45] Сотникова М.П. Указ. соч. С. 189; Свердлов М.Б. Изображение княжеских регалий. С. 151–159; Свердлов М.Б. Владимир Святославич Святой — князь и человек // Культура славян и Русь. Сб. статей к 90-летию Б.А. Рыбакова. М., 1998. С. 81–82; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 293–296, 301–303.
- [46] Жилина Н.В. Реконструкция венца Владимира Святого (на основании изображений на монетах) // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2015. Вып. 241. С. 263–275.
- [47] Соколова И.В. Несколько замечаний по поводу византийских прототипов древнерусских монет // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л., 1975. Вып. 40. С. 67–72. Справедливости ради надо сказать, что исследовательница резко критиковала также и исследовательский метод

И.И. Толстого, согласно которому при подражании могут использоваться отдельные иконографические детали. Эта критика, справедливая в той мере, в какой она указывала на те или иные ошибочные атрибуты И.И. Толстым потенциальных византийских прототипов, в принципе своем кажется нам (как видно из сказанного выше) неоправданной.

[48] Последними засвидетельствованы такие изображения на медных монетах (фоллах) Василия I и Льва VI, оборот которых содержит только надписи (Grierson P. *Op. cit.* Vol. 3. P. 2. Pl. XXXIII, 12; XXXIV, 5).

[49] Грабар А. Указ. соч. С. 39–40, 44–45.

[50] Толстой И.И. Указ. соч. С. 325; Орешников А.В. Указ. соч. С. 67; Молчанов А.А. К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // Вестник Московского ун-та. М., 1973. Серия IX: История. № 3. С. 76; и др.

[51] Попытки релятивировать этот несомненный факт неудачны. Так, М.П. Сотникова сводит дело к «определенной графичности», свойственной раннесредневековым изображениям в целом (Сотникова М.П. Указ. соч. С. 173–174). Но ведь речь идет не о графичности или рельефности, а о кричащей диспропорции двух частей изображения — верхней и нижней. Еще дальше пошел М.Б. Свердлов, полагая, что на портрете Владимира «ясно и умело (?! — А. Н.) обозначены не ноги, а сапоги с массивными каблуками» (Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 294–295). Что князь сидел на престоле не босиком, понятно. Но вряд ли дело в сапогах как инсигниях императорской власти, как догадывается историк. Инсигнией были только красные сапожки, передать же это принципиальное отличие от обычных сапог в данном случае было совершенно невозможно. И потом, переквалификация «ног» в «сапоги» вовсе не придает изображению «умелости».

[52] Сотникова М.П. Указ. соч. С. 19–22, 26–46; Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Указ. соч. С. 415–416, 418 (рис. 11–12).

[53] Сотникова М.П. Указ. соч. С. 22–24. № 5–6.

[54] Там же. С. 46–96; Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Указ. соч. С. 417–422 (рис. 13–15).

[55] Wasilewski T. Le Christ Pantokrator sur les sceaux et les monnaies des souverains de la Russie et ses modèles byzantins et bulgares // *Le origini e lo sviluppo della cristianità slavo-bizantina / a cura di S. W. Swierkosz-Lenart* (Istituto storico Italiano per il medio evo. Nuovi studi storici, 17). Roma, 1992. P. 153, 160–161.

[56] Angenendt A. Kaiserherrschaft und Königstaufe. Kaiser, Könige und Päpste als geistliche Patrone in der abendländischen Missionsgeschichte (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung. Schriftenreihe des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Bd. 15). Berlin; N.Y., 1984; византийская проблематика привлекается автором лишь эпизодически — например, в отношении болгарского царя Бориса-Михаила (*Ibid.* S. 248–249), но ясно, что феномен имел место и на христианском Востоке. Понятно, что Василий II не стоял у крещальной купели Владимира-

Василия, но он мог делегировать свою роль крестного отца другому официальному лицу.

[57] Т. Василевски (Wasilewski T. Op. cit. P. 162) заходит, пожалуй, слишком далеко, когда на основании болгарских аналогий атрибутирует Владимиру печать с поясными изображениями Вседержителя на лицевой стороне и Богоматери — на оборотной, оставшуюся в своде В.Л. Янина без определения (Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. № 323).

[58] Впрочем, иногда он просто констатируется: Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 17.

[59] Толстой И.И. Указ. соч. С. 328.

[60] Сотникова М.П. Указ. соч. С. 192. О маловероятности этой идеи, восходящей к Н.А. Баумгартену (Baumgarten N. Le dernier mariage de St. Vladimir // *Orientalia Christiana*. 1930. Vol. 17. No. 2. P. 165–168), см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях.

Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 339–390.

[61] Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. С. 301–303 (при этом сам факт «немецкого» брака Владимира историк справедливо ставит под сомнение).

[62] Когда Святополк Владимирович в августе 1018 г. вторично захватил Киев, то застал в нем «мачеху» (poverca) Ярослава и девять его сестер: Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. Cap. VIII, 32 / hrsg. von R. Holtzmann. (MGH SRG. Nova series. T. 9). Berlin, 1935. P. 530; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М., 1993. С. 137, 142.

[63] Androshchuk F. Op. cit. P. 61–63.

[64] Grierson P. Op. cit. Vol. 3. P. 2. Pl. XXXVI, 8, 10.

[65] Толстой И.И. Указ. соч. С. 329; Grierson P. Op. cit. Vol. 3. P. 2. Pl. XXIV, 2; XXXV, 2; XXXVI, 8, 10.

[66] Grierson P. Op. cit. Vol. 3. P. 2. Pl. XXXVI, 8, 10.

[67] Ibid. Pl. XXXIV; Грабар А. Указ. соч. С. 43–46.

[68] Постоянное определение для княжеского стола в «Слове о полку Игореве» — златой: «златъ столъ киевський», «отень златъ столъ»; последняя формула встречается в «Слове» пять раз применительно не только к Киеву, но и к Чернигову и Галичу (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / сост. В.Л. Виноградова. Вып. 5. Л., 1978. С. 219–220). При этом трудно не вспомнить аналогичный эпитет по отношению к трону константинопольских василевсов в источнике совсем другого жанра — протокольном регламенте императора Константина VII; послы болгарского царя обязаны были осведомляться о здравии императора, употребляя трафарет «восседающий на золотом престоле» («ὁ ἐπὶ τοῦ χρυσοῦ καθέζόμενος θρόνου») (Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis. T. 1. Cap. II, 47. P. 682.4). Если мы имеем дело с epitheton ornans из византийской церемониальной топики, то ее влияние на древнерусскую эпическую топику совсем не исключено.

- [69] Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 1. Л., 1927. Стб. 132, 142, 147, 155, 161, 174, 182, 199, 202, 204, 216, 217, 218, 226 и т.д.
- [70] Гвозденко К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М., 2009. № 1. С. 17–35.
- [71] Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). (Древнейшие государства Восточной Европы — 2007). М., 2009. С. 47–87.
- [72] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 105–106.
- [73] Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000. С. 512 и примеч. 36–37; Назаренко А.В. Князь Владимир Великий: креститель, строитель, небесный охранитель Руси. Опыт общедоступного научного изложения. М., 2020. С. 97–105.
- [74] Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg. Cap. VII, 72. P. 488; Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники. С. 135–136, 141, 171–172. Комментарий. 57; Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси. С. 73–74.
- [75] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130; Т. 2. Стб. 114–115.
- [76] Сотникова М.П. Указ. соч. № 177–205.
- [77] Там же. № 206–210. Еще один тип монет Святополка — с призыванием имени святого (надпись «Петор») при наличии тронного изображения князя (Там же. № 211–218) — выглядит промежуточным на пути к полному восприятию Владимировой модели.
- [78] Там же. № 222–227.
- [79] Там же. № 175 (разновидность представлена четырьмя сохранившимися экземплярами).
- [80] По мнению М.П. Сотниковой, «в любом случае Ярославле серебро предшествует киевскому типу IV» (Там же. С. 190).
- [81] Йорданов И. Указ. соч. № 69–110а.

Михаил Бибииков
«Рекс Московии и всея Руси»: взгляд из
Константинополя

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_89-94

В византийской традиции в XIII в. после крестоносного завоевания Империи в контексте поиска византийцами союзников Никита Хониат впервые назвал русских «христианнейшим народом» в превосходной степени [1]. Константинопольский патриарх Герман II, направляя в 1232 г. послание из никейского изгнания в папскую курию, в числе православных единоверцев среди эфиопов, ближневосточных сирийцев, иверов, авасгов, алан, аластов (лазов?), готов и хазар выделил «неисчислимую в тысячах племен Русь», а также победоносное (после войн Калояна) Болгарское

царство [2]. Эти идеи уже далеки от первых исторических характеристик Руси в Византии как народа варварского и дикого, «неодолимого и безбожного» (автор Жития Георгия Амастридского, Фотий, Продолжатель Феофана).

Решающими на пути становления образа «христианнейшей» Руси оказались события одного столетия: середины XIV — середины XV в. Правда, византийские тексты в начале и в конце рассматриваемого периода сходны в теме; при перечислении православных народов — союзников ромеев эти «каталоги» отличаются, однако, друг от друга. Сильвестр Сиропул, описывая события Ферраро-Флорентийского собора, передает речи византийского императора и патриарха, апеллировавших в 1348 г. к своим единоверцам «на востоке и западе» — иверам, черкесам, росам, влахам и сербам. В другом случае тот же автор несколько расширяет этот список, называя трапезундцев, иверов, черкесов, мингрел, готов, росов, влахов и сербов. Это позволило, по-видимому, уже императору Иоанну Кантакузину назвать самого себя в цитируемом им в «Истории» акте того же 1348 г. «василевсом эллинов, а также василевсом болгар, асанидов, влахов, росов и алан» — Ангелом Комнином Палеологом Кантакузином, добавляя к своему имени для вящего величия и все династические патронимы последних столетий, что стало обычаем в это время.

Тема содружества православных народов вновь возникает в Византии в последние десятилетия ее существования. Хиосский грек-италиец, магистр Иоанн Канавуца в Комментарий к Дионисию Галикарнасскому, составленном во второй трети XV в. (между 1431 и 1455 гг.), назидательно восклицает: «Мы все — христиане, имеем единую веру и единое крещение, — пусть с варварами, — как то, болгарами, влахами, албанцами, русскими!»

Наконец, в поствизантийской литературе, в поэмах, оплакивающих гибель Византии, вновь звучит тема христианского единства, причем не только православного содружества, но согласия всех христиан, как на востоке, так и на западе. В поэме Псевдо-Эммануила Георгилла, изданной Э. Леграном в серии новогреческой литературы [3], автор восклицает, что настал час, когда христиане — латиняне и ромеи, русские, влахи и угры, сербы и аламаны, все должны быть в согласии единомыслия, чтобы стать единым целым и чтобы все христиане были бы единоголосны в своих мыслях. Защитники византийской столицы уповали на святейшего папу римского и на кардиналов, на королей Франции, на всяческих дук, графов, князей и коммуны, на василевсов Аламании, на сербов и русских, влахов и угров, пеонцев, на деньги Венеции и корабли Генуи, на триеры и ливверы из Каталонии и из всей Италии.

Тема возвышения Руси тесно переплетена в византийской дипломатической переписке с темой выдвижения Москвы, куда

переводится с благословения патриарха митрополичья кафедра всея Руси. Об этом свидетельствует целая серия патриарших актов, в том числе 1326 и 1354 гг., связанных с митрополитами Петром и Алексеем, а великий князь Симеон (Гордый) и великие короли («рекс» в греческой транслитерации) Московии и всея Руси — Иоанн (Иван Калита), затем его сын Иоанн, далее Димитрий (Донской), а также Василий (Дмитриевич) I — предстают как оплот христианского благочестия.

Государственно-центристский традиционализм и ориентация на византийские административно-иерархические ценности, подразумевавшие *stabilitas loci* и в отношении понятия столицы, «стольного города», заставляют и в XIV в. средневековых греков поддерживать идею континуитета древней столицы Руси. Подобно тому, как в XIII в. столичная византийская церковь в лице патриарха, находясь в никейской эмиграции, упорно продолжала именовать себя «Вселенской» и «Константинопольской», так и через столетие та же модель переносится в сознании цареградских иерархов на Россию. Это проявляется наиболее отчетливо в патриарших документах, памятниках церковного законодательства Константинопольского патриархата, связанных с изменениями в политической (и церковно-политической) ситуации в России — ее митрополии.

Патриарший акт 1347 г. утверждает, что «народ Росов... издавна — уже почти четыреста лет — признает одного митрополита, того, кого выбрали митрополитом в соответствующее время в Киеве» [4]. Но примерно в это же время византийский эрудит, церковный деятель, полемист и гуманист, историк Никифор Григора заявлял, что «существовавший издревле у этого народа (т.е. у русских. — М. Б.) святой храм в стольном граде (дословно «митрополии». — М. Б.) Киеве... недавно, после набега северных скифов (т.е. татаро-монголов. — М. Б.), был превращен, по поговорке, в скифскую пустыню» [5].

Именно митрополит Киева, подчеркивается в патриарших документах, именуется экзархом «всея Руси» [6]. Ему должны подчиняться и все епископии «Малой России» (в данном случае Западной Руси, современной Западной Украины). Епископ Владимира Алексей, ставший митрополитом «всея Руси», все равно, как подчеркивает патриаршая грамота 1354 г. (Акт. патр. I. 336), именуется «святейшим митрополитом Киева и всея Руси», каковым он «остается» в многочисленных посланиях этого времени из Константинополя. Хотя чуткая к политико-административным переменам в далекой, но контролируемой патриархатом митрополии патриаршая канцелярия в 1354 г. четко фиксирует, что «кастрон (характерно, что уже не «полис»! — М.Б.), называемый Киевом», находится в «Малой России», но центр «Великой России» все же перемещается на северо-восток.

Это вызывает незаметные на первый взгляд, но очень показательные изменения в официальной титулатуре русских митрополитов, которые зафиксированы в законодательных актах патриархата. Так, в 1380 г. (наряду с традиционным «митрополитом Киева и всея Руси») Пимен именуется официально «досточтимейшим иеромонахом, любезным митрополитом Киева и Великой России» (Акт. патр. II. 17, 18), а в 1389 г. патриарший акт утверждает хиротонию Киприана в качестве «митрополита Киева, России и Литвы» (Акт. патр. II. 120).

Акты Константинопольского патриархата первыми среди греческих текстов XIV в. фиксируют изменение и официальной титулатуры русских правителей. На смену традиционному именованию князей (и великих князей) Руси, будь то Владимир Святой, Ольга, Святослав или Ярослав Мудрый, Роман Галицкий или Рюрик на рубеже XII–XIII вв., общим титулом «архонты» [7], в документах XIV в. появляется совершенно новый в отношении России титул римско-латинского происхождения, применявшийся в ранневизантийской средневековой греческой номенклатуре до XIII в. исключительно для именования царей Древнего Рима, а затем императоров Священной Римской империи и западноевропейских королей. Это — транслитерированный титул $\rho\eta\chi$ (ῥήξ).

Патриаршие документы 1347 г. содержат ссылки и выдержки из грамоты Киевского митрополита [8] и императорского акта василевса Иоанна VI Кантакузина [9], адресованных «благороднейшему королю («рекс») всея России... державному и святому самодержцу кир Симеону» — в первом случае и упоминающих «благороднейшего великого короля России и любезнейшего зятя моей царственности кир Симеона» — во втором. Это — великий князь Московский Симеон Иванович Гордый (1340–1353). «Королевский» титул закрепляется за русскими государями, сидящими в «новом» центре страны — Москве.

В 1380 г. в различных официальных актах Константинопольского патриархата неоднократно и прямо называются «великий король («рекс») Московии и всея России покойный Иоанн», т.е. великий князь Московский Иван II Красный (1353–1359) [10], а также «нынешний великий король («рекс») всея России Димитрий», т.е. Дмитрий Донской (1362–1389). Затем, в 1389 г., Иоанн и Димитрий именуются просто «великими королями («рекс») Московии» (Акт. патр. II. 117; 122). Обращаясь в патриаршем послании 1393 г. уже к великому князю Василию I (1389–1425), Константинопольский патриарх вновь указывает полный титул адресата — «благороднейший великий король («рекс») Московии и всея России» (Акт. патр. II. 188; 192–193; ср. 195).

Соответственно, и русский митрополит благословляет теперь, как засвидетельствовано в патриарших актах 1354 г., «мосховиотов», т.е.

жителей Москвы (l. 581; 584). В других актах 1354 г. (l. 353) говорится о «митрополите России во Владимире».

Двусмысленность титулования митрополита России в качестве «традиционного» митрополита Киева и одновременно «актуального» митрополита Московского наглядно проявляется не в официальных документах, но в источнике по-своему даже более показательном и тем самым весьма ценном. Это — собственноручные рукописные записи самих носителей этих титулов. Так, в Апостолической библиотеке в Ватикане хранится несколько греческих рукописных кодексов, в которых имеются пометы и записи русского митрополита Фотия (1408–1431). В Cod. Vatic. gr. 394 на л. 213 об. имеется греческая запись, датируемая временем около 1410 г.: «Настоящая книга принесена в дар всесвященнейшим митрополитом Киева и всея России кир Фотием в митрополию Московии». Служение Фотия в Киеве относится к периоду с 1 сентября 1409 г.; с марта же 1410 г. он уже пребывает в Москве. Тем не менее традиционализм титулования заставляет изготовителей большого саккоса Фотия, датируемого 1414–1417 гг. (хранится в Оружейной палате Московского Кремля), вышить греческую надпись под изображением самого владельца саккоса: «Всесвященнейший митрополит Киева и всея Руси Фотий» (10. 38) [\[11\]](#).

Под непосредственным наблюдением митрополита Фотия, бывшего по происхождению монемвасийским греком, в Москве начинается книгописание греческих рукописей, о чем свидетельствуют также греческие записи в манускриптах, хранящихся сегодня в Ватикане. От 1411 г. — в Cod. Vatic. gr. 717 на л. 175 об.: «Завершена (книга) в Московии России в году 6919, индикта 4, месяца мая», от 1423 г. — в Cod. Vatic. gr. 1892 на л. 243 об.: «Писаны эти две тетради в Московии в 6931 году, инд. 1-ом, в марте месяце, в монастыре Спаса» [\[12\]](#).

Наконец, московский правитель в XV в. начинает именоваться титулом, применение которого к кому-либо, кроме византийского императора, на протяжении всего предыдущего тысячелетия могло считаться в Византии почти государственным преступлением — посягательством на величие. В рукописной записи того же Никифора Григоры приводятся слова русского посла к императору Андронику Палеологу (не ясно, II или III) о том, что он выполняет миссию «моего правителя императора (“василевса”) Росов и стольника твоей Царственности» [\[13\]](#). В текстах Константина Ласкаря, относимых ко времени после 1472 г., правитель России уже назван только императорским титулом «василевс» [\[14\]](#).

Официальное же обращение, впервые зафиксированное в международных дипломатических актах, к русскому царю и великому князю Московскому мы находим опять-таки в грамотах константинопольской патриаршей канцелярии, адресованных Ивану III

Васильевичу (1462–1505) — «василевсу» России. Утверждая патриаршество в Москве в конце XVI в., Константинопольский патриарх Иеремия II обуславливает данную привилегию Руси ее «святостью» [15]. Так завершился путь становления образа «христианнейшего народа Рос» и его правителя — «императора» России.

- [1] Nicetae Choniatae Historia. Berolini et Novi Eboraci, 1975. P. 522 (28–29).
[2] Текст послания известен по рукописи: Cod. Vat. gr. 1409, fol. 360–361. Ср.: Gill A. An unpublished letter of Germanos Patriarch of Constantinople // Byzantion. 1974. Т. 44. P. 138–151.
[3] Legrand E. Bibliothèque grecque vulgaire. P., 1880. No. 1. P. 203–205.
[4] Miklosich F., Müller J. Acta et diplomata graeca Medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1860–1862. Bd. I–II. II. 490: 170. 11–12.
[5] Nicephori Gregorae Historia Byzantina. Bonnae, 1855. Vol. 3. P. 513 (13–16).
[6] Miklosich F., Müller J. Acta. II. 490: 170. Passim.
[7] Бибиков М.В. Byzantinorossica. Свод византийских актовых свидетельств о Руси. Т. I. М., 2004. С. 522–526.
[8] Акт. патр. Рег. II. 490: 170. 24–28. Hunger H., Kresten O., Kislinger E., Cupane C. Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Wien, 1981–1995. Bd. 1–2.
[9] Акт. патр. Рег. II. 492: 170. 58–60.
[10] Акт. патр. II. 12.
[11] Medieval Pictorial Embroidery. Byzantium, Balkans, Russia. М., 1991. P. 38–51.
[12] Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 2003. С. 68 и сл.
[13] Sevchenko I. Some Autographs of Nicephorus Gregoras // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1963/1964. Т. 8. С. 447–450.
[14] Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Т. 161. Col. 964, 968.
[15] Медведев И.П. Русские как Святой народ. Взгляд из Константинополя XIV в. // Verbum. СПб., 2000. Вып. 3. С. 87.

Ольга Окунева

**Меч дикаря, палица Геракла и скипетр монарха:
власть символа и символ власти с другого берега
Атлантики**

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_95-119

В парижском Музее на набережной Бранли — в месте, где, согласно официальному девизу, культуры вступают между собой в диалог, — в загадочном полумраке витрины на втором этаже посетителя встречает внешне не слишком примечательный экспонат: древко, с одной стороны увенчанное диском, а с другой — обмотанное растительными волокнами: с

этого конца оно напоминает стебель рогоза, увенчанный бархатистым коричневым початком. Ничто не выдает в данном предмете родом из Нового Света, привезенном во Францию предположительно в XVI столетии, свидетеля многих драматических событий и кровавых драм. Не заподозрить в нем и второстепенного персонажа одной из глав «Опытов» Монтеня, и даже на прародителя атрибута, с которым иногда в аллегориях частей света изображается Америка, он не слишком похож.

Тем не менее этот предмет еще при рождении получил от своих создателей несколько важных (и возвышающихся до сакральных) функций. Встреча же с европейскими путешественниками подарила ему вторую жизнь: превратила в героя словесных описаний и изображений и даже в участника театральной постановки, устроенной ради прославления короля. Из иллюстраций к книгам путешественников он переключался на не имеющие отношения к географической литературе гравюры и на имеющие к ней непосредственное отношение морские карты. Все тот же предмет представлял то олицетворением природной стихии, то участником ритуального действия, прославляющего движение монарха от хаоса к космосу. Даже его присутствие в качестве экспоната из королевского собрания и то было наделено особым смыслом, поскольку коронованная особа, останавливаясь на нем взгляд, символическим образом утверждала свою власть не столько над ним самим, сколько над той страной, из которой он происходил и которую он в образном виде представлял [1]. На своей родине и в своем изначальном обличье этот предмет не раз становился инструментом высшей власти, проявляемой человеком по отношению к себе подобному, — права отнять жизнь (разумеется, во имя самых высоких целей). В глазах же наблюдателей из иного мира он становился то символом равенства людей, то, напротив, атрибутом правления одного над многими.

Все эти разнообразные роли, предписываемые ему его меняющимся во времени окружением, послушно исполняет один и тот же предмет. Благодаря тому что он оставил по себе множество упоминаний, происходящих из самых разных источников, и при этом сумел дожить до наших дней «во плоти» [2], можно судить об изменениях его образно-символической составляющей при неизменности физического обличья, а также рассуждать о создании и реинтерпретации образного ряда, сопровождавшего его на разных стадиях существования.

Речь идет о деревянном мече-палице из арсенала индейцев тупинамба с атлантического побережья Бразилии. В Европу сведения о нем проникли преимущественно благодаря регулярным контактам коренного населения этих мест с французскими мореплавателями и купцами в XVI в. И хотя самые ранние упоминания о его появлении в качестве диковинки при королевских дворах связаны не с французскими Валуа, а с австрийскими

Габсбургами, именно французские авторы книг о путешествиях подарили ему настоящую известность. Именно они определили деревянное оружие как меч-палицу, породив при этом, как бы мы сейчас сказали, два облака смыслов, поскольку и меч, и палица являются, каждый в своем роде, центром целой цепочки ассоциаций. Меч — это военная доблесть, завоевание, право сильнейшего и знак отличия храбрейшего, основание для дальнейшей социальной иерархии, власть над окружающими. Палица — это, с одной стороны, «воспоминание» о дубине, которая представляется несомненным признаком дикости и варварства, с другой стороны — устойчивый атрибут Геракла, который со времен Античности остается олицетворением несокрушимой мощи, а в XVI столетии, в частности во Франции, становится еще и воплощением силы другого порядка — красноречия [3].

Важность словесного описания и выбора терминов для обозначения предмета из иной культуры для включения ее в свою собственную невозможно переоценить. При этом одно только изображение, не сопровождаемое таким описанием, позволяет сделать лишь косвенные предположения о вложенном в него его создателем «облаке смыслов»; судить об этом приходится на основании общего контекста. Так, серия гравюр Этьена Делона «Битвы и триумфы» [4] не включает в себя никаких подписей, и даже названия, под которыми эти произведения фигурируют в каталогах, являются условными. По ним современный исследователь может лишь судить об этнографических атрибутах, связанных с Бразилией (об оружии воинов), и, сопоставив композицию шести гравюр с реальными битвами, сделать вывод о том, что бразильские индейцы изображены в той же стилистике, что и персонажи древнегреческих мифов (например, лапифы, бьющиеся с кентаврами). Значит ли это, что оружие с другого берега Атлантики символически казалось автору идентичным оружию из античного мира? В таком случае оно оказалось бы «присвоено» культурой Возрождения с его культом Античности, его статус значительно бы повысился, и к нему можно было бы применять все те ассоциации, которые у европейца появлялись при виде меча. Однако на другой гравюре из той же серии и в той же стилистике изображена битва людей с участием экзотических животных (узнаваемы фигуры слона, льва и верблюда). Следует ли в таком случае «зарифмовать» битву индейских воинов именно с этой «экзотической» стычкой? Тогда индейское оружие вновь возвращается в разряд заморских диковинок, принадлежащих иной культуре и, следовательно, совершенно непонятных для европейской.

Хотя бы отчасти прояснить замысел гравюры Делона с индейцами можно, если принимать во внимание, что она является довольно точной иллюстрацией к описанию военных обычаев коренного населения Бразилии у двух французских путешественников, лично побывавших за

океаном. Как раз они и называли рассматриваемое оружие мечом-палицей, и их словесные описания, речь о которых пойдет ниже, позволяют очертить хотя бы условные рамки для интерпретации. На гравюре Делона некоторые персонажи замахиваются мечами так, как если бы это были палицы [5], а настоящая, насколько можно судить по ее внешнему виду, дубина обломана на конце, чтобы показать чудовищную силу удара. Если к тому же принять во внимание, что словесные описания индейских битв, проиллюстрированных Делоном, были восприняты современниками как восхваление именно воинских достоинств, бесстрашия и боевой ярости бразильских дикарей (о толковании, данном Монтенем в «Опытах», речь пойдет ниже), то в отсутствие авторских пояснений можно будет осторожно представить гравюру с индейцами более близкой по смыслу к изображению античных доблестей, нежели к развлекательно-дикивинной экзотике.

Однако когда изображение не снабжено никакими словесными пояснениями, то велик риск «вчитывания» в него смыслов, принадлежащих скорее исследователю, а не его автору. Возьмем, к примеру, изображение, с высокой долей вероятности представляющее нам именно индейца и выполненное Альбрехтом Дюрером в 1515 г. на полях часослова, предназначавшегося для императора Максимилиана I. Персонаж держит в руках предмет, который американский исследователь У. Стёртевант считал церемониальным жезлом, известным у современных бразильских индейцев мундуруку [6]. Мне же он представляется весьма похожим на экспонат Музея на набережной Бранли, только перевернутым вверх ногами (впрочем, определение происхождения этого артефакта остается предметом дискуссии [7]). Проблема заключается в другом: что хотел сказать Дюрер, украшая поля напротив псалма 24 таким рисунком? В самом тексте, пусть и коротком, всего на десять стихов, присутствуют по меньшей мере две идеи, которые — с точки зрения современного человека — могут быть проиллюстрированы подобным образом: «Господня — земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней, ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее» (ст. 1–2) и «Кто сей Царь славы? — Господь крепкий и сильный, Господь, сильный в брани» (ст. 8) [8]. В первом случае речь могла бы идти о подчеркнутом разнообразии божественного творения, включающем и заморские диковинки, а во втором (если считать, что индеец действительно держит в руках оружие, а не церемониальный жезл) — о военной доблести. При всей соблазнительности второго толкования, так хорошо укладывающегося в исследовательскую гипотезу, важно не забывать, что это предположение историка, а не точно известное мнение самого Дюрера.

В традиционном индейском обществе атлантического побережья Бразилии (а именно здесь в XVI столетии было сконцентрировано практически все присутствие европейцев, и, соответственно, с индейцами именно этого региона они имели дело чаще всего) деревянный меч-палица выполнял две основные функции. Первая и очевидная — боевое оружие; вторая, не менее важная, хотя и весьма специфическая — инструмент убийства военнопленного, после чего следовала шокировавшая европейцев ритуальная антропофагия. Меч-палица в первой роли давал своему владельцу возможность отличиться на поле боя; во втором же обличье он делал его настоящим героем общины, поскольку через ритуальное убийство (и последующие малосимпатичные операции с телом врага) индейцы символически «возвращали себе» своих сородичей, до того подобным же образом захваченных и съеденных неприятелями. Именно захват военнопленного и его последующее убийство давали индейцу право на повышение собственного социального статуса: он украшал тело новой татуировкой, мог получить новое имя или взять себе новую жену.

В этой ситуации деревянный меч-палица превращался в сакральный предмет: его специально готовили, разрисовывали, украшали рукоятку разноцветными перьями, пели над ним, оставляли на ночь в специальной хижине, в которую никому не было доступа. Эти этнографические детали стали известны в Европе благодаря рассказам Ганса Штадена, немца на португальской службе, проведшего год в плену у индейцев и чудом избежавшего гибели именно в таком ритуале и точно от такого же орудия [9]. Штаден снабжает свой рассказ рисунками и, один из немногих в XVI в., посвящает отдельное изображение этой «освященной» палице. Интересно, что помимо Штадена описание подготовки палицы к ритуальному действу не приводится другими путешественниками, хотя некоторые из них похвалялись, что видели обряд своими глазами. «Актуализация» этнографического знания немецкого автора происходит в 1590-е годы, когда его рассказ, переведенный на латынь, публикуется франкфуртским издателем и гравером Теодором де Бри [10]. Тот воспроизводит разрисованную палицу не только внутри текста, но и на фронтисписе всего тома. Такое же «пополнение и уточнение» сведений о ней происходит и у французского автора Андре Теве, который побывал в Бразилии в 1555 г., а затем дважды, в 1557 и 1575 гг., описал свои впечатления от путешествия, хотя лишь на третий раз в оставшемся неопубликованном сочинении упомянул о процедуре подготовки палицы к обряду [11].

Среди европейских изображений палицы как орудия ритуального убийства можно, пожалуй, привести лишь один пример (иллюстрации к книгам путешественников не в счет): карту Бразилии нормандского

картографа при английском дворе Жана Розе (Джона Ротца) из «Книги гидрографии» 1542 г. Контур американского континента заполнен здесь изнутри цветными рисунками с различными сценками из повседневной жизни индейцев. В достаточно неприметном на вид фрагменте в правом нижнем углу один персонаж замахивается палицей на другого, который фактически «зафиксирован на растяжках» (перевязан по туловищу веревками, а те растянуты на вбитых в землю колышках) [12]. От соответствующих описаний Штадена и Теве этот рисунок отделяют полтора десятилетия.

В остальном — и это важно отметить — палица в роли ритуального орудия убийства не изображалась, хотя антропофагия, с которой европейцы столкнулись в Новом Свете, стала важнейшим потрясением от встречи двух миров (вторым оказалась нагота индейцев). В качестве «шок-контента», как мы бы сказали сегодня, антропофагия или аллюзии на нее присутствуют на иллюстрациях XVI в., относящихся к Америке, начиная с аугсбургского издания (1505 г.) письма Америго Веспуччи *Mundus Novus* (именно это издание снабжено гравюрами, которые надолго зададут тон в изображении Нового Света [13]; в частности, с них пошло обыкновение рисовать всех индейцев в юбочках из перьев). Наиболее распространенным способом указать на шокирующую антропофагию стало изображение персонажа, размахивающего человеческой конечностью или вгрызающегося в нее; часто присутствовали и решетки из прутьев [14], на которых жарились различные части тела. Однако палица в этих сценах не фигурировала, вместо нее художники и картографы изображали европейского вида топоры или тесаки. Сами индейцы не знали железа, и, по мнению современного французского исследователя, включение привычного зрителю, узнаваемого предмета из Старого Света в сцену дикости Света Нового во много раз умножало шокирующий эффект: оно приписывало индейцам извращение первоначального смысла инструмента (из невинного топора дровосека — в орудие жестокого каннибала) и превращало ритуал в кровавую бойню [15].

Неизвестно, насколько художники и граверы XVI в. руководствовались именно этими соображениями или же, как в случае с индейскими юбочками из перьев, лишь пытались перевести в понятную и узнаваемую визуальную форму сведения путешественников (так, тесак фигурирует уже в очередном немецком издании письма Веспуччи, на сей раз 1509 г. [16]). Интересно, что побывавший в Бразилии в середине века француз Жан де Лери бранил художников и картографов за изображение тесаков и сцен с разрубанием тел [17], хотя его протест никак не повлиял на дальнейшее широкое распространение этих мотивов. Важно еще раз подчеркнуть, что использование палицы в качестве ритуального орудия убийства в европейских произведениях почти не визуализировалось, хотя эта

зловещая роль не забывалась и придавала дополнительный смысловой оттенок аллегорическому изображению Америки в виде нимфы, у ног которой небрежно брошена палица-меч (о чем еще будет сказано ниже).

Значительно больший успех в Старом Свете палица получила как боевое оружие индейцев. Одним из первых ее явлений европейскому зрителю можно считать гравюры, созданные в 1516–1519 гг. по мотивам иллюстраций к триумфу императора Максимилиана (который лично продиктовал своему секретарю пожелания относительно состава процессии) [18]. Согласно распоряжению, одна из групп под названием «Люди из Каликута» должна была выглядеть следующим образом: первый ряд — с мечами и щитами, второй — с копьями, еще два — с [длинными] английскими луками и стрелами. Все должны были быть обнажены, как индейцы / индийцы (двузначность наименования «Индии» и производных от него, с одинаковым успехом относящихся и к Новому Свету, и к Южной Азии, присутствует во всех европейских языках), или одеты в мавританском стиле; у всех должны быть лавровые венки [19].

В иллюстрациях Альбрехта Альтдорфера эти инструкции оказались соблюдены достаточно точно, однако собственно американских мотивов в них нет, если не считать того, что воин из первого ряда несет некое оружие с овальным диском на конце [20]. Более выраженные приметы Нового Света появляются в гравюрах Ганса Бургкмайера, основанных на рисунках Альтдорфера. Здесь в процессии под предводительством персонажа явно индийского происхождения (в тюрбане и верхом на слоне) шествуют индейцы с узнаваемыми атрибутами бразильских воинов, среди которых — меч-палица (его навершие при этом формой скорее похоже на весло, чем на диск), головные уборы и юбочки из перьев. Лица этих персонажей не слишком похожи на индейские, а двоих и вовсе изобразили с бородой и усами (в реальности бразильские индейцы тщательно удаляли всю растительность на теле и лице, иногда не оставляя даже бровей, о чем с удивлением сообщали путешественники XVI в.).

Весьма узнаваемы индейские палицы и на карте П. Деселье (1550 г.): одна из центральных батальных сцен показывает два отряда сражающихся воинов, один из которых замахивается палицами, а другой целится в неприятеля из лука. Карта сопровождается текстом (он помещен в рамку прямо в центре Южной Америки), сообщаям среди прочего, практически в первых строках, что «оружие [индейцев] — луки, стрелы и палицы, которые они умеют хорошо пускать в ход» [21].

Интересным образом индейские палицы оказались изображены в ходе театральной постановки по случаю въезда Генриха II в Руан в 1550 г. Торжественная церемония включала в себя ряд сменяющихся сцен и процессий, и первым шел так называемый «Бразильский спектакль». Для услаждения взора короля на лугу рядом с берегом Сены был устроен

условный тропический лес, причем стволы деревьев были выкрашены красной краской, чтобы подчеркнуть, что дело происходит именно в Бразилии [22], а к ветвям привязаны плоды и попугаи. Артистами выступали как настоящие бразильские индейцы, так и переодетые (вернее, раздетые) нормандские моряки: авторы словесных описаний праздника специально подчеркивали высокое правдоподобие показанных сцен, поскольку среди публики находились путешественники, способные по личному опыту оценить степень сходства театральной Бразилии с настоящей. Ключевым эпизодом спектакля являлась стычка двух племен. На гравюре с изображением всего театрального действия воины замахиваются оружием, состоящим из длинного древка с небольшим круглым набалдашником внизу и массивным округлым навершием. У. Стёртевант включил эту гравюру в перечень первых европейских изображений Америки с более или менее узнаваемыми этнографическими деталями [23], однако при ближайшем рассмотрении и значительном увеличении масштаба предмет напоминает скорее насаженный на древко крупный булыжник [24]. Как же тогда достоверность, о которой так заботились организаторы спектакля? Противоречие снимается благодаря обращению к словесному описанию спектакля: «Сойдясь вместе, [они] ... яростно и мощно бились, [обмениваясь] выстрелами из лука и ударами палиц, а также иных схожих дубинок (bâtons de guerre)...» [25]. Таким образом, в образе традиционной индейской палицы выступала схожая с ней, но все же не настоящая конструкция, которая тем не менее, благодаря условности театрального искусства, «исполняла роль» оружия не хуже, чем деревья с красными стволами и привязанными попугаями изображали бразильские джунгли.

В 1557 г. вышло первое издание книги, положившей начало новому этапу в изображении и осмыслении традиционного оружия заморских племен, — «Особенности Антарктической Франции» Андре Теве. Сам автор побывал в Бразилии двумя годами раньше. Именно он вводит обычай называть рассматриваемый предмет мечом, то отделяя его от палицы, то давая оба обозначения через запятую. Однако в значимых по смыслу фрагментах «массивный деревянный меч» может фигурировать и только: «[Индийское] оружие — это большие деревянные и весьма тяжелые мечи»; дикари делают из дерева с тяжелой древесиной свои мечи для боя (épees à combattre); тот, кому предстоит убить пленника, наряжается во все самое лучшее, и его деревянный меч также богато украшен с помощью птичьих перьев [26].

Еще заметнее эта тенденция в следующей книге А. Теве, «Всемирной космографии» (1575 г.): в главах, посвященных Бразилии, слова «палица» и «боевая дубинка» (bâton de combattre) встречаются лишь по одному

разу [27], а «деревянный меч» — пять раз [28] (речь идет об одном и том же предмете).

Оппонент католика Теве, протестант Жан де Лери, также побывавший в бразильской колонии, хотя и после отъезда оттуда Теве, всячески подчеркивал заблуждения и ошибки своего идеологического противника, но при наименовании индейского оружия все же продолжал употреблять слово «меч» (впрочем, чтобы как-то отличиться, он давал оба обозначения: «меч или палица из дерева»; такие составные обозначения встречаются у него три раза, «меч» соло — два раза, «палица» — один раз). То, что речь все еще идет об одном и том же предмете, видно по описанию ритуального убийства пленника: в назначенный день палач выходит со своим деревянным мечом... чтобы несколькими страницами позже занести над головой жертвы деревянную палицу [29].

В отличие от Теве, Лери чувствует некоторое несоответствие в приравнивании меча к палице и считает необходимым пояснить: диск, венчающий оружие, заострен на концах, а поскольку он сделан из тяжелой и плотной древесины, эти острые края образуют лезвие, не уступающее по мощи топору лесоруба. Лери уверяет, что европейские «рубяще-рассекающие» мечи (*espées trenchantes*) считаются у индейцев непригодными для боя; своими собственными мечами они действуют с удивительной ловкостью, и в их руках они опаснее, чем привычные клинки у европейца [30].

В сочинениях обоих авторов имеются иллюстрации с изображением индейского оружия. Теве предпочитает многофигурные композиции с воинами, несущими меч-палицу на плечах или размахивающими им во время боя; Лери со второго издания (1580 г.) своей книги тоже поддался подобному искушению [31], однако наиболее известна другая, оригинальная, иллюстрация из его книги, на которой представлены два воина в полный рост и крупным планом. Первый крепко сжимает в руке меч-палицу; он отличается атлетическим сложением и практически полностью заслоняет собой второго персонажа, который за его спиной целится из длинного лука куда-то вбок. Меч-палица в руке первого индейца выглядит таким же массивным и крепко сбитым, как и его владелец; тот изображен согласно всем канонам европейского искусства, с мускулатурой, достойной Геракла, и единственным намеком на его индейское происхождение являются лицевые вставки из полированного камня в нижней губе и продольные линии на груди и бедрах, обозначающие татуировки [32].

Введение наименования «меч» для индейского оружия — новый шаг в деле не столько «окультуривания» инородного предмета, сколько вписывания его в европейскую систему координат с собственными отсылками к античной (и даже варварской, но тесно связанной с

Античностью) древности. То, что бразильские индейцы отличаются воинственностью, путешественники из Старого Света сообщали давно. Эта воинственность, даже в своем дикарском обличье, могла и сама по себе находить отклик у европейцев. Так, «Бразильский спектакль» в Руане и в особенности сцена стычки двух племен очень понравились Генриху II, и «глаз монарха был весьма удовлетворен этим зрелищем» [33]. Король, по отзывам современников, и сам отличался воинственным характером [34] и ценил рыцарские турниры, один из которых стал для него роковым.

Однако словесное описание было способно еще больше усилить сходство между «древними» Старого Света и бразильскими индейцами. Так, уже в своей первой книге «Особенности Антарктической Франции» в рассказе о войне у индейцев Теве не только следует модели гуманиста Полидора Вергилия, повествующего именно о «древних» [35], но и прямо говорит о римлянах и галлах, сражавшихся схожим с бразильскими племенами образом: «Дикари... будто бы практикуют старинный, принятый у римлян, обычай начинать бой... то же в дальнейшем было в ходу и у галлов, согласно описаниям Тита Ливия» [36]. У Лери, в целом не склонного к подобной риторике, также появляются отсылки к Античности: пленник, над которым занесен деревянный меч, исполнен такой же решимости отстаивать честь своего племени, как консул времен Первой Пунической войны Регулус — пострадать за Римскую республику [37].

Наиболее явное уподобление бразильского индейца с его деревянной палицей-мечом античному воину можно найти у Монтеня в гл. 31 первой книги «Опытов». Считается, что в ней используются этнографические сведения Теве и Лери, пусть сам автор и не называет их открыто (хотя и прохаживается по «космографам» и одновременно с этим сам «играет» в космографа и историка) [38].

Вся глава не только отличается «антикизирующим» стилем изложения, но и с самых первых строк вводит заглавных персонажей-каннибалов через отсылку к древности:

Царь Пирр, переправившись в Италию и увидев боевой строй высланного против него римского войска, сказал: «Я не знаю, что тут за варвары (ибо греки называли так всех чужестранцев), но расположение войска, которое я перед собой вижу, нисколько не варварское». То же самое говорили греки о войске, переправленном к ним Фламинием; то же мнение высказал и Филипп, рассматривая с холма порядок и расположение римского лагеря, разбитого на его земле Публием Сульпицием Гальбой. Это показывает, с какой осторожностью следует относиться к общепринятым мнениям, а также что судить о чем бы то ни было надо, опираясь на разум, а не на общее мнение [39].

Неудивительно, что и в условной этнографической части главы «О каннибалах» оружие у индейцев называется именно мечами: «Есть у них столь твердое дерево, что они изготавливают из него мечи...», «у многих и,

в частности, у меня можно видеть образцы их мечей», «на войну они отправляются совершенно нагими, не имея другого оружия, кроме луков и стрел или деревянных мечей, заостренных наподобие железных наконечников наших копий», пленника убивают, «наноса удары мечами» [40]. Все эти упоминания, разбросанные по разным страницам, активно работают на подтверждение главного тезиса Монтеня: «Я нахожу... что в этих народах, согласно тому, что мне рассказывали о них, нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно. Ведь, говоря по правде, у нас, по-видимому, нет другого мерила истинного и разумного, как служащие нам примерами и образцами мнения и обычаи нашей страны» [41].

Введение французскими путешественниками в Бразилию, Теве и Лери, в европейский обиход обозначения «меч» для индейского оружия имело и другое последствие. Манера тем или иным образом называть оружие дикарей парадоксальным образом оказалась причастной к дискуссии по более общему вопросу — об оценке общественного строя (точнее, об отсутствии видимых проявлений социальной иерархии) у индейцев атлантического побережья Южной Америки. Первые наблюдения за их повседневной жизнью не выявили у них ни старейшин, ни «королей», которых отличали бы внешний облик или вид их жилья. Споры о том, означает ли отсутствие «правителей» то, что индейцы продолжают жить в золотом веке, или же это свидетельство их примитивности и дикости, велись с самого начала XVI столетия, со времен уже упоминавшегося письма Веспуччи *Mundus novus*. Общественную иерархию искали и в мирной жизни индейцев, и в их военных обычаях: отсутствие у них явных предводителей в сражениях (понимаемых в европейском смысле) склоняло чашу весов в сторону дикости. Так, на первый взгляд безоценочные перечисления основных характеристик бразильских индейцев на карте П. Деселье «Америка, или Бразилия» создавали именно такое впечатление: «Их оружием являются лук со стрелами и палицы, которыми они ловко пользуются. Они мстительны и не прощают своих врагов; если захватывают их, тотчас съедают. У них нет никаких предводителей (*capitaines*). Они идут [в бой] безо всякого порядка» [42].

На этом фоне Теве, вводя наименование «меч» для палицы, одновременно с этим давал понять, что у индейцев все же есть вожди или даже короли. Он упоминал по крайней мере одного из них, Куониамбека, союзника французов во времена колонии «Антарктическая Франция»: в первой книге 1557 г. это еще более или менее ироническое и местами открыто насмешливое описание, однако ко второй книге 1575 г. образ Куониамбека приобретает все больше черт мудрого и рассудительного правителя, чтобы окончательно «забронзоветь» к 1584 г., когда «король Куониамбек» занимает свое место среди античных правителей и

современных Теве монархов в сочинении «Подлинные портреты и жизн[е]описания] выдающихся людей» [43]. С 1575 г. Куониамбек получает право на собственный поясной портрет, где традиционная палица-меч в его руках имеет узнаваемый облик скипетра европейского монарха; портрет в своих основных чертах воспроизведен в книге 1584 г., и этнографические по сути детали вроде головного убора из перьев и деревянного меча здесь все больше сближаются с короной и скипетром [44].

Называя в 1575 г. Куониамбека королем, Теве использует это слово и в других описаниях. Так, наиболее отличившегося в битве и захватившего много пленных воина его сородичи «всячески почитают, восхваляют, превозносят подобно королю, оказывают ему всяческие знаки внимания» [45]. Пленник, предназначенный к обряду, наслаждается до момента казни полной свободой и вкушает самую лучшую и изысканную пищу, подобно королю [46]. Когда индейцы задумывают какое-либо военное предприятие, они устраивают собрание старейшин, «которых вы сочли бы грандами из Сената Венеции, такое величие и сдержанность они выказывают в своих суждениях», причем те, кто отличается происхождением, возрастом или храбростью, возлежат в гамаках, почти что наподобие античных мудрецов [47].

И словесное, и графическое изображение Куониамбека в роли короля с палицей-«скипетром» в руках — это не только авторская прихоть Теве, но и проявление настоящей идеологии «индейской монархии»: именно такой общественный строй европейцы искали у индейцев как Южной, так и Северной Америки [48] (разумеется, речь шла о племенах, остававшихся на догосударственной стадии развития, а не о «высоких цивилизациях» Нового Света). Твердое убеждение, что человеческое сообщество немыслимо без иерархической вертикали, было свойственно не только теоретикам, но и практикам европейской колонизации: отсюда политика умиротворения и привлечения на свою сторону именно вождей, князьков и любых мало-мальски значимых предводителей тех коренных народов, чье общественное устройство современные исследователи иногда обозначают как «вождество» (а в случае с бразильскими племенами — еще и со знаком вопроса) [49]. В XVI в. настойчивый поиск подобных предводителей оказал неожиданный эффект: под натиском европейцев индейские вожди, ранее имевшие власть лишь на время военного похода, приобретали больше полномочий и по его окончании, превращаясь в тех, кого колонизаторы хотели видеть в них с самого начала. Феномен «индейской монархии» Нового Света — интересный пример того, как изначальные установки стороннего наблюдателя способны менять открывшуюся ему реальность.

Фигура «короля» Куониамбека в изображении Теве навлекла едкую критику Лери: за этим стояло не только стремление уличить

католического соперника в неверных наблюдениях и суждениях, но и общая свойственная протестантам подозрительность в отношении склонных к тирании монархов, а также представление о важности горизонтальных связей самоуправляющихся общин [50]. Вид «короля» Куониамбека со «скипетром» в руках был спародирован (пусть и в миниатюрном размере) в многофигурной протестантской карикатуре «Опрокидывание большого котла» (*Renversement d'une grande marmite*) [51]: в головном уборе из перьев и с узнаваемой палицей в руках на ней был изображен глава «Антарктической Франции» Вильганьон, призвавший было к себе в бразильскую колонию протестантов, но затем рассорившийся с ними, вернувшийся в католичество и ставший с тех пор их злейшим врагом. Высмеивание Вильганьона именно в образе «короля каннибалов» заняло свое место в последующих протестантских памфлетах и сатирах на папство [52].

Впрочем, несмотря на все уверения Лери, что среди бразильских индейцев нет никаких королей, что на поле боя каждый из них сам себе сеньор и что управляют ими никакие не военные вожди, а умудренные годами «старички» (*anciens*), инерция мышления была сильна даже у его сторонников. Так, один из сонетов, восхвалявших произведение Лери, утверждал, что «твое (т.е. Лери. — О. О.) перо тебя короновало», поскольку «ты изобразил королей в стране, незнакомой великому Птолемею (т.е. в Америке. — О. О.)» [53]. Это стихотворение публиковалось вместе с сочинением Лери начиная с 1578 г., и получалось, что под одной обложкой была заключена и похвала автору за изображение американских королей, и собственное авторское отрицание каких бы то ни было королей среди индейцев.

Подобная же инертность мышления проявилась и в другом эпизоде, относящемся уже к XVII в.: когда в 1626 г. в Руане при большом стечении народа был крещен сын индейского вождя из Северной Америки, молва разнесла слух о нем как о «сыне короля Канады» [54].

Возвращаясь к приключениям деревянного индейского меча-палицы в Старом Свете, обратимся к еще одной его ипостаси — быть визуальной метафорой всей Америки в аллегорических композициях, изображавших части света. Один из наиболее известных примеров такого рода — титульный лист главного труда картографа Абрахама Ортелия «Зрелище круга земного» (*Theatrum orbis terrarum*, первое издание — 1570 г.) [55], разошедшегося в дальнейшем в переводах на разные европейские языки и пользовавшегося большой популярностью. Строки, составляющие заглавие этого сочинения, помещены будто бы в проем античного здания с колоннами и антаблементом. На вершине в подобии увитой виноградной лозой беседки восседает Европа со скипетром и штурвалом в руках, у левой колонны стоит Азия с сосудом, у правой расположилась Африка с цветущей

ветвью. Америка находится в основании всей композиции, на условных ступенях, ведущих в античное здание. Она полулежит на фоне растянутого у нее за спиной гамака, рядом с ней брошены на пол лук и стрелы, а в руках она держит палицу-меч с характерным диском на конце и человеческую голову (аллюзия на каннибализм в Новом Свете).

Поскольку «Зрелище» издавалось не только на латыни, но и было переведено на национальные европейские языки, обратимся к французскому изданию 1572 г., интересному тем, что заглавная композиция сопровождается здесь стихотворным описанием. Меч-палица определен следующим образом: «[Нимфа Америки держит в руке] дубинку (le baston), которой она жестоко убивает людей, чьи тела ей в дальнейшем служат пищей» [56]. Здесь обращает на себя внимание не только возвращение к устойчивому архетипу Нового Света с наготой и каннибализмом, но и употребление слова bâton (само по себе оно многозначно и может подразумевать предметы в диапазоне от палки до посоха или жезла): во французских источниках индейское оружие называлось так в описании «Бразильского спектакля» в Руане в 1550 г. и в названии одной из глав «Всемирной космографии» Теве (1575 г.).

Если словесное обозначение вновь возвращает индейскую палицу в разряд атрибутов жестокости и варварства, то иконографическая композиция, напротив, парадоксальным образом «рифмует» царственную Европу именно с дикой Америкой. Только у этих двух персонажей важные в смысловом отношении предметы находятся в обеих руках (у Азии и Африки — только в одной): Европа держит достаточно длинный скипетр в той же правой руке, что и Америка — свою весьма длинную «палку».

Оружие именно бразильских индейцев в аллегории всей Америки встречается также в другой известной композиции — у Джованни Страдано в гравюре «Америка» из серии Nova Reperta (Флоренция, конец 1580-х годов) [57]. Европейский первооткрыватель (изначально Колумб, в дальнейшем замененный на Веспуччи) обращается к нагой Америке, вступившей с ним в оживленный диалог и сидящей при этом на растянутом между двух деревьев гамаке. Интересующий нас предмет уже не находится у Америки в руках, он прислонен к дереву на переднем плане. Хотя во многих элементах Америка Страдано напоминает Америку Ортелия, их палицы различаются. Если у Ортелия соблюден этнографически точный вид предмета (древко, круглое навершие и украшение из перьев на конце), то Страдано изображает два вида традиционных наверший по двум концам древка — и вверху, и внизу, что обесмысливает предмет в функциональном отношении, зато делает его дважды узнаваемым (на протяжении XVI в. диск-навершие изображали то круглым, как у экспоната из Музея на набережной Бранли, то вытянутым,

наподобие лопасти весла; Страдано соединяет в одном предмете оба вида навершеный, так что у палицы нет шанса остаться неузнанной).

Обе композиции получили большую известность: моделью Ортелиа оказался вдохновлен фронтиспис третьего тома сборника Теодора де Бри *America tertia pars* в конце XVI в., а аллегория Страдано уже в XX столетии стала весьма популярной иллюстрацией с обложек книг об открытии Америки, колониализме и Другом [58]. Но есть и менее известные образцы. Так, цикл уже упоминавшегося выше Этьена Делона «Аллегория четырех континентов» [59] известен в основном специалистам и не разошелся в репродукциях (возможно, из-за того, что оригиналы имеют миниатюрный размер). Э. Делон не сводит все четыре континента в одном пространстве, а посвящает каждому отдельное и достаточно лаконичное (в силу размеров) изображение. Америка держит в руках не палицу, а лук, но этнографически верно изображенная палица лежит у ее ног вместе со связкой стрел. Тот же фрагмент (индейская палица со связкой стрел), как мне представляется, опознается и на другой гравюре Делона — «Аллегории войны» [60]. Тем самым в творчестве этого гравера насчитывается уже три визуальных упоминания бразильского оружия в классических по замыслу и исполнению контекстах; основное «облако смыслов» здесь концентрируется вокруг идеи войны и воинственности.

Другая традиционная составляющая образа Америки в аллегориях и визуальных символах — дикость и жестокость — прослеживается в уже упоминавшейся композиции на титульном листе третьего тома «Больших путешествий» (*Americae tertia pars*) Теодора де Бри. Стоящий справа индеец опирается на меч-палицу с длинным древком и большим веслообразным навершием (которое, вероятно, специально изображено таким крупным, чтобы показать, что оно расписано узорами — в полном соответствии с рассказом Ганса Штадена, который содержится под обложкой этого тома). Другой рукой индеец принужденно подносит ко рту отрубленную человеческую ногу. Не требуется дополнительных словесных описаний, чтобы вызвать у читателя и зрителя ужас перед жестокостью дикарей (здесь, впрочем, можно напомнить, что «нимфа Америки» у Ортелиа держала в руках отрубленную голову, но она не производила отталкивающего впечатления, возможно, из-за ассоциаций с уже известными мифологическими или библейскими сюжетами — головой Медузы Горгоны, отрубленной Персеем, или головой Олоферна, отсеченной Юдифью).

Другая «дикость» Америки — не столь страшная на вид — воплощена на листе бестиария XVI в. из аббатства Сен-Жермен [61]: здесь изображена женщина (?) в одеянии, напоминающем облегающую кольчугу с коротенькой юбочкой, в шапочке/шлеме, схожем с головным убором Америки у Ортелиа и Страдано. Она держит в одной руке длинный гарпун,

а в другой лук, слева от нее виднеется хижина из шкур на распорках. Среди всех этих атрибутов, недвусмысленно указывающих на Северную Америку, выделяется характерного вида палица из красного дерева, прислоненная к стволу дерева справа (картинка раскрашена, поэтому можно судить о цвете). Южноамериканский предмет в очередной раз теряет свою изначальную привязку к Бразилии и становится атрибутом «Америки вообще». Схожие тенденции на примере изображения внешнего вида индейцев отмечал У. Стёртевант, даже заговоривший о «тупинамбизации» облика жителей Северной Америки под пером, резцом и кистью европейских художников [62]. Из чего же можно сделать вывод о проводимой в данном изображении смысловой параллели «палица — Америка — дикость»? Дело в том, что весь лист бестиария носит заглавие «Дикарь»...

Приведенные примеры не исчерпывают всех случаев изображения меча-палицы бразильских индейцев и в качестве этнографического атрибута, и как визуальной метафоры всей Америки. Особый стимул этому дали гравюры де Бри [63], уже в XVII столетии часто вдохновлявшие новую аудиторию — нидерландских картографов, порой использовавших данный предмет на свой вкус и в несвойственном ему антураже (когда бразильскую палицу изображают в руках то у «патагонских гигантов», то у «перуанцев»).

Итак, на протяжении XVI столетия бразильская деревянная палица выступала в разных ролях, которые не сменяли друг друга последовательно, но сосуществовали более или менее одновременно. Роль этнографической диковинки, с которой палица дебютировала в Европе, то отходила на дальний план, то вновь актуализировалась. Впрочем, с течением времени неведомая экзотика становилась знакомой, и когда в начале 1580-х годов Монтень сообщал, что «у многих и, в частности, у меня можно видеть образцы их мечей», речь шла о явлении того же порядка, что и тот факт, что космографы, «имея перед нами то преимущество, что они собственными глазами видели, например, Палестину... стремятся воспользоваться этою привилегией и засыпать нас кучей новостей обо всем остальном мире». И то, и другое явление должны были быть достаточно знакомыми читательской аудитории Монтеня, иначе терялся бы смысл литературной игры [64]. Точно так же и образно-символический ряд гравюр Этьена Делона, не снабженных ни словесными описаниями, ни даже просто заголовками, должен был оставаться достаточно внятен сам по себе.

Меч-палица бразильских индейцев, попав в поле притяжения европейской культуры на правах экзотики, подвергся «переводу» на язык гуманистической культуры через отсылку к античным образцам или через

уподобление традиционным емким символам вроде скипетра. Затем наметились и новые параллели между уже существующими явлениями. Так, во время торжественного въезда в Руан король движется от сцены с бразильскими индейцами, вооруженными палицами, к сцене с Геркулесом, который произносит для него речь: это символическое движение от дикости к культуре [65] (Геркулес в данном случае олицетворяет красноречие, и его собственная палица из античных мифов пусть и не участвует в действе, все же подразумевается). А вот и другая картина: вождь Куониамбек, умеющий ловко орудовать своей палицей, находит не меньше удовольствия в произнесении воинственных речей, чем в самих битвах. И пусть такое красноречие сочтут варварским, подобно варварскому величию «нимфы Америки», держащей свою смертоносную палицу, как скипетр: первоначальная инаковость и того, и другого уже ассимилирована и поставлена в ряд прочих значимых для Старого Света «конституирующих Других». Отныне палица Геракла и меч дикаря способны вступить между собой в диалог, подобно тому, как это делают культуры на набережной Бранли.

[1] Wintroub M. Taking Stock at the End of the World: Rites of Distinction and Practices of Collecting in Early Modern Europe // Studies In History and Philosophy of Science. 1999. Vol. 30. No. 3. P. 406.

[2] Помимо экспоната Музея на набережной Бранли (полученного «в наследство» от парижского Музея Человека), схожий бразильский артефакт, хотя и в менее сохранном виде, экспонируется в «кабинете диковинок» при Отделе редкой книги библиотеки св. Женевьевы в Париже (первоначально, в 2011 г., речь шла о временной выставке, однако на момент написания этих строк экспозиция уже превратилась в постоянную). Искусствовед и многолетний музейный куратор К. Фист указывает, что в европейских собраниях сохранилось около 11 предметов, схожих с палицами бразильских индейцев тупинамба, однако более подробную информацию (иногда с репродукциями) дает в основном об экспонатах из Дрездена и Вены: Feest C. The People of Calicut: Objects, Texts, and Images in the Age of Proto-Ethnography // Boletim do Museo Paraense Emilio Goeldi. 2014. Vol. 9. No. 2. P. 297; Feest C., Augustat C. Brazil in the Weltmuseum Wien // Archiv Weltmuseum Wien. 2013–2014. Bd. 63–64. S. 288. Более общий обзор дан в: Feest C. The Collecting of American Indian Artifacts in Europe, 1493–1750 // America in European Consciousness, 1493–1750 / K.O. Kupperman (ed.). Chapel Hill, 1995. P. 324–360. Поскольку индейское оружие украшалось перьями (этот декор дошел до наших дней в разной степени сохранности), сведения об артефактах из культуры тупинамба в европейских музеях иногда следует искать в исследованиях именно по искусству плетения из перьев. См., в частности: Françoze M. Beyond the Kunstammer: Brazilian featherwork in early Modern Europe // The Global

Lives of Things: The Material Culture of Connections in the Early Modern World / A. Gerritsen, G. Riello (eds). L.; N.Y., 2015. P. 105–127.

[3] Речь идет о так называемом Галльском Геркулесе, впервые описанном Лукианом во II в. н.э. Актуализация образа этого героя именно как воплощения красноречия приходится на эпоху Возрождения, хотя и в Античности Геракл мог выступать в роли покровителя муз. Подробнее см.: Макарова Н.И. Геркулес как образ идеального человека // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4 (23). С. 242–244; Стаф И.К. Миф о Геркулесе Галльском в эпоху раннего французского Ренессанса: национальная история и национальное красноречие.

<<http://imli.ru/index.php/nauka/materialy-sotrudnikov/1646-irina-karlovna-staf>> (дата обращения 14.06.2020); Jung M.-R. Hercule dans la littérature française, de l'Hercule courtois à l'Hercule baroque. Genève, 1966. Я благодарю Ю.П. Крылову за консультацию по данному вопросу.

[4] ГМИИ им. А.С. Пушкина, отдел графики, RD IX 281–294, инв. № 9191–9204: *Mélée d'hommes nus* (RD IX 287, инв. № 9198); *Combat de Lapithes et de Centaures* (RD IX 286, инв. № 9197); *Combat d'hommes et d'animaux* (RD IX 288, инв. № 9199).

[5] Некоторые воины слишком далеко и низко заводят за спину руку для удара; при замахе мечом такое значительное отклонение клинка нехарактерно. Я благодарю за консультацию чемпиона России по арт-фехтованию 2009 г. К.А. Парменова.

[6] Sturtevant W. *First Visual Images of Native America* // *First Images of America* / F. Chiappelli (ed.). Los Angeles, 1976. Vol. 1. P. 423.

[7] Мнения о сходстве предмета с «недостаточно правильно изображенной» бразильской палицей придерживается также Ж.-М. Массинг: Massing J.-M. *Early European Images of America: The Ethnographic Approach* // *Circa 1492: Art in the Age of Exploration* / J.A. Levenson (ed.). New Haven, 1991. P. 516. К. Фист, напротив, указывает на возможные индийские мотивы происхождения даже не столько самого предмета, сколько его изображения. Одновременно с этим он спорит с У. Стёртевантом относительно гипотезы о церемониальном жезле мундукуру, полагая, что «оперение» древка у дюреровского предмета выполнено в принципиально иной технике. К. Фист полагает, что Дюрер изображал не индейца тупинамба, а индейца «из Каликута», причем в религиозном, а не протоэтнографическом ключе (в дальнейшем Дюрер будто бы высказывал пожелание об обращении в христианство «турок и людей из Каликута»). Одновременно с этим К. Фист не спорит с фактом знакомства и Дюрера, и других немецких художников и граверов его времени с предметами материальной культуры именно из Бразилии: Feest C. *The People of Calicut*. P. 299, 300, 301.

[8] В Синодальном переводе псалму 24 соответствует псалом 23. Текст приводится по многоязычному электронному изданию Библии:

<<https://allbible.info/bible/kingjames/ps/24/>;
<https://allbible.info/bible/sinodal/ps/23/>>.

[9] Staden H. Véritable histoire et description d'un pays habité par des hommes sauvages, nus, féroces et anthropophages situé dans le nouveau monde nommé Amérique, inconnu dans le pays de Hesse avant et depuis la naissance de Jésus-Christ jusqu'à l'année dernière. Hans Staden de Homberg l'a connu par sa propre expérience et le fait connaître actuellement par le moyen de l'impression à Marbourg chez André Kolben à l'enseigne de la feuille de trèfle, 1557 // Staden H. Nus, féroces et anthropophages / traduit de l'allemand par H. Ternaux-Compans. P., 2005.

[10] De Bry T. *Americae tertia pars Memorabilem provinciae Brasiliae Historiam continens germanico primum sermone scriptam a Joanne Stadio... Addita est Naratio profectionis Iohannis Lerii in eadem provinciam... Omnia recens evulgata et eiconibus... illustrata... studio et diligentia Theodori de Bry... Exemplar duarum litterarum quibus breviter explicantur et navigatio Nicolai Villegagnonis... a quodam e Villegagnonis domesticis Nicolao Barré, Francofurti, apud J. Wechelum, in pressis The. de Bry, MDXCII [1592].*

[11] Было бы заманчиво предположить, что Теве сделал это под влиянием издания Штадена силами де Бри, однако 1592 г. — время выхода *Americae tertia pars* де Бри — это еще и год смерти самого Теве, поэтому вопрос о влияниях и воздействии остается открытым.

[12] Цветная репродукция высокого качества, позволяющая различить мелкие детали этой карты, приведена в: Montaigne J.-M. *Le trafic du Brésil. Navigateurs Normands, Bois Rouge et Cannibales pendant la Renaissance*. Rouen, 2000. P. 38.

[13] Крупные детальные репродукции гравюры из аугсбургского издания приведены в: Sturtevant W. *Op. cit.* P. 424–425; Montaigne J.-M. *Op. cit.* P. 22.

[14] Этим решеткам из прутьев (напоминающим нынешний гриль), которые использовались не только в ритуальных, но и в повседневных целях для жарения и копчения мяса животных, была суждена впоследствии мировая известность. Их индейское название *boucan*, подхваченное и распространенное французскими путешественниками в Бразилии, стало в дальнейшем применяться на островах Карибского моря в XVII в.; слово «буканьеры» (пираты, занимавшиеся разделкой и заготовкой туш животных) восходит именно к нему.

[15] Lestringant F. *L'automne des cannibales ou Les outils de la conquête // L'Amérique de Théodore de Bry. Une collection de voyages protestante du XVIe siècle / ed. par M. Duchet. P., 1987. P. 79, 81; Lestringant F. Les représentations du sauvage dans l'iconographie relative aux ouvrages du cosmographe André Thevet // Bibliothèque de l'humanisme et de Renaissance. 1978. T. XL (3). P. 592.*

[16] Иллюстрация приведена в: *La découverte du Brésil. Les premiers témoignages choisis et présentés par I. Mendes dos Santos. P., 2000. P. 92.*

[17] Léry J. de. *Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil (1578, 2 éd. — 1580) / Texte établi, présenté et annoté par F. Lestringant. P., 1999. P. 364.* Комментируя этот пассаж, Ф. Лестринган полагает, что данный выпад относится к «Космографии» Себастьяна Мюнстера: *Ibid.* P. 364, n. 4. Однако сцены с тесаками присутствуют и на французских картах, например в

атласе Гийома Ле Тестю (1556 г.): Montaigne J.-M. Op. cit. P. 17. Интересно, что в сопроводительном тексте к картам южной и северной Бразилии данные сцены никак не описываются.

[18] Michel E. "For Praise and Eternal Memory": Albrecht Altorfer's Triumphal Procession for Emperor Maximilian I // Michel E., Sternath M.L. Emperor Maximilian I and the age of Dürer. München; Vienna, 2012. P. 49–65.

[19] Sturtevant W. Op. cit. P. 421.

[20] Feest C. The People of Calicut. P. 295. К. Фист указывает также на то, что подобные предметы с круглым окончанием присутствовали на гравюре с изображением именно индийского короля (Der Kunig von Gutzin, 1509 г.): Ibid. P. 296. См. также: Leitch S. Burgkmair's Peoples of Africa and India (1508) and the Origins of Ethnography in Print // The Art Bulletin. 2009. Vol. 91 (2). P. 134–159. Об использовании этнографических артефактов в художественных и идеологических целях см.: West A. Global Encounters. Conventions and Invention in Hans Burgkmair's Images of Natives of Africa, India and the New World // Crossing Cultures: Conflict, Migration, Convergence / J. Anderson (ed.). Melbourne, 2009. P. 272–278.

[21] Репродукция высокого качества приведена в: Montaigne J.-M. Op. cit. P. 16.

[22] Ценное красное дерево «пау бразил» как раз и дало название всей стране; во французских документах XVI в. словосочетание *pays du bresil* с одинаковым успехом обозначает и Бразилию, и «страну красного дерева», причем иногда дерево пишется с заглавной буквы, а страна — со строчной.

[23] Sturtevant W. Op. cit. P. 428.

[24] Репродукцию в крупном масштабе см. в: Montaigne J.-M. Op. cit. P. 31.

[25] *C'est la déduction du sumptueux ordre plaisantz spectacles et magnifiques théâtres dressés et exhibés par les citoyens de Rouen ville métropolitaine en pays de Normandie, A la sacré Maiesté du Treschristian Roy de France Henry second leur souverain Seigneur, Et à Tresillustre dame, ma Dame Katharine de Medicis, La Roynne son espouze, lors de leur triumphant ioyeuls et nouvel advènement en icelle ville, qui fut es iours de Mercredi et ieudy premier et second iours d'octobre 1550, Rouen, 1551.* P. 82.

[26] *Le Brésil d'André Thevet. Les Singularités de la France Antarctique (1557) / ed. par F. Lestringant.* P., 1997. P. 154, 156, 162.

[27] Thevet A. *La Cosmographie universelle d'André Thevet cosmographe du Roi, illustrée de diverses figures des choses les plus remarquables vues par l'auteur et inconnues de nos Anciens et Modernes...* // *Les Français en Amérique pendant la seconde moitié du XVIe siècle.* P., 1953. P. 183, 178.

[28] Ibid. P. 182, 183, 185, 199, 219.

[29] Léry J. de. Op. cit. P. 357, 360.

[30] Ibid. P. 340–342.

[31] Одни исследователи бесстрастно говорят о прямом заимствовании одной из гравюр (см., например: Sturtevant W. Op. cit. P. 435, 442), другие, более ревностные поклонники Лери, камуфлируют это утверждение более мягкой формулировкой «заимствование идеи некоторых композиций и отдельных мотивов» (Lestringant F. *Les représentations du sauvage.* P. 593).

- [32] Об условности такого изображения татуировок говорит тот факт, что, когда в 1614 г. похожую фигуру индейца с палицей вставляет в свою книгу о северной Бразилии французский капуцин Клод д'Аббвиль, торс его персонажа, от шеи до колен, покрывает изящная сеточка, местами напоминающая меандры. Разумеется, и в том и в другом случае речь не идет о доскональной передаче индейских узоров на коже.
- [33] *C'est la déduction du sumptueux ordre plaisantz spectacles*. P. 82.
- [34] Wintroub M. *Civilizing the Savage and Making a King: The Royal Entry Festival of Henri II (Rouen, 1550)* // *Sixteenth Century Journal*. 1998. Vol. 29 (2). P. 469.
- [35] *Le Brésil d'André Thevet. Les Singularités de la France Antarctique*. P. 358, n. 3.
- [36] *Ibid.* P. 158.
- [37] Léry J. de. *Op. cit.* P. 357 (примечание Ф. Лестрингана: *Ibid.* P. 357–358, n. 4).
- [38] Литература о Монтене и Новом Свете чрезвычайно обширна, однако наиболее убедительно приемы его литературной игры рассмотрены в: Defaux G. *Un cannibal en haut de chausses: Montaigne, la différence et la logique de l'identité* // *Modern Language Notes*. 1982. Т. 97 (4). P. 919–957.
- [39] Монтень М. *Опыты. Книга I* / пер. А.С. Бобовича. М.; Л., 1954. С. 261.
- [40] Там же. С. 267, 268, 269, 270.
- [41] Монтень М. *Опыты. Книга I*. С. 265.
- [42] Рукописный текст, содержащийся в картуше по центру карты, транскрибирован в: *Montaigne J.-M. Op. cit.* P. 16.
- [43] Thevet A. *Vrais portraits et vies des hommes illustres*. P., 1584. P. 662.
- [44] Подробнее об эволюции образа Куониамбека см.: Окунева О.В. Два тела короля Куониамбека // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* — 2019. Вып. 14 / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2019. С. 65–80.
- [45] Thevet A. *La Cosmographie universelle*. P. 185.
- [46] *Ibid.* P. 196.
- [47] «[Возлежащие в гамаках] полагают, что они от того [становятся] мудрее всех и их разум менее скован; похоже, что они усвоили такую философию в школе какого-нибудь Аристотеля или другого древнего мудреца» (*Ibid.* P. 178–179).
- [48] Cook P. "A King in Every Countrey": English and French Encounters with Indigenous Leaders in Sixteenth-Century America // *Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada*. 2013. Vol. 24. No. 2. P. 1–32; Hinderaker E. Four Indian Kings and the Imaginative Construction of the First British Empire // *William and Mary Quaterly*. 3rd ser. 1996. Vol. 53. P. 487–526.
- [49] Sturtevant W. *Tupinamba Chiefdoms?* // *Chieftains and Chieftancy in the Americas* / E. Redmond (ed.). Gainesville, 1998. P. 138–149.
- [50] Lestringant F. *The Myth of the Indian Monarchy: An Aspect of the Controversy between Thevet and Léry (1575–1585)* // *Indians and Europe: An Interdisciplinary Collection of Essays* / Ch.F. Feest (ed.). Aachen, 1987. P. 37–60.

- [51] Lestringant F. Le Huguenot et le Sauvage. L'Amérique et la controverse coloniale en France au temps des guerres de Religion (1555–1589). Genève, 2004 (первое издание: P., 1990). P. 420, 442, 448.
- [52] Lestringant F. Quatre études sur la controverse coloniale en France aux temps des guerres de Religion: Le cannibale et la marmite // Lestringant F. Le Huguenot et le Sauvage. P. 421–449.
- [53] Mellet P. A M. de Lery, son singulier ami // Le Moine R. Amérique et les poètes français de la Renaissance. Ottawa, 1972. P. 162 (курсив мой. — О. О.).
- [54] Jarnoux Ph. Itinéraires oubliés: les Indiens en Europe aux XVIe et XVIIe siècles // Dans le sillage de Colomb. L'Europe du Ponant et la découverte du Nouveau Monde (1450–1650). Actes du colloque international tenu à l'Université Rennes 2 les 5–7 mai 1992 / ed. par J.-P. Sanchez. Rennes, 1995. P. 316.
- [55] Ortelius A. Theatrum orbis terrarum. Antwerpen, 1570.
- [56] "Celle qui tout en bas sur la terre couchée, / Toute nue tu vois, de plumettes coiffée, / Ayant en l'une main le chef d'un homme mort, / En 'autre le baston, dont elle fait l'effort, / Meurdrissant les humains d'une cruauté grande, / Les corps desquelz apres luy servent de viande" (du Vivier G.M. Sur le frontispice de ce present livre [1572] // Le Moine R. Op. cit. P. 96).
- [57] Markey L. Stradano's Allegorical Invention of the Americas in Late Sixteenth-Century Florence // Renaissance Quaterly. 2012. Vol. 65. No. 2. P. 385–442.
- [58] Подробный подсчет приведен в: Ibid. P. 387–388.
- [59] Delaune E. Allégories de quatre parties du monde: Amérique [vers 1562–1578] // [Allégories — Combats — Sujets variés: recueil factice], collections Jacques Doucet. Bibliothèque de l'Institut National d'Histoire de l'Art, identifiant numérique: NUM 12 RES 20, permalien: <<https://bibliotheque-numerique.inha.fr/idurl/1/19211>>.
- [60] Delaune E. Allégories de la Paix, de l'Abondance, de la Guerre et de l'Envie: Guerre // Ibid.
- [61] Цветная репродукция приведена в: Montaigne J.-M. Op. cit. P. 22.
- [62] Sturtevant W. La "tupinambisation" des Indiens d'Amérique du Nord // Figures de l'Indien / ed. par G. Thérien. Montréal, 1995 (первое издание: Montréal, 1988). P. 345–361.
- [63] У. Стёртевант даже делает появление на свет *Americae tertia pars* конечной хронологической границей своего списка первых изображений Америки в Европе — настолько всеобъемлющим ему представляется влияние де Бри на художников следующих двух столетий: Sturtevant W. First Visual Images of Native America. P. 419.
- [64] Утверждение Монтеня о наличии у него коллекции деревянных мечей и прочих бразильских артефактов часто рассматривается исследователями в буквальном смысле, без учета его параллельной «игры» в космографа и историка, в то время как подобная оптика значительно смещает акценты. Важно не то, действительно ли Монтень имел у себя деревянные мечи или встречался с бразильскими индейцами в Бордо во время торжественного въезда в город короля Карла IX, а то, что он считал нужным об этом сообщить и что именно такие аргументы представлялись ему

убедительным обоснованием высказанных положений более общего порядка.

[65] Это символическое движение, основанное на последовательности картин в церемонии торжественного въезда, неоднократно подчеркивалось американским историком М. Уинтробом в работах с говорящими названиями («Цивилизовать дикаря и создать короля», «Порядок ритуала и порядок вещей», «Ритуалы выделения и практики коллекционирования»): Wintroub M. *Civilizing the Savage and Making a King*; Wintroub M. *L'ordre du rituel et l'ordre des choses: l'entrée royale d'Henri II à Rouen (1550)* // *Annales H.S.C.* 2001. No. 2. P. 479–505; Wintroub M. *Taking Stock at the End of the World*.

Анна Литвина, Фёдор Успенский
Два имени государя (Потапий Максимович
Матвеев внук или Василий Иванович
Шуйский) [1]

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_120-134

Причудливая и разнообразная картина многоименности, когда одно и то же лицо оказывается обладателем целого списка антропонимов, — весьма существенная черта всего русского Средневековья. Особенное впечатление производит, пожалуй, сложность функциональной нагруженности отдельных элементов этой полиномии в сочетании с их несомненной факультативностью. В самом деле, как в XII, так и в XVII в. человек может прожить всю жизнь под одним личным именем, а может накопить их три, четыре, а то и пять, причем некоторые из них будут даны ему сразу, едва ли не при рождении, тогда как другие он получит лишь на склоне лет. При этом ни одно из новоприобретенных именовании, как правило, не отменяет прежних — зачастую все они остаются неотъемлемыми атрибутами их обладателя до самой смерти, а порой не утрачивают значимости и в его посмертной судьбе. Монах, получивший новое имя при постриге (Лаврентий), в монастырском обиходе может пользоваться другим, вовсе не имеющим отношения к церковной традиции именем (Девятой), документы подписывать третьим — публичным христианским именем, под которым он был известен до пострижения (Фёдор), а именины продолжать праздновать по четвертому имени, крестильному (Леонтий). Существенно, однако, что все эти именовании почти никогда, по-видимому, не фигурировали одновременно в рамках одной коммуникативной ситуации и лишь изредка стягивались все вместе в пределах одного письменного текста.

Последнее обстоятельство, разумеется, создает для исследователя множество таких проблем, о которых он изначально может даже не подозревать. В самом деле, полиномия очень часто затрудняет как

простейшую идентификацию исторического лица, так и собственно просопографические разыскания. Один ли человек перед нами, обладавший в миру двумя христианскими именами и появляющийся в документах то под одним, то под другим, или это два самостоятельных персонажа — родные братья или, к примеру, две жены одного мужа? Получила ли женщина новое имя при вступлении в брак, или она с рождения носила его в качестве второго? Сделался ли некто иноком, или он всю жизнь оставался мирянином с двумя христианскими именами? В историографии накопилось множество неверных ответов на вопросы подобного рода, не только потому, что они бывают сложны сами по себе, но и оттого, что многосоставность русской полиномии научной традицией попросту долго не принималась в расчет, оставалась за пределами исследовательского внимания. Помимо всего прочего, дело осложняется еще и тем, что просуществовавшая очень долго система многоименности естественным образом претерпевала определенную эволюцию, причем процесс этот затрагивал как набор ее элементов, так и соотношение их функций.

В самом деле, если к началу XII в. у знатного человека на Руси могло быть, например, одно местное нехристианское имя (Мстислав), одно инокультурное нехристианское имя (Харальд) и имя крестильное, почерпнутое из церковного месяцеслова (Фёдор), то в антропонимическое досье его потомка в XV в. могло входить нехристианское имя (Шарап), имя крестильное, связанное с датой его появления на свет (Евфимий), и публичное христианское имя, отвечающее семейно-родовой традиции (Петр). В XVI же и XVII столетиях такое публичное христианское имя могло оказаться именем, полученным при крещении (Фёдор), тогда как имя, маркирующее день рождения (Ермий), оставалось на всю жизнь лишь своеобразным «благочестивым придатком» [2]. Столь заметное перераспределение ничуть не препятствовало тому, что у множества других людей наряду с христианскими именами по-прежнему сохранялись имена нехристианские. К концу же XVII в. многоголосый хор полиномии расширяется еще более за счет регулярной практики приобретения нового монашеского имени при принятии великой схимы [3], и время от времени мы обнаруживаем людей с четырьмя сугубо христианскими именованиями (ср. Мария / Евфросиния в миру, в мантии — Евдокия, в великой схиме — Евникия).

Разобраться в подобных антропонимических процессах и ситуациях непросто, даже если в них вовлечены персонажи, отнюдь не обойденные вниманием средневековых авторов и современных исследователей, — известная путаница порой возникает и в том, что касается разных имен русских царей. Особенно не повезло в этом отношении московским государям, так сказать, «предромановской эпохи», Борису Годунову и

Василию Шуйскому. Антропонимическое досье каждого из них, будучи достаточно запутанным само по себе, успело еще и обрасти некоторым количеством историографических ошибок и курьезов. Ощутимо многочисленны они в биографии Годунова [4], однако центральным персонажем настоящей работы станет не он, а последний Рюрикович на московском троне — Василий Иванович Шуйский.

Имя Василий, под которым Шуйский вел свою публичную жизнь и был провозглашен царем, запечатлено во множестве источников. Как мы увидим ниже, не составляет большого труда определить, кто именно из свв. Василиев был небесным покровителем царя, — судя по всему, это Василий Великий. Правда, свидетельств о его патронате в источниках не так уж много, во всяком случае, меньше, чем можно было бы ожидать, коль скоро речь идет о небесном тезке государя. Некоторая скудость подобного рода легко объяснима: манифестация культа патронального династического святого способна развернуться в полную силу лишь при длительном или хоть сколько-нибудь благополучном правлении. Чтобы стать достаточно заметным, такой культ в дальнейшем должен быть подхвачен ближайшими потомками на престоле, закрепляющими его в многочисленных поминальных вкладыях, церковном строительстве и разнообразных коммеморативных артефактах. Шуйскому же, как известно, не повезло ни с тем, ни с другим, ни с третьим: своим избранием на царство он был обязан смуте, стать основателем новой ветви династии ему не удалось, а обстоятельства кончины в польском заточении также, разумеется, не способствовали устойчивости поминальной практики на родине. В водовороте Смутного времени растворились многие приметы прижизненного почитания его личных патрональных святых, и лишь редующий круг ближайших членов семьи был хоть в какой-то мере заинтересован в этом почитании после смерти Василия Ивановича.

Какие же свидетельства, связанные с личным небесным покровителем царя, до нас все-таки дошли? Известно, в частности, что на сделанном по распоряжению Шуйского в 1608 г. окладе к иконе св. Николая в Зарайской соборной церкви были помещены изображения Василия Великого [5]. Что еще более показательнее, согласно записи на л. 113 в Синодике Архангельского собора (нач. XVII в.), давая вклад по своему умершем муже, «благовѣрная царица инока Елена Петровна» Буйносова-Ростовская установила по нему три поминальные даты, одна из которых приурочена к 1 января, дню празднования св. Василию Великому:

Лѣта 7130 [6] <1622> благовѣрная царица инока Елена Петровна дала въ домъ великаго собора Архистратига Михаила у царскихъ прародителей протопопу Ивану з братією пятьдесятъ рублевъ, по царѣ и великомъ князѣ Василіе Ивановичѣ всея Русі въ вѣчный поминокъ, а имя ево у Архангела в литіи и въ сенаники написано и протопопу Ивану з братією, или хто у Архангела впередъ иные протопопы и братія будутъ. Царя Иванского <sic!>

князя Васи́лія Ива́новича всея Руси поминати по вся дни на литияхъ и на панахидахъ і за просфиромисаніемъ і на Божественнѣй литоргіи и пѣти панахиды по вся годы декабря въ 8 день, сентября въ 16 день, января въ 1-й день доколѣ вселенные миръ стоитъ [7].

Русская коммеморативная традиция предполагает, что усопшего надлежит поминать в годовщину его смерти (в нашем случае это не что иное, как 16 сентября) и, если есть такая возможность, на дни празднований его святым тезкам. Распоряжение царицы-инокини относительно даты 1 января недвусмысленно свидетельствует о том, что из всех многочисленных свв. Василиев месяцеслова патроном ее мужа был именно Василий Великий. С чем же, однако, соотносится третья упомянутая ею дата — 8 декабря?

К ответу на этот вопрос позволяет приблизиться фрагмент из Кормовой книги Троице-Сергиева монастыря 1674 г. Однако прежде чем обратиться к нему непосредственно, следует вспомнить о том, что данные синодиков, вкладных и кормовых книг, будучи бесценным материалом для генеалогии, ономастики, истории культа святых и личного благочестия, зачастую сами по себе являют своего рода ребус, нуждающийся в разгадывании. Во многих случаях на их страницах представлены лишь причудливые комбинации личных имен членов неких родов и семей, напрочь лишенные сколько-нибудь точных указаний, когда умерли (и тем более — когда родились) их обладатели и кем они друг другу приходятся. Порой не отмечено даже, о членах какой, собственно, семьи идет речь, и отнюдь не всегда указывается статус того имени, под которым усопший внесен в перечень. Для составителя текста такая информация о поминаемых зачастую оказывается либо очевидной, либо избыточной, но исследователя нашего времени ее отсутствие порой способно поставить в тупик.

Итак, в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г. под датой 8 декабря (напомним, что именно она оставалась необъясненной в поминальной записи царицы-инокини из Синодика Архангельского собора) обнаруживается следующее указание:

Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)тца нашегw Потапія. Корм по ц(а)рѣ и великом кн(я)зе Васи́ліи Ива́новиче всеа Россиі Поминати м(о)л(и)твенное имя Потапіи, ц(а)р(и)цу и великую кн(я)гиню иноки Елены, кн(я)за Димитріа, кн(я)гиню Екатерины. Дачи 200 рублевъ [8].

Публикаторы Кормовой книги, судя по указателю, связали эту запись с поминовением великого князя Василия III и его второй жены Елены Глинской [9], однако такая атрибуция не выдерживает никакой критики. «Молитвенным» именем Василия III было отнюдь не Потапий, а Гавриил, его жена (мать Ивана Грозного) пострига не принимала и инокиней не была, ни в каких иных источниках поименование этой четы к дате 8 декабря не приурочено, да кроме того, их загадочные спутники, князь Дмитрий и княгиня Екатерина, при подобной трактовке никакому разумному

отождествлению не поддаются. При таком количестве противоречий излишне специально останавливаться на том обстоятельстве, что Василий III не был царем, а Елена Глинская — царицей.

Очевидно, что в этом тексте речь идет о другом государе — интересующем нас царе Василии Ивановиче Шуйском и его второй жене Буйносовой-Ростовской (той самой, что давала вклад по своему мужу в Архангельский собор), которая в крещении была Екатериной, при восшествии на престол сделалась Марией, а в иночестве приняла имя Елена [10]. Князь Дмитрий и княгиня Екатерина — это не кто иные, как родной брат Василия Ивановича, Дмитрий Иванович Шуйский, и супруга этого брата, Екатерина Григорьевна, дочь знаменитого Малюты / Григория Скуратова.

Так или иначе, связь этой записи с царской четой Шуйских сомнений не вызывает, и она предоставляет в наше распоряжение ценнейшие сведения о том, что у царя было еще одно христианское имя — Потапий. Память единственного святого, носившего это имя, празднуется именно 8 декабря. Таким образом, появление этой даты в обоих интересующих нас памятниках не только объяснимо, но и закономерно: царя, в полном соответствии с традицией, предписывается поминать на праздник еще одного его святого тезки. Коль скоро он был и Василием, и Потапием, то оба эти дня (8 декабря и 1 января) годились для заупокойных кормов и богослужений.

Нельзя сказать, что наличие этого второго имени в биографии Шуйского полностью ускользнуло от внимания историков, однако оно всегда оставалось на дальней периферии исследовательского внимания. Характерным образом, в современных генеалогических перечнях Потапий изредка появляется, но никак не комментируется, да и столетие назад его обсуждение не выходило за рамки частной корреспонденции, где статус его определялся неверно. Так, в переписке графа С.Д. Шереметева и С.Ф. Платонова последний, отвечая на вопрос своего корреспондента, пишет следующее:

Итак, царь Василий «во иноцех Потапий»! Это очень интересно. В Москве официально не признавалось пострижение Василия Шуйского в 1610 году и его монашеское имя никогда не приводилось. Отчего оно попало в (позднейший?) синодик? (Письмо от 22 января 1901 г.) [11]

В этом утверждении С.Ф. Платонова ошибочной информации содержится куда больше, нежели достоверной. История насильственного пострига царя Василия Шуйского и его супруги, как известно, была весьма драматична — его противники стремились таким образом закрепить факт низложения царя. Он же во время этой процедуры отказывался принести монашеские обеты, и за него их произносило другое лицо. Согласно «Новому летописцу», это был один из заговорщиков, князь Василий Тюфякин, тезка царя по его династическому имени. Патриарх Гермоген не

признавал легитимности такой подмены и продолжал называть Шуйского его мирским именем и царским титулом, а князя Тюфякина считал отныне монахом [12]. Отметим, что в «Сказании» Авраамия Палицына в качестве лица, приносящего монашеские обеты вместо царя, назван другой человек — князь Туренин [13]. При этом Туренин также звался Василием и, более того, был полным тезкой царя по публичному именованию — оба они были Василиями Ивановичами. В памяти современников и потомков, однако, в этой роли безусловно доминировала скорее фигура князя Тюфякина.

Казус подобной субституции, разумеется, чрезвычайно интересен сам по себе. Весьма любопытно, например, что, с точки зрения всех участников, обряд пострижения, хотя бы и насильственный, не мог проистекать вне положенного диалога — молчание одной из сторон казалось недопустимым, кто-то непременно должен был произносить установленные реплики. Замечательно, что, кто бы ни назывался в качестве заместителя царя в этой процедуре, молва была склонна закреплять эту роль за тем, кто носил то самое имя, под которым царь был известен своим недавним подданным, — тождество имен, видимо, представлялось современникам чем-то неслучайным и весьма существенным в этом темном деле [14].

Как бы то ни было, дальнейшая политическая реальность складывалась так, что современники вынуждены были принять факт пострига Василия Шуйского, а его монашеское имя Варлаам, вопреки утверждению С.Ф. Платонова, отнюдь не было для них тайной и сохранилось в целом ряде источников [15].

Таким образом, Потапий никак не могло быть иноческим именованием низложенного царя. Вдобавок ко всему прочему появляющееся в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря определение «молитвенное имя» при всей своей многозначности к иноческим именам никогда не прилагается — мы уверенно можем констатировать, что оно характеризует лишь те христианские имена, которые человек носит в миру. Иными словами, Василий / Потапий — это типичный случай светской христианской двуименности, столь широко распространенной на всем протяжении русского Средневековья вообще, а в XVI–XVII вв. в особенности. Достаточно отметить, что два христианских имени в миру носили уже упоминавшийся родной брат царя, Дмитрий Иванович, который был еще и Фомой, их отец Иван / Максим Андреевич и дед — Андрей / Матфей Михайлович [16].

История же невнимания и заблуждений, которая сопровождала имя Потапий у Шуйского, по-своему тоже весьма типична, поскольку содержит почти все характерные для исследовательской традиции ошибки, связанные с христианской двуименностью. Надо сказать, что этот казус и сам по себе отнюдь не так прост: если светский характер

имени Потапий не вызывает сомнений, то попытки еще более точной дефиниции его статуса наталкиваются на некоторые препятствия. В самом деле, каким из двух имен, Потапий или Василий, будущего царя крестили? Прямых указаний источников в нашем распоряжении нет. Обыкновенно, однако, если в XV–XVII столетиях носитель христианской двуименности принимал постриг, то определить это бывает достаточно легко. В эту эпоху безусловно преобладала тенденция подбирать монашеское имя так, чтобы оно тем или иным образом соответствовало имени крестильному. Чаще всего это соответствие сводилось к тому, что имя монашеское должно было начинаться с той же буквы, что и имя, данное в крещении. Иначе говоря, если мы знаем, что человек в миру носил имена Фёдор и Авксентий, а в монашестве сделался Арсением, то мы можем утверждать, что Авксентий — его крестильное имя [17].

Исходя из этой, в целом вполне надежной, модели следует полагать, что в крещении царь был Василием, поскольку в иночестве, как мы знаем, он стал Варлаамом. Более того, такой антропонимический ход, когда обладатель крестильного имени Василий нарекается при пострижении именно Варлаамом, был весьма популярен — данные имена в этом отношении составляют своего рода устойчивую пару. Тогда оказывается, что имя Василий у Шуйского совмещало в себе функции публичного, династического и крестильного, а молитвенное Потапий являлось тем самым «благочестивым придатком», о котором мы говорили в начале работы.

Надо сказать, что до XVI в. такая ситуация, когда некрестильное имя того или иного лица оставалось его непубличным именем, была, по-видимому, довольно атипичной, и даже в XVI столетии сколько-нибудь надежно она зафиксирована лишь для представителей московского правящего дома — и только для них. Так, Василий / Гавриил в крещении был именно Василием, его старшего сына крестили как Ивана, а отмечающее день появления ребенка на свет имя Тит занимало в жизни царя Ивана Грозного достаточно скромное место. Аналогичным образом дело обстояло и у его детей. Они были крещены под своими династическими именами (Иван, Фёдор, Дмитрий), при этом как минимум у двоих из них, Фёдора и Дмитрия, в практике личного благочестия присутствуют и христианские имена, связанные с днем рождения: Фёдор был еще и Ермием, а Дмитрий — Уаром [18].

В других же семьях подобное перенесение большей части функциональной нагрузки на родовые имена толком не просматривается. Судя по дошедшим до нас известиям, подданные московских государей, давая ребенку два христианских имени, по старинке все еще крестили детей тем из них, что выпало по дню появления на свет. Василий Шуйский хотя и был Рюриковичем, но к царскому дому по рождению не

принадлежал. Могли ли наречь его по той же модели, что использовалась при наречении московских династов? Быть может, перед нами ранний образчик того, как элита в очередной раз начинает в своем имянаречении копировать практику государей?

Практика эта, очевидным образом, свидетельствовала о постепенном угасании христианской двуименности как таковой, а потому ранние ее проявления за пределами правящей семьи представляют особую ценность и интерес. Для самих Шуйских такое расширение функций родового имени оказалось бы смелым новшеством. Во всяком случае царского деда, Андрея / Матфея, судя по всему, крестили отнюдь не родовым Андрей, но непривычным для семейного ономастикона и, вероятно, выпавшим по календарю Матфей [19]; отец будущего царя хоть и звался в миру родовым именем Иван, но крещен был, по-видимому, как Максим [20]; скорее всего, по тому же сценарию был назван и брат Василия Ивановича — в крещении он был Фомою и лишь в публичной жизни Дмитрием [21]. Таким образом, будущий царь был бы едва ли не первым в своей семье носителем христианской двуименности нового типа.

Однако казус Шуйского допускает и иную трактовку событий.

Напомним, что пострижение царя было актом недобровольным и, если так можно выразиться, внезапным. Мера знакомства его восторжествовавших противников с антропонимическим досье низвергаемого и степень желания строго придерживаться всех тонкостей обычая в такой ситуации вызывают серьезные сомнения. «Новый летописец» специально подчеркивает, что в низложении царя участвовали его родичи, прямо указывая на царского свояка Ивана Михайловича Воротынского как на главу тех, кто непосредственно сводил царя и царицу с престола и перевозил их на старый двор [22]. Этот Воротынский, будучи женат на родной сестре царицы, должен был знать все христианские имена своих свойственников, однако нам ничего не известно о том, принимал ли он личное участие в процедуре принудительного пострижения, отделенной от низложения Шуйского некоторым временным промежутком, и счел ли нужным проявлять заботу о корректности имянаречения при постриге. Вполне возможно, что в столь экстремальной ситуации заговорщики действовали, попросту опираясь на то из имен царя, под которым он правил, которое было известно всему народу, и не вдавались в предписанные традицией ономастические тонкости.

Ситуация спешки, принуждения и беззакония сама по себе могла спровоцировать небрежение устоявшейся практикой, когда монашеское имя выбирается с оглядкой на имя крестильное. Иными словами, вполне можно представить, что имя Потапий царь получил в крещении, однако это обстоятельство — сыгравшее бы определяющую роль для выбора нового имени при добровольном постриге — было полностью проигнорировано

при постриге принудительном. Подобное допущение подкрепляется и теми характеристиками, которыми источники изредка наделяют различные имена Шуйского. Как мы помним, в Кормовой книге 1674 г. имя Потапий называется «молитвенным» — этот эпитет в подавляющем большинстве случаев применяется в текстах того времени именно к именам крестильным. В свою очередь, к имени Василий во «Временнике» Ивана Тимофеева прилагается указание «пореклу»:

Во время же послѣднее днешнихъ временъ Шуйского, порекла Василю, самоизбранна глаголема всеа Руси царя... [23]

Если конструкция «молитвенное имя» достаточно устойчиво ассоциируется с именем крестильным, то пометами «пореклу», «прозвание», «рекомый», «прозвище» и т.п., как правило, снабжаются имена публичные, но некрестильные [24]. Вместе же два этих маркера, «молитвенное» и «пореклу», будучи почерпнуты из не связанных между собою источников, соответствуют картине, согласно которой имя Потапий было у царя крестильным, а имя Василий — всего лишь публичным, некрестильным. В таком случае отсутствие ориентации на крестильное имя при постриге Шуйского следует понимать как еще одно отступление от устоявшейся на Руси практики принятия монашеских обетов в ряду других, более очевидных и вопиющих.

Подобному взгляду на дело, казалось бы, препятствует тот факт, что для жены царя, которая, судя по дошедшим до нас данным, тоже была двуименной и также отказывалась постригаться [25], иноческое имя подобрали в полном соответствии с обычаем — она царствовала как Мария, но в крещении была Екатериной и, соответственно, в монашестве стала Еленой (а не, скажем, Марфой), так что именно крестильное и монашеское имена оказались созвучны. Очевидно, однако, что степень значимости пострижения царя и пострижения царицы неодинакова (особенно если учесть специфически непубличный характер существования русских цариц, резко контрастировавший с публичностью жизни государя) — соответственно, полной симметрии здесь ждать не приходится.

Таким образом, при анализе этой семиотически сложной ситуации мы вправе говорить лишь о двух возможностях функционирования имен Шуйского: подражательной инновации при наречении знатного младенца или об отступлении от общепринятой нормы при насильственном постриге. В одном случае ему правильно подобрали монашеское имя Варлаам к крестильному Василий, но зато при крещении действовали, предвосхищая свое время, и отвели имени Потапий очень скромную роль элемента личного благочестия. В другом же случае, выбирая имя для ребенка, поступили в соответствии со стандартной схемой, окрестив его Потапием (по дате рождения) и снабдив его публичным

именем Василий. Отступление же от нормы совершилось при постриге, и, вопреки обычаю, Шуйский стал Варлаамом, а не, скажем, Пафнутием или Порфирием.

Вторая версия развития событий представляется нам более реалистичной, однако то обилие провалов в прижизненной и посмертной истории Шуйского, которым мы обязаны Смутному времени, не позволяет нам безапелляционно принять ее в качестве единственной. Закат династии сопровождался закатом многовековой практики светской христианской двуименности, но процессы эти проистекали не вполне синхронно и зависели друг от друга лишь до некоторой степени.

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

[2] См. об этом: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven*. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. С. 108–127.

[3] Ср.: Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. С. 40–81, 123–131.

[4] См. подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // *Slověne*. 2020. Т. 9. № 1. С. 185–231.

[5] См.: Изергин В.М. Отчет об открытии и деятельности Рязанской ученой архивной Комиссии в 1884 году // *Вестник археологии и истории*, издаваемый Археологическим институтом. Вып. II. СПб., 1885. С. 80; Шереметев С.Д. Зарайск. СПб., 1891. С. 13–15; Шакурова Е.В. Русские золотые изделия XIV–XVII вв. // *Русское золото XIV — начала XX века из фондов государственных музеев Московского Кремля* / авторы-сост. С.Я. Ковраская, И.Д. Костина, Е.В. Шакурова. М., 1987. С. 21–23, 47–48, илл. 20, 21. На этом же окладе мы обнаруживаем изображения архангела Михаила и трех Дмитриев — Дмитрия Солунского, Дмитрия Прилуцкого и царевича Дмитрия. Об иконографической программе данного артефакта см.

также: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв. // *Вопросы ономастики*. 2019. Т. 16. № 3. С. 11.

[6] В публикации источника дата указана с ошибкой — 7030 = 1522 г.

[7] Московский кафедральный Архангельский собор / сост. того же собора сакелларий протоиерей Алексей Лебедев. М., 1880. С. 380. Здесь и далее выделение в цитатах из источников принадлежит авторам.

[8] Кириченко Л.А., Николаева С.В. Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация) / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2008. С. 145, л. 109 об.

[9] Там же. С. 406, 421.

[10] См. подробнее: Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 109–110; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской

христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. М., 2018. Вып. XIII. С. 261–263.

[11] Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками. Том первый: Письма С.Ф. Платонова 1883–1930 / отв. ред. С.О. Шмидт; сост. В.Г. Бухерт, при участии А.В. Мельникова. М., 2003. С. 71, № 117.

[12] «Приѣхаша ко царю Василью на старой дворъ, начаша его постригати. Онъ же противу воспросовъ на постриганіи отвѣту не даяше и глаголаше имъ: “нѣсть моево желанія и обѣщанія къ постриганью”. Выступи жъ изъ нихъ единой заводчикъ, князь Василей Тюфякинъ. Той же за нево отрицашеся, и тако его постригоша и отвезоша ево въ Чюдовъ монастырь. Царицу жъ его такожь неволею постригоша въ Вознесенскомъ монастырѣ. Патріархъ же Ермогѣнъ вельми о томъ оскорбися. Царя жъ Василья нарицаше мірскимъ имянемъ, царемъ, а тово князь Василья проклинаше и называше его инокомъ» (Полное собрание русских летописей. Т. I–XLIII. СПб. (Пг./Л.); М., 1841–2004 (далее — ПСРЛ). Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 100).

[13] Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочиненное Авраамием Палицким. Изд. 2-е. М., 1822. С. 235, гл. 66; Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. I–XXXIX. СПб. (Пг./Л.), 1872–1927 (далее — РИБ). Т. XIII. СПб., 1891. С. 1186.

[14] Существует, правда, известие, где в качестве отвечающего назван другой заговорщик — Иван Никитич Салтыков, чье имя вроде бы никак не коррелирует с царским. Впрочем, в числе присутствующих Василий Тюфякин назван и в этом источнике, а самое сообщение выглядит несколько странно — здесь единственное число вдруг сменяется на множественное, что заставляет заподозрить участие нескольких лиц в принесении иноческих обетов: «...учели ево постригати силно и держати безчинствомъ за руки и какъ имъ врагомъ надобно было и постригши государя силно, а отрекались въ ево мѣсто Иванъ Салтыковъ и постригши ево государя свезли ево въ монастырь» (Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список, л. 322–582; 613–638) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 347; ср. также: Карамзин Н.М. История государства российского. Изд. 5-е. Т. I–XII. СПб., 1842–1843. Т. XII. Гл. IV. С. 137 и примеч. 570 на с. 114). Очевидно, что участники событий едва ли стремились афишировать насильственный характер процедуры и меру своей в нее вовлеченности, поэтому конкретная картина происходившего обрастала разноречивыми слухами и версиями. Характерно, однако, что в летописании закрепились та из них, где обеты произносит тезка царя. Очень выразительны в этом отношении показания Латухинской Степенной книги (1676 г.): «...и начаша царя государя Василя Иоанновича постригати. Ему же на се не хотящу, и не обѣщавающуся, и отвѣты не творящу. Единъ бо отъ боляръ князь Василей Тюфякинъ или Туренинъ — той за царя обѣщанныя отвѣты говорилъ» (Латухинская Степенная книга: 1676 год / изд. подг. Н.Н. Покровский и А.В. Сиренов. М., 2012. С. 661, л. 1038 об.).

[15] См., например: ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 256; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / под ред. В.И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 229, л.

27; Кологривов С.Н. Синодик дворцовой церкви св. великомученицы Евдокии 7141 (1633) г. М., 1909. С. 3, л. 113 об.; Сазонов С.В. Синодики надвратных церквей Ростовского архиерейского дома // Сообщения Ростовского музея. Вып. III. Ростов, 1992. С. 140, 148, л. 8, 9.

[16] В свете нашей проблематики небезынтересно также, что, судя по другим источникам, по два христианских имени в миру было и у жен братьев Шуйских. Супруга царя, как уже говорилось, была Екатериной / Марией, а у жены Дмитрия / Фомы, помимо имени Екатерина, возможно, имелось еще одно имя — Христина.

[17] См. подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси. С. 241–280.

[18] См. подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции. С. 116–121; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению имен и дат в семье царя Фёдора Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 61–66.

[19] Это явствует, например, из следующей записи в синодике Суздальского собора: «Того же <1583> года и мѣсяца въ 9 день прислалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ все Русіи, по князѣ Андрѣе Михайловиче Шуйскомъ, а имя ему Матѣей, въ Суздаль въ домъ Пречистыя Бѣы владыкѣ и протопопу зъ братьею 60 рублевъ» (Кавелин Л. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа Уварова. Ч. I–IV. М., 1893–1894. Ч. II. С. 221–222, л. 8). В подавляющем большинстве случаев термином «имя» (без каких бы то ни было поясняющих характеристик) называется имя, полученное при крещении.

[20] См. все в том же синодике Суздальского собора: «Память князю Ивану Андрѣевичу, а имя ему Максимъ убѣенныи, Генваря въ 21 день...» (Там же. С. 222, л. 15 об.). Мы видим, что Ивана Андреевича Шуйского предписывается поминать на 21 января — именно на этот день, согласно месяцесловам, выпадает память Максима Исповедника. Если в качестве поминальной даты избирается день памяти лишь одного из небесных тезок (в нашем случае — св. Максим), то скорее всего это будет святой тезка по крестильному имени.

[21] Антропонимическое досье царского брата зафиксировано несколько лучше и разнообразнее, чем соответствующие данные, относящиеся к его отцу и деду. Так, на обороте иконы св. Макария Желтоводского, которая была дана вкладом в суздальский Покровский собор Иваном Ивановичем Шуйским (еще одним — самым младшим — братом царя), присутствует недатированная надпись: «Образ Макареи желтовоцково чудотворца поставил боярин князь Иван Иванович Шуйский в соборную церковь Покрова по брате своем по князе Фоме Ивановиче Шуйском да по снохе

своей по княгине Катерине Григорьевне» (Георгиевский В. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927. С. 9, табл. VII, 41, примеч. 1). Если во вкладной записи присутствует лишь одно из имен носителя христианской двуименности, то чаще всего это имя — крестильное; соответственно, мы можем заключить, что Дмитрий Иванович был крещен Фомою, а не Дмитрием. Это предположение подкрепляется еще одной записью Ивана Ивановича, отмечающей его вклад сразу по нескольким родственникам. Вкладная запись на кресте, пожертвованном в Благовещенскую церковь Макарьева Унженского Троицкого монастыря, гласит: «Лѣта 7134 <1626> сдѣланъ крестъ въ пречестную и великую обитель пречистыя Богородицы Благовѣщенія и Преподобнаго Макарія Желтоводскаго унежскаго чудотворца по душе царя і великаго князя Василія Ивановича всея русіи и по его царице Екатерине во иноцѣхъ схимнице Елене и по его брате Дмитрее Ивановиче, а молитвенное имя Фома и по княгине Екатерине и ихъ за то поминати, а положилъ сей крестъ князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій да за князя Ивана Ивановича имъ Бога молити доколе он живъ и за его княгиню Марю, а как Богъ по душу ихъ сошлетъ, ихъ всѣхъ за то поминать. Данъ въ домъ Жівоначальныя Троицы» (Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии / сост. И. Херсонский. Вып. I (1439–1682) — II (1682–1891). Кострома, 1888–1892. Вып. I. С. 46). Здесь Фома названо «молитвенным именем» Дмитрия Ивановича, как уже не раз отмечалось выше, этот эпитет обыкновенно применяется к именам крестильным. Царственная невестка двух братьев, жена Василия Шуйского, именуется исключительно крестильным и монашеским именами, ее публичное имя Мария не пригодилось вовсе. Любопытно, что, заботливо приводя крестильные имена родичей, своего брата царя Иван Шуйский называет его публичным именем, под которым тот правил. Не служит ли это аргументом в пользу того, что это имя было одновременно и крестильным?

[22] ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 100.

[23] РИБ. Т. XIII. СПб., 1891. С. 389. Следует отметить, что одной из отличительных черт сочинения Ивана Тимофеева является повышенный интерес к именам описываемых им лиц и, не в последнюю очередь, к христианской двуименности как таковой (см. об этом подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Русская христианская двуименность в филологической перспективе — из ономастического комментария к «Временнику» Ивана Тимофеева // Slavistična revija. 2018. Letnik 66, št. 3. С. 333–354).

[24] См. подробнее: Соловьева Т.Б. Русская антропонимическая лексика конца 15–16 вв. // Slavica Gandensia. 2002. Vol. XXIX. P. 171–176, здесь P. 171, 172–173, 176; Соловьева Т.Б. К вопросу о дуальности личных имен календарного происхождения в именовании людей в России XVI–XVII вв. // Памяти Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению / сост. Ю.М. Эскин. М., 2006. С. 686–696, здесь С. 688; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси. С. 245–249.

[25] ПСРЛ. Т. XIV. Ч. 1. СПб., 1910. С. 100.

Государи и подданные

Станислав Мереминский

Жизнь и смерть одного бородача: Вильгельм Фитц-Осберт и «восстание» 1196 г. в Лондоне

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_136-157

Социальные конфликты, обозначавшиеся как «народные восстания», «крестьянские войны» или разного рода «революции», были одной из традиционных тем для советской историографии, в том числе и для медиевистики. Так, согласно формулировке в программной статье «Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков», открывавшей первый выпуск сборника «Средние века», основной движущей силой истории объявлялась борьба трудящихся масс со своими эксплуататорами [1]. Наиболее печальным следствием этого тезиса (основанного на нескольких высказываниях И.В. Сталина) стала пресловутая концепция «революции рабов», имевшая тяжелые последствия прежде всего для отечественного антиковедения. Но и при изучении классического Средневековья советские историки не должны были забывать о классовой борьбе [2]. В той же статье из «Средних веков» среди «вопросов» и «областей», требующих исследования в первую очередь, фигурировали в том числе и «движения городского плебса» [3]. В последующие десятилетия на эту тему было написано немало работ, простое перечисление которых заняло бы слишком много места. Однако нельзя сказать, что эта проблематика была исчерпана. Скорее, она сама собой отошла на задний план под ветром перемен, ворвавшимся в отечественную историческую науку во второй половине 1980-х годов.

К числу событий, странным образом обойденных вниманием отечественных историков, относятся и беспорядки, произошедшие в Лондоне весной 1196 г. А ведь речь идет о втором известном случае массовых волнений в истории английской столицы и первом — который можно было легко классифицировать в рамках концепции классовой борьбы [4]. Однако о нем нет даже упоминания в посвященных социальной истории Англии работах Д.М. Петрушевского, Е.А. Косминского, М.А. Барга, Е.В. Гутновой [5]. Да и Я.А. Левицкий — главный советский специалист по английскому городу раннего и классического Средневековья — посвятил этому событию лишь несколько строк в написанной им для третьего тома фундаментальной «Всемирной истории» главе о «социальных и политических последствиях нормандского завоевания Англии». По мысли исследователя, обострение социальной борьбы в английских деревне и

городе в конце XII — XIII в. стало результатом растущего налогового прессы со стороны королевской власти. Одним из проявлений этого процесса явились «серьёзные волнения» в Лондоне в 1196 г., «вылившиеся в открытое возмущение... против городской верхушки. Во главе недовольных стоял популярный среди массы горожан как защитник интересов ремесленников и бедноты Уильям Фиц-Осберт, прозванный Длиннобородым». Далее историк указывал, что «движение было жестоко подавлено правительством», а Уильям и девять его единомышленников повешены. В заключение Левицкий утверждал, что «по мере роста имущественного расслоения среди горожан социальные конфликты в городах становились всё более ожесточёнными», однако не приводил других примеров [6]. Из «Всемирной истории» упоминания о лондонских беспорядках 1196 г. попали в советские учебные пособия по истории Средних веков [7], но более пристального внимания тема так и не удостоилась. В англоязычной историографии интерес к фигуре Вильгельма актуализировался только в последние 15 лет. Появилось три посвященные ему статьи, а также обстоятельная заметка в новом издании «Оксфордского национального биографического словаря» [8]. Однако ни один из исследователей не привлек весь корпус источников, упоминающих лондонские беспорядки 1196 г., и не уделил достаточно внимания контекстам, в которых фигурируют эти сведения.

Между тем внимательный анализ этого «осколка прошлого» — событий, развернувшихся в Лондоне весной 1196 г., — может стать неплохой иллюстрацией мысли, высказанной два десятка лет назад юбиларом: «При должном тщании и хорошей профессиональной подготовке внутри таких осколков может быть и удастся разыскать нечто намного большее, чем эти осколки сами по себе...» [9].

Итак, обратимся к истории Вильгельма Фитц-Осберта, тем более что она на удивление хорошо отражена в источниках. Сравнительно подробные рассказы приводят сразу четыре современных ему английских хрониста. При этом как минимум один из них был непосредственным свидетелем произошедших в Лондоне драматических событий, а еще один, с большой вероятностью, был лично знаком с Вильгельмом.

Первым дать слово логичнее всего Ральфу Дицето, поскольку он с 1180 г. и до своей смерти в 1199 или 1200 г. был деканом собора Св. Павла, т.е. вторым лицом в церковной иерархии Лондона после епископа. Самое позднее с 80-х годов XII в. и до конца жизни Ральф работал над историческими трудами: компиляцией «Сокращение хроник» (*Abbreviatio chronicarum*) и ее продолжением «Образы историй» (*Ymagines hystoriarum*), оканчивающимся на 1199 г. [10] Рассказ о Вильгельме помещен во второй половине пространной погодной статьи о событиях 1196 г., которая, по всем признакам, писалась по горячим следам [11]. Ральф прямо указывает,

что был свидетелем произошедшего и «часто замечал разногласия и раздоры в городе Лондоне между богатыми и бедными касательно распределения налогов, которые следовало платить в казну сообразно средствам каждого. И многожды, как утверждали многие, это делалось несправедливо». Вильгельма он называет «знаменосцем этих раздоров». Он «часто созывал народ, посягая на королевское достоинство, и многих привязал к себе клятвой», обвинил в предательстве против короля своего родного брата и еще двух «мужей доброй репутации», а также неоднократно учинял в соборе Св. Павла «великий мятеж, шум и сумятицу» [12]. Подобные действия навлекли «гнев властей», после чего Вильгельм заперся «в башне некоей церкви, принадлежащей лично архиепископу, обратив святое место в замок». Когда вокруг собрались вооруженные люди, Вильгельм, «желая избежать близкой смерти, развел огонь в храме», от чего церковь частично сгорела. Заговорщиков вытащили наружу и отвели в лондонский Тауэр, где приговорили к смерти, «чтобы наказание одного послужило уроком для многих». С Вильгельма «сорвали одежду, руки связали за спиной, ноги опутали длинными веревками и протащили за лошадью через центр города к эшафоту близ Тайберна. Там его повесили, прикрепив тело железными цепями, чтобы оно дольше не упало». Такая же участь постигла девять его товарищей [13]. После этого по приказу юстициария (архиепископа Кентерберийского Губерта Вальтера), «дабы установить более надежный и прочный мир в королевстве», родственников многих лондонцев «из числа людей средней руки» взяли в заложники и поместили в заключение в разных замках по всему королевству. Бедные горожане выплатили денежные штрафы, «согласно рассуждению их соседей» [14].

Рассказ Ральфа по сравнению с другими источниками наиболее сух и беден подробностями. Он однозначно осуждает Вильгельма и его сторонников и встает на сторону не названных по имени «вождей» (proceres). Хронист не приводит никаких биографических сведений о Вильгельме (кроме имени отца), не указывает даже дату беспорядков и казни, хотя она была ему, несомненно, известна. Предполагаемую аудиторию сочинений Ральфа составляли его знакомые священнослужители, а также, вероятно, клир собора Св. Павла и, возможно, других церквей в Лондоне и окрестностях. Сдержанность хрониста может свидетельствовать о том, что судьба Вильгельма Фитц-Осберта вызвала живую реакцию и оценивалась неоднозначно.

В общих чертах сходен с версией Ральфа Дицето, но при этом гораздо более эмоционален, рассказ в «Хронике» монаха Гервазия Кентерберийского [15]. Его характеристика Вильгельма явно негативна и весьма эмоциональна: это «бедный человек... невзрачной внешности», который «запутал простодушную толпу» и настроил ее против «городских

властей». В результате «днем и ночью богатейшие люди города защищали себя оружием и хранили бдительность из страха быть убитыми простонародьем» [16]. Враждебность Гервазия по отношению к Вильгельму и его сторонникам вполне понятна, ведь пострадавшая из-за беспорядков лондонская церковь Девы Марии принадлежала именно кентерберийским монахам. При этом Гервазий не упоминает о причинах раздоров — несправедливом распределении налогов. Вместе с тем он добавляет несколько важных подробностей, которые меняют акценты по сравнению с версией Ральфа Дицето. Во-первых, Вильгельм был схвачен 6 апреля, в субботу, накануне воскресенья Страстей Христовых, т.е. за две недели до Пасхи. Таким образом, острая фаза конфликта пришлась на время Великого поста — один из самых значимых периодов в христианском литургическом году. Во-вторых, кентерберийский монах сообщает, что сторонники Вильгельма провозгласили его «новым мучеником, просиявшим чудесами» [17]. В ответ на это власти устроили засаду на могиле Вильгельма и избили людей, которые пришли помолиться, после чего рассказы о чудесах прекратились и горожане перестали приходить на могилу. Таким образом, в рассказе Гервазия появляются ярко выраженные религиозные мотивы, при этом Вильгельм приобретает, хотя и неявно, черты лжепророка и лжесвятого. На это же указывает и приведенная Гервазием цитата из Книги притчей Соломоновых, которой якобы руководствовались власти перед решением схватить Вильгельма: «Прогони насмешника, и уйдет с ним свара» [18]. Комментируя этот стих, Беда Достопочтенный в свое время уточнял, что он относится к неисправимому еретик, которого необходимо изгнать из Церкви [19]. Толкование Беды имело широкое хождение в средневековой Европе, и Гервазий вполне мог рассчитывать, что его читатели увидят эту аллюзию. Таким образом, Вильгельм имплицитно был представлен здесь не только как смутьян, но и как еретик.

Значительно более позитивный образ Вильгельма приводит третий автор, Роджер Хауденский. Он много лет состоял клириком на королевской службе, был связан с епископами Даремскими Гуго дю Пюизе и Филиппом из Пуату [20]. Сочинение Роджера известно в двух версиях. Более ранняя («Деяния короля Генриха II») оканчивается на 1192 г. [21], позднейшая «Хроника» доведена до 1201 г. [22] Его рассказ о беспорядках в Лондоне был написан тоже вскоре после событий, очевидно, на основании устных свидетельств. С большой вероятностью можно даже указать на главного информатора. Незадолго до рассказа о лондонских беспорядках в «Хронике» появляется известие о том, как король Ричард отправил из Нормандии в Англию своего придворного клирика Филиппа из Пуату (который в декабре предшествующего года был избран на кафедру Дарема) [23], а также не названного по имени аббата из Кана [24], чтобы

они провели расследование относительно средств, собранных судьями, шерифами и их слугами [25]. Однако вскоре после приезда, когда аббат обедал в доме юстициария Губерта Вальтера 7 апреля, ему стало плохо, и на пятый день после этого он скорпостижно скончался. Если сопоставить это известие со сведениями Гервазия, получается, что роковой обед состоялся на следующий день после казни Вильгельма Фитц-Осберта, очевидно, в принадлежавшем архиепископам Кентерберийским маноре Ламбет [26]. Весьма вероятно, что там же находился и Филипп из Пуату, приближенным которого позднее стал Роджер. Логично предположить, что именно епископ Даремский или кто-либо из его свиты рассказал йоркширскому хронисту о произошедших в Лондоне событиях.

Канва истории в версии Роджера [27] в общих чертах совпадает с двумя уже рассмотренными версиями. В Лондоне возник конфликт между богачами и бедняками по поводу распределения податей. «Заступником бедных» стал Вильгельм. Когда его попытался арестовать юстициарий Губерт Вальтер, он со сторонниками укрылся в церкви Девы Марии «с Луками». Их силой вытащили оттуда, судили в Тауэре, протащили по улицам и повесили [28]. Другие прежде поддерживавшие Вильгельма горожане выдали заложников в знак покорности властям. Вместе с тем Роджер приводит ряд новых подробностей, а главное — совершенно иначе расставляет акценты. Он явно не одобряет лондонских патрициев, которые, «желая сберечь свою мощну, хотели, чтобы все заплатили бедняки». Вильгельм назван «знатоком законов» (*juris peritus*), который был движим «жаждой справедливости» и хотел, «чтобы каждый, и богатый, и бедный, внес вклад в общее дело» в меру своих возможностей. Роджер упоминает, что Вильгельм ездил к королю Ричарду, находившемуся в Нормандии, и просил у него «мир для себя и для народа». В ответ на это Губерт Вальтер, вероятно опасаясь распространения беспорядков, запретил лондонским простолюдинам (*aliquis de plebe*) покидать город. Согласно этому распоряжению в середине Великого поста (т.е. около 31 марта, примерно за неделю до казни Вильгельма, по хронологии Гервазия Кентерберийского) были задержаны несколько мелких торговцев (*mercatores de plebe*), приехавших на ярмарку в Стамфорд [29]. Более логична версия йоркширского хрониста о пожаре в церкви. Согласно Роджеру, его организовали люди юстициария, чтобы выкурить осажденных. Автор приводит и дополнительные сведения о кровопролитии: при попытке ареста Вильгельм убил горожанина по имени Гальфрид. А когда Вильгельму пришлось выйти из церкви, кто-то из собравшихся ранил его мечом в живот. Наконец, Роджер приводит прозвище предводителя бедноты — Вильгельм Бородатый (*Willelmus cum barba, filius Osberti*).

Что еще более важно, рассказ о беспорядках 1196 г. — не единственное упоминание Вильгельма Фитц-Осберта в сочинениях клирика из Хаудена. Рассказывая об англичанах, отправившихся в 1190 г. в Третий крестовый поход, Роджер упоминает корабль, попавший в шторм в Бискайском заливе [30]. На его борту находились лондонские горожане Вильгельм Фитц-Осберт и Гальфрид Ювелир (Gaufridus aurifaber). Во время бури трем крестоносцам трижды являлся святой Томас Бекет. Он якобы сообщил, что Бог назначил его, а также короля и мученика Эдмунда и святого Николая хранителями английского флота. И если крестоносцы воздержатся от греха и покаются в прошлых прегрешениях, Бог дарует им благополучное плавание. После этого корабль принесло к городу Силвиш [31], жители которого потребовали от англичан помочь им против ожидавшегося нападения со стороны мусульман. Роджер не сообщает о дальнейшей судьбе крестоносцев, но из других источников (о которых будет сказано ниже) мы знаем, что в том же 1190 г. Вильгельм вернулся в Англию [32]. Важно отметить, что этот рассказ присутствует не только в «Хронике», но и в более ранних «Деяниях короля Генриха» [33], т.е. был написан ок. 1193 г., еще при жизни Вильгельма. Поскольку йоркширский хронист приводит имена лишь двух членов этого отряда крестоносцев, можно предполагать, что Роджер был знаком с нашим героем лично [34].

Наконец, самый подробный рассказ о лондонских беспорядках 1196 г. приводит автор, живший далеко от столицы и, вероятно, никогда лично в ней не бывавший. Вильгельм Малыш (Willelmus Parvus), как он сам себя называл, с детства и до смерти (ок. 1198 г.) жил в монастыре регулярных каноников-августинцев Ньюбург, примерно в 25 км к северо-западу от Йорка. Последние годы жизни он трудился над «Английской историей» [35]. Вильгельм посвятил своему лондонскому тезке 20-ю и 21-ю главы заключительной пятой книги. Но по содержанию с ними тесно связана 19-я глава, в которой рассказывается об аббате Роберте из Кана, направленном в Англию королем Ричардом весной 1196 г. для инспекции доходов казначейства [36]. В отличие от подчеркнуто нейтрального известия Роджера Хауденского, Вильгельм Ньюбургский дает резко отрицательную оценку этому прелату, называя его «посредственно образованным, но осмотрительным и красноречивым в светских делах» [37], которые были, с его точки зрения, несовместимы с монашеским саном. Добившись лестию и притворной верностью расположения короля, аббат якобы убедил его в том, что можно увеличить доходы с помощью более строгого контроля за чиновниками. Ричард согласился отправить Роберта в Англию с широкими полномочиями. Аббат приехал в Лондон и объявил о целях своей миссии юстициарию Губерту Вальтеру, который не одобрил предстоящую ревизию, но не мог ей противиться. Пока шел Великий пост, «тщеславный и кичащийся своей

властью» аббат готовился после Пасхи принимать отчеты шерифов. Однако этим планам не суждено было осуществиться, поскольку через несколько дней после прибытия в Англию Роберт умер и сам предстал перед Богом с отчетом за свои дела. Миссия аббата из Кана, по-видимому, действительно стала незаурядным событием, поскольку он являлся одной из ключевых фигур в налоговой реформе, осуществленной в Нормандии в середине 1190-х годов и позволившей значительно увеличить доходы казны. Приезд Роберта и Филиппа из Пуату и предстоявший после Пасхи отчет королевских судей и шерифов должны были стать началом аналогичных преобразований в Англии. Однако неожиданная смерть аббата нарушила эти планы [38].

В начале следующей главы Вильгельм Ньюбургский прямо сравнивает друг с другом аббата Роберта и Вильгельма Фитц-Осберта, «между кончинами которых протекло немного дней» [39]. Оба с помощью красноречия изображали себя обличителями несправедливости и верными слугами короля, но стремились лишь к собственному возвышению и разрушению сложившегося социального порядка [40]. После этого вступления ньюбургский каноник переходит к рассказу о личности Вильгельма Фитц-Осберта, его деятельности в Лондоне, аресту и казни. В общих чертах версия Вильгельма Ньюбургского соответствует уже знакомым нам рассказам Ральфа Дицето, Гервазия Кентерберийского и Роджера Хауденского, но по объему превосходит каждый из них более чем в четыре раза. Отчасти это достигается чисто риторическими средствами, через наращивание синонимических рядов, введение прямой речи персонажей и т.д. Но, кроме этого, приводится и много дополнительной фактической информации [41]. Она относится, во-первых, к жизни Вильгельма Фитц-Осберта до 1196 г., а во-вторых — непосредственно к лондонским беспорядкам. Будущий смутьян был «посредственно образован» (*mediocriter literatus*), но отличался живым умом, красноречием и честолюбием. Он отрастил пышную бороду, «чтобы через этот отличительный знак выделяться на сходках и собраниях» [42]. Вильгельм смог учиться в школе, за которую платил его старший брат. Однако со временем аппетиты юноши росли, а брат отказался дальше содержать его. Тогда Вильгельм отправился в Нормандию к королю [43] и обвинил брата в заговоре с целью покушения на жизнь монарха. Но король якобы лишь посмеялся над нелепыми и противными природе обвинениями. Тогда Вильгельм, «благодаря расположению некоторых лиц, смог получить пост в городском управлении» Лондона [44] и начал настраивать народ против «богатых и могущественных», желая возвыситься за счет их падения. Он создал из «бедняков и средних людей» армию послушных сторонников, связанных клятвой. Число заговорщиков, имена которых были якобы перечислены в некоем списке, достигало 52 тыс. человек [45]. Заручившись

такой поддержкой, Вильгельм начал открыто выступать против знати, прикрываясь заботой об интересах короля. Затем он вновь отправился на континент к Ричарду, жалуясь на враждебность, с которой столкнулся, поскольку верно служил монарху. Эти действия заставили архиепископа Губерта Вальтера принять меры. Он взял заложников во многих лондонских семьях, но Вильгельм Бородатый продолжал созывать «собственной властью» собрания, на которых провозглашал себя «царем или спасителем бедняков». Он предсказывал, что скоро положит конец «злодействам предателей» [46]. Толкуя стих из Книги пророка Исаии «Вы будете с радостью черпать воду из источников Спасителя» [47], Вильгельм объявлял этим спасителем самого себя. Его речь в передаче хрониста (который ссылался здесь на неназванного свидетеля) проникнута явными апокалиптическими образами: «Пришло время вашего посещения... я отделию народ смиренный и верный от народа горделивого и предательского, отделию избранных от отвергнутых, как свет от тьмы» [48]. Чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений, хронист далее прямо использует библейские образы Зверя, в христианской традиции отождествлявшегося с Антихристом: английскому лжепророку «были даны уста, говорящие гордыню, он имел рога как у ягненка, но говорил подобно дракону» [49].

Воспользовавшись тем, что сторонники Вильгельма Бородатого умерили свой пыл, опасаясь за судьбу заложников, Губерт Вальтер послал двух знатных горожан с вооруженным отрядом, чтобы те арестовали лидера заговорщиков. Однако оба они были убиты. Одного якобы зарубил топором сам Вильгельм, другого убил один из сопровождавших Вильгельма людей. Вильгельм же с небольшой группой сторонников и своей «верной любовницей» (*concupina inseparabiliter adhaerente*) укрылся в церкви Девы Марии. Поскольку юстициарий стянул в город многочисленное войско из соседних графств, сторонники Фитц-Осберта не решились прийти к нему на подмогу. После того как церковь загорелась (хронист не уточняет, кто именно устроил пожар), Вильгельму Бородатому пришлось выбраться наружу. Его осудили, протащили по городу и повесили вместе с девятью сообщниками [50]. По словам хрониста, «более трезвомыслящие и осмотрительные люди радовались, когда видели наказание или слышали о нем, и умывали руки в крови грешника. Но заговорщики и те, кто надеялся на перемены, горячо оплакивали его кончину, осуждали проявленную по отношению к нему суровость и осуждали как человекоубийцу управителя королевства (т.е. Губерта Вальтера. — С. М.), искоренившего заразу и смертоубийство» [51].

Следующая краткая глава «Английской истории» [52] посвящена культу, возникшему на могиле Вильгельма Бородатого. По словам хрониста, некий священник, родственник казненного, подстроил

исцеление больного лихорадкой через прикосновение к куску цепи, которой был связан Вильгельм. После этого «глупый люд» (*populus insipiens*) начал собирать землю из-под виселицы, на которую пролилась кровь преступника, словно реликвии, так что на этом месте скоро образовался ров. Тогда Губерт Вальтер применил церковные наказания против священника, положившего начало почитанию Вильгельма, силой разогнал толпу, собравшуюся на месте казни, и выставил там стражу. В результате несколько дней спустя паломничества туда прекратились. В качестве новых штрихов, очерняющих Вильгельма Бородатого, хронист, со ссылкой на неких «достойных доверия мужей» (*viri fide digni*), приводил рассказ о его исповеди перед казнью. Якобы Вильгельм сознался в том, что осквернил церковь сношением со своей любовницей, а также в том, что, когда увидел вокруг врагов, отрекся от Христа и призвал на помощь себе дьявола.

Как оценить достоверность рассказа Вильгельма Ньюбургского? Значительная часть приводимых им деталей явно призвана очернить Вильгельма Бородатого и, вероятно, выдумана либо самим йоркширским каноником, либо его информаторами. Однако некоторые из приводимых в «Английской истории» подробностей о его жизни, к счастью, можно проверить на основании документов. Так, они подтверждают вражду героя с братом, но при этом изображают конфликт в принципиально ином свете. В материалах тяжб, разбиравшихся в Лондоне в 1244 г., указано, что Вильгельм Бородатый (*Willelmus cum Barba*) получил в наследство от отца, клирика Осберта (*Osbertus Clericus*), умершего не позднее 1185–1186 гг., земельный участок (*mesuagium*), который он затем на время передал в держание своему брату Ричарду, отправляясь в «паломничество в Святую землю» [53]. Свитки казначейства свидетельствуют, что Вильгельм Фитц-Осберт вернулся в Англию из Португалии до конца 1190 г. и начал тяжбу (суть ее установить невозможно) против некоего Адама из Саутуарка [54]. Тогда же испортились и отношения Вильгельма с братом, очевидно из-за имущественного спора, в результате чего он обвинил Ричарда в измене королю. В документах королевского суда, заседавшего в Вестминстере в ноябре 1194 г., фигурируют показания Вильгельма о том, как его брат встретился в «каменном доме» с двумя своими друзьями — Иорданом Дубильщиком (*Jordanus Tanur*) и Робертом Брандом (*Robertus Brand*). Он жаловался на поборы, введенные для выкупа короля Ричарда из плена, и хотел купить цепь, на которой повесил бы и государя, и его канцлера, епископа Вильгельма де Лоншана, руководившего сбором денег. В ответ Иордан пожелал монарху навсегда остаться там, где он находится. И все трое заявили, что не будут признавать в Лондоне «другого короля, кроме мэра» [55].

Разговор, по-видимому, происходил весной 1193 г., когда в Англии начался сбор средств для выкупа короля. Реакция горожан была вполне понятна. В отсутствие Ричарда Львиное Сердце лондонская элита, воспользовавшись конфликтом между канцлером Вильгельмом де Лоншаном и братом короля, принцем Иоанном (будущим королем Иоанном Безземельным), осенью 1191 г. добилась от этого последнего подтверждения права иметь собственную коммуну во главе с мэром [56]. Возвращение короля было чревато потерей этих вольностей. К сожалению, свиток с решениями суда сильно поврежден, и мы не знаем исхода тяжбы, но, по-видимому, Ричарду и его товарищам удалось отвести от себя обвинения. Таким образом, рассказ Вильгельма Ньюбургского о вражде Вильгельма Бородатого с братом имел под собой фактическую основу, но она оказалась сильно искажена [57].

В других случаях йоркширский хронист, как можно предположить, тоже вольно обращался с фактами и прибегал к стереотипным обвинениям, чтобы создать законченный негативный образ злокозненного проповедника. Так, в характеристике Вильгельма Бородатого прослеживаются явные параллели с другими религиозными диссидентами XII в., в частности с осужденным в 1148 г. бретонским бродячим проповедником Эном Звездным, о котором Вильгельм Ньюбургский писал в первой книге своей «Истории» [58]. Наличие любовницы, сношение с ней в церкви и отречение от Христа тоже принадлежат к числу достаточно стандартных характеристик еретиков и лжепророков. Ньюбургский каноник, как деревенский житель, вообще с большим подозрением относился к городам, рассматривая их как очаги насилия и потенциальной ереси [59].

Итак, комплексный анализ всех сохранившихся источников позволяет увидеть разные аспекты лондонских событий 1196 г. Прежде всего, нет сомнений, что в городе, как и в целом в Англии, накопились острые внутренние социальные и экономические противоречия. Как отмечает А. Купер, на это влияли разные факторы. Быстрая монетизация сельского хозяйства приводила к обезземеливанию большого числа крестьян. Они устремлялись в города, но там большинство их ждала незавидная участь неквалифицированной рабочей силы или же люмпенов. На этот фон накладывалась серия неурожайных лет по всей Европе (в 1194–1196 гг.), вызванных дождями и наводнениями. Помимо этого, происходил постоянный рост фискального давления, связанный с подготовкой крестового похода (начиная с «Саладиновой десятины» 1187 г.), а затем сбором огромного выкупа за короля Ричарда и финансированием его войны против Филиппа II Августа [60]. Возникновение в 1191 г. в Лондоне коммуны фактически установило режим олигархической власти

патрициата и, очевидно, ухудшило положение средних и низших слоев населения.

На первый взгляд события 1196 г. не повлияли на расклад сил. Элиты, прибегнув к физическому и психологическому насилию вроде взятия заложников, подавили протест. Однако перемены все же происходили. Когда в 1199 г. лондонцы выплатили вступившему на престол королю Иоанну 3 тыс. марок серебром за подтверждение вольностей, дарованных Ричардом Львиное Сердце, распределение взносов происходило уже не произвольно, а по письменно оформленным правилам. Более состоятельные (владельцы каменных домов) платили из расчета 20% стоимости недвижимого имущества: по 4 шиллинга с фунта. Менее зажиточные горожане, имевшие дома, крытые тростником или соломой, платили вдвое меньший процент: по 2 шиллинга с фунта. Те, кто мог доказать, что не имеет движимого и недвижимого имущества на сумму хотя бы в 12 пенсов, вовсе освобождались от подати [61]. При соблюдении этих правил элиты уже не могли переложить налоговое бремя на чужие плечи.

Подобный социологизирующий подход к событиям 1196 г. имеет несомненные достоинства, но при нем неизбежно остаются в стороне другие любопытные аспекты. Так, никто из исследователей, за исключением Дж. Прествича [62], не обращал внимания на синхронность выступления Вильгельма Бородатого и направленной в Англию ревизии во главе с аббатом Робертом и епископом Филиппом из Пуату. Между тем цели лондонского смутьяна и королевских посланцев во многом совпадали: обеспечить более эффективный сбор средств и не позволить богачам уйти от налогообложения. Вильгельм, несомненно, имел связи при дворе (возможно, благодаря участию в крестовом походе) и по крайней мере претендовал на то, чтобы выступать в качестве агента короля. К сожалению, мы не знаем, о чем аббат Роберт говорил с архиепископом Губертом Вальтером на роковом для себя обеде 7 апреля, предположительно на следующий день после казни Вильгельма. Но у нас имеется документ, отражающий реакцию короля Ричарда на произошедшие события.

Речь идет о его письме Губерту Вальтеру, отправленном из Бретани и датированном 15 апреля [63]. Король, очевидно, уже осведомленный о несчастье, произошедшем с его ревизором, подтверждал свое доверие Губерту и, по его совету, соглашался отложить расследование, объясняя, что действовал не из алчности, а из желания установить истину. Что особенно важно для нашей истории, Ричард выражал полное одобрение действиям юстициария по отношению к «тому, кто баламутил город Лондон» [64]. Возможно, более дотошный анализ источников позволит в будущем найти подтверждения контактов между Вильгельмом Бородатым

и аббатом Робертом, но пока приходится ограничиться лишь подозрениями.

Вызывает интерес и личность самого Вильгельма. Он явно пережил определенный духовный кризис, вызванный участием в крестовом походе, а также ссорой с братом после возвращения на родину. И тут стоит вспомнить об «окладистой бороде» (*barba prolixa*), которую он отрастил после этих событий [65]. Современники и потомки обращали сугубое внимание на эту деталь внешности, и Вильгельм остался в истории именно как «Бородатый» (*Willelmus cum barba*) [66]. На первый взгляд данное прозвище может показаться странным. Ведь в средневековой Европе, где из-за несовершенства инструментов бритье было сложной и болезненной процедурой, бороду носило большинство взрослых мужчин. Даже монахи, которым бритье предписывалось уставом, брились лишь раз в две недели или даже раз в два месяца [67]. Поэтому бороды, удостоившиеся упоминания в источниках, должны были выделяться своим размером или какими-то иными особенностями.

Наиболее часто отмечалась долго не стриженная окладистая борода (*barba prolixa*). Она могла иметь различное символическое значение. Прежде всего, в соответствии с античной традицией («борода философа») такая борода могла означать обретенную с годами старческую мудрость [68]. Но могла символизировать и мужественность, а ее отсутствие, соответственно, изнеженность [69]. Кроме того, отпускали бороды кающиеся, и некоторые исследователи так и толкуют действия Вильгельма, вернувшегося из военного похода [70]. Порой борода могла служить этническим маркером [71]. В середине XIII в. хронист из аббатства Сент-Олбанс Матвей Парижский утверждал, основываясь, скорее всего, на собственной фантазии, что Вильгельм носил длинную бороду, поскольку его предки отказались бриться в знак траура по завоеванию их родины нормандцами [72]. Наконец, длинная борода была отличительным признаком отшельников и других религиозных харизматиков, стоявших вне церковной иерархии [73].

По мнению Д. Александра, Вильгельм Фитц-Осберт мог претендовать именно на статус анахорета. Исследователь отмечает, что в рассказе о явлениях Томаса Бекета лондонским крестоносцам во время бури в Бискайском заливе не упоминались священнослужители — ни как свидетели чуда, ни как те, кто его зафиксировал и поведал миру [74]. Разумеется, адепты подобной «независимой» религиозности вызывали как минимум подозрение официальной Церкви. Некоторые из таких движений в итоге были инкорпорированы в нее (например, орден Фонтевро в XII в. или францисканцы в XIII в.), но многие другие — осуждены и подавлены как ересь. Взятие Иерусалима мусульманами в 1187 г. способствовало новому витку эсхатологических ожиданий, одним из проявлений которых

стало учение Иоахима Флорского [75]. Примечательно, что в одной рукописи XIII в. фигура лондонского бунтаря была прямо сопоставлена с учением калабрийского аббата. Речь идет об одном из списков хроники Ральфа, аббата цистерцианского монастыря Когсхолл в Эссексе [76]. Под 1195 г. он поместил рассказ об Иоахиме и краткое изложение его учения, а в конце признавал, что предсказания мистика по крайней мере отчасти справедливы, и рассматривал сарацин как предвестников Антихриста. Напротив этого фрагмента в рукописи на полях почерком XIII в. сделана была запись: «1196 [год]. Вильгельм Бородатый убит в Лондоне» [77]. Создается впечатление, что проникнутый эсхатологическими мотивами текст хроники навел одного из читателей на мысли о лондонских событиях, которые тоже таким образом приобретали апокалиптический масштаб [78].

Итак, кем же был казненный в Лондоне в апреле 1196 г. Вильгельм Фитц-Осберт по прозвищу Бородатый? Выразителем народных страданий и предводителем «восстания плебса», каким его хотели видеть советские историки? Студентом-правоведом, поругавшимся с семьей и превратившимся в бунтаря? [79] Пешкой в придворных играх и борьбе за влияние при дворе Плантагенетов? Кающимся крестоносцем, ставшим аскетом и демонстрировавшим «независимую светскую религиозность»? Или всеми сразу? Едва ли мы когда-нибудь сможем определенно ответить на эти вопросы. Однако сам процесс поиска ответов заставил меня как исследователя задуматься о таких на первый взгляд далеких друг от друга сюжетах, как природа социально-экономических конфликтов в средневековом городе, апокалиптические ожидания, вызванные завоеванием Иерусалима мусульманами в 1187 г., или становление бюрократического аппарата в «Анжуйской империи» XII столетия. Хочется надеяться, что и для читателей судьба «бородатого революционера» Вильгельма Фитц-Осберта окажется чем-то любопытна и достойна внимания.

[1] Задачи советской исторической науки в области изучения средних веков // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 4.

[2] См., например: Шарова А.В. Революция рабов в учебных изданиях Е.А. Косминского 1930–1950-х гг. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т. 6. С. 421–450.

[3] Задачи советской исторической науки. С. 5.

[4] Brooke C.N.L., Keir G. London 800–1216: The Shaping of a City. L., 1975. P. 48. Первый известный случай — еврейские погромы, произошедшие в 1189 г. в связи с коронацией Ричарда Львиное Сердце. В следующем году погромы прошли в Йорке и, возможно, в некоторых других английских городах. Темы, связанные с историей евреев, оставались в советской исторической науке в значительной степени табуированными. Внутригородские

конфликты в Лондоне наверняка происходили и ранее, но плохо отразились в источниках. Например, в 1141 г., в ходе борьбы за престол Стефана и Матильды, в Лондоне при неясных обстоятельствах был убит приближенный Стефана Альберик (Обри) де Вер (*Ibid.* P. 37).

[5] Конечно, нужно оговориться, что Е.А. Косминский и М.А. Барг занимались прежде всего аграрной историей, и города в целом оставались вне сферы их внимания.

[6] Левицкий Я.А. Социальные и политические последствия нормандского завоевания Англии и дальнейшее развитие в ней феодальных отношений (XI–XIII вв.) // *Всемирная история*. Т. 3. М., 1957. С. 367–368. Формат «Всемирной истории» не предполагал ссылок на источники, поэтому нельзя сказать наверняка, откуда Левицкий почерпнул сведения о восстании. Однако использованные им выражения и, в особенности, заключенные в кавычки, как цитата, слова «сохранить собственные карманы за счёт бедных налогоплательщиков» выглядят как перевод фрагмента из статьи о Вильгельме в «Национальном биографическом словаре», написанной известным историком Дж.Х. Рондом (*Round J.H. FitzOsbert, William // Dictionary of National Biography. Vol. 19. L., 1889. P. 189*).

[7] Абрамсон М.Л., Гуревич А.Я., Колесницкий Н.Ф. *История средних веков*. М., 1964. С. 263; Штокмар В.В. *История Англии в средние века*. 2-е изд. СПб., 2005. С. 62; *История средних веков: в 2 т. / под ред. С.Д. Сказкина*. М., 1966. Т. 1. С. 313. Глава воспроизводилась в переизданиях учебника вплоть до 1990-х годов. В его новой версии в главе об истории Англии в XI–XIV вв., написанной Е.В. Калмыковой, лондонские события 1196 г. не упоминаются.

[8] *McEwan J. William FitzOsbert and the Crisis of 1196 in London // Florilegium. 2004. Vol. 21. P. 18–42; Keene D. William fitz Osbert // Oxford Dictionary of National Biography. Vol. 59. Oxford, 2004. P. 117–118; Cooper A. 1190, William Longbeard and the crisis of Angevin England // Christians and Jews in Angevin England: The York Massacre of 1190, Narrative and Contexts / S.R. Jones, S. Watson (eds). Woodbridge, 2013. P. 91–106; Alexander D. William Longbeard: A Rebel Holy Man of Twelfth-Century England // *Viator*. 2017. Vol. 48. P. 125–149.*

[9] Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 1999*. Вып. 2 / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 1999. С. 17–41, здесь С. 41.

[10] О Ральфе см.: *Staunton M. The Historians of Angevin England*. Oxford, 2017. P. 67–81; *Zinn G. The influence of Hugh of St Victor's Chronicon on the Abbreviationes Chronicorum of Ralph of Diceto // Speculum. 1977. Vol. 52. P. 38–61.*

[11] Основную часть погодной статьи за 1196 г. занимают приводимые полностью различные письма, из других событий Ральф упоминает, помимо беспорядков в Лондоне, сильное наводнение в Париже и избрание нового епископа Вустерского.

[12] "Circa dies istos iniquitatem et contradictionem in civitate Lundonia vidi saepius habitam inter divites et pauperes, ob distributionem munerum subeundorum ad fisci commodum secundum facultatem cuiusque factam,

multotiens inaequaliter, sicut dicebatur a multis. Hujus dissensionis signifer fuit quidam Willelmus filius Osberti, contra dignitatem regiam populum saepius convocans, et multos sub sacramento constringens. Fratrem quoque suum carnalem, duos etiam alios opinionis integre viros, tanquam regite prodicionis reos in conventiculis suis ad mortem usque persequebatur. Ad ultimum in ecclesia doctoris gentium Pauli seditionem, conclamationem, tumultuationem multociens concitavit" (Radulfi de Diceto Decani Lundoniensis Opera Historica / W. Stubbs (ed.). L., 1876. Vol. 2. P. 143).

[13] "Cum autem publicos potestatis indignationem adversus se graviter excitatam suis meritis exigentibus intelligeret, intra turrim cujusdam ecclesiae, pertinentis specialiter ad archiepiscopum, sese conclusit, locum sacrum in castellum commutans. Postmodum videns concurrere multitudinem armatorum, ut proximam mortem fugeret, intra templum gloriosae Virginis ignem injecit, et locum Domino consecratum flammis discurrentibus pro parte combussit. Extractus ab ecclesia, perductus est ad Turrim Lundoniae, calculum reportans diffinitivum, et ut unius poena metus possit esse multorum, de communi sententia procerum vestibus exspoliatus, manibus vinctis a tergo, pedibus longis funibus colligatis, equi ministerio per mediam civitatem trahitur ad furcas prope Tyburnam. Suspensus est itaque, ferreis constrictus cathenis ne cito corrueret. Appensi sunt cum eo novem ejusdem litis consortes, ut quos par facinus aequarat et inquinaverat, similis poena constringeret" (Radulfi de Diceto Decani Lundoniensis Opera Historica. P. 143).

[14] "Ob pacem ergo totius regni sollicitius et securius procurandam et conservandam, de justitiarum principalis decreto, multorum mediae manus hominum filii vel propinqui dati sunt in obsidatum, in diversis per patriam munitionibus carcerati custodiae mancipandi; pauperes congrua satisfactione pro vicinorum arbitrio satisfecerunt" (Ibid. P. 143–144).

[15] В рукописях сочинение не имеет названия. Заглавие было дано издателями в Новое время.

[16] "Orta est interea seditio pessima in civitate Lundoniensi per quendam homuncionem pauperculum Willelmum nomine, quod pudor est referre... Die et nocte se et sua armis et vigiliis ditiores civitatis propter timorem vulgi muniebant, ne ab ipsis occiderentur..." (The Historical Works of Gervase of Canterbury / W. Stubbs (ed.). L., 1879. Vol. 1. P. 532–533).

[17] "... divulgatum est in civitate Willelmum martyrem novum clarescere miraculis" (Ibid. P. 534).

[18] Притч. 22:10. В Синодальном переводе: «Прогони кощунника, и удалится раздор».

[19] "Eice hereticum quem corrigere non potes de ecclesia, et cum illi libertatem praedicandi abstuleris catholicae paci auxilium praestas" (Beda Venerabilis In Proverbia // Bedae Venerabilis Opera Exegetica / D. Hurst (ed.). Turnhout, 1983. P. 113).

[20] О биографии Роджера см.: Staunton M. Op. cit. P. 51–66; Gillingham J. The English in the Twelfth Century: Imperialism, National Identity, and Political Values. Woodbridge, 2000. P. 69–91; Gillingham J. Two Yorkshire historians

compared: Roger of Howden and William of Newburgh // Haskins Society Journal. 2003. Vol. 12. P. 15–38.

[21] *Gesta Regis Henrici Secundi Benedicti Abbatis* / W. Stubbs (ed.). Vol. 1–2. L., 1867. Заглавие, по-видимому, было дано позднее. В рукописях сочинение не имеет названия и пролога. Оно было издано под именем Бенедикта из Питерборо, но на самом деле так звали лишь владельца одной из рукописей. Принадлежность «Деяний» и «Хроники» одному автору убедительно доказал Д. Корнер: Corner D. *The Gesta Henrici Secundi and Chronica of Roger Parson of Howden* // *Historical Research*. 1983. Vol. 56. P. 126–144.

[22] *Chronica Magistri Rogeri de Houedene* / W. Stubbs (ed.). Vol. 1–4. L., 1868–1871. Нельзя не упомянуть, что «Хроника» Роджера стала одним из главных источников, позволивших М.А. Бойцову реконструировать средневековое предание о том, что папы римские коронуют императоров ногами: Бойцов М.А. Папа римский коронует ногами // *Homo historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. Т. 2. М., 2003. С. 13–55.

Отмечу, что в более ранних «Деяниях короля Генриха» в рассказе о коронации Генриха VI Штауфена нет истории о сбитой ногой короне (*Gesta Regis Henrici Secundi*. Vol. 2. P. 162). «Деяния» отличаются большей живостью изложения, чем «Хроника», маловероятно, что Роджер упустил бы возможность рассказать столь яркую историю, если бы она была ему известна в то время. По мнению Дж. Гиллингема, Роджер посетил Рим в 1197–1198 гг., сопровождая Филиппа из Пуату (*Gillingham J. The English in the Twelfth Century*. P. 86–87). Возможно, именно тогда он услышал этот анекдот о покойном папе Целестине III, который включил затем в новую версию своего труда.

[23] Филипп сопровождал короля Ричарда в крестовом походе и оставался с ним в плену в Германии. В награду за службу король добился его избрания на кафедру Дарема в начале 1196 г. Филипп прибыл туда к 15 июня 1196 г.: Snape M.G. *Poitou, Philip of (d. 1208)* // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. Vol. 44. P. 683–684.

[24] Это был Роберт, аббат монастыря св. Стефана в Кане: Gazeau V. *Normannia monastica: Prosopographie des abbés bénédictins (Xe–XIIe siècle)*. Caen, 2007. P. 54–55.

[25] "... ad inquisitionem faciendam de prisis justitiarum, et vicecomitum, et ministrorum suorum" (*Chronica Magistri Rogeri de Houedene*. Vol. 4. P. 5).

[26] Ныне на его месте находится Ламбетский дворец в Лондоне.

[27] *Chronica Magistri Rogeri de Houedene*. Vol. 4. P. 5–6.

[28] Согласно Роджеру, вместе с Вильгельмом были повешены восемь человек, а не девять, как у Ральфа Дицето.

[29] Стамфорд в XII в. был крупным торговым и ремесленным центром. Проходившая там в четвертое воскресенье Великого поста ярмарка считалась одной из крупнейших в Англии.

[30] *Chronica Magistri Rogeri de Houedene*. Vol. 3. P. 42–43.

[31] Ныне в области Алгарви на крайнем юге Португалии. Город лишь в сентябре предыдущего, 1189 г. был захвачен португальцами при помощи

направлявшихся в Палестину немецких крестоносцев. Летом 1190 г. Силвиш выдержал осаду альмохадской армии, но уже в 1191 г. мавры вернули его себе. См.: David C.W. *Narratio de Itinere Navali Peregrinorum Hierosolymam Tendentium et Silviam Capientium*, A. D. 1189 // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1939. Vol. 81. No. 5. P. 591–676.

[32] Халиф Абу Юсуф Якуб из династии Альмохадов распорядился снять осаду с Силвиша в середине июля 1190 г. (*Ibid.* P. 657–659). Учитывая, что при отсутствии задержек морской путь от Лондона до Португалии занимал менее полутора месяцев, Вильгельм вполне мог быть на родине уже в начале осени.

[33] *Gesta Regis Henrici Secundi*. Vol. 2. P. 116–118.

[34] Соблазнительно отождествить второго крестоносца, Гальфрида Ювелира, с горожанином Гальфридом, которого Вильгельм убил в ходе беспорядков 1196 г. В пользу этого говорит то, что в обеих историях Роджер не называет имен остальных участников. Однако имя Гальфрид было достаточно распространенным, поэтому гипотезу нельзя считать бесспорной.

[35] О Вильгельме см.: Staunton M. *Op. cit.* P. 82–94; Gillingham J. *Two Yorkshire historians compared*. P. 15–38; Partner N. *Serious Entertainments: The Writing of History in Twelfth-Century England*. Chicago; L., 1977. P. 51–140.

[36] Отмечу, что Вильгельм верно указывает имя аббата, пропущенное в «Хронике» Роджера Хауденского.

[37] “*Mediocriter quidem literatus, sed in temporalibus egregie prudens atque eloquens*” (William of Newburgh. *Historia Rerum Anglicarum // Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II and Richard I* / R. Howlett (ed.). L., 1889. Vol. 2. P. 464).

[38] Moss V. *Reprise et innovations: les rôles normands et anglais de l’année 1194–1195 et la perte de la Normandie // La Normandie et l’Angleterre au Moyen Age* / publ. par P. Bouet, V. Gazeau. Caen, 2003. P. 89–97.

[39] “*...pauci admodum fluxere dies*” (William of Newburgh. *Op. cit.* Vol. 2. P. 466). Из текста Вильгельма Ньюбургского, хотя он и не приводит точных дат, создается впечатление, что аббат умер до ареста и казни Вильгельма Фитц-Осберта, что противоречит данным Гервазия Кентерберийского и Роджера Хауденского. Согласно им, Вильгельм был казнен 6 апреля, а аббат скончался 12 апреля. В некрологе нормандского монастыря Мон-Сен-Мишель его имя помещено под 9 апреля, в некрологе Жюмьежа — под 8 апреля: Gazeau V. *Op. cit.* P. 54, n. 184.

[40] “*Abbas, enim, ut conimoda regia cum quiete provincialium quaereret, fraudem atque effrenem avaritiam officialium regionum castigandam esse censebat. Iste vero, cum civis esset Lundoniensis, sub obtentu quasi fidelitatis regia, causam se agere pauperum civium contra insolentiam divitum astruebat; fortiter allegans, nam facundissimus erat, quod ad omne edictum regium divites, propriis fortunis parcentes, pauperibus per potentiam omne onus imponent, et aerarium principis multa summa fraudarent*” (William of Newburgh. *Op. cit.* Vol. 2. P. 466).

[41] Вместе с тем у Вильгельма Ньюбургского отсутствуют некоторые значимые подробности, имеющиеся в других источниках. В отличие от Гервазия Кентерберийского, он не указывает даты, когда происходили события. Не приводит он и имя горожанина, убитого Вильгельмом Бородатым, которое есть у Роджера Хауденского. Кроме того, Вильгельм Ньюбургский не сообщает об участии своего тезки в крестовом походе, хотя должен был знать об этом из «Хроники» Роджера Хауденского.

[42] *"Guillelmus dicebatur, agnomen babens a barba prolixa, quam ideo nutriebat ut bos, quasi insigni, in coetu et condone magis conspicuus appareret"* (William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 466).

[43] Не назван по имени, но из контекста ясно, что имеется в виду Ричард Львиное Сердце.

[44] *"... favore quorundam nactus in urbe locum aliquem inter magistratus"* (William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 467).

[45] *"Fuisse autem fertur conjuratorum civium numerus, ascriptis, ut postea claruit, penes ipsum nefariae molitionis artificem nominibus singulorum, quinquaginta duo millia"* (Ibid. P. 468). Численность заговорщиков в 52 тыс. человек совершенно невероятна. Возможно, она даже превышала общее число лондонцев в конце XII в. (Alexander D. Op. cit. P. 140). Такое преувеличение может указывать на плохое знание Вильгельмом Ньюбургским Лондона и в целом реалий городской жизни.

[46] *"... conventus publicos auctoritate propria faciebat, regem se vel salvatorem pauperum arroganter vocitans, et frenandam a se in brevi perfidorum insolentiam granditer intonans"* (William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 469).

[47] *"Haurietis aquas in gaudio de fontibus Salvatoris"* (Ис. 12:3). В Синодальном переводе: «И в радости будете почерпать воду из источников спасения».

[48] *"... venit tempus visitationis vestrae... dividam populum humilem et fidelem a populo superbo et perfido: dividam electos a reprobis, ut lucem a tenebris"* (William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 469). Фраза содержит явную отсылку к пророчеству Христа о грядущем разорении Иерусалима, в Синодальном переводе: «И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:44).

[49] *"Datum illi esset os loquens ingentia, habensque cornua similia agni loqueretur ut draco"* (William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 469). Фраза представляет собой соединение цитат из Книги пророка Даниила (Дан. 6:8, в Синодальном переводе: «Уста, говорящие высокомерно») и Откровения Иоанна Богослова (Откр. 13: 11, в Синодальном переводе: «Он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон»).

[50] То же число указывает Ральф Дицето. Роджер Хауденский писал о восьми казненных помимо Вильгельма Бородатого.

[51] *"... illi quidem, quibus sanior cautiorque mens fuit, laetati sunt cum viderent vel audirent vindictam, lavantes manus suas in sanguine peccatoris. Porro conjurati et novarum aucupes rerum extinctum planxere vehementer, discipline publicae circa eum vigori derogantes, et regni provisorem tanquam homicidam*

pro supplicio pestilentis et homicides lacerantes" (William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 471).

[52] William of Newburgh. Op. cit. Vol. 2. P. 471–473. Глава называется «О том, как народ хотел почитать этого человека как мученика, и о том, как эта ересь была искоренена» (Quomodo vulgus voluerit hominem illum martyrem honorare, et quomodo error iste exstinctus sit).

[53] The London Eyre of 1244 / H.M. Chew, M. Weinbaum (eds). L., 1970. P. 88–89, 120, 125.

[54] Alexander D. Op. cit. P. 137.

[55] "...alium regem quam majorem Londoniarum" (Rotuli Curiae Regis: rolls and records of the court held before the King's Justiciars or Justices / F. Palgrave (ed.). L., 1835. P. XI–XIII, 69, 95).

[56] Brooke C.N.L., Keir G. Op. cit. P. 45–47, 245–248.

[57] Это отмечал еще в 1835 г. Ф. Пэлгрейв: Rotuli Curiae Regis. P. XIII.

[58] William of Newburgh. Op. cit. Vol. 1. P. 60–64. Подробнее об этих параллелях см.: Alexander D. Op. cit. P. 130–131.

[59] Так, в «Английской истории» прослеживаются параллели между описанием лондонских беспорядков 1196 г. и восстания жителей южнофранцузского города Безье против своего сеньора: William of Newburgh. Op. cit. Vol. 1. P. 126–131.

[60] Cooper A. Op. cit. P. 99–103.

[61] Weinbaum M. London unter Eduard I. und II. Stuttgart, 1933. Bd. 2. S. 50–52, 56.

[62] Prestwich J.O. The Place of War in English History, 1066–1214. Woodbridge, 2004. P. 46–47.

[63] Radulfi de Diceto Decani Lundoniensis Opera Historica. Vol. 1. P. LXXIX–LXXX. Единственная известная копия письма сохранилась на заднем форзаце рукописи, ныне хранящейся в библиотеке Ламбетского дворца (London, Lambeth Palace Library, MS. 8). Этот кодекс содержит самую раннюю копию исторических трудов Ральфа Дицето и, очевидно, был создан под его личным контролем. Позднее (по крайней мере до второй половины XV в.) рукопись находилась в библиотеке лондонского соборного капитула.

[64] "Acceptum autem habemus et gratias magnas referimus super hoc quod fecistis de illo qui turbabat civitatem Londoniarum" (Radulfi de Diceto Decani Lundoniensis Opera Historica. Vol. 1. P. LXXIX).

[65] Это ясно из того, что Роджер Хауденский в «Деяниях короля Генриха», написанных около 1193 г., еще не приводит прозвище «Бородатый».

[66] В таком виде его имя встречается в кратких известиях в ряде исторических сочинений XIII в.: Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani Chronica majora / H.R. Luard (ed.). L., 1872–1884. Vol. 2. P. 418–419; Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani Historia Anglorum, sive... Historia minor / F. Madden (ed.). L., 1886–1889. Vol. 2. P. 57–58; Radulphi de Coggeshall Chronicon Anglicanum, De expugnatione Terrae Sanctae libellus; Thomas Agnellus De morte et sepultura Henrici regis Angliae junioris; Gesta Fulconis filii Warini; Excerpta ex Otiis imperialibus Gervasii Tilebutiensis /

J. Stevenson (ed.). L., 1875. P. 70; Ungedruckte Anglonormannische Geschichtsquellen / hrsg. von F. Liebermann. Strassburg, 1879. S. 137; De antiquis legibus liber, Cronica maiorum et vicecomitum Londoniarum / T. Stapleton (ed.). L., 1846. P. 2; Florentii Wigornensis Monachi Chronicon ex Chronicis / B. Thorpe (ed.). L., 1848–1849. Vol. 2. P. 161.

[67] Так, в XII в. члены ордена цистерцианцев брились 7 раз в год: Constable G. Introduction // Apologiae Duae, Gozechini Epistola ad Walcherum, Burchardi ut videtur, Abbatis Bellevallis Apologia de Barbis / R.B.C. Huynens (ed.).

Turnhout, 1985. P. 54–55. Частичный русский перевод этой статьи: Констебл Дж. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей. Человек в истории — 1994. М., 1994. С. 164–181.

[68] Constable G. Op. cit. P. 65–67. Так, по словам Иоанна Солсберийского, вероятно ироническим, Генрих, епископ Винчестерский, выделялся при папском дворе своей «окладистой бородой и философской серьезностью»: "... barba prolixa et philosophi grauitate" (The Historia Pontificalis of John of Salisbury / M. Chibnall (ed.). Oxford, 1986. P. 79).

[69] Например, Вильгельм Мальмсберийский упоминает бритье бороды как один из признаков (наряду с ношением короткой одежды до колена, короткими стрижками, золотыми браслетами и татуировками) морального разложения англичан, расплатой за которое стало Нормандское завоевание: "Ad summam, tunc erant Angli uestibus ad medium genu expediti, crines tonsi, barbas rasi, armillis aureis brachia onerati, picturatis stigmatibus cutem insigniti" (William of Malmesbury. Gesta regum Anglorum / R.A.B. Mynors (ed.), completed by R.M. Thomson and M. Winterbottom. Oxford, 1998–1999. Vol. 1. P. 458).

[70] См., например: Alexander D. Op. cit. P. 128.

[71] Английский эмигрант в Дании Эльнот Кентерберийский писал, что перед предполагаемым вторжением в Англию датского короля Кнуда (в 1086 г.) служившим в войске Вильгельма Завоевателя англичанам приказали сбрить бороды, чтобы они не отличались от французов. Это было сделано, чтобы датчане, надеявшиеся на помощь англичан, не смогли выявить своих потенциальных союзников: Vitae Sanctorum Danorum / hrsg. von M.C. Gertz. København, 1908–1912. Bd. 1. S. 98–99.

[72] Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani Chronica maiora. Vol. 2. P. 418. Нужно отметить, что Матвей, очень плохо относившийся и к французам, и к налогам, дал чрезвычайно позитивный образ Вильгельма Фитц-Осберта, представляя его поборником справедливости и мучеником.

[73] Так, Ральф Когсхоллский рассказывает о встрече Ричарда Львиное Сердце в Святой земле с неким отшельником, жившим много лет на горе близ монастыря св. Самуила. Со дня, «когда Св. Крест был захвачен, а земля потеряна, он не ел ничего, кроме травы и корней, и не укрывался ничем, кроме собственных волос и длинной бороды»: "...nihil nisi herbas et radices comederat, nec ullo tegmine utebatur, capillis tantummodo et barba prolixa operiebatur" (Radulphi de Coggeshall Chronicon Anglicanum. P. 40–41).

Отшельник подарил королю частицу Св. Креста и предсказал, что Ричард не сможет вернуть христианам Иерусалим. Другие примеры ношения

- бороды и длинных волос как отличительного признака отшельников см.: Mollat M. Les pauvres au Moyen Age: étude sociale. P., 1978. P. 99–100.
- [74] Alexander D. Op. cit. P. 128–129.
- [75] О нем см.: Смирнов Д.В. Иоахим Флорский // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2011. С. 224–246.
- [76] Egger C. A Pope Without Successor: Ralph of Coggeshall, Ralph Niger, Robert of Auxerre, and the Early Reception of Joachim of Fiore's Ideas in England // Joachim of Fiore and the Influence of Inspiration: Essays in Memory of Marjorie E. Reeves (1905–2003) / J.E. Wannenmacher (ed.). Farnham, 2013. P. 145–181. Ральф работал над хроникой между последней четвертью XII и первой четвертью XIII в. Рукопись, о которой идет речь, ныне хранится во Французской национальной библиотеке (BNF. MS. lat. 15076), но написана была, по-видимому, где-то в Англии в первой половине XIII в., а к 1516 г. при неизвестных обстоятельствах попала в парижское аббатство Сен-Виктор. Я работал с цифровым факсимиле черно-белого микрофильма рукописи: <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9066689n>>.
- [77] "...m.cxc.vi. Willelmus cum Barba Londoniis occiditur" (BNF. MS. lat. 15076, fol. 59r).
- [78] Вспомним, что и у Вильгельма Ньюбургского в рассказе о проповеди Вильгельма Бородатого присутствовали параллели с Откровением Иоанна Богослова.
- [79] Такую трактовку предлагает Дж. Барроу в статье, опубликованной спустя год после того, как на улицы европейских городов во множестве вышли бородатые и длинноволосые студенты: Barrow G.W.S. The Bearded Revolutionary: The Story of a Twelfth-Century London Student in Revolt // History Today. 1969. Vol. 19. P. 679–687.

Анна Герштейн

Появление лжеправителя в городе: две интерпретации одного сюжета

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_158-174

Вступление правителя в город и первая встреча его городским сообществом — определенный политический ритуал, полный символических жестов и актов [1]. В частности, горожане невербально, посредством церемоний, показывали правителю, что *принимают* его в городских стенах и он может рассчитывать на кров и защиту бюргеров. В то же время с помощью церемоний можно было недвусмысленно показать государю и свое неприятие. Важно подчеркнуть, что это были символические действия, при которых слова не обязательно воспринимались буквально, но, как и сопряженные с ними жесты, были понятны всем участникам средневековой сцены, хотя современным историкам не всегда просто вскрыть некоторые смысловые пласты описаний церемоний, происходивших 800 лет назад.

К подобного рода текстам относится и свидетельство о появлении в Кёльне в 1284 г. человека, называвшего себя императором Фридрихом II. Этот отрывок из «Хроники Генриха, архиепископа Трирского» интересен тем, что его можно рассмотреть с разных позиций. С одной стороны, он характеризует политическую и правовую культуру немецкого города конца XIII в., где в публичном пространстве осуществляется политическое противоборство, в котором смех (высмеивание) обладает способностью действовать как оружие. С другой стороны, тот же отрывок, как я постараюсь показать ниже, содержит аллюзии на евангельский сюжет «Осмеяние Христа». С этой точки зрения фрагмент содержит любопытные сведения о некоторых особенностях средневекового историописания в Германии XIII–XIV вв.

Во второй половине XIII столетия и в Германии, и в Сицилийском королевстве появилась целая плеяда самозванцев, провозглашавших себя императором Фридрихом II, который будто бы не умер в 1250 г., а спустя несколько десятилетий отсутствия «настал подходящий момент, чтобы он вновь явил себя империи» [2]. Заявляли эти люди о себе преимущественно в городах, при большом скоплении народа: такие случаи зафиксированы в Эльзасе (1284 г.), Любеке (1287 г.) [3], Франкфурте-на-Майне, Генте и Утрехте (1285 г.) [4], Эслингене (1295 г.) [5]. Чаще всего таких обманщиков изгоняли из города, однако иногда (как в двух последних указанных примерах) местные власти казнили самозванцев, что не мешало новым лже-Фридрихам появляться снова и снова.

Здесь мы, несомненно, имеем дело с малоизученным феноменом общественного сознания германских земель конца XIII в. Династия Штауфенов прервалась в 1254 г., а период междуцарствия закончился лишь в 1273 г., всего за 11 лет до появления в Кёльне самозванца Тиля Колупа. Пресечение правящего рода часто воспринималось в Средние века как неординарное положение вещей, «вывихнутое время», которое члены социума стремились «вправить» самыми разными способами [6], в том числе и объявляя себя правителями прежних времен [7]. Подобные обманщики на время могли снискать признание населения, что хронисты часто объясняли «помрачением рассудка» людей [8].

Существовали и иные условия, создававшие благодатную почву для появления самозванцев. В XIII в. и интеллектуалы, и простолюдины были захвачены эсхатологическими ожиданиями, которые связывались именно с фигурой Фридриха II, «императора последних времен» [9]. Повседневные социально-экономические интересы имперских и епископских городов и амбиции гибеллинской партии также относятся к числу факторов, располагающих к появлению лжеправителя. Анализ всех причин, по которым образ Фридриха II оказался актуален и востребован в конце XIII в. разными социальными группами германского общества, невозможно осуществить в рамках одной статьи. Однако я попытаюсь выявить, как проявляли симпатию или антипатию к псевдо-Фридриху на примере встречи горожанами «Штауфенского императора», а также проанализировать описание этого «гостеприимства» в контексте иных

сочинений, имевших широкое хождение в среде как интеллектуалов, так и простых людей.

В ряду лже-Фридрихов Тиль Колуп (*нижненем.*), или Дитрих Деревянный Башмак [10], был самым успешным, т.е. действовал под личиной этого правителя дольше остальных. Он заявил о себе на Нижнем Рейне в 1284 г. и выдавал себя за Штауфенского императора несколько месяцев, т.е. довольно долго. В конце концов король Рудольф Габсбург сжег его на костре 7 июля 1285 г. Мое исследование посвящено эпизоду, когда обманщик впервые принародно назвал себя Фридрихом II. Это произошло в Кёльне, крупнейшем городе Германской империи.

Каждое появление лжеправителя на публике могло закончиться разоблачением и стоить ему жизни. Но первое было ключевым, ибо в случае неудачи никакого продолжения «политической карьеры» самозванца не последовало бы вовсе. Однако случай Тилия Колупа представлял собой счастливое исключение. После неудачного появления в качестве «императора Фридриха» в Кёльне он сумел получить признание в Нойсе, епископском городе на западном берегу Рейна, расположенном к северу от Кёльна. Там самозванец в течение нескольких месяцев жил, словно император, принимал послов от городов и вербовал сторонников, рассылая фальшивые письма [11] с печатью, похожей на императорскую [12], — самозванец с помощниками явно обладал способностью убеждать в истинности своих слов и привлекать людей на свою сторону. Продолжение деятельности обманщика после первого неприятия публикой говорит и о том, что круг его приверженцев был шире нескольких десятков или сотен симпатизантов в одном лишь городе. Сложно оценить, насколько серьезную угрозу власти законного короля Рудольфа Габсбурга (1218–1291) представляла афера Тилия Колупа. Хронист Элленхард Страсбургский (ум. 1304) писал: «Его поддерживали Франкфурт, Вецлар, Фридберг, Гельнхаузен и прочие города, которые желали в помрачении рассудка отступить от своего законного господина и встать на сторону незаконного и сами прилагали к тому недюжинные усилия, какие только могли» [13].

Потеря власти законным королем виделась Элленхарду весьма вероятным событием, имевшим государственный масштаб: «В конце концов в результате неослабевающих интриг этого нечестивейшего человека [Тилия Колупа] дошло до того, что большая часть народа в Германии всем миром засомневалась, кого из двоих она желала бы видеть своим господином, и лодка короля Рудольфа сильнейшим образом закачалась. Тогда поспешили к нему ближайшие приближенные верные империи, а именно граф Фридрих фон Линиген-старший и граф Эберхард фон Каценельнбоген. Король тогда осаждал Кольмар, что в Эльзасе. И они сказали ему, порицая его за бездействие: если тотчас же не положить конец устремлениям этого дурного человека, то скоро по всему Германскому королевству захотят подчиняться приказам и распоряжениям нечестивейшего, а не законного правителя» [Рудольфа Габсбурга] [14].

Не исключено, что страсбургский хронист сгущал краски, преувеличивая угрозу для власти короля Рудольфа. Однако источники свидетельствуют, что симпатизантов у Тиля Колупа было много и в лице горожан, и в среде знати [15]. Отдельной социальной группой, систематически поддерживавшей лже-Фридриха, являлась иудейская община Нижнего Рейна [16].

В любом случае, если бы мошеннику удалось снискать признание жителей такого крупного города, как Кёльн, он бы получил хорошую финансовую поддержку. Кроме того, Кёльн являлся одним из политических центров страны, столицей одноименного архиепископства. Он мог послужить базой для роста авторитета лже-Фридриха, помочь ему завоевать симпатии влиятельных знатных сеньоров [17]. Однако эти расчеты так и остались теоретическими. Первое появление самозванца в Кёльне окончилось для него позором и последующим изгнанием.

«Деяния Генриха, архиепископа Трирского» так рассказывали об этом событии: «В те же времена появился некий деревенщина, объявивший, что он — великий император Фридрих, который уже много лет как был мертв. Сперва он скрывался, а появившись в Кёльне, открылся всем. Когда его схватили и посадили под замок [18], никоим образом не изменил он своих слов, только твердил: “Я — король Фридрих”. После, когда его освободили из заточения, на рыночной площади Кёльна его подняли высоко на лестнице, так, чтобы все могли его видеть, увенчали его голову “коронай” ценностью в один обол, повыдергали бороду — он претерпел великие насмешки и поношения. Но и тогда не переставал восклицать прежнее: “Хоть бы умер король Фридрих!” В конце концов его сняли с лестницы и, как безумного, прогнали из города» [19].

Такой красочный рассказ — важный источник для изучения истории Тиля Колупа. Примечательно, что он является единственным пространственным описанием этой сцены и к тому же наиболее приближенным (хроника доведена до 1288 г.) к дате самого события, 1284 г. Теперь обратимся к анализу деталей этого происшествия.

Кёльнская сцена в социально-политическом дискурсе

Хронист описал публичное пародийное почитание «короля»: корона, которой увенчали лже-Фридриха, оказывается дешевой подделкой; визуальное возвышение особы высокого социального статуса над простолюдинами (в обычном случае трон, носилки или конь обеспечивали правителю такое положение) в кёльнской сцене было осуществлено с помощью лестницы, к которой прикрутили обманщика. Одновременно эта сцена высмеивания являлась и моральным давлением, целью которого было вынудить псевдоимператора признать, что он не тот, кем себя называет. Неслучайно одно, другое, третье истязание чередовались с восклицаниями самозванца, в которых он снова и снова, сетуя на свою судьбу, называл себя «королем Фридрихом» и никак иначе. Эти реплики не

соответствовали пыткам, которые применяли горожане в расчете добиться в конце концов от героя отречения и саморазоблачения.

Как это почти всегда бывает, одна и та же церемония становится проявлением народной культуры общества в самом широком смысле и несет в себе элементы разных повседневных практик социума. Так, многое роднит кёльнский эпизод со сценой публичного покаяния: действие разыгрывалось на городской площади, где бюргеры наблюдали за тем, как с помощью пыток от подозрительного человека стараются добиться признания [20]. Но основным в описании этой сцены было *высмеивание* главного героя, навязывание ему образа паяца, словам которого нельзя верить, и тем самым разубеждение потенциальных сторонников «императора Фридриха» в том, что перед ними — настоящий правитель. Способы публичного высмеивания и издевательств над политической фигурой были хорошо знакомы жителям Кёльна по практикам карнавальных торжеств, которые к 1284 г. насчитывали уже несколько десятилетий [21]. Достаточно упомянуть, что ритуал «почитания» шутовского короля [22] был весьма распространенным сюжетом, а такой персонаж, как плут/дурак, был протагонистом уличных шествий, площадных казней и т.д. [23]

Однако интересующая нас сцена имела серьезное значение именно в политическом дискурсе. С помощью смеха бюргеры в данном случае выражали свою политическую позицию хорошо знакомыми и регулярно воспроизводимыми ими средствами карнавала. Это оказалось весьма эффективным: после публичного унижения обманщика прогнали из города «как безумного» (*tamquam vesanus*).

Каждая группа участников играла свою роль в этом представлении, и ее смех/серьезность имели собственную эволюцию, свое значение; также она исполнила свою функцию в ходе развития действия и по его завершении.

В этой сцене осмеяния можно выделить три «смысловых слоя».

1. В центре сцены находится лже-Фридрих. Его притязания и слова серьезны, он пытается убедить горожан в истинности своих слов, но ему насильно присваивают роль паяца.

2. Ближе всего к протагонисту находятся его «политические оппоненты». Они вступают с лже-Фридрихом в непосредственный контакт, мучают его физически и морально; они серьезны от начала и до конца сцены. Изначально эта группа бюргеров относится к лже-Фридриху иначе, чем прочие кёльнцы, она не внемлет заявлениям лже-Фридриха. Их функция в этой сцене — «разбить» явный или возможный альянс между самозванцем и его симпатизантами или неопределившимися из числа горожан. И они добиваются своего, провоцируя всеобщее высмеивание главного героя.

3. На отдалении от акторов находятся условные зрители (хотя на самом деле они также являются участниками представления [24]) — публика, для которой и разыгрывается сцена на площади. Сначала они

серьезны, потом смеются, а после — по-другому относятся к лже-Фридриху, чем это было в исходной точке действия.

В смехе толпы, в свою очередь, можно выделить два «регистра». Первый — смех профанов, возможно искренне веривших, что перед ними — настоящий Штауфен, т.е. тех, кто возлагал на этого правителя свои надежды. Их реакция была спровоцирована сторонниками законной власти. Готовые поверить словам лже-Фридриха, после его унижения они уже более не симпатизировали этому человеку. Второй — смех никогда не считавших лже-Фридриха настоящим правителем. Он был предопределен. Его можно назвать церемониальным, ведь, по существу, перед нами — акт символической коммуникации, способ передать недвусмысленное невербальное сообщение, репрезентация *перед* и *для* представителей законной власти (в данном случае архиепископа Кёльнского [25]), что они ей верны, несмотря на попытки «обольщения» со стороны фальшивого императора.

Указанный исторический эпизод проходит и свою «композиционную эволюцию»: события развиваются в серьезном ключе, затем пространство становится смеховым, а после вновь возвращается на круги своя, к ситуации, в которой действуют привычные законы и повседневные практики, в том числе обретают прежнее значение и символические действия по отношению к власти. И это обстоятельство отличает кёльнское осмеяние от карнавального представления, которое «едино для всех участников и осознается всеми» [26]. Эта сцена происходит в рамках социально-политического дискурса и необходима для того, чтобы все горожане отныне относились к лже-Фридриху как к паяцу, и с таким новым видением этой фигуры люди продолжили жить своей повседневной жизнью дальше. Здесь мы видим не «мир наизнанку» [27], а, скорее, «выталкивание» вовне всего одного человека, выстраивание с ним отношений средствами и инструментами публичного осмеяния, знакомыми людям по практикам карнавальных торжеств.

Выдергивание бороды — нетипичная кара. Обычным наказанием преступника было острижение волос [28]. Выдергивание бороды в данном случае нужно рассматривать как акт разоблачения приемов мистификации обманщика, когда на глазах публики открывается, что облик самозванца не соответствует тому, как выглядел настоящий Фридрих II.

Процедура унижения и осмеяния, неожиданная для склоняющихся на сторону лже-Фридриха и рутинная для не поверивших его рассказам, была направлена на то, чтобы Тиль Колуп более никем не воспринимался как реальная политическая фигура. Несерьезное отношение к самозванцу «как к дураку и безумцу» [29] показывал и сам король Рудольф, используя такой прием как инструмент уничтожения авторитета лже-Фридриха. Таким образом, демонстрация такого же отношения к псевдоимператору, какого придерживалась и законная власть, становилась знаком верности ей.

Как отмечал С.С. Аверинцев, «образ казни, расправы, морального уничтожения амбивалентно приравнен архетипу омоложения в одном случае, выздоровления — в другом, обновления — в обоих» [30]. И данный

эпизод с осмеянием Тиля Колупа действительно способствовал выздоровлению кёльнского городского сообщества. Смех закончился, а вместе с ним закончилось и время даже минимальной нелояльности к законной власти.

Таким стало первое явление лже-Фридриха народу: через осмеяние, унижение и поношения группа горожан попыталась полностью делегитимировать этого псевдоимператора как политическую фигуру, лишить симпатий той части публики, что еще сочувствовала ему, а также пресечь дальнейшую «политическую карьеру» самозванца. Замысел диффаматоров удался, обманщик покинул Кёльн в статусе «безумного», не став здесь серьезным политическим игроком.

Насколько широко разнеслась молва о позоре псевдо-Фридриха в Кёльне? В других источниках, составленных в конце XIII — начале XIV в., нет сведений о подобном унижении и высмеивании фальшивого императора Тиля Колупа. К тому же дальнейшей деятельности мошенника в Нойсе и Вецларе этот позорный эпизод не помешал. Лишь в одном памятнике 1330-х годов присутствует некоторый «отзвук» событий в Кёльне. Австрийский хронист Йохан фон Викtring (ок. 1270–1345/1347) в своих «Правдивых историях» (*Liber Certarum Historiarum* в редакции 1339–1341 гг.) кратко пересказывает пассаж из «Деяний Генриха, архиепископа Трирского»: «В том году [1284] на нижнем Рейне объявился некто, называвший себя императором Фридрихом. Когда он пришел в Кёльн, то был схвачен горожанами. Они остригли ему волосы, на центральной площади привязали к верху лестницы. Он спасся бегством и укрылся в обители братьев августинцев, откуда подался в город, который зовется Нойс и находится в том же краю» [31].

Как видно из сравнения двух отрывков, Йохан фон Викtring явно был знаком с «Деяниями» или по крайней мере слышал о кёльнском эпизоде. В этом описании сохранились основной пафос и событийная канва произошедшего с псевдоимператором. В австрийской хронике сохранены две детали — временное заключение под стражу и последующее выставление на всеобщее обозрение привязанного к лестнице лже-Фридриха на площади.

Принудительное острижение волос в Средние века было одной из разновидностей телесного наказания преступника, пусть и не сопряженное с физической болью. Тем не менее оно считалось не только унижением человека, но и таким же телесным увечьем, как отсечение носа или уха [32]. И автор доносит до сведения читателя факт унижения и позора псевдоимператора.

В данном случае с самозванцем острижение волос являлось еще и способом разоблачения мошенника, а также публичной и убедительной демонстрацией того, что его внешность не соответствует облику настоящего императора Фридриха, что это подобие было достигнуто искусными средствами маскировки [33]. Так фон Викtring ясно давал понять своим читателям, что никакого признания как император Фридрих Тиль Колуп в Кёльне в итоге не получил.

Любопытно, что в новой, более краткой редакции своей хроники, законченной в 1342 г., т.е. спустя год после составления первой, Йохан фон Виктринг существенно изменил часть, посвященную лже-Фридриху с Рейна: «В тот год [1284] появился в нижних частях Рипуарской области около Кёльна и Нойса некто, называвший себя императором Фридрихом, к тому же он предоставил многим ветеранам явные знаки (того, что он — настоящий правитель. — А. Г.), устраивал заседания наподобие императорской курии при большой поддержке иудеев. В Кёльне он претерпел великое унижение, да еще и после того, как ему обрили волосы, его опустили в выгребную яму» [34].

С одной стороны, в редакции 1342 г. появились новые подробности об обстоятельствах жизни и деятельности самозванца. В частности, здесь есть указание на то, что людям, служившим ранее под началом Фридриха II, были предоставлены «явные знаки» того, что перед ними истинный правитель. Это соотносится со сведениями той же хроники «Деяний Генриха», где указывалось, что самозванец рассылал письма, скрепленные печатью, сделанной наподобие настоящей печати императора [35].

С другой стороны, от описания унижений, выпавших на долю самозванца в Кёльне, в краткой версии хроники Йохана фон Виктринга сохранилось только упоминание об острижении волос — важнейшем элементе церемонии развенчания псевдоправителя. Это действие, а также погружение в выгребную яму не только свидетельствовали о демонстративном крайне непочтительном отношении горожан к лже-Фридриху, но и символически довершали уничтожение всяких притязаний самозванца на признание.

В то же время произошедшее в Кёльне Йохан фон Виктринг прямо называл «унижением», не прибегая к пространным образным описаниям. По его сообщению практически невозможно представить себе во всех деталях случившееся с самозванцем, если не знать подробного описания того же эпизода в «Деяниях Генриха, архиепископа Трирского» [36]. Вот почему, быть может, в своей второй редакции австрийский историограф изменил текст, добавив недвусмысленную фразу «Он претерпел великое унижение», а также вставил не упоминавшуюся в более ранних «Деяниях» деталь о выгребной яме. Таким образом, общее впечатление о кёльнской сцене у читателя оставалось тем же, что и у ознакомившихся с более ранней версией хроники фон Виктринга или с «Деяниями Генриха».

Евангельский сюжет в средневековой историографии

Как уже говорилось выше, главной целью хронистов при описании злоключений лже-Фридриха было дать понять, что в Кёльне его авторитет был полностью уничтожен. Средневековые историографы делали это, не только называя вещи своими именами [37], но и используя приемы метафоры. Я полагаю, что кёльнский эпизод из «Деяний Генриха» можно сопоставить с хрестоматийным примером осмеяния, знаковым для всей христианской культуры.

Я имею в виду сюжеты «Осмеяние Христа (Поругание Христа)» и «Коронование терновым венцом». Первый из них описан в трех Евангелиях [38]. В том, что глумившиеся над самозванцем в Кельне пытались добиться от него отречения от собственных слов, можно увидеть параллель со строками из Священного Писания. Столь же схожи оказываются, на мой взгляд, цели и методы действия толпы зрителей по отношению к главному герою [39]: «Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него. И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион, и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня; отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его» [40].

Как видно, участникам событий конца XIII в. автор «Деяний» приписывал формы и методы действий глумящейся толпы из евангельского сценария, как если бы горожане Кельна сознательно перенимали их. Действительно, у насмешников в Иерусалиме I в. н.э. и Кельне XIII в. имелись сходные цели — делегитимировать, лишить всякого авторитета главного героя сцены. Функции глумящихся в композиции обоих рассказов совпадают: те, кто обладает физической силой и властью принуждать, применяют дознание, пытку, провокацию — чтобы заставить нового «правителя» отречься от того имени, которым он назывался (или его звали). Многократность провокаций, сочетание физического и психологического воздействия также совпадают в двух описаниях.

Впрочем, едва ли стоит утверждать, будто средневековый хронист имел в виду, что этот лже-Фридрих подобен Христу, т.е. именно он — правая сила в этом противоборстве с толпой. Однако средневековое повествование было в некотором роде отпечатком хрестоматийного евангельского сюжета. Таким способом средневековый историограф пытался донести до читателя, что имело место осмеяние и глумление над лжеправителем. Сближает эти два сюжета и то, что их протагонисты не отрекаются от своей репутации в народе, понималась ли она авторами источников как сомнительная или нет.

В композиции «кельнского представления» содержатся также аллюзии и на сцену Коронования Христа терновым венцом [41]: «Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие» [42].

Во-первых, в евангельском повествовании действие происходило в претории Города, иными словами, на площади или во дворе гарнизона — на открытом пространстве, где главного героя могли видеть многие. Жители Кёльна в рассказе средневекового хрониста схожим образом привели лже-Фридриха на городскую площадь. И там, и там протагониста окружила толпа, в которой выделялись те, кто вступал с ним в контакт, издеваясь над ним, и те, кто наблюдал за происходящим, смеясь.

Во-вторых, композиционно обе сцены оканчиваются схожим образом: прекращение насмешек влечет за собой «экскоммуникацию», выдворение из социума. В случае Христа за Осмеянием следует Распятие, в случае лже-Фридриха — изгнание из Кёльна.

В-третьих, издевательства и поношения, сопровождаемые увенчанием «коронной» (описывается ли она как «терновый венец» или как «корона ценностью в один обол»), объединяют евангельское и средневековое повествование. Как известно, терновый венец, надетый на Иисуса, представлял собой, в свою очередь, пародию на царскую диадему. При издевательствах и короновании римские воины насмеялись над Иисусом, называя его *Rex Iudaeorum*. Увенчание лже-Фридриха грошовой короной являлось точно таким же осмеянием, девальвацией того единственного образа, в котором он представал окружающим, — образа короля. Здесь следует снова указать на то, что в описании в подобном духе ритуала трагического поношения самозванца в тексте хроники проступают и библейский сюжет Осмеяния Христа как царя Иудейского, и средневековая практика карнавального почитания шутовского короля [43].

В случае, если при описании средневековых событий с лже-Фридрихом хронист держал в голове сцену увенчания Христа терновым венцом, замысел его был тем же. Он стремился донести до читателя, что при помощи подобных надругательств горожане пытались лишить псевдо-Фридриха всякого авторитета, уважения и симпатий его сторонников, а также не допустить почитания этого человека как истинного правителя.

Еще одно сравнение судьбы самозванца с эпизодом из жизни Иисуса можно найти в описании Фюрстенфельдской хроники, составленной в 1330-х годах: «Действительно, многие ручались, что он — тот самый император. Одни в самом деле в надежде радовались и говорили, что это он, а другие молвили: "Нет, он сеет смуту"» [44]. Последняя фраза — стих Евангелия от Иоанна, 7:12. Таким образным описанием хронист подчеркивал, что вера многих людей в правдивость слов лже-Фридриха была так же сильна, как и уверовавших во Христа в Иудее. В то же время включением такой строки-цитаты в текст подчеркивалось, что в 1284 г. в землях Империи много было и неверующих в подлинность этого Штауфена. Сам средневековый автор, хоть и использовал подобное иносказание, не сомневался насчет того, кем был на самом деле этот подозрительный человек [45]. В этом приеме составления текста следует видеть характеристику, которую хронист давал обществу Германии конца XIII в., а не сколько-нибудь серьезное отождествление фигур лже-Фридриха и Иисуса. В использовании такого сравнения проявился стиль мышления

средневековых историографов, которые переносили в свои сочинения фразы и образы из Евангелий, чтобы точнее описать и дать оценки событиям и людям недавнего прошлого.

Итак, что же в действительности сообщают авторы приведенных хроник своим читателям? В описании издевательств над лже-Фридрихом отразились повседневные средневековые практики наказания преступника на городской площади, публичное покаяние, сопряженное с унижением через физические и моральные пытки. Дополнительным обстоятельством этой церемонии служило то, что осмеянию подвергся человек, называвший себя императором. Такое «развенчание» его властных притязаний было даже более действенно, чем физическая смерть, ибо убивало у симпатизантов в городе надежды на него.

В повествовании об осмеянии и унижении самозванца в Кёльне содержатся новозаветные аллюзии. Они приоткрывают нам образ мышления средневековых хронистов. Кроме того, такие отсылки функциональны: описывая реакцию на лже-Фридриха словами, похожими на евангельские повествования о восприятии в обществе I в. н.э. Христа, хронисты сообщают нам о расхождениях в позиции средневекового социума по отношению к самозванцу, о наивности одних групп населения и о неверии других.

Очевидно, что кёльнский эпизод воспринимался средневековыми историографами не просто как исторический казус. Для Йохана фон Виктринга этот отрывок был важен, поэтому он взял из «Деяний Генриха» канву рассказа о злоключениях Тиля Колупа в свое сочинение. Описание кёльнской сцены австрийским хронистом не во всем повторяло текст «Деяний», однако главное в обоих повествованиях заключалось не в деталях, которые, как видно, менялись, а в ясном сообщении о том, что лжеправитель был унижен и осмеян.

Австрийский хронист, бывший советником герцога Генриха Каринтийского, а после его смерти — герцога Альбрехта II Австрийского, рассматривал историю с Тилем Колупом как урок для правителей. Йохан фон Виктринг подробно рассказывал обо всех этапах обмана Тиля Колупа, включая и наказание его королем Рудольфом. Весь рассказ хрониста о самозванце сводится к одобрению поведения законного правителя, который предпринял нужные меры, чтобы восстановить мир и покой в стране. Горожане также повели себя правильно и выразили лояльность к власти, подвергнув псевдоимператора унижению.

В рассмотренных отрывках двух хроник проявились характерные для их авторов способы историописания, особенности их осмысления событий прошлого. Библейские параллели в средневековых текстах служили средством, с помощью которого они характеризовали умонастроения общественных групп Германии конца XIII в. Подробные описания того, как жители Кёльна обошлись с самозванным императором Фридрихом II, позволяют нам получить более полное представление о реакции на появление такого необычного возмутителя спокойствия и об отношении к нему разных социальных групп Кёльна. А также о том, какими категориями

мыслили хронисты, охарактеризовавшие в своих трудах не только самого мошенника, но и вместе с тем городское сообщество Германии своего времени.

[1] *Бойцов М.А.* Накануне. Ахенские коронационные въезды под разными углами зрения // *Одиссей. Человек в истории* — 1998. М., 1998. С. 171–203; *Бойцов М.А.* Государь — жених, его город — невеста // *Salivonica: Сборник научных статей памяти А.Н. Саливона (1949–2007)*. Курган, 2009. С. 21–27; *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 25–90.

[2] См., например: *Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historicarum* // *MGH SS rer. Germ. in usum scholarum* / hrsg. von F. Schneider // *MGH SS. Bd. 36, pars. 1.* Hannover; Leipzig, 1909. S. 246. Письмо самого лже-Фридриха в: *Gesta Henrici, Archiepiscopi Treverensis* / hrsg. von G. Waitz // *MGH SS. Bd. 24. Hannoverae*, 1879. S. 462. Из исследований о псевдо-Фридрихах отмечу следующие: *Abulafia D.* Frederick II: A Medieval Emperor. L., 1988. P. 408–439; *Thomsen M.* "Ein feuriger Herr des Anfangs..." Kaiser Friedrich II. in der Auffassung der Nachwelt. Ostfildern, 2005. S. 44–60; *Rader O.* Friedrich II: Der Sizilianer auf dem Kaiserthron. Eine Biographie. München, 2012. S. 509–516; *Houben H.* Kaiser Friedrich II.: 1194–1250: Herrscher, Mensch und Mythos. Stuttgart, 2008. S. 195–198; *Meyer V.* Tile Kolup, der falsche Friedrich, und die Wiederkunft eines ächten Friedrich, Kaisers der Deutschen: eine historische Studie. Wetzlar, 1868; *Srtuve T.* Die falschen Friedriche und die Friedenssehnsucht des Volkes im später Mittelalter // *Fälschungen im Mittelalter. Bd. 1.* Hannover, 1988. S. 317–337; *Schwinges R.C.* *Verfassung und Kollektives Verhalten.* Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts // *Mentalitäten im Mittelalter* / hrsg. von F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 177–202.

[3] *Detmar-Chronik* // *Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Bd. 1.* Lubeck; Leipzig, 1884. S. 367.

[4] *Annales Blandinienses* / hrsg. von L. Bethmann // *MGH SS. Bd. 5.* Hannoverae, 1844. S. 33.

[5] *Rader O.* Op. cit. S. 510.

[6] *Гуревич А.Я.* «Время вывихнулось»: поругание умершего правителя // *Одиссей. Человек в истории* — 2003. М., 2003. С. 221–240; *Бойцов М.А.* «Вывихи времен» и сопротивление источников. Ответ А.Я. Гуревичу // Там же. 241–249.

То, что лжеправители в Германии чаще всего появлялись именно когда пресекался прежний правящий род, особенно подчеркивает Р.К. Швингес: *Schwinges R.C.* Op. cit. S. 189–190.

[7] См. также о появлении самозванного императора Салической династии Генриха V в 1138 г. у: *Schwinges R.C.* Op. cit. S. 190.

[8] См. примеч. 13.

[9] См. об этом, например: *Салимбене де Адам.* Хроника / пер. с лат. М., 2004. С. 191. Подробнее об этом см.: *Thomsen M.* Op. cit. S. 41–46.

[10] См., например: *Annales Maurimonasterienses* / hrsg. von Ph. Jaffe // MGH SS. Bd. 17. Hannover, 1861. S. 182; *Ellenhardi Argentinensis Annales* / hrsg. von G.H. Pertz // Ibid. S. 103.

[11] См., например: *Gesta Henrici, Archiepiscopi Treverensis*. S. 462.

[12] Ibid.

[13] "Cui favebant opida Frankenfurt, Wetflar, Frideberg et Geilnhusen et alia opida, sub nubilo cecitatis dominum suum iustum deserere volentes et adherere iniusto, sibique omnem operam quam poterant operosius impendebant" (*Ellenhardi Argentinensis Chronicon* / hrsg. von G.H. Pertz // MGH SS. Bd. 17. Hannover, 1861. S. 126).

[14] "Tandem post multas versutias nefandissimi hominis, in tantum quod communiter a maiori parte populi Alemanie dubitabatur, quem ipsorum pro domino habere vellent, et quod navicula domini Ruodolfi fortissime vacillare cepit, hoc animadvertentes fideles imperii et amici domini Ruodolfi regis, videlicet comes Fridericus de Liningen senior et comes Eberhardus de Katzenellenbogen, festinanter venerunt ad dominum Ruodolfum regem, qui iam erat in obsidione, qua obsederat opidum Columbarie in Alsatia, dicentes eidem: nisi subito precluderet viam illi homini perverso, quod tota regio Alemanie se mandatis et preceptis nefandissimi submittere vellet pro constanti" (*Ellenhardi Argentinensis Chronicon*. S. 126).

[15] См., например: *Gesta Henrici, Archiepiscopi Treverensis*. S. 462; *Annales Sancti Rudberti Salisburgensis* / hrsg. von G.H. Pertz // MGH SS. Bd. 9. Hannover, 1851. S. 809; *Chronica minor auctore minorita Erphordiensi Continuatio VI* / hrsg. von G. Waitz // MGH SS. Bd. 24. Hannover, 1879. S. 213. Ср. также похожее свидетельство в более поздней стихотворной Хронике Оттокара (первая половина XIV в.): *Ottokars Österreichische Reimchronik* / hrsg. von J. Seemüller // MGH Dt. Chron. Bd. 5, pars. 1. Hannover, 1890. S. 424.

[16] *Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historiarum* / hrsg. von F. Schneider // MGH SS rer. Germ. Bd. 36. Hannover; Leipzig, 1909. S. 245; *Annales Sancti Rudberti Salisburgensis a. 1–1286* / hrsg. von G.H. Pertz // MGH SS. Bd. 9. Hannover, 1851. S. 809. См. об этом также: Герштейн А.Б. Жизненные стратегии иудейской общины и бюргеров немецких городов конца XIII в.: особенности политической коммуникации с лжеправителем и королем Рудольфом I Габсбургом // ЭНОЖ «История». 2020. Т. 11. Вып. 6 (92): <<https://history.jes.su/s207987840010571-7-1/>>.

[17] О его переписке с рейнским архиепископом и попытках сделать того своим союзником см.: *Ottokars Österreichische Reimchronik*. S. 424.

[18] Видимо, это была стандартная процедура для лиц, чьи слова нуждались в проверке: так же поступили городские власти Гента при появлении другого самопровозглашенного Фридриха (см. примеч. 4) и лже-Конрадина (*Struve T. Op. cit.* S. 325). Временное заключение было также эффективно для того, чтобы предупредить пропаганду лже-Фридриха среди горожан, которая, судя по деятельности Тиля Колупа и других, захватывала городские низы и простых горожан; местные власти же устраивали серьезную проверку слов лже-Фридрихов, отчего между группами населения, различно настроенными по отношению к самозванцу,

случались конфликты. См.: *Ottokars Österreichische Reimchronik*. S. 424–425; *Detmar-Chronik*. S. 367. Ср. с описываемой Тильманом Штруве ситуацией с лже-Конрадином в Констанце, когда местный епископ Эберхард II фон Вальдбург, опознав по внешним данным, что перед ним самозванец, из опасений навлечь на себя гнев горожан тайно прогнал обманщика прочь из города: *Srtuve T.* Op. cit. S. 325. О том, что разыгрывание роли императора Фридриха Тилем Колупом в Кёльне заставляло горожан прислушиваться к его словам и действиям, см.: *Meyer V.* Op. cit. S. 21.

[19] "Hiis etiam temporibus apparuit quidam rusticus, asserens se esse Fridericum imperatorem magnum, qui ante multa tempora fuerat defunctus. Primo clandestine visus est Colonie, deinde palam universis. Qui tandem captus est et vinculo mancipatus, numquam verbum mutans, quin diceret: 'Ego sum rex Fridericus'. Tandem emancipatus carcere, in foro rerum venalium Coloniensi alte positus in scala, ut ab omnibus videri posset, dyademate valoris unius oboli super caput eius posito, depilata barba, illusiones et obprobria maxima sustinuit; tamen semper clamare non desiit: 'Rex moriar Fridericus'. Ultimo post hec depositus de scala, tamquam vesanus eiectus de civitate..." (*Gesta Henrici, Archiepiscopi Treverensis*. S. 462).

[20] Ср.: Фуко М. Наказывать и надзирать. Рождение тюрьмы. М., 2018. С. 55–56.

[21] Первые письменные свидетельства о кёльнском карнавале датируются примерно 1200 г. См.: *Реутин М.Ю.* Народная культура Германии: позднее Средневековье и Возрождение. М., 1996. С. 8.

[22] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 10.

[23] *Реутин М.Ю.* Несколько соображений по поводу карнавального «хронотопа» // *Одиссей. Человек в истории* — 2005. М., 2005. С. 28.

[24] *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 12.

[25] Ср. со сценой разоблачения Тиля Колупа в Вецларе, где горожане, участвуя в сцене унижения самозванца в присутствии представителей короля, демонстрируют своим поведением лояльность к Габсбургу. См.: *Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historicarum*. S. 245–246.

[26] *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 17.

[27] Там же. С. 16.

[28] См., например: *Саксонское зеркало*, ЗП II 28 § 3. Ср. примеч. 31.

[29] "Cum autem rumor validus auribus domini Ruodolfi regis insonuisset de premissis, asseruit hoc esse absonum et non fore congruum rationi, et reputavit eum fatuum et insanum" (*Ellenhardi Argentiniensis Chronicon*. S. 126).

[30] *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // *М.М. Бахтин как философ* / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, П.С. Гуревич. М., 1992. С. 15.

[31] "Eodem anno in Ribauriorum partibus exsurrexit quidam, qui se diceret Fridericum imperatorem, et veniens Coloniā a civibus capitur, crinibus tonditur et super scalam in foro publico ligatur; fugiens autem ad domum fratrum Augustinensium latitabat, de qua venit in civitatem que Nuzzia dicitur

eiusdem territorii..." (*Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. S. 245).

[32] *Geltner G.* Flogging Others: Corporal Punishment and Cultural Identity from Antiquity to the Present. Amsterdam, 2014. P. 25; *Skinner P.* Living with Disfigurement in Early Medieval Europe. L., 2016. P. 139.

[33] Такую же аргументацию привел Йохан фон Виктринг, когда описывал, как представитель короля Рудольфа окончательно разоблачил Тиля Колупа перед горожанами Вецлара, куда тот перебрался из Нойса: «Королевский маршал знатный муж де Паппенхайм потянул его за ремень на бедре — и тотчас же стали очевидны в деталях всевозможные средства [его] обмана, с помощью которых он дурачил народ» ("...per corrigiam femoralis a marschalco regis nobili viro de Papenhaim tractus, mox characteres et illusionum figmenta omnia sunt effusa, quibus populum dementavit") (*Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historiarum*. MGH SS rer. Germ. in usum scholarum / hrsg. von F. Schneider. S. 285).

[34] "Hoc anno surrexit quidam in inferioribus partibus Ribaurie circa Coloniam et Nuzziam, qui se imperatorem diceret Fridericum, qui veteranis militibus dedit indicia manifesta, Iudeorum maximo suffragio imperialiter curias celebravit, in Colonia maximam contumeliam pertulit et abrasione crinium in cloacam mittitur stercoralem" (*Ibid.*).

[35] См об этом в примеч. 10 и 11. Это еще раз свидетельствует в пользу того, что Йохан фон Виктринг был знаком с текстом «Деяний». О поддержке Тиля Колупа иудейской общиной см. примеч. 16.

[36] См. примеч. 18.

[37] Ср. в примеч. 18: «Он претерпел великие насмешки и поношения»; примеч. 34: «Он претерпел великое унижение».

[38] Лк. 22: 63–71; Мф. 27: 27–31; Мк. 15: 16–20.

[39] Ср. с текстом в примеч. 19.

[40] Лк. 22: 63–71.

[41] Мф. 27: 27–30; Лк. 15: 16–19; Ин. 19: 2–3. Ср.: примеч. 19.

[42] Мф. 27: 27–31.

[43] Об этом см., например: *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 10.

[44] "Multi enim pro eo, quod ipse esset, vadimonia posuerunt. Aliis vero sub quadam spe exultantibus in populo et dicentibus, quia ipse est, aliis dicentibus: 'non, sed seducit turbam'" (*Monachi Fuerstenfeldensis Chronica de Gestis Principum* / hrsg. von G. Leidinger // MGH SS rer. Germ. Bd. 19. Hannover; Leipzig, 1918. S. 41–42).

[45] Ср. с его рассказом о том, как король Рудольф выставил на всеобщее обозрение тело павшего в бою богемского короля Оттокара II, чтобы потом, добавляет хронист, не ходили слухи о нем, что он может быть жив, как до сих пор насчет бывшего императора Фридриха многие сомневаются, умер он или еще жив, и никак не могут прийти к согласию ("...de domino Friderico quondam imperatore, de quo usque in hodiernum diem dubitatur a multis, utrum mortuus sit vel vivat, et est infinita contencio" (*Ibid.* S. 35).

Юлия Крылова

Порядки и беспорядки при дворе бургундских герцогов и не только

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_175-189

Позднесредневековый придворный церемониал давно является одним из излюбленных сюжетов нашего глубокоуважаемого юбиляра. Испытывая почтение перед трудами Михаила Анатольевича Бойцова, хотелось бы порадовать его небольшим французским «оммажем» на эту тему, поскольку эти сюжеты пока что не становились предметом его исследований, хотя он неоднократно приближался к ним, изучая Тирольских Габсбургов или апеллируя к образцу французского двора Нового времени.

Текст, о котором пойдет речь, занимает особое место среди средневековых источников по истории придворных церемоний. Это не ордонанс и не распорядок двора, но, скорее, воспоминания о былом церемониале, воспроизводившемся или нарушавшемся при дворе бургундских герцогов периода его расцвета. Он был написан женщиной — придворной дамой — и выбран мной совсем не случайно: уверена, что сюжет не сможет оставить юбиляра равнодушным [1].

Когда заходит речь о придворном церемониале, помпезном и строго регламентирующем каждое движение праздничного или повседневного ритуала, неизменно всплывает в памяти образ версальского двора Короля-Солнца. Однако урегулирование подобных церемоний не было нововведением стремившегося к порядку Людовика XIV (1643–1715), а лишь заимствованием практически без изменений церемониала его предшественника Генриха III (1574–1589) [2]. Но и эти тщательно продуманные установления были результатом длительного процесса. Создание административного окружения правителя уходит корнями в раннее Средневековье, когда возник «Дворец» (*Palatium*) и потребность определить функции его служителей. На протяжении веков двор развивался, трансформировалась его структура, он наполнялся новыми людьми. Правители, и в частности герцоги Бургундские, издавали специальные ордонансы, фиксирующие функции придворных служб [3]. Однако, несмотря на все попытки благоустройства, со стороны казалось, что вокруг того или иного государя постоянно царит хаос, как о том свидетельствовали иностранные посланники [4]. За наведение порядка лишь во второй половине XVI в. взялась супруга Генриха II Екатерина Медичи. В царствование ее сына Карла IX (1560–1574) появилась новая форма актов (*Ordre-Réglement*) — не только регулирующих должностные обязанности служащих, но и прописывающих конкретные нормы повседневных церемоний [5]. Четвертый сын Екатерины, король Генрих III, довел начатое его предшественниками до идеала: его последний «Всеобщий регламент» 1585 г. был призван поставить точку в

институциональной и церемониальной эволюции королевского окружения [6].

Дворы знати брали пример с королевских, перенимая их порядки, а заодно и беспорядки. Однако один из них был совершенно особенным. Под влиянием королевских установлений герцоги Бургундские заложили основы нового пышного двора, перенятые впоследствии и испанским, и самим французским королевским двором. Период его расцвета — вторую половину XV в. — исследователи считают временем активного развития придворного церемониала [7]. Именно в этой среде возник текст, считающийся на сегодняшний день самым ранним из сохранившихся на территории королевства источников о французском повседневном церемониале [8].

Рукопись Fg. 14353 из Национальной библиотеки Франции содержит переписанный рукой XVII в. текст, из вступления к которому мы узнаем, что перед нами — воспоминания Элеоноры де Пуатье о знаках уважения (*honneurs*), которые должны были оказывать друг другу придворные согласно их рангу [9]. Что это за текст, кто его автор и чем он может быть интересен исследователю, не считая того, что до наших дней не дошли более ранние источники, посвященные церемониалу [10]?

Элеонора родилась между 1444 и 1446 гг. Она была дочерью Жана де Пуатье, сеньора д'Арси, и Изабеллы де Суза, фрейлины бургундской герцогини Изабеллы Португальской. В семь лет она попала ко двору, а в 1458 г. стала фрейлиной (*damoiselle d'honneur*) Изабеллы Бурбонской, графини де Шароле, первой жены наследника герцога Бургундского — Карла. После ее кончины Элеонора оставалась на своем посту и при дочери Изабеллы Марии Бургундской, и при ее невестке Хуане Кастильской, по-видимому, вплоть до собственной смерти в 1509 г. [11]

В своих «Мемуарах» автор упоминает множество исторических событий, по которым можно датировать текст. Так, она называет «Карла, сына Людовика» «нынешним» королем (*à present*), а дочь Марии Бургундской и эрцгерцога Австрийского Маргариту «нынешней» королевой [12]. Карл VIII (1483–1498) вступил на престол после смерти своего отца 30 августа 1483 г. Двумя месяцами раньше была отпразднована его свадьба с трехлетней Маргаритой [13]. Эти события позволяют определить *terminus a quo*, когда Элеонора работала над своим трудом [14]. Завершила она его предположительно не позднее 23 августа 1487 г., поскольку в тексте она упоминает как «ныне здравствующую» герцогиню Орлеанскую Марию Клевскую, умершую в этот день [15].

Оригинальная рукопись «Мемуаров» не сохранилась. Текст известен по двум манускриптам XVII в., хранящимся ныне в Париже и Безансоне. Впервые они были изданы в следующем столетии и не раз переиздавались [16]. По утверждению Ж. Павью, рукописи мало отличаются друг от друга, хотя, судя по орфографии, парижская копия старше по времени. Безансонский список или, скорее, еще один существовавший список, близкий к нему, был издан раньше парижского с интересным заглавием: «Церемониал Бургундского двора. Извлечение из

рукописи Эскориала» [17]. Благодаря этому упоминанию, можно представить, какой путь проделала некогда рукопись Элеоноры де Пуатье, и предположить, что записи, скорее всего, не хранились в семейных архивах, а распространялись среди заинтересованных лиц. При этом, учитывая проблематику сочинения, заказчиком определенно выступала дама. Смерть последней герцогини Марии Бургундской и переход владений к ее детям и мужу эрцгерцогу Австрийскому Максимилиану Габсбургу, а впоследствии слияние бургундского двора с испанским королевским домом объясняет, почему рукопись попала в Эскориал.

Рассказ Элеоноры касается традиций поведения при дворе, в первую очередь дам, хотя не может обойти стороной и поступки мужчин, в частности нарушения принятых норм. Ее повествование охватывает практически 100 лет. Первым по времени из затрагиваемых ею событий стало упоминание о введенной королевой Изабеллой Баварской традиции драпировать комнату роженицы зелеными тканями [18], а последним — торжественный въезд в Париж короля Карла VIII.

Переписчик XVII в. разделил сочинение на несколько глав. По затрагиваемым сюжетам текст можно было бы, как мне представляется, условно разделить на три смысловые части. Вначале автор вспоминает, кого она застала при бургундском дворе (или о ком слышала от матери — первой дамы герцогини Изабеллы Португальской) и какие знаки почтения они оказывали друг другу согласно их знатности и положению. Это касается ритуалов выстраиваний для повседневных и праздничных шествий, мытья рук и рассаживания за столом для трапезы, приема гостей, церемонии поднесения лакомств (*épices*) после застолья, торжественных встреч и въездов в город. Подобные мероприятия зачастую служили поводом для спора о рангах. Принятые в том или ином случае формы поведения могли нарушаться, о чем еще пойдет речь дальше, а их инициатором нередко становился любой придворный или гость, начиная с короля Франции и заканчивая излишне высокомерной дамой не самого высокого положения.

Второй блок «воспоминаний» Элеоноры де Пуатье посвящен скрытой жизни женской половины двора. Она повествует о том, какой должна быть комната знатной роженицы и обстановка в ней. Важнейшими условиями является выбор и расстановка мебели, цвет и ткань драпировок. Особый акцент автор делает на описании неперемного атрибута комнаты роженицы — буфета (*dressoir*) с драгоценнейшей посудой, причем количество «этажей» этого буфета зависело от знатности дамы. Логичным продолжением является переход повествования к церемонии крестин высокородных младенцев. Заканчивается тема на описании этих же событий у женщин рангом ниже принцесс.

Последние же несколько глав сочинения касаются разнородных сюжетов: как носится траур по родственникам, как сервируется стол у высокородных представителей знати, какое обращение дозвоительно друг к другу при дворе, какому рангу дамы соответствует какой вид одежды и кто имеет право нести ее шлейф.

Несмотря на условно очерченные нами группы сюжетов, сочинение не имеет четкой структуры, которой бы автор неукоснительно следовал. Это позволило Ж. Павью предположить, что автору был предложен какой-то устный вопросник, на который она давала соответствующие ответы [19]. Поддерживая это предположение, хотелось бы расширить гипотезу и добавить, что текст Элеоноры де Пуатье написан неофициальным стилем и больше похож на письмо адресату, интересовавшемуся придворным церемониалом прошлых времен, нежели на трактат, заказанный вышестоящими персонами и составленный ради служебных целей. Она пишет от первого лица и сообщает источник своей информации: «я видела», «как я слышала от своей матери», «как говорят».

В то же время издатель считает своим долгом отметить, что язык источника является, возможно, более современным, нежели тот, что знаком нам по текстам конца XV в., и сообщает о двух выявленных им ошибках [20]. Павью полагает, что сочинение Элеоноры претерпело позднейшую редактуру, хотя описанные «ошибки» этого, на мой взгляд, не доказывают. Произведений, написанных женщинами того времени, известно не так много. Скорее, данный текст следовало сравнить с еще одним дамским сочинением, авторство которого также приписывают Элеоноре де Пуатье. Речь идет о так называемой «Реляции Дююи-Годфруа» 1501 г., анонимном описании визита эрцгерцога и эрцгерцогини Австрийских Филиппа Красивого и Хуаны Безумной в королевскую резиденцию в Блуа. Написанная женщиной, реляция детально фиксирует подробности дамских одеяний и обстановки [21]. Так что в любом случае требуется тщательное языковое и стилистическое исследование, чтобы выявить следы позднейшей редакторской правки, которой теоретически могло и не быть, если копию с утраченного оригинала делал специально нанятый переписчик, а не коллекционер или будущий издатель.

Придворное пространство функционировало по своим особым правилам, основанным на соблюдении принятой иерархии. Изначальная схема градаций положения в обществе была довольно проста и на первый взгляд понятна: во главе всех располагался король, за ним шли герцоги, графы и т.д. Однако в реальности эта простая схема обрастала неисчислимым количеством нюансов, создавая впечатление, по меткому выражению Фанни Козандей, что существовало «сколько ситуаций, столько и правил» [22]. И любая такая ситуация, не имеющая прецедента, грозила вылиться в конфликт иерархий. XVII столетие с его, казалось бы, упорядоченным и отточенным церемониалом знало грандиозное количество споров на эту тему. Век XV в меньшем масштабе, но, похоже, тоже был недалек от этого. С раннего Средневековья существовали представления о старшинстве или первоочередности при дворе, развивавшиеся со временем, однако о наличии четкой фиксации этих повседневных правил в окружении правителя на французском материале

нам неизвестно. Между тем, вероятно, какие-то попытки записи подобных установлений все же предпринимались.

Элеонора де Пуатье упоминает, как она неоднократно слышала, что мадам де Намюр, двоюродная сестра Карла VI (1380–1422), владела большой книгой, где были записаны все ранги Франции (*estats de France*), отчего она считалась самой сведущей в данном вопросе дамой во Французском королевстве [23]. При жизни самой Элеоноры об этой книге больше не вспоминали, хотя само ее существование свидетельствовало о том, что система иерархической очередности была сложна и вызывала разногласия в придворных кругах, а потому требовалось вести соответствующие записи. К тому же французские *états* были весьма туманны для иностранцев. Например, герцогиня Изабелла Португальская, по свидетельству Элеоноры, всегда советовалась с графиней Намюрской по этим вопросам, поскольку *états* на ее родине отличались от французских [24]. Таким образом, своим текстом сочинительница как бы продолжила традицию, выступив преемницей графини Намюрской [25].

Используя текст Элеоноры, мы можем вычленить несколько главных принципов, лежавших в основе организации церемониального порядка и принятых окружающими по умолчанию. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что бургундский двор, несмотря на огромные, как принято считать, амбиции последних герцогов, не отделял себя от королевского церемониального пространства. Общественное положение сеньора или дамы определялось по отношению к Дому Франции и близости к короне. Эта ситуация никак не была связана с тем, что Бургундского государства в 1480-е годы уже не существовало, поскольку большинство описываемых событий относилось к прошлому.

Элеонора объясняет некоторые ситуации, которые могли бы показаться нелогичными с точки зрения принятой иерархии, тем, что кто-то из участников происходил из Дома Франции [26]. Герцоги могли препираться и уступать друг другу место «ради чести короны, к которой один был ближе, чем другой» [27]. Так, например, произошло после свадьбы герцога и герцогини Орлеанских в 1440 г. Жена Карла Орлеанского Мария Клевская должна была идти перед Изабеллой Португальской, поскольку Карл оказывался ближе к короне, чем герцог Филипп Добрый. Но поскольку Мария являлась племянницей герцога Бургундского и была намного моложе герцогини Бургундской (дочери португальского короля), Карл запрещал своей супруге шествовать перед Изабеллой. Однако и сам герцог Филипп Добрый не хотел, чтобы его жена шла перед герцогиней Орлеанской, подчеркивая тем самым близость Карла к короне Франции [28].

Представления об иерархии лежали в основе не только шествий и плана рассадки за столом, но и всех возможных действий повседневной жизни. Например, способы несения шлейфа платья высокородной дамы были также регламентированы. В момент встречи с дофином (будущим Людовиком XI) шлейф герцогини Бургундской должна была нести одна из ее дам, а у ее невестки, графини де Шароле, — один из рыцарей. Завидев

дофина, им следовало самим подобрать и нести свои шлейфы, однако один из почетных рыцарей Изабеллы Португальской мог немного помочь ей, хотя «она всегда держит его в руке», отмечает Элеонора [29].

В связи с чрезвычайной важностью придворной иерархии принципиальное значение обретало доскональное знание собственного родового древа со всеми его ответвлениями, уходящими в глубь веков. При дворе было необходимо четкое понимание своего положения по сравнению с такими же разветвленными генеалогиями прочих сеньоров и дам, живущих, гостящих или ненадолго появившихся при дворе, например на праздник. Немаловажной была и память о собственных и чужих заслугах и достижениях, что могло также повлиять на соответствующее место в шествии или за трапезой. Для любой дамы ситуация усугублялась дополнительными трудностями, поскольку ей нужно было также помнить положение родственников собственного мужа в сравнении с генеалогией мужей прочих претенденток на более почетное положение. Придворные дамы занимали место в иерархии в соответствии с рангом мужчины, к которому они «относились»: незамужние рассматривались по положению отца, замужние — супруга. На это указывала и графиня Намюрская, о чем Элеонора знала со слов своей матери: «По рангам Франции, все женщины, какими бы высокородными они ни были, соответствуют своим мужьям (*allassent selon les marys*), за исключением дочерей короля» [30].

Заведенный порядок предписывал равным по рангу передвигаться вместе, если такое положение не вызывало возражений у кого-либо из них. Так, в один ряд шествовали три племянницы Бургундской герцогской четы: родная племянница Филиппа Доброго Изабелла де Бурбон, его двоюродная племянница Елизавета д'Этамп и племянница Изабеллы Португальской Беатрис де Коимбра. При возникновении спора мог быть предложен компромисс, когда шествующие по очереди менялись местами. К такому варианту, по-видимому, прибегли и поссорившиеся маршалы Франции и Бургундии во время торжественного въезда Карла VIII в Париж в 1484 г. Элеонора слышала, что маршал Бургундии должен был идти впереди, поскольку герцог Бургундии являлся первым пэром Франции и во время коронации водружал корону на голову наследника престола обеими руками, тогда как остальные дотрагивались до нее лишь одним пальцем [31]. Возможно, личные связи Филиппа де Хохберга, маршала Бургундии, также играли в данной ситуации важную роль, поскольку он был женат на двоюродной сестре Карла VIII и состоял в Королевском совете. Его соперник, маршал Франции Филипп де Кревкёр, по всей видимости, не обладал подобным влиянием, однако дело происходило в Париже, куда торжественно въезжал новый король Франции, а потому первым в процессии оказался все же именно его маршал.

Однако подобных компромиссов в повествовании Элеоноры немного. Заведенные распорядки не могли включать все возможные варианты старшинства и расположения по рангу. Не все случаи были ясны даже сведущим в этом вопросе людям, а потому затруднительные ситуации могли обсуждаться заранее. Элеонора наблюдала приезд Жанны де Лален,

графини де Пантьевр, к графине де Шароле: «Я помню, что собрался совет, чтобы решить, какую честь мадам де Шароле следовало бы ей оказать» [32]. При этом существовавшая в сознании людей система постоянно становилась благодатной почвой для всевозможных нарушений и отступлений от нее. Из текста Элеоноры де Пуатье со всей очевидностью следует, что один и тот же титул не гарантировал одинакового положения в той или иной церемонии и что «положение» зачастую означало «отношение», поскольку выраженная честь во многом зависела от того конкретного лица, которому она оказывалась.

Причин для отхода от традиций и выбора определенной модели поведения было множество, и все они, судя по всему, зависели от конкретной ситуации, не становясь правилом. Прежде всего, по своей воле могли нарушить принятые устои высочайшие персоны: короли, дофин, герцоги. В воспоминаниях Элеоноры это обычно связано с их желанием оказать бóльшую, чем положено, честь кому-либо из присутствующих. Так, на своей свадебной трапезе Карл VII (1422–1461) велел пересадить графиню Намюрскую за стол королевы, сказав, что «она уже достаточно насиделась как жена графа Намюрского и оставшуюся часть обеда будет сидеть как его кузина» [33]. В другом эпизоде «воспоминаний» Элеоноры сбежавший после ссоры с отцом дофин Людовик вопиющим образом нарушил все возможные правила при герцогском дворе ради оказания высочайшей, большей, чем положено по рангу, чести приютившему его Филиппу Доброму. Он намеревался разместить встречавшую его Изабеллу Португальскую *слева (au dessous)* от себя, что обернулось препирательствами с ней на четверть часа; захотел вести ее под руку, на что она с трудом согласилась; и, наконец, вышел из своей комнаты встречать вернувшегося герцога, дошел до середины двора, и никакие уговоры герцогини не смогли заставить его вернуться, более того, она лишь силой удержала его, чтобы он не пошел дальше [34].

Короли и герцоги нередко использовали свою власть отцов и мужей, приказывая дочерям и женам в некоторых случаях нарушать заведенные порядки. Это обычно касалось случаев, когда необходимо было выразить соответствующей персоне бóльшую, чем ей положено, честь. Карл VII, выдавая восьмилетнюю дочь Катрин за графа де Шароле, запретил сопровождающим ставить ее в процессии перед свекровью-герцогиней, хотя та имела на это полное право как дочь короля, а герцог Орлеанский, как мы помним, не разрешал жене идти перед ее теткой герцогиней Бургундской, хотя его ранг в отношении короны был выше [35]. Самые высокородные дамы ради оказания чести персоне высокого ранга вносили свои коррективы в распорядки. Первая жена Филиппа Доброго, дочь Карла VI Мишель, не позволяла свекру Жану Бесстрашному прислуживать ей [36]. А дочь Карла VII Жанна, жена герцога Жана II де Бурбона, хоть и шла перед свекровью, но всегда брала ее за руку [37].

Вносили свои поправки в распределение мест и дополнительные обстоятельства. Бóльшая честь могла оказываться человеку старшему по возрасту. Из двух своих сестер, герцогинь Клевской и Бурбонской, Филипп

Добрый оказывал большее расположение первой как старшей, хотя, «как всем хорошо известно, — сообщает Элеонора, — впереди должна располагаться герцогиня Бурбонская, так как ее муж из Дома Франции» [38]. Он же уступил место впереди герцогу Орлеанскому при торжественном въезде в Париж Людовика XI, утверждая, что тот старше [39]. При некоторых обстоятельствах аргументом в пользу более высокого места по рангу могла стать, возможно, и приятная наружность. Уже упоминавшейся Жанне де Лален, графине де Пантьевр, приехавшей к графине де Шароле, «по правде, была оказана высокая честь... поскольку она была красивая дама для своего возраста» [40].

Упоминает Элеонора де Пуатье и об интереснейших случаях нарушения дамами привычного поведения: ссорах, открытой вражде и завышенном, даже с точки зрения современников, представлении о своем ранге. Исключительно скандальным поведением отличалась Элен де Мелен, графиня д'Э. «Чрезвычайно высокомерная» (*fort hautaine*), она претендовала на то, чтобы идти под руку с графиней де Шароле, апеллируя, видимо, к тому, что ее муж был сводным братом по материнской линии отца Изабеллы Бурбонской, а заодно и братом второй жены Филиппа Доброго. При этом она не желала идти за руку с племянницей Изабеллы Португальской, мадам Равенштайн (Беатрис де Коимбра), вышедшей замуж за племянника Филиппа Доброго Адольфа Клевского, несмотря на недовольство герцогини, а с мадам де Невер [41] она устроила крупную ссору (*grand estrif*) за место впереди. Но самым вопиющим поступком графини, поистине «безумием» (*folie*), было другое. Приехав однажды ко двору и оставшись ужинать в одиночестве, она заставила служить себе собственного отца, сеньора д'Антуана, с непокрытой головой кланявшегося ей до земли [42].

Не менее высокого мнения о себе была и Маргарита Лотарингская, жена всевластного бургундского камергера Антуана де Круи. Скромного происхождения, но добившийся высочайшей власти, тот пользовался авторитетом, переносимым, судя по всему, и на его супругу. Все, включая герцогиню и ее племянниц, «оказывали ей такую честь, как никому другому в стране», и обращались по-королевски — «*Belle cousine*». Она не желала идти с графиней Пантьевр и шла принципиально перед ней, хотя говорили, что она ровня графу Пантьевру [43].

Согласно воспоминаниям Элеоноры де Пуатье, при дворе можно было также игнорировать принятые ритуалы, если оппоненты находились в состоянии вражды. По рассказам ее матери, категорически не переносили друг друга две Изабеллы: Португальская, герцогиня Бургундская, и Лотарингская, королева Сицилии, супруга короля Рене Анжуйского. «Ни одна из них не порвет шнуровки <платья> в желании поклониться», — говорила мадам де Пуатье [44]. Сочинительница передает ее рассказ о встрече в Шалоне Изабеллы Португальской и королевы Франции Марии Анжуйской в 1445 г. [45] Сделав необходимое количество шагов и поклонов и обменявшись поцелуями с королевой и женой дофина, герцогиня отправилась приветствовать королеву Сицилии, но «оказала ей

не больше чести, чем та ей», а «из ее дам поцеловала не более, чем своих» [46]. В комнате Марии Анжуйской две Изабеллы стояли по разные стороны от королевы и никогда не бывали вместе, когда надо было куда-то идти. Изабелла Португальская не желала идти за Изабеллой Лотарингской, несмотря на то что та обладала королевским титулом, а она была лишь герцогиней. Ее доводы не выдерживают критики с точки зрения придворных иерархий, поскольку она утверждала, что «герцог Бургундский ближе к короне Франции, чем король Сицилии, а она сама — дочь короля Португалии, который выше короля Сицилии» [47].

Для вражды, публично попирающей придворные устои, имелись весьма веские причины, во всяком случае со стороны Изабеллы Лотарингской. Ж. Павьо видит «простое» объяснение в последствиях битвы при Бюльневиле 2 июля 1431 г. [48], когда Рене Анжуйский был взят в плен его противником — двоюродным братом жены Антуаном де Водемоном — и его союзниками-бургундцами. Однако за этим «простым» объяснением скрывались самые драматические последствия: длительный плен Рене в суровых условиях тюрьмы у герцога Бургундского, его необоснованные претензии на герцогства Лотарингия и Бар, гигантская сумма выкупа (из которой невозможно было собрать даже трети), малолетние сыновья в заложниках в обмен на свободу Рене, ведение дел и управление разбросанными по Европе землями разоренной семьи Изабеллой Лотарингской (в том числе командование войсками и флотом). Подобные, далекие от куртуазных, отношения между ближайшими родственниками — троюродными братьями — вряд ли могли способствовать дружбе их жен и исполнению соответствующих церемониальных процедур при дворе. И даже присутствие королевы Франции не могло прекратить их оппозицию.

Благодаря сохранившимся свидетельствам Элеоноры де Пуатье, для нас становится очевидным, что церемониальные нормы во французской придворной среде на пороге Нового времени были достаточно подвижны. Несмотря на давние традиции, они при необходимости с легкостью нарушались, нередко оставаясь уникальными казусами. Выбор стратегии поведения определялся существованием обилия критериев, позволяющих претендовать на свое место в иерархии. Инициатором отступлений от традиционных правил мог быть любой представитель правящих верхов, вне зависимости от гендерных различий: от королей до амбициозных графинь. При этом интересно, что высочайшие персоны, даже присутствующие при конфликтной ситуации, не обладали, похоже, достаточным влиянием (а возможно, и желанием) для поддержания заведенных порядков и примирения сторон. Однако нарушение принятых устоев и обсуждение этого вопроса в кулуарах свидетельствуют о существовании определенных утвердившихся норм и о признании их необходимости в обществе.

-
- [1] См., в частности: *Бойцов М.А.* Порядки и беспорядки при дворе графа Тирольского // *Двор средневекового монарха: явление, модель, среда* / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2001. С. 93–120; *Бойцов М.А.* Сладкая жизнь. Распорядки женской половины Тирольского двора // *Многоликая повседневность: микроисторические подходы к изучению прошлого. Материалы конференции памяти Ю.Л. Бессмертного (1923–2000)* / под ред. О.И. Тогоевой. М., 2014. С. 217–245.
- [2] *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 215, 220, 414.
- [3] *Носова Е.И.* Бургундский двор XV века: структура, организация, социальный состав: дис. ... к.и.н. СПб., 2011 (на правах рукописи).
- [4] Поражается «беспорядку» испанский секретарь Карла V в 1539 г.: *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в XVI в. История института. СПб., 2018. С. 111. Венецианский посланник М. Барбаро в 1563 г. называл французский двор «миром беспорядка» (Там же. С. 185). Его соотечественник Дж. Липпомано в 1577 г. описывал королевский двор как «мешанину без порядка и какого-либо правила»: *Solnon J.-F.* *La Cour de France*. P., 1987. P. 13–14.
- [5] *Шишкин В.В.* Указ. соч. С. 232.
- [6] Там же. С. 369.
- [7] *Paviot J.* *Ordonnances de l'hôtel et cérémonial de cour aux XVe et XVIe siècles, d'après l'exemple bourguignon* // *Höfe und Hofordnungen. 1200–1600* / hrsg. von H. Kruse, W. Paravicini. Bd. 10. Sigmaringen, 1999. S. 174.
- [8] *Idem.* Les marques de distance dans les "Honneurs de la Cour" d'Aliénor de Poitiers // *Residenzenforschung* / hrsg. von der Residenzen-Kommission der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Bd. 6: Zeremoniell und Raum / 4. Symp. der Residenzen-Kommiss / hrsg. von W. Paravicini. Sigmaringen, 1997. S. 91. Я благодарю М.А. Бойцова, любезно предоставившего мне копию этой статьи, не подозревая, надеюсь, о цели моей просьбы.
- [9] Текст не имеет заглавия. В дальнейшем он издавался под разными названиями. См. новейшее издание: *Paviot J.* *Éléonore de Poitiers. Les États de France (Les honneurs de la cour)* // *Annuaire Bulletin de la Société d'Histoire de France*. 1996. Vol. 109. P. 75–136 (текст: P. 84–118). Здесь: P. 84 (далее ссылки на вступительную статью Ж. Павью даются с указанием его фамилии, ссылки на текст источника — с именем автора).
- [10] Некоторую информацию о придворных распорядках и церемониях можно почерпнуть у Кристины Пизанской в ее «Книге деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» (1404 г.), однако ее свидетельствам, впрочем довольно кратким, не вполне можно доверять, поскольку поэтесса родилась уже после смерти короля и не могла видеть происходящего, а само сочинение создавалось с целью прославления монарха.
- [11] *Paviot J.* *Éléonore de Poitiers*. P. 75–77. Отец Изабеллы де Суза был потомком бастарда короля Португалии Альфонса III (1248–1279).
- [12] *Éléonore de Poitiers. Les États de France*. P. 88, 92–94, 98, 106.

[13] Подробнее о политическом контексте «свадьбы» и о том, состоялась ли она на самом деле, см.: *Labande-Mailfret Y. Charles VIII et son milieu (1470–1498). La jeunesse au pouvoir*. P., 1975. P. 27–28; *Foret Ch. La répudiation de Marguerite d'Autriche: les échos d'un scandale*. Louvain, 2018. P. 12.

[14] Издатель Ж. Павьо полагает, что работа началась не ранее 5 июля 1484 г. (упоминаемый Элеонорой день торжественного въезда Карла VIII в Париж). Таким образом, свою датировку он основывает на описании одного конкретного события, где король назван «ныне правящим», что представляется излишне ригористичным.

[15] Однако нельзя сбрасывать со счетов и то, что о “*Madame d'Orleans à present*” она рассказывает практически в начале своего сочинения, которое, скорее всего, не предполагало впоследствии редакторской правки. Так что гипотетически она могла продолжать работу над текстом еще некоторое время.

[16] Это уже упоминавшаяся BNF Ms. fr. 14353, а также Besançon, Bibliothèque municipale, coll. Chiflet. Ms. 65. До появления издания Ж. Павьо исследователи обычно ссылались на первую публикацию парижской рукописи: *Les Honneurs de la Cour // Mémoires sur l'ancienne chevalerie, considérée comme un établissement politique et militaire*. T. II / ed. par La Curne de Sainte-Palaye. P., 1759. P. 169–267. Безансонская рукопись дошла до нас в составе одного из сборников коллекции Ж. Шиффле, собранных по инициативе короля Филиппа IV Габсбурга (1621–1665) и посвященных придворному церемониалу его предков.

[17] *Cérémonial de la cour de Bourgogne, tiré d'un manuscrit de l'Escorial // Mémoires pour servir à l'histoire du comté de Bourgogne* / ed. par F.I. Dunod de Charnage. Besançon, 1740. P. 744–783 (цит. по: *Paviot J. Éléonore de Poitiers*. P. 78).

[18] Изабелла Баварская, супруга короля Карла VI, родила первого ребенка в 1386 г.

[19] *Paviot J. Éléonore de Poitiers*. P. 79.

[20] *Ibid.* Ж. Павьо ссылается на мнение, высказанное Жаком Монфреном. Однако исследование языка сочинения никем пока не проводилось. Что касается «ошибок», то они могут иметь свое объяснение. Так, в одном случае вместо *frère* в тексте значит *père*. Разумеется, Элеонора не могла спутать отца и брата, но столь похожие по написанию слова мог с легкостью перепутать позднейший переписчик. Другая ошибка более существенна. Элеонора сообщает, что Изабелла Бурбонская, будучи графиней де Шароле, никогда не ходила под руку со своей матерью (сестрой герцога Бургундского Филиппа Доброго), а когда сама стала герцогиней, шла впереди нее. Однако Изабелла Бурбонская никогда не являлась герцогиней Бургундской, поскольку скончалась на два года раньше своего свекра (25 сентября 1465 г.). По прошествии двух десятков лет эти обстоятельства вполне могли сместиться в памяти составительницы текста, когда ей надо было описать выстраивание по рангу всех многочисленных великосветских сеньоров и дам давних времен. Более того, такая нелепая «ошибка» скорее говорит в пользу ее авторства,

поскольку мнимый «фальсификатор», зная в точности сложнейшие придворные связи, вряд ли мог ошибиться при описании столь известных событий.

[21] См. подробнее: *Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010; Крылова Ю.П. Двор Людовика XII глазами женщины. Рец. на: Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour // Средние века. Вып. 73 (1–2). М., 2012. С. 370–374.*

[22] *Козандей Ф. Церемониальная политика во Франции XVI–XVII вв. // Французский ежегодник — 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV / под ред. А.В. Чудинова и Ю.П. Крыловой. М., 2014. С. 242.*

[23] *Éléonore de Poitiers. Les États de France. P. 89, 106. Жанна д'Аркур, графиня Намюрская (1372 — после 1439), была племянницей жены короля Карла V, Жанны де Бурбон.*

[24] *Ibid. P. 106.*

[25] *Broomhall S. Gendering the Culture of Honour at the Fifteenth-Century Burgundian Court // Women, Identities and Communities in Early Modern Europe / S. Tarbin, S. Broomhall (eds). Aldershot, 2008. P. 186.*

[26] *Éléonore de Poitiers. Les États de France. P. 86, 87.*

[27] *Ibid. P. 93.*

[28] *Ibid. P. 92.* Необходимо отметить, что особый сюжет в изучении сочинения Элеоноры — это термины, обозначающие место того или иного лица при передвижении, и их смысловое наполнение (*au dessus, au dessous, au devant, l'un devant l'autre, à la main, main à main* и др.). Они сложны для понимания, поскольку непонятно, как сами эти передвижения выглядели, не говоря уже о том, что и «правила» менялись. Элеонора рассказывает, что раньше, как она слышала от старших, почетное место было *слева (au dessous)*, хотя «в ее время», оказывая честь, определяют место *справа (au dessus)*. В этом пытался разобраться Ж. Павьо (*Paviot J. Les marques de distance*), однако очевидно, что проблема требует дальнейшего углубленного исследования.

[29] *Éléonore de Poitiers. Les États de France. P. 95.* К этому можно добавить, что не менее сложными и не до конца ясными представляются вопросы сервировки (*couvert*) и обслуживания каждого лица за трапезой и церемонии поднесения лакомств — *épices*, на чем мы не будем останавливаться за отсутствием места.

[30] *Éléonore de Poitiers. Les États de France. P. 88.* В высших слоях знати все, по-видимому, знали родословие друг друга, поскольку Элеонора несколько раз упоминает, как при дворе обсуждают, что с кем-то поступили несправедливо, определив место, не соответствующее положению: *Ibid. P. 85, 93.*

[31] *Ibid. P. 93.*

[32] Жанна де Лален, дочь сеньора де Къеврена, была замужем за Оливье де Блуа, графом де Пантьевр, происходившим из семьи герцогов Бретонских. Первым браком он был женат на сестре Филиппа Доброго.

- [33] "Elle avoit esté assez assise comme femme du comte de Namur et qu'il failloit que le demeurant du disner, elle fut assise comme sa cousine germaine" (*Éléonore de Poitiers*. Les États de France. P. 88).
- [34] *Éléonore de Poitiers*. Les États de France. P. 95–96.
- [35] Ibid. P. 92.
- [36] Ibid. P. 91.
- [37] "Jeanne de France... alloit tousjours devant madame de Bourbon sa belle mere; mais elle la prenoit tousjours a sa main" (Ibid. P. 92).
- [38] Ibid. P. 86.
- [39] Ibid. P. 93. Карл Орлеанский был старше Филиппа Доброго всего на пять лет.
- [40] Ibid. P. 87–88 (*belle dame de son eage*). Встреча могла произойти между 1454 г., когда Изабелла Бурбонская вышла замуж и стала графиней де Шароле, и 1465 г., когда она умерла. Жанна де Лален была в это время уже в зрелом возрасте. Известно, что она вышла замуж в 1428 г., а умерла в 1467 г., т.е. родилась она, возможно, около 1410-х годов. Вариант перевода выражения *de son eage* как «ее возраста» (допускавший, что она — ровесница графини де Шароле) отпадает, поскольку Изабелла Бурбонская родилась в 1436 г.
- [41] Мари д'Альбре, графиня Неверская, была дочерью Шарля II д'Альбре, троюродного брата Карла VII, и женой двоюродного брата и — одновременно — пасынка Филиппа Доброго.
- [42] Ibid. P. 85–86.
- [43] *Éléonore de Poitiers*. Les États de France. P. 87–88. Мадам де Круи, дочь графа Водемона, была троюродной племянницей Карла VII.
- [44] "...il n'y eust nulle d'elle deux qui rompit ses aiguillettes de force de s'agenouiller" (Ibid. P. 90).
- [45] Мария Анжуйская — супруга Карла VII и родная сестра короля Рене Анжуйского.
- [46] Ibid.
- [47] Ibid.
- [48] *Paviot J.* Les honneurs de la cour d'Éléonore de Poitiers // *Autour de Marguerite d'Ecosse. Reines, princesses et dames du XVe siècle* / dir. G. Contamine, Ph. Contamine. P., 1999. P. 170–171.

Анна Серегина

Война и престолонаследие: Елизавета I путешествует по югу Англии (1591)

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_190-209

Жизнь придворных раннего Нового времени, и в особенности XVI — первой половины XVII в., не отличалась стабильностью во многих смыслах, в том числе и географическом: монарх и его двор часто перемещались, не задерживаясь в одних и тех же резиденциях подолгу. Всем странам Европы была знакома эта идея перемещения (*progress* в английской практике) от

дворца к дворцу, городу или замку в непрерывном цикле, соединявшем различные части монарших владений благодаря физическому присутствию правителя в том или ином месте. Такие поездки по стране восходили к практике путешествий средневековых королей и королев, перемещавшихся от одной укрепленной резиденции к другой и полагавшихся на гостеприимство своих подданных, которым они самым наглядным образом являли собственную власть. К XVI столетию путешествия дворов правителей превратились в тщательно спланированные церемонии, и мало кто из европейских монархов умел устраивать их чаще и лучше, нежели королева Елизавета I Английская.

Путешествия Елизаветы по подвластным ей территориям продолжили давнюю семейную традицию. Генрих VII Тюдор в самом начале царствования (1486 и 1487 гг.) отправлялся на север страны в летние поездки, сочетавшие в себе элементы путешествия двора и военного триумфа, а позднее часто навещал центральные графства. Еще больше разъезжал его сын Генрих VIII [1]. В середине XVI в. королевские путешествия были редкими, но не исчезли совсем: юный король Эдуард VI успел провести лишь одно лето (1552 г.) в поездке по южным графствам. Мария I оказалась домоседкой, выезжавшей из Лондона лишь в ближайшие к нему королевские резиденции, однако и она в 1554 г. совершила что-то вроде «большого» путешествия, возвращаясь из Винчестера в Лондон с новоиспеченным мужем, королем Филиппом II. Елизавета I превзошла их всех: за 44 года ее правления ее двор отправлялся в путешествие 23 раза [2].

Изучение елизаветинских поездок началось еще в XIX в., после того как Джон Николс издал трехтомный сборник документов, посвященный путешествиям королевы и организованным для нее приемам и развлечениям [3], и не прекращается по сей день. Однако и сейчас исследователи сталкиваются с затруднениями, пытаясь объяснить причины и особенности перемещений двора Елизаветы I [4]. Часто выдвигавшиеся в XIX — начале XX в. объяснения включали, помимо особой любви королевы к путешествиям и к охоте, желание избежать распространения болезней в собственных перенаселенных резиденциях, а вместе с тем — сэкономить средства, останавливаясь в поместьях подданных.

Более подробное изучение передвижений Елизаветы I, предпринятое историками в последние десятилетия, показывает, что то были скорее предлоги, нежели причины перемещений двора, а последняя гипотеза совсем неверна: казна тратила весьма крупные суммы на поездки Елизаветы к немалому беспокойству ее министров [5].

В своих исследованиях путешествий Елизаветы I Мэри Хилл Коул представила передвижения королевы как способ проявить личную власть. Нестабильность жизни в пути, частые перемещения двора и даже капризы правительницы, по своему усмотрению менявшей маршрут, порой в последний момент, позволяли ей оставаться центром своего подвижного мира и сохранять власть, зачастую сталкиваясь между собой принимавших ее

дворян, придворных и слуг свиты, министров и членов Тайного совета, заставляя их конкурировать между собой за ее благосклонность [6].

М. Хилл Коул в своей работе рассматривает придворные церемонии, в том числе и театрализованные представления, которыми подданные встречали Елизавету I во время ее поездок, подразумевающих не столько достижение социальной гармонии и/или противоположное ему проявление скрытого конфликта, сколько своеобразное поле для диалога между королевой, ее придворными и принимавшими ее хозяевами поместий и городскими общинами [7]. Параметры такой встречи каждый раз определялись заново, а для организаторов церемоний прием королевы оказывался способом защитить собственные интересы и представить государыне свои претензии на участие в управлении страной или же обосновать те или иные политические решения.

В своей статье я основываюсь именно на таком истолковании церемоний, связанных с приемом, оказанным Елизавете ее подданными, — на динамическом диалоге королевы и ее дворян, разыгрывавшемся в контексте того или иного королевского визита. Успех или провал стратегии организаторов церемоний зависел от многих факторов и требует подробного анализа отдельных представлений и обстоятельств, предопределивших их форму. Сейчас речь пойдет о двух различных вариантах представления собственных интересов, избранных принимавшими Елизавету аристократами летом и осенью 1591 г., во время ее поездки по южным графствам.

Путешествие 1591 г. выделялось из ряда елизаветинских визитов по нескольким параметрам: это была единственная за все долгое царствование поездка на юг Англии, предпринятая в годы войны с Испанией и политического кризиса, вызванного крайне неудачной кампанией союзника Елизаветы Генриха IV в Нормандии против испанцев. Подробный анализ этого путешествия никогда не предпринимался, а потому данный сюжет требует дальнейшей разработки и не может быть в полной мере освещен в рамках единственной статьи. Таким образом, ниже речь пойдет лишь об одном аспекте путешествия, а именно об увеселениях, предложенных в ходе него королеве.

Описаний подобных приемов сохранилось не так уж мало, но большая их часть — рукописные фрагменты или даже полные тексты представлений, опубликованные позже антикварами и историками. Относительно немногие сообщения были изданы сразу, по следам событий. В 1591 г. таких публикаций вышло две, что сразу выделяет эту поездку из числа прочих, причем оба текста известны в нескольких версиях. Поведать миру о приеме и милостях, оказанных им королевой, решили Энтони Браун, виконт Монтегю, в чьем замке Каудрей (Сассекс) Елизавета провела неделю (14–20 августа) [8], а также Эдвард Сеймур, граф Хартфорд — в его поместье Элветэм королева останавливалась 20–23 сентября [9]. Оба дворянина в 1591 г. находились если и не в прямой конфронтации, то, безусловно, в непростых отношениях с двором и королевой, и обоим необходимо было добиться от нее определенных

уступок и гарантий, что они и попытались сделать в ходе приема. Проанализируем избранные ими стратегии, а также причины успеха и неуспеха каждой из них.

Энтони Браун, виконт Монтегю (1528–1592), был одним из самых известных и влиятельных английских католиков второй половины XVI в. Его семья выдвинулась при Тюдорах и всегда верой и правдой служила монархам этой династии. Zenит политической карьеры виконта пришелся на царствование Марии I, когда Монтегю отправляли с важными дипломатическими миссиями, пожаловали ему титул и членство в Тайном совете. С приходом к власти Елизаветы I виконт лишился места в совете, однако сохранял влияние в родном графстве, где в 1568–1585 гг. занимал пост лорда-лейтенанта. И все же его положение в графстве пошатнулось с началом войны против Испании (1585 г.): он перестал быть лордом-лейтенантом, а летом 1588 г., когда Армада приближалась к английским берегам, правительство выказало ему недоверие, не прислав приказа собрать людей для защиты королевы и, возможно, даже поместив виконта ненадолго под домашний арест [10].

К началу 1590-х годов Монтегю столкнулся с реальной перспективой утраты доверия Елизаветы I и ее окружения и, следовательно, возможностью лишиться политического влияния в Сассексе. Кроме того, в 1588–1590 гг. скончались родственники и придворные покровители Монтегю — его троюродные братья графы Лестер и Уорик и мачеха, графиня Линкольн. Виконт нуждался в укреплении своих позиций, как в отношениях с правительством, так и в графстве. Одной из его стратегий стало планирование брачного союза между собственным внуком и дочерью Томаса Сэквила, лорда Бакхёрста [11]. Последний приходился дальним родственником королеве и принадлежал к клиентеле Сесиля, несмотря на обширные родственные и дружеские связи среди католиков юга Англии [12].

Елизавете I также нужно было думать о своем престиже в Сассексе и, шире, на юге Англии. Военные действия против Испании шли не слишком успешно. В 1590 г. войска герцога Пармского перешли в наступление в Нидерландах, а Франция погрузилась в хаос гражданской войны. В Париже расположился испанский гарнизон, и союзник Англии Генрих Наваррский отчаянно нуждался в поддержке. В 1590 г. во Франции высадился английский экспедиционный корпус Уиллоуби, оказавший королю помощь в Нормандии и Иль-де-Франс. В 1591 г. планировалось продолжить кампанию в Нормандии, побудив Генриха Наваррского начать осаду Руана — оплота Католической лиги в этой провинции, а также выступить против испанских войск, высадившихся в Бретани, что в Англии воспринималось как прямая угроза. Елизавете I и ее правительству было необходимо иметь поддержку южных прибрежных графств, поскольку именно на них ложилось бремя войны [13].

Кроме того, значительная часть населения юга Англии, особенно Сассекса, оставалась католической. В обстановке войны с Испанией это расценивалось правительством как потенциальная внутренняя угроза. В

1591 г. проблему попытались решить методом кнута и пряника. Летом была подготовлена к подписанию королевская прокламация, которая предписывала создать в графствах особые комиссии по расследованиям в отношении иезуитов, католических священников, а также лиц, «предрасположенных к измене... или признающих под каким-либо видом власть папы или короля Испании» [14]. Но одновременно с карательными мерами Елизавета желала успокоить своих подданных-иноверцев, показав, что лояльные католики по-прежнему могут рассчитывать на монаршее благоволение. Поэтому она решилась на то, чего избегала делать все предшествующие годы: отправилась в католический Сассекс, а оттуда — в Хэмпшир.

Елизавета покинула Лондон в конце июля 1591 г. В первой половине августа она неспешно проехала по графству Сарри, а четырнадцатого числа прибыла в Сассекс. Первым пунктом ее маршрута стал Каудрей, резиденция Монтегю — самого влиятельного местного католика. Этот визит был согласован заранее, через посредников. Еще 10 июля лорд-камергер, барон Хансдон, писал сэру Уильяму Мору, другу и коллеге Монтегю по многочисленным комиссиям графств Сарри и Сассекс, о том, что королева планирует остановиться в Каудрее по пути в Портсмут [15].

Предшественники Елизаветы успели не раз побывать в замке с тех пор, как он был возведен в первой трети XVI в. Генрих VIII приезжал сюда трижды, нанося визиты Уильяму Фицуильяму, графу Саутхэмптону (3–7 августа 1538 г. и 30–31 июля 1539 г.), и его сводному брату, сэру Энтони Брауну, отцу виконта (начало августа 1545 г.) [16]. А Эдуард VI посетил будущего виконта Монтегю 27–28 июля 1552 г. [17]. Таким образом, визит Елизаветы встраивался в эту традицию, подчеркивая: верность обладателей замка признана монархами.

Королева провела в Каудрее почти неделю (14–20 августа). Виконт развлекал ее охотой и представлениями [18]. Как и подобает сценарию торжественного въезда монарха, прежде всего Елизавету ждала церемония передачи ключей. Исследовавший прием К. Брейт подчеркивал, что Каудрей являлся крепостью, которую теоретически можно было бы оборонять даже от королевских войск, и видел в этом скрытую угрозу со стороны Монтегю [19]. Мне представляется, однако, что в разыгранной сцене виконт, напротив, подчеркнуто демонстрировал подобающую подданному покорность. У ворот Елизавету встретили привратники, обратившиеся к ней с приветственной речью. В ней, помимо прочего, присутствовало прямое указание на то, что, несмотря на различие в религии, виконт является верным подданным королевы: «Что же касается владельца этого дома, моего благородного лорда, то его язык — ключ к его сердцу, а его сердце — замок его души. Поэтому Вы можете сразу верить тому, что он говорит. А именно, что в понимании своего долга по отношению к Вашему Величеству и в служении Вам он превосходит всех и не уступит никому в молитвах о Вашем счастье» [20].

В своей краткой ответной речи Елизавета отдала должное верности виконта. Она «сказала, что готова поклясться — нет более верного ей

человека» [21]. После этого королеве были переданы ключи от дома, и она вошла внутрь, предварительно обняв встречавших ее у порога леди Монтегю и ее дочь, леди Дормер.

На следующий день (в воскресенье) после литургии, совершенной по англиканскому обряду, Елизавета отдыхала, а в понедельник охотилась. Во вторник после торжественного обеда ее развлекали речами и представлением, во время которого снова была затронута тема верности. Среди деревьев разыграли диалог между Пилигримом (намек на католического священника — испанского шпиона) [22] и дикарем, сидевшим у подножия дуба. Пилигрим жаловался на то, что дикарь не дает ему пройти по парку. Дикарь же привлек внимание своей аудитории к дубу, на ветвях которого были размещены гербы всех дворянских семей графства. В своей речи он отметил, что дуб и его ветви с гербами символизируют силу и счастливое правление Ее Величества: Сила заключается в количестве и благородстве [дворян], счастье — в их верности и согласии... Стеной этого графства является море; укрепленное же верными сердцами, оно непобедимо [23].

Далее он продолжал:

От имени милорда [Монтегю], а также всех благородных лордов и джентльменов, чье гербы видит здесь Ее Величество, я могу сказать, что подобно тому, как кровеносные сосуды, распространяющиеся по всему телу, в ту минуту, когда сердце охвачено страстью, посылают ему всю кровь для успокоения, так и эти живущие в разных местах люди, если только Ее Величество окажется в опасности, отдадут ей свои тела, имущество и души. Ведь она — их сердце, глава и Повелительница. Здесь проход закрыт [24].

Таким образом, Монтегю гарантировал королеве верность и готовность защищать пределы страны от имени местного дворянства. Фактически он говорил от лица всего Сассекса.

Та же тема развивалась и на следующий день, хотя теперь речь шла уже не о дворянстве, а о простолюдинах. На этот раз королеву у рыбного пруда развлекали речью рыбаки. Они жаловались на притеснения со стороны нечестных купцов и лордов — и одновременно заявляли о своей верности: Верные сердца так же хороши, как и полные кошельки; они — нерв войны, но первые — ее оружие [25].

На следующий день Елизавету ожидали народные танцы. «В четверг королева обедала в саду вместе с лордами и леди, сидя за столом в 48 ярдов длиной. Вечером простые жители графства предстали перед Ее Величеством и исполнили танец под флейту и тамбурин. Среди них были и лорд Монтегю и его супруга» [26].

Примечательно, что на этот раз хозяева замка не остались вместе со зрителями, а присоединились к танцующим крестьянам. Они были отделены от королевы визуально — большим столом, за которым сидели гости и который Монтегю покинули для того, чтобы встать в хоровод. Таким образом, создавалось противопоставление — королева/двор и Монтегю/Сассекс.

Именно этого эффекта, на мой взгляд, и добивался виконт. На время визита королевы он фактически присвоил себе право говорить от имени графства, выставляя себя в роли его естественного лидера. Соответственно, именно с ним и должна была иметь дело Елизавета, когда ей требовалось что-то от жителей графства. И поскольку виконт представил себя в образе лидера и посредника, именно к нему должны были обращаться и местные дворяне, желавшие добиться благосклонности королевы или же просто решить какой-то практический вопрос.

Елизавета прекрасно понимала, что от нее требуется, и подыграла Монтегю. Собственно, ее появление в Каудрее уже было отчетливым сигналом высочайшего расположения. На протяжении всего своего визита королева не только развлекалась, но и занималась государственными делами. В частности, состоялось заседание Тайного совета. Помимо прочих дел, кузену виконта, католику Джону Гейджу, находившемуся под домашним арестом, было позволено приехать в Сассекс, чтобы уладить имущественные дела недавно умершего брата [\[27\]](#).

Двадцатого августа, перед своим отъездом из Каудрея в Чичестер, Елизавета возвела в рыцарское достоинство шестерых дворян. Двое из них приходились родственниками виконту — Джордж Браун, его второй сын, и Роберт Дормер — муж его дочери Элизабет. Остальные также были связаны либо с Монтегю, либо с Томасом Сэквиллом узами родства или клиентскими связями [\[28\]](#). Таким образом, почести были распределены среди друзей Монтегю — католиков и протестантов в равной степени.

Текст речей, произнесенных в Каудрее, был опубликован уже осенью 1591 г. Сохранилось два экземпляра данного памфлета; оба хранятся ныне в Британской библиотеке [\[29\]](#). Внешне они очень похожи; их выходные данные идентичны: оба экземпляра были отпечатаны Томасом Скарлетом по заказу лондонского книготорговца Уильяма Райта, имевшего лавку во дворе собора Св. Павла в Лондоне [\[30\]](#). Гравюры на титульном листе также идентичны. Тем не менее это два разных издания. Они слегка различаются правописанием — имя виконта Монтегю в них воспроизводится по-разному (*Montacute* и *Montecute*). Есть и текстологические различия, которые могут быть объяснены разными предполагаемыми аудиториями.

Вариант А (BL. C.33.d.11) содержит тексты речей и баллад, однако он короче, и его автор в конце объясняет, что не присутствовал лично в Каудрее. Вариант В (BL. C.142.dd.23) длиннее, поскольку в нем приводятся практические детали увеселения — например, количество съеденных быков и гусей, оленей, убитых на охоте, и т.п. Подробнее описываются и действия королевы и хозяев поместья, а также их родственников и прочих гостей. Подобная информация могла исходить от очевидца — скорее всего, члена свиты виконта, непосредственно участвовавшего в подготовке королевского визита. Вариант В, наполненный деталями организации приема, был скорее интересен местным джентльменам или по крайней мере тем, кто жил в Англии и постоянно ориентировался на хитросплетения дружбы и родства. Вариант А мог предназначаться католикам за пределами страны. Публикацией памфлетов Монтегю

открыто заявлял о том, что его верность была предложена Елизавете I и принята ею.

Когда осенью 1591 г. в речи, произнесенной во время званого обеда в его маноре Уэст Хорсли, Монтегю вспоминал о визите королевы, он имел основания с удовлетворением отметить, что, несмотря на предостережения «не ездить к столь опасному католику», Елизавета предпочла довериться его гостеприимству и оказала ему честь, выделив тем самым из числа других титулованных дворян [31]. Речь предназначалась для той же аудитории, перед которой разыгрывались представления в августе 1591 г. в Каудрее, — для местных дворян. И суть оставалась прежней: католик Монтегю стал «человеком королевы» в Сассексе, готовым оказывать покровительство всем своим друзьям, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

Успех королевского визита укрепил позиции виконта в графстве, пусть и ненадолго: в октябре 1592 г. Монтегю скончался. Тем не менее то была успешная попытка диалога Елизаветы I с местным магнатом, в результате которого она получила косвенное обещание гарантировать лояльность жителей графства (вне зависимости от их исповедания) в обмен на молчаливое признание влияния виконта на дела местного управления.

В том же 1591 г. Елизавета посетила дом еще одного аристократа, отношения которого с правительством можно было назвать натянутыми, хотя на этот раз конфликт не носил конфессионального характера. Эдвард Сеймур, граф Хартфорд (1539–1621), был воспитан в среде протестантов и воспринял новое учение с детства [32]. Его конфликт с королевой начался не из-за религии, а из-за родственных связей, личных амбиций и юношеской страсти. Сын и наследник лорда-протектора Англии герцога Сомерсета, Эдвард Сеймур с детства входил в окружение монарха и воспитывался вместе с королем Эдуардом VI, которому приходился двоюродным братом. После опалы и казни отца Сеймuru позволили унаследовать часть его владений, а в 1559 г. Елизавета I позволила ему носить наследственный титул графа Хартфорда (хотя и не герцогский титул отца; он вернется в семью только в XVII в., после Реставрации).

Казалось бы, возвращение молодого придворного в ближний круг королевы — лишь вопрос времени. Однако на пути карьеры встала бурная личная жизнь графа. В 1560 г. он тайно обвенчался с фрейлиной Елизаветы, которая обычно в подобных ситуациях наказывала аристократов временным отлучением от двора. Но в данном случае дело обстояло серьезнее. Сеймур по материнской линии происходил от герцога Глостера, младшего сына короля Эдуарда III, а потому, согласно английским законам, он, как обладатель королевской крови, мог вступать в брак только с разрешения монарха. Что же касается его избранницы, то она и вовсе входила в число предполагаемых наследниц самой Елизаветы. Кэтрин Грей (1540–1568), младшая сестра «девятинедельной королевы» Джейн Грей, была внучкой младшей сестры Генриха VIII Мэри, герцогини Саффолк. По завещанию короля престол должны были наследовать его дети, а в случае отсутствия у тех наследников — потомки его младшей

сестры. Шотландскую ветвь, т.е. потомков старшей сестры Маргарет, Генрих VIII отверг [33].

В начале царствования Елизаветы I претензии Кэтрин Грей на английский престол многим придворным казались обоснованными. Поэтому брак потенциальной наследницы являлся государственным делом. Узнав о тайном венчании Сеймура и леди Кэтрин, Елизавета пришла в ярость. Супругов отправили в Тауэр, где молодая женщина родила старшего сына Эдварда (1561–1612). Королева отказалась признать брак законным, тем более что единственной свидетельницей его заключения являлась сестра Сеймура Мэри, скончавшаяся к моменту разбирательства, а венчавшего пару пастора не смогли найти. Графа признали виновным в соблазнении девственницы королевской крови, приговорили к крупному штрафу и заключению в Тауэре. Условия тюремного содержания, впрочем, не были слишком строгими, паре разрешали видеться, что привело к зачатию и рождению второго сына, Томаса (1562–1600). Освободили Сеймура только после смерти леди Кэтрин в 1568 г. и даже позволили ему вернуться ко двору. Однако оба его сына считались незаконнорожденными. Относительно Томаса, впрочем, правоведы сомневались: еще до его рождения, во время судебного разбирательства Сеймуры публично заявили, что являются мужем и женой. Для английского общего права подобного оглашения и последующей консумации было достаточно, чтобы считать отношения браком, а рождение по крайней мере младшего Сеймура законным. Однако и он, как его старший брат, был признан незаконнорожденным [34].

Именно Томас Сеймур подавал апелляцию на это решение в 1580 г., а затем — каждый год до 1588 г. (за исключением 1583 г.). В 1589–1590 гг. апелляций от него не поступало, что могло означать: Сеймуры сдались или же, не рассчитывая больше на королевское правосудие, начали готовиться к более решительным и не вполне законным действиям в условиях, когда все окружение королевы было озабочено поисками нового подходящего наследника престола. Елизавете вряд ли нужен был еще один потенциальный центр притяжения недовольных, каким могли стать Сеймуры, и она предпочла урегулировать конфликт. В начале лета Эдварду Сеймуру, графу Хартфорду, как и Монтегю, сообщили о предполагаемом визите королевы в Элветэм (Уилтшир). Последний был отнюдь не главной резиденцией графа, из чего исследовавший этот королевский визит К. Брейт сделал вывод, что Елизавета таким образом желала указать Хартфорду на его место, заставив поневоле сократить масштаб празднества [35]. Однако само посещение его манора было знаком высочайшей милости: ради этого визита королеве пришлось задержаться в окрестностях Бейсинга и Фернэма на несколько дней.

Так или иначе, у графа оказалось достаточно времени для того, чтобы преобразить поместье и устроить в нем представление, по масштабу уступавшее только знаменитому Кенилвортскому празднеству, устроенному в честь Елизаветы графом Лестером в 1575 г. [36] Для этого Сеймур приказал возвести в парке временные павильоны для размещения

придворных и сопровождавших королеву дворян, а также выкопать там пруд с искусственными островами и насыпать холм, откуда Елизавете предстояло смотреть представление. Все эти масштабные работы должны были свидетельствовать о богатстве графа [37].

Визит королевы в Элветэм (20–23 сентября 1591 г.), на обратном пути в Лондон из Портсмута и Саутхэмптона, начался во второй половине дня в понедельник. Именно тогда королеву встретил у Одиэхэма (манора Эдварда Мора в трех милях от замка) сам граф и его свита — более двухсот всадников, которым Хартфорд приобрел не только облачение, но и золотые цепи, украшавшие их грудь. Граф и его люди сопровождали Елизавету в Элветэм, где у въезда в поместье ее приветствовали поэт и шесть дев, убравших возведенные на пути правительницы преграды (согласно замыслу представления, их возвела «Зависть», которая не появлялась перед зрителями, но отсылка к ней должна была указывать на врагов королевы).

В честь прибытия государыни был также дан залп из пушек, спрятанных на островах, а после ужина ее развлекали музыканты. На второй день Елизавету ожидало представление на озере и на берегу, действующими лицами которого стали Нерей с тритонами, дева Неэра и Сильван с сатирами. В третий день королеву развлекали пасторалью поутру, днем — теннисным матчем, а вечером — фейерверком и большим банкетом. Наконец, в день перед отъездом ее ожидало приветствие «королевы фей» — речи, песни и танцы [38].

Визит Елизаветы к Хартфорду давно вызывал интерес исследователей, но истолковывалось представление по-разному. Г. Бойл видел в нем, особенно в сценах на озере, в которых, помимо прочего, прочитываются прямые намеки на войну с Испанией, защиту интересов родственника Хартфорда, лорда-адмирала Чарльза Ховарда из Эффингэма [39]. Однако престиж последнего и так был высок, и его интересам в 1591 г. вряд ли что-то угрожало. Более убедительной представляется интерпретация К. Брейта, усмотревшего в амбициозном действе, устроенном Сеймуром, желание переписать неприятные эпизоды семейной истории и добиться согласия королевы на легитимацию его сына [40].

С самого начала представление в Элветэме оказалось демонстрацией могущества и богатства Сеймуров, что проявилось как в преображении манора за короткие летние месяцы (для чего граф нанял более трехсот работников), так и в размере и облачениях его свиты. Более двухсот человек, с золотыми цепями (и, вероятно, личными знаками Хартфорда на груди) представляли собой ливрейную свиту графа [41]. Собрать ее для встречи королевы означало показать всем зрителям, что Сеймуры влиятельны, обладают политическим весом и готовы вести людей за собой — немаловажные качества для потенциального претендента на престол. Примечательно и то, что в данном случае не шло речи о преподнесении королеве ключей от манора. Этого вроде бы и не требовалось, так как Элветэм не был укреплен. Однако мотива прямого подчинения графа, видимо, и не подразумевалось. В латинской речи поэта, которой он

встречал Елизавету при въезде в манор, упоминалось, что он приветствует ее с ветвью оливы в руках, т.е. с мирными намерениями [42]. Такой образ скорее предполагал общение между равными или близкими по статусу людьми, невзирая на то, что, произнося свою речь, поэт стоял на коленях [43].

Примечателен и образ самой королевы в разыгранном в ее честь спектакле. Кажется, что она оказалась здесь представлена в традиционном для второй половины ее правления образе девственной богини Дианы. В обращенных к ней речах Елизавету называли Синтией, т.е. греческим именем Дианы/Артемиды («Кинфия»), отсылавшим к легендарному месту ее рождения — горе Кинф. Однако в обращенных к ней словах прочитывается и совсем иная, неожиданная персонификация — Венеры, причем не богини, охваченной страстью, но той, чье присутствие оживляет всю природу и способствует плодородию:

Смотри, как всё нежно улыбается тебе,
И все полушарие радуется твоему сиянию:
Лишь ночь, где движутся прекрасные звезды, завидует тебе:
Все прочие творения выказывают радость:
Козленок скачет по полянке;
Молочно-белая корова милуется с быком;
Деревья выказывают довольство трепетом листьев,
Луг — свежей травой, лоза — плодами,
Бегущие ручьи — нежным серебристым журчаньем.
Тебя, тебя (прекрасная госпожа), небеса, земля и реки,
Цветы и звери славят в один голос.

И хоть они и созерцают твое совершенство,
Оно притягивает их взоры вновь и вновь [44].

Кроме того, девушки, встречавшие королеву на въезде в Элветэм, были обозначены в опубликованном тексте как Грации и Оры, т.е. традиционные спутницы богини Венеры [45], образ которой в данном контексте явно отсылал к началу поэмы Лукреция «О природе вещей», посвященной богине как пробуждающей плодородие одним своим присутствием — и, следовательно, как началу всех вещей [46].

В представлении на озере (второй день визита) также присутствовали отсылки к Венере. Так, хотя Нерей и именует Елизавету Синтией, нимфа Неэра говорит о ней как о «морерожденной» [47]. Кроме того, одна из сцен, комическая по характеру, имела политический подтекст, важный для династических амбиций Сеймуров. В ней повелитель лесов Сильван видит прибывшую на лодке возлюбленную, нимфу Неэру, и устремляется к ней, но ему препятствует Нерей:

Нерей. Она сойдет на берег на том условии,
Что ты дашь руку и принесешь торжественный обет
Не осквернить ее невинности.

Сильван. Вот моя рука, и ею я даю обет.

Нерей. Вода погасит твой пыл [48].

Далее Нерей на потеху публике обливает водой незадачливого любовника. К. Брейт истолковывает эту сцену как стремление Сеймура переписать историю своих отношений с Кэтрин Грей, представив их не как «соблазнение девицы королевского рода», в котором его обвинили, а как искреннюю юношескую любовь, павшую жертвой обмана (со стороны Нерея). Любовь молодых людей рождается в присутствии Венеры, дающей жизнь, и потому извинительна. Кроме того, такое толкование образа богини подразумевает и намек на престолонаследие: если девственная Диана не имеет детей (т.е. наследников), то пробуждающая природу Венера способствует плодородию и, соответственно, имеет потомков (т.е. детей Сеймура и Кэтрин Грей) [49].

В предложенной интерпретации, однако, отсутствует одна важная деталь. Как мне представляется, Сеймур не просто подчеркивал при помощи спектакля простительность своих былых прегрешений, которые к тому же привели к появлению на свет потенциальных наследников престола. Он также намекал и на то, что его союз с Кэтрин Грей можно считать законным. В процитированном выше отрывке речь идет о принесении торжественного обета, в ходе которого Сильван готов протянуть своему визави руку. Этот жест являлся частью обычного для Англии ритуала *common law marriage*, в ходе которого молодая пара могла, взявшись за руки, обменяться обетами и считаться мужем и женой. Островное право (впрочем, как и континентальное) в принципе признавало законность таких союзов, даже если они заключались в отсутствие свидетелей (и уж тем более священника), хотя на протяжении XVI в. раздавалось все больше голосов в пользу отказа от этой традиции [50]. Тем не менее Сеймур здесь апеллировал к понятной и хорошо знакомой всем присутствовавшим практике.

Тот же мотив прозвучал и на следующий день, когда королеву развлекали песнями о пастушках Коридоне и Филлиде, где, в частности, имелись следующие строки:

И так, со множеством клятв,
Да и нет, уверениями и обещаниями,
Какие дают глупые пастушки,
Когда не хотят злоупотребить любовью;
Неутоленная любовь
Свершилась сладкими поцелуями [51].

Мы вновь видим здесь отсылку к взаимным обетам, что можно приравнять к заключению брака и его консумации.

Согласно описанию представления, королева потребовала, чтобы эти песни были исполнены перед ней еще несколько раз, что автор интерпретирует, как знак того, что Елизавете они понравились. Возможно, однако, что она просто хотела поподробнее узнать о претензиях графа, поскольку текста песен в письменном виде ей не подносили [52].

В конце описания праздника указано, что после визита королева выказала свою милость графу Хартфорду [53]. Однако эта фраза вводит в заблуждение читателя: никаких поблажек Сеймуру сделано не было.

Поданный в ноябре 1591 г. иск от имени его младшего сына Томаса о признании его законным отпрыском графа Хартфорда не приняли к рассмотрению в суде. Да и дальнейшая карьера графа и его сыновей при Елизавете не задалась. Очередная попытка добиться признания законности его наследника была предпринята в 1595 г. и может считаться провокационной: это случилось уже после того, как вышло в свет и достигло берегов Англии «Рассуждение о наследовании английского престола» иезуита Р. Парсонса. В нем рассматривались и сравнивались права на престол сразу нескольких претендентов. Примечательно, что Томас Сеймур оказался назван в тексте не только законным сыном Хартфорда (с той же аргументацией, что уже приведена мною выше), но и одной из наиболее предпочтительных кандидатур. Летом 1595 г. трактат был уже хорошо известен в Лондоне, в том числе при дворе, и сильно разгневал королеву. В этих условиях попытка Сеймура добиться легитимации сына оказалась не просто неудачной, она вновь привела его в Тауэр. И хотя графа выпустили из заточения через несколько месяцев, до конца царствования Елизаветы он пребывал в полуопале [\[54\]](#).

Таким образом, можно констатировать, что, в отличие от Монтегю, диалог Сеймура с королевой оказался неудачным: ему не удалось реализовать планы, связанные с ее визитом. Причина неуспеха графа, как кажется, лежит на поверхности: если Монтегю всячески подчеркивал свою покорность королеве и ее власти, Хартфорду явно не хватило смирения, а его демонстрация богатства и силы (причем даже вооруженной) можно было бы считать вызывающей. Да и само послание, не слишком завуалированное сценарием приема, было излишне дерзким. Елизавете предлагали признать законным плод союза Эдварда Сеймура и Кэтрин Грей, что автоматически сделало бы их сына Томаса наследником престола — пусть и не официально, но *de facto* признанным в этом качестве королевой, и это после десятилетий, на протяжении которых она всячески избегала связывать себя подобными утверждениями!

Но почему граф Хартфорд рассчитывал, что Елизавета примет его послание благосклонно? Или же оно было адресовано не столько ей, сколько сопровождавшим ее придворным и советникам? В 1590-х годах всем им предстояло решить для себя, кого именно из возможных претендентов на престол они станут поддерживать в скором будущем. И если граф Эссекс уже успел определиться, инициировав тайные переговоры с шотландским королем Яковом VI, то другие лорды, включая могущественный клан Сесилов, к 1591 г. еще не сделали свой выбор. Вероятнее всего, заявление Хартфорда о силе и готовности претендовать на английскую корону от имени сына было адресовано именно им, и на их поддержку он рассчитывал в этой подковерной борьбе. Правда, он просчитался: помощь к нему так и не пришла. Сесилы, в 1590-х годах все еще медлившие выказывать приверженность той или иной стороне, в конце концов предпочли поддержать Якова Шотландского [\[55\]](#). Более того, Сеймур недооценил саму Елизавету I. Во время своих путешествий именно она являлась центром власти, не позволяя никому из окружения слишком

усилить собственное влияние. Адресованное ей лично представление, организованное Монтегю, поэтому и оказалось столь успешным. Сеймуру же предстояло убедиться в том, что пренебрежения своими вкусами и установленными ею правилами Елизавета I никому не прощала.

- [1] *Hill Cole M.* Monarchy in Motion: An Overview of Elizabethan Progresses // The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I / J.E. Archer, E. Goldring, S. Knight (eds). Oxford, 2007. P. 28.
- [2] *Ibid.* P. 27.
- [3] The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth. 3 vols. 2nd ed. / J. Nichols (ed.). L., 1823. Современное расширенное переиздание: John Nichols's The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth I. 5 vols / E. Goldring, F. Eales, E. Clarke, J.E. Archer (eds). Oxford, 2014. Другие издания описаний елизаветинских публичных представлений: *Chambers E.K.* The Elizabethan Stage. 4 vols. Oxford, 1923; *Wilson J.* Entertainments of Elizabeth I. Woodbridge, 1980.
- [4] *Hill Cole M.* Op. cit. P. 29–30.
- [5] См.: *Hill Cole M.* The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony. Amherst, 1999; *Leahy W.* Elizabethan Triumphal Procession. Aldershot, 2004. Подробную библиографию (включая многочисленные статьи, посвященные отдельным представлениям) см. в: *Archer J.E., Knight S.* Elizabetha Triumphans // The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I. P. 1–25, особенно p. 2.
- [6] *Hill Cole M.* The Portable Queen. P. 1–12.
- [7] *Ibid.* P. 19–23; *Hill Cole M.* Monarchy in Motion. P. 29.
- [8] The speeches and honorable entertainment given to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdray in Sussex, by the Lord Montacute. L., 1591; The honorable entertainment given to the Queenes Maietie in progresse, At Cowdray in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute. L., 1591.
- [9] The honorable entertainment gieven to the Quene's Maiestie, in Progresse, at Elvetham in Hampshire, by the Right Hon'ble the Earle of Hertford. L., 1591.
- [10] *Серегина А.Ю.* Английское католическое сообщество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М.; СПб., 2017. С. 75–140.
- [11] Внук и наследник Монтегю, Энтони Мария Браун (1574–1629), женился на Джейн Сэквил в конце 1591 г.: Там же. С. 52.
- [12] *Zim R.* Thomas Sackville, 1st Earl of Dorset // Oxford Dictionary of National Biography online: <<https://doi.org/10.1093/ref:odnb/24450>> (дата обращения 04.03.2020); *Zim R.* Religion and the Politic Counsellor: Thomas Sackville, 1536–1608 // The English Historical Review. 2007. Vol. 122. P. 892–917.
- [13] *Wernham R.H.* After the Armada: Elizabethan England and the Struggle for Western Europe, 1588–1595. Oxford, 1984. P. 151–153, 381, 418.
- [14] Tudor Royal Proclamations. Vol. III. New Haven, 1969. P. 86–93.
- [15] The Loseley Manuscripts / A.J. Kemple (ed.). L., 1835. P. 270–271.

- [16] *St John Hope W.H. Cowdray and Easebourne Priory in the county of Sussex. L., 1919. P. 21.*
- [17] *Ibid. P. 22.*
- [18] Подробнее о визите Елизаветы I в Каудрей см.: *Breight C.C. Caressing the Great: Viscount Montague's Entertainment of Elizabeth at Cowdray, 1591 // Sussex Archaeological Collections. 1989. Vol. 127. P. 147–166; Серегина А.Ю. Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы I в Каудрей // Мир Клио. Сборник статей в честь Л.П. Репиной / под ред. А.Г. Суприянович. М., 2007. Т. 1. С. 357–373.*
- [19] *Breight C.C. Op. cit. P. 149.*
- [20] "As for the owner of this house, mine honourable Lord, his tongue is the keie of his heart; and his heart the locke of his soule. Therefore what he speakes you may certainlie believe; which is, that in duetie and service to your Majestie, he would be second to none; in praieng for your happinesse, equall to anie" (The honorable entertainment. Variant A // British Library. C.33.d.11. P. 3).
- [21] *Ibid.*
- [22] *Ibid. P. 6.* Элизабет Хил считает, что присутствие Пилигрима может указывать на стремление представить и католическое духовенство в свите Монтегю полностью лояльным королеве, а также предполагает, что одним из авторов текста маски мог быть иезуит Роберт Саутуэлл, однако это утверждение недоказуемо: *Heale E. Contesting Terms: Loyal Catholicism and Lord Montague's Entertainment at Cowdray, 1591 // The Progresses, Pageants, and Entertainments of Queen Elizabeth I. P. 189–206.*
- [23] "The Oke, from whose bodie so many armes doe spread; and out of whose armes so many fingers spring; resembles in parte your strength & happinesse. Strength, in the number and the honour; happinesse, in the truth and consent <...> The wall of this shire is the sea, strong, but rampired with true hearts, invincible" (The honorable entertainment. Variant A. P. 6).
- [24] "For himself, and all the honourable Lords, and Gentlemen, whose shieldes your Majestie doeth here beholde, I can say this, that as the veines are dispersed through all the bodie, yet when the heart feeleth any extreme passion, sende all their blod to the heart for comfort: so they being in divers places, when your Maiestie shall but stande in feare of any daunger, will bring their bodies, their purses, their soules, to your Highnesse, being their heart, their head, and their Sovereigne. This passage is kept straight ..." (Ibid.).
- [25] "Yes, true hearts are as good as full purses, the one the sinewes of war, the other the armes" (The honorable entertainment. Variant A. P. 11).
- [26] "On Thursday she dined in the privie walkes in the garden, and the Lordes and Ladies at a table of 48 yardes long. In the evening the countrie people presented themselves to his Majestie in a pleasant daunce with Tiber and Pipe and the Lord Montague and his Lady among them" (The honorable entertainment. Variant B // British Library. C.142.dd.23. P. 11).
- [27] *Acts of the Privy Council of England. Vol. 22: 1591–1592. L., 1901. P. 396, 402–403.*
- [28] Джон Карилл был другом семьи Монтегю, и впоследствии (1603 г.) его сын стал мужем внучки виконта, Кэтрин Дормер; Генри Гленэм был зятем

- лорда Бакхёрста, мужем его дочери Энн. Николас Паркер был связан родством с обеими семьями, поскольку его бабушка принадлежала к семье Сэквил, а тетка вышла замуж за кузена виконта Монтегю, сэра Эдварда Гейджа. Сестра Генри Горинга, Энн, была первой женой младшего брата виконта, Фрэнсиса Брауна. Второй женой сэра Фрэнсиса стала Джейн Кортни. Овдовев, она вышла замуж за вышеупомянутого Николаса Паркера: *Серегина А.Ю.* Английское католическое сообщество. С. 130–131.
- [29] *The speeches and honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by ... the Lord Montacute.* L., 1591; *The honorable entertainment giuen to the Queenes Maiestie in progresse, at Cowdrey in Sussex, by the Right Honorable the Lord Montecute.* L., 1591.
- [30] О Томасе Скарлете и Уильяме Райте см.: *A Dictionary of Printers and Booksellers, 1557–1640.* L., 1910. P. 236, 303.
- [31] *Questier M.C.* Loyal to a fault: Viscount Montague explains himself // *Historical Research.* 2004. Vol. 77. P. 225–253.
- [32] *Doran S.* Edward Seymour, 1st Earl of Hertford // *Oxford Dictionary of National Biography online:* <<https://doi.org/10.1093/ref:odnb/25161>> (дата обращения 04.03.2020).
- [33] *Серегина А.Ю.* Роберт Парсонс и его «Рассуждение о наследовании английского престола» // Долеман Р. [Парсонс Р.] Рассуждение о наследовании английского престола (1594) / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Серегинной. М., 2013. С. 68.
- [34] *Серегина А.Ю.* Роберт Парсонс. С. 69.
- [35] *Breight C.C.* Realpolitik and Elizabethan Ceremony: The Earl of Hertford's Entertainment of Elizabeth at Elvetham, 1591 // *Renaissance Quarterly.* 1992. Vol. 45. P. 20–48, особенно р. 36.
- [36] Сценарий празднеств в Кенилворте также был опубликован: *Gascoigne G.* *The Princely Pleasures, at the Court at Kenilworth.* L., 1576. Об этом тексте, а также обзор библиографии см. в: *Goldring E.* *Gascoigne and Kenilworth: The Production, Reception, and Afterlife of the Princely Pleasures* // *English Literary Renaissance.* 2014. Vol. 44. P. 363–387.
- [37] *The honorable entertainment giuen to the Quene's Maiestie, in Progresse, at Elvetham in Hampshire, by the Right Hon'ble the Earle of Hertford.* L., 1591. Существует несколько версий описания празднества в Элветэме, хранящихся в Британской библиотеке (С.33.е.7 (9)), библиотеке Кембриджского университета (Вб*.11.50' (Е)) и библиотеке Лэмбетского дворца в Лондоне (1593.28). В данной статье текст цитируется по уже упоминавшемуся изданию Джона Николса: *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth.* Vol. III. P. 101–103.
- [38] *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth.* P. 103–121.
- [39] *Boyle H.* Elizabeth's Entertainment at Elvetham: War Policy in Pageantry // *Studies in Philology.* 1971. Vol. 68. P. 146–166.
- [40] *Breight C.C.* *Realpolitik.* P. 34.
- [41] *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth.* P. 103.
- [42] *Ibid.* P. 105, 107.
- [43] *Ibid.* P. 104.

[44] "Behold, on thee how each thing sweetly smiles, / To see thy brightnes glad our hemispheare: / Night only envies: whome faire stars doe crosse: / All other creatures strive to shewe their joys. / The crooked-winding kid trips ore the lawnes; / The milkewhite heafer wantons with the bull; / The trees shew pleasure with their quivering leaves, / The meddow with new grasse, the vine with grapes, / The running brookes with sweet and silver sound. / Thee, thee (sweet Princes), heav'n, and earth, and fluds, / And plants, and beasts, salute with one accord: / And while they gaze on thy perfections, / Their eyes desire is never satisfied" (The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth. P. 107).

[45] Ibid. P. 108.

[46] "Aeneadam genetrix, hominum diumque voluptas, / Alma Venus, caeli subter labentia signa / Quae mare navigerum, quae terras frugiferentes / Concelebras, per te quoniam genus omne animantum / Concipitur uisitque exortum lumina solis <...> / Omnibus incutiens blandum per pectora amorem, / Efficis ut cupide generatim saecla propagent" (*Lucretius. De Rerum Natura* / J.D. Duff (ed.). Cambridge, 1962. P. 1). «Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада, / О благая Венера! Под небом скользящих созвездий / Жизнью ты наполняешь и всё судоносное море, / И плодородные земли; тобою все сущие твари / Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят. <...> / Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце, / Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье» (пер. Ф.А. Петровского).

[47] The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth. Vol. III. P. 115.

[48] "Nereus. On this condition shall shee come on shoare, / That with thy hand thou plight a solemne vow, / Not to prophane her undefiled state. / Sylvanus. Here, take my hand, and therewithal I vowe. / Nereus. That water will extinguish wanton fire" (Ibid.).

[49] *Breight C.C. Realpolitik*. P. 33–34.

[50] *Cressy D. Birth, Marriage and Death: Ritual, Religion, and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England*. Oxford, 1997. P. 267–281.

[51] "Thus with many a pretie oath, / Yea and nay, and faith and troth, / Such as silly shepherds use, / When they will not love abuse; / Love, which had beene long deluded, / Was with kisses sweet concluded" (The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth. Vol. III. P. 117).

[52] Ibid. P. 116.

[53] The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth. Vol. III. P. 121.

[54] При этом граф не отказался от династических амбиций и продолжал считать сыновей претендентами на престол. После смерти Томаса в 1600 г. он счел, что более сомнительная законнорожденность (и, следовательно, право на престол) его старшего сына Эдварда нуждалась в подкреплении, и начал тайные переговоры с графиней Шрусбери о браке между сыном и ее внучкой Арабеллой Стюарт — еще одной претенденткой на престол, чтобы объединить их права: *Серегина А.Ю. Роберт Парсонс*. С. 89.

[55] *Там же*. С. 72–73.

Михаил Дмитриев

**Царский соблазн... Почему православные жители
Речи Посполитой захотели стать подданными
московских государей? [1]**

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_210-235

Власть, ее символы и ритуалы, потестарная имагология [2] средневекового Запада — хорошо обработанный надел адресата этой книги. Но рядом с этим «бойцовским» аллодом [3] лежит плохо распаханная, пока еще малоосвоенная широкая степь православных культур Восточной Европы. Какой здесь виделась и как осуществлялась и «переживалась» власть короля, королев и королевичей, князей, княгинь и княжичей, бояр, боярынь и дворян, а потом, начиная с XVI столетия, — власть и образ православных царей, цариц и царевичей? Конечно, нельзя сказать, что эта степь совсем не тронута. Некоторые (немногие) поля в ней даже тщательно обработаны. Но одна из очень больших областей этого огромного пространства, православные культуры Польского королевства и Великого княжества Литовского, до сих пор лежит под паром.

Задача нашей статьи — проложить небольшую борозду по этому полю. Речь пойдет главным образом о том, чего мы пока не знаем и не понимаем в потестарной имагологии и политических дискурсах [4] православной культуры украинско-белорусских земель в XV–XVII вв.: мы попытаемся объяснить, как уже в конце XVI — первой четверти XVII в., т.е. задолго до восстания Богдана Хмельницкого, в текстах этой культуры возникла и стала нарастать тенденция, приведшая к признанию «желательности» и «естественности» власти православных государей над православными жителями Восточной Европы. Тот же вопрос можно поставить и иначе: как мысль православных книжников (духовенства главным образом) и общественное сознание, которое ею формировалось, справлялись с фактом подчинения православных подданных инославным правителям? Когда и почему стали возникать сомнения в «нормальности» и приемлемости такой ситуации?

Нас будут интересовать именно риторика и стоящие за ней дискурсы, представления, идеологии [5], причем в тех источниках, которые говорят о том, что московские церковные (патриархат и высшее духовенство) и светские (царь и его двор) власти могли бы взять «под опеку» православное население Речи Посполитой. Иными словами, наша задача состоит в том, чтобы, боясь как огня любого априоризма, отталкиваясь только от текстов и ни от чего иного, во-первых, выявить саму логику дискурсивных построений, ведущих к признанию власти русских царей над

православным населением Речи Посполитой, и, во-вторых, задаться вопросом, каким мог быть генезис лежащего на поверхности, эксплицитного православно-монархического тренда, выразившегося в соответствующих религиозно-риторических ходах.

Анализ будет ретроспективным: мы начнем с середины XVII в. и будем отыскивать в общественной мысли Украины и Белоруссии те линии, которые привели к решениям Переяславской рады 1654 г. Разумеется, речь пойдет лишь о небольшой, но релевантной выборке источников, передающих, однако, как можно увидеть из обильной исследовательской литературы [6], устойчивую тенденцию в общественной жизни украинских и белорусских земель.

1648–1654 годы

Восьмого июня 1648 г., после первых одержанных им побед, Богдан Хмельницкий направил в Москву послание, обратившись к Алексею Михайловичу с такими словами: «Наяснийший, велможный и преславный цару московский, а нам велце милостивий пане и добродею» [7]. В этой фразе «московский царь» выступает пока как «пан и добродетель»... Господь, продолжает Хмельницкий, помог казакам, два польских отряда разгромлены, и эта победа есть «повожене вири наше старожитной греческой». В это же время неожиданно умер король Владислав, и «земля» оказалась «пуста». И поэтому становится возможным призвать «православного христианского царя». Однако не все так просто... Подобная «опция» стала бы осуществлением «предвечного пророчества», исходящего от самого «Христа Бога нашего»: «Зичили бихмо соби самодержца господаря такого в своей земли, яко ваша царская велможность православний христианский цар, азали би предвичное пророчество от Христа Бога нашего исполнилося, што все в руках его святое милости». Казаки готовы выступить в войне против Польши на стороне России, и в этом тоже осуществится Христово пророчество: «И да исправит Бог с давних виков ознаймленое пророчество, которому ми сами себе полецевши, до милостивых нуг вашему царскому величеству, яко найуниженей, покорно отдаемо» [8].

Какими бы ни были подлинные мотивы этой и многочисленных подобных деклараций гетмана и его сподвижников [9], сама риторика, к которой прибегали лидеры казачества под влиянием их окружения, где духовенство играло огромную роль, есть отражение тех идеологических «трендов», которые и сопровождали, и подготавливали сближение украинско-белорусского общества с Московским государством. Важно и релевантно то, что уже в этом июньском послании главным риторическим аргументом в обосновании сближения с Россией выступают ссылки на *конфессиональные* основы такого решения, а признание именно православного царя «естественным» главой сообщества истинных христиан предстает как коррелят общей религиозной идентичности и казаков, и «русских».

Этот же идеологический обертон оказывается почти неизменным мотивом в большинстве последующих обращений Хмельницкого в Москву — тогда, когда речь идет не только о том или ином конкретном, прикладном военно-политическом вопросе, но и о программных установках восстания против польской (католической) власти в целом.

Одиннадцатого июля 1648 г., когда Богдан Хмельницкий просил помощи у путивльского воеводы Плецеева, чтобы помочь «православным христианам» «ляхов надтлумити», решающим аргументом опять выступает «православность» московского правителя: «Ми не того зичимо осудареви православному, цареви христианскому московскому Олексееви Михайловичови, жеби он мил на нас воевати, але зичимо его царскому величеству того, чтобы он тепер час мает, — на ляхи ишол воевати азали би дал Бог, чтобы он ляхом и нам паном и царем был одное вири греческое, яко православний цар христианский» [10]. За союзом «яко» при переводе на современный русский язык стоит, скорее, союз «потому что», а не «как». Тот же союз в конце фразы, несомненно, имеет причинное значение: «ибо».

В феврале 1649 г. в записке, привезенной царю послом Богдана Хмельницкого полковником С. Мужилевским, отправленным в Москву от имени «запорожского войска», говорилось, что Бог смиловился «над народом, як негде над людом своим израильским в Египте в неволи будучими, аби имя Бога живаго хвалено зоставало, — рувним способом и тепер господ всемогущий в Троице святой единий, аби вира православная хрестиянская не упадала и овшем в преподобних своих розшираласе» [11]. Именно поэтому «народ христианский» просит помощи Алексея Михайловича, «яко православного царя и христолюбивого». Соблюдая конспирацию, Мужилевский должен был именно устно объявить, что казаки надеются на русского государя как на «царя православного всея Руси», так как благодаря ему «вира хрестиянская православная (sic! — М. Д.) множитца». Войско Запорожское готово служить царю... Ради чего? Не только ради победы над «ляхами», но и ради освобождения Гроба Господня! «Чого мы вси хрестияне усердно желаем, чтоб геретики и неприятели вири православной хрестиянской били покорени под нози вашего царского величества и Гроб Божий за самодержавства вашего царского величества з руки турецкой з патриархами освобождений бил, Христа Бога молим» [12].

Царскому посланнику Василию Унковскому в ноябре 1649 г. Хмельницкий заявлял, и эта фраза стала знаменитой: «А желали де мы царского величества милости, потому [что] благочестивая православная хрестиянская вера с нашею была одна, только де нас неправдами и насилем проклятые ляхи отлучили» [13]. «Мы» в этом и большинстве других текстов такого рода — это «мы, православные христиане» или просто «православная христианская вера».

В августе 1651 г. подьячий Посольского приказа Г. Богданов сообщал о битве под Берестечком и о ведшихся по поручению русского правительства переговорах Назаретского митрополита Гавриила с Богданом Хмельницким о переходе под власть Москвы. Богданов писал, в частности,

что гетман, прочитав послание царя, будто бы зарыдал, когда понял, что государь «от еретиков и от злых поганцов, от поляков, святых божия церкви и святые многоцелебные мощи, которые во благочестии из древних лет, яко солнце сияют и нетленно пребывают, оборонно учинил, а над ними, православными христианы, над всею Малой Русью, потому ж премногую свою государскую милость и заступленье показал» [14]. Гетман бил царю челом, заявляя, что «служить ему, великому государю, и во всем его государской воле со всем Войском Запорожским быти готов до скончания живота своего» [15].

Можно было бы привести обильный перечень других аналогичных текстов конца 1640-х — начала 1650-х годов, где присутствуют те же самые конфессионально-риторические мотивы. Для нашего анализа важен тот факт, что в соответствующих декларациях и стоящих за ними идеологических конструкциях стремление перейти под скипетр московских царей обосновывается ссылками на исключительно религиозные аргументы.

Постоянно возвращающийся и структурообразующий мотив высказываний гетмана и его окружения этого времени об их идейно-политической позиции — это, во-первых, православная вера, которая объединяет Русь украинско-белорусских пределов в целом с Московской Русью; во-вторых, общее династическое наследие киевского князя Владимира, преемниками которого видятся русские цари и, конечно же, сам Алексей Михайлович; в-третьих, и то и другое противопоставляет Русь и ее православное население Польской монархии и «ляхам» [16].

Законченное выражение идея о единстве «российского» народа, скрепленном именно конфессиональными связями, находит в очень хорошо известных текстах нежинского протопопа Максима Филимоновича.

В январе 1654 г., встречая московское посольство В.В. Бутурлина, Филимонович провозглашал: «Кто не возрадуется с правоверных христьян и росийских сынов в нынешнее время толикое благодеяние Божие увидевше... такожде и нас, православных сынов росийских, днесь верным рабом своим, благочестивым великим государем нашим, царем и великим князем Алексеем Михайловичем, всеа Русии самодержцем от сопостат наших свобождает, да якож тамо сынове Израилевы, прошедше по суху Чермное море» [17]. Важно отметить очередное сближение конфессиональной общности «православных сынов росийских» с общностью «сынов Израилевых», и эта параллель лишний раз подчеркивает, что «сыны росийские» выступают именно как религиозное сообщество.

В другой речи Филимонович заявлял: «Призрел Господь Бог на смирение наше, коли подал до сердца вашему царскому величеству, дабы расточенных сынов русских злохитрием лятцким воедино собрал, разделенных составов воедино тело русского великого княжения совокупил, разсеянных что кокошь птенца своя под крыла вашего царского величества восприял, дабы преславное имя русское в Малороссии уничиженно и гноищем насилствования лятцкого погребенное воскресил и

в первое достояние привел» [18]. В этом случае оказывается развит мотив, который нам уже знаком по прежним посланиям Богдана Хмельницкого («только де нас неправдами и насилием проклятые ляхи отлучили»). Филимонович писал в той же речи: «Како к нам по прародителях вашего царского величества, великих князей и самодержцех русских, праведное и дедичное и отеческое жребие и наследие имеючи, не всхощеси, яко отец природный сынов русских, яко пестун верных рабов во милости вашего царского величества пестуновати» [19]. Провозглашенный Филимоновичем идеал единства «сынов русских» — это идеал «этнического» или же религиозного единства православных подданных московских самодержцев и православных же подданных Речи Посполитой? Кажется бесспорным, что конфессиональная логика данных оборотов превалирует над любой другой — даже тогда, когда речь заходит о «русских людях» и «русской земле» [20]. Что объединяет «русских» в кульминационном пассаже текста Филимоновича: «Помилуй люди русския, по Господе Бозе на милость вашего царского величества уповаущия, не пощади трудов вашего царского величества ради освобождения толикого правоверного народу христианского и земли свойственной русской не остави до конца, толиким преславным градом, толиким великим лаврам, толиким святым монастырям, толиким знаменитым храмом Господним, от прародителей вашего царского величества, великих князей русских, на честь Господу Богу в Троице святей единому созданных, погибнути и в запустение приити... там о Киеве и Чернигове, что реку о Львовской земли, Подолской, Покутцкой, Подгородской, Полесской, Белорусской и о их широких княжествах, славных городах» [21]?

Идеологическая логика и риторика авторов, подобных Филимоновичу, «высвечивается» и в высказываниях, не имеющих специфически декларативного характера. Приведем лишь один характерный пример. Двадцать первого марта 1654 г. Богдан Хмельницкий обратился к царю с просьбой подтвердить привилегии казаков и старшины и говорил о маневрах польского правительства: поляки — «врази лютые», они побуждают служить польскому королю и подстрекают «не утвержденных в вере с Войска Запорожского и зо всего народу росийского, ищуще отвратити их от веры, которую по непорочной заповеди Христовой учинили тебе, великому государю нашему твоему царскому величеству». «А нас», пишет Богдан Хмельницкий, Войско Запорожское «и весь народ православный росийский да крепит и утвердит неотступных в той же вере, которую твоему царскому величеству учинили есмь». Он просит царя грамотами утвердить «права, привилея, свободы и все добра отческие и праотческие, з веков от князей благочестивых и от королев наданные», объявить милость всему Войску Запорожскому «и всему миру христианскому росийскому», чтобы в вере, данной «твоему царскому величеству», были утверждены. Если этого не случится, казаки могут поддаться на пропаганду Радзивиллов. Но мы, заверяет гетман, и все войско Запорожское «весь мир христианский росийский утверждаем» [22].

В ответной царской грамоте (от 27 марта 1654 г.) говорилось, что она отвечает на просьбу, чтобы быть «вам, православным христианом» «под нашею государскою высокою рукою», и провозглашалось: «И ныне Бог вседаровитый совет благ в наше царского величества сердце вложил, что мы, великий государь, возревновав по Бозе над церквами Божиими и над вами, народом христианским, умилились» [23].

Следуя ретроспективной линии анализа, зададимся вопросом, насколько источники периода, предшествовавшего восстанию 1648 г., позволяют увидеть, какие идеологические «тренды» подготавливали тот «проект», который был провозглашен в конце 1640-х годов. Для этого необходимо кратко напомнить о религиозно-общественных конфликтах, в контексте которых разрабатывались и циркулировали те или иные политические идеи, касавшиеся монаршей власти в Речи Посполитой и Московии.

Известно, что до 1590-х годов сами сведения о Московском государстве и о том, что его правители в 1547 г. приняли титул царей, не вызывали никаких сложностей, которые заставляли бы задаваться вопросом, «нормально» или «ненормально» исповедникам православия подчиняться королям-католикам [24]. Ситуация изменилась из-за подготовки и провозглашения церковной унии с Римом в 1590–1596 гг. Ее противники заявляли, что «ляшская вера» силой навязывается православным. Не принявшие новый курс православные иерархи (да и духовенство в целом) формально оказались вне закона и должны были бы лишиться права служить в храмах, получать соответствующие доходы и владеть церковными землями. Королевский двор при этом открыто и систематически поддерживал унию. Первые и не слишком острые конфликты через 10–15 лет после Брестских соборов октября 1596 г. стали сменяться все более напряженным противостоянием «униатов» и православных. В 1620 г. в критических для Польши военных обстоятельствах очень неудачной войны с султаном и Крымским ханством была нелегально восстановлена православная иерархия во главе с митрополитом Иовом Борецким. В 1623 г. было жестоко подавлено антиуниатское восстание в Витебске, а в 1625 г. произошло первое казацкое восстание, в котором протест против унии играл заметную роль. Оно повторилось в 1630 г. После смерти Сигизмунда III (1632 г.) его преемник Владислав IV легализовал восстановленную православную иерархию, и противоборство униатского и православного духовенства разворачивалось отныне в правовом поле. Большое казацко-крестьянское восстание 1637–1638 гг., требовавшее отмены унии, было сурово подавлено, но после десятилетнего относительного покоя в 1648 г. началось движение под руководством Богдана Хмельницкого.

В таких условиях вопрос о власти «иноверного» короля-католика и «латинского» государства над «истинными христианами» не мог не подниматься и дебатировался более или менее постоянно. Общий абрис возникавших в связи с этим конфликтов известен хорошо [25], но их осмысление и идеологизация в православной среде изучались историками

лишь попутно с исследованием военно-политических и общественно-политических коллизий [26]. Нас в этих коллизиях интересует лишь то, что относится к идейно-риторическому (особенно — религиозному) обоснованию обращений за помощью к московскому правительству и созданию проекта перехода под власть российских самодержцев. Обратимся к некоторым релевантным фактам из этой области.

1624–1627 годы

В январе 1627 г., т.е. через год с небольшим после подавления восстания 1625 г., московское правительство направило в Киев Г. Гладкого, и он привез обратно грамоту местного (пока еще «незаконного», не признанного польским правительством) православного митрополита Иова Борецкого, в которой тот опровергал слухи о склонности его самого и Мелетия Смотрицкого к унии, жаловался на преследования православных и писал: «Подобаше нам худым и озлобленным... *российским сыном*... вам глаголю, богоутвержденным и богохранимым вашим державным царским повиноватися скифетром», а в заключительной части документа выражал надежду, что в Москве «вспоминают *отечества вашего российскогоселения*» (курсив мой. — М. Д.) [27].

Как понимать, что города и деревни Украины были названы в этом документе поселениями «отечества вашего», т.е. отечества царя и патриарха московских, и что стояло за выражением «российские сыны»? Как уже говорилось, послание Борецкого писалось через год и несколько месяцев после казацкого восстания 1625 г. А годом раньше того же восстания, в августе 1624 г., был создан очень яркий документ, который эксплицитно разворачивал риторику необходимости установления прямых связей между «православным народом» Речи Посполитой и московскими царями, — послание в Москву того же Иова Борецкого. Обратим внимание лишь на то, как именно в этом хорошо и давно известном документе звучит тема «православного царства» и общей конфессиональной идентичности «московитов» и русинов украинско-белорусских земель.

Борецкий обращался к «пресветлому и благочестивому, православному и всеславному, превеликому государу и *цару* милостию божиею великому князю Михаилу Фёдоровичу московскому», который, обратим внимание, есть «владелец и самодержец» «*всей Российской земли*» и «пообладаетель» многих «иных государств и царств» [28]. Объем понятия «Россия», «российская земля», «российский род» в текстах этого времени весьма часто покрывал православное население и Московской, и Польско-Литовской держав [29]. Слово «царь» стоит в одном ряду с титулом «владельца всей Российской земли», а сам Иов выступает в челобитной как «архиепископ, митрополит киевский и галицкий» [30], т.е. как церковный глава части «России», который отдает «нижайший до пресветлых *царских* стоп» поклон «твоему пресветлому *царскому* величеству». Борецкий никак не мог забыть, что

рядом с царем в Москве находится и патриарх «всех Руси», и, скорее всего, вполне отдавал себе отчет в том, что царство и патриаршество с точки зрения той православной культуры, носителем которой был и он сам, неразделимы.

Борецкий в этом же послании витиевато сравнивает Михаила Фёдоровича с библейским Иосифом, который, попав по воле злой судьбы «в чужду краину», Египет, стал в изгнании «господином и владыкой» не только «всему Египту», но «в нем же начальник явися и прочиим странам и языком, но и самому роду, племени и братиям, ими же продася». Борецкий напоминает, что Иосиф явился «вторым родителем и благодетелем» для своих же «единоотечных братьев», и в частности «благодарне с слезами» принял «единоутробного Вениамина» как царь в чужой стране. Далее вся эта конструкция прямо и недвусмысленно проецируется на Московскую Русь и ее царя, государство которого, соответственно, оказывается аналогом... Египта, а аналогом Палестины выступает, в свою очередь, Киевская земля! И далее Борецкий напрямую призывает царя: «Последи же и о нас, росийскаго ти племени единоутробным людем державы...» и «последи же о святей родительници церкви, в нас обретающейся, и о нас, юнейших ти братиях».

Нужно непременно заметить, что «единоутробные» и «юнейшие» православные «братья Киевской митрополии» есть те, в ком «обретается церковь», и эта общая церковная идентичность соединяет Московскую Русь и Киевскую митрополию так же, как родственная связь старшего и младших братьев. Иными словами, государства у «братьев» разные, но церковь — одна, и в ней священство и царство неразделимы. Хотя Борецкий об этом прямо не говорит, строй православного эклесиологического мышления, формулы и логика которого никак не могли быть ему чужды, постулировал, что пастве православного патриарха должно бы быть под властью православного же царя. Уже самое содержание послания Иова Борецкого отражает, судя по всему, очень радикальный и рискованный поворот в умонастроениях митрополита и его окружения. Б.Н. Флоря, кажется, прав, говоря, что «есть все основания рассматривать этот документ как первое официальное обращение высокопоставленного представителя украинского общества к русскому правительству с призывом начать борьбу за свержение иноземного господства над белорусскими и украинскими землями» [31].

Для того чтобы понять смысл и значение позиции, заявленной митрополитом Борецким 24 августа 1624 г., нужно поместить его в максимально приближенный по времени контекст, а это до сего времени казалось невыполнимым оттого, что документация миссии Борисковича не сохранилась. И тем не менее такая возможность обнаруживается.

Уже через неделю после даты, которой помечено послание Борецкого, 1 сентября того же 1624 г., он обращается с другим, намного более «деловым» и «техническим» посланием к царю и патриарху Филарету. В Москву был направлен иеромонах Памва Берында, для возможного участия в правке печатаемых книг. Он вез с собой своего рода «рекомендательное

письмо», подписанное Иовом. В этом послании Михаил Фёдорович назван «великолепным восточным царем», «московским и всея России самодержцем», Филарет именуется патриархом «московским и всея России» [32], к которому Борецкий обращается как к «всесвятейшему и блаженнейшему господину отцу и пастыру своему» [33]; ниже Филарет назван «пастыром всея России», а сам Борецкий — «смирненным митрополитом киевским» (без упоминания «всей России»).

Берында представлен как «усердный пособник» в деле исправления печатных книг и «искусный потрудитель» в делах «нашей святой церкви российск[ой]», который принесет «пользу всеа церкви росския» [34]. Отметим вновь, что «вся Россия» и «вся церковь российская» в источниках того времени очень часто (если не чаще всего) обнимает и украинско-белорусские земли, и Московскую Русь.

Но самое главное, оказывается, не в этом. Нуждами «книжной sprawy» дело не ограничивалось. Берында вез с собой только что изданную Киево-Печерской лаврой книгу — «Беседы на деяния святых апостол» Иоанна Златоуста. Это сочинение вышло из типографии в августе 1624 г., т.е. именно в то время, когда Борецкий обратился в Москву с посланием, датированным 24 числом того же месяца. И никто пока не обратил внимания на связь помещенного в книге обширного предисловия Захарии Копыстенского [35] и обращения в Москву Борецкого.

Издатели адресовали книгу «пресветлому, правоверному и православному Российскому Родови Священному и Мирскаго съсловия» [36], т.е. православным жителям украинско-белорусских земель и Московского государства. А в «Предсловии» Захария Копыстенский вместе с пророком Захарией призывает вернуться в... Сион тех, кто «живет в дщери Вавилонстей»: «Отбегайте от лица севера, глаголет Господь, зане от четырёх ветр небесных съберу вы, глаголет Господь. В Сион възвращайтесь живущии в дщери Вавилонстей» [37]. И это не периферийное высказывание автора. Лейтмотив всего «Предисловия» — призыв осознать, что «мы» есть церковное сообщество и начало «нашей» церкви — на «востоке», в центре которого со времени Боговоплощения лежат Иерусалим и Сион; призыв к православным «российского рода» как конфессиональному сообществу вернуться на «Восток», на их религиозную «родину». Сион и Иерусалим, таким образом, видятся Копыстенскому как главное «место памяти» и остов коллективной идентичности православного населения Речи Посполитой [38].

Обратим внимание: Борецкий в послании от 24 августа 1624 г. призывает московского царя-«Иосифа» вернуться из Московии-Египта в Украину-Палестину, а в книге, посланной в Москву через неделю, Захария Копыстенский призывает вернуться в «Сион» тех, кто пребывает на «севере», у «дщери Вавилонской». Поэтому сочинение Копыстенского должно быть рассмотрено как прямое объяснение и дополнение к тому, что было написано Борецким.

Глава из Книги пророка Захарии, которую цитирует Копыстенский, образует контекст, необходимый для адекватного понимания

высказываний украинского книжника и сотрудника митрополита Борецкого. У пророка Захарии речь идет о том, что «множество человеческое», под защитой посланного Богом-Саваофом ангела, поселится в Иерусалиме и сам Бог окажется посреди этого «множества», станет ему одновременно и оборонительной «огненной стеной», и защитой от врагов. Именно поэтому нужно «вернуться в Сион» из-под власти «дщери Вавилонской». В «святой земле», вокруг Сиона и Иерусалима, должны собраться, убегая с «севера», рассеянные и угнетенные врагами истинные богочтитатели, «люди Господа»... Что имел в виду Захария Копыстенский, цитируя пророка Захарию? Пока трудно ответить на этот вопрос с полной уверенностью, но более или менее ясно, что в закамуфлированной версии (ведь речь шла не о рукописном послании, которое должно было быть передано из рук в руки, как во время миссии Борисковича, московским дьяком для прочтения царю) мы имеем дело с идеей собирания всей «православной Руси», общего «российского рода» в единое целое.

Представив Иерусалим как исток и средоточие православной веры, Копыстенский подводит к тому, что «по многих же летех благоволи Бог прийти томужде свету Евангелия Святого и в Россию» [39]. Андрей Первозванный «пришед зде в царствующий тогда градъ Киевъ, и благославив и прорек ту вере христианской въсиати» и позднее, «в лета бо милости Божеа исполнена, монархи российскаго Володимера, въсиа Православнаа вера, въсиаша преподобнии Отци, и просветиша *Россию* своим житием и чудодействы» [40]. Далее Захария Копыстенский не только призывает хранить принесенную апостолом Андреем из Иерусалима в Киев веру, но и зовет бежать с севера к Сиону, т.е. в Киев, ставший, благодаря ап. Андрею, носителем принесенной из Иерусалима благодатной веры: «Съхранем оубо сию от Сиона и Иерусалима изшедшую веру: бегаймо Севера и в Сион тецемо» [41]. И здесь Копыстенский ссылается на третью главу Книги пророка Иоиля.

В этом пассаже нас ожидает едва ли не главный сюрприз и главная находка... О чем идет речь в библейском тексте? О том, что земля пророка Иоиля, Иудея, пережила период страшных бед, но после катастрофических времен наступит «день Господен», когда, «как утренняя заря», распространится «по горам *народ многочисленный и сильный*, какого не бывало от века и после того не будет в роды родов» и от которого не будет спасения никому. «Вид его как вид *коней, и скачут они как всадники*; скачут по вершинам гор как бы со стуком колесниц, как бы с треском огненного пламени, пожирающего солому, как сильный народ, выстроенный к битве» (Иоиль 2: 4–5; курсив мой. — М. Д.). Всадники, ведомые Господом, наводят ужас на жителей страны, «и тогда возревнует Господь о земле своей и пощадит народ свой», которому Бог обещает послать «хлеб, и вино, и елей, и будете насыщаться ими, и более не отдам Вас на поругание народам» (Иоиль 2: 19).

И снова в сочинении Копыстенского звучит тема «Севера»: «и пришедшего от севера удалю от вас», и этого таинственного врага не нужно будет бояться, а «чада Сиона» возрадуются и станут процветать. В

следующей же главе из Книги пророка Иоилья (на нее прямо ссылается Копыстенский) говорится, что «народ Мой» будет отмщен и Бог возвестит: «Провозгласите об этом между народами, приготовьтесь к войне, возбудите храбрых; пусть выступят, поднимутся все ратоборцы. Перекуйте орала ваши на мечи им; серпы ваши — на копья; слабый пусть говорит: я силен. Спешите и сходитесь, все народы окрестные, и соберитесь; туда, Господи, веди Твоих героев» (Иоиль 3: 9–11). Последует битва, «и возгремит Господь с Сиона, и даст глас свой из Иерусалима; содрогнутся небо и земля; но господь будет защитой для народа Своего и обороною для сынов Израилевых»; «и будет Иерусалим святынею, и не будут уже иноплеменники проходить через него» (Иоиль 3: 16–17), «а Иуда будет жить вечно, и Иерусалим — в роды родов. Я смою кровь их, которую не смыл еще, и Господь будет обитать на Сионе» (Иоиль 3: 20–21).

Как мы обнаруживаем, слова пророка Иоилья есть прямой контекст к тому, что написано самим Копыстенским в «Предсловии» к «Книге бесед», посланной 1 сентября 1624 г. московскому царю вслед за посланием Борецкого. Соответственно, оба текста оказываются ключом к пониманию очень неожиданных и странных формул послания Борецкого, который приравнял Московскую Русь к Египту, где волей-неволей оказался Иосиф (он же — царь Михаил Фёдорович), а приднепровскую Украину — к Израилю, куда Михаил Фёдорович (он же Иосиф) должен вернуться, как старший брат к своим единоутробным «юнейшим» братьям.

Такая «потестарная имагология» крайне радикальна и неожиданна: находящийся под властью польского короля-католика нелегально поставленный православный митрополит Киевский призывает фактически к вторжению в Речь Посполитую русского царя; библейские всадники оказываются прямо-таки близнецами-братьями казаков, что вызывает едва ли не оторопь... Однако благодаря архивным находкам и недавним публикациям Б.Н. Флори невероятное становится весьма правдоподобным [42].

В августе 1624 г. из Киева в Москву отправилось посольство Исаакия Борисковича, луцкого епископа нелегального «Феофанова поставления», который бежал в Киев, так как, по его заявлению путивльским воеводам, на Волыни началось «утеснение великое» и он чуть не стал его жертвой («поляки хотели убить»). Борискович заявил также, что везет грамоты царю, патриарху и главе Посольского приказа дьяку Ивану Грамотину и что «есть за ним духовное изусное дело» к патриарху. В Москве состоялись тайные переговоры, во время которых обсуждалась возможность прямого военного вмешательства России в конфликт между казачеством и польским государством. Просьба о помощи была отклонена, Борискович с «жалованьем» для митрополита (соболи на 300 рублей) был отправлен обратно. В Москве к Борисковичу присоединился Берында, которого царь принимал вместе с луцким епископом. И грамота Борецкого от 21 августа, и изданные в Киеве Златоустовы «Гомилии на Деяния апостолов» с предисловием Захарии Копыстенского были переданы московскому двору [43]. Таким образом, изученные нами тексты напрямую

сопровождали и обосновывали проект вмешательства Московского царства в религиозные конфликты в Речи Посполитой. Идеологической легитимацией такого проекта и выступали проанализированные нами представления, в которых церковная общность православных Московского государства и Речи Посполитой предполагала и политические действия.

Только что введенные в научный оборот К.А. Кочегаровым материалы из московских архивов позволяют увидеть, как именно эти идеи коррелировали с военно-политическими действиями казачества. В октябре 1625 г., в ходе восстания, во время казацкой рады полковник Олифер Голуб, один из двух лидеров рядового казачества, произнес речь, текст которой К.А. Кочегаров нашел, опубликовал и квалифицировал как «политический проект казацкого автономизма». Этот проект предполагал создание автономного казацкого анклав на просторах Киевщины и Брацлавщины, где расселится «русская братья»; среднее Приднепровье выступает тут как «своя земля» казаков. По словам К.А. Кочегарова, «религиозный мотив в речи Голуба явно находился на втором плане и звучал несколько однобоко, упирая исключительно на вооруженную расправу с униатами, которых казаки не мало “надтопили” (потопили)» [44]. Так или иначе, религиозная риторика в речи Голуба присутствует, а «своя земля», на которую претендовало казачество, — это земля, «которая нам ест от пана Бога и от найсвятейшого патриархи потвержена» (имеется в виду, скорее всего, все, что связано с пребыванием патриарха Феофана в украинских землях в 1620 г.) [45].

Но если в речи Голуба религиозные мотивы второстепенны, они, как было видно выше из предпринятого анализа и как мы знаем из других накопленных в науке сведений, никак не были второстепенны в источниках, образующих контекст выступления полковника Голуба на казацкой раде в октябре 1625 г. Яркие подтверждения этому приводятся и в статье К.А. Кочегарова. Тринадцатого января 1626 г. прибывший в Путивль игумен Вознесенского монастыря в Погребищах (ныне Винницкая область) Андриан передал местным воеводам А. Головину и И. Есипову письма царю и патриарху (подписанные 29 декабря 1625 г. и сохранившиеся), а также письмо боярину И.Б. Черкасскому (двоюродному брату царя и *de facto* русскому «премьер-министру» тех лет; это письмо не сохранилось). Царь Михаил Фёдорович назван Андрианом не только «православным христианския веры сияющим и венцем царствия украшенным... благочестивым и христоролюбивым милователем святых и божественных церквей», но и самодержцем «всея российской земли». А из дальнейшего текста выясняется, что те земли Речи Посполитой, где «православные» подвергаются религиозным преследованиям, есть часть «всей российской земли»: в нынешнее лютое время «во земли росийстей» православные пребывают «во гонении от нынешних человек, паче ж развращающих церковь Божию» [46].

Перенесемся, однако, еще на 20 лет назад, в 1604 год.

1604 год

В конце весны или летом 1604 г. в Москву было привезено послание князя Острожского патриарху Иову, обнаруженное в Музейском собрании Государственного исторического музея А.А. Туриловым [47]. Князь обращается к Иову как к «патриарху Московскому и всеа Руси». И как именно обращается? «Тому пресвятейшему и благословеннейшему святецкаго чину началнику и отцем отцу, держащему скипетр столнаго и славного и великаго града Московскаго и всеа православнейшаго народа Русскаго, Богом избранному патриарху кир Иеву» [48]. Патриарх Иов (в условиях перехода киевского митрополита Михаила Рагозы в унию) оказывается представлен здесь как духовный глава «всего русского народа», под которым никак невозможно видеть лишь русских Московского государства. Кроме того, выражение «отец отцов», видимо, нужно понимать как «глава духовных отцов», т.е. глава духовенства «всего народа русского», а сан патриарха не может не означать сан церковного иерарха, стоящего в том числе и над киевским митрополитом, и над епископами украинско-белорусских земель.

Далее Острожский квалифицирует Иова как своего «пастыря в святительском чине» («С послушанием духовне извещаю, доброе твое здравие навещаю, яко овца пастыря своего во своем чину святецком») и утверждает, что отступившие «от православной веры» митрополит Киевский и иные владыки якобы «ныне хотят обратитися и пути себе ищут, как бы им опять приступити к православной вере христианской». Сведения о перемене позиций И. Потeya и других униатских иерархов никак не достоверны не только потому, что не подтверждены другими источниками, но и потому, что в твердой приверженности к унии Ипатия Потeya (едва ли не главного ее творца) нет никаких сомнений. Важна, как и в других подобных ситуациях, сама риторика направленного в Москву послания. Острожский приписывает униатским владыкам следующее «рассуждение» («рассуждаючи то»): после падения Царьграда «а в то место Господь Бог милосердие свое показал молитвами православных христиан — на востоце и на полунощи изволил великому и славному царству быти, на котором престоле Господь Бог дает великие и милосердые и побожные монархи, и милостивые ко всем христианом». Речь идет, таким образом, уже не о патриаршестве, а о московских царстве и царях, которые «милостивы» ко *всем* православным (ясно, что слово «христиане» в данном случае соответствует слову «православные»). Таким царем в нынешнее время учинил господь Бог «великого государя царя Бориса Фёдоровича Всеа Руси самодержца, и о нем вся надежа» — и это утверждение подано также как рассуждение православных епископов Западной Руси.

Далее выражается надежда, что «молением всего христианства святыя восточныя церкви христианьские, так же и его потом сын Феодор Борисович, царевичь Всеа Руси, такоже и побожности учнет промышляти всем своим милосердием ко всему миру православных христиан». Сын

Годунова представлен как будущий «царевич», который будет заботиться о православных и в России, и вне России.

Иов назван «столпом и стеной», «на котором столпе и стене основание святые христианские церкви Христа святителя нашего непоколебимые крепкие». Острожский выражает надежду, что патриарх начнет «промышляти яко добрый пастырь истинный о христовых овцах и о всем стаде, которых отогнали волкохищные пастырие» [49]. Он просит «к ним писати, и их напоминати, чтоб они обратились в истинную православную веру Христову», а политику польских церковных и светских властей называет «гонительством от неверных» («а они помощи себе ниотколе не обретают для гонителства от неверных»). Патриарх и царь, совместно, могли бы прислать духовных лиц, которые помогли бы вести борьбу с унией: «И будет произволение православного великаго государя, его царского высокого престола, и твое, ино бы к ним прислати людей своих духовных, мудрых и учителных, святецкого чина, которым мочно говорити встречно против тех, которые хулят православную истинную веру Христову» [50].

Послание заканчивается упоминанием очень выразительной детали. Острожский шлет «поминок невеликий» («будет и болши», добавляет он): «Твоему святейшеству престолному посылаю крест хрустальной, чтобы тебе меня не забыти» [51]. Но речь идет не просто о хрустальном кресте, а о кресте московского митрополита Алексия, современника Сергия Радонежского и Дмитрия Донского [52]. Вряд ли такой «поминок» не означал чего-то много большего, чем обыкновенные дары [53].

Послание Острожского невозможно понять как прагматический шаг, имеющий целью или материальную, или, так сказать, «кадровую» помощь [54]. Содержание его более чем радикально и совпадает, по сути, с риторикой и 1624 г., и обращений Хмельницкого в Москву на рубеже 1640-х и 1650-х годов. Как бы ни интерпретировать мотивы написания этого текста, сама позиция, заявленная князем, фиксирует наличие (или по меньшей мере складывание) идеологических конструкций, которые исходят из постулата об органическом единстве и нераздельности православного священства, православного «российского рода» и православной же государственности. Тема перехода под власть православного самодержца из-под власти католического монарха, представленная в многочисленных декларациях Богдана Хмельницкого и его окружения в 1648–1654 гг., а также в посланиях Иова Борецкого, в письме Острожского коррелирует с теми мотивами в идеологии духовенства Киевской митрополии, которые в первой половине XVII в. развивали идею именно внеинституционального церковного единства православной Руси. А мотив такого конфессионального единства (развитию которого, как мы видим, не препятствовало внешнее юридически-административное разделение давней древнерусской митрополии на две в середине XV в.) органически сплетается в изученных текстах с мотивом православного царства, которое видится как почти что ипостась единого «российского» церковного «мира». Кажется,

обнаруживаются основания для того, чтобы предположить, что логика экклесиологии украинско-белорусских иерархов ведет их к тому, чтобы заявить (подобно патриарху Антонию в 1393 г.), что «невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя» [55].

Вместе с тем легко возразить, что данный идеологический «тренд» является ответом на ситуацию, возникшую после 1596 г., и служит лишь легитимацией обращения в Москву в борьбе против унии. Однако в ответ можно сразу же указать, что отраженная в наших источниках тенденция ярко и ясно заявила о себе уже за несколько лет до провозглашения унии, в 1592 г. В том году Львовское церковное братство направило в Москву серию посланий, в которых была развита и обоснована (со ссылкой, в частности, на «Главы» Иоанна Агапита, важнейший текст византийской и московской монархической идеологии) идея, что православным христианам нужно бы пребывать под опекой православного же царя [56]. В подготовке этого демарша важную роль сыграл тырновский митрополит Дионисий Ралли, который привез в Москву грамоту константинопольского собора 1590 г., признавшего создание Московского патриархата, а до этого участвовал в деятельности Острожской «академии» и подготовке к изданию Острожской Библии. Тот же Дионисий Ралли, как предполагает А.А. Турилов, и доставил в 1604 г. в Москву патриарху Иову послание Константина Острожского.

Никто пока не доказал, что за идеологическими и часто риторическими формулами, говорящими о связи «российского рода», «христианской веры» и православного царства, стоит одна лишь политическая расчетливость духовенства и казацких лидеров украинско-белорусских земель, скрывавших будто бы свои подлинные представления и намерения. Однако сами тексты, которые сопровождают контакты духовных и светских представителей украинско-белорусского православного общества, как мы увидели, более или менее ясно и однозначно отражают идеологически-риторический «тренд», в котором церковная общность православных русинов Речи Посполитой и Московского государства понимается как общность, предполагающая и политические связи. Почему выстраивается такая дискурсивная связь между политическим и религиозным? Скорее всего, потому, что византийско-православные экклесиология и «имперская эсхатология» исходят из неразрывной, органической, «симфонической» связи священства и царства [57]. В этом широком контексте специфического конфессионального мышления «соблазнительная» перспектива перейти из-под власти монарха-католика под власть православного правителя выступает не только и не столько как прагматический ответ на политические обстоятельства и конфликты, сколько как вывод из нормативных установок восточно-христианской «политической религиозности» [58] или, может быть, «политической теологии». Ничто не мешает квалифицировать все это как результат православной конфессионализации [59], развернувшейся в украинско-белорусских землях Речи Посполитой во второй половине XVI — начале

XVII в. Осмысление, артикуляция и укоренение в общественном сознании специфических конфессиональных представлений и дискурсов, относящихся к области отношений церкви и государства, есть, видимо, важный фактор, порождавший тяготение идеологов и (вслед за ними) более широких кругов православного населения Речи Посполитой к проектам перехода под власть московских царей.

- [1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.
- [2] *Бойцов М.А.* Что такое потестарная имагология? // *Власть и образ. Очерки потестарной имагологии* / под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 5–37; *Бойцов М.А.* Символический мимесис — в средневековье, но не только // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* — 2004. Вып. 6. М., 2005. С. 355–396. Понимание средневекового символизма представлено Михаилом Анатольевичем и во введении к его *opus magnum: Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 12–22. Тексты выступлений М.А. Бойцова о соответствующих подходах к изучению политической культуры Средневековья помещены и на сайте общественно-научного объединения Истфака МГУ «Центр украинистики и белорусистики» (материалы семинаров, проведенных в Плесе в 2011 г.: <<http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/srhistory006.htm>; <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/bojcov.htm>>). См. также: *Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века, Новое время* / под ред. М.А. Бойцова и О.Г. Эксле. М., 2008.
- [3] Ср. об «аллоде» А.Я. Гуревича: *Баткин Л.М.* О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // *Одиссей. Человек в истории*. М., 1994. С. 5–36.
- [4] Говоря о дискурсах, мы, как и принято в современной науке, понимаем под ними (вслед за М. Фуко) не только выраженную языком картину действительности, но и то, как язык конструирует действительность и общественные практики.
- [5] Идеологии понимаются как «основополагающие конструкции общественного сознания». Ср.: *Van Dijk T.* Discourse semantics and ideology // *Discourse and Society*. 1995. No. 6 (2). P. 243–289.
- [6] О русско-украинских связях в XVII в. см.: *Голубев С.Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Опыт исторического исследования. Т. 1–2. Киев, 1883–1898; *Эйнгорн В.О.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899; *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914; *Флоря Б.Н.* Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 152–238; *Россия — Украина:*

- история взаимоотношений / под ред. А.И. Миллера, В.Ф. Репринцева, Б.Н. Флори. М., 1997; Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин / під ред. В.А. Смолія. Київ, 2003. *Горобець В.* Волимо царя східного... Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007; *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019.
- [7] Лист Богдана Хмельницького царю Алексею Михайловичу, 8 июня 1648 г. // Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: в 3 т. (далее — ВУР). Т. 2. 1648–1651 годы. М., 1954. С. 32.
- [8] Там же. С. 33.
- [9] Часто предполагается, что за ними стоял лишь «нежеланный альянс» (*Torke H.-J.* The Unloved Alliance: Political Relations between Muscovy and Ukraine in the Seventeenth Century // *Ukraine and Russia in Their Historical Encounter* / P. Potichnyj et al. (eds). Edmonton, 1992. P. 39–66) или холодный политический расчет (см., например: *Plokhy S.* The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine. Oxford, 2001).
- [10] Лист Богдана Хмельницького воеводе Н. Плещееву. 11 июля 1648 г. // ВУР. Т. 2. 1648–1651 годы. С. 55.
- [11] Записка посла Богдана Хмельницького С. Мужилковского царю Алексею Михайловичу. 4 февраля 1649 г. // ВУР. Т. 2. 1648–1651 годы. С. 128.
- [12] Там же. С. 130.
- [13] Из статейного списка посла русского правительства В. Унковского к Богдану Хмельницькому // Там же. С. 429.
- [14] Расспросные речи в Посольском приказе подъячего Г. Богданова, 7 августа 1651 г. // ВУР. Т. 3. 1651–1654 годы. М., 1954. С. 121.
- [15] Там же. С. 121–122.
- [16] См., в частности: *Кочегаров К.А.* Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты. Вторая половина XVII века // *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 207–249 (расширенный вариант статьи: *Кочегаров К.А.* Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII в. // *Славяноведение.* 2015. № 2. С. 19–41).
- [17] Посольство боярина Бутурлина в Малороссию, октябрь 1653 г. — май 1654 г. // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1878. Стб. 266.
- [18] Речь государю нежинского протопопа Максима Филимонова, 27 сентября 1654 г. // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 14. СПб., 1889. Стб. 175.
- [19] Там же.
- [20] О «русском» как конфессиональном понятии в интересующих нас текстах этой эпохи см.: *Дмитриев М.В.* Православное и «русское» в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой (конец XVI —

середина XVII в.) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост., отв. ред. серии А.В. Доронин. М., 2017. С. 193–214; *Дмитриев М.В.* «Народ благочестия русского»: о конфессиональном и этническом в представлениях о «русском народе» Речи Посполитой // «Вертоград многоцветный». Сборник статей к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. С. 453–463; *Дмитриев М.В.* «Израиль», Сион, Иерусалим как «место памяти» православной руси Речи Посполитой XVI–XVII вв. // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. / отв. сост., отв. ред. серии А.В. Доронин. М., 2019. С. 233–259. См. также: *Степанов Д.Ю.* Русь, Малая Русь, Украина. Этническое и религиозное в сознании населения украинских земель эпохи Руины. СПб., 2020; *Степанов Д.Ю.* «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50–60-е годы XVII в. // Славяноведение. 2012. № 9. С. 12–21; *Степанов Д.Ю.* К вопросу о формировании протонационального самосознания украинской элиты в середине — второй половине XVII в. // Rzeczpospolita vs Carstwo. Rocznik instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. Rok 9 (2011). Zeszyt 3. S. 99–111; *Степанов Д.Ю.* «Малая Русь» и «народ малороссийский» в представлениях казачьей старшины и высшего духовенства Гетманщины в 50–70-е годы XVII в. // Историки-слависты МГУ. Славянский мир в поисках идентичности. Кн. 8. М., 2011. С. 167–177; *Неменский О.Б.* Этноконфессиональная идентичность автора в сочинениях Иоанна Вишенского и Михаила Андреллы Оросвиговского // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII вв.: общее и различное / под ред. М.В. Дмитриева. М., 2012. С. 110–155; *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Зб. наук. праць. К., 2003. С. 409–434; *Неменский О.Б.* Воображенные сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник–2005. М., 2006. С. 41–78; *Неменский О.Б.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII вв. (по материалам полемических сочинений) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время / под ред. М.В. Дмитриева. М., 2008. С. 180–197; *Неменский О.Б.* Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом / сб. ст. под ред. О.Б. Неменского. М., 2008. С. 105–113.

[21] Речь... Максима Филимонова. Стб. 176.

[22] Лист Богдана Хмельницкого... царю Алексею Михайловичу, 21 марта 1654 г. // ВУР. Т. 3. 1651–1654 годы. С. 558.

[23] Грамота царя Алексея Михайловича гетману Богдану Хмельницкому и всему Войску Запорожскому, 27 марта 1654 г. // Там же. С. 566.

[24] С другой стороны, исследований, которые показали бы, как в православной среде воспринимались сведения о коронации московских князей как царей начиная с 1547 г., пока, кажется, не создано.

[25] См.: *Макарий (Булгаков), митрополит*. История Русской Церкви. Кн. 6. Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). Патриаршество в России (1589–1720). Отдел первый. Патриаршество Московское и всея Великия России и Западнорусская митрополия (1589–1654) / под ред. М.В. Дмитриева, Б.Н. Флори, В.С. Шульгина. М., 1996 (переиздание томов, изданных во второй половине XIX в. с обширными комментариями и всей новой и новейшей библиографией); *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 7. Козацькі часи — до року 1625. Київ, 1922 (репринт: Київ, 1995); *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 8. Ч. 1. Від куруківщини до кумейщини (1626–1638). Київ, 1922 (репринт: Київ, 1995); *Chodyncki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934; *Dzięgielewski J.* O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV. Warszawa, 1986; *Plukhy S.* Op. cit. Огромное значение для изучения этих сюжетов имеет только что вышедшая книга Б.Н. Флори: *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства (см. выше примеч. 6).

[26] Исключение составляют ряд публикаций Б.Н. Флори, чьи архивные разыскания позволяют добраться до «массового» сознания участников событий: *Флоря Б.Н.* Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами Унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — начале XVII вв. М., 1996. Ч. 2. С. 151–174 (фр. перевод: *Florja B.N.* Les conflits religieux entre adversaires et partisans de l'Union dans la "conscience de masse" du peuple en Ukraine et en Biélorussie (première moitié du XVIIe siècle) // XVIIème siècle. 2003. Т. 3. Numéro spécial: "La frontière entre les chrétientés grecque et latine au XVIIème siècle. De la Lithuanie à l'Ukraine subcarpathique". P. 431–448); *Флоря Б.Н.* Національно-конфесійна свідомість населення Східної України в першій половині XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви у XVII столітті: матеріали Четвертих «Берестейських читань», Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 р. / за ред. о. Б. Гудзяка, співред. О. Турія. Львів, 1997. С. 125–147 (вместе с дискуссией по докладу); *Флоря Б.Н.* «Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины 17 века (по материалам расспросных речей) // Средние века. 2013. Вып. 74 (1–2). С. 160–191.

[27] *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли. С. 157. Эта грамота все еще не опубликована.

[28] Челобитная киевского митрополита И. Борецкого царю Михаилу Фёдоровичу, 24 августа 1624 г. // ВУР. Т. 1. 1620–1647 годы. С. 46 (курсив здесь и далее в пределах данного документа мой. — М. Д.).

[29] См., в частности: *Дмитриев М.В., Шпирт А.М.* Идентичность Руси и «руси» в письменных памятниках украинско-белорусской православной культуры XV–XVII вв.: историографические заметки // Нарративы руси

конца XV — середины XVIII вв.: в поисках своей истории / отв. сост. А.В. Доронин. М., 2018. С. 365–381 (раздел «Русское» и «общерусское» в дискурсах протонациональной идентичности украинско-белорусских земель», где учтена и предшествующая историография).

[30] ВУР. Т. 1. 1620–1647 годы. С. 46.

[31] *Флоря Б.Н.* Древнерусские традиции. С. 208. Эта констатация подтвердилась и дальнейшими исследованиями Б.Н. Флори: «Вплоть до конца 1625 г. киевский митрополит Иов Борецкий прилагал усилия к тому, чтобы вовлечь Русское государство во внутренний конфликт к Речи Посполитой, и это вмешательство должно было привести к присоединению «русских» земель Речи Посполитой к Русскому государству» (*Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли. С. 147).

[32] ВУР. Т. 1. 1620–1647 годы. С. 48.

[33] Там же.

[34] Там же. С. 49.

[35] Еже во святых отца нашего Иоана Златоустаго, архиепископа Константинопольскаго, Беседы на деяния святых апостол. Киев, 1624. Отдел редкой книги РГБ. Ю. Пелешенко посвятил литературоведческое эссе «Предсловию» Копыстенского (*Пелешенко Ю.* «Похвала Єрусалиму» Захаріі Копыстенського в контексті церковно-політичної ситуації в Україні у 20-х–30-х роках XVII ст. // *Jews and Slavs. Vol. 7. Jerusalem; Kyiv, 2000. P. 48–54*).

[36] Беседы на деяния. С. 5. Несколько ниже: «Сего ради Пресветлый и Православный Роде Яфетороссийский, священнии и мирскаго съсловия сущий... молю оусердно... приати...» (Там же. С. 6–7).

[37] Беседы на деяния. С. 9. Ср.: Зах. 2: 6–7.

[38] См.: *Дмитриев М.В.* «Израиль», Сион, Иерусалим как «место памяти».

[39] Беседы на деяния. С. 11.

[40] Там же.

[41] Там же. С. 12.

[42] В недавней статье я писал: «Мы, однако, оставляем в стороне вопрос о связи между текстом Копыстенского, его библейскими аллюзиями и конфликтами 1620-х годов между поднимающимся казачеством и польским государством» (*Дмитриев М.В.* «Израиль», Сион, Иерусалим как «место памяти». С. 257). Теперь оказалось возможным вернуться к этому вопросу и внести новый существенный элемент в идеологическое сопровождение сближения киевского духовенства и казачества с Москвой в 1620-е годы.

[43] *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли. С. 131–136.

[44] *Кочегаров К.А.* Новые источники о казацком восстании 1625 года: речь полковника Олифера Голуба и неизвестный список Куруковского договора // *Славяноведение. 2020. № 2. С. 35–36.* Имеется в виду расправа в 1618 г. над Антонием Грековичем, наместником униатского митрополита, Фёдором Ходыкой, киевским войтом, и Иваном Юзефовичем, поддержавшим унию; приводился и пример восстания против Иосафата Кунцевича в Витебске в 1623 г.

- [45] Там же. Приложение. С. 42 (речь Олифера Голуба на казацкой раде в октябре 1625 г.).
- [46] Цит. по: *Кочегаров К.А.* Новые источники. С. 32.
- [47] *Турилов А.А.* К истории проектов ликвидации Брестской унии (неизвестное послание князя К.К. Острожского патриарху Иову) // *Славяне и их соседи. Вып. 3. Католицизм и православие в Средние века. М., 1991. С. 128–140* (текст послания — с. 138–140). Текст сохранился в списке второй половины XVII в. Документ переопубликован и Т. Ходаной с польским переводом; Т. Ходана, однако, сомневается в подлинности этого документа: *Hodana T. Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI–połowy XVII stulecia [Studia Ruthenica Cracoviensia. T. 4]. Kraków, 2008. S. 36–38.* В.И. Ульяновский справедливо считает мнение Т. Ходаны «безосновательным»: *Ульяновский В.* Князь Василь-Костянтин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків. Київ, 2012. С. 1157, примеч. 1370. В последнее время Б.Н. Флоря привел аргументы, что адресатом параллельного, но не сохранившегося послания мог быть и сам царь Борис Годунов (*Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли. С. 46–49).
- [48] *Турилов А.А.* К истории проектов ликвидации Брестской унии. С. 138.
- [49] Там же. С. 139–140.
- [50] *Турилов А.А.* К истории проектов ликвидации Брестской унии. С. 140.
- [51] Там же.
- [52] *Турилов А.А.* Алексей, святитель, митрополит всея Руси // *Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 645.*
- [53] «Язык даров» — еще одна тема исследований М.А. Бойцова: *На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. / под ред. Г. Альтхоффа и М.А. Бойцова. М., 2016.*
- [54] И.В. Паславский, С.А. Подокшин, А. Гиль допускают, как и А.А. Турилов и Б.Н. Флоря, что мы имеем дело с ранним проектом подчинения Киевской митрополии Московскому патриархату (на их публикации 1994, 2001 и 2005 гг. ссылается В.И. Ульяновский; мне они остались недоступны). В.И. Ульяновский уклончиво пишет, что эти авторы интерпретируют послание Острожского «слишком широко» (*Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 1158). Т. Кемпа в своей обширной биографии К. Острожского не упоминает данный источник: *Kempa T. Konstancy Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608), wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej. Toruń, 1997.* Т. Ходана уходит в сторону от его анализа, посчитав источник недостоверным: *Hodana T.* Op. cit. В. Горобец начинает анализ проблемы восприятия московской царской власти в украинско-белорусском обществе с более позднего времени: *Горобець В.* Указ. соч.
- [55] Грамота патриарха Антония к великому князю Василию Дмитриевичу (1393 г.) // *Русская историческая библиотека. РИБ. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права / изд. А.С. Павлов. СПб., 1908. Стб. 275.*
- [56] Этот важный факт из истории церковных связей Московской Руси и украинско-белорусских земель подробно рассмотрен нами в специальной

статье: *Дмитриев М.В.* Перемены в конфессиональном самосознании духовенства Киевской митрополии в конце XVI в. как фактор сближения украинско-белорусского общества с Московской Русью // *Современные проблемы изучения истории Церкви. Сборник докладов международной конференции. МГУ им. Ломоносова, 7–8 ноября 2011 г. М., 2014. С. 132–156.*

[57] *Podskalsky G.* Byzantinische Reicheschatologie. Die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem Tausendjährigen Friedensreiche (Apokl 20). Eine Motivgeschichtliche Untersuchung. München, 1972. Лучшее исследование, посвященное «симфонии»: *Дагрон Ж.* Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / пер. и науч. ред. А.Е. Мусина; под общ. ред. И.П. Медведева. СПб., 2010. См. также: *Дагрон Ж.* Восточный цезарепапизм (история и критика одной концепции) / пер. С.А. Иванова // *ΓΕΝΝΑΔΙΟΥΣ: К 70-летию академика Г.Г. Литаврина / под ред. Б.Н. Флори. М., 1999. С. 80–99.*

[58] Понятие «политической религиозности» мы заимствуем у Г. Штёкля: *Stökl G.* Die politische Religiosität des Mittelalters und die Entstehung des Moskauer Staates // *Saeculum. 1951. Bd. 2. S. 393–415.*

[59] Обоснование этих предложенных нами понятия и концепции: *Дмитриев М.В.* «Православная конфессионализация» в Восточной Европе во второй половине XVI века? // *Дрогобицкий краєзнавчий збірник. Вип. XVI. Дрогобич, 2012. С. 133–152.* См. также: *Дмитриев М.В.* Перемены в конфессиональном самосознании духовенства Киевской митрополии. С. 132–139; *Дмитриев М.В.* Церковные братства Киевской митрополии в конце XVI в.: результат «православной конфессионализации»? // *Сравнительная история: методы, задачи, перспективы: сб. ст. / отв. ред. М.Ю. Парамонова. М., 2003. С. 133–153.*

Ольга Кошелева

Власть атакует канцелярии: трансляция указов в администрацию в России второй половины XVIII

В.

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_236-255

Образ чиновника в русской культуре никогда не отличался привлекательностью, а бюрократия не пользовалась народной любовью. Ее необходимая функция в государстве — транслировать, осуществлять и контролировать распоряжения верховной власти, которые без бюрократии оставались бы пустым сотрясением воздуха. Поскольку эти распоряжения, как правило, несли в себе мало хорошего то для одной социальной группы, то для другой, негодование падало на должностных лиц. В действительности российский чиновник был рабом безжалостной власти, полностью от нее зависящим. Но и сама верховная власть, потеряв в Век Просвещения свою сакральную сущность, оказывалась неразрывно связана с чиновничеством и не могла существовать без него. Посмотрим, как это происходило на практике.

Составляя архивную опись дел воеводской канцелярии города Гороховца [1], я вынуждена была просмотреть все указы, поступавшие в канцелярию, и сопутствующие им документы. Иначе говоря, я шла по стопам ежедневной работы провинциальных чиновников XVIII в. Впечатлениями от нее я и хочу здесь поделиться.

Материалы воеводской канцелярии Гороховца ничем не отличаются от дел других подобных канцелярий, поскольку указы верховной власти (именные и сенатские) рассылались по всем административным учреждениям всех городов России. Но в этом архивном фонде, в отличие от многих других, указные книги (т.е. книги, в которые подшивались указы и делопроизводство по ним) за вторую половину XVIII в. хорошо сохранились.

Административно-территориальная система Российской империи, усложненная реформой Петра I, после его смерти была упрощена. С 1727 по 1785 г. она имела трехчленное деление со строгой подчиненностью по вертикали: губерния, провинция, уезд. Каждая из этих административных единиц возглавлялась канцелярией. Гороховец являлся центром небольшого уезда, его воеводская канцелярия подчинялась Владимирской провинциальной канцелярии, которая, в свою очередь, относилась к Московской губернии и подчинялась ей. Указы верховной власти (императорские и сенатские) двигались по этой цепочке вниз, достигая в конечном итоге воеводства.

Поступление указов

Сроки поступления указов. Указы привозились в Гороховец запечатанными с курьерской почтой из провинциальной канцелярии г. Владимира. Экземпляры получали и воеводская канцелярия, и магистрат, и духовное правление города. С момента даты появления указа из печати, проставленной внизу документа, до его получения в Гороховце проходило немало времени, что можно точно проследить по канцелярским книгам входящих документов и по различным пометам на самом листе с указом. В среднем на доставку указов из Москвы в Гороховец уходил один месяц, иногда — больше, иногда — меньше. Так, указ об амнистии от 30 ноября 1762 г. был получен в Гороховце 17 декабря (д. 88, л. 203–205), указ Петра III о производстве в секретари от 15 мая 1762 г. был получен 16 июля (д. 487, л. 156).

Чтобы оценить скорость получения указа в Гороховце, обратимся к конкретному примеру. В 1772 г. из Гороховца в Москву послали солдата для передачи в Камер-коллегию питейных сборов 633 руб. 98 коп. Для его проезда наняли крестьянина с подводой. Отъехав от города, они остановились на ночевку, и крестьянин посулил солдату три рубля за то, чтобы вернуться домой. Тот согласился и отправился в Москву пешком, там всю сумму передал, расписку получил и пешком же вернулся. Дорога заняла у него четыре дня. Учитывая, что его немного подвозили, очевидно, что путь пешком между Гороховцом и Москвой обычно занимал

приблизительно пять дней (д. 528, л. 225–226). Указы курьерской почтой шли намного дольше потому, что передвигались из инстанции в инстанцию, проходили оформление и т.д. Так, император Петр Фёдорович скончался 6 июля (ст. ст.) 1762 г., указы об объявлении народу об этом событии были отпечатаны 7 июля, в Гороховце их получили 31 июля в количестве 10 экземпляров (д. 487, л. 34). Манифест же о восшествии на престол императрицы Екатерины Алексеевны и текст присяги поступили в канцелярию раньше, чем указ о смерти Петра III — 11 июля (д. 487, л. 25). Летом 1762 г. в город одновременно продолжали прибывать распоряжения уже покойного императора и новой императрицы. Канцелярия прилежно объявляла эти указы, вероятно порождая в головах провинциальных обывателей сумятицу. Судя по тому, что последние печатные указы Петра III подшиты к делу в нескольких экземплярах (л. 75–82), от их распространения все же решили воздержаться. Указ Екатерины от 12 августа 1762 г., отменявший начатую Петром III секуляризацию церковных имений, поступил в Гороховец только 22 ноября, где-то в пути задержавшись на три с лишним месяца (л. 219, 226). Но бывали и случаи быстрой доставки распоряжений. Например, указ Сената от 28 июля 1776 г. о запрещении губернским канцеляриям выносить обвинительные приговоры дворянам за убийство (вместо этого они должны были передавать такие дела в Сенат), был получен в Гороховце 11 августа 1776 г. (д. 416, л. 87–88). При получении той или иной официальной бумаги об этом тотчас же из Гороховца отсылали письменный рапорт во Владимир.

Ознакомление с указами. О том, как в воеводской канцелярии знакомились с указами, известно из «журналов», т.е. из кратких протоколов ее заседаний. Первыми документы изучали воевода, товарищ воеводы и секретарь: текст зачитывался им канцеляристом вслух. Тут же он регистрировался в книге входящих указов с датой поступления и получал порядковый номер, чтобы в дальнейшем была возможность его быстро найти и к нему обратиться.

Вслед за текстом указа в книгу обязательно подшивалось сделанное канцеляристом резюме (судя по почеркам, это была работа одного и того же человека). Поскольку язык этих документов был очень специфичным, изобиловавшим многочисленными повторами различных пышных титулов, иностранными словами, названиями организаций и примерами, добраться до сути было очень нелегко. Поэтому краткое и внятное изложение указа требовало от канцеляриста особого мастерства. Обычно он справлялся с тем, чтобы выделить главное и не исказить смысла распоряжения, хотя иногда сокращение приводило к упрощению. Например, резюмируя сложный указ об отнесении «дворов, садов, фабрик и лавок» к недвижимому имуществу в наследственной массе, а все в них содержащееся — к движимому, канцелярист все же упустил из виду тот факт, что документ относится к порядку наследования имущества, и определил его просто как указ «о почитании дворов, садов и всяких фабрик со всяким строением за недвижимое имение» (д. 489, л. 20–21).

Если указ содержал распоряжения, которые должны были быть исполнены, члены воеводского правления постановляли, записав в книгу, передать его в соответствующее по вытее (отдел) и о его получении «репортовать подлинно». Могли быть и иные распоряжения, в зависимости от содержания указа. О них делалась соответствующая запись в «журнале», и присутствующие ставили под ней свои подписи. «Журналы» заседаний велись в Гороховце аккуратно, по их реестрам возможно судить об интенсивности работы воеводы и его штата. Так, в январе 1762 г. в воеводской канцелярии заседали 20 дней (д. 495, л. I–II). Приходил воевода Иван Гиневлёв в канцелярию (как свидетельствуют записи) в 7 утра и покидал присутствие в 2 часа пополудни, иногда он появлялся и вечером, в 6 пополудни, и уходил в 9 часов. Всего за январь он подписал 54 распоряжения. Обычно в течение одного заседания им принималось два-три решения. Но бывали исключения — например, 25 января было подписано сразу 11 документов. Всего за 1762 г., «нестабильный» из-за смены монархов, воеводой было вынесено 681 постановление (они занесены в канцелярскую книгу под названием «Генеральная записка») (д. 495, л. 1–215). Таков был обычный распорядок работы воеводы.

Содержание указов. В канцелярию поступали абсолютно все изданные указы. Их можно условно разделить на три группы: а) присланные для информации подданных (их канцелярия должна была «публиковать», т.е. информировать население); б) повелевающие прислать сведения (ведомости) по уезду в Сенат или его департаменты (из Гороховца они посылались во Владимир), к таким указам часто прилагались формуляры и образцы для того, чтобы сведения были одинаково структурированы; в) указы о конкретных мероприятиях, которые должна была организовать канцелярия в своем регионе.

Часть указов никакого отношения к Гороховецкому уезду не имела. Они посылались «для ведома». Например, многостраничный указ 1760 г. о том, как графу Р.И. Воронцову вести торговлю с Бухарой (д. 468, л. 132–146), или указ «О создании удобных путей в Санкт-Петербург с Колывано-Воскресенских заводов через Екатеринбург для вывоза казенного серебра» (д. 486, л. 148–149), или указ «О лицах, участвующих в комиссии Санкт-Петербургского генерального плана» (д. 506, л. 89). В октябре 1761 г. жители Гороховца узнали «О выплате кн. Репнину, посылаемому на 16 лет в Испанию полномочным министром, 100 000 руб. медных денег под залог его имений», их также проинформировали о пользе, которую приносит новая артиллерия, изобретенная генерал-фельдмаршалом П.И. Шуваловым (д. 468, л. 76, 92–94).

Содержание ряда указов отталкивалось от конкретных случаев из жизни, которые являлись образцом неправильного действия и подробно излагались «на пример». Так, сообщалась история о том, как в рекруты был отдан цыган вместо крестьянина полковника Друцкого. Этот случай осуждался, как запрещалось и в дальнейшем брать цыган в рекруты (д. 468, л. 168–169). Таким образом, сотрудники канцелярии были хорошо

осведомлены о самых разнообразных событиях, происходивших в стране далеко за пределами их уезда.

Но бóльшая часть указов имела прямое отношение к жизни всех подданных, в том числе и гороховлян: о новых налогах, очередных рекрутских наборах, о секуляризации монастырских земель, о создании Новоуложенной комиссии, о карантинных мерах при моровом поветрии, о начале Генерального межевания и т.д. В целом же указы подробно отражали стратегии верховной власти России как во внешней, так и во внутренней политике, и через канцелярии они транслировались всему населению.

Количество экземпляров. Указы печатали типографии Сената в Санкт-Петербурге и в Москве, однако их не всегда хватало, и тогда приходилось в канцелярии административного центра региона переписывать указы от руки и рассылать их по подчиненным городам. В Гороховец такие документы поступали в разном количестве печатных экземпляров, в зависимости от того, сколько всего их присылали из центра и как владимирское начальство их распределяло по городам. Так, во Владимирскую провинцию осенью 1762 г. было послано 50 печатных экземпляров указа о непослушных крестьянах («состоящих в противности послушания помещиков») и их наказании. Из них в Гороховец поступило пять экземпляров (д. 488, л. 208). Манифест о кончине Елизаветы Петровны и присяге Петру III привезли во Владимир в количестве 230 экземпляров (д. 495). Было уже все подготовлено для проведения присяги новому императору, но она так и не состоялась — сначала в связи с трауром, а затем и с кончиной самого государя.

Исполнение указов

Обнародование указов. Необходимость большого количества экземпляров была связана с их «публикованием» (т.е. обнародованием). Они вывешивались на виду в «пристойных местах» — в церквях, на рыночной площади, на административных зданиях. В штат канцелярий входили барабанщики, их должно было быть не менее 16 человек, но в Гороховце имелся всего один. Он боем привлекал внимание жителей к тому, что им будет зачитан вслух очередной указ.

Содержание указов воеводская канцелярия должна была доносить не только до горожан, но и до тех, кто проживал в уезде в своих имениях. К ним посылался человек из канцелярии, часто — солдат канцелярской роты, которому давалась инструкция: «Идти тебе во все села и деревни... о печатных экземплярах (указа. — О. К.) сообщать» (д. 488, л. 211 об.), а затем «репортовать» о проделанной работе. Иногда такой посыльный сам зачитывал текст и получал расписки и от помещиков, и от сельских старост в том, что они его слышали. Так, канцелярия получила особое распоряжение зачитать всем монастырским крестьянам в уезде указ об отмене прежнего указа о секуляризации и об их возвращении во владение к монастырям на прежних условиях. Срочность объявления заключалась в

том, что, не зная нового распоряжения, крестьяне отказывались повиноваться монастырским властям (д. 488, л. 219). Указ поступил в Гороховецкую канцелярию 22 ноября 1762 г., а уже 24 ноября его «крестьянам всем читали» (там же, л. 228). Таким же срочным образом по всему уезду посыльные читали указ об амнистии нижним военным чинам, дезертировавшим из армии, если они сами вернутся на службу. Такого было распоряжение Елизаветы Петровны от 1759 г., Петр III продлил срок возврата на службу до мая 1762 г. Получив второй указ, в канцелярии Гороховца обнаружили, что первого документа они не имеют и его своевременно не огласили (вероятно, причиной тому стал сильный пожар 1759 г., уничтоживший здание воеводской канцелярии). Был экстренно добыт первый указ (по заломам бумаги на нем видно, что он прибыл в маленьком нестандартном конверте), поскольку без него оказался непонятен второй, и они оба были срочно объявлены (д. 489, л. 6–7). Кажется, что эта промашка осталась незамеченной и сошла канцелярии с рук.

Все помещики Гороховецкого уезда расписались в том, что ознакомлены с указом о начале Генерального межевания земель (д. 527, л. 204–208), о введении карантинных мер от морового поветрия (там же, л. 259–270), о рекрутских наборах и многих других общих мероприятиях.

В городе часто зачитывались указы для «охочих людей» с предложением взять на себя тот или иной государственный откуп или подряд. Так, Военная коллегия постоянно искала купцов, желающих заняться поставками провианта (д. 444, л. 1–3 и многие другие). Такие поставщики требовались в самых разных областях, например в 1768 г. шел поиск лиц, желающих снабжать студентов Московского университета съестными припасами (д. 522). Но в Гороховце подобных добровольцев, насколько можно судить, никогда не находилось.

Ведомости: сбор информации. В канцелярию приходили указы, обращенные непосредственно к ее штату, с предписанием «прислать ведомость» о том-то и о том-то. Это означало, что следует собрать определенную информацию, записать ее в реестр и отправить в соответствующий департамент. Деятельность по осуществлению этих запросов сохранилась во множестве черновых бумаг, готовившихся для разных «ведомостей». Выявление необходимых сведений требовало времени и больших усилий по их сбору, а иногда и специальной подготовки, что нимало не волновало тех, кто давал установки. Зачастую «наверху» ответ хотели получить немедленно, а потому постоянно напоминали нижестоящим, что, согласно Генеральному регламенту, правительственные указы должны исполняться в кратчайшие сроки, а отписки об их получении — отправляться на следующий день (например, см. д. 468, л. 43–44).

Приведу далеко не полный перечень сведений, которые запрашивались у Гороховецкой канцелярии, никак не структурируя их специально по группам, дабы наглядно продемонстрировать, насколько лавинообразно они поступали в город в действительности. Итак,

канцелярия составляла ведомости и реестры о состоянии кабаков (д. 16; д. 484, л. 638–657), винокуренных и иных заводов (д. 214); о посевах и урожаях зерновых (д. 514, 516 и др.); о количестве и качестве домов гороховецкого купечества для установления возможностей постоя (д. 513, л. 206–212); о гороховлянах, не ходивших к исповеди, для взимания с них штрафов (там же, л. 139–149); о цыганах, живущих в Гороховецком уезде, для взимания с них налога (д. 514); о выморочных дворах и лавках в городе (там же); о количестве старых пушек, мортир и гаубиц, находящихся здесь же (д. 517); обо всей гороховецкой недвижимости (там же); о черносошных крестьянах-иноверцах (там же); о прежних службах служилых людей, выявленных по третьей ревизии, с указанием, какие они платят подати (д. 522); о крестьянах, не знающих своих помещиков (там же); о статских доходах Гороховецкой канцелярии (там же); о реках, по которым возможно сплавливать лес (там же); о состоянии частных водяных мельниц (д. 523, л. 719–727); о корчемных делах, находящихся в канцелярии (д. 527); о послужных данных всех служилых людей с внесением их в печатные списки (там же); о состоянии здоровья жителей Гороховецкого уезда в связи с моровым поветрием (там же) и т.д.

Некоторые виды ведомостей запрашивались регулярно: о сборах пошлин и о недоимках, о состоянии за год винных и соляных продаж, о подушных сборах, о прохождении рекрутских наборов, о поимке преступников и т.д.

В связи с различными государственными мероприятиями приходили запросы, относящиеся к разным группам уездного населения. За купечество отвечал магистрат, за духовенство — духовное правление, за дворянство и крестьян — воеводская канцелярия. Так, Герольдмейстерская контора запрашивала ведомости обо всех дворянах, проживавших на территории уезда. В 1760 г. поступил запрос о дворянах, «живущих в деревнях и находящихся не на службе: недорослей, отставников и др., об обер и штаб офицерах при канцеляриях, а также об умерших, выбылых и новорожденных» (д. 468, л. 46–47). Солдат канцелярии Белов объехал всех дворян, в том числе «праздноживущих, отставных и просрочившихся недорослей», и информировал их о требовании предоставить сведения о себе в Герольдию (там же, л. 107–117).

Правительство империи постоянно было озабочено устройством и жизненным обеспечением отставных военных нижних чинов [2], дабы избавить их от нищенства. Гороховец не входил в список «инвалидных» городов [3], освобождавшихся от постоя за счет содержания инвалидов войны. Но и сюда посылалось много отставных солдат, в связи с чем Военная коллегия постоянно запрашивала канцелярию об их местонахождении. В частности, за 1765 г. была составлена общая ведомость отставным военным, находящимся в монастырях и богадельнях г. Гороховца (д. 511, л. 344–347).

В тот же год, по поручению обер-прокурора А.А. Вяземского, пришел и более сложный по выполнению запрос — выяснить, сколько во

Владимирской провинции имеется крестьян, работающих на пашне и состоящих на оброке, и записать их в ведомость порознь (д. 312, л. 5–8). Гороховецкая канцелярия выполнила задачу по своему уезду, переписав 3717 душ (там же, л. 9–12).

В связи с секуляризацией церковных земель, согласно манифесту от 28 февраля 1764 г., все монастырские и церковные крестьяне передавались в государственное ведомство — Коллегию экономии. Эта масштабная реформа требовала множества сведений и изрядно загружала канцелярию, хотя, казалось бы, следовало задействовать духовное правление. Только в июле 1764 г. Коллегия экономии приказала провинциальным канцеляриям и определенным им в помощь штабс- и обер-офицерам произвести: 1) подробную перепись инвалидов, живущих при архиерейских домах, монастырях и в синодальных вотчинах; 2) перепись людей из церковной прислуги с указанием, где они были записаны в подушный оклад; 3) перепись персон духовного звания в штате и за штатом; 4) опись того, сколько к 1764 г. осталось денежных сумм после всех расходов и сколько денег поступило в Коллегию экономии, а также запасов хлеба; 5) перепись земель и угодий, отдающихся монастырями в оброк (д. 301, л. 1–2). В 1675 г. Коллегия экономии занялась приведением в порядок монастырских рыбных ловель и мельниц для определения с них оброка, что потребовало от канцелярии составления полного реестра всех этих строений и сбора дополнительных о них сведений. В процессе возникло немало судебных дел по поводу принадлежности мельниц разным владельцам (д. 395, л. 2–3, 13, 14, 51, 54–57, 68–69, 91–92, 94–94 об.).

Провинциальные и воеводские канцелярии являлись одновременно и административными, и судебно-следственными органами, при них находились тюрьмы. Созданная в 1760 г. Экспедиция о колодниках при Сенате жестко контролировала канцелярии и постоянно требовала сообщать разнообразные сведения о колодниках (людях, находившихся под следствием). Началось все с составления обычных статейных списков по всем колодникам согласно предписанной форме (д. 470, л. 1–43), однако в дальнейшем канцелярия оказалась обязана ежемесячно присылать ведомости о заключенных: как долго они находятся под арестом, почему их дела еще не решены и т.д. Юстиц-коллегия также требовала известий о колодниках каждые полгода (д. 512, 517). Не отставала здесь и Розыскная экспедиция (учрежденная в 1763 г. вместо Сыскного приказа), нуждавшаяся в сведениях о содержании и этапировании преступников (д. 511, л. 176–177).

Контролируя судебную деятельность канцелярий, Сенат в 1765 г. потребовал составления совершенно невозможной ведомости (прислав ее печатную форму) о том, сколько начиная с 1719 г. поступило в присутствие дел, по каким составам преступления, сколько взято штрафов и пошлин и сколько еще предстоит их получить (д. 511, л. 24–30). Впрочем, гороховляне смогли сразу же отвести это невыполнимое требование, ссылаясь на пожар 1759 г., уничтоживший множество документов канцелярии. Тогда Экспедиция о колодниках сократила запрос и

затребовала ведомости по нерешенным и решенным делам с января 1759 г. по январь 1766 г., ведомость по количеству поступивших в канцелярию челобитных, ведомость по выбывшим колодникам, ведомость по штрафам и пошлинам (д. 513, л. 7–35). С этим наплывом указаний Гороховецкая канцелярия все равно не справилась и получила с курьером персональный выговор: «Не только в неделю, но и с лишком через два месяца по трем посланным во оную канцелярию указам [ведомости] не присланы, того ради во оной канцелярии определено... послать нарочного по инструкции и велено оногo воеводу держать в канцелярии, а приказных служителей скованных без выпуска до тех пор пока означенные повеленные ведомости и списки сочинены будут и ему, посланному, отданы будут...» (там же, л. 36). При такой постановке вопроса все ведомости были все же составлены и отосланы в Москву (их копии сохранились). Такое повышенное внимание к колодникам, впрочем, объяснялось отнюдь не заботой о них и их здоровье. Напротив, они использовались на самых тяжелых работах: например, во время морового поветрия 1771 г. Гороховецкой канцелярии было велено срочно прислать всех приговоренных к ссылке (6 человек) для работ по захоронению трупов (д. 528, л. 228–237).

По требованиям сенатских комиссий проводились осмотры состояния дорог, в особенности от Гороховца до главного Муромского тракта, и составление соответствующих отчетов с указанием количества верст, наличия и состояния мостов, расчистки обочин от лесных зарослей (д. 514, л. 202; д. 513, л. 203–205; д. 517, л. 137, 147, 168–172 и др.). Меры по поддержанию хорошего состояния дорог были необходимы не только для удобства езды, но и для безопасности населения, ибо окрестные леса славились наличием в них разбойничьих шаек, нападавших на купцов. Эти разбои были еще одной постоянной проблемой для воеводской канцелярии: преступников приходилось ловить и судить. Неудовлетворительное состояние дорог, мостов и улиц Гороховца грозило воеводе вычетом из жалованья (д. 515, л. 3–4). Различные запросы о дорогах высылала и Ямская канцелярия, требуя, например, сообщать о расстоянии в верстах Гороховца от Санкт-Петербурга и других городов (д. 522, л. 405–407).

Особой дотошностью отличались «статистические» запросы из российской Академии Наук, присылаемые в форме сенатских указов. Так, в 1760 г. поступили в Гороховец «запросные пункты» для создания нового Российского атласа о различных сторонах жизни российских городов — местоположении, населении, торговле и т.д. Подобный же запрос с целью географического описания российских городов сделал и Сухопутный кадетский корпус (д. 465, л. 1–2). По указу Сената канцелярия составила в 1765 г. объемную «географическую» ведомость о границах Гороховецкого уезда и к ней — перепись жителей в пограничном с г. Муромом районе (д. 511, л. 274–313).

Рапорты: предпринятые действия. Помимо присылки различных сведений, канцелярии своими силами выполняли указы первостепенной государственной значимости и затем отчитывались в своих действиях.

Самым главным здесь, конечно, являлся сбор налогов, которым руководила Камер-коллегия. В нем принимали участие и городской магистрат, и ратуша, привлекались и отставные унтер-офицеры. Но и воеводская канцелярия писала бесчисленные рапорты о подушной подати и о разных других налогах (например, на бани), сбор которых она была обязана организовывать в своем уезде. На ее плечи ложился и сбор недоимок. Служащие канцелярии составляли окладные книги подушных сборов и занимались организацией отправки всех налоговых поступлений из Гороховца в Камер-коллегию.

Канцелярии следовало организовывать также действия по мобилизации военных сил. Так, в июне 1758 г., в разгар Семилетней войны, в Гороховце был получен указ о всеобщей мобилизации дворян и возвращении их в полки из отпусков. Был составлен список офицеров, находившихся в своих имениях в Гороховецком уезде и под подписку оповещенных о данном распоряжении (1758 г., д. 461, л. 1–5, 9–12, 57–58).

Огромную работу местным чиновникам приходилось проводить и во время рекрутских наборов, начиная с объявления о новом наборе, надзора за его правильным прохождением и заканчивая отправкой рекрутов по назначению. Весь этот процесс сопровождался громадным количеством документации. Составлялась роспись всех лиц, поставлявших рекрутов от Гороховца и Гороховецкого уезда (д. 454, л. 257–260); собирались расписки сельских старост о том, что они с объявлением ознакомлены (д. 462, л. 80–84); подшивались рапорты об уведомлении жителей о запрете укрывать беглых рекрутов (д. 463, л. 1–7) и т.д. Каждого рекрута следовало исключить из подушного оклада, предоставить об этом сведения в разные инстанции, разрешить возникавшие споры, а также провести допросы рекрутов, отважившихся на побег, каковых было немало.

В компетенцию воеводской канцелярии входил и поиск места жительства, пропитания и работы для вышедших в отставку военных нижних чинов, оказавшихся в Гороховецком уезде. Их устраивали в администрацию (например, сторожами), отсылали в богадельни и монастыри, о чем канцелярия посылала доношения в Военную коллегию (д. 505). Она также занималась определением солдатских детей в гарнизонные школы (д. 461, л. 68).

В 1765 г. начался эксперимент по культивированию картофеля в России. В канцелярии получили семь экземпляров указа о рассылке и об употреблении в пищу «земляных яблок», называемых «потетец» (д. 512, л. 70). Он сопровождался рекомендациями Медицинской коллегии о правильном содержании прилагавшихся клубней. Их под расписку раздали местным помещикам, которые были обязаны отчитаться о полученном урожае. Его цифры оказались близки к нулю, поскольку помещиков это начинание совершенно не увлекло (д. 513, л. 377–407).

Неожиданной проблемой для канцелярии обернулись найденные в 1775 г. в овраге зубы и кости «азиатского зверя». Рапорт об этой находке заинтересовал московского губернатора графа Фёдора Остермана, и он

возложил дознание о происхождении этих костей, как и поиск других таких же, на воеводскую канцелярию (д. 408, л. 1–29).

Здесь я не касаюсь многочисленных дел воеводской канцелярии, прямо не относившихся к исполнению указов высшей власти: судебных разбирательств разного характера, поиска преступников, допросов беглых крестьян и рекрутов, выдачи помещикам документов, подтверждающих их владения (например, при наследовании), и разных других справок и свидетельств, оформления крестьянам-отходникам паспортов и многого другого.

Штат канцелярии

Воеводы. Сколько же было служащих в воеводской канцелярии Гороховца, выполнявших все эти распоряжения власти? Она состояла из трех подразделений: присутствия (воевода, товарищ воеводы), собственно канцелярии (секретарь, канцеляристы, подканцеляристы, копиисты) и внеканцелярских служителей.

Воеводы и товарищи воевод, как и любые другие руководящие лица государственных учреждений, в отличие от своих подчиненных принадлежали к дворянству. Воеводами уездных городов оказывались дворяне с неудавшейся карьерой в незначительных военных и статских чинах. В первой половине XVIII в. воеводами в Гороховце являлись коллежский асессор Иван Чичагов, уехавший куда-то, не сдав дела, затем — прапорщик князь Фёдор Васильевич Щепин-Ростовский, до того служивший в Переславле-Залесском товарищем воеводы провинциальной канцелярии и там убивший священника [4]. После его смерти в 1744 г. воевод в Гороховце не было «немалое время» (д. 483, л. 11–18), а затем до 1752 г. уездом управлял майор Степан Кондырев, которого сменил прапорщик Василий Яковлевич Лазарев (д. 490, л. 15–20). В 1761 г. воеводой стал титулярный советник Иван Семенович Гиневлёв из костромских помещиков, затем — прапорщик Иван Казимерский. С 1766 г. эта воеводская «чехарда» прекратилась: должность занял коллежский асессор Семен Иванович Лебедев, прослуживший более 15 лет. С ним работал товарищ воеводы титулярный советник Иван Филиппов (д. 514). Таким образом, перечисленные лица в основном являлись прапорщиками (низший, XIV офицерский чин по Табели о рангах) или коллежскими асессорами (статский чин VIII, равный майору), единожды воеводой становились майор и титулярный советник (IX чин).

Биография Лебедева, рассказанная им самим (д. 527, л. 358), нетипична для воеводы. Он был сыном протопопа из Царского Села (т.е. лица, близкого ко дворцу), но не ступил на духовную стезю, а начал работать в 1746 г. (видимо, с 14 лет) копиистом в Петербургском Соляном комиссарстве, в 1747 г. был переведен копиистом в Сенат, в 1748 г. стал канцеляристом. Быстрый карьерный рост свидетельствует о его канцелярских способностях. С началом Семилетней войны Лебедев в 1756 г. был взят в военную походную канцелярию фельдмаршала графа Петра

Ивановича Шувалова, где снова продвигался в чинах: в 1758 г. в канцелярии Обсервационного корпуса он служил военным регистратором, затем в гренадерском полку — аудитором, после занимал ту же должность в полевой артиллерии. Видимо, несмотря на канцелярскую службу, ему пришлось понюхать пороху. В 1759 г. Лебедев был пожалован в коллежские асессоры и перешел в Камор-коллегию. В 1766 г., когда ему, видимо, исполнилось около 40 лет, указом, подписанным императрицей лично, он оказался определен воеводой в Гороховец.

Появление подобной «автобиографии» и особый акцент, сделанный в ней на назначении Лебедева на должность лично государыней, были связаны с тем, что Сенат в 1771 г. затребовал сведения о происхождении всех канцелярских служащих для проверки «чистоты» их рядов, согласно запрету принимать в их штат людей, бывших в подушном окладе (д. 527, л. 335–339). Видимо, Семен Иванович тревожился по поводу своего недворянского происхождения. В отличие от других воевод-дворян, стремившихся оставить этот пост, Лебедев за него держался: у него не имелось земли и крестьян, он владел только пятью дворовыми людьми и был заинтересован в государственном жалованье, которое составляло 94 руб. в квартал и выделялось из доходов самой канцелярии. Когда воевода испросил себе недельный отпуск в Москву и ему потребовались эти деньги, он трижды подавал прошение о разрешении их взять (д. 527, л. 192). Жил Лебедев продолжительное время на квартире вместе с женой и двумя малолетними сыновьями, и только в 1771 г. для него был достроен воеводский дом (д. 527, л. 171).

Таким образом, во второй половине XVIII в. гороховецким воеводой стал опытный канцелярист, работавший к тому же весьма усердно. В «журналах» сохранилось несколько его «Предложений» по деятельности канцелярии. О стиле работы Лебедева говорит такой случай. Ограбленные на большой дороге крестьяне не постеснялись заявиться со своей бедой ночью к нему на квартиру. Он тут же мобилизовал поисковую команду, и разбойники, не ожидавшие столь быстрых действий, были схвачены (д. 335, л. 1–134).

Показателен также конфликт Лебедева с секретарем Гневышевым, который составил обращение в Сенат с просьбой прислать другого воеводу и хотел, чтобы представители уездного дворянства подписали это письмо. Но те встали на сторону Лебедева и заставили Гневышева прекратить свои инсинуации (д. 381, л. 1–86). Этот факт говорит о высоком личном авторитете Семена Ивановича в городе и его округе, поскольку, как представляется, местные дворяне не должны были бы относиться с симпатией к воеводе, вышедшему из копиистов канцелярии.

Лебедев вступил в конфликт и с бургомистром Гороховца Хамовым, пожелав лично проверять книги соляных продаж, чего тот допустить никак не хотел (вспомним, что воевода начинал свой путь в Соляном комиссарстве, почему, вероятно, и заинтересовался этими книгами (д. 327а, л. 1–15)). Имела место и словесная перепалка с возглавлявшим военную команду канцелярии отставным подпрапорщиком Семеном

Прокоповым, закончившаяся извинениями последнего и уверениями в том, что воевода его неправильно понял (д. 517, л. 120–121). Иначе говоря, конфликтов у Лебедева с его окружением было немало, но все они заканчивались мирно.

Секретари и канцеляристы. Должность секретаря занимал наиболее опытный и квалифицированный работник, возглавлявший канцелярский состав. Он был фигурой не менее значимой, чем воевода, вместе с которым он находился «в присутствии» и принимал неформальное участие в принятии различных решений. В должность секретаря канцелярии по указу Петра III от 15 мая 1762 г. производились люди из «приказного чина», которые «в службе находятся без подозрения» (д. 487, л. 156).

Таким человеком «без подозрений» был в Гороховце, например, секретарь Алексей Еремеев сын Напивкин. В 1751 г. он работал канцеляристом (д. 4, л. 1–11), в 1759 г. уже значился «подьячим с приписью» (т.е. старшим среди подьячих, или, по-новому — канцеляристов) (д. 21, л. 1–16), что являлось прямым путем в секретари, каковым он и стал в 1765 г. (д. 512, л. 160–164). В 1768 г. Напивкин оставил по болезни свою долгую службу, за которую просил награждения (в 1759 г. он сильно пострадал во время пожара, в 1760 г. был избит пьяными крестьянами на дороге) (д. 330, л. 1–6, 12). После его отставки место секретаря пустовало, и только в 1770 г. из Герольдмейстерской конторы на него был прислан Иван Гневышев, который поначалу сказался больным и не приехал (д. 525, л. 45–50), а вступив в должность, как уже говорилось, стал конфликтовать с воеводой Лебедевым и подрался с предводителем гороховецкого дворянства (д. 381, л. 1–86; д. 527, л. 391–394; д. 528, л. 173–175), что не помешало ему впоследствии продолжать свою службу.

Канцелярия состояла из канцеляристов, подканцеляристов и копиистов, ее штат в Гороховце был обычно не укомплектован. В 1765 г., пытаясь оправдаться перед Владимирской провинциальной канцелярией, наложившей штраф в 25 руб. на Гороховец за задержку присылки приходо-расходной росписи за 1764 г., горожане указывали на нехватку людей в их канцелярии, перечисляя имеющихся работников «среднего звена»: канцеляристов — 2, подканцеляристов — 1, копиистов — 3 (д. 312, л. 1–19). Владимирское начальство отреагировало на жалобу и перевело в Гороховец своего канцеляриста Ивана Аменина (д. 490, л. 8). В 1764 г. была введена должность казначея (д. 506, л. 2–8, 66–70). Наконец, указ 1767 г. дозволил расширить штат уездных канцелярий: теперь в них могло служить три канцеляриста и два подканцеляриста (д. 517, л. 240–243, 256–261). Им был прислан текст «Клятвенного обещания подканцеляриста» (л. 242), который они произнесли в главном соборе города.

В 1767 г. в канцелярии работали уже три Амениных — отец и два сына. Количество копиистов мне неизвестно, видимо, их было четыре-пять человек, но их явно не хватало. Так, поповского сына копииста Петра Васильева переманили из Духовного правления, которое жаловалось во Владимир, что из-за его отсутствия у них возникла остановка в делах, и его пришлось вернуть на прежнее место (д. 468, л. 98–99). Заимствовала

копиистов воеводская канцелярия и у магистрата, к его большому неудовольствию (д. 215, л. 1–38). В копиисты в 1768 г. взяли дьякона Иосифа Протопопова, расстриженного за двоеженство (д. 522, л. 303–308, 328–334), и некоего Михаила Егорова (д. 523, л. 410–413).

Канцеляристы, благодаря своей работе, были весьма эрудированны, разбирались в законодательстве и во внутренней политике страны, отраженной в указах. Но отношение к ним оставалось неуважительным. Вот пример от 1798 г. злой насмешки над подьячим, решившим одеться по моде, Н. Львова, принадлежавшего к интеллектуальной элите:

Скрыпучий с приписью подьячий
В счастливый наш развратный век,
Забыв свой сан и род собачий,
Быть вздумал также человек.
По моде и со вкусом
Рожден подлячкою и трусом,
Недолго писчик размышлял,
Какую к счастью взять дорогу [5]...

Внеканцелярские служители. По штату при канцеляриях должна была находиться военная команда из 29 человек во главе с офицером, в подчинении у которого имелись капрал, сержант, 24 рядовых и 1 барабанщик (д. 528, л. 80 об.). Но полного комплекта в Гороховце обычно не набиралось. Солдаты часто обращались с просьбой об отставке за старостью и болезнями. При воеводской канцелярии состоял и заплечных дел мастер (д. 517, л. 229). Члены команды объявляли указы, ловили преступников, осуществляли обыски и аресты, находились при сборе подушных податей, этапировали колодников и осуществляли еще множество поручений (д. 477, л. 34–36).

Доходы. Жалованье канцеляристы получали из доходов самой канцелярии, а за вычетом различных штрафов они, видимо, были крайне незначительны. Документов о выдаче жалованья в Гороховецкой канцелярии мне в архиве не встретилось. Зато есть сведения о штрафах. Показательно дело калужского канцеляриста Винтера, которого в 1777 г. собирались назначить в секретари в Гороховец. По этому случаю из его жалованья хотели вычесть штрафы и платежи, накопившиеся за ним с 1763 г., однако в своем заявлении он сообщал, что за все это время жалованья не получал и вычитать неоткуда (д. 423, л. 44–54), и ему можно верить [6]. Штрафовались и воеводы за разные нарушения, например товарищ владимирского воеводы Иван Никифорович Грибоедов вынужден был заплатить за то, что находился в присутствии на час меньше положенного времени (д. 513, л. 375).

Верховная власть следила за своевременным исполнением сенатских указов, присылкой рапортов и ведомостей. В петровском указе от 10 мая 1721 г. говорилось: «За нерапортование штраф следующей положен за всякой месяц за сроком, а имянно: за первой — сто рублей, за другой — вдвое, за третьей — втрое, за четвертой — в четверо, за пятой лишение всего и в вечную работу на галеры, ежели законных причин не положить».

Этот указ подтверждался в 1762, 1763, и 1765 гг. (д. 515, л. 162–164; д. 522, л. 120–122). Владимирская провинциальная канцелярия также грозила чиновникам Гороховца штрафами за неисполнение ее распоряжений, хотя они и не имели достаточных финансов, чтобы их выплачивать. Понимая это, властям приходилось в качестве милости объявлять об отсрочке взимания штрафов (д. 516).

В делах Гороховецкой канцелярии отсутствуют какие-либо сведения о взяточничестве. Единственный раз в ходе судебного расследования упоминалось, что воевода Гиневлёв вымогал взятку у купца, который в ней отказал, и «за неизыскание к своему лакомству удовольствия» воевода задержал его дворовую девку как беглую (д. 277, л. 1–10). Случались, но очень редко, недочеты небольших сумм при сборе налогов (д. 68, л. 1–53). Но вполне возможно, что документы не отражают те финансовые злоупотребления, которые творились в канцелярии, поскольку «кормиться» сотрудникам, не получавшим жалованья и не имевшим земли, как-то было надо.

Чудовищные «ножницы»

Что можно сказать о количестве поступавших в канцелярии указов? Н.Я. Эйдельман очень приблизительно посчитал, пользуясь Собранием законов Российской империи, что в правление Петра I в среднем объявлялось около 8 указов в месяц, с 1725 по 1762 г. — 21, а при Екатерине II — 12 указов [7]. Д.А. Редин, говоря о количестве входящих государственных указов, приводит в пример указную книгу Арамильской земской конторы, подчинявшейся Тобольской губернской канцелярии, за 1722 г. В ней зарегистрировано 173 указа, т.е. в месяц их поступало приблизительно 14. Помимо них, в контору приходило еще множество распоряжений из других ведомств. Штат конторы состоял всего из трех человек [8].

Ко второй половине века число указов росло в прогрессии относительно роста количества сотрудников низших административных органов власти. По указным книгам Гороховецкой воеводской канцелярии общий объем входящих распоряжений понять затруднительно, поскольку они оказались подшиты в указные книги вперемешку с другими документами. Однако сами книги, в которые входили и рапорты об их получении, и копии печатных экземпляров, и делопроизводственные бумаги, связанные с исполнением указов, в своем объеме росли год от года. Так, указная книга за 1736 г. имеет 51 л.; за 1758 г. — 55 л.; за 1759 г. — 75 л.; за 1762 г. — четыре книги соответственно по 131, 39, 157 и 167 л.; за 1765 г. — 243 л.; за 1766 г. — две книги по 434 и 366 л.; за 1767 г. — две книги по 269 и 376 л.; за 1768 г. — две книги по 407 и 262 л.; за 1770 г. — 413 л.; за 1771 г. — 700 л.; за 1772 г. — 508 л. и т.д. (д. 443, 457, 461, 484, 485, 487, 512, 513, 514, 516, 517, 522, 523, 525, 527, 528).

Существовало также множество других документов, не входивших в книги указов. Иначе говоря, объем делопроизводства был огромен. Здесь наблюдается та же проблема, которую Д.А. Редин показал на материале

Урала: «Чудовищные “ножницы” между объемом делопроизводства и скудным канцелярским потенциалом — одна из главных проблем, влиявших на качество управления в петровскую эпоху» [9]. В нашем случае та же самая проблема наблюдается для другого региона империи и для другой эпохи. Как следствие, множество мероприятий, задуманных властью, оставались невыполненными или выполненными формально, «для отчета».

Таким образом, с точки зрения анатомии, у «тела» государственной власти в России второй половины XVIII в. имелись очень большая «голова», состоявшая из многих департаментов, и очень маленькие «ступни», с трудом державшие свою ношу. Но о них «голова» заботилась мало, она их презирала. Лавина указов, трудных для понимания и сложных для исполнения, низвергавшаяся на канцелярию, даже сегодня вызывает у меня при работе с ними паническую атаку. Как местная канцелярия с этим справлялась? Какие находила стратегии собственного выживания? Эти трудные вопросы требуют специального исследования.

[1] Российский государственный архив древних актов. Ф. 479. Оп. 2 (далее ссылки даются в тексте).

[2] *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные и убогие в Москве XVIII в. М., 2010.

[3] Там же. С. 82, примеч. 182.

[4] Государственный архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 13. Д. 632.

[5] Пародия в рукописной сатире и юмористике XVIII века. Публ. В.Д. Кузминой // Записки отдела рукописей Гос. библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 17. М., 1955.

[6] См.: *Кошелева О.Е.* «От трудов праведных не наживешь палат каменных» // Отечественные записки. 2003. Вып. 3. С. 333–342.

[7] *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. Ч. 1. М., 1992. С. 58–59.

[8] *Редин Д.А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ. Екатеринбург, 2007. С. 439–440, 448.

[9] Там же. С. 440.

Александр Чудинов

Французская революция в восприятии русских современников

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_256-266

Начавшаяся в 1789 г. революция во Франции была, разумеется, делом прежде всего самих французов, но все же не только их одних. В ней активно участвовали и выходцы из других стран: итальянец Филиппо Буонарроти, англичанин Томас Пейн, ирландец Уолф Тон, немцы Георг Форстер и

Анахарсис Клоотс, уроженец Венесуэлы Франсиско Миранда, швейцарец Этьен Клавьер и многие другие. Более того, сами французские революционеры охотно подчеркивали международное значение событий, происходивших у них в стране, что, в частности, выразилось в присвоении 26 августа 1792 г. Законодательным собранием Франции звания французских граждан восемнадцати иностранцам «за содействие делу разума и продвижение свободы» [1]. Однако ни среди этих во многом сугубо номинальных граждан (большинство из них не захотели воспользоваться подобным званием на практике), ни среди реальных деятелей Революции мы не находим ни одного русского имени. И это не удивительно. Россия меньше всех других стран Европы испытала на себе прямое влияние Французской революции — как идейное, так и политическое.

Если кто-то из просвещенных россиян и питал какие-либо симпатии к принципам Революции на ее начальном этапе, то их чувства все же были слишком поверхностными и не привели к появлению на берегах Невы или Москвы-реки доморожденных «якобинцев», как это, например, произошло в Великобритании, Германии, Италии или Венгрии. Александр Радищев, попытавшись своей книгой «Путешествие из Петербурга в Москву», как сочли власти, «произвесть в народе негодование противу начальников и начальства» [2], добился немногого — вошел в историю не только как первый, но и как единственный русский революционер того времени. Впрочем, даже у него по мере развития Французской революции восхищение ею сменилось чувством ужаса, которое вызвало к жизни его знаменитое стихотворение «Оснадцатое столетие»:
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярый.

Зри, всплывают еще страшны обломки в струе... [3]

В советское время, когда изучение революционной традиции во всех ее проявлениях составляло главное содержание идеологического заказа государства историкам, обнаружить влияние Французской революции пытался не кто иной, как Михаил Михайлович Штранге, авторитетный исследователь и не только. Потомок русских эмигрантов первой волны, он получил во Франции образование инженера-кораблестроителя, учился на историка в Сорбонне, в войну участвовал в Сопротивлении, а в 1947 г. вернулся в СССР, где был направлен на научную работу [4]. Именно его перу принадлежит вышедший в 1956 г. труд «Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг.», в котором автор скрупулезно выискивал случаи репрессий правительства Российской империи против тех, кого заподозрили в распространении «французской заразы». К явному разочарованию этого историка, число таких случаев оказалось столь незначительно, что их можно было пересчитать по пальцам одной руки. Это, конечно, никоим образом не шло в сравнение с проводившейся, скажем, английскими властями высылкой десятками британских «якобинцев» в Австралию. Чтобы как-то компенсировать очевидную несоразмерность усилий, затраченных им на свои поиски, и полученного результата, Штранге выдвинул утверждение, которое уже само по себе

весьма красноречиво: «Полицейские преследования, *по-видимому*, распространялись на широкий круг людей, *оставшихся нам неизвестными*» [5]. Иными словами, как бы советскому историку ни хотелось показать широкий характер подобных репрессий, реальных фактов он не нашел.

За неимением отечественных «якобинцев» и отсутствием русских в пантеоне деятелей Французской революции советские историки подняли на щит соотечественников, ставших, по их мнению, если не «героями», то хотя бы «участниками» Революции. В качестве таковых авторы выходявших в СССР обобщающих трудов о Французской революции обычно упоминали трех юных отпрысков русских аристократических семейств: графа Павла Строганова и двух братьев Голицыных, Бориса и Дмитрия. Правда, никаких конкретных доказательств их предполагаемой сопричастности к Французской революции не приводилось, а лишь бегло отмечалось, что Строганов, находясь в революционном Париже, стал членом Якобинского клуба, а братья Голицыны там же «приняли участие в штурме Бастилии» [6]. Насколько эти утверждения соответствовали действительности, мы и рассмотрим далее.

С формальной точки зрения отрицать якобинство Павла Строганова не приходится. В миланском Музее Рисорджименто до сих пор хранится сертификат о вступлении «гражданина Очера» 7 августа 1790 г. в число членов Якобинского клуба [7]. Именно под псевдонимом «Поль Очер» в Париже тогда и жил юный граф Строганов [8]. А вот то, насколько он по своим убеждениям соответствовал званию «якобинца», вопрос уже гораздо более сложный.

Павел Строганов (1772–1817), сын одного из первых богачей Российской империи графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811), родился и первые семь лет своей жизни провел в Париже, куда его родители уехали после заключения брака. Французский стал для Попо, как мальчика называли в семье, родным языком. Его отец, живя во Франции, играл видную роль в масонском движении. В 1773 г. он был одним из основателей «Великого Востока» — общенационального объединения французских масонов, а в 1776 г. стал членом одной из наиболее знаменитых лож XVIII в. — ложи Девяти сестер, объединявшей выдающихся деятелей науки и культуры своего времени, таких как Вольтер, Б. Франклин, Ж.А. Гудон и другие [9]. В ложе Девяти сестер старший Строганов близко сошелся с Жильбером Роммом (1750–1795), уроженцем Оверни, зарабатывавшим себе на жизнь частными уроками математики. Его-то граф Строганов, уезжая с семьей в сентябре 1779 г. в Россию, и пригласил на должность гувернера при Попо.

В России Ромм и его воспитанник прожили до середины 1786 г. Они много путешествовали: через Москву, Нижний Новгород и Казань на Урал (1781 г.), в Выборг и к водопаду Иматра (1783 г.), по Карелии и Белому

морю на Соловки (1784 г.), в Киев (1785 г.), а оттуда в Крым (1786 г.) [\[10\]](#). С июля 1786 г. маршруты странствий юного Строганова и его гувернера пролегли уже по странам Западной Европы: Германии, Франции, Швейцарии. Повсюду их сопровождал художник Андрей Воронихин, бывший крепостной Строгановых, в будущем — великий архитектор, зодчий Казанского собора в Петербурге.

В конце мая 1788 г. Ромм и Павел Строганов покинули Женеву, где прожили к тому моменту уже около двух лет, и прибыли во Францию. Лето 1788 г. они провели в Оверни, либо живя в деревне Жимо, где у матери Ромма был большой дом, либо путешествуя по провинции. В августе они решили отправиться в Париж, чтобы присутствовать при открытии Генеральных штатов. До того времени политические события, происходившие во Франции, не только никак не влияли на разработанный Роммом план учебы воспитанника, но даже не находили никакого отражения в письмах обоих к отцу Павла. Однако всплеск общественной активности, вызванный королевским указом о предстоящих выборах, явно не остался ими незамеченным. А поскольку главной целью их путешествий было знакомство со всевозможными достопримечательностями, наставник и его подопечный не могли оставить без внимания такую редкость, как собрание представителей трех сословий, впервые созданное после 1614 г.

Впрочем, и в Париже главной целью Ромма по-прежнему оставалось образование воспитанника, прежде всего в области естественных и точных наук. Для того чтобы не отвлекать юношу от учебы и избавить его от необходимости возвращаться в светских кругах, Ромм побудил Павла взять псевдоним «Очер» по названию одного из уральских владений его отца, как объяснил он в письме к самому графу [\[11\]](#). Занятия Павла Строганова и в Париже продолжались своим чередом, а объем их, возможно, даже увеличился. Круг общения его и Ромма, судя по их переписке, также составляли в основном люди, связанные с науками. И наставник, и ученик до мая 1789 г. обращали на политику мало внимания.

В мае же, с открытием Генеральных штатов, распорядок занятий Павла Строганова претерпел серьезные изменения. Ромм и его подопечный начали регулярно посещать Версаль, где с трибуны наблюдали за работой депутатов. Водоворот революционных событий все глубже затягивал и учителя, и ученика. Вместе с тем уже летом 1789 г. в их отношении к увиденному все более явственно обозначались существенные различия. Под впечатлением от происходящего взгляды Ромма быстро радикализировались: из заинтересованного наблюдателя он в считанные недели превратился в горячего приверженца Революции, а затем и сам захотел принять в ней участие. В то же время его ученик, задумчивый, чувствительный и глубоко религиозный юноша, далеко не в полной мере разделял революционный энтузиазм своего наставника. Его настроения, выраженные в письмах к отцу, составляли удивительный контраст с восторженностью Ромма. При несомненной симпатии к переменам в общественном устройстве Франции юноша смотрел на них с позиции доброжелательного, но все же стороннего наблюдателя, не ощущая себя

участником происходящего и в какой-то степени даже тяготясь царящим вокруг беспорядком. Что у него вызывало действительно сильные переживания, так это трудности, с которыми в тот момент столкнулась Россия: войны со Швецией и Турцией, угроза внутренних неурядиц. Лейтмотив корреспонденции Павла Строганова 1789–1790 гг. — это желание скорейшего прекращения в Европе войн и мятежей, установления гражданского согласия во Франции и замирения России с соседями [12].

Десятого января 1790 г. Ромм и еще пара десятков революционных энтузиастов основали небольшой политический клуб — «Общество друзей закона», куда вошел и Павел Строганов. Наиболее колоритной фигурой среди участников была знаменитая Теруань де Мерикур. Уроженка Люксембурга, красавица двадцати шести лет, она прославилась своим активным участием в походе парижан на Версаль 5–6 октября 1789 г. Ромм был избран председателем Общества, Теруань де Мерикур — архивистом, Строганов — библиотекарем. Впрочем, деятельность Попо в рядах «Друзей закона», судя по сохранившимся протоколам, активностью не отличалась: на всех заседаниях он играл молчаливую роль статиста. Зато Ромм, напротив, был подлинной душой и лидером Общества, одним из главных вдохновителей всех дискуссий [13].

Занятый политикой и революционным воспитанием подопечного, Ромм, похоже, упустил из виду, что их новые увлечения могут вызвать неодобрение и старого графа, и властей России, подданным которой был его ученик. Так и случилось: в письме от 18 марта 1790 г. А.С. Строганов настоятельно рекомендовал гувернеру увезти Попо из Парижа. Ромм этот совет проигнорировал и продолжил активную революционную деятельность. Однако уже 16 июля он получил новое письмо А.С. Строганова, теперь уже не с советом, а с категоричным требованием покинуть Париж. Вскоре того же от Павла потребовали и российские власти [14].

Ромм был в ярости: ему предстояло покинуть столицу как раз в тот момент, когда его революционная карьера обрела весьма многообещающие перспективы. К тому же безвозвратно рушился план революционного воспитания ученика. Тем не менее, вынужденный подчиниться воле старшего Строганова и покинуть Париж, Ромм заявил, что будет «дожидаться окончательного решения» старого графа в Жимо [15].

Когда же отъезд из столицы стал делом уже решенным, Ромм и организовал вступление «гражданина Очера» в Якобинский клуб. Это произошло 7 августа, а спустя всего шесть дней Ромм и Строганов отправились в Овернь [16]. Таким образом, Павел реально состоял членом клуба менее недели. Какой был смысл ему вообще записываться в якобинцы? При полном отсутствии какой-либо практической значимости данного шага Ромм, очевидно, придавал ему символическое значение. С одной стороны, этот акт становился логическим завершением курса «политического воспитания» юноши, осуществлявшегося наставником в течение предыдущего года, своего рода посвящением в «свободные люди».

С другой стороны, Ромм тем самым мстил старому графу за свои рухнувшие планы, самым грубым образом нарушив его волю.

О том, сколь далек на деле был Павел Строганов от революционного энтузиазма своего наставника, говорит разница в их поведении после прибытия в Жимо. Племянница Ромма так описывала занятия в деревне каждого из них: «Ты знаешь, моя дорогая подруга, заговорили о том, чтобы избрать г-на Ромма депутатом. Такой выбор сделал бы честь патриотам. Народ получил бы в его лице ревностного защитника. В ожидании того момента, когда его голос зазвучит с трибуны, он пользуется им для просвещения сограждан. Каждое воскресенье он собирает вокруг себя множество крестьян, которым читает газеты и объясняет новые законы. <...> Г-н Граф, пока его губернёр разглагольствует перед обитателями Жимо, пользуется моментом, чтобы развлекаться с юными селянками» [17]. Если к какой-то политике молодой Строганов и питал интерес, то лишь к отечественной. Его письма к отцу показывают, что он по-прежнему жадно ловил вести о международных делах России и прежде всего о ее войнах с Турцией и Швецией [18].

Таким образом, питая симпатии к тем идеям, которые ему пытался привить Ромм, Павел все равно оставался по отношению к Французской революции хоть и сочувствующим, но все же сторонним наблюдателем и, напротив, никогда не переставал ощущать себя верноподданным российской императрицы. Свою позицию он объяснял их общему с Роммом другу: «В письме, которое я с частной оказией отправил отцу и где соответственно мог ему открыться, я сообщил, как я *восхищаюсь Революцией*, но в то же время дал ему знать, что *полагаю подобную революцию непригодной для России*» [19]. В ноябре 1790 г. Павел Строганов уехал на родину, чем, собственно, и закончилось его предполагаемое «участие» во Французской революции.

Два других предполагаемых русских «участника» Французской революции — братья Голицыны, Борис Владимирович (1769–1813) и Дмитрий Владимирович (1771–1844) — были так же, как и Павел Строганов, потомками известного аристократического рода, только еще более знатного — княжеского. В 1774 г. их, как тогда было принято у аристократии, еще детьми записали в лейб-гвардейские полки: Бориса — в Семеновский, Дмитрия — в Преображенский, а в 1782 г. обоих отправили учиться в Страсбургский университет в сопровождении француза-губернера Мишеля Оливье. По окончании учебы братья Голицыны в 1786 г. перебрались в Париж, где поступили в Военную школу. В России же тем временем им заочно присваивали все новые воинские звания. В 1789 г. Борис был уже поручиком Семеновского полка, Дмитрий — Конной гвардии [20].

К началу Французской революции оба Голицыных вели в Париже активную светскую жизнь, будучи завсегдатаями салонов, балов и званых

обедов. Рассказы об этих аристократических развлечениях занимают немало места в их письмах к матери, жившей тогда в Лондоне [21]. Они посещали театры, танцевали, волочились за барышнями, судачили в салонах о политике, не имея ни малейшего желания принять в ней какое-либо участие.

Постепенно разворачивающаяся за стенами аристократических особняков Революция первое время воспринималась братьями Голицыными так же, как и окружавшим их высшим светом, — скорее как повод для разговоров и досадное затруднение, нежели как реальная угроза их социальному положению. Описывая настроения, царившие в свете после июльского восстания, Борис резюмировал их следующим образом: «деятельные патриоты» считают, что будущее развитие Революции прекрасно, Двор — что все потеряно, а люди осторожные и непредвзятые — что надо выждать время [22]. Сами братья относились скорее к последним.

Правда, очевидцем самого июльского восстания Борис не был, так как еще в июне уехал на воды в Бурбон, откуда и наблюдал за перипетиями развернувшейся в Генеральных штатах борьбы третьего сословия с двумя привилегированными за равноправие. И надо заметить, симпатии его были отнюдь не на стороне реформаторов. «Трудно себе представить, — писал он матери, — что король, как только сможет это сделать, не объявит о роспуске Генеральных штатов». Однако поскольку этого не произошло, Борис предположил, что теперь Людовик XVI «будет вынужден принять волю третьего сословия», и грустно добавил: «Все это очень меня огорчает» [23].

Оставшийся в Париже Дмитрий Голицын, видевший воочию развитие политического кризиса в столице, высказывался еще более решительно и отнюдь не в поддержку Революции. «Ты увидишь, — писал он в Бурбон гувернеру Оливье, — что король выступил на королевском заседании, но третье сословие не пошло на попятную. Солдаты разных полков отказались выступить, заявив, что они пошли в армию, чтобы сражаться против противника, а не против сограждан. <...> Я уверяю Вас, что они должны почитать себя счастливыми, что я не являюсь их полковником здесь, поскольку я истребил бы свой полк, если бы он не повиновался мне, и я сказал бы солдатам: вы пришли в армию, чтобы делать то, что вам прикажут, а не рассуждать. Я слишком разгорячился, но я говорю как военный и, возможно, как иностранец» [24]. Неудивительно, что в Бурбоне, где Оливье зачитал это письмо находившейся там аристократии, настроенной весьма консервативно, оно, по свидетельству князя Бориса, вызвало горячее одобрение [25].

Как же получилось, что двум русским аристократам, столь горячо сочувствовавшим своим французским братьям и воспринимавшим революционные события с явным неодобрением, историографическая традиция присвоила лавры «революционеров» и, более того, «участников штурма Бастилии»?

Сорок лет спустя, в 1839 г., Дмитрий Голицын однажды рассказал Дмитрию Бутурлину о том, «как он еще мальчиком, проходя со своим наставником чрез Бастильскую площадь во время первой Французской революции, в те самые минуты, когда Парижская чернь обрушилась на крепость, был вместе с чужестранцами принужден принять участие в этом штурме и должен был переносить кое-какие вещи с одного места на другое» [26]. В этой истории, как видим, и речи не было о каком-либо непосредственном участии юноши в боевых действиях по взятию Бастилии. Тем не менее одного только этого беглого упоминания оказалось достаточно для возникновения историографического предания. Причем в «участники штурма» историки записали не только самого Дмитрия, но и его брата, которого в тот момент вообще не было в Париже.

Таким образом, Французская революция XVIII в. не вызвала сколько-нибудь заметного позитивного отклика не только у своих русских современников, наблюдавших за ее развитием непосредственно из России, но и у тех немногих русских людей, кто видел ее воочию. Те же три юных аристократа, что были причислены историографической традицией к революционерам, оказались среди таковых, как мы видели, исключительно по недоразумению. О том же свидетельствует и вся последующая их жизнь — жизнь благонамеренных подданных Российской империи, с готовностью проливавших за нее кровь на полях сражений. И оба брата Голицыны, и женившийся на их сестре Павел Строганов отличились в дальнейшем на военном поприще. Дослужившись до генеральских званий, Голицыны и Строганов приняли активное участие в военных кампаниях царствования Александра I, и в частности в войне 1812 г. против Наполеона. В Бородинской битве Борис Голицын получил тяжелую контузию, от последствий которой несколько месяцев спустя скончался [27]. Его брату Дмитрию и Павлу Строганову, которые в этом сражении командовали корпусами, повезло больше. В дальнейшем они оба успешно прошли кампании 1813–1814 гг. [28]

Голицыны и Строганов, все трое — высокопоставленные сановники и генералы, отдавшие жизни служению Российской империи, вероятно, очень удивились бы, узнав, что многие десятилетия спустя их объявят «участниками» Французской революции лишь потому, что в молодости им довелось стать ее очевидцами.

Во время Французской революции русское общество оказалось практически непроницаемо для ее влияния. Пройдут годы, и сменится целое поколение, прежде чем ее идеи дадут свои первые всходы на российской почве.

[1] Archives parlementaires de 1787 à 1860. Ser. 1. Vol. 48. P., 1860. P. 688.

[2] Цит. по: *Бабкин Д.С.* Процесс А.Н. Радищева. М., 1952. С. 267.

- [3] *Радищев Н.М.* Осмнадцатое столетие // Радищев Н.М. Избранное. М., 1959. С. 260.
- [4] См.: Вопросы истории. 1968. № 9. С. 216.
- [5] *Штранге М.М.* Русское общество и Французская революция 1789–1794 гг. М., 1956. С. 80 (курсив мой. — А. Ч.).
- [6] *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. С. 100, 110; *Ревуненков В.Г.* Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789–1792. Л., 1982. С. 91.
- [7] Milano. Museo del Risorgimento. Romme MSS. Cartone 1. Dossier 4.
- [8] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 42–70.
- [9] См.: *Amiable L.* Une Loge Maçonnique avant 1789, la R. L. des Neuf-Soeurs / augmenté d'un commentaire et de notes critiques de Ch. Porset. P., 1989.
- [10] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Многоликий Жильбер Ромм // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2007/2009. Вып. 9. М., 2012. С. 179–208.
- [11] *Чудинов А.В.* Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789–1790 гг.) // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 2. М., 1998. С. 56–58.
- [12] Там же. С. 59–60.
- [13] *Galante Garrone A.* Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P., 1971. P. 449–478.
- [14] Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство. Т. 29/30. М., 1937. С. 437.
- [15] *Николай Михайлович, вел. кн.* Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1. СПб., 1903. С. 275–278.
- [16] РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 162–162 об.
- [17] *Bouscayrol R.* Les lettres de Miette Tailhand-Romme (1787–1797). Clermont-Ferrand, 1979. P. 110.
- [18] РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 164, 168.
- [19] ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Д. 327. Л. 12 об.–13 (курсив мой. — А. Ч.).
- [20] О семье Голицыных подробнее см.: *Шереметев П.* Вяземы. Пг., 1916.
- [21] Часть их корреспонденции опубликована: Письма Б.В. и Д.В. Голицыных и М. Оливье из Франции 1789–1790 гг. / пер. с фр. В.С. Ржеуцкого, коммент. В.С. Ржеуцкого и А.В. Чудинова // Французский ежегодник — 2010: Источники по истории Французской революции XVIII в. и эпохи Наполеона. М., 2010. С. 99–191.
- [22] Письма Б.В. и Д.В. Голицыных. С. 124.
- [23] Там же. С. 110.
- [24] Там же. С. 112–113.
- [25] Там же. С. 112.
- [26] Русский Архив. 1901. Кн. 9. С. 116.
- [27] См.: *Цоффка В.В.* Князь Б.В. Голицын (1769–1813) как личность екатерининской эпохи // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 324–327.

[28] Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 195–196, 681–682.

Споры о власти

Александр Сидоров

Обесчестить короля: *honor* и его место в каролингской политической культуре

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_268-280

«Вы превосходно и замечательно показали всем, сколь возлюбили правоверного мужа, благочестивого цезаря, нашего государя и вашего родителя, сколь верно и смиренно были во всем ему покорны, с каким негодованием перенесли бесчестие (*dehonoratio*), которое он претерпел».

Эти строки были написаны Ионой, епископом Орлеана и одним из самых влиятельных церковных иерархов Каролингской империи, в 831 г. [1] Они обращены к Пипину Аквитанскому, сыну Людовика Благочестивого, и отсылают к совсем недавним событиям. В 829 г. император Людовик изменил завещание, которое составил еще в 817 г. (так называемое *Ordinatio imperii*), и объявил о новом разделе, отписав изрядную долю земель своему маленькому сыну от второго брака (будущему Карлу Лысому). Старшие сыновья Лотарь, Пипин и Людовик посчитали это решение несправедливым, поскольку оно серьезно ущемляло их интересы, и год спустя подняли мятеж — первый в череде острых и отчаянных столкновений внутри верхушки правящего дома, отголоски которых были слышны во всех уголках империи.

Детали тех далеких событий в исторической ретроспективе просматриваются не очень ясно. Известно, однако, что мятежные принцы, несомненно обладавшие солидной поддержкой со стороны многих видных представителей светской и церковной знати, обрушили свой гнев на ближайшее окружение Людовика. От двора удалили влиятельнейшего сановника Бернарда Септиманского, «второго в империи после короля», его родня также серьезно пострадала. И даже супругу императора, красавицу Юдифь, которую многие считали главной виновницей всех бед [2], упрятали в монастырь св. Радегунды близ Пуатье. Самого Людовика тоже попытались сместить с трона. Возможный сценарий, по всей видимости, напоминал то, что случится несколько лет спустя — осенью 833 г., когда благочестивого императора собственные сыновья отправят в заточение и, подвергая чудовищным унижениям, потребуют от него публичного отречения с последующим уходом в монастырь [3]. В 830 г. до подобного позора дело еще не дошло, хотя Лотарь явно рассчитывал склонить отца к принятию пострига [4]. Однако современники и в том и в другом случае воспринимали подобные действия как стремление лишить короля его «достоинства» (*honor*) [5].

Разумеется, попытки сместить государя, успешные и не очень, сами по себе не являлись чем-то уникальным в средневековой истории. Но, кажется, впервые в западноевропейской традиции мятеж против правителя осмыслили как *dehonoratio*. Почему современники описали его именно этим термином, который, к слову, совсем не просто корректно перевести на русский язык? С какими смысловыми коннотациями был связан такой выбор? Ниже мы постараемся дать ответ на эти вопросы.

Термин *honor* (и его производные), так или иначе описывающий отношения господства и подчинения, появляется в источниках еще на заре Средневековья [6]. Поначалу он имел отношение исключительно к церкви, к месту в церковной иерархии, к занимаемой должности, предполагающей исполнение определенных пастырских обязанностей. Например, в постановлениях Арльского собора (524 г.) фигурируют епископский, пресвитерский, а также дьяконский *honor*. Доступ к ним оказывался связан с предварительным посвящением (*conversatio*) соискателя и ограничен возрастным цензом. Важно, однако, отметить, что путь к обладанию церковными *honores* высшего ранга с самого начала не был принципиально закрыт для мирян [7].

Такое представление сохраняет актуальность и в каролингскую эпоху. *Honor* — это прежде всего то, что имманентно присуще церкви, ее институтам, имуществу и людям, у которых есть полномочия этим распоряжаться. Епископа и аббата нередко именуют *honorabilis*, *honorandus* или *honoratus homo/vir* [8]. Карл Великий законодательно закрепляет обязательное наличие адвокатов при священнослужителях, которые должны действовать «ради церковного достоинства» (*pro ecclesiastico honore*), т.е., очевидно, отстаивать в судах интересы конкретных церквей [9]. При Карле Лысом мирянам предписывается непременно посещать проповеди и соблюдать посты, ибо таким образом не только проявляется уважение к священнослужителям, но сохраняется церковный *honor* [10]. В числе *honores* прямо фигурируют монастыри [11], а также связанные с ними доходы.

Для полноты картины отметим еще два момента. Мощи святых, активно собираемые каролингскими пастырями ради славы своих церквей, перевозятся к местам их нового упокоения с неизменным «почтением» [12]. Наконец, конкретные церкви и монастыри создаются «в честь» (*in honorem*) того или иного святого [13].

С другой стороны, в каролингскую эпоху формируется представление о *honor regni* — «достоинстве» совершенно иного ранга. Это понятие, разумеется, не имело четкого юридического (да и вообще любого другого) определения, но, скорее всего, и не нуждалось в нем, поскольку было понятно современникам. Оно фигурирует в самых разных текстах, что позволяет составить довольно полное представление о его содержании.

По крайней мере, с начала IX в. практически всякая высшая власть в государстве описывается во франкских источниках как *honor*. Составители «Анналов королевства франков» придают этой метафоре универсальный характер и смело используют ее в отношении самых разных правителей, а

не только Каролингов. Так, один из аварских каганов просит у Карла Великого признать за ним право на особое положение, которым издревле обладали его предшественники (*honor antiquus*) [14]. Вильцы (представители племенного союза полабских славян, жившие между Одером и Эльбой), вопреки обычаю, возвели на трон младшего сына своего умершего государя, передав ему королевский *honor* [15]. И даже в герцогстве Сполето, долгое время сохранявшем известную самостоятельность, занятие высшей должности описывается франкскими хронистами как «принятие достоинства» [16]. Отметим здесь два важных момента: во-первых, *honor*, по мнению составителей «Анналов королевства франков», дается и принимается; во-вторых, это не обязательно происходит, что называется, сверху вниз — от государя к подданным, но иногда и наоборот.

Итак, *honor regni* имеет институциональную, а не персональную природу, что вполне соответствует изначальному (т.е. церковному) содержанию *honor*, зафиксированному, например, в актах Арльского собора. Тем не менее предполагается, что обладатель высшего «достоинства» должен следовать определенной модели поведения. Например, придерживаться правил и традиций, принятых в кругах «своих» региональных элит. Характерно, что слишком глубокое усвоение чужих обычаев, по мнению современников, грозило королю «бесчестьем» (*dehonestatio*) [17], т.е., вероятно, потерей трона.

Государь должен демонстрировать мужество перед лицом внешней опасности. Составитель «Сен-Бертенских анналов» с удовлетворением отмечает, что в 858 г. во время очередного острого внутривосточного кризиса Карл Лысый «с честью» выстоял перед войском Людовика Немецкого [18]. Отметим, что «мужество» (или, если угодно, «храбрость») (*fortitudo, virtus*) рассматривалось каролингскими моралистами IX в., внимательно читавшими «Комментарии на сон Сципиона» позднеантичного неоплатоника Макробия, в качестве одной из четырех основных добродетелей идеального монарха наряду со «справедливостью» (*justitia*), «благоразумием» (*sapientia, prudentia*) и «умеренностью» (*temperatio*) [19]. Можно предполагать, что три остальные также имели непосредственное отношение к высшему достоинству [20].

Honor предполагает, что его обладатель может и должен принимать решения, имеющие непосредственное отношение к организации власти и управления. Так, важным элементом «королевского достоинства» является право государя назначать епископов. Теган порицает Людовика Благочестивого за то, что тот был не слишком разборчив в выборе кандидатов и нередко возвышал, буквально «одаривал почестями» неблагодарных «рабов» [21].

«Достоинство» короля распространяется на тех его представителей, которые выполняют особые поручения, прежде всего на посланников. В текстах VIII–IX вв. мы встречаем множество свидетельств такого рода. Правители франков «почтительно» (*honorifice, cum honore*) принимают некоторые дипломатические миссии из Византии и Арабского

халифата [22]. Аналогичным образом поступают с франкскими послами в Константинополе [23]. Обычно это предполагает вручение щедрых даров и организацию безопасного прохода по территории королевства.

Но особого уважения в таких случаях удостоиваются сами государи и члены правящего дома [24], а также римские понтифики, что косвенно подтверждает их особый статус в политической иерархии раннесредневековой Европы [25]. Как именно могли быть организованы подобные приемы, можно понять, например, из описания торжественной встречи, которую Людовик Благочестивый устроил папе Стефану в 816 г. Император приказал своему племяннику, правителю Италии Бернарду, лично сопровождать понтифика во Франкию, а также выслал вперед специальное посольство для «оказания подобающих почестей». По прибытии всей делегации в Реймс Людовик в сопровождении нескольких высших церковных иерархов «в парадных одеяниях» и множества священников вышел навстречу гостям и даже прошел пешком около километра, помог папе сойти с коня, подал ему руку и под звуки торжественных песнопений отправился с ним в церковь на молитву. После этого в течение трех дней Людовик и Стефан угощали друг друга обедами и обменивались дарами. И только затем понтифик, наконец, отслужил мессу, повторно короновал и помазал франкского государя [26].

Разумеется, далеко не все дипломатические миссии принимались при дворе *cum honore*. Например, в том же 816 г. Людовик довольно нелюбезно обошелся с послами, прибывшими от кордовского эмира и от одного из норманнских конунгов [27]. Все зависело от конкретных обстоятельств и политической конъюнктуры. Воспоминания об унижениях, которым сознательно могли подвергать иностранцев, сохранились в рассказах Ноткера Заики о мытарствах франков в Константинополе, а затем византийских посланцев в Аахене [28].

Наконец, *honor* короля распространяется непосредственно на подвластную территорию, и государь может им поделиться, жалую своим верным земли и полномочия. Именно этот аспект королевского «достоинства» ранее всего попал в поле зрения исследователей, в особенности историков права, которые рассматривали *honor* в контексте формирующихся вассально-ленных отношений как синоним лена [29]. Впрочем, каролингские источники не позволяют ставить знак равенства между этими понятиями даже формально. Так, согласно Геристальскому капитулярию 779 г., среди обладателей *honor*es фигурируют и бенефициарии, и королевские вассалы, и назначаемые королем судьи (*iudices publici*). Все они лишаются своего «достоинства» (а первые также и земель), если нарушают закон, берут взятки и, в силу дурных наклонностей, творят несправедливость, т.е. препятствуют нормальному функционированию институтов публичной власти на местах. А если при этом они еще и «ослабляют церковь», то и вовсе наказываются смертью [30].

Современные исследователи склонны видеть в каролингском *honor* прежде всего высокую должность, которая

обеспечивала ее обладателю прямой доступ к государю и контакт с его влиятельным окружением, закрепляла его персональный высокий социальный статус и укрепляла положение его рода в целом, открывала доступ к новым материальным ресурсам и предоставляла широкие возможности для соучастия в отправлении власти одновременно в провинции и в центре [31]. Это объясняет, почему в числе получателей королевских *honores* каролингские хронисты упоминают почти исключительно наследников престола [32], влиятельных царедворцев вроде Бернарда Септиманского [33], а также маркграфов, обладающих всей полнотой власти в приграничных округах [34].

В каролингскую эпоху подобного рода практика получила прочное идеологическое основание. С одной стороны, она покоилась на представлениях о том, что территория империи являет собой своего рода спасительный «Ковчег» в преддверии грядущего Страшного суда, новый Израиль, населенный избранным народом, мистическую Церковь, которой руководят добродетельные государи-пастыри, потомки царя Давида, отважные в бою и справедливые в суде. С другой — на представлениях о том, что элиты в широком смысле слова соучаствуют вместе с королем в управлении государством, что аристократы — каждый на своем месте — самым непосредственным образом сопричастны королевскому (квазисвященническому) служению (*ministerium regale*). Эти идеи были в общем виде артикулированы примерно в 780-х годах, а в последующие десятилетия получили дальнейшее развитие, оказывая влияние на политическую практику [35] и постепенно проникая в самые разные тексты. Они встречаются в королевских «зеркала» [36], постановлениях церковных соборов [37], исторических сочинениях [38], капитуляриях [39] и даже в книжной миниатюре [40].

До конца каролингской эпохи государи сохраняли действенный контроль за землями, пожалованными в качестве *honores*, при необходимости могли вернуть их себе или передать другим людям, правда, зачастую выносили подобные решения на общих собраниях знати. Такое случалось, если прежние владельцы нарушали верность по отношению к государю или явно не справлялись со своими должностными обязанностями. В 861 г. Людовик Немецкий лишил *honores* маркграфа Эрнста и некоторых других едва ли не самых влиятельных магнатов Восточно-Франкского королевства, обвинив их в неверности [41]. В 864 г. Карл Лысый отнял *honores* у герцога Бернарда из-за попытки покушения на маркграфа Роберта, очень близкого королю человека, более того, пожаловал их самому Роберту [42]. В 828 г. герцог Балдрик, глава Паннонской марки, был лишен *honores* из-за того, что позволял болгарам безнаказанно разорять вверенные ему территории [43]. В 865 г. то же самое случилось с Адалардом, а также его родственниками Гуго и Беренгарием, поскольку они не сумели организовать защиту западно-франкских земель от норманнских набегов. Напротив, все тот же маркграф Роберт за победу над норманнами получил от короля графства Отен и Нивернь в дополнение к тем *honores*, которые уже были в его

распоряжении [44]. Выше я уже упоминал о связи между «честью» и воинской доблестью, «отвагой». Здесь она вновь оказалась артикулирована, причем помещена в то же семантическое поле.

Обладание *honor*, разумеется, предполагало извлечение материальных ресурсов в свою пользу, хотя мы лишь приблизительно знаем, каких именно и в каких объемах. В 758 г. Пипин Короткий наложил на побежденных саксов ежегодную дань в размере трехсот лошадей. Составители «Анналов королевства франков» уверены, что взимание такой контрибуции совершалось «ради (королевского) достоинства» (*honoris causa*) и никак иначе [45]. Один из авторов «Сен-Бертенских анналов» сто лет спустя считал совершенно нормальным регулярное получение с *honores* их владельцами некоторых платежей, в частности серебром и вином. Однако теперь, по распоряжению Карла Лысого, ими следовало откупаться от норманнов, т.е. использовать опять же в интересах государства [46].

Но получение доходов являлось хотя и важной, однако далеко не главной ценностью королевских *honores*. Куда важнее оказывался сам факт обладания такой землей и связанными с ней правами и обязанностями, поскольку, как уже было сказано, это позволяло публично демонстрировать исключительно высокий уровень личных отношений конкретного представителя знати со своим королем, а также его особое место во власти. Неудивительно, что утрата таких владений, по сути означавшая автоматическое исключение из ближнего круга, воспринималась крайне болезненно. Каждый решал эту проблему по-своему. В 861 г. Уто, Беренгарий и Вальдон, лишенные Людовиком Немецким *honores*, отправились к Карлу Лысому в надежде поправить свое положение [47]. В 866 г. Людовик Юный поднял мятеж против собственного отца Людовика Немецкого, подстрекаемый Варнарием и некоторыми другими магнатами, которых ранее лишили *honores* за неверность, подчеркивает хронист [48].

От потери таких владений никто не был застрахован. Сразу после битвы при Фонтенуа Бернард Септиманский отправил к Карлу Лысому своего сына Вильгельма и велел присягнуть на верность, если государь согласится оставить *honores*, которыми Бернард распоряжался в Бургундии [49]. А ведь речь шла об одном из самых знатных аристократов империи, который происхождением своим не уступал Каролингам...

Вернемся теперь к вопросу, поставленному вначале. Описание попыток государственного переворота в 830 и 833 гг. как *dehonoratio* короля, по всей видимости, означало следующее. Отстранение государя от власти осмыслялось частью элит, прежде всего клиром, как исключение его из иерархической вертикали, в которой именно персона правителя связывала вверенный ему народ с Богом, как лишение его права и обязанности исполнять свою квазисвященническую функцию, с которой он якобы не справлялся, в широком смысле слова отрицание за ним не только права, но и способности заботиться о Церкви и «христианском народе», а также руководить подготовкой подданных к будущему Спасению. При таком

подходе смещение пусть и законного, но недееспособного государя оказывалось в глазах мятежников едва ли не богоугодным делом, совершаемым ради «общего блага», мерой вынужденной, но жизненно необходимой.

Dehonoratio каролингского правителя не предполагало наличия строго определенной юридической процедуры, ибо никакого общепринятого алгоритма низложения не существовало. Это понятие, описывавшее иерархические отношения во власти, скорее, намечало границы дозволенного моралью. Решение о *dehonoratio* короля принималось на основе коллективного консенсуса (или имитации такового) и было публичным актом. Ровно так и сами государи поступали с неугодными представителями знати. Основанием к подобным действиям служило сформировавшееся в каролингскую эпоху представление о широком соучастии светских и церковных элит в королевском служении (*ministerium regale*), а значит, и о праве с их стороны претендовать на сопричастность особому *honor* государя, дарованному ему Богом.

[1] "Quia igitur quantum orthodoxum virum piisque Caesarem, dominum nostrum, genitorem vestrum dilexeritis, eique in omnibus fideliter et humiliter subjecti fueritis, dehonorationem aegre tuleritis, omnibus nobiliter, imo memorabiliter, manifestastis" (*Jonas Aurelianus*. De institutione regia // PL. T. 106 (далее — *Jonas*). Col. 283). Также см. русский перевод: *Иона Орлеанский*. О королевских обязанностях / пер. с лат., коммент., ст. И.И. Аникьева. СПб., 2020. С. 114.

[2] "Cumque talibus inclementis viderent hi, quibus curae erat de statu et honore regni ac tranquillitate pacis et quiete populi, dehonestari palacium, obscurari claritatem regni et ad ignominiam deduci nomen regnantium, ceperunt queri et murmurare ac dolere et deplorare. Inter haec concitati sunt spiritus virorum honoratorum et filiorum regis; et crescente conludio, accedente etiam consilio, convenerunt singuli de loco suo et coniuncti ad placitum, effugaverunt ministros sceleris et reginam, quae totius mali causa erat, excluserunt de domo et honore regni et constituerunt in retrusionem exilii... Hoc tam inreprehensibile factum et omni laude dignissimum cum conplissent filii, redierunt ad sua, restituto patre honori et gloriae suae" (*Agobardus Lugdunensis*. Libri duo pro filiis et contra Iudith uxorem Ludovici Pii. II, 2 / hrsg. von G. Waitz // MGH SS. Bd. 15. Hannoverae, 1887 (далее — *Agobardus*). S. 274–279, здесь S. 277). Также см. русский перевод: *Агобард Лионский*. Две книги в пользу сыновей и против Юдифи, жены Людовика Благочестивого / пер. с лат., коммент., ст. И.И. Аникьева // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / отв. ред. А.И. Сидоров. СПб., 2019. С. 233–247, здесь с. 241–242.

[3] О драматических событиях 833 г. и о том, как они осмыслились современниками, подробнее см.: *Сидоров А.И.* Поверженный государь, королевский меч и книжная миниатюра // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2019. Вып. 14 / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2019. С. 211–243. Там же см. литературу по проблеме.

[4] Во всяком случае, у современников по этому поводу не было больших сомнений. Подробнее см.: *Astronomus. Vita Hludowici imperatoris*, 44–45 // Theganus. *Gesta Hludowici imperatoris; Astronomus. Vita Hludowici imperatoris / hrsg. von E. Tremp // MGH SSrG in usum scholarum. Bd. 64. Hannover, 1995* (далее — *Astronomus*); *Nithardi Historiarum libri quattuor. I, 3 / hrsg. von E. Müller // MGH SSrG in usum scholarum. Bd. 44. Hannover, 1907* (далее — *Nithard*). Также см. русский перевод этих сочинений, выполненный А.В. Тарасовой (*Астроном. Жизнеописание императора Людовика*) и А.И. Сидоровым (*Нитхард. История в четырех книгах*): Династия Каролингов. От королевства к империи. С. 248–384.

[5] Зимой 833/834 г. среди мятежников наметились глубокие разногласия. Пипин Аквитанский и Людовик Немецкий потребовали от старшего брата Лотаря отпустить отца и в конце концов добились восстановления Людовика Благочестивого на троне. Историк Нитхард, глубоко вовлеченный в политическую жизнь империи того времени, объясняет поведение младших братьев Лотаря тем, что они «чувствовали стыд и раскаяние за то, что дважды лишили отца его достоинства»: “Occurrebat insuper etiam filiis verecundia et penitudo, quod patrem bis honore privaverant” (*Nithard. I, 4*; курсив мой. — А. С.). Аналогичным образом составитель начальной части «Сен-Бертенских анналов» осмысливает неудавшийся государственный переворот в категориях лишения и восстановления *honor* короля. Последний же оказывается непосредственно связан с королевским титулом и законным наследованием трона: “... annis prioribus idem religiosissimus imperator malivolorum Deoque adversantium tergiversatione inmerito depositus paterno hereditarioque regno et honore et regio nomine fuerat... ipse avito restitutus honori decorique regio merito reformatus” (*Annales Bertiniani, 835 // MGH SSrG in usum scholarum. Hannover, 1883*; далее — *Ann. Bertin.*).

[6] Общие сведения о *honor* и его производных в средневековых источниках приводит Дю Канж. Данная подборка, разумеется, не может претендовать на полноту, но все же вполне репрезентативна: *Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883–1887. T. 4. Col. 228A.* <<http://ducange.enc.sorbonne.fr/HONOR#HONOR-4>> (дата обращения 01.01.2020).

[7] “Episcopatus vero vel presbyterii honorem nullus laicus ante praemissa conversatione vel ante triginta aetatis annus accipiat”; “Sed nec reliqui pontifices presbyterii vel diaconatus honorem conferre praesumant, nisi anno integro fuerit ab eis praemissa conversio”; “Nullus paenitentem, nullus degamum vel internuptarum maritus in praedictis honoribus audeat ordinare” (*Concilium Arelatalense, 524, lun. 6 // MGH Concilia. Bd. 1. Hannover, 1893. S. 36–37. Cap. 1–3*).

[8] *Divisio regnorum, 806. Cap. 7 // MGH. Capitularia regum Francorum. Hannover, 1883. Bd. 1. S. 128; Agobardus. II, 2; “Inter tres vero festivitates, videlicet natalis Domini et paschæ ac missa sancti Dionysii honorandus abba ejusdem loci a fratribus per annum de libris argenti sex, in hoc computati*

honores, qui ei dabantur per praedictas festivitates" (Charta Caroli Calvi ann. 25. regni ejusdem in Chartul. S. Dionisii. P. 63. Col. 2, цит. по: *Du Cange. Op. cit.*).

[9] "De advocatis sacerdotum, volumus pro ecclesiastico honore et pro illorum reverentia, advocatos habeant" (*Karoli Magni Capitulare, 783. Cap. 3 // MGH. Legum. Bd. 1. Hannover, 1835. S. 46*).

[10] "Omnes vero laicos monemus, ut honorem ecclesiasticum conservent et dignam venerationem episcopis et dei sacerdotibus exhibeant et ad eorum praedicationem cum suis devote occurrant et ieiunia ab illis communiter indicta reverenter conservent et suos observare doceant et compellant" (Quierzy, 14 Feb. 857 // *MGH. Concilia. Bd. 3. Hannover, 1984. S. 395*).

[11] Ann. Bertin., 864, 866, 867 etc.

[12] *Annales Laurissenses minores, 767 / hrsg. von G.H. Pertz // MGH SS. Bd. 1. Hannoverae, 1826 (далее — Ann. Lauris. min.)*.

[13] "Carlomannus... in Separte monte monasterium aedificavit in honore sancti Silvestri" (*Annales regni Francorum, 746 // MGH SSrG in usum scholarum. Hannover, 1895; далее — ARF*); "(ecclesia) fuit autem consecrata Deo in honore beati Georgii martyris" (*Astronomus, 52*).

[14] "Misit caganus unum de optimatibus suis, petens sibi honorem antiquum, quem caganus apud Hunos habere solebat. Imperator... summam totius regni iuxta priscum eorum ritum caganum habere praecipit" (*ARF, 805*).

[15] "...iuniori fratri regium honorem deferunt" (*ARF, 823*).

[16] "Suppone apud Spoletium, sicut dictum erat, defuncto eundem ducatum Adalhardus comes palatii, qui iunior vocabatur, accepit. Qui cum vix quinque menses eodem honore potiretur, correptus febre decessit. Cui cum Moringus Brixiae comes successor esset electus, nuntio honoris sibi deputati accepto decubuit et paucis interpositis diebus vitam finivit" (*ARF, 824*).

[17] Карл Великий, отлично понимавший опасность таких поступков, всячески старался не допустить, чтобы его сын Людовик, еще младенцем отправленный царствовать в Аквитанию, слишком глубоко усвоил местные обычаи: "Magnopere enim curabat rex pater, ne regem filium aut nutrimenta honesta laterent aut externa inherescencia in aliquot dehonestarent" (*Astronomus, 6*).

[18] "Iargiente misericordia Dei, cum honore non recessit" (*Ann. Bertin., 858*).

[19] По мысли Макробия, чей трактат обрел большую популярность в IX в., идеальному государю полагалось следовать четырем основным гражданским добродетелям, чтобы эффективно заботиться о государстве и защищать сограждан (общественных животных), действуя при этом справедливо и предусмотрительно: *Ambrosii Theodosii Macrobii Commentarii in Somnium Scipionis. Leipzig, 1963. Cap. I, 8 (6–8)*.

[20] Не случайно Астроном в предисловии к своей биографии Людовика Благочестивого, написанной в начале 840-х годов, первым делом напоминает читателю о «справедливости», «умеренности», «благоразумии» и «мужественности» (*virtus*) императора: *Astronomus. Prol.* Также именно эти добродетели фигурируют на миниатюре с изображением танцующего Давида в Библии Вивиана, созданной в мастерской Тура около 845 г. для Карла Лысого и адресованной ему в

качестве наглядного примера для подражания: Paris, BNF. Ms. lat. 1. Fol. 215v. Наконец, Иона Орлеанский в своем обращении к Пипину Аквитанскому прямо связывает «благоразумие» с королевским достоинством: "Tantae prudentiae vestrae erga regium honorem" (*Jonas*. Col. 279).

[21] "Omnes enim episcopo molesti fuerunt ei, et maxime hi, ex vilissima servili condicione honoratos habebat" (*Theganus*. Gesta Hludowici imperatoris, 43); "Hoc raro contigerat temporibus sanctae memoriae genitoris sui, ut aliquis de talibus ad honorem conscendit" (*Ibid.*, 50).

[22] Ann. Bertin., 839, 864.

[23] ARF, 828.

[24] ARF, 781, 823, 824; Ann. Bertin., 844, 852, 855, 865.

[25] ARF, 799, 804, 816; Ann. Lauris. min., 805.

[26] *Astronomus*, 26.

[27] *Astronomus*, 27.

[28] *Notker Balbulus*. Gesta Karoli Magni imperatoris. II, 6 / hrsg. von H.F. Haefele // MGH. SSrG. München, 1959.

[29] Например, см.: *Phillips G.* Deutsche Geschichte mit besonderer Rücksicht auf Religion, Recht und Staatsverfassung. Berlin, 1834. Bd. 2. S. 460–465.

[30] "Ut latrones de infra inmunitatem illi iudicis ad comitum placita praesentetur; et qui hoc non fecerit, beneficium et honorem perdat. Similiter et vassus noster, si hoc non adimpleverit, beneficium et honorem perdat. Et qui beneficium non habuerit, bannum solvat"; "De latronibus, qui in custodiam missi sunt, ut nullus iudex publicus pretium pendat. Et si hoc fecerit, honorem suum perdat. Et qui ecclesiam infregerit, moriatur"; "Et si per odium aut malo ingenio, nisi per iustitiam factendam, hominem disfecerit, honorem suum perdat, et legibus contra quem iniuste fecit, secundum penam quam intulit, emendetur" (MGH. Leges. Bd. 1. Hannover, 1835. S. 36–37. Cap. 9–11).

[31] Довольно подробное обобщение о должностной природе *honor* см.: *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian World. Cambridge, 2011. P. 76–77, 188, 313–320.

[32] Астроном упоминает о *honor* императора Лотаря, некогда предоставленного ему отцом Людовиком Благочестивым: *Astronomus*, 51.

[33] *Nithard*. III, 2; Ann. Bertin., 864.

[34] ARF, 828; Ann. Bertin., 864, 865.

[35] О претензиях каролингской знати на часть королевских полномочий в контексте «общего служения» подробнее см.: *Ле Жан Р.* Каролингские элиты и король в середине IX в.: статус и верность // Французский ежегодник — 2014: Жизнь двора во Франции от Карла Великого до Людовика XIV. Т. 6. № 4 (37). М., 2014. С. 27–42.

[36] Помимо упомянутого выше сочинения Ионы Орлеанского, здесь следует назвать также «Королевский путь» Смарагда Сен-Мишельского: *Smaragdus*. Via Regia // PL. Т. 102. Col. 931–970.

[37] Пожалуй, в наиболее развернутом виде эти идеи были сформулированы в постановлениях Парижского синода 829 г.: Concilium

Parisiense, 6 Jun. 829 // MGH. Concilia aevi Karolini. Bd. II. Pars 2. Hannover, 1908. S. 605–680.

[38] По словам Астронома, Людовик Благочестивый был не только императором франков, но и королем-священником, величайшим из государей-пастырей (*maximus princeps pastorum*) и даже «свотильником» (*maximum lumen mortalium*), помещенным в доме Божиим, дабы светить всем: *Astronomus*, 62.

[39] Подобные представления наложили отпечаток на многие каролингские капитулярии, регламентировавшие самые разные стороны общественной жизни, но прежде всего взаимоотношения короля и элит. Среди важнейших назовем *Admonitio generalis* (789 г.) Карла Великого, *Admonitio ad omnes regni ordines* (823–825 гг.) Людовика Благочестивого и *Acta conventi in villa Colonia* (843 г.) Карла Лысого: MGH. Capitularia regum Francorum. Bd. 1. Hannover, 1883. S. 53–62, 303–307; MGH. Legum. Bd. 1. S. 376–378.

[40] Именно такой взгляд на королевскую власть мы находим, например, в Библии Вивиана, где помещено изображение Карла Лысого: Paris, BNF. Ms. lat. 1. Fol. 423r. Государь в торжественном облачении восседает на троне, который расположен частью на земле, где толпятся подданные (миряне и клирики), а частью — на небесах, под Божественной дланью и свотильниками в руках ангелов. Кроме того, Карл имеет черты явного визуального сходства с Давидом (*Ibid.* Fol. 215v). Следует упомянуть и парную миниатюру из так называемого «Золотого кодекса», созданного в мастерской Сен-Дени около 870 г. Здесь Карл, восседающий на троне под Божественной дланью и в окружении ангелов, взирает на апокалиптическую сцену поклонения старцев жертвенному Агнцу: München, Bayerische Staatsbibliothek. Clm. 14000. Fol. 5v–6r.

[41] “Hludowicus rex... Ernustum, summam inter omnes optimates suos, quasi infidelitatis reum publicis privavit honoribus. Utonem quoque et Berengarium fratrem eius atque Sigihartum comites Waldonemque abbatem cum aliis nonnullis quasi complices infidelitatis eius similiter exauctoravit” (*Annales Fuldenses*, 861 // MGHrG in usum scholarum. Bd. 7. Hannover, 1891 (далее — *Ann. Fuld.*). S. 55).

[42] *Ann. Bertin.*, 864.

[43] “Baldricus dux Foroiuliensis, cum propter eius ignaviam Bulgarorum exercitus terminus Pannoniae superioris inpune vastasset, honoribus, quos habebat, privatus” (*ARF*, 828).

[44] “Rodberto autem, qui marchio in Andegavo fuerat, cum aliis honoribus quos habebat comitatum Autisiodorensem et comitatum Nivernensem donavit ...Adalardo, cui custodiam contra Nortmannos commiserat, sed et suis propinquis Hugoni et Berengario, quia nihil utilitatis contra Nortmannos egerant, collatos honores tollit et per diversos eosdem honores disponit” (*Ann. Bertin.*, 865).

[45] *ARF*, 758.

[46] “...demum per duas vices, iuxta quod unusquisque regni primoribus de honoribus habuit, coniectum tam in argento quam et in vino ad pensum quod ipsis Nortmannis pactum fuerat persolvendum contulit” (*Ann. Bertin.*, 866).

[47] Ann. Fuld., 861.

[48] "Hludowicus, Hludowici Germaniae regis filius, consilio Warnarii ac ceterorum, a quibus pater eius propter infidelitatem suam honores tulit, rixam contra patrem suum movit" (Ann. Bertin., 866).

[49] "Si honores, quos idem in Burgundia habuit, eidem donare vellet, ut se illi commendaret, præcepit" (Nithard. III, 2).

Андрей Виноградов

Апостольский авторитет, власть над телом и Рим как арбитр: спор о бане на востоке и западе

Европы [1]

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_281-296

В средневековой литературе Востока и Запада встречаются удивительные сюжетные «пересечения», которые иногда трудно объяснить простым заимствованием [2]. Вместе с тем столь модная прежде теория «бродячего анекдота» далеко не всегда объясняет пути распространения того или иного мотива и, главное, его происхождение. В настоящей работе мы коснемся одного такого загадочного мотива, объединяющего восток и запад средневековой Европы не только на сюжетном, но, как оказывается, и на глубинном уровне, в том числе власти запрещать или разрешать важнейшие элементы культуры.

Рассказ об Андрее Первозванном и новгородских банях в «Повести временных лет» (ПВЛ) [3] — один из *monstres sacrés* русской истории и литературы. Проблема его функции в летописи обсуждалась неоднократно [4], однако так и не получила своего разрешения. Рассказ о путешествии апостола на Русь распадается, кроме кратких пролога (в Синопе и Херсоне [5]) и эпилога (в Риме и Синопе), на две параллельные части, киевскую и новгородскую (частично рассказанную в Риме):

Якоже ркоша, Андрѣю учащу в Синопии, пришедшу ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Коръсуны близъ устье Днѣпръское, и въсхотѣ поити в Римъ, и приде въ устье Днепръское.

И оттолѣ поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияетъ благодать Божия: иматъ и городъ великъ быти и церкви многы иматъ Богъ въздвигнути». И въшедъ на горы сия, и благослови я, и постави крестъ, и помолився Богу, и слѣзе съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ.

И поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словены, идеже нынѣ Новъгород, и видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варягы, и приде в Римъ, исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущю ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережъгутъ я велми, и съвлекутся, и будутъ нази, и оболъются мытелью, и возмутъ вѣники, и начнутъ хвостатися, и того собѣ добыють, одва вылѣзутъ еле живы, и оболъются водою студеною, и тако

оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать, и то творят не мытву себѣ, а <...> мученье».

И се слышавше, дивляхуся. Андрѣй же, бывъ в Римѣ, приде въ Синопию [6]. Каждая из двух частей вводится одинаковыми словами: «поиде по Днѣпру горѣ». Киевский сюжет полностью (кроме *vaticinium ex eventu*) составлен из мотивов греческой агиографической традиции апостола: ночевка с учениками на берегу восходит к популярнейшим апокрифическим «Деяниям Андрея и Матфия» (16–17), водружение креста — к *Laudatio* Никиты Давида Пафлагона (24) [7], благословение гор Севера и общая идея проповеди к северу от Черного моря — к его же энкомии Андрею [8]. Но на фоне высокотожественной сцены водружения креста на горах Киевских и пророчества о славной судьбе будущей русской столицы анекдотический рассказ о мучащих себя в банях словенах, живших на месте будущего Новгорода, кажется малоподходящим для столь важного нарратива, как апостольская проповедь на Руси [9].

Кроме того, определению функции «банного эпизода» мешает неясность со смыслом деталей сюжета, происходящая как из разночтений в списках, о чем еще будет сказано ниже, так и из различия в понимании объекта иронии. Долгое время — самое позднее с конца XIX в. — эпизод с банями воспринимался в науке как насмешка южан над безумным обычаем северян, т.е. киевлян над новгородцами [10], какие встречаются и в других местах ПВЛ [11] (А.М. Панченко дополнительно соотнес его с движением занимавшихся самобичеванием монахов-флагеллантов [12]). Однако уже тогда А.А. Котляревский [13] привлек параллельный сюжет из «Хроники» Дионисия Фабрициуса (XVI в.), рассказывающей о цистерцианцах из монастыря Фалькенау в Ливонии, которые обратились к папе с просьбой о даровании привилегий за свою аскезу. Прибывший из Рима легат-итальянец увидел, как они бьют себя прутьями в раскаленном доме, и по возвращении подтвердил понтифику суровость их образа жизни, так что они получили от того просимое [14]. Как справедливо указал М.Ф. Мурьянов [15], смысл историй такого типа, напротив, в насмешке северян над южанами, принимающими банное удовольствие за мучение. Рассказ о цистерцианцах Фалькенау, события в котором могут датироваться временем от восстановления монастыря в 1240 г. до его окончательного разорения в 1555 г. [16], вряд ли зависит от ПВЛ, потому что и роль Рима, и сам эпизод с банями в «Хронике» Фабрициуса более осмысленны [17].

Заметивший это Л. Мюллер оба рассказа считал «бродячим анекдотом», который с именем Андрея связали сами новгородцы в ответ на киевскую версию хождения апостола через Русь в Рим, автор же ПВЛ соединил его, как антикварий, с уже знакомой ему «киевской легендой». Однако такая гипотеза умножает число сущностей без необходимости: ни киевская, ни новгородская части предания о хождении Андрея на Русь до ПВЛ не известны (нет их в том числе в «Начальном своде»/«Начальной летописи»), тем паче в контексте его путешествия в Рим [18], а вся летописная история об апостоле превращается у немецкого исследователя в набор разрозненных заметок без единого замысла. Поэтому

представляется более правдоподобным, что банный анекдот, имевший, очевидно, устное происхождение [19], с именем Андрея соединил сам летописец.

Наконец [20], довольно экзотическую гипотезу о происхождении банного рассказа ПВЛ предложили Д. Герхардт [21] и вслед за ним А.Г. Бобров [22]. Они реконструируют, преимущественно на основе этнографических материалов, некий языческий обряд древнерусской бани-«мови», связанный с темой смерти и нового рождения, который и описан, по их мнению, в ПВЛ. Однако тогда непонятно, почему языческий банный обряд, осуждавшийся, как отмечает и сам А.Г. Бобров, представителями Русской Церкви, не получает в ПВЛ никакой негативной оценки, а, напротив, выглядит в устах самого апостола как некое подобие добровольного мученичества.

Осмысление функции банного эпизода в ПВЛ осложняют и расхождения между его версиями в семьях летописей (в отличие от предыдущей части рассказа об Андрее, где они почти полностью совпадают), которые можно представить в виде следующей таблицы [23].

ИХ	РА	Т	Л
пережъгутъ я велми	пережъгутъ я велми	и истопятъ зноино	пережъгутъ е рамано
ѡболютьса мытелю	ѡболютьса мытелю	ѡблѣютса квасомъ уснианомъ	ѡблѣютса квасомъ оуснианымъ
возмутъ вѣникы	возмутъ вѣтвие	возмутъ на са прутье младое	возмутъ на са прутье младое
начнутъ хвостатиѣ	начнутъ ся бити	бьются сами	бьють са сами
того собѣ добьютъ (ся бѣют Х)	того ся (ом. Р) добьютъ	толма	того са добьютъ
ѡдва вылѣзутъ ле живы	одва вылезутъ лѣ (ом. Р) живи суще	едва слѣзутъ лѣ живи	егда влѣзутъ ли живи
и тако (ом. Х) ѡживутъ	и тако оживутъ	и тако оживутъ	такѡ ѡжиоутъ
такѡ творатъ	такѡ творатъ	то творатъ	то творатъ
творятъ не мытву себѣ а не (но Х) мученье	такѡ творятъ не мытву собѣ но мученье	то творатъ мовенье собѣ а не мученье	то творатъ мовенье собѣ а не мученье

Из сопоставления различий выясняются следующие факты, касающиеся данного фрагмента:

- Т, наряду с редакторскими правками (*истопятъ зноино, толма, слѣзуть*), демонстрирует в других случаях обычную близость к Л;
- Л содержит заведомо ошибочные чтения (*егда, влѣзуть*), которые не поддерживает даже Т (как и НК1, Соф, Воскр и Ник, следующие некоему протографу, общему с ЛТ [24]);
- ИХ, как и РА, не содержат заведомо ошибочных чтений или явных редакторских правок, хотя по отдельности дают индивидуальные варианты;
- РА сходятся с ИХ против Л почти везде, кроме одного небольшого различия (*ся добьютъ* вместо *собѣ добьютъ* в И, причем в Х стоит *ся бѣют*), да и то только в А (в Р опущено);
- в двух случаях РА дают чтения, промежуточные между ИХ и Л (*возмутъ вѣтвие, начнутъ ся бити*).

Итак, в данном фрагменте РА примыкают к ИХ, но не, как во многих других местах, к ЛТ, причем почти повсеместно, а не только в случаях очевидных ошибок Л, что указывает здесь на их связь с протографом семьи ИХ [25]. Сложнее выбор оригинального чтения там, где чтения и ИХРА, и ЛТ осмысленны. Такие расхождения встречаются в двух местах. Первое — это описание техники мытья в бане: *шболъютса мытелью и возмутъ вьникы (вьтвие РА) и начнутъ хвостатиѡ (ся бити РА) ИХРА; шблютьса квасомъ оуснижънымъ и возмутъ на са прутье младое бьютъ са сами ЛТ*. Никаких несомненных аргументов в пользу той или иной версии здесь вроде бы не прослеживается: и *квасъ оуснижъный*, и *мытель* можно считать при желании исходным чтением [26] (первая более мучительна, а вторая больше похожа на рассказ Дионисия Фабрициуса), а появление *хвостатиѡ* в ИХ можно объяснить как изначальной параллелью к предшествующему *хвоцютьса* (имеется во всех списках), так и вторичным влиянием последнего (тем паче, что *хвостатиѡ* нет в РА) [27].

Второе место — финальная реплика-вывод апостола, представленная уже не двумя, а тремя вариантами: *творатѣ не мытву себѣ а не мученье И; тако (от. Х) творять не мытву собѣ но мученье ХРА; то творять мовенье собѣ а не мученье ЛТ* [28]. Версия И содержит в себе явную синтаксическую ошибку (одно из *не* лишнее), которой нет в близкой ей версии ХРА (за счет отсутствия первого *не*). При этом во второй части версия И совпадает с ЛТ, где первая часть, однако, противоположна по смыслу двум другим версиям. Вне зависимости от первичности чтения *ноили а не*, смысловой выбор остается между двумя вариантами: утверждением ХРА, что такая баня для словен — мучение, а не мытье, и противоположной трактовкой ЛТ (а также НКІ, Соф и Воскр [29]). Первый вариант, по сути, резюмирует предшествующий нарратив, причем общий для обеих версий: *и тако творять по вса дѣ и не мучими никымже . но сами са мучать*. Сторонники же второго варианта вынуждены видеть здесь момент анекдотического переворачивания ситуации: несмотря на внешний облик мучения, баня для словен — это все же омовение [30]. Очевидно, что исконным было одно из двух этих противоположных положений, и от его выбора зависит понимание общего смысла всего эпизода с банями.

Поскольку чисто текстологические аргументы, как мы видели, не способны однозначно разрешить эту дилемму, приходится обращаться к общему контексту фразы, которая с формальной точки зрения продолжает речь Андрея в Риме (что подтверждают и последующие слова *се слышавше/ты слышаще*). В варианте ЛТ предполагается, что вопреки всему вышесказанному (в том числе своим предшествующим словам *не мучими никымже . но сами са мучать*) апостол все-таки понял, что словенская баня — это мытье, а не мучение. Но это утверждение противоречит и смыслу аналогичного анекдота у Фабрициуса — несомненно, первоначальному, — где южанин, лично увидевший на севере банные «мучения», признает их таковыми и в Риме. Поскольку же «Хроника», как мы уже упоминали, не зависима от ПВЛ, при признании

приоритета ЛТ придется предположить, что в русскую летопись «банный анекдот» был включен с противоположным смыслом, а затем, в (И)ХРА, восстановлен в первоначальном значении. Поэтому и синтаксический, и контекстуальный, и сравнительный, и генеалогический аргументы говорят в пользу версии ХРА, которая не требует вообще никаких натяжек и которая была, очевидно, искажена, хотя и разными путями, в И и ЛТ.

Однако, если смысл новгородского эпизода в повести ПВЛ об Андрее заключается в выдвигании аргумента, что «словенская» баня есть не мытье, но мучение, — аргумента, конечно, анекдотичного для русского читателя, — то неизбежно возникает вопрос, почему такое странное утверждение вкладывается летописцем в уста столь авторитетного персонажа [31], как апостол, и кому этот «аргумент» предназначен. В рассказе Фабрициуса и происхождение, и адресат его ясны, однако в случае ПВЛ ответ на этот вопрос придется искать в контексте ранней русской истории вообще и истории бани в частности.

Немногочисленные сведения о русской бане X–XI вв., неоднократно обсуждавшиеся в литературе [32], содержатся только в ПВЛ и показывают лишь важное значение бани для Руси этого времени. В договоре Олега с греками запрещается ограничение бани для росов в Константинополе: *и да творять имъ мовь . елико хотать*. В рассказе о посольстве древлян к Ольге в 945 г. указывается на необходимость такого омовения перед важным событием: *повельь Шлга мовницу створити . ркуци сице . измывшеса придетъ къ мнѣ . шни же пережъгоша мовницу . и влъзоша Древлане . и начаша мытиса* [33]. Из рассказа волхва под 1071 г. выясняется существование языческого (славянского или финно-угорского) представления о небесной бане: *мывса Бѣ в мовьници и въспотивса . штерьса въхтемь . и свѣрже с нбѣ ша землю*. Наконец, в статье ПВЛ под 1090 г. строительство каменных бань митрополитом Переяславским Ефремом упоминается наряду с воздвижением церквей и прославляется как дело, какого прежде не бывало на Руси: *сии бо Ефрѣмъ в си льта . много зданье въздвиже . въ цркъ шѣтѣ гМихаила . заложи же црѣ ковша воротехъ стѣ гФедора . и стѣ гАндрѣа оу црѣ квѣоу воротѣ . и городѣ камень . и строенно банное камано . сего же не бѣ в Руси . и въкраси городѣ Пережславскѣи . зданьи црѣ квными и прочими зданьи*. Связь уникальных для Руси бань со столь же уникальной по архитектуре церковью Св. Андрея (вероятно, октагоном на трюпах [34]) может быть здесь и неслучайной: напомним, что крестильное имя Андрей носил князь Всеволод Ярославич, создатель Переяславской митрополии [35]. Показательно, что вскоре каменные бани, т.е., очевидно, византийские термы, появились и на митрополичьем дворе в Киеве [36], который не хотел отставать от Переяславля, конкурировавшего тогда с Киевом как церковный центр Руси.

Но ни одно из этих упоминаний не проясняет тем не менее функцию «банного анекдота» в рассказе ПВЛ об Андрее. Не помогает здесь и археология: деревянные бани с печками-каменками, топившиеся по-черному, найдены как в Новгороде, так и в Киеве [37] (что представляет

собой еще один аргумент против гипотезы о шутке южан над северянами). Из многочисленных этнографических сведений стоит отметить разве что устойчивую традицию мыться регулярно, обычно раз в неделю — чаще всего в субботу, т.е. перед воскресным богослужением (что перекликается с упомянутым выше известием об обязательном мытье древлянских послов перед торжественным приемом).

Удивительным образом к дискуссии о банях и апостоле Андрее не привлекались памятники собственно церковного происхождения. Между тем в них картина бытования мовниц и мови на Руси предстает несколько иной и менее однозначной. Так, в канонических ответах «Георгия, митрополита Киевского», который обычно отождествляется с Георгием I (1061/2–1075), дается следующий ответ (67) относительно целования мощей: *Моци стѣ ѡцѣловаше, достои (т) оугерш (м) ясти масло. а бѣльце (м) масо. но не мытис тш (м) днѣ* [38]. Речь здесь идет, очевидно, не об омовении уст (которые все равно прикоснутся к скромной пище), а об омовении тела, т.е. о банном ритуале, воспринимаемом греком-митрополитом как нечто противоположное такой святыне, как целование мощей. Архиепископ Новгородский Нифонт, русский по происхождению (постриженник Киево-Печерской обители) или укорененный в русских реалиях грек, отвечая Кирику [39], в некоторых случаях выражает аналогичное отношение к омовению, например запрещая мыться в день после причастия (ответ 50). Однако одновременно с этим Нифонт рассматривает омовение как необходимое условие очищения после половой связи (ответы 26 [40], 28, ср. Саввино 4; хотя его можно опустить после семяизвержения во сне, ответ 50) и перед причастием (ответ 45), совершая его по возможности за день до того (ответ 57, ср. Саввино 11 и ниже). При этом новгородский епископ отличает полное омовение (очевидно, банное) от омовения по пояс (ответ 28) или омовения лица (ответы 50, 57), а также не считает банные предметы оскверненными (ответ 35).

Следы «банной» полемики видны и в древнерусском переводе Студийско-Алексеевского типикона, данного патриархом Алексием Студитом своему монастырю в 1034 г., а затем, в конце 1060-х — первой половине 1070-х годов, привезенного на Русь тем самым Ефремом Переяславским и принятого в Киево-Печерском монастыре и, вслед за ним, в других русских обителях [41]. Судя по упоминанию в нем монастырских бань, которые все, в том числе миряне, посещают по предъявлению жетона от игумена, интересующий нас фрагмент [42] имеет византийское происхождение, а не представляет собой русскую вставку. Как и в рассказе об апостоле Андрее (*и тако (то ЛТ) творять по вса днѣ*) и омовение в бане представляется здесь как регулярное действие — монахам предписывается мыться не чаще двух раз в месяц: *да мѣють же са мниси не боле нѣ двоици м(с)ца*. Тут же уточняется, что это правило касается только здоровых монахов, но не больных, которые могут мыться чаще по указанию врача: *больнымъ же врачъ количествъ мѣвы оуречеть . мы бо съдравымъ правило положихомъ*. При этом типикон осуждает ригористический отказ

от регулярного мытья вообще и даже допускает омовение сверх устава: *нѣ мнихомъ многопостными одѣржаномъ троуды . и съде въ тѣнность въшьдѣшемъ . не правѣдно лишати са иже шт мѣви . покоя тѣлоу паче мѣрѣи.*

Между тем такие ригористические тенденции известны в других монашеских уставах, причем как более ранних — пахомиевской традиции [43], так и реформированных, появляющихся с середины XI в., — «евергетидских». Так, первоначальный вариант Евергетидского устава (1054–1070 гг.) запрещал здоровым монахам мыться вообще, и только его финальная редакция (1098–1118 гг.) разрешила три омовения в год: на Рождество, Пасху и Успение [44]. Другие монастыри «евергетидской» традиции сохраняют, впрочем, изначальный уставной ригоризм: монастыри св. Иоанна Предтечи Фовера на Боспоре и св. Неофита на Кипре разрешают мыться только больным (и престарелым) монахам, полностью запрещая это здоровым [45]. Автор устава — Павел Евергетидский — обосновывает этот запрет идейно: баня не соответствует идеалу, согласно которому монах не должен жить «изыскано, будучи здоров и моясь» [46]. Запрет на очищение тела должен способствовать чистоте души.

Игумен Христодул в своем уставе воспринимает баню как атрибут светской жизни [47], и потому не удивительно, что еженедельное омовение в бане было характерно для «аристократических» монастырей (типа Пантократора в Константинополе) — таких роскошествующих иноков, моющихся по три раза в неделю, высмеивает в XII в. Птохопродром в своих поэмах (Поэма 3.62–63) [48]. Поэтому жесткий отказ от бани, сознательно противоречивший установкам греческой культуры, не поддерживался не только Студийско-Алексеевским типиконом, восходящим, вероятно, еще к студийскому уставу IX в., но и некоторыми «евергетидскими» типиконами XII в. Так, устав монастыря в Арии на Пелопоннесе, данный митрополитом Коринфским Львом, разрешает инокам мыться каждую субботу, а другие — хотя бы раз или два раза в месяц (кроме постов) [49]. Как и монастырь Алексия Студита, многие другие обители также позволяли посещать свои бани мирянам (в том числе зависимым крестьянам), а в монастырях Одигитрии в Константинополе и Космосотиры в Феррах были даже выстроены отдельные бани для монахов и мирян. Более того, при обителях Константинополя существовали братства (*διακονίαι*), чьей задачей была забота о регулярном омовении бедняков в монастырских банях, так что последние становились важным орудием христианской благотворительности [50].

Итак, мы видим, что «банная» полемика была частью противостояния аскетических практик «студийской» и «евергетидской» традиции, отзвуки которой на Руси проявляются не позднее второй четверти XII в., причем у того же Нифонта Новгородского [51]. Важно отметить также, что спор о банях не был каким-то малозначительным или сиюминутным явлением: на самом деле уже многие ранние (и весьма авторитетные) Отцы Церкви в своей борьбе с античной традицией терм как источником греха [52] сформировали идеал *ἀλουσία* «немытия» [53], обращенный ко

всем верующим (за исключением больных) и призванный, как и пост, дать им полную власть над своим телом, лишив то власти над ними. Так, свт. Василий Великий гордился тем, что, будучи здоровым, никогда не мылся, а восточные аскеты (прп. Антоний Великий, Мелания и другие) не мылись вообще никогда, из чего вырастает полный запрет на омовение в уставах традиций Пахомия и Афанасия (правда, не Василия, где оно не упоминается в принципе). Согласно «Лугу духовному», когда монахи монастыря Скопелос построили баню на чудесно забившем источнике, тот иссяк. Кроме того, в баню как нечистое место запрещали ходить в день причастия: «Никто, помазавшись миром, не входит в баню и не смывает его, и пообедав с императором, не входит в кабак», — говорит о таких людях прп. Феодор Сикеот, опираясь на «Писание и отеческое предание» [54]. Напротив, свт. Григорий Нисский, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст относились к баням положительно, а последнего на соборе «под дубом» даже обвиняли в том, что он велел топить баню для себя одного. Та же Мелания, сама никогда не мывшаяся, построила в Иерусалиме баню для своих монахинь; термы также часто входили в состав паломнических комплексов.

Полемика относительно приемлемости бани продолжается и в средневизантийской религиозной литературе IX–XII вв. Так, прп. Феодор Студит называет константинопольские бани «душегубительными» и советует монахам их избегать [55]. В надписанном именем патриарха Николая Грамматика стихотворном послании проту (главе) Афонской горы [56] автор прославляет «немытие» афонских монахов как идеал. Напротив, Иаков Коккиновафский (Гомилии 35) осуждает тех, кто не моется в бане и покрывается оттого грязью.

При этом многие византийские авторы различают омовение в бане, необходимое для гигиены и здоровья, и удовольствие от нее, близкое или равное греху. Кроме того, запрет на омовение в бане мог быть связан с другими причинами. Так, канонист Феодор Вальсамон [57] запрещает топить бани по воскресеньям, потому что это заставляет банщиков трудиться в день, когда всем христианам положено отдыхать, причем ссылается еще на закон Льва I о запрете работать в воскресенье. У него же мы находим запрет мирянам и клирикам мыться перед литургией, известный нам по «Вопрошанию Кирика», а также в дни траура [58]: важно, что омовение здесь уже в самом вопросе приравнивается к посещению бани (включая пускание крови). Примечательно, что, комментируя соборный запрет на совместное мытье мужчин и женщин, он обсуждает его применительно к омовению супругов у себя дома: и если Вальсамон рассматривает здесь разные точки зрения, то Аристин такое однозначно воспрещает [59].

Примечательно, что к XII в. аналогичная дискуссия о допустимости монахам мыться в бане разворачивается и в латинском мире. Устав св. Бенедикта (гл. 36), подобно пахомиевским и «евергетидским» типиконам, рассматривал баню как нечто ненужное для здорового монаха: «Бани для больных готовить сколько нужно; а для здоровых, особенно молодых,

пореже позволять ее» [60]. Однако уже у цистерцианцев возникает различие между баней как удовольствием и как омовением, необходимым для того, чтобы чистым предстать перед Господом [61] (что напоминает рассмотренные выше известия о регулярных омовениях в субботу в Византии и на Руси). Тут следует вспомнить, что монахи Фалькенау были именно цистерцианцами, вынужденными выдавать свой обычай мыться в бане за род аскезы (что придает рассказу Фабрициуса новый смысл): это подтверждает в Риме и папский легат-итальянец, подобно апостолу Андрею в отношении Руси.

Такое понимание бани как необходимого инструмента монашеской и, шире, христианской жизни, а в ее северном варианте — и как аскезы вполне вписывается в контекст рассказа ПВЛ о словенских банях, по крайней мере как он понят в (И)ХРА. Омывение в бане предстает здесь не как телесное удовольствие, но как процесс добровольного мучения, доводящий чуть ли не до смерти. При этом апостол-южанин вместе со своими римскими слушателями лишь удивляется такому обычаю, но никак не осуждает его, а принимает и даже понимает как аскезу. В контексте жаркой полемики о «банном уставе» в XI–XII вв. вполне возможно высказать предположение, что летописец, монах обители со студийским уставом (Печерской или Выдубицкой), сознательно соединяет «банный анекдот» с путешествием апостола по Руси, как бы легитимируя обычай регулярной русской бани в противовес ригористическому требованию к здоровым монахам (и даже мирянам) отказаться от омовения вообще. Такая *conditio sine qua non* «русского мира» (*какъ ихъ обычаи и како самыють*) типологически напоминает приведенный в той же ПВЛ [62] отказ князя Владимира от принятия монотеизма без возможности пить вино.

При подобном понимании новгородского сюжета ПВЛ он более не выглядит гетерогенным киевской проповеди Андрея. Обе его части представляют собой конструкт древнерусского книжника конца XI — начала XII в., хорошо знакомого с греческими источниками: и с текстами андреевской традиции (их он изучал, очевидно, специально [63]), и с византийскими (а возможно, и латинскими) спорами о допустимости монаху пользоваться баней. Более того, две половины рассказа об Андрее в ПВЛ создают два благословения Первозванного ученика Христа Русской земле: ее будущему государственному и церковному центру и ее древней традиции банного омовения, восходящей еще ко временам апостольским.

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

[2] Например: Горский А.А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2015. № 2 (62). С. 35–40.

[3] ПСРЛ I 7–9; II 6–7.

[4] *Status quaestionis* см. в: Петров Н.И. Святой апостол Андрей Первозванный: путешествие «по Днепру горе». Историко-археологические

- разыскания. СПб., 2010; Грузнова Е.Б. Об особенностях изучения летописного предания об апостоле Андрее // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 323–338 (заметим, что оба автора сами пытаются найти в предании черты реальности). О его политической подоплеке см.: Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 7–23; Подскалки Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 17–20. О времени его появления см.: Введенский А.М. Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и ее состав // *Rossica antiqua: Исследования и материалы*. СПб., 2012. Вып. 2 (6). С. 3–23.
- [5] Их упоминание взято, вероятней всего, из жития апостола Андрея, написанного Епифанием Монахом (гл. 34–35) и переведенного в том числе на славянский: *Греческие предания о св. апостоле Андрее*. Т. 1. Жития / изд. подг. А.Ю. Виноградовым. СПб., 2005. С. 73–75, 146–147.
- [6] *Повесть временных лет* / подг. текста, пер. и коммент. О.В. Творогова. <http://lib.pushkinskiydom.ru/?tabid=4869#_ednref31>.
- [7] *Деяния апостола Андрея* / предисл., пер. и коммент. А.Ю. Виноградова. М., 2004. С. 27, 189.
- [8] “Οὕτως ὁ μέγας ἀπόστολος, τὰ πλευρὰ τοῦ Βορρᾶ μετιῶν, ὄρη κατέστησε Σιών” (Так великий апостол, обходя края Севера, сделал их горами Сионскими) (PG 105, 66); “τὸν Βορρᾶν κληρωθεῖς, Ἰβηρας καὶ Σαυρομάτας, Ταύρους καὶ Σκύθας, καὶ πᾶσαν χώραν καὶ πόλιν, ὅσαι τε πρὸς ἄρκτον Εὐξείνου τοῦ Πόντου” (получивший в удел Север: иверов и сарматов, тавров и скифов, и всякую страну и город, что к северу от Понта Эвксинского) (Ibid., 64).
- [9] Показательно, что он элиминирован в опирающемся на ПВЛ «Слове о проявлении крещения Русския земли».
- [10] См.: *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. I.1. СПб., 1880. С. 6.
- [11] Под 6415 (906/7) и 6524 (1015/6) гг.
- [12] *Панченко А.М.* Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагелланство // *Исследования по древней и новой литературе*. Сборник статей к 80-летию академика Д.С. Лихачева. Л., 1987. С. 172–177.
- [13] *Котляревский А.А.* О происхождении сказания о новгородских банях // *Чтения в Историческом обществе Нестора летописца*. 1873–1877. Кн. 1. Киев, 1879. С. 288–290.
- [14] *Scriptores rerum Livonicarum*. Bd. 2. Riga; Leipzig, 1848. S. 447–448.
- [15] *Mourjanoff M.* Andreas der Erstberufene im mittelalterlichen Europa // *Sacris Erudiri*. 1966. Vol. 17.2. P. 411–427; *Мурьянов М.Ф.* Андрей Первозванный в Повести временных лет // *Палестинский сборник*. Вып. 19 (82). Л., 1969. С. 159–164.
- [16] Дионисий уточняет, что это случилось после того, как число братьев сильно умножилось, что возможно только через некоторое время после разорения Фалькенау в 1240 г. Автор вставляет этот рассказ в повествование о епископе Дерптском Германе (ум. в 1248 г.), но к 1248 г. число братьев так быстро увеличиться не могло, так что к Герману

«банный анекдот» был приурочен в связи с датой основания монастыря (1233 г.).

[17] Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и в Новгород // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 48–63 (переизд.: Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 183–201).

[18] Слова «якоже ркоша» в начале рассказа можно отнести к житийной традиции ап. Андрея, связывавшей его с Синопой и Корсунью-Херсоном. См.: Греческие предания.

[19] См.: Введенский А.М. Указ. соч. С. 17.

[20] Мы не будем рассматривать здесь антинаучные по сути своей гипотезы происхождения новгородского эпизода, вроде заимствования его из древнего несохранившегося апокрифа. См.: Петров Н.И. Указ. соч. С. 160–163.

[21] Gerhardt D. Über Vorkommen und Wertung der Dampfbäder // Zeitschrift für slavische Philologie. 1955. Bd. 24. S. 82–90 (там же см. и западноевропейскую литературу по данному вопросу).

[22] Бобров А.Г. Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 56. С. 94–120.

[23] Здесь и ниже используются следующие сокращения для летописей: И — Ипатьевская, Х — Хлебниковская, Р — Радзивилловская, А — Академическая, Т — Троицкая, Л — Лаврентьевская, НКЛ — Новгородская Карамзинская (1 выборка), Соф — Софийская, Воскр — Воскресенская, Ник — Никоновская.

[24] Главные его отличия — чтения *квасомъ кислымъ, изльзуть*.

[25] Подробнее см.: Гиппиус А.А. О критике текста и новом переводе-реконструкции Повести временных лет // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. P. 63–126.

[26] Вопреки: Молдован А.М. Чем мылись новгородцы? // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002. С. 229–231, где не рассматривается мытель.

[27] См. также: Gippius A.A. Reconstructing the original of the Povest' vremennykh let: A contribution to the debate // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. P. 341–366.

[28] Последний вариант принимается и во всех критических изданиях ПВЛ, кроме издания Д. Островского (<http://pvl.obdurodon.org> 9,2), где дается чтение *творять не мытву себъ, не мучение*, которое невозможно как синтаксически (должно было бы стоять *ни..., ни...*), так и по смыслу (получается, что словене и не моются, и не мучаются).

[29] В Ник эта фраза опущена.

[30] См.: Гиппиус А.А. Указ. соч. С. 88–89.

[31] Трудно найти указание на связь апостола Андрея и бань в житийной традиции, так как в известных на Руси его житиях авторства Епифания Монаха (откуда взята Синоп) и Симеона Метафраста элиминированы все упоминания бань — заметим, крайне негативные — из апокрифических

«Деяний Андрея» (см.: Греческие предания); вопреки: *Петров Н.И.* Указ. соч. С. 63–65.

[32] Их перечень см. в: *Gerhardt D.* Op. cit.; *Бобров А.Г.* Указ. соч.

[33] Можно отметить также глагольные формы *перезьгуть/перезьгоша*, общие с рассказом об апостоле Андрее: этот термин аналогичен совр. *истопить*, в значении *раскалить баню* и *выпустить дым*.

[34] О нем см.: *Ёлшин Д.Д.* «Двустолпные» храмы древнерусского Переяславля: византийский контекст // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Т. 3. СПб., 2013. С. 209–215.

[35] См.: *Костромин К., прот.* К вопросу об авторе летописного сказания об апостоле Андрее // *Христианское чтение*. 2015. № 6. С. 22–38. Впрочем, его гипотеза о составлении летописного сказания об ап. Андрее Ефремом Переяславским не имеет убедительных аргументов в свою пользу, поскольку вообще не учитывает контекст формирования ПВЛ и возможность принадлежности Ефрему антилатинского «Написания». См.: *Бармин А.И.* Противолатинская полемика в Древней Руси: византийские параллели // *Византийский временник*. 2010. Т. 69. С. 129–131.

[36] См.: *Фрезе А.А.* Гражданская постройка («баня») в Переяславле и архитектура резиденций русских архиереев XI–XV веков // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Т. 9. СПб., 2019. С. 368–380.

[37] См.: *Тараненко С.* Лазні у планувальній структурі давньоруського Подолу Києва // *Місто: історія, культура, суспільство*. 2016. № 1. С. 129–139.

[38] *Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа — древнейшее русское «вопрошание» // *Славяне и их соседи*. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 245.

[39] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 21–62.

[40] Впрочем, для целования мощей омовение после супружеской связи не необходимо (ответ 26); однако показательно, что поздний переписчик вставляет сюда требование омыться хотя бы по пояс (взятое из ответа 28).

[41] См.: *Пентковский А.М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

[42] Там же. С. 385.

[43] *Byzantine Monastic Foundation Documents: A Complete Translation of the Surviving Founders' Typika and Testaments* / J. Thomas, A. Constantinides Hero (eds) with the assistance of G. Constable. Washington (DC), 2000. P. 35.

[44] *Byzantine Monastic Foundation Documents*. P. 460, 491.

[45] *Ibid.* P. XXVII, 447.

[46] *Gautier P.* Le typikon de la Théotokos Évergétis // *Revue des Études Byzantines*. 1982. Т. 46. P. 69.

[47] *Byzantine Monastic Foundation Documents*. P. 585.

[48] *Ptochoprodromos* / hrsg. von H. Eideneier. Köln, 1991. S. 119.

[49] *Ibid.* P. XXVII, 504, 612, 653–654, 696, 729–730, 747–748, 779, 952, 965.

- [50] *Magdalino P. Medieval Constantinople // Magdalino P. Studies on the history and topography of Byzantine Constantinople. Aldershot, 2006. P. 33–36.*
- [51] *Виноградов А.Ю., Желтов М.С. «Первая ересь на Руси»: русские споры 1160-х годов об отмене поста в праздничные дни // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 3 (73). С. 118–139.*
- [52] Прежде всего общения с обнаженными представителями противоположного пола в общих банях, существовавших до VII в.
- [53] См. образцовое исследование: *Berger A. Das Bad in der byzantinischen Zeit. München, 1982. S. 34–71.* Там же см. ссылки на приводимые ниже примеры.
- [54] Житие Феодора Сикеота, 137. Ср. выше: «Вопрошание Кириково», 50.
- [55] PG 48, 349.
- [56] *Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I.2–3. P., 1989. P. 444. № 983 (958).* Об авторстве см.: *Виноградов А.Ю., Желтов М.С. Указ. соч. С. 128.*
- [57] *Ράλλης Γ., Ποτλής Μ. Σύνταγμα των Θείων και Ιερών Κανόνων. Τ. 4. Αθήνησιν, 1854. Σ. 486–487.*
- [58] *Ibid. Σ. 457.*
- [59] *Ράλλης Γ., Ποτλής Μ. Op. cit. Τ. 2. Αθήνησιν, 1852. Σ. 483–487.*
- [60] Перевод дается по: *Древние иноческие уставы, собранные епископом Феофаном. М., 1892. С. 626.*
- [61] См.: *Bodily and Spiritual Hygiene in Medieval and Early Modern Literature. Explorations of Textual Presentations of Filth and Water / A. Classen (ed.). Berlin; Boston, 2017. P. 53–56, 129–170.*
- [62] Под 6494 (1085/6) г.
- [63] Следует отметить, что каждый из этих вышеперечисленных текстов (жития апостола Андрея авторства Епифания Монаха и Никиты Давида Пафлагона и энкомий ему же авторства последнего) был распространен в византийском мире, насчитывая не менее десятка списков, а житие авторства Епифания — и в славянском.

Сергей Карпов

**Власть над судом или суд над властью:
синдикации венецианских и генуэзских консулов
в факториях Причерноморья в XIV–XV вв.**

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_297-310

На берегах Черного моря в самый расцвет Средневековья, в XIV — середине XV в., встретились и сплелись две разные системы управления заморскими факториями итальянских морских республик. Одна — венецианская — представляла собой олигархический вариант властвования — с жестким централизмом надзирающих за местными чиновниками из метрополии иерархически организованных магистратур. В другой — генуэзской — патрициат был разобщен и разделен на противостоящие друг другу, но объединенные в родственные кланы семейные союзы — «альберги». Там

не было сильной государственности, но были спаянные общностью коммерческих интересов и сцементированные правовыми и финансовыми механизмами институты. Нестабильность центральной политической власти парадоксальным образом не была слабостью администрирования. И в венецианских, и в генуэзских факториях их главами становились избираемые в метрополии на короткий, 1–2 года, срок подеста и консулы. Им предоставлялись широкие права и полномочия на время их мандата. А дальше... дальше их ждала процедура следствия, не ограничивавшаяся приемом формальных отчетов и донесений. И там и там она называлась синдикаментом. И несмотря на разницу властных структур, функционирование систем контроля оказывалось почти зеркальным. Очень похожими были злоупотребления консулов и их соратников в факториях, как и методы борьбы с ними — с иллюзорной справедливостью детальных расследований, но с вполне реальными, пусть и разными по суровости, воздаяниями за реальные или мнимые проступки и преступления магистратов. Создаваемые инструменты политического и финансового контроля над магистратами, при всем разнообразии систем управления Генуи и Венеции, во многом следовали одним и тем же принципам, одинаковым идеологиям и строились по сходным лекалам. И одними из важнейших были процедуры синдикации. Их функционирование в Генуе [1], Венеции [2], Болонье и в других городах Северной Италии [3] рассматривалось в ряде исследований, но в гораздо меньшей мере изучались конкретные документы и протоколы синдикаций [4].

Сначала о нормах синдикаций.

Синдикаторы обладали очень широкими полномочиями. Нередко им поручались и посольские, дипломатические миссии, и тогда они именовались более общим титулом — синдигов, а не чисто техническим, специализированным термином синдикаторов [5].

Венецианская система имела ту особенность, что синдики и попечители по делам Романии и Леванта (*provisores et sindici ad partes Levantis*) периодически посылались для контроля над магистратами, и не только тогда, когда мандат последних истекал. К концу XV в. сложилась практика их командирования раз в пятилетие [6]. Текущий же контроль осуществлялся следующим образом. В течение 2 месяцев после своего возвращения в Венецию байло, консул или иной высший магистрат фактории был обязан представить финансовый отчет специальной комиссии счетов (*Officiales rationum*). Другая комиссия — Адвокаторов коммун — проверяла документы делопроизводства и в случае обнаруженных нарушений опрашивала возможных свидетелей и назначала комиссию по расследованию деятельности магистрата на месте. Окончательное же решение о его виновности с наложением штрафа принимали в Сенате [7]. Дожу и Сенату по представлению подчиненных им комиссий принадлежала прерогатива смягчения и отмены наказаний [8].

Начало процедуры синдикаций высших магистратов в Генуе восходит к XIII столетию [9]. Главной была Коллегия генеральных синдикаторов

Генуи. Она состояла из двух лиц, избираемых на 6 месяцев одновременно с их сменщиками на следующие 6 месяцев, и те, в свою очередь, ревизовали решения предшественников. Главной задачей этой комиссии была инспекция действий любых генуэзских магистратов по окончании срока их полномочий. Они вносили предложения по возможному наказанию виновных, решение о чем принималось дожем и его советом с их участием. Для принятия итогового обвинительного заключения нужно было собрать 12 голосов 17 участников [10]. Эти высшие, генеральные синдики Генуи имели очень широкие полномочия. Подавать апелляции на их решения разрешалось только после вынесения ими приговора и только высшим властям республики. Институту генеральных синдикатов Генуи были подчинены комиссии синдикатов в факториях. Постепенно их функционирование приобрело регулярный характер и они стали расследовать деятельность магистратов заморских факторий (Перы, Каффы (Феодосии), Фамагусты и иных).

В Генуэзской республике существовало два типа финансового и административного контроля над чиновниками: один предусматривал проверку счетов и деятельности магистрата, исполнявшего свою должность в течение ограниченного срока (как правило, от 6 месяцев до 2 лет), приходившим ему на смену чиновником и его ассистентами, другой был экстраординарным и назначался решениями высших органов власти (дожем, Советом старейшин, губернатором) для выявления злоупотреблений или по запросу обвинителей [11].

Перед поездкой к месту назначения высший магистрат фактории оставлял значительный денежный залог, из которого, при его возможном последующем осуждении, по приговору вычитывалась сумма штрафа. Процедуру синдикации на месте по законам 1363 г. организовывал новоназначенный консул, сменявший предшественника и назначавший двух купцов для ведения дознания. В случае обвинения виновного магистрата последний вносил штраф на месте [12]. Синдикаторы имели право наказывать дававших ложные показания [13].

Процедура синдикации предусматривала два этапа: сначала инспекторы-аудиторы проводили опрос свидетелей на месте, а затем посылали результаты расследования в метрополию, где генеральными синдикаторами определялась мера ответственности и при выявлении нарушений закона и правосудия налагались финансовые взыскания на официала. Такие процедуры в общей форме упоминались с начала XIV в. в так называемых «Статутах Перы», включавших и общегенуэзское законодательство, и нормы по управлению факторией [14], но четко регламентированы они были позже — в своде законов дожа Габриэле Адорно 1363 г. [15] и в кодификациях 1447–1448 гг. для Фамагусты [16] и 1449 г. для Каффы [17].

Синдикаторы Каффы инспектировали деятельность администрации Таны (Азова), Чембало (Балаклавы) и всех других факторий Генуэзской Газарии. Синдикаторы Перы расследовали деятельность чиновников в Ликостомо (Старая Килия), Трапезунде, Синопе, Симиссо (Амис, Самсун),

т.е. на западном и южном берегах Черного моря. По завершении расследования и вынесении приговора всю документацию синдикаторы факторий были обязаны представить генеральным синдикаторам Генуи, которые в назначенный день публично оглашали эти приговоры и имели право наказывать местных синдикаторов за неправильные решения [18]. Каффа, копирующая роль метрополии для Газарии, получила право иметь своих генеральных синдикаторов, избираемых на месте, при этом в 1449 г. процедура синдикации в Каффе была усложнена: синдикаторы более не назначались консулом, но избирались специальной комиссией из 16 членов (8 — граждан Генуи и 8 — бюргеров Каффы) и число синдикаторов возросло до четырех. Их функции включали и постоянный надзор за деятельностью чиновников, рассмотрение жалоб на них, исключая консула, и инспекцию кораблей, и контроль за процедурами освобождения рабов на волю [19]. Другая выборная комиссия — *sindicatores domini consulis* — осуществляла синдикацию самого консула Каффы и его викария после истечения их мандата [20]. Третья — *sindicatores officialium Maris Maioris* — осуществляла контроль за деятельностью магистратов, подчиненных консулу Каффы (консулов Солдайи (Судака), Чембало, Таны, Трапезунда, Севастополя (Сухуми)), после окончания срока их полномочий. В это время ряд консульств, ранее контролировавшихся из Перы (Трапезунда, Синопа и др.), был передан под надзор администрации Каффы. Поскольку третья комиссия находилась в Каффе, для инспекции подведомственных консулов посылались уполномоченные комиссией аудиторы, собиравшие в течение 10 дней жалобы от всех желавших их подать. Затем отчеты аудиторов направлялись генеральным синдикаторам Каффы, где и назначались особые синдикаторы по делу об этих магистратах [21].

После перехода факторий под управление Банка св. Георгия в 1453 г. процедура назначения синдикации и рассмотрения апелляций стала принадлежать руководству банка — Протекторам. И нередко функции контроля осуществлялись не только через процедуры синдикации, но и при помощи избранных комиссий по проверке счетов магистратов с выявлением возможных злоупотреблений [22]. Это, разумеется, не отменяло обычных процедур синдикаций, и тщательнейший контроль синдикации предпоследнего консула Каффы Баттиста Джустиниани Оливерио (1473–1474) в 1474 г. тому наглядный пример [23].

Таковы были нормы. А какова практика?

Сохранились, например, протоколы дознаний венецианского консула Таны Эрмолао Валарессо (1422), который обвинялся во многих преступлениях и понес за них должное наказание [24]. Интересно, как он, совершая их, обосновывал свои полномочия. Будучи временным администратором, он заявлял пострадавшим: «Истинно я господин этого места (*Sum forte dominus huius loci*)» [25], уподобляя себя не магистрату, но правителю. Не менее дерзко и не считаясь с правом, полагая себя выше права, вел себя и другой консул, Даниэле Лоредан (1409–1411), заявивший: «Я консул от лица правления, и никто не должен мне давать приказы (*Ego*

sum consul pro dominio, nullus debet mihi dare ordinem)» [26]. А в ответ на упрекавших его в несправедном суде или действиях обвинителей сыпались удары и даже наносились увечья, а не просто взимались штрафы. Конечно, это были скорее исключения, чем правила. И за них виновные наказывались. Но всю сумму обвинений консулов можно было бы свести к классическому выражению одного из следственных документов: «Contra id quod fieri debet et potest de iure iuxta consuetudines et leges Veneciis (Вопреки тому, что он должен и может делать по праву в соответствии с обычаями и законами Венеции)» [27]. Консул считал себя (пусть и временно) выше суда. Сам он был вершителем этого суда и вместе со своим подчиненным юристом — викарием — выносил приговоры. Еще один показательный пример мы находим в акте венецианского нотариуса и канцлера фактории в Тане Нашимбене Скарены. В сентябре 1365 г. избранный на должность консула Таны, но желавший оставить свои полномочия из-за семейных обстоятельств Никколо Базилио потребовал от местного банкира в Тане Пьетро Бембо выплатить ему 1800 безантов (около 450 дукатов) со счета Никколо Морозини, видимо должника. Банкир отказывался это сделать, требуя личного присутствия Морозини. И тогда консул пригрозил ему наложением высокого штрафа в 25 соммов серебра (примерно 125 золотых дукатов по курсу тех лет). Банкир сдался, боясь не подчиниться облеченному властью (*nec volens disobedire dominacioni tamquam persona cohacta*), и выплатил данную сумму, зафиксировав это, впрочем, нотариальным актом с четырьмя свидетелями [28].

Суд метрополии мог впоследствии, хоть и с запозданием, если не защитить пострадавших, то хотя бы компенсировать ущерб.

Но были ли обвинения консулов всегда справедливы? Как защищались права и интересы обвиняемых магистратов? Судя по многочисленным петициям и жалобам «обиженных» генуэзских консулов и их потомков на ложные и клеветнические обвинения и многолетние казуистические попытки добиться оправдания и возмещения штрафов [29], в этом приходится сомневаться. Сомнения усиливает анализ немногих частично сохранившихся протоколов синдикаций.

В 1402 г. в генуэзской Пере (Галате) была проведена синдикация высших официалов «Заморья». Она имела свои особенности. Генуя находилась тогда под французским управлением, и губернатор короля Карла VI маршал Жан ле Менгр Бусико проводил политику централизации и унификации управления факториями. В частности, комиссия синдикаторов, избранная Бусико и Оффицией монеты 23 мая 1402 г. в самой Генуе, состояла из пяти членов, она находилась под непосредственным контролем губернатора и властей Генуи [30]. В ее ведении и находилось расследование деятельности покидавших свой пост подеста Перы, капитанов и массариев (главных бухгалтеров-счетоводов), а также высших должностных лиц «малых» факторий. В их числе был и консул относительно небольшой генуэзской фактории Синопа Агостино

Риччо (1400–1403), пример которого достаточно характерен для исследования феномена синдикаций.

По некоторым деликтам аудиторы сразу выносили вердикт, по некоторым — приобщали показания к делу синдикации, и окончательные приговоры там не значатся.

Риччо был современником трагических событий того времени — в годы его правления в Синопе продолжалась блокада Константинополя войсками турецкого султана Баязида (1394–1402) [31] и последовала знаменитая Ангорская битва 28 июля 1402 г., когда Баязид был разбит и пленен войсками джагатайского эмира Тимура, что изменило всю ситуацию в Анатолии [32], в том числе и судьбу правителя Синопа Исфендияра, перешедшего от вассальных отношений к османам к признанию таковых же от тимуридов [33]. Однако в документах синдикации Риччо нет даже намек на эти события и на какое-либо участие в них консула Синопа и генуэзцев. Сам Исфендияр упомянут только в контексте отношений с его подданными генуэзских купцов, интересы которых не защищал как должно консул [34]. В целом же торговые операции там мирно продолжались, нарушаемые, возможно, одним только своеволием и импульсивными действиями консула.

Риччо приступил к исполнению своих обязанностей в конце 1400 г. Документы синдикации упоминают принятые им решения 12–14 декабря 1400 г. [35]

В начале 1403 г. Агостино Риччо упомянут уже как бывший консул Синопа [36]. 10 марта счета счетной книги — массарии Перы упоминают его зарплату за год и 34 дня в размере 400 перперов в год, с 7 декабря 1401 г. по 12 января 1403 г., итого 437,4 перпера [37]. Видимо, это был уже второй год консульства Риччо. 19 марта и 15 мая 1403 г. счета Перы упоминают нового консула Синопа Бенедетто Чибо, направлявшегося к месту назначения [38], но, вероятно, не приступившего к своим обязанностям, и в мае 1403 г. новым консулом Синопа, производившим расходные операции, назван Жирифорте Бавозо [39].

Обвинения, предъявляемые Риччо в Синопе в 1401 г., сводились к следующему. Он «экономил» на содержании некоторых чиновников (оплата которых должна была производиться из его оклада) и якобы не содержал в своем штате писца, переводчика и пристава-плацерию [40]. Эти обвинения можно сразу счесть несостоятельными, ибо в многочисленных последующих показаниях свидетелей все эти лица упоминаются.

Другие «общие» обвинения Риччо состояли в том, что он пренебрегал своими обязанностями отправлять правосудие и не разбирал иски и просьбы обращавшихся к нему, но оскорблял жалобщиков и угрожал им, незаконно сажал в тюрьму разных лиц и вымогал у них деньги, подвергал невиновных пыткам, избивал их, а виновных освобождал от наказаний, брал взятки от обращавшихся к нему за правосудием. Тех генуэзцев, которым подданные Исфендияра не возвращали долги, он не защищал как должно и не помогал им, а гнал от себя прочь [41].

Изучив материалы дела, аудиторы освободили Риччо от всех этих обвинений, сочтя их недоказанными [42].

11 и 12 января 1402 г. консулу были предъявлены обвинения не в общем виде, а от конкретных лиц и по конкретным эпизодам.

Один из обвинителей, Раффаэле д'Альбаро, подробно описал свои претензии. Рядом с лоджией (где совершались сделки и находились конторы магистратов) под навесом было пространство со скамьями, с особым местом для консула. Ночью, после ужина (непонятно почему, но, можно предполагать, в подпитии), там находился Раффаэле вместе с другим генуэзцем, Лодизио ди Гроппо, который не мог ходить без палки, так как у него была стрела в бедре. Лодизио склонил голову на колени Раффаэле и, видимо, задремал. Вероятно, оба заняли положенное консулу место. Около 2 часов пополуночи появившийся пристав консула потребовал, чтобы они встали, так как должен явиться консул, и они подвинулись на середину скамьи. Консул явился и через четверть часа совместного пребывания разрешил им отправиться к Раффаэле домой, где оба и проживали. На следующий день пристав потребовал, чтобы Раффаэле явился к консулу, а когда тот прибыл, консул, не сдерживая злости, приказал писцу завести дело на Раффаэле (видимо, за нарушение порядка и неуважение к консулу), заставив его уплатить за делопроизводство 50 аспров, а затем присудил его к уплате еще 3 соммов (1 сомм серебра равнялся тогда примерно 14 перперам) [43]. Раффаэле счел приговор придишкой на том основании, что консул не раз грозил, что потребует от Раффаэле уплаты якобы причитающихся ему денег. Чтобы уплатить штраф, Раффаэле был должен обратиться к своим партнерам и должникам, один из которых, Григор, видимо армянин, был ему должен 2000 аспров, но консул не пожелал их взыскать по требованию кредитора для покрытия долга [44].

Другое обвинение Раффаэле состояло в том, что консул не принял должных мер по взысканию с должника Раффаэле Оддоардо Малагамба 8000 аспров и отпустил посаженного ранее под арест должника из тюрьмы. Вследствие этого Раффаэле не смог выплатить долг одному сарацину и был вынужден занять у еврея-ростовщика деньги под 8% в месяц, потратив на это еще 480 аспров. Раффаэле настаивал на возвращении этих денег, наравне с 50 аспрами судебных издержек. Аудиторы сочли все эти обвинения консула безосновательными [45].

Иск против консула представил и Паганино ди Пагано. Он обвинил Риччо в том, что тот незаконно присудил его к уплате 1000 аспров и посадил в тюрьму на 6 дней, как если бы тот был мятежник и предатель (*tanquam se fuisset rebellis vel predictor comunis lanue*), невзирая на поданные им апелляции подеста Перы. Из-за этого задержания в разгар торговли Паганино якобы претерпел урон в 25 соммов, что составляло 26,75% ожидаемой прибыли. Аудиторы записали эти показания в Синопе и отправили в Перу для следствия [46].

Паганино и Раффаэле были торговыми партнерами: оба они занимались сбытом флорентийского сукна, привезенного в Синоп, и

консул, пренебрегая правилами, при сортировке доставленного купцами для продажи сукна произвольно занижал его стоимость. В этом аудиторы признали консула виновным и приговорили к уплате штрафа в 10 перперов, но отнюдь не к компенсации потерь купцам [47].

Николо ди Сан Франческо жаловался, что был обвинен консулом Риччо в неуплате ему прежнего долга по какому-то взаимному расчету, за что был отправлен в тюрьму, также терпя ущерб в 1000 аспров. Кроме того, будучи доверенным лицом Алексея Паганита (видимо, грека), Николо просил консула взыскать с его переводчика — труцимана Айната из Симиссо, очевидно турка, невыплаченный им долг поручителю. Консул, раздраженный его настойчивостью и вопреки справедливости в ярости ответил: «Клянусь телом Господним, и по праву, и без него, ничего для тебя не сделаю». И призвал нунция, приказав надеть на Николо колодки, невзирая на присутствие свидетелей. Он продержал купца в тюрьме 7 дней, нанеся ему ущерб в 800 аспров, так как Николо собирался отплыть на Понт для закупки вина. Внезапно освободив его, консул повелел ему вместо этого отправиться в Чембало (Балаклаву) под угрозой высокого штрафа. Суть коммерческих операций, связанных с этой поездкой, не ясна, скорее всего, она была продиктована острой нехваткой зерна и необходимостью его поставок. К тому же в результате кораблекрушения судна, патроном (шкипером и хозяином) которого был некий сарацин, перевозившего товары самого Николо, он потерпел ущерб еще на 3000 аспров [48]. Синдикаторы признали Риччо виновным в части нарушений и присудили его к уплате штрафа в размере 10 перперов и еще 10 перперов — массариям Перы [49].

Гораздо колоритней иск нотариия, писца курии консула генуэзского гражданина Оберто ди Мауро, обвинившего консула в самодурстве и гордыне (*audacia et superbia*) и в том, что он не заплатил ему причитающейся зарплаты. Придравшись к чему-то, консул приказал Оберто явиться в его дом и велел своим подчиненным — приставу Кристиану, переводчику Айнату из Симиссо и другим лицам — бичевать его. Те роптали и исполняли приказ с неохотой. Недовольный этим, разъяренный консул схватил Оберто, ударил кулаком по лицу, так что у того изо рта полилась кровь, и больно укусил за правую руку, на которой отпечатались его зубы, а затем стал собственноручно его бичевать и полдня продержал в оковах, как вора и мятежника. Между тем деньги на уплату окладов у консула были: он получил их от капитана и массария Перы Этторе Фьеско. В результате иск нотариия на 2000 аспров за ущерб был приобщен к делу [50].

Деятельность консула Риччо отражают счета бухгалтерских книг — массарий Перы, где отмечены произведенные им траты на отправку посланцев с письмами в Самастро (Амастрида, Амасра), Симиссо и Каффу по поручению генуэзской коммуны Перы, а также на починку лоджии и крыши лавок и складов фактории в Синопе [51]. Очевидно, что в годы блокады Константинополя османами (а все это происходило зимой 1402 г.) консул был вынужден заботиться о продовольственном снабжении

фактории и, видимо, о доставке продуктов из Северного Причерноморья, для чего и отправлялись туда упомянутые корабли. Важно, что, несмотря на трудную ситуацию, торговля в Синопе оживленно велась торговыми компаниями генуэзцев на корпоративной основе, когда сукно поставлялось оптом и затем распределялось консулом по квотам.

Одновременно с процессом синдикации консула Синопа происходило и следствие по делу генеральных капитанов и массариев Перы Этторе Фьеско и Оттобоне Джустиниани, которые ведали снабжением фактории. Главными и постоянно повторяющимися обвинениями против них были обвинения в получении взяток и в предоставлении особых привилегий капитанам судов, доставлявших продовольствие. Дело в том, что генуэзская коммуна давала особые лицензии на доставку продовольствия по льготным для поставщиков ценам. Число этих лицензий-контрактов нормировалось, и за их получение шло соревнование. Капитаны и массарии стали выдавать такие лицензии за особое вознаграждение. Чаще всего этим вознаграждением была услуга: перевозка без уплаты фрахта товаров, принадлежавших самим массариям. Другие обвинения состояли в незаконном участии массариев в торгах на аукционе по откупам налогов. В числе их взяткодателей и помещавших деньги в рост упоминались и византийский соимператор, тогда Иоанн VII Палеолог, который правил от имени Мануила II, отправившегося за помощью на Запад, и трапезундский василевс Мануил III Великий Комнин. Заслуживает особого внимания упоминание о том, что генуэзские массарии Перы были откупщиками налогов византийской казны [52]. Эти источники подтверждают соучастие византийского императора в коммерческих операциях генуэзцев и широкое вовлечение высшей аристократии империи в деловую активность [53].

Еще одним обвинением капитанов и массариев было незачисление ими должностей, за которые полагалась оплата, удерживаемая обвиняемыми, и выплата ими окладов их собственным слугам, даже рабу, под видом исполнения служебных функций [54].

Один случай заслуживает специального внимания. В Трапезунде скончался армянский купец, находившийся под генуэзским покровительством (такой статус предоставлялся многолетним торговым партнерам генуэзцев и освобождал получателя от уплаты местных налогов [55]). У купца не было наследников, и его имущество (рубин и около 80 соммов серебра) и купленные им товары (шелк) забрал трапезундский император, который затем передал все это Этторе Фьеско, действовавшему от имени генуэзской коммуны [56]. Фьеско доставил все в Перу, а далее показания свидетелей расходятся. Один говорил, что тот отправил имущество на Хиос в поисках наследников купца [57], четверо других — что он, получив имущество, отвез его в Перу, в чем и признался, и — то ли да, то ли нет — передал его коммуне как выморочное имущество на нужды войны [58]. Один свидетель, впрочем, ясно утверждал, что Этторе открыто, во всеуслышание объявил о получении этого имущества для коммуны [59], а другой точно указал, что Этторе получил 1 фарделл

шелка стоимостью 900 перперов и передал их в генуэзскую казну [60]. Обвинения против массариев по этому пункту развалились.

Таким образом, в синдикациях правдивые и ложные обвинения тесно переплетались, и дознавателям было трудно установить истину.

Интересно, что показания при синдикации давали не только граждане Генуи и бюргеры Перы, но и местные жители, чаще всего состоявшие на генуэзской службе.

Итак, далеко не все обвинения подтверждались. Далеко не за все назначались наказания. А очевидные моральные издержки и физический произвол не наказывались сурово, и сами истцы требовали материальной компенсации, а не суровых кар виновного.

Остаются сомнения: насколько эффективными были эти, сами по себе продуманные, меры борьбы с коррупцией и механизмы противодействия ей? Можно предполагать, что корпоративный интерес купеческих кланов расходился с целями и намерениями властей республики, к тому же не всегда совпадали интересы купцов факторий и метрополии, централизаторские устремления власти и индивидуалистические настроения жителей факторий. Впрочем, эти пороки были присущи не только одним средневековым морским республикам.

-
- [1] *Saraceno P.* L'amministrazione delle colonie genovesi nell'area del Mar Nero dal 1261 al 1453 // *Rivista di Storia del diritto italiano.* 1969–1970. Т. 42–43. P. 88–90; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle). Т. I. Roma; Genova, 1978. P. 480–485; *Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella "Romania". Legislazione-magistrature-fisco. Genova, 1977. P. 85–88, 118–119, 144–151; *Polonio V.* L'amministrazione della *Res Publica* Genovese fra Tre e Quattrocento. L'Archivio "Antico comune". Genova, 1977. P. 38–40; *Otten-Froux C.* Une enquête à Chypre au XVe siècle. Le *Sindicamentum* de Napoleone Lomellini, capitaine génois de Famagouste (1459). Nicosie, 2000. P. 21–54; *Otten-Froux C.* Contribution à l'étude de la procédure du *sindicamentum* en Méditerranée orientale (XIVe — XVe siècle) // *Chemins d'outre-mer. Etudes sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard.* Т. 2. P., 2004. P. 639–650.
- [2] *Thiriet F.* La Romanie Vénitienne au Moyen Age. P., 1959 (repr.: 1975) P. 198–203.
- [3] *Orlandelli G.* Il sindacato del Podestà. Bologna, 1963.
- [4] *Otten-Froux C.* Une enquête à Chypre au XVe siècle.
- [5] *Ferrante R.* La difesa della legalità. I sindacatori della repubblica di Genova. Torino, 1995. P. 18–19.
- [6] *Контарини Гаспаро.* О магистратах и устройстве Венецианской Республики. СПб., 2013. С. 150.
- [7] *Thiriet F.* Op. cit. P. 198–203; *Thiriet F.* Problemi dell'amministrazione veneziana nella Romania, XIV–XV secc. // *Venezia e il Levante fino al secolo XV.* Atti del 1 Convegno intern. di storia della civiltà veneziana (Venezia, 1–5 giugno 1968). Vol. I: Parte 2. Storia / a cura di A. Pertusi. Firenze, 1973. P. 782 [= *Thiriet F.* Études sur la Romanie gréco-vénitienne (Xe — XVe siècles). L., 1977. No. XIV].

- [8] См.: Cassiere della Bolla Ducale. Grazie, Registro No. 16 (1364–1372), anticamente Liber Gratiarum XIII. Vol. 1–2 / a cura di S. Piasentini. Venezia, 2009.
- [9] *Otten-Froux C.* Contribution. P. 640.
- [10] *Regulae Communis Ianuae anno MCCCLXIII tempore ducatus domini Gabrielis Adurni conditae* // HPM. T. XVIII. *Leges Genuenses* / éd. V. Poggi. Torino, 1901. P. 325–331.
- [11] *Ferrante R.* La difesa della legalità; *Otten-Froux C.* Contribution.
- [12] *Regulae*. P. 351–352; *Otten-Froux C.* Contribution. P. 639; *Близнюк С.В.* Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII–XV вв. М., 2016. С. 334–340.
- [13] *Regulae*. P. 350–351.
- [14] *Promis V.* Statuti della colonia genovese di Pera // *Miscellanea di storia italiana*, edita per cura della R. Deputazione di Storia Patria. Vol. IX. Torino, 1870. P. 513–780.
- [15] *Regulae*. P. 325–331 (о генеральных синдикаторах Генуи), 350–359 (о процедуре синдикации магистратов «Заморья»).
- [16] См.: *Otten-Froux C.* Contribution. P. 643; *Otten-Froux C.* Une enquête. P. 25–26.
- [17] *Statuto di Caffa* // *Atti della società ligure di storia patria*. T. VII / ed. A. Vigna. 1879. Parte 2. P. 567–680.
- [18] *Regulae*. P. 351–352.
- [19] *Statuto di Caffa*. P. 587–593.
- [20] *Ibid.* P. 600–602.
- [21] *Ibid.* P. 607–608.
- [22] *Boldorini A.M.* Caffa e Famagosta nel *Liber mandatorum* dei revisori dei conti di San Giorgio (1464–1469). Genova, 1965.
- [23] *Vigna A.* Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) // *Atti della società ligure di storia patria*. T. VII. Parte 2. 1879. P. 355–441.
- [24] *Карнов С.П.* Преступление и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо (1423) // *Византийский временник*. 2010. Т. 69 (94). С. 32–43.
- [25] *Archivio di Stato di Venezia, Avogaria di Comun, 3646, Raspe, 6, cart. 2* (далее: *Raspe, 6*), f. 41r; *Карнов С.П.* Следственное дело консула венецианской Таны Даниэля Лоредана (1412) // *Причерноморье в средние века*. Вып. 8. СПб., 2011. С. 122–138.
- [26] *Raspe, 6, cart. 2, f. 8v*; *Карнов С.П.* Следственное дело. С. 136.
- [27] *Raspe, 6, f. 42v–20/VI 1408*.
- [28] *Archivio di Stato di Venezia, Cancelleria Inferior, Notai, 181, fasc. 5, f. 68r — 9/IX 1365*. Курс сомма, равный 5 дукатам, указан там же: f. 66bis v — 31/VII 1363.
- [29] *Карнов С.П.* Высшие официалы генуэзской Каффы перед судом и наветом // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы: в 4 т. Т. 3*. М., 2000. С. 136–141; *Карнов С.П.* Регесты документов фонда *Diversorum*

- Filze Секретного архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. Вып. 3. М.; СПб., 1998. С. 9–81.
- [30] *Otten-Froux C.* Contribution. P. 644.
- [31] См. подробнее: *Necipoglu Nevra.* Byzantium between the Ottomans and the Latins. Politics and Society in the Late Empire. Cambridge, 2009. P. 149–183.
- [32] *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Weimar, 1981.
- [33] *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204–1461) / под ред. С.П. Карпова. СПб., 2001. С. 262, 287–288.
- [34] Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, sala 34, 590/1306. No. 36900. Sindicamenta de Pera, 1, 1402 (далее: PS, 1402), f. 128v.
- [35] PS, 1402, f. 154v.
- [36] Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, sala 34, 590/1306. No. 36899. Peire Massaria 1402 (далее: PM, 1402), f. 17v–март 1403, 51r–10/I 1403.
- [37] PM, 1402, f. 18r, 242r–10/III 1403.
- [38] PM, 1402, f. 31v, 33r–15/V 1403, 50v–19/III 1403 (с определением его оклада также в 400 перперов, выплачиваемого с момента вступления в должность).
- [39] PM, 1402, f. 103v, 124r–18/V 1403.
- [40] PS, 1402, f. 128r.
- [41] Ibid., f. 128r–v; 128v.
- [42] Ibid., f. 128v–129r.
- [43] *Spufford P.* Handbook of medieval exchange. L., 1986. P. 290. Вес генуэзского сомма составлял 196,47 г серебра, а количество аспров в нем колебалось в связи с девальвацией аспров, не превышая 140 аспров за сомм. См.: *Пономарев А.Л.* Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011. С. 344–345, 580–583.
- [44] PS, 1402, f. 129v.
- [45] Ibid., f. 130r–131r.
- [46] Ibid., f. 131v–132v.
- [47] Ibid., f. 155r–157r.
- [48] Ibid., f. 157v–158r.
- [49] Ibid., f. 158v.
- [50] PS, 1402, f. 159r–v.
- [51] Ibid., f. 50v–6/IV 1403.
- [52] PS, 1402, f. 97v, 102v (*cabellis domini imperatoris*).
- [53] Ср.: *Matschke K.-P.* Die Schlacht bei Ankara. S. 220–235; *Matschke K.-P., Tinnefeld F.* Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 175–201.
- [54] PS, 1402, f. 95r.
- [55] *Jacoby D.* Les Génois dans l'Empire Byzantin: citoyens, sujets et protégés (1261–1453) // La Storia dei Genovesi. T. IX. Genova, 1989. P. 245–284.
- [56] PS, 1402, f. 98v–99r.
- [57] Ibid., f. 99r.
- [58] PS, 1402, f. 100v, 101r, 102r, 103v.
- [59] Ibid., f. 104v.

Сусанна Цатурова
Королевская схизма, Этьен Паскье и
корпоративная историческая память

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_311-324

Кризис власти во Франции в первой трети XV в., вызванный болезнью короля Карла VI и соперничеством принцев крови за место у трона и при королевской казне, породил первую во французской истории гражданскую войну (так называемую борьбу арманьяков и бургиньонов), закончившуюся временным распадом королевства. Франция после 1418 г. разделилась на три части: первая оказалась под властью англо-бургиньонов во главе с больным королем Карлом VI и его «приемным сыном», английским королем Генрихом V («английская Франция»), другая — под властью дофина Карла и сторонников арманьяков, бежавших из Парижа летом 1418 г. («Буржская Франция»); наконец, герцог Бургундский Филипп Добрый начал решительно строить свое независимое Бургундское государство («Бургундская Франция»). Наступивший 18-летний период (1418–1436 гг.) параллельного существования органов королевской власти (Парламента, Счетной палаты и др.) в двух разных местах, в Париже под властью англо-бургиньонов и в землях дофина Карла, принято называть королевской схизмой.

Во французской истории, как это ни покажется странным, знаковые события имеют свойство повторяться. Не составляет исключения и королевская схизма. При всей ее уникальности она вновь забрезжила спустя сто с лишним лет, в следующем, XVI в., когда гражданская война под религиозными лозунгами (так называемые Религиозные войны, 1562–1598 гг.) привела к временному распаду единого тела королевства. Та же борьба кланов знати, кровавые расправы с противниками, Варфоломеевская ночь в Париже 1572 г. как повторение резни арманьяков в столице в 1418 г.; Юг страны отделяется и создает объединение гугенотских провинций; на пике противостояния («Война трех Генрихов») Париж, обольщенный харизмой герцога Гиза (аналогия с герцогом Бургундским Жаном Бесстрашным напрашивается сама собой), снова оказался в руках противников законного монарха — членов Католической лиги. Аналогии можно перечислять еще долго, например сходство ролей Изабо Баварской и Екатерины Медичи в начале и ходе гражданских войн. И главная из аналогий — это итог, восстановление единства Французского королевства.

Подобный параллелизм двух гражданских смут не мог пройти мимо взора ученого-юриста и выдающегося адвоката, гуманиста и «отца французской истории» Этьена Паскье (Пакье) (1529–1615). Его главный труд, который он писал, публиковал и дополнял до последних дней жизни, *Recherches de la France* [1], представляет собой обширное и

неисчерпаемое собрание сведений о самых разных явлениях и событиях из истории Французского королевства. О новаторском жанре этого произведения красноречиво свидетельствуют затруднения с переводом его названия. Наиболее часто употребляемым является «Изыскания о Франции» [2], но он несколько неопределенный, поскольку не в полной мере отражает строго исследовательский характер труда. Более точен в этом плане еще один используемый перевод — «Исследования Франции», но и он чересчур обтекаем [3]. Намек на подлинный импульс к написанию этого грандиозного исторического труда содержит перевод «Разыскания о Франции» [4]. Остро актуальному, полемическому и «боевому» духу этого труда, который писался и дополнялся по мере разрастания пожара войны и неостановимого распада государства, подошел бы перевод — «Разыскивается Франция», как пишут в объявлениях о потерявшихся людях. Действительно, Франция разрушалась, терялась, и ее следовало срочно найти [5]. Где? Разумеется, в ее прошлом, в истории. Именно там следовало искать те опоры (законы и институты, культуру и традиции), которые помогли бы собрать и восстановить подвергшееся разрушению здание государства. Неслучайно эпоха Религиозных войн стала во Франции временем возникновения национальной истории. Гуманисты давно сетовали на ее отсутствие, а кровавые события смуты только стимулировали их осуществить эту давно назревшую задачу [6].

Знаменательно, что Этьен Паскье не скрывал субъективность своего труда и ориентацию на актуальные проблемы сегодняшнего дня. Более того, именно цель — реконструировать прошлое для нужд настоящего — и сделала этого эрудита первым во Франции историком, решительно порвавшим с антиквариями. Он обращался к прошлому с насущными вопросами своего времени и искал там ответ на них; он писал не для будущего, как делали до него, а для настоящего. Другим столь же радикальным новшеством труда Паскье стала опора на широчайший круг источников: он использовал не только хроники, но и архивы ведомств короны Франции, знаки власти, эпиграфику и многое другое — все в едином поле исследования, с обширными цитатами, почти всегда в переводе на французский язык. Наконец, подлинно революционным был метод исторической критики, который Паскье почерпнул у юристов и филологов и впервые применил к историческому исследованию [7]. Для такой задачи он имел в своем багаже хорошую школу, обучаясь праву в коллеже Прель, в университетах Парижа и Тулузы, Болоньи и Павии.

Политическая позиция Этьена Паскье в отношении происходящих вокруг него событий определила ход его штудий по истории Франции и сделанные им выводы. Суть его позиции выражает название той партии, к которой он принадлежал и чьим главным идеологом являлся: партия «политиков». К ним относились те, кто пытался встать над схваткой и отстаивал принципы легитимизма, защиты королевской власти и ее институтов от посягательств и разрушения. Это была позиция «золотой середины», примирения враждующих сил ради единства страны. Будучи убежденным католиком, он осуждал религиозные гонения протестантов и

отстаивал идеи веротерпимости. Являясь противником авторитарной власти и защитником ограничений монаршего самовластия с помощью институтов и законов, Паскье в итоге пришел к убеждению в спасительности для Франции методов абсолютизма. Главной своей задачей он считал восстановление мира в обществе, причем мира любой ценой, поскольку любой мир лучше войны. Видя пагубные последствия разгула политических страстей, Паскье не переставал призывать все стороны к примирению ради сохранения Франции. Об этой его политической позиции, которую он не менял на всем протяжении гражданского противостояния, убедительно свидетельствуют его письма. Они публиковались при его жизни и снискали ему большой авторитет. В одном из них, обращаясь к президенту Следственной палаты Парижского парламента и будущему канцлеру Брюлару де Сийери в 1585 г., Паскье подробно изложил эту свою политическую позицию, в том числе прямо проводя аналогию между раздорами арманьяков и бургиньонов, закончившимися воцарением в Париже англичан, и нынешним религиозным противостоянием, грозящим вновь привести на трон Франции иноземного правителя [8].

И, наконец, самое главное: Этьен Паскье был плоть от плоти авторитетной юридической касты, которая и сформировала его взгляды. Это был одновременно выдающийся юрист и успешный судебский служитель короны Франции [9]. Паскье начал карьеру адвокатом в Парижском парламенте, где снискал громадную известность и авторитет своими речами, в особенности в процессе против иезуитов в 1565 г. Хотя этот процесс он не выиграл, зато приобрел славу и в дальнейшем не раз оправдывал ее в других выигранных делах. Его политическая ориентация на примирение вражды сказалась и на карьере. В 1585 г. король Генрих III назначил его королевским адвокатом в Счетной палате. Паскье также был избран депутатом на собрание Генеральных штатов в Блуа в 1588 г. Он являлся последовательно советником и Генриха III, и Генриха IV, вступив с ним в Париж в 1594 г., что знаменовало окончание смуты. В своем главном историческом сочинении Паскье ярко отразил взгляды на историю Франции именно этого авторитетного юридического сословия — правоведов, адвокатов и королевских судебных чиновников.

Все перечисленные выше особенности исторического труда Этьена Паскье — широкий и разнообразный круг источников, новые методы исторической критики, актуализация прошлого, открытая политическая позиция и опора на корпоративную историческую память судебской касты — отчетливо проявились в двух обширных главах, касающихся истории гражданской смуты во Франции при Карле VI и восстановления единства страны при Карле VII [10].

В самом начале обеих глав Паскье даже не пытается скрыть, что они написаны с целью прекращения нынешнего противостояния. Приступая к рассказу о «неистовых волнениях» в правление короля Карла VI, Паскье пишет: «...пусть это послужит уроком для наших беспорядков, дабы среди смут мы повели бы себя мудрее наших предков»; а начиная главу о

«восстановлении государства» при Карле VII, автор признается, что она оказалась обширнее, чем он первоначально предполагал, но им двигала печаль от осознания того, что эти события «истинный портрет нынешних бед Франции» [11].

Надо заметить, что события «гражданской смуты» начала XV в. упоминаются и в других частях труда Паскье, прежде всего в главах, посвященных истории Парижского парламента как важнейшего института королевской власти во Франции [12]. Тот факт, что Паскье решил посвятить еще две отдельные главы войне арманьяков и бургиньонов, последовавшему за ней распаду страны и факторам ее «собрания», свидетельствует о важности и актуальности этих событий в его глазах.

Мало какие еще политические события из истории Франции упоминаются в труде Паскье в таком же объеме, и это весьма красноречиво свидетельствует о взглядах автора и в целом судейской среды.

Действительно, королевская схизма, раскол и параллельное функционирование в течение 18 лет органов королевской власти в Париже и Буржском королевстве были катастрофой для чиновного корпуса [13]. Это подрывало легитимность институтов государства, поскольку наносило ущерб последовательно выстраиваемому служителями короны принципу политической нейтральности аппарата власти [14]. Паскье, безусловно, был носителем этой корпоративной исторической памяти и выразил в своем анализе событий смуты точку зрения преданных служителей короны Франции, прежде всего Парижского парламента как института, отправляющего главную функцию государства — поддержание социального мира, правопорядка и справедливости с помощью правосудия.

Вместе с тем изложение политических событий этого сложнейшего периода у Паскье поразительно корректно, достаточно объективно и вполне соответствует известным на сегодняшний день историкам фактам. Он описывает и соперничество принцев крови, подогреваемое их вполне корыстными интересами; и убийство в 1407 г. брата короля Людовика Орлеанского его соперником герцогом Бургундским с последующим его оправданием; и месть арманьяков, убивших Жана Бесстрашного в 1419 г.; и регулярные пародии на мир (в Шартре, в Осере и т.д.); и вражду всех против всех, ложные доносы, слухи, заговоры, расправы в Париже; и восстание кабошьенов под лозунгами бургиньонов в 1413 г.; и сдачу столицы в 1418 г., и договор в Труа в 1420 г. в атмосфере хаоса; наконец, полный распад страны и неожиданное чудо воскрешения Франции благодаря победам храбрых воинов и явлению Девы Жанны. По ходу изложения Паскье упоминает множество важнейших деталей, например что в ходе гражданской войны король Карл VI дважды поднимал орифламму то против одной, то против другой стороны, чем нанес этому священному знамени французских монархов непоправимый моральный ущерб [15].

В целом Паскье довольно критичен в своих оценках поведения участников этих драматических событий и не делает больших различий между враждующими сторонами. Так, он не только однозначно осуждает

принцев крови, движимых завистью и алчностью, но и весьма негативно оценивает приверженность парижан демагогическим лозунгам герцога Бургундского. Он живописует, как жители столицы восхваляли Жана Бесстрашного за убийство Людовика Орлеанского, как поспешно приняли крест св. Андрея — знак бургиньонов; как не только бюргеры, но и монахи, проповедники — все вмешались в борьбу на стороне бургундской партии, как поднимали бунты, составляли заговоры, мешали навести порядок в городе и защитить его. Последовавшие затем страдания парижан Паскье посчитал заслуженным наказанием. Нельзя не расслышать за этими инвективами осуждение современного автору настроения горожан — приверженцев Гизов и Католической лиги. Аналогии здесь более чем прозрачны.

Но и противоположная сторона не избежала его критики. Например, он однозначно осуждает Танги дю Шателя за убийство во время переговоров в Монтеро в 1419 г. Жана Бесстрашного, что стало причиной лишения дофина Карла права наследовать французский престол и заключения договора в Труа в 1420 г. [16] И пока тот оставался в силе в окружении Карла, никакое сближение с герцогом Бургундским Филиппом Добрым было немыслимо, а ведь только это могло положить конец гражданской войне. Более того, Паскье весьма критично отзывается и о самом наследнике престола Карле Валуа. В глазах Паскье дофин Карл сам ничего не сделал для выхода из кризиса. Он описывает его как никчемного человека, совершенно неспособного противостоять драматичному повороту событий, и даже высказывает сомнения в его психическом здоровье. Одним из явных признаков болезни Карла VII Паскье считает частую, раз в два года, смену фаворитов в его окружении. Такая чехарда, по мнению Паскье, свидетельствует о неустойчивости его суждений, а это весьма опасно для стабильности власти [17]. Паскье прямо осуждает Карла за бездействие и стремление забыть беды государства, отдавшись наслаждениям и любовным утехам с «прекрасной Агнессой». Яркий образ слабого и порочного монарха являет описанная Паскье сцена: «...говорят, что бравый капитан Ла Ир примчался к нему однажды, в сапогах и в грязи, побитый дождями и ветрами, дабы поведать ему о ратных своих делах, а нашел его в окружении танцующих дам»; на вопрос Карла, как он находит такую компанию, Ла Ир ответил, «что вряд ли найдется другой король, который так же весело терял свой статус» [18].

Исследуя политический кризис и чудо его преодоления, Паскье особое внимание обращает на поведение служителей власти, делая их одними из главных героев разыгравшейся трагедии. При этом он целенаправленно использует архивы Парламента и Счетной палаты как важный источник сведений о событиях и о позиции чиновников. Не один раз, в том числе в этих главах, Паскье упоминает Никола де Бая, парламентского секретаря по гражданским делам, которого он называет «достойным и почтенным человеком» и «одним из самых выдающихся секретарей за всю историю Парламента» [19]. А его личный «Дневник» Паскье, по собственному признанию, долгое время изучал и даже скопировал для себя. Он

постоянно черпал ценные сведения о времени гражданской войны и королевской схизмы из регистров Парламента, написанных Никола де Баем и его преемником на посту гражданского секретаря Клеманом де Фокамбергом. Как следствие, Паскье опирался на корпоративную историческую память чиновников, воспроизводя их интерпретацию происходивших событий.

Так, истоком и первым импульсом к началу гражданского противостояния Паскье считает нападение бретонца мессира Пьера де Крана на коннетабля Франции Оливье де Клиссона летом 1392 г. Коннетабль был серьезно ранен, нападавшие сбежали в Бретань под защиту герцога Бретонского Жана де Монфора, но король решил примерно наказать их за попытку убийства своего любимого приближенного. Личное соперничество знати за место рядом с королем обернулось политической катастрофой: именно в походе на Бретань в 1392 г. в лесу Ле Мана случился первый приступ психического расстройства короля Карла VI. Это лишь последовательная цепь событий, но в памяти чиновного корпуса нападение на Оливье де Клиссона стало символом посягательств на прерогативы монарха и его служителей, повлекших за собой кризис власти. Например, в Парламенте в 1403 г. сразу же припомнили это событие, когда люди камергера короля Карла Савойского напали на королевского прокурора в его же доме. Требуя от королевского прево Парижа примерно наказать нападавших, поскольку это «опасный пример», Парламент заявил, что «вдохновителем» подобных притеснений преданных служителей короля стало памятное чиновникам нападение на Оливье де Клиссона [20].

Паскье приводит примеры как доблестного, так и недостойного поведения чиновников. Судьба Пьера дез Эссара выбрана Паскье в качестве «точного образчика для всех, кто неподобающим образом делаются министрами княжеских страстей». Этот дворянин принадлежал к клиентеле Бургундского дома, и герцог Жан Бесстрашный дважды делал его королевским прево Парижа, в 1408–1410 и в 1411–1412 гг. В течение нескольких лет дез Эссар ревностно исполнял приказы своего патрона («приказы герцога Жана были единственным правосудием, каковое он отправлял»). Самым бесчестным его деянием в глазах Паскье была незаконная казнь Жана де Монтегю, гофмейстера двора и главного распорядителя королевских финансов, по обвинению в растратах. В награду дез Эссар был обласкан милостями, став великим кравчим при дворе короля Франции, главой королевских вод и лесов, а также главным распорядителем финансов короны, но вдруг был заподозрен герцогом Бургундским в нелояльности и уехал к себе. В итоге дез Эссар вновь оказался в Париже и, несмотря на обещанные Жаном Бесстрашным гарантии, был арестован в ходе восстания кабошьенов 1413 г., осужден такой же верной клиентелой герцога Бургундского и казнен. В казусе дез Эссара для Паскье важно показать, «как Бог наказывает за несправедливость, да еще с большими процентами». Эту «прибавку» Паскье усматривает в том, что дез Эссара обвинили в тех же преступлениях,

за которые он без приговора суда казнил Монтегю, — в финансовых растратах. Но главное, он претерпел куда большие унижения, чем в свое время Монтегю. Его не просто казнили, но и подвергли бесчестию, провезя на повозке из прутьев, обритого наголо, от Консьержери на острове Сите до площади Ле Аль, где отрубили голову. И здесь Паскье особо отмечает, что эти важные детали он почерпнул исключительно из личного «Дневника» Никола де Бая, а вот у Монстреле, хрониста Бургундского дома, ничего этого нет [21]. Смакование гражданским секретарем Парламента деталей наказания дез Эссара явно выдает осуждение чиновным корпусом того, кто предал интересы государства и касты его служителей.

Примером достойного и заслуживающего уважения королевского служителя предстает в изложении Паскье Жан Жувеналь дез Юрсен, основатель знаменитой династии чиновников, королевский адвокат в Парламенте, ставший любимым парижанами купеческим прево столицы. Его поведение в кризисные годы автор посчитал образцом честности и смелости чиновника. Так, описывая воцарившийся в Париже при кабошьенах тотальный террор бургиньонов, когда «никто не смел и глаз поднять», Паскье отмечал, что нашелся «один-единственный человек длинной мантии, кто осмелился вмешаться» в распрю ради общего блага. Он решился увещевать Жана Бесстрашного, чтобы тот признал совершенное им убийство герцога Орлеанского злодеянием и перестал поддерживать мясников, заправлявших в Париже. Получив отказ, дез Юрсен направился напрямик к королю и стал убеждать того замирить ссору принцев крови и прекратить войну ради сохранения государства, представив свой проект мирного договора. Далее Паскье подробно описывает противодействие Жана Бесстрашного и бургиньонов в Париже этим планам дез Юрсена, закончившееся их поражением и бегством. Но и тут, когда народ жаждал кровавой мести, дез Юрсен остудил пыл, заявив, что «дурно достигать мира ценой крови своих сограждан» [22].

В изложении Паскье обстоятельств кризиса власти и его преодоления одним из главных орудий победы становится Парижский парламент как главный институт власти, ограничивающий произвол монарха от имени закона и ради общего блага и оказавшийся в руках англо-бургиньонов на целых 18 лет. В этом описании королевской схизмы Паскье выступает подлинным носителем парламентского духа и исторической памяти корпорации. Призывая соотечественников к примирению, Паскье доказывает, что Парижский парламент, воспринимавшийся как «предательский», особенно коллегами в Пуатье, достоин уважения, понимания и даже восхищения.

Впервые открытую хвалу Парламенту Паскье высказал, описывая «разрушение государства» в 1418 г. Он целиком приводит обширную запись в регистре секретаря по гражданским делам Клемана де Фокамберга (не называя его по имени), осуждающего принцев крови, чья распря застит им глаза и толкает к союзу с врагами королевства, англичанами, вместо того чтобы дать им отпор. Этот длинный пассаж, по словам Паскье, он целиком привел для того, чтобы показать: «посреди

таких бурь», когда опасно было подобное вписывать в регистр, находились «благородные сердца», кого угнетало чувство личного огорчения из-за общественных бедствий [23]. Паскье находит выражения подлинных чувств тех парламентариев, кто оказался под властью англо-бургиньонов, и в более поздних записях Клемана де Фокамберга: так, он обнаруживает в регистре за 1425 г. сетование секретаря на сдачу городов англичанам по вине соперничества знати.

Проявлением истинных настроений парламентариев в Париже при англо-бургиньонах становится их поведение после появления Девы Жанны, снятия осады Орлеана и коронации в Реймсе Карла VII. Поводом для бунта явилась привычная невыплата им жалованья, которая регулярно происходила и в Пуатье. Но на фоне побед войск Карла этот бунт и прекращение работы Парламента испугали английские власти. Паскье считает мятеж чиновников Божьим промыслом (*Dieu par un juste jugement permet que le Parlement se mutina*) и прямо увязывает его с переломом в настроениях парламентариев, произошедшим после событий 1429 г. Исследуя историю Парижского парламента в этот период, я также пришла к заключению, что в 1429 г. произошло радикальное изменение в политике парламентариев: от глухой защиты неприкосновенности прерогатив французской монархии они перешли к открытому противостоянию режиму двойной монархии [24]. В этой связи не могу не вспомнить, как на широком обсуждении этой моей монографии в Институте всеобщей истории РАН высказывались сомнения в правомерности такой трактовки действий парламентариев и даже упреки в «подтягивании» сведений источника до нужного результата. Тогда я, увы, не знала о сходной трактовке этих событий такого авторитетного служителя короны Франции, как Этьен Паскье. Он прямо сопоставляет казнь Жанны д'Арк и бунт парламентариев: в его трактовке, вместо укрепления власти англичан она стала началом их неудач, поскольку Парламент, которому отправили ее смертный приговор для регистрации, намеренно пошел на обострение вопроса о невыплате жалованья, избрав его в качестве неотразимого оружия оппозиции [25].

Логика поведения парламентариев после 1429 г., отраженная в записях секретаря Клемана, недвусмысленно свидетельствует в пользу царящего в Парламенте духа оппозиции режиму «двойной монархии». Так, Паскье отмечает, что вступление короля «союза двух корон, Франции и Англии» Генриха VI в Париж в 1431 г. даже не удостоилось описания парламентского секретаря якобы «по причине нехватки пергамена». А в регистрах Счетной палаты, этой «подлинной сокровищницы знаменательных событий во Франции», въезд короля и вовсе не упоминался, и все это, по мнению автора, было «немым пророчеством, что власть англичан в Париже кончается» [26]. Такая позиция парламентариев придает, в трактовке Паскье, органичность переходу Парижа в 1436 г. под власть короля Карла VII и последующему воссоединению двух Парламентов. Благодаря сохранившимся архивам, историки обнаружили сходство в политике обоих судебных институтов: идентичные заботы о

выживании, одинаковая линия защиты прерогатив монархии и общий смелый независимый дух в отстаивании монархического принципа [27].

Неординарная трактовка Этьеном Паскье событий королевской схизмы XV в. с опорой на корпоративную историческую память ярко свидетельствует о позиции легитимистов-«политиков» в ходе Религиозных войн, призывавших к забвению обид и воссоединению страны. А аналогии были более чем прозрачны. В обоих случаях на пике гражданского противостояния Парламент оказывался расколот: в XV в. параллельно заседали «английский Парламент» в Париже и «Парламент короля» в Пуатье; в XVI в. также было два Парламента — «Парламент Лиги» в Париже и «Парламент короля Генриха III» [28]. Примириться им после долгих лет взаимного отрицания легитимности и обвинений друг друга в предательстве было непросто. После «возвращения Парижа под власть короля» в 1436 г. парламентарии в Пуатье требовали от Карла VII никого из парижских чиновников не оставлять на должностях. И хотя король им это обещал, но принял мудрое решение и всех простил. Так состоялось воссоединение двух Парламентов, а прежние враги стали работать вместе.

Восстановление единства страны в 1436 г. было решено закрепить в исторической памяти с помощью учреждения ежегодной процессии с участием чиновников в ознаменование «возвращения Парижа в подчинение Карлу Седьмому». Позже она сменила название, став процессией в честь «избавления Парижа от английского рабства». И этот же опыт вновь был использован после вступления Генриха IV в Париж в 1594 г.: тогда же была учреждена ежегодная процессия в честь этого события и она регулярно проводилась в столице, судя по указателю к парламентским архивам Жана Ленена XVII в. [29]

Парламентарии старались затушевать, вычеркнуть из своей истории печальный период схизмы, и именно Парламент стал главным проводником провозглашенной Карлом VII политики примирения и забвения раздоров ради единства страны [30]. Этот политический кризис высветил назначение аппарата власти во главе с Парламентом как хранителя интересов «неумирающего тела» государства, кто бы и где бы ни был король Франции. Трактовка Этьеном Паскье политического кризиса во Франции в XV в. убедительно доказала спасительность для судеб страны наличия лояльных и идейных служителей власти.

[1] В статье используется наиболее полное издание: *Pasquier E. Les œuvres contenant ses Recherches de la France etc. Amsterdam, 1723* (далее — *Recherches*).

[2] *Эльфонд И.Я. Паскье, Этьенн // Культура Возрождения: Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. Кн. 1: Л–П. М., 2011. С. 455–456.*

[3] Такой перевод используется в книге: *Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. М.; СПб., 2016. С. 342–343.*

[4] Этот вариант перевода использован в статье: *Уваров П.Ю. "Ordo advocatorum" в поисках своих героев: сочинение Антуана Луазеля и*

забастовка в Парижском парламенте в мае 1602 года // Средние века. Вып. 74 (3–4). М., 2013. С. 364.

[5] Как выразилась А. Жуанна, Паскье искал «душу Франции» в ее истории: *Jouanna A. (Compte rendue) Étienne Pasquier. Les Recherches de la France / éd. critique sous la dir. de M.-M. Fragonard et F. Roudaut. P., 1996. 3 vols // Bulletin de l'Association d'étude sur l'humanisme, la réforme et la renaissance. 1997. No. 45. P. 145.*

[6] О связи Религиозных войн с процессом формирования национального самосознания и рождением национальной истории см. подробнее: *Yardeni M. La conscience nationale en France pendant les Guerres de Religion (1559–1598). Louvain, 1971.*

[7] Об этих чертах новаторского метода Паскье см. подробнее: *Huppert G. Naissance de l'histoire en France: Les "Recherches" d'Estienne Pasquier // Annales. E.S.C. 1968. No. 1. P. 69–105, особенно p. 72–79.*

[8] *Pasquier E. Les lettres. 3 vols. P., 1619. T. 1. P. 630–631.*

[9] О его авторитете в парижской адвокатуре красноречиво говорит название трактата, написанного Антуаном Луазелем в 1602 г. с целью прославления адвокатского сословия, «Паскье, или Диалог адвокатов Парижского парламента». В трактате Паскье выступает как хранитель исторической памяти корпорации. См. подробнее: *Уваров П.Ю. Указ. соч. С. 363–389.*

[10] *Pasquier E. Recherches. Livre VI. Ch. 3–4. P. 518–536.*

[11] "que cecy puisse servir de leçons aux nostres, & qu'au milieu de nos troubles, nous nous puissions faire sages aux despens de nos ancestres"; "comme estant une vraye image des mal-heurs qui voguent aujourd'hui par la France" (*Ibid. P. 518, 530*).

[12] *Ibid. Livre II. Ch. 2–4. P. 45–69.*

[13] По образному выражению Ф. Отран, королевская схизма была «Азенкуром» для чиновников, их полным разгромом, по аналогии с позорным поражением дворянства в битве 1415 г.: *Autrاند F. Les dates, la mémoire et les juges // Le Métier d'historien au Moyen Age. P., 1977. P. 157–182.*

[14] О принципе политической нейтральности аппарата власти как важнейшей стратегии построения государства см.: *Цатурова С.К.*

Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 531–541.

[15] *Pasquier E. Recherches. P. 519, 524.* О символике этого знамени в знаках власти французских королей и причинах отказа от него см.: *Цатурова С.К. «Сияние и закат орифламмы»: формирование монархической идеологии и понятия «общего блага» во Франции XIII–XV веков // Средние века. Вып. 79 (3). М., 2018. С. 74–96.*

[16] О неоднозначной роли в этих событиях Танги дю Шателя см. подробнее: *Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности. М., 2007. С. 159–180.*

[17] "Bref, tant de changemens de gouverneurs me font juger la foiblesse de son jugement" (*Pasquier E. Recherches. P. 530*).

- [18] "que jamais ne s'estoit trouvé Roy qui perdist si joyeusement son Estat" (*Pasquier E. Recherches. P. 529*).
- [19] "personnage de merite et d'honneur", "l'un des plus dignes Greffiers qui fut jamais au Parlement" (*Ibid. P. 401, 677*).
- [20] "l'en se fust enhardi par aventure plus legierement de cy en avant ce temps durant contre les serviteurs royault" (*Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417. 2 vols / ed. par A. Tuetey. P., 1885, 1888 (далее — JNB). T. I. P. 53–54*).
- [21] "Or voyez, je vous supplie, comme Dieu vengea puis après ceste injustice, mais avec une grande usure" (*Pasquier E. Recherches. P. 521*). В самом тексте «Дневника» Никола де Бая это описание еще более детальное, чем приведено у Паскье: JNB. T. 2. P. 305.
- [22] "disant qu'il leur seroit malseant d'acquérir une paix par le sang de leurs concitoyens" (*Pasquier E. Recherches. P. 522–524*).
- [23] "Passage que j'ai voulu transcrire tout au long, pour monstrier qu'encore au milieu de telles tempestes il y a tousjours quelque noble cœur, auquel il faut que patience eschappe. Ce placart estoit tres dangereux au milieu de ces coupe gorges, & neantmoins je le voy enchassé au registre du Parlement par le Greffier de son propre instinct pour un juste creve-cœur du mal public qui l'affligeoit" (*Ibid. P. 528*).
- [24] *Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV века. М., 2002. Особенно с. 172–185.*
- [25] *Pasquier E. Recherches. P. 532–536. Дж. Хапперт также обращает внимание на акцентирование Паскье резкого перелома в поведении Парижского парламента в 1429 г.: Huppert G. Op. cit. P. 91.*
- [26] "soit ou que par faute de parchemin, ou de bonne volonté, il fut ainsi conceu, c'estoit un pronostique taisible que la puissance de l'Anglois prendroit bien-tost fin dedans Paris" (*Pasquier E. Recherches. P. 533*).
- [27] *Bossuat A. Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise // Revue historique. 1963. T. 229. P. 19–40; Neuville D. Le Parlement royal à Poitiers (1418–1436) // Revue historique. 1878. T. 6. P. 1–28, 273–274; Hildesheimer F., Morgat-Bonnet M. Le Parlement de Paris. Histoire d'un grand corps de l'État monarchique, XIIIe–XVIIIe siècles. P., 2018. P. 217–220.*
- [28] *Daubresse S., Morgat-Bonnet M., Storez-Brancourt I. "Le Parlement en exil" ou Histoire politique et judiciaire des translations du parlement de Paris (XVe–XVIIIe siècle). P., 2007. P. 52.*
- [29] Archives Nationales de France. U 511 Collection Le Nain. Table des matières. T. XX. Des Ceremonies auxquelles le Parlement a assisté en corps ou par députations. Fol. 209–211, 327–331.
- [30] *Bossuat A. Le rétablissement de la paix sociale sous le règne de Charles VII // Moyen Age. 1954. T. 60. P. 137–162.*

Ольга Тогоева

В тени короля

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_325-341

— Тень — полная противоположность ученому.

— Но... Но ведь тогда она может оказаться сильнее, чем следует.

Евгений Шварц. Тень

Мы привыкли думать, что король — главный человек в своем королевстве. От его имени ведутся войны и заключаются перемирия, от его имени издаются законы, обязательные к исполнению во всех уголках страны, и выносятся судебные решения, от его имени осуждают и прощают преступников.

Реальность, однако, оказывается далеко не всегда столь однозначной. Правителя можно свергнуть и даже казнить, его постановления регулярно игнорируются, вынуждая его публиковать их вновь и вновь, власть его критикуют открыто и беспристрастно, его высмеивают и оскорбляют.

С подобными ситуациями, носящими порой анекдотический, но чаще трагический характер, наш юбиляр сталкивался в своих исследованиях не раз [1]. И, я думаю, он согласится с тем, что особый интерес у историков всегда вызывали те из них, в которых противодействие воле или желанию монарха оказывали его ближайшие помощники в деле обеспечения правопорядка в стране — юристы и чиновники королевских судов, которые, казалось бы, и пребывали на своих должностях ради того, чтобы прежде всего проводить в жизнь политику государя.

Ниже речь пойдет именно о таком конфликте — о спорах (открытых и заочных), в которые в первой половине XVII в. оказались втянуты король Яков I (1566–1625) и представители одной из наиболее могущественных английских «корпораций» — члены Парламента, юристы и судьи, поставившие под сомнение правовые идеи своего монарха.

Двадцать четвертого марта 1603 г., в день смерти Елизаветы I, Яков VI, король Шотландии, был провозглашен правителем Англии. В том же году в Лондоне, в типографии Арнольда Хартфилда вышло первое крупное произведение нового монарха — его «Демонология» [2]. Впервые это сочинение увидело свет еще в 1597 г. в Эдинбурге и стало результатом неподдельного интереса Якова Стюарта к проблемам колдовства, и в частности к местным ведовским процессам, проходившим в 1590–1591 гг. в Норт-Берике (округ Ист-Лотиан) [3]. А поскольку король лично присутствовал на них в качестве судьи, в его трактат оказался включен анонимный памфлет «Новости из Шотландии», где излагались подробности этого знаменитого дела [4].

В целом же «Демонология» была посвящена самым разнообразным вопросам. Яков подробно излагал свою точку зрения на происхождение колдовства и его различных видов (включая некромантию), на отношения дьявола с людьми и его способности творить чудеса или наводить иллюзии. Все эти рассуждения подкреплялись обширными цитатами из Библии, ссылками на труды континентальных демологов (прежде всего Жана Бодена), а также на конкретные ведовские процессы. Свою основную задачу Яков видел в образовании и наставлении подданных в вопросах выявления случаев колдовства, нахождения и преследования адептов дьявола, а также в вопросах собственно судопроизводства, которое позволило бы безошибочно вести охоту на ведьм.

В качестве одного из таких верных средств король всячески рекомендовал судьям использовать ордалию холодной водой (*aqua frigida, judicium aquae*), т.е. так называемое плавание, когда человека, заподозренного в занятиях колдовством, связывали по рукам и ногам и на длинной веревке опускали в реку, запруду или какой-то иной водоем и наблюдали за его поведением. Если арестованный начинал тонуть, его признавали невиновным; в противном же случае несчастного ждала пытка, на которой от него добивались признательных показаний, и смертная казнь. Яков I писал:

Существуют еще два достойных способа [дознания], которые могут быть использованы на их (ведовских. — *O. T.*) процессах. Один состоит в том, чтобы найти метку [дьявола] и испробовать ее чувствительность. Второй же [представляет собой] плавание в воде... Господь указал (в качестве сверхъестественного знака ужасающей нечестивости ведьм), что вода не примет их в свои глубины, которые бы [могли] смыть с них святую воду крещения, и откажет им в этой милости [5].

В 1604 г. преследование ведьм и колдунов на всей территории Англии как светского уголовного преступления было официально закреплено королевским актом, хотя в нем не давалось никаких разъяснений относительно процедуры, которой нужно было в данном случае придерживаться [6]. Однако, несмотря на то что в результате реформ Генриха III (1207–1272) Парламент запретил использование ордалий еще в 1219 г. [7], местные суды отнеслись к рекомендациям, содержащимся в «Демонологии» Якова I, весьма серьезно.

Одним из наиболее ярких свидетельств того, что «частное» мнение короля было воспринято как прямое руководство к действию, может служить анонимный памфлет 1612 г. «Ведьмы Нортгемптоншира» (*The Witches of Northamptonshire*), в котором, в частности, излагались детали процесса, возбужденного против Артура Билла, жителя городка Рондс в графстве Нортгемптон. Молодой человек, славившийся, как сообщал автор, «порочной жизнью и репутацией», обвинялся в том, что навел порчу на некую Марту Эпин, в результате чего она умерла [8]. А поскольку семейство Билл (т.е. сам Артур, а также его отец с матерью) было «всем известно» своей склонностью к занятиям колдовством, местный суд решил провести ордалию — «испытание, которое, как многие думают, никогда не

подводит»: они связали всех троих по рукам и ногам и бросили в реку. Увидев, что никто из несчастных не тонет, но лишь «плавает на поверхности воды», чиновники пришли к единодушному мнению, что имеют дело с колдунами [9]. Их подозрения, бывшие до того момента «не слишком обоснованными», теперь оказались полностью подтвержденными [10].

Любопытно, однако, что, описывая данную процедуру, автор памфлета не просто следовал некоему общественному мнению относительно пользы ордалии. Он *дословно* цитировал текст «Демонологии» Якова I, хотя и не называл его по имени [11]. Иными словами, он полностью оправдывал действия властей Рондса, подводя под них серьезную теоретическую базу и ссылаясь на самый высокий авторитет — мнение короля.

Не менее показательным являлся и памфлет 1613 г. «Опознанные ведьмы» (*Witches Apprehended*), в котором рассказывалась история матушки Саттон и ее дочери Мэри, проживавших в Милтоне (графство Бедфорд). Пользовавшиеся поначалу отменной репутацией у горожан [12], они утратили их доверие после внезапной кончины сына мастера Энгера, местного мельника. В смерти мальчика обвинили Мэри Саттон, а поскольку прямых доказательств ее преступления не нашлось, жители Милтона решили действовать иначе. Они отправились в дом «ведьмы», схватили Мэри и отвели ее на мельницу, где самостоятельно провели *judicium aquae*, связав молодую женщину и пустив ее «поплавать» в реке [13]. Поскольку обвиняемая не тонула, а покачивалась на воде «как дощечка», участники экзекуции препроводили ее к местному судье, и дело завершилось признательными показаниями матери и дочери Саттон и их казнь [14].

Если следовать *формальным* требованиям назначения любой ордалии, прибегать к подобному испытанию жители Милтона (как, впрочем, и судебные власти Рондса в Нортгемптоншире) не имели никакого права. Обратиться к Божьему суду мог предложить только сам подозреваемый и только после того, как против него подавалось официальное заявление в соответствующие инстанции [15]. Возможно, именно по этой причине автор *Witches Apprehended* аргументировал подобное, не слишком легитимное решение своих героев ссылкой на совет, якобы полученный от некоего приятеля мастера Энгера, оказавшегося в Милтоне проездом [16]. Любопытно, что родом этот человек был с севера страны (о чем в тексте сообщалось отдельно [17]) и теоретически мог знать об использовании «плавания» в Нортгемптоншире годом ранее. Если же знакомый мельника являлся чистой воды литературной выдумкой, его появление на страницах памфлета тем более интересно: ведь в повествование он вводился специально для того, чтобы оправдать применение ордалии.

Более того, как отмечала Мэрион Гибсон, сам автор всерьез рассматривал *Witches Apprehended* как *инструкцию*, как руководство к действию для будущих читателей. Неслучайно уже в название своего сочинения он вынес указание на проведение *judicium aquae* — как «наиболее надежного испытания» [18]. И хотя имя Якова I вновь не

фигурировало в тексте, высказанные им идеи, безусловно, лежали в основе памфлета.

Тем не менее довольно скоро эти идеи были подвергнуты сомнению. Первым, насколько можно судить, с критикой «Демонологии» выступил Уильям Перкинс (1558–1602), пуританин, получивший образование, а затем преподававший в Кембридже. Профессиональную карьеру он начал в должности тюремного священника, но благодаря своим многочисленным сочинениям, по авторитетности превосходившим в Англии труды Кальвина, получил известность как один из самых влиятельных теологов [19].

В трактате «Рассуждение о нечестивом искусстве колдовства» (*A Discourse of the Damned Art of Witchcraft*), впервые опубликованном в 1608 г., т.е. еще при жизни Якова Стюарта, а затем неоднократно переиздававшимся, Перкинс ясно давал понять, что единственным способом доказать виновность подозреваемого в занятиях колдовством человека является получение его признания на пытке (или «на нескольких сеансах пытки») [20]. Никакие виды ордалии — ни испытание каленым железом, ни поиски меток дьявола, ни «плавание» — для этих целей, с его точки зрения, не подходили, поскольку были «далеки от того, чтобы считаться достаточными доказательствами [вины]», и более всего сами напоминали колдовство [21].

Впрочем, отмечал далее автор, первые два вида Божьего суда использовались лишь в давние времена, а потому и речь о них вести не стоит. Значительно более важным ему казалось принизить значение *judicium aquae*, которое по-прежнему применялось в английских судах на том основании, что ведьма, «заклучив договор с дьяволом, отвергла таинство крещения, а потому между нею и водой возникло взаимное отчуждение» [22]. Подобное утверждение, напрямую отсылавшее к процитированному выше пассажи из «Демонологии» Якова I [23], по мнению Уильяма Перкинса, не имело под собой оснований: «Не всякая вода является крещенской, но лишь та, что используется непосредственно во время крещения, ни до, ни после. Элемент, не использованный во время таинства, не [относится к] таинству, он вновь используется как обычно» [24].

Таким образом, с точки зрения кембриджского теолога, единственным законным доказательством вины в любом ведовском процессе могло выступать лишь чистосердечное признание арестованного. Это же мнение разделяли и другие английские авторы, близкие к церковным и судебным кругам.

Одним из них был Джон Котта (1575?–1650?), еще один сторонник кальвинизма и выпускник Кембриджа, врач по образованию. В отличие от У. Перкинса, он, впрочем, покинул их общую *alma mater* и обосновался в уже знакомом нам Нортгемптоне, где пользовался покровительством сэра Уильяма Тейта, местного шерифа и члена парламента с 1614 г. [25] В 1624 г. Котта опубликовал собственный труд, посвященный проблемам колдовства и ведению ведовских процессов, — «Непреложная истина и

явная ведьма» (*The Infallible True and Assured Witch*), в котором также подверг критике идеи короля [26].

Не называя имя Якова Стюарта напрямую, автор отмечал: «обычно считается», что вода не допускает в свои глубины предполагаемых ведьм [27], однако подобное явление следует отнести к природным, а не к сверхъестественным (т.е. к проявлению воли Господа), поскольку способность удержаться на поверхности водоема часто достигается при помощи различных трав и снадобий, а не при помощи дьявола [28]. Если же «некоторые люди» продолжают настаивать, что в «плавании» предполагаемых ведьм и колдунов проявляется Божий промысел, отсылающий к таинству крещения, уместно задаться вопросом, почему во время евхаристии изо рта этих подозреваемых не вылетают вино и хлеб [29]. Подобную «ордалию» также вполне можно было бы использовать в судебных целях, однако если ее не считают подходящим средством дознания, то и испытание холодной водой следует признать никуда не годным [30].

Столь же жесткую позицию по отношению к *judicium aquae* занимал Ричард Бернارد (1568–1641), еще один кальвинист-пуританин и выпускник Кембриджа, с 1612 г. служивший священником в Баткомбе (графство Сомерсет) [31]. В 1627 г. он опубликовал «Пособие для мировых судей» (*A Guide to Grand Jury Men*), которое пользовалось огромным успехом: его переиздания последовали сразу же, в 1629 и 1630 гг.

Аргументация Р. Бернарда была близка системе доказательств от противного, предложенной Джоном Котта. Его также интересовали различные «отвратительные» испытания, которым подвергают подозреваемых в занятиях колдовством людей: подсовывают им какую-нибудь вещь под порог дома или подкладывают ее под стул; сжигают кусочек одежды, принадлежащей жертве «ведьмы», дабы та мучилась от боли; сжигают с той же целью заболевшую скотину и т.д. [32]. Подобные «ордалии», по мнению автора, более напоминали «жертвоприношения, приносимые дьяволу, которых истинным христианам следует гнушаться» [33]. К ним же, с его точки зрения, относилась и ордалия холодной водой, которую «некоторые полагают законным [средством]» для поиска ведьм и колдунов [34].

В подтверждение своих слов Бернارد ссылаясь на дело Мэри Саттон 1613 г., которое «справедливо подверг критике доктор Котта», считавший подобное следствие «противоестественным» и более похожим не на проявление Божьей воли, т.е. на чудо, но на происки дьявола [35]. Единственным же законным способом доказать обвинение в колдовстве, по мнению автора, могло стать лишь признание человека о заключении договора с Нечистым, без которого вынесение приговора оказывалось невозможно [36].

Резкая критика правовых идей Якова I, содержащаяся во всех упомянутых выше сочинениях, в действительности имела под собой сугубо религиозное основание. И Уильям Перкинс, и Джон Котта, и Ричард Бернارد являлись *пуританами*, т.е. последователями кальвинизма,

которых очень многое не устраивало в политике первого английского короля из династии Стюартов. Как и члены Парламента, они возражали против проекта брака наследника престола Карла с испанской инфантой, что привело бы к союзу с католиками накануне вступления страны в Тридцатилетнюю войну [37]. Еще большее их недовольство вызывало усиление в якобинской Англии арминиан — представителей протестантизма, ратующих за решающую роль свободы воли человека в деле его спасения в противовес кальвинистской доктрине предопределения [38]. Наконец, именно пуритане выступали за реформу англиканской церкви, желая полностью очистить ее от влияния католических идей и, в частности, от проповеди божественной природы королевской власти [39].

Что же касается влияния этих религиозных кругов на развитие английского судопроизводства, то его, как представляется, еще предстоит оценить по достоинству. Однако уже сейчас можно со всей определенностью утверждать, что заочное противостояние между Яковом I и пуританами по этим вопросам продолжилось и после смерти короля, о чем свидетельствует трактат Ричарда Бернарда. Скептицизм, присущий упомянутым выше авторам в трактовке природы ордалии и логично проистекавший из их сомнений относительно самого концепта божественного чуда, их призыв обращаться при расследовании дел о колдовстве к более рациональной системе доказательств были, как кажется, восприняты многими английскими судьями. В дошедших до нас антиведовских памфлетах 1620–1640-х годов мы практически не находим описаний процессов, где применялась бы ордалия холодной водой [40]. Да и прочие варианты подобных испытаний скорее порицались, нежели превозносились как действенные методы следствия.

Подтверждением тому являлся, к примеру, памфлет Генри Гудкоула «Удивительное разоблачение Элизабет Сойер» (*The wonderfull discoverie of Elizabeth Sawyer*) 1621 г., в котором рассказывалась история жительницы Эдмонта (предместья Лондона), имевшей давнюю репутацию ведьмы. Однако для того чтобы их «подозрения переросли в полную уверенность», горожане постановили провести ордалию [41]. Они украли часть соломы, которая устилала крышу дома Элизабет, и сожгли ее, ожидая, что к костру явится именно тот, кто виновен в произошедших в городе убийствах [42]. А поскольку (что вполне естественно) перед ними предстала сама Сойер, она была передана в руки местного мирового судьи [43].

Генри Гудкоул (1586–1641), бывший, как в свое время Уильям Перкинс, тюремным священником [44], негативно оценил использование горожанами ордалии, назвав ее «старым нелепым обычаем» (*an old ridiculous custome*) [45]. Более того, когда в том же 1621 г. по мотивам его памфлета была написана и представлена публике трагикомедия «Ведьма из Эдмонта», в ней уже отсутствовала сцена сжигания соломы; изъятая она оказалась и в опубликованном варианте пьесы, увидевшем свет в 1658 г. [46]

Что же касается *judicium aquae*, то, возможно, последним случаем, когда эта ордалия была проведена на законных основаниях, стало дело из Фавершама (графство Кент), завершившееся 29 сентября 1645 г. Здесь «плаванию» оказалась подвергнута некая Джейн Хотт, которая была настолько уверена в своей невинности, что *сама* (как, впрочем, и следовало поступать при Божьем суде) предложила судьям испытать ее, уверяя, что она «обязательно утонет». Тем не менее ее предсказание не сбылось, и Джейн была приговорена к смерти вместе со своими товарками по несчастью [47]. Любопытно, однако, что анонимный автор, дабы подчеркнуть бессмысленность подобного доказательства вины, вводил в повествование фигуру дьявола — весьма редкий персонаж для английских антиведовских памфлетов [48]. Именно он, как якобы признавалась Джейн Хотт, подговорил ее потребовать проведения *judicium aquae*, а потом, «сидя на перекладине моста, смеялся над ней» [49].

Так или иначе, но в декабре 1645 г., в разгар Первой гражданской войны, полностью игнорируя давние рекомендации Якова I в сфере судопроизводства и сосредоточив свои усилия на борьбе с королевской властью в целом, Парламент запретил использование «плавания» в делах о колдовстве [50]. Казалось бы, здравый смысл победил и явно устаревшие методы борьбы с засильем ведьм и колдунов в Английском королевстве канули в лету. Тем не менее заочные споры по этому вопросу между лондонскими юристами и судьями на местах продолжались еще несколько лет.

Свидетельством тому могут служить трактаты так называемых охотников на ведьм (*witch-finders*) — Мэтью Хопкинса (1619/1620–1647) и Джона Стерна († 1670), организовавших одно из самых крупных преследований людей, подозревавшихся в занятиях колдовством, в Эссексе, Саффолке и Норфолке. Пик их активности пришелся на 1645–1647 гг., когда были арестованы около двухсот человек. Исследователи не без оснований полагают, что данная охота на ведьм стала одной из самых крупных в английской истории [51].

Парадокс ситуации заключался в том, что Хопкинс и Стерн являлись пуританами [52], однако не разделяли рационализма своих братьев по вере. Они не только широко применяли *judicium aquae*, но и всячески отстаивали собственные взгляды на судопроизводство, прямо ссылаясь на «Демонологию» Якова I. Их чрезмерное рвение привело в результате к тому, что против них самих были выдвинуты обвинения в превышении должностных полномочий — в использовании недозволённых пыток и различного рода ордалий.

Жалобы на эти методы следствия достигли в конце концов Парламента, который в августе 1645 г. распорядился отправить специальную комиссию, состоявшую из судей по ассизам (*Commission of Oyer and Termoner*) [53], в городок Бери-Сент-Эдмундс в Саффолке, где находились в то время Хопкинс и Стерн и где они приговорили к смерти 16 из 18 обвиняемых в колдовстве. Парламентский листок *Moderate Intelligencer* от 4–11 сентября 1645 г. выражал озабоченность столь

высокими цифрами казненных [54]. Очевидно, что именно эти события и послужили поводом для появления упомянутого выше указа Парламента о полном запрете использования *judicium aquae*, однако история Мэтью Хопкинса и Джона Стерна на этом не закончилась.

Масла в огонь подлил опубликованный в 1646 г. памфлет Джона Голя (1603?–1687), пуританина и последователя Уильяма Перкинса [55], главного оппонента М. Хопкинса, утверждавшего, что количество «подлинных ведьм» не столь велико, чтобы каждый раз посылать ради них за охотниками [56], поскольку те не просто ведут слежку за подозреваемыми, но претендуют на безошибочность, «присваивают себе чудесную силу Господа, или Христа, или проповедуемого Евангелия» [57].

Таким образом, в 1647 г. Мэтью Хопкинс был вынужден защищаться от вполне серьезных обвинений, выдвинутых против него уже в суде по ассизам Норфолка. Его трактат «Ответы на некоторые вопросы» (*Certaine Queries answered*) представлял собой, собственно, короткие ответы на претензии, сформулированные следствием, одной из которых стало использование «отвратительного, бесчеловечного и беспощадного испытания... водой», что «не допустимо ни согласно закону, ни согласно разуму» [58]. В свое оправдание Хопкинс ссылаясь не на что иное, как на уже знакомый нам пассаж из «Демонологии» Якова I [59].

Джон Стерн, являвшийся соратником Хопкинса в его борьбе с английскими ведьмами, пришел на помощь коллеге и в 1648 г. также опубликовал трактат в защиту применяемых ими методов дознания. Его сочинение оказалось более развернутым, а потому он уделил особое внимание аргументации своих действий, заявляя, что *рациональные* следственные мероприятия и — особенно — допрос свидетелей часто оказываются недостаточными, поскольку этими людьми могут двигать месть или ненависть, а слова и поступки обвиняемых бывают поняты неправильно [60]. Он признавал, что в таком же положении судья иногда оказывается и после проведения ордалий, которые не должны использоваться в качестве *доказательств* вины, поскольку это незаконно (*unlawfull*). Однако они совершенно легальны в качестве способа упрочить *подозрения* судей [61].

Сложно сказать, насколько данная система аргументации убедила противников Хопкинса и Стерна, однако слушания по превышению ими должностных полномочий никаких серьезных последствий для них не имели [62]. Тем не менее, вероятно, именно с этих событий и следует отсчитывать время окончательного отказа от ордалий в английских ведовских процессах: эпизодически они еще упоминались в источниках, однако преимущественно в негативном ключе [63].

Таким образом, история активного использования *judicium aquae* в Английском королевстве, начавшаяся с трактата Якова I Стюарта, завершилась полным отказом от идей, высказанных в его «Демонологии». В противостоянии двух точек зрения на расследование дел о колдовстве победил Парламент, опиравшийся на мнение просвещенных

рационалистов, возможно, испытывавших к своему монарху личную неприязнь, замешанную на религиозных чувствах.

В декларации, с которой 27 мая 1642 г. выступили лорды и представители палаты общин Англии, говорилось, как мы теперь хорошо знаем, о том, что *политическое* тело короля пребывает отныне в Парламенте, которому следует незамедлительно начать войну с *физическим* телом правителя, т.е. с Карлом I лично. В ней также утверждалось, что «деяния правосудия и защиты» не зависят от желаний монарха и осуществляются «не его собственной персоной... но его судами и его уполномоченными» [64].

В том же документе Парламент заявлял, что действиями Карла I Стюарта во многом руководят его дурные советники, которые «прячут свою вину под именем и в тени короля» [65]. Однако образ *королевской тени* — если уж не второго тела — в не меньшей степени подходил и членам самого Парламента, а также их ближайшим сторонникам — представителям пуританской церкви, теологам и судьям, которые за спиной правителя вырабатывали и претворяли в жизнь свои, отличные от мнения монарха идеи государственного устройства — в том числе и в вопросах судопроизводства.

[1] См. прежде всего: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. А также исследования более частных, но от того не менее увлекательных сюжетов: *Бойцов М.А.* Всепооданейшая присяга или тихий мятеж? Как в Трире и Кобленце клялись на верность своим князьям // *Право в средневековом мире* — 2009. М., 2009. С. 37–50; *Бойцов М.А.* Раскаяние государя: император и епископ // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе*. М., 2008. С. 211–241; *Поблекшее сияние власти* / отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2006; *Бойцов М.А.* Порядки и беспорядки при дворе графа Тирольского // *Двор средневекового монарха: явление, модель, среда*. М., 2001. С. 93–120; *Бойцов М.А.* Ребенок и глупец избрали короля // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. Вып. 1. М., 1997. С. 111–136; *Бойцов М.А.* Скромное обаяние власти // *Одиссей. Человек в истории* — 1995. М., 1995. С. 37–66.

[2] *James I, King of England. Daemonologie, in Forme of a Dialogue, Divided into three Bookes*. L., 1603.

[3] Подробнее о процессах в Норт-Берике см.: *Normand L., Roberts G.* Witchcraft in Early Modern Scotland: James VI's Demonology and the North Berwick Witches. Liverpool, 2000.

[4] Памфлет стал заключительной главой трактата, который никогда не воспроизводился без нее: *Newes from Scotland* // *James I, King of England*. Op. cit. P. 82–108.

[5] "There are two other good helpes that may be used for their trial: the one is the finding of their marke, and the trying the insensiblenes thereof. The other is

their fleeing on the water... God hath appoynted (for a super-naturall signe of the monstrous impietie of the Witches) that the water shal refuse to receive them in her bosom, that have shaken off them the sacred Water of Baptisme, and wilfullie refused the benefite thereof" (*James I, King of England*. Op. cit. P. 80–81).

[6] An Act against Conjurat[i]on, Witchcraft and dealing with evil and wicked spirits <<http://www.witchtrials.co.uk/act1604.html>>. Определение

колдовства и его видов, а также различных вариантов наказания за это преступление, представленное в указе Якова I, практически дословно воспроизводило текст акта Елизаветы I от 1563 г., который первым перевел ведовские процессы под юрисдикцию светских судов: An Act Against Conjurat[i]ons, Enchantments and Witchcrafts

<<http://www.witchtrials.co.uk/act1563.html>>. Подробнее см.: *Игина Ю.Ф.*

Ведовство и ведьмы в Англии. Антропология зла. СПб., 2009. С. 11, 75–84.

[7] *Blackstone W.* Commentaries on the Law of England. Clark, 2007. Т. 1. P.

1731–1732; *Kerr M.H., Forsyth R.D., Plyley M.J.* Cold Water and Hot Iron: Trial by Ordeal in England // *Journal of Interdisciplinary History*. 1992. Т. 22 (4). P. 573–595; *Bartlett R.* Trial by Fire and Water: The Medieval Judicial Ordeal. Oxford, 1986. P. 13–33.

[8] "This Arthur Bill was accused that he should bewitch the body of one Martha Aspine alias Jeames, the daughter of one Edward Aspine of the same towne, to death. But this matter remaining doubtfull that it could not be cleerely tryed upon him, hee beeing strongly suspected before, by bewitching of divers kinds of cattle, to be guilty of that crime, And beeing also publiquely knowne to bee of an evill life and reputation, together with his father and mother" (*Anon.* The Witches of Northamptonshire (1612) // *Early Modern Witches. Witchcraft Cases in Contemporary Writing* / M. Gibson (ed.). L.; N.Y., 2000. P. 158–172, здесь p. 166).

[9] "The Justices and other officers (thereby purposing to trie the said Arthur by an experiment that (many thinke) never failes) caused them all to bee bound, and their Thumbes and great Toes to bee tied acrossse, and so threw the father, mother and sonne, and none of them sunke, but all floated upon the water" (*Ibid.* P. 166–167).

[10] "These three, the Father, Mother and Sonne, beeing thus seene floating upon the water, the suspition that was before not well grounded, was now confirmed" (*Ibid.* P. 167).

[11] "God hath appointed (for a supernaturall signe of the monstrous impiety of Witches) that the Element of water should refuse to receive them in her bosome, that have shaken from them the sacred water of Baptisme, and wilfully refused the benefit thereof by making that breach and fall from God in participating thus vildly with the Spirits of Beliall" (*Ibid.*). Ср.: примеч. 5.

[12] "This widow Sutton having beene dwelling a long time in the foresaid, towne of Milton, and not suspected as then to have beene a practiser in this divellish exercise of witchcraft" (*Anon.* Witches Apprehended (1613) // *Early Modern Witches*. P. 266–275, здесь p. 268).

[13] "The morrow after Master Enger road into the fields where Mary Sutton was, having some of his men to accompany him,... they assayed to binde her on horse-backe... and brought her home to his house, and shutting up his Mill

gates...when being throwne in the first time shee sunke some two foote into the water with a fall, but rose againe, and floated upon the water like a planke" (Ibid. P. 274–275).

[14] "But for this matter of Master Enger at the last Assises... and the confessions severally taken both of old Mother Sutton and her daughter Mary, found them guiltie in al former objections. So that arraigned at Bedford on Munday the thirtieth of March last past, they had a just conviction, and on Tuesday the next day after they were executed" (Ibid. P. 275).

[15] О правилах проведения Божьего суда в средневековой Европе см.: *Тогоева О.И.* Ордалия // Православная энциклопедия. Т. 53. М., 2019. С. 104–106.

[16] "His friend... advised him to take them, or any one of them to his Mill damme..., and then binding their armes crosse, stripping them into their Smocks, and leaving their legges at libertie, throw them into the water, yet least they should not bee Witches, and that their lives might not be in danger of drowning, let there be a roape tyed about their middles, so long that it may reach from one side of your damme to the other, where on each side let one of your men stand, that if she chance to sinke they may draw her up and preserve her" (*Anon.* Witches Apprehended. P. 274).

[17] "There came a Gentleman a friend of his forth of the North, that travelling towards London sojourned with him all night" (Ibid.).

[18] "Witches Apprehended, Examined and Executed, for notable villanies by them committed both by Land and Water. With a strange and most true triall how to know whether a woman be a Witch or not" (Ibid. P. 267). См. подробнее: *Gibson M.* Reading Witchcraft: Stories of Early English Witches. L.; N.Y., 1999. P. 142–143.

[19] О Уильяме Перкинсе см.: *Patterson W.B.* William Perkins and the Making of a Protestant England. Oxford, 2014.

[20] "Touching the manner of Examination, there be two kinds of proceeding; either by a single Question, or by some Torture" (*Perkins W.* A Discourse of the Damned Art of Witchcraft. Cambridge, 1618. P. 643).

[21] "All these proofes are so farre from being sufficient, that some of them, if not all, are after a sort practises of Witchcraft, having in them no power or vertue to detect a Sorcerer, either by Gods ordinance in the creation, or by any speciall appointment since" (Ibid.).

[22] "And yet to justifie the casting of a Witch into the water, it is alledged, that having made a covenant with the devil, she hath renounced her Baptisms, and hereupon their growes an Antipathie, betweene her and water" (Ibid.). Слово «антипатия», использованное Перкинсом, в раннее Новое время означало намного больше, нежели сегодня, являясь, наряду с «симпатией», важнейшим космологическим принципом.

[23] Сочинение У. Перкинса вышло посмертно. Тем не менее совершенно очевидно, что он читал «Демонологию» Якова I в ее первом, эдинбургском издании 1597 г.

[24] "This allegation serves to no purpose: for all water is not the water of Baptisme, but that only which is used in the very act of Baptisme, and not before

nor after. The element out of the use of the Sacrament, is no Sacrament, but returns againe to his common use" (*Perkins W. Op. cit. P. 643–644*).

Определение «элемент» было использовано Перкинсом в принятом для того времени смысле — как обозначение одного из четырех элементов мироздания.

[25] О Джоне Котта см.: *Burstein S.R. Demonology and Medicine in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Folklore. 1956. Vol. 67 (1). P. 16–33.*

[26] *Cotta J. The Infallible True and Assured Witch or The Second Edition of the Tryall of Witch-Craft Shewing the Right and True Methode of the Discoverie. L., 1624.*

[27] "It is vulgarly credited, that the casting of supposed Witches bound into the water, and the water refusing or not suffering them to sinke within her bosome or bowels, is an infallible detection that such are Witches" (*Ibid. P. 127*).

[28] "Those things which are naturall, necessarily and ever produce their effect... This Almighty God in his holy writ doth confirme, and long and aged experience of many hundreths of yeares hath successively witnessed, wherein the ancient records of all learned writers, have ever testified innumerable medicinal herbs and drugges, certainly and truely to bee ever the same" (*Ibid. P. 129*).

[29] "The reason why some men suppose it should be of God, is, for that the water is an element which is used in Baptisme, and therefore by the miraculous and extraordinary power of God, doth reject and refuse those who have renounced their vows and promise thereby, made unto God, of which sort are Witches. If this reason be sound and good, why should not Bread and Wine, being elements in that Sacrement of the Eucharist, be likewise noted and observed to turne backe, or fly away from the thraotes, mouthes, and teeth of Witches?" (*Ibid. P. 131*).

[30] "And why for that cause, should not Bread and Wine become as infallible markes and testimonies unto the detection of Witches? If the reason be good in the first, it must necessarily be the same in the second; and if it faile in the second, it cannot be good or sound in the first" (*Ibid.*).

[31] О Ричарде Бернарде см.: *Narveson K.R. Richard Bernard // The Dictionary of Literary Biography. Vol. 281: British Rhetoricians and Logicians, 1500–1660. Detroit, 2003. P. 14–25.*

[32] "To put something under the threshold, where the suspected goeth in, or under the stoole where he or she sitteth, and many such witchery tricks and illusions of Satan to be detested. To burne some cloathes in which the sicke party lyeth, for to torment the Witch; to burne part of the creature in paine; to burne alieue one, to saue the rest" (*Bernard R. A Guide to Grand lury Men. L., 1629. P. 226*).

[33] "These are execrable sacrifices made to the divell, to be abhorred of all true Christians" (*Ibid.*).

[34] "Some think it lawfull to try one suspected, by casting him or her into the water, and binde their armes acrossse: and if they sinke not, but doe swim, then to be iudged Witches" (*Bernard R. Op. cit.*).

[35] "But Doctor Cotta doth by many reasons, disswade from this tryall, as not naturall, nor according to reason in nature, and therefore must come from some

other power, but not of God: for that were a miracle, which wee are not now to expect from God, and therefore this strange worke is from the Diuell" (Ibid. P. 227).

[36] "To couict any one of witchcraft, is to prove a league made with the Deuil. In this only act standeth the very reality of a Witch; without which neither she nor he (howsoeuer suspected and great shoves of probability concurring) are not to bee condemned for witches" (Ibid. P. 229).

[37] *Croft P.* King James. Basingstoke; N.Y., 2003. P. 118–121; *Willson D.H.* King James VI and I. L., 1963. P. 243, 423, 431–435.

[38] Подробнее об этом противостоянии см.: *Atherton I., Como D.* The Burning of Edward Wightman: Puritanism, Prelacy and the Politics of Heresy in Early Modern England // *English Historical Review*. 2006. Vol. 120 (489). P. 1215–1250; *Pinson J.M.* Will the Real Arminius Please Stand Up? A Study of the Theology of Jacobus Arminius in Light of His Interpreters // *A Journal of Christian Thought*. 2003. T. 2. P. 121–139; *Willson D.H.* Op. cit. P. 240–241.

[39] *Webster T.* Early Stuart Puritanism // *The Cambridge Companion to Puritanism*. Cambridge, 2008. P. 48–66; *Durston Ch., Eales J.* Introduction: The Puritan Ethos, 1560–1700 // *The Culture of English Puritanism, 1560–1700*. L., 1996. P. 1–31. Я благодарна А.Ю. Серegiной за консультации по этим вопросам.

[40] Антиведовские памфлеты издавались в Англии и Шотландии с конца XVI вплоть до 30-х годов XVIII в. Всего до нас дошло 66 таких текстов, но за 1621–1649 гг. мы располагаем 13 памфлетами: *Millar Ch.-R.* Witchcraft, the Devil, and Emotion in Early Modern England. L.; N.Y., 2017. P. 187–198.

[41] "Stil having his former long suspition of her, by the information of her neighbours that dwelt about her; from suspition, to proceed to great presumptions, seeing the death of Nurse-children and Cattell, strangely and suddenly to happen" (*Goodcole H.* The wonderfull discoverie of Elizabeth Sawyer, a Witch (1621) // *Early Modern Witches*. P. 299–315, здесь p. 303).

[42] "And to finde out who should bee the author of this mischief, an old ridiculous custome was used, which was to plucke the Thatch of her house, and to burne it, and it being so burnd, the author of such mischief should presently then come" (*Goodcole H.* Op. cit.).

[43] "And it was observed and affirmed to the Court, that Elizabeth Sawyer would presently frequent the house of them that burnt the thatch which they pluckt of her house, and come without any sending for" (Ibid.).

[44] *Goodwin G.* Goodcole, Henry // *Dictionary of National Biography*. L., 1885–1900. Vol. 22. P. 119.

[45] Возможно, этот памфлет послужил источником вдохновения для Ричарда Бернарда, также описывавшего различные варианты испытания подозреваемых огнем: см. примеч. 32.

[46] *Rowley W., Dekker T., Ford J.* The Witch of Edmonton. L., 1658. Подробный разбор пьесы см.: *Shokhan R.A.* The Staging of Witchcraft and a "Spectacle of Strangeness". *Witchcraft at Court and the Globe*. L., 2014. P. 65–74.

[47] "And stood to it very perversely that she was cleare of any such thing, and that if they put her into the Water to try her she should certainly sinke. But

when she was put into the Water and it was apparent that she did flote upon the water..." (*Anon. The examination, confession, triall, and execution, of Joane Williford, Joan Cariden, and Jane Hott. L., 1645. P. 4).*

[48] *Серегина А.Ю. Обретение голоса. Женщины английского католического сообщества XVI–XVII вв. М.; СПб., 2021. С. 205–220.*

[49] "To whom she answered, That the Divell went with her all the way, and told her that she should sinke; but when she was in the Water he sate upon a Crosse-beame and laughed at her. These three were executed on Munday last" (*Anon. The examination, confession, triall. P. 4).*

[50] *Cabell C. Witchfinder General. The Biography of Matthew Hopkins. Gloucestershire, 2006. P. 22; Early Modern Witches. P. 54, 56.*

[51] Подробнее о ней см.: *Gaskill M. Witchfinders. A Seventeenth-Century English Tragedy. L., 2005; Sharpe J. The Devil in East Anglia: The Matthew Hopkins trials reconsidered // Witchcraft in Early Modern Europe. Studies in Culture and belief / J. Barry, M. Hester, G. Roberts (eds). Cambridge, 1996. P. 237–255.*

[52] *Davis S.F. Introduction // The Discovery of Witches and Witchcraft. The writings of witchfinders Matthew Hopkins and John Stearne / S.F. Davis (ed.). L., 2007. P. VII–XX, X–XII.*

[53] Судьи по ассизам — светские судьи, в ведении которых и находились с 1563 г. дела о колдовстве. Название комиссии — *Commission of Oyer and Termoner* — изначально было заимствовано из французского права и буквально означает «Выслушать и постановить».

[54] *Notestein W. A History of Witchcraft in England from 1558 to 1718. N.Y., 1965. P. 178.*

[55] *Burns W.E. Witch Hunts in Europe and America. Westport; L., 2003. P. 231.*

[56] "This suspition, though it bee but late, of a few, and those the under sort, yet is it enough to send for the Witch-searchers" (*Gaule J. Selecte Cases of Conscience Touching Witches and Witchcraft. L., 1646. P. 5).*

[57] "The Country people talke already, and that more frequently, of the infallible and wonderfull power of the Witchfinders; then they doe of God, or Christ, or the Gospell preached" (*Ibid. P. 93).*

[58] "But there hath been an abominable, inhumane, and unmercifull tryall of these poore creatures, by tying them, and heaving them into the water; a tryall non allowable by Law or conscience" (*Hopkins M. Certaine Queries answered, which have been and are likely to be objected against Matthew Hopkins, in his way of finding out Witches // The Discovery of Witches and Witchcraft. P. 3–8, здесь р. 5).*

[59] "King James in his *Demonology* saith, it is a certain rule, for (saith he) Witches deny their baptisme when they Covenant with the Devill, water being the sole element thereof, and therefore saith he, when they be heaved into the water, the water refuseth to receive them into her bosome... and suffers them to float" (*Ibid. P. 6).*

[60] "Witnesses may faigne their accusations out of malice, being transported with rage and uncharitableness, and desire of revenge... Some for words, or

deeds, taken in the worst sense" (*Stearne J. A Confirmation and Discovery of Witch Craft // The Discovery of Witches and Witchcraft*. P. 9–50, здесь p. 33–34).

[61] "Yet to proceed as I have said, I cannot deny, but those may be just grounds of suspicion, and cause of questioning them, but not alwayes certaine" (*Ibid.* P. 34).

[62] *Davis S.F.* Op. cit. P. XIV–XV.

[63] Так, в 1716 г. к ордалии холодной водой прибегнул некий Джон Динли в графстве Ворчестер, однако результаты его деятельности оказались поставлены под сомнение, поскольку выяснилось, что Динли был мертвецки пьян и сразу же после проведения испытания отправился купаться голышом в той же запруде: *New Perspectives on Witchcraft*. Т. 4 / В.Р. Levack (ed.). L.; N.Y., 2001. P. 143. В 1751 г. *judicium aquae* проводилось в Тринге (Хертфордшир), после чего один из участников экзекуции оказался повешен за убийство женщины, несправедливо обвиненной в колдовстве: *Игина Ю.Ф.* Указ. соч. С. 118.

[64] *Канторович Э.Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серegiной. М., 2014. С. 89–90.

[65] "And this danger they labour to prevent by hiding their guilt, under the name and shadow of the king" (*The Parliamentary History of England*. Vol. II: A.D. 1625–1642. L., 1807. Col. 1250). См. также: *Manow Ph.* In the King's Shadow. *The Political Anatomy of Democratic Representation*. Cambridge, 2010. Ch. 2.3.

Людмила Пименова

Анатомия французской монархии Старого порядка в «Трактате о правах» под редакцией Ж.-Н. Гюйо

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_342-355

Труд, которому посвящена эта статья, был подготовлен в десятилетие, непосредственно предшествующее Революции, и издан в 1786–1788 гг. под названием «Трактат о правах, обязанностях, льготах, вольностях, прерогативах и привилегиях, приданных во Франции каждому званию, должности и сословию, гражданскому, военному или церковному» [1]. Учитывая время издания, это сочинение можно рассматривать как итог развития официальной французской правовой мысли Старого порядка. Над ним работал коллектив правоведов под руководством известного юриста Жозефа-Николя Гюйо [2], соавторами которого выступали адвокаты и советники Парижского и провинциальных парламентов: Антуан-Гаспар Буше д'Аржи и его сын Андре-Жан, Реймон де Сез, Жан-Филипп Гарран де Кулон, Пьер-Поль-Николя Анрион де Пансе, Филипп-Антуан Мерлен, Луи Робен де Моза и Жан-Батист Трейяр. Наибольшим авторитетом среди них, наряду с Гюйо, в кругу ученых-юристов пользовался самый старший из соавторов Буше д'Аржи-отец — автор свыше четырех тысяч статей по юриспруденции для «Энциклопедии» Дени Дидро.

В дальнейшем пути соавторов разойдутся. Судейская карьера самого Гюйо, успешно начатая при Старом порядке, почти без перерывов продолжится во время Революции и после нее. Гарран де Кулон, Мерлен (получивший в бытность свою депутатом Национального конвента известность как Мерлен из Дуэ) и Трейяр станут депутатами Учредительного собрания, Законодательного собрания и Конвента, а последний войдет также в состав Комитета общественного спасения [3]. Гарран де Кулон прославится борьбой за отмену рабства в колониях. Де Сез будет защищать на процессе свергнутого короля Людовика XVI. Жизнь Буше д'Аржи-младшего оборвет нож гильотины в последние дни Большого Террора. Анрион де Пансе и Робен де Моза с началом Революции не проявят себя на публичном поприще.

В опубликованном трактате четыре тома, но в них вошло не все, что авторы задумали изначально включить в свой труд. По их замыслу предполагалось создать большое полотно, представляющее — под историко-правовым углом зрения — всю французскую монархию сверху донизу, от короля до крестьянских семей. Трактат должен был состоять из двенадцати книг, каждая из которых посвящалась одной большой теме: королевской власти, правосудию, полиции, финансам, управлению лесами, промышленности и торговле, флоту, армии, дворянству, духовенству, образованию и наукам и, наконец, последняя, двенадцатая книга — вопросам частного и семейного права (отношениям между родителями и детьми, мужьями и женами, господами и слугами, сеньорами и крестьянами) [4].

Этот замысел остался нереализованным. Последние тома трактата выходили уже в разгар предреволюционного кризиса, а с 1789 г. в стране начались преобразования, разрушившие прежнее устройство государства и общества и сделавшие неактуальным посвященный ему трактат. Трудно представить себе, во что могло вылиться данное предприятие, доведи его авторы до задуманного конца. Материал разросся настолько, что в опубликованные четыре тома вошло лишь то, что должно было составить первую и частично вторую книгу.

Авторы видели свой труд как не только юридический, но и историко-философский. А потому он содержит обширные экскурсы в историю, цитаты и пространные фрагменты из королевских эдиктов и ордонансов, ссылки на сочинения историков, правоведов и философов от Тацита и Сенеки до Жана Бодена, Кардена Ле Бре, Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа и Шарля-Луи Монтескье. Особое место среди предшественников отведено Шарлю Луазо. Название «Трактата о правах» перекликается с заглавиями трех частей, составлявших известный труд этого правоведа: «Трактат о сеньориях», «Пять книг о праве должностей» и «Трактат о сословиях и простых званиях» [5]. Авторы заявляют о себе как о продолжателях его дела. Сочинивший введение адвокат Парижского парламента Робен де Моза объяснял актуальность появления нового сочинения по истории французского государства и права, во-первых, тем, что с того времени, как в начале XVII в. «великий Луазо» написал свои трактаты, произошли

большие перемены, которые необходимо осмыслить и обобщить. Во-вторых, по утверждению Робена де Моза, проблематику сочинений Луазо следовало не только актуализировать, но и расширить. Пиетет перед фигурой правоведа начала XVII в. не удержал его последователя от критического замечания в адрес великого предшественника. По словам Робена де Моза, Луазо — особенно это относится к его трактату о должностях — подходит к описываемым реалиям, как он и сам это признавал, исключительно с точки зрения юриста. Робен де Моза заявляет о намерении обогатить новый трактат морально-философским, политическим и историческим подходами [6].

Вклад каждого из соавторов в коллективный трактат досконально определить трудно, так как не все главы подписаны. Тем не менее совершенно очевидно, что большую часть текста сочинили три человека: Робен де Моза, Гарран де Кулон и Мерлен. Робен де Моза написал, как уже было сказано, введение, а также ряд глав о придворных должностях. Гарран де Кулон — главы о королевском дворе в целом и о некоторых придворных службах. Особенно значительным представляется вклад Мерлена, неслучайно на титульном листе третьего и четвертого томов указано его имя как составителя наряду с Гюйо. Мерлен написал наиболее значимые и обширные главы трактата, в том числе и теоретического характера: о короле и короне Франции, о королеве, дофине, принцах крови и их дворах, о пэрах Франции, о Королевском совете, о королевской дипломатической службе, о провинциальных интендантах, о судах и судейских должностях, о правах собственников должностей, о канцлере и королевской канцелярии.

Изучая изложенную в «Трактате о правах» концепцию французской монархии, мы посмотрим, каким образом авторы применили в трактате заявленные исторический, политический и морально-философский подходы. Обращаться мы будем преимущественно к главам, написанным двумя авторами: Робеном де Моза и Мерленом. Именно в их разделах можно встретить суждения и оценки обобщающего и теоретического характера, тогда как другие авторы сосредоточились на детальном освещении истории и полномочий отдельных должностей.

Структура трактата воспроизводит официальную иерархию французского общества, начиная с его вершины — короля и королевского двора (первый и примерно треть второго тома), членов королевской семьи, пэров Франции и Королевского совета — и переходя затем последовательно к послам короля при иностранных дворах, провинциальным интендантам, судьям и служащим королевской канцелярии разного уровня, включая государственных секретарей. Перед нами, таким образом, предстает «общество рангов» [7], связанных между собой властными отношениями, выстроенными на основании главного критерия — близости к королю, от которого исходят господство и право. Расположение должностей и званий

на страницах трактата определяется не титулами, сословной принадлежностью или объемом властных полномочий, а приближенностью к сердцевине всех правовых отношений в стране — особе короля. Дипломаты и провинциальные интенданты появляются сразу после пэров Франции и членов Королевского совета, поскольку они представляют самого монарха: одни — перед иностранными государями, а другие — в провинциях страны.

Такая структура «Трактата о правах» не следует ни одному из сочинений Луазо, который, в частности, в «Трактате о сословиях и простых званиях» воспроизвел сословную иерархию, соответствующую структуре французских Генеральных штатов: духовенство, дворянство, третье сословие, каждое из которых, в свою очередь, подразделено на сословия низшего порядка. Такая структура сословий во Франции, по словам Луазо, была подобна небесной иерархии в изложении Псевдо-Дионисия Ареопагита [8].

Авторы «Трактата о правах», при всем их широком замысле, не стремились выстроить универсальную и упорядоченную иерархию рангов и должностей. Они поставили перед собой другую цель: осветить все сферы деятельности королевской администрации. Сравнение замысла и структуры «Трактата о правах» с сочинениями Луазо показывает совершившееся от начала XVII до конца XVIII в. обмирщение правовой мысли. Юристы 1780-х годов не заняты поисками аналогий между земным и небесным. Кроме того, в отличие от Луазо, они вообще не рассуждают в сословных категориях; у них явно преобладает административная логика. Французская монархия в «Трактате о правах» предстает иерархически соподчиненной не совокупностью сословий, а многообразием придворных, судебных и административных чинов и должностей на службе у короля.

Пообещав использовать, в отличие от Луазо, не только юридический, но и исторический подход, авторы трактата отвели значительное место происхождению и развитию властных институтов французской монархии. Правда, их предшественник тоже делал экскурсы в античную историю, сравнивая французские сословия, звания и должности с древнеримскими, показывая черты сходства и различия между ними [9]. Но авторов «Трактата о правах» Античность интересует не как образец для сравнения или пример практического применения норм римского права, а как отправная точка многовековой истории. Они прослеживают истоки институтов французской монархии начиная с галло-римских времен, когда, по словам Робена де Моза, возникло само явление и понятие *магистратуры* как несения государственной службы (*les officiers qui avoient la puissance publique*) [10]. В нескольких статьях трактата представлена широкая панорама зарождения и развития институтов французской монархии от Средневековья к Новому времени [11]. Раннее Средневековье — за исключением эпизода, связанного с попыткой Карла Великого построить империю, — показано в трактате как провал в безвременье. В целом Средние века для авторов, говоря словами Мерлена, — это «века невежества и анархии» [12], когда Франция была не

монархией, а всего лишь королевским доменом, поступательное развитие которого начинается с приходом династии Капетингов. Монархия для авторов трактата определяется двумя критериями: четко очерченными границами (их появление они отмечают после окончания Столетней войны) и нераздельным суверенитетом правителя в пределах этих границ (установленным в ходе Религиозных войн) [13]. Правители из династии Капетингов, присоединяя феодалы и подчиняя их короне, сумели положить конец «феодальной системе» и создать монархию [14]. Ее формирование представлено в трактате как сочетание и взаимодействие нескольких процессов: присоединения феодальных владений к королевскому домену; определения в результате войн и договоров с иноземными правителями четких границ территории, подвластной королю; формирования властных институтов, таких как двор, суды, финансы, администрация, органы местного управления; распространения королевского правосудия на всю территорию Франции [15]. Эти процессы шли на протяжении столетий, а их кульминация пришлась на XVI столетие, когда королевская власть сумела преодолеть кризис Религиозных войн и выйти из него окрепшей. Именно тогда и был сделан решающий выбор между «феодальной анархией» и монархией, а главным действующим лицом, реализующим эти процессы, на всех этапах был король Франции. Важный показатель перехода от «феодальной системы» к монархии — формирование института провинциальных интендантов. Им посвящена пространная глава, написанная Мерленом. Ключевой момент и здесь приходится на XVI в., когда Генрих II взял провинции под свой контроль [16]. В интерпретации Мерлена провинциальная администрация выглядит полностью подчиненной интендантам, которые управляют всем на местах и являются полновластными «опекунами» (*les tuteurs*) жителей провинций.

Если сущность исторического подхода понятна, то провозглашенный в трактате политический подход может вызвать вопросы. Объясняя намерения авторов, Робен де Моза ссылался на слова Луазо, указавшего, что рассмотреть должности с политической точки зрения — значит объяснить, «как они должны быть установлены и распределены ради пользы государства (*pour l'utilité de l'état*)» [17]. Понятый таким образом, политический подход в «Трактате о правах» тесно связан с подходом историческим. Если Луазо констатировал сложившийся и принятый во Франции порядок, то авторы «Трактата о правах» исследуют, как он постепенно выстраивался на протяжении веков и какие на его историческом пути возникали затруднения, успехи, отклонения и ошибки.

И в трактовке, и в оценке сложившегося положения вещей авторы заметно расходятся с Луазо, по словам которого абсолютная власть короля столь же полна, сколь неразрывна окружность короны. В то же время знаменитый правовед оговаривался, что существуют три сорта законов, ограничивающих земную власть: Божественные законы, нормы естественного права и фундаментальные законы государства [18]. Авторы «Трактата о правах», оперируя теми же категориями, создали из них иную конструкцию.

Они последовательно излагают идею абсолютной власти, ничем не ограниченной, кроме доброй воли самого монарха. Автором главы «О Короле и короне Франции», занимающей большую часть первого тома, является будущий депутат Учредительного собрания и Национального конвента Мерлен из Дуэ. Спустя несколько лет он станет участвовать в составлении текста конституции 1791 г., а потом в Конвенте проголосует за казнь короля [19]. В «Трактате о правах» будущий революционер утверждал, что именно абсолютный характер королевской власти составляет суть фундаментальных законов, или конституции французской монархии: «Фундаментальные законы французской монархии немногочисленны [...]. Они устанавливают: 1) Независимость короны; *Король не держит ее ни от кого, кроме Бога и самого себя* (Установления Святого Людовика, кн. 1, гл. 76) [20]. 2) Абсолютную власть монарха в создании законов — власть, сосредоточенную полностью, единственно и по существу в особе Короля. *Чего хочет Король, того хочет закон*, — гласят наши древнейшие конституции [21]. 3) Неотчуждаемость этой высшей власти, согласно формуле клятвы, которую короли третьей расы до Людовика VIII произносили во время венчания на царство: «Я сохраню в неприкосновенности *Суверенитет*, права и преимущества французской короны, я не буду ни передавать их кому бы то ни было, ни отчуждать». [...] Такова конституция монархии, таково французское правление» [22]. Следовательно, согласно Мерлену, закон не может ограничивать власть правителя, так как его абсолютная власть — это и есть закон.

Но, возводя власть короля в ранг фундаментального закона, Мерлен не мог не отдавать себе отчета в том, что в глазах современников он рискует выглядеть защитником деспотизма. Проблема возможных пределов власти и гарантий соблюдения законов обрела во Франции политическую остроту в период проведения парламентской реформы Людовиком XV и канцлером Рене-Николя Мопу в 1771–1774 гг. В это время парламенты были распущены и заменены новыми с ограниченными полномочиями, а продажа и наследование должностей магистратуры ликвидированы. Мопу заслужил от современников обвинения в «министерском деспотизме». Негативная реакция общественного мнения стала одной из важнейших причин, заставивших Людовика XVI отменить «реформу Мопу» и восстановить парламенты в их прежнем виде, с правом регистрировать и отклонять королевские эдикты.

Признавая, что «власть государя столь же полна и абсолютна как при монархии, так и при деспотии», Мерлен вместе с тем указывал на различие между ними. Для французских правоведов со времен Жана Бодена стало аксиомой, что король правит, соблюдая права подданных, в отличие от тирана, который произвольно распоряжается их жизнью и имуществом [23]. В XVIII в. широкое признание получило то определение отличия монархии от деспотизма, которое дал Шарль-Луи Монтескье в трактате «О духе законов». Развивая мысль Бодена, он писал, что при монархическом правлении «управляет один человек, но посредством

установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица» [24]. Примечательно, однако, что Мерлен сослался не на этот, а на другой отрывок из трактата Монтескьё, где отличие монархии от деспотизма определялось иначе: «Различие тут в том, что в монархиях государи — люди более просвещенные» [25]. Поясняя эти слова, Мерлен отмечал, что при деспотическом правлении господин командует рабами и единственным правилом является его сиюминутная воля или каприз. «В монархии же, напротив, это отец, который, желая выказать свою волю детям, сам предлагает им просветить его и приказывает открыть ему правду» [26]. В своих рассуждениях Мерлен, по сути, отходит от учения Монтескьё о монархии, ограниченной законами и институтами, которые гарантируют их исполнение. Единственная разница между монархией и деспотией у него состоит в том, что при первом варианте правит просвещенный деспот. Мерлен в своих построениях ближе всего подошел к концепции «легального деспотизма», разработанной физиократами, в первую очередь Пьером-Полем Лемерсье де ла Ривьером. Полемизируя с теорией разделения властей Монтескьё, тот утверждал, что вся полнота абсолютной власти должна принадлежать королю, который уважает нормы естественного права и преобразует их в законы государства [27].

С его тезисами солидарны и авторы «Трактата о правах». Применяя провозглашенный политический подход и рассматривая сложившиеся в стране институты и должности с точки зрения их государственной пользы, они видят эту пользу в усилении королевской власти. То, что укрепляет власть правителя, полезно государству; то, что может ее ограничить, способно нанести вред государству.

В духе просвещенного века обоснование абсолютной власти короля в трактате носит чисто светский, политико-юридический характер. О том, что власть дана правителю от Бога, авторы вспоминают, только когда речь заходит о вольностях Галликанской церкви и ее автономии по отношению к Папскому престолу [28]. Взаимоотношения монарха и Церкви рассматриваются в «Трактате о правах» с точки зрения государственной пользы. В трактовке этой проблемы авторы последовательно занимают позицию в русле «королевского галликанизма» [29]. По их мнению, отношения между королем и Церковью двойственны, поскольку такова природа Церкви, которая представляет собой одновременно мистическую и политическую корпорацию. Король — сын Церкви как мистической корпорации, и в этом смысле он ничем не отличается от любого из своих подданных, но Церковь как политическая корпорация во Франции подчинена власти короля — «патрона и покровителя всех церквей в королевстве» [30].

Рассуждая о природе королевской власти и об отношениях между королем и Церковью, авторы, в отличие от Луазо, не уделявшего внимания королевскому помазанию (*le sacre*), сочли нужным остановиться на этом вопросе. Мерлен напоминает, что государь восходит на престол и обретает всю полноту власти, едва только его предшественник отошел в мир иной, в

силу своего кровного родства с прежним королем, а отнюдь не в результате помазания. Тем не менее он подчеркивает, что церемония помазания играет очень важную роль. Правда, эта роль в его интерпретации носит не столько политико-символический, сколько пропагандистский характер: этот обычай трактуется как инструмент символического воздействия власти на подданных. «Помазание, — пишет Мерлен, — есть лишь религиозная церемония, имеющая целью внушить народу посредством удивительного зрелища (*d'apprendre aux peuples par un spectacle frappant*), что власть дана Королю от Бога, что его особа *священна* и нельзя покушаться на его жизнь, ибо, как сказано в Писании про Саула, он *помазан Господом*» [31]. Таким образом, помазание призвано предотвратить цареубийство. Размышления Мерлена навеяны трагической историей конца XVI — начала XVII в., когда Франция пережила очередной политический кризис: два монарха подряд — Генрих III и Генрих IV — были убиты своими подданными. Чтобы не допустить подобного впредь, следует всеми способами демонстрировать сакральный характер королевской власти и самой персоны короля.

Обещая применить морально-философский подход, авторы «Трактата о правах» — со ссылкой на Луазо — подчеркивали, что собираются говорить не только о функциях (*les fonctions*), но и о долге (*le devoir*), возложенном на каждого государственного служащего [32]. А долг этот состоит в том, чтобы каждый на своем месте содействовал укреплению монархии. О том, насколько кто справляется со своим долгом, авторы готовы судить невзирая на лица. В трактате открыто прозвучала критика двух французских правителей: Людовика XI и Людовика XIV. Оба заслужили обвинения в деспотических замашках. Людовик XI, по словам Мерлена, «ни с чем не считался, обращался с подданными как с рабами и распоряжался их имуществом так, будто оно принадлежало ему» [33]. Впрочем, правление этого короля, несмотря на его злоупотребления властью, нисколько не затронуло привилегий магистратуры как корпуса хранителей законов, что только доказало прочность и жизнеспособность «монархической конституции». Сложившиеся к тому времени политические институты оказались сильнее злой воли правителя.

Другой пример, когда конституция монархии едва не была нарушена, относится к правлению Людовика XIV, который в нарушение фундаментальных законов монархии даровал своим легитимизированным внебрачным сыновьям право наследовать престол. Но скандал вокруг легитимизированных принцев благополучно разрешился после смерти Людовика XIV благодаря совместным усилиям Парижского парламента, регента и принцев крови. Законность была восстановлена, и конституция монархии в очередной раз подтверждена [34]. Эти экскурсы в историю и повествование об успешно преодоленных кризисах призваны доказать читателю, что королевская власть во Франции в ее актуальном виде представляет собой саморегулирующийся механизм, внутри которого заложены элементы, противодействующие ее перерождению в деспотию.

Из всех описанных в трактате должностей самыми проблематичными выглядят парламенты. В своем отношении к ним авторы исходят из двух взаимодополняющих принципов. С одной стороны, они полагают, что «суды и судейские должности составляют суть монархического правления» [35]. С другой — решительно осуждают попытки парламентов говорить от имени нации, поскольку правосудие есть прерогатива короля. В этой ситуации политические претензии парламентов несут в себе угрозу возврата к худшим временам «феодалной анархии», когда королевские офисье присвоили себе право вершить суд [36]. Исходя из этих соображений, авторы полагают, что одна из традиций французской королевской власти нуждается в серьезном реформировании. Ссылаясь на авторитет Луазо, Робен де Моза критикует систему продажи и наследования должностей как источник неповиновения монарху и преобладания частных интересов над общегосударственными. По его мнению, должности следует исполнять на основе временной комиссии, как это было в Древнем Риме и — изначально — во Французском королевстве. Такой порядок заставит держателей должностей трудиться ради общего блага, а не злоупотреблять своим положением, преследуя частные интересы [37].

На страницах «Трактата о правах» отразился опыт парламентской оппозиции XVIII в. Авторы решительно осуждают претензии парламентов представлять нацию перед лицом короля и занимают «проабсолютистскую» позицию. Мерлен настаивает на том, что парламентам достаточно подавать монарху ремонстрации, причем не имеет принципиального значения, происходит ли это до или после регистрации закона. Так, по словам Мерлена, считали все выдающиеся юристы прошлого, в частности Карден Лебре [38]. Поэтому — вспоминает Мерлен события середины века — Людовик XV справедливо указал парламенту его место на знаменитом заседании под названием «ложе правосудия» 3 марта 1766 г., когда «он твердой и мудрой рукой утвердил истинные основы монархической конституции» [39]. Король в данном случае действовал в высших интересах государства, как истинный суверен, подобно своему великому предку Генриху IV, заставившему Парижский парламент зарегистрировать Нантский эдикт вопреки сопротивлению магистратов. Нация не может обладать настоящим правом на сопротивление (*un véritable pouvoir de résistance*) — кроме случаев, когда явно нарушаются ее естественные права, — иначе это уже будет не монархия. Нации вполне достаточно права на *рекламацию*, которое реализуется путем подачи парламентских ремонстраций [40]. Парламенты были созданы, чтобы просвещать короля в юридических вопросах, а не для того, чтобы препятствовать принятию угодных ему законов. Авторы осторожно обходят молчанием такую скользкую тему, как реформа Мопу. Из того, что говорится в трактате о королевской власти и правах парламентов, ясно, что они поддерживают Людовика XV, который провел реформу, но открыто осуждают царствующего Людовика XVI, который ее отменил, они не готовы и пытаются представить дело таким образом, что

восстановление старых парламентов с их прежними полномочиями не было уступкой со стороны короля [41].

Авторы «Трактата о правах» оставили детальное, хотя и не доведенное до конца описание политической системы французской монархии. В их сочинении ясно и последовательно сформулированы принципы нераздельного королевского суверенитета и неограниченной абсолютной власти. В своих умозаключениях авторы опирались как на предшествующую правовую традицию [42], так и на современные идеи, в том числе просветительские. Они показали происхождение и современное состояние порядка, которому вскоре суждено было исчезнуть вместе со всеми описанными в трактате званиями и должностями. Авторы указывали на опасность, исходившую для монархии от парламентов с их политическими претензиями, но с оптимизмом рассчитывали на заложенные в «монархической конституции» устойчивость и способность преодолевать трудности. Их прогнозы не оправдались. В обстановке политического кризиса 1787–1788 гг. попытки утвердить неограниченный королевский суверенитет окажутся несостоятельными, и Людовику XVI придется вступить в столь непривычный для него диалог с нацией.

[1] *Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives et privilèges annexés en France à chaque Dignité, à chaque Office & à chaque Etat, soit Civil, soit Militaire, soit Ecclésiastique*: 4 vols / publ. par J.-N. Guyot. P., 1786–1788.

[2] Ж.-Н. Гюйо происходил из семьи, аноблированной в XV в.; он начал адвокатскую и судейскую карьеру в Лотарингии, потом обосновался в Париже. В 1770–1780-х годах он сотрудничал в нескольких изданиях обобщающего и энциклопедического характера, включая «Методическую энциклопедию» Шарля-Жозефа Панкука. В годы Революции Гюйо был вынужден прервать карьеру, оказавшись родственником эмигрантов, а при Директории и позднее занимал разные должности в министерстве юстиции. См. о нем: *Bourdon J. Un grand jurisconsulte vosgien: J.-N. Guyot, et quelques recueils biographiques ou bibliographiques // Annales de l'Est*. 1955. 5e série. Vol. 6. P. 363–367; *Encyclopédie méthodique (1782–1832): Des Lumières au positivisme. Actes du colloque international à l'Université de Genève*, 2001 / ed. par C. Blanckaert et M. Porret. Genève, 2006.

[3] О судьбах французских юристов в годы Революции см.: *Fitzsimmons M.P. The Parisian Order of Barristers and the French Revolution*. Cambridge (Mass.); L., 1987; *Vovelle M. La Révolution et l'ordre juridique privé*. P., 1988.

[4] *Traité des droits*. Т. 1. P. XIX.

[5] *Loyseau Ch. Traité des seigneuries*. P., 1608; *Loyseau Ch. Cinq Livres du droit des offices*. P., 1610; *Loyseau Ch. Traité des ordres et simples dignitez*. P., 1610.

[6] *Traité des droits*. Т. 1. P. IV.

[7] О проблеме иерархии рангов в обществе Старого порядка см.: *Cosandey F. Le rang: Préséances et hiérarchies dans la France d'Ancien Régime*. P., 2016.

[8] *Loyseau Ch. Traité des ordres et simples dignitez*. P. 1–2.

- [9] Ibid. P. 13–25, 117–127; *Loyseau Ch. Les Cinq livres du droit des Offices // Les oeuvres de maistre Charles Loyseau, avocat en Parlement, contenant les Cinq livres du droit des Offices, etc.* Lyon, 1701. P. 3–8.
- [10] *Traité des droits*. Т. 1. P. VI.
- [11] Подробнее об этом см.: *Пименова Л.А. Развитие институтов французской монархии конца XV — начала XVII в. в оценке юристов конца Старого порядка // Вызов времени: Становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. / отв. ред. И.Н. Берговская, В.Д. Назаров, П.Ю. Уваров. Калуга, 2019. С. 129–136.*
- [12] *Traité des droits*. Т. 1. P. 129.
- [13] Ibid. P. XIII.
- [14] Ibid. P. 10.
- [15] Ibid. P. XIII.
- [16] *Traité des droits*. Т. 3. P. 120–121.
- [17] Ibid. Т. 1. P. IV.
- [18] *Loyseau Ch. Traité des seigneuries*. P. 8 // *Les oeuvres de maistre Charles Loyseau*. P. 374.
- [19] О Мерлене см.: *Leuwers H. Merlin de Douai: un juriste en politique*. Arras, 1996.
- [20] Мерлен ссылается на изданный в 1254–1256 гг. «Большой ордонанс» Людовика IX.
- [21] *Дигесты Юстиниана*. 1.4.1.
- [22] *Traité des droits*. Т. 1. P. 11–12.
- [23] *Bodin J. Les cinq livres de la République*. P., 1986. Т. II. P. 34–35, 58.
- [24] *Монтескье Ш. Избранные произведения*. М., 1955. С. 169.
- [25] Там же. С. 186.
- [26] *Traité des droits*. Т. 1. P. 12.
- [27] *Lemercier de la Rivière P.-P. L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques*. 2 vols. L.; P., 1767.
- [28] *Traité des droits*. Т. 1. P. 348.
- [29] Об этом понятии и явлении см.: *Плешкова С.Л. Франция XVI — начала XVII века: королевский галликанизм (церковная политика монархии и формирование официальной идеологии)*. М., 2005.
- [30] *Traité des droits*. Т. 1. P. 343, 359.
- [31] *Traité des droits*. Т. 1. P. 45 (курсив мой. — Л. П.).
- [32] Ibid. P. IV.
- [33] Ibid. P. 12.
- [34] Ibid. P. 40–44.
- [35] “Les Tribunaux & les Offices de judicature tiennent à l'essence du gouvernement monarchique” (Ibid. Т. 3. Livre 2. P. 2).
- [36] Ibid. P. 13.
- [37] Ibid. Т. 1. P. VI.
- [38] *Traité des droits*. Т. 1. P. 17–18.
- [39] “Il posoit d'une main si ferme & si sage les véritables fondemens de la constitution monarchique” (Ibid. P. 19).
- [40] Ibid. P. 20–21.

[41] Ibid. P. 20.

[42] См. об этой традиции: Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009. С. 60–78.

Дмитрий Бовыкин

«Здесь виновно всё»: всеобщая амнистия как завершение Революции

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_356-375

В политической практике французского Старого порядка амнистия не раз использовалась в качестве инструмента всеобщего примирения, для подведения черты под периодом смут и бедствий, во время которого одни подданные короля Франции убивали других его подданных. Сегодня, опираясь на исследования об исторической памяти, мы могли бы рассматривать эту практику в том числе и как попытку вычеркнуть определенные события из национальной памяти, «забыть» их [1]. Это было актуально и во времена Религиозных войн, и во времена Фронды [2]. И, безусловно, стало актуально вновь в эпоху Французской революции XVIII в.

Тринадцатого сентября 1791 г. Людовик XVI официально известил Учредительное собрание о своей готовности принять конституцию и исполнять ее. Однако в королевском послании говорилось и об ином: на этом фундаменте необходимо добиться единения всех французов. «Те, кто подчиняется одним и тем же законам, должны видеть врагов лишь в тех, кто их нарушает. Раздоры и анархия — вот наши общие враги». Логика короля понятна: принятие конституции символически завершало Революцию; в новом мире, который она создавала, не должно было остаться места былым разногласиям. Монарх надеялся, что теперь эмигранты смогут беспрепятственно вернуться на родину и призывал: «Согласимся же забыть прошлое!» [3]

Следуя воле короля, маркиз де Лафайет немедленно предложил объявить всеобщую амнистию по случаю принятия конституции. Под нее должны были подпасть все, совершившие преступления, связанные с Революцией (в частности, находящиеся под стражей из-за бегства в Варенн). Левые депутаты Национального собрания, часть правых и трибуны встретили предложение Лафайета аплодисментами. Комитетам Конвента было дано поручение разработать и представить на следующий же день декрет об амнистии [4]. Он предусматривал запрет любых преследований, связанных с революционными событиями, отмену паспортов, а также упразднение любых препятствий для передвижения как по стране, так и за ее пределы. Декрет был принят без обсуждения и единогласно [5]. Двадцать восьмого сентября всеобщая амнистия была распространена и на территории колоний [6].

Несмотря на высочайший накал политической борьбы, впоследствии в годы Революции амнистия объявлялась еще несколько раз, хотя и не по столь значимым поводам и далеко не столь широкая. Так, например, 11

февраля 1793 г. был принят декрет, объявлявший амнистию всем участникам восстаний, связанных со снабжением продовольствием (за исключением убийц и поджигателей) [7]. А вот принятие конституции 1793 г. оказалось неудачным поводом для амнистии. Разворачивались репрессии против «жирондистов», с разных сторон звучали призывы перейти к политике Террора против врагов Революции. Да и сама конституция не завершала Революцию, поскольку не вводилась в действие. В этих условиях предложения объявить амнистию звучали лишь эпизодически и не находили поддержки. Так, например, после праздника 10 августа, во время которого не раз подчеркивалось единение нации, Франсуа Лантена, считавшийся близким к «жирондистам», обратился к членам Конвента с памфлетом «Причины сделать из 10 августа братский праздник» [8], в котором призывал к прощению и амнистии. Однако услышан он не был. Конвент лишь принял 22 августа в ответ на петиции ряда граждан, осужденных за мятежи июля 1789 г., декрет, несколько расширявший закон Учредительного собрания [9].

Иначе обстояло дело при Термидоре. Ослабление Террора и осуждение его эксцессов, работа Комитета общей безопасности по освобождению из тюрем невиновных, отмена печально известного декрета от 22 прериаля II года Республики, положившего начало Большому Террору, реорганизация Революционного трибунала, процессы над наиболее рьяными «террористами», как тогда называли сторонников диктатуры монтаньяров и проводимой ей политики Террора, — все это ставило вопросы более глобальные: как следует в принципе относиться к феномену Террора и как сделать все, чтобы Террор не повторился [10]. Тем более, что после подавления вандейского мятежа члены Конвента продемонстрировали готовность простить даже тех своих врагов, которые еще год назад, казалось, угрожали самому их существованию: декрет Конвента от 12 фримера III года (2 декабря 1794 г.) обещал всеобщую амнистию тем, кто в течение месяца сложит оружие и перейдет на сторону Республики [11]. В развитие этого декрета впоследствии было принято решение немедленно освободить всех уже осужденных вандейцев и шуанов [12]. Эта амнистия имела и конкретные политические последствия: 17 февраля 1795 г. в Ля Жоне (*La Jaunaye*) Ф.А. Шаретт и ряд вандейских военачальников подписали мир с Национальным конвентом, 20 апреля последовал мир с шуанами в Ля Мабиле (*La Mabilais*) и, наконец, 2 мая к мирным договорам присоединился последний крупный вандейский лидер — генерал Ж.Н. Стоффле.

В том же декабре 1794 г., спустя несколько дней после принятия декрета о прощении, дарованном мятежникам, прозвучало и предложение объявить более широкую амнистию. Восемнадцатого фримера (8 декабря) Ж.Ж.Р. Камбасерес в связи с возвращением в Конвент более 70 депутатов, исключенных из него при диктатуре монтаньяров, выступил с речью, в которой привлек внимание коллег к тому, что в годы Революции не все могли правильно оценить происходившие события и очень часто эксцессы становились, по сути, проявлением добрых намерений. Камбасерес

специально упомянул, что речь не идет, конечно же, о внутренних или внешних врагах, остальным же может быть даровано «прощение, которое превратит всех французов в народ друзей и братьев». Он предложил объявить амнистию за все деяния, связанные с революционными событиями, если только не было совершено уголовное преступление [13].

Речь Камбасереса неоднократно прерывалась аплодисментами, однако дело ничем не кончилось. Лишь месяц спустя, 29 нивоза (18 января 1795 г.), Ф.Л. Бурдон (из Уазы) — адвокат, близкий к монтаньярам «цареубийца», а затем активный термидорианец — смог найти правильные слова:

Настало время выпустить на свободу множество граждан, пострадавших при кровавом режиме. [...] На протяжении пятнадцати месяцев мы страдали от тирании, отвратительной и лучше организованной, чем когда бы то ни было. Нужно, чтобы те, кто еще дышит, те, кого оставил в живых Робеспьер, те, кто смог ускользнуть от разъяренных преследователей, предстали перед Комитетом по законодательству, который дарует им правосудие — при условии, что осужденные не виновны ни в грабежах, ни в преступлениях, караемых законом, ни в роялизме [14].

Эти слова были встречены аплодисментами, и Конвент немедленно принял соответствующий декрет. Однако очевидно, что это была амнистия «для своих», намеренно суженная и способствующая восстановлению справедливости, временному компромиссу, но никак не национальному примирению. Во многом столь нерешительная и половинчатая политика Национального конвента объяснялась тем, что на его скамьях сидели практически те же самые люди, которые голосовали за казнь Людовика XVI, отдавали под суд Революционного трибунала своих коллег, одобряли декреты, устанавливающие и поощряющие Террор, поддерживали карательные экспедиции в Вандее. Несколько десятилетий назад М. Озуф в своем остроумном эссе «Термидор, или Стремление забыть» [15] очень убедительно показала, что депутаты Конвента желали именно забыть прошлое, те его неприглядные моменты, к которым сами же были причастны. Лучшим способом для этого была бы всеобщая амнистия, однако как объявить ее, когда в Конвенте, по выражению, приписываемому Ж.-Б. Каррье, арестованному за эксцессы Террора в Нанте, было «виновно всё, вплоть до колокольчика председателя» [16]?

В результате первыми, кто объявил всеобщую амнистию, оказались не республиканцы, а роялисты. После того как 21 прериала (9 июня) на заседании Национального конвента было объявлено о смерти находящегося в тюрьме сына Людовика XVI, которого роялисты считали Людовиком XVII, согласно основным законам французской монархии, корона должна была перейти к брату казненного короля, графу Прованскому. Едва в Верону, где он тогда находился в эмиграции, дошли известия о смерти его племянника, граф объявил себя Людовиком XVIII. Восшествие на престол предоставляло ему повод для того, чтобы обратиться к французам со специальным манифестом, в котором можно

было бы изложить собственные взгляды на происходящее, дабы привлечь на свою сторону мятежных подданных.

Этот документ вошел в историю как Веронская декларация. В ней, в частности, говорилось:

Мы не только не видим преступлений в простых ошибках, но и сами преступления, вызванные этими ошибками, заслуживают в наших глазах прощения. Все французы, которые, отвергнув пагубные взгляды, припадут к подножию нашего трона, будут нами приняты; все французы, единственная вина которых состоит в том, что они позволили себя увлечь, найдут в нас не непреклонного судью, а полного сочувствия отца. Те, кто оставался верен, несмотря на мятеж; те, кто проявил героическое самопожертвование, разделив с нами изгнание и беды; те, кто уже стряхнул с себя шоры иллюзий и ярмо мятежа; те, кто все еще обуреваем преступным упрямством, но поспешит вернуться к разуму и к исполнению своих обязанностей, — все они будут нашими детьми. Если одни сохранили достоинство и свои права благодаря неизменным добродетелям, другие вновь обретут их через спасительное раскаяние; нашей любви хватит на всех. Мы — французы! Это звание не в силах обесценить преступления нескольких негодяев, точно так же, как злодеяния герцога Орлеанского не могут испортить кровь Генриха IV. Это звание всегда было нам дорого, и это делает дорогими нам всех, кто его носит. Мы полны жалости к людям слабым или соvrращенным, все еще идущим по пути заблуждений; мы орошаем слезами прах несчастных жертв их верности; у нас вызывают страдание судьбы тех, кто погиб, поддерживая мятеж и раскол, — нам так хотелось бы вернуть их в лоно церкви и монархии! Мы испытываем боль лишь от ваших несчастий, и единственная радость, которую мы могли бы ныне почувствовать, — это радость от того, что мы можем вас от них избавить [17].

Чтобы объяснить, почему он готов простить людей, совершивших столько преступлений, Людовик XVIII предпочел сделать вид, что настоящих преступников было весьма ограниченное количество, остальные же присоединились к бунту не совсем по своей воле или же не понимали, что творят:

Без сомнения, бесчинства, которым предавался народ, отвратительны, но не забудем, что соvrращение и насилие имели над ним больше власти, нежели воззрения и добрая воля. Мы знаем, что, хотя он и попустительствовал преступлениям революции, его сердце в тайне оставалось верным и осуждало его вызванные страхом поступки. Этот народ, введенный в заблуждение, а затем и поработанный, всегда был более достоин жалости, нежели обвинений, этот народ уже достаточно и даже с лихвой наказан шестью годами рабства и угнетения, тем множеством бедствий, которые его постигли. Этот народ, который всегда был предметом нежной любви Королей, наших предшественников, мы вознаградим за долгие мучения теми благами, которые изольем на него [18].

Оставался вопрос, как же быть с зачинщиками мятежа, с теми самыми людьми, которые совращали народ с пути истинного и запугивали его. Но король был готов решить и эту проблему:

Мы могли бы, мы должны были бы не мешать правосудию, карающему этих вводивших народ в заблуждение преступников, главарей и подстрекателей мятежа: разве можно сгладить тот непоправимый ущерб, который они нанесли Франции?! Но тех, кого еще не покарало божественное Правосудие, мы оставляем наедине с их совестью: пусть она причиняет им муки. Пусть они смогут оправдать в наших собственных глазах, покоренные этим чрезмерным милосердием, добровольно подчиняясь и возвращаясь к своим обязанностям, ту нежданную милость, которую мы к ним проявим! [\[19\]](#)

В этом стремлении к прощению Людовик XVIII был отнюдь не одинок: к лету 1795 г. шансы, что монархия вернется при помощи войск антифранцузской коалиции, были весьма призрачными, а это значило, что единственный реальный путь к реставрации монархии лежал через всеобщее примирение и завоевание симпатий подданных. Хотя принято считать, что роялисты были непримиримыми врагами революционеров и мечтали их лишь казнить [\[20\]](#), изучение подготовки и написания Веронской декларации показывает, что по крайней мере часть сторонников монархии выступали за всеобщую амнистию [\[21\]](#).

Наиболее сложным оставался лишь вопрос о так называемых цареубийцах, т.е. о тех депутатах Конвента, кто голосовал за смерть Людовика XVI. С точки зрения политической необходимости, их тоже необходимо было простить, поскольку среди них было немало весьма влиятельных политических деятелей, которые иначе сделали бы все, чтобы не допустить реставрации королевской власти. Однако на тот момент Людовик XVIII не мог так поступить, тем более что за несколько лет до того сам же обещал «отмстить за кровь брата нашего» [\[22\]](#). В итоге «цареубийцы» стали единственным исключением из всеобщей амнистии: Есть, однако, злодеяния (которые не могут стереться из нашей памяти, как и из памяти всех людей), есть злодеяния, жестокость которых переходит границы Королевского милосердия. На том ужаснейшем во все времена заседании, на котором подданные осмелились судить Короля, все депутаты, участвовавшие в процессе, сделались сообщниками. Тем не менее нам хотелось бы верить, что те, чьи голоса имели целью отвести отцеубийственную сталь от его священной главы, стали в один ряд с его убийцами лишь из желания спасти его, и это может послужить поводом их простить. Однако вся Франция призывает обрушить меч правосудия на тех негодяев, чьи святотатственные уста осмелились потребовать смерти короля, на всех тех, кто способствовал ей, на прямых и непосредственных исполнителей казни, на участников этого кровавого судилища, подавших в его Столице сигнал к судебным расправам и показавших пример таких расправ, на тех, кто достиг апогея своих преступлений, отправив на эшафот Королеву, проявившую в тюрьме еще более величия, чем на троне, Принцессу, которую небеса сделали совершенным образцом всех

добродетелей, на всех этих чудовищ, о которых грядущее будет вспоминать, лишь содрогаясь от ужаса [23].

В июле 1795 г. на это провозглашение всеобщей амнистии (пусть даже с некоторыми исключениями) республиканцам было ответить нечем, они могли лишь высмеивать Веронскую декларацию, подчеркивая всю несбыточность мечтаний Людовика XVIII вернуть себе трон [24].

Вместо амнистии участникам Революции попробовали дать шанс на непредвзятое разбирательство. Двенадцатого фрюктидора III года (29 августа), незадолго до референдума по конституции III года Республики, в Конвенте практически незамеченным прошел декрет, предложенный П. Анри-Ларивьером от имени комитетов общественного спасения, общей безопасности и по законодательству. Представляя его, Ларивьер ограничился лишь несколькими словами: «Со всех сторон угнетенные требуют правосудия от угнетателей. Желание утешить их, отомстить за гонения, которым они подверглись, — вот те причины, которые в первую очередь заставили комитеты предложить декрет, вносимый в Конвент». Декрет этот состоял всего из трех статей и требовал, чтобы все, кто находится в заключении по распоряжению кого бы то ни было, кроме полицейских чиновников, предстали перед этими чиновниками, а те уже принимали решения, исходя из положений закона от 16 сентября 1791 г. об уголовной юстиции [25]. Это была попытка перенести все преследования в законную плоскость, отказавшись от недоказанных обвинений, однако вскоре депутаты поняли, что декрет позволяет избежать правосудия шуанам и другим врагам Республики, и сделали из него исключения для арестованных по решению комитетов общественного спасения и общей безопасности, а также комиссаров Конвента [26].

Как это ни покажется странным, разговоры об амнистии активизировались в связи с восстанием 13 вандемьера IV года Республики (5 октября 1795 г.). Оно было спровоцировано так называемыми декретами о двух третях, предписывавшими переизбрать в новый Законодательный корпус две трети депутатов Национального конвента. В стране декреты не снискали популярности, за них проголосовало в несколько раз меньше граждан, чем за конституцию III года, однако Конвент объявил их принятыми и вступившими в силу. В столице же декреты одобрила лишь одна секция из сорока восьми, и то, что Конвент это проигнорировал, вызвало повсеместное возмущение. Послышались призывы поставить на место зарвавшихся депутатов, и 11 вандемьера (3 октября) ряд секций объявили себя восставшими. В ответ Конвент провозгласил себя заседающим непрерывно и обратился с призывом о помощи к санкюлотам, попутно отменив декрет от 21 жерминаля III года Республики (10 апреля 1795 г.) о разоружении бывших «террористов». Для того чтобы привлечь людей на свою сторону, были также отменены декреты о подозрительных от 17 сентября 1793 г. и от 5 вантоза III года против государственных служащих, отстраненных от должности после 9 термидора [27]. Тем самым накал репрессий против сторонников диктатуры монтаньяров резко снижался.

В ночь с 12 на 13 вандемьера восстание перешло в активную фазу, в результате значительная часть Парижа оказалась в руках мятежников, депутатам Конвента грозила немалая опасность и лишь назначение командующим Внутренней армией (т.е. фактически командующим парижским гарнизоном) Поля Барраса и опора на разгромленных в жерминале и прериале санкюлотов спасли ситуацию.

Хотя Конвент поспешил объявить восстание роялистским [28] и аналогичная точка зрения закрепились в историографии [29], этому нет никаких доказательств [30]. Не было их и у Конвента. Соответственно, оказалось не очень понятно, как правильно поступить с задержанными мятежниками, поскольку они фактически отстаивали тот самый народный суверенитет, который Конвент провозглашал, но сам же и нарушал. Ситуация складывалась вдвойне двусмысленная, если спуститься на уровень конкретных персоналий: зачастую было непонятно, кого и как карать. Так, например, бывший командующим Внутренней армией, до Барраса, генерал Ж.-Ф. Мену, сделавший карьеру еще до Революции и избранный в свое время депутатом Генеральных штатов от дворянства, проявил в борьбе с мятежниками пассивность, которую многие считали странной и подозрительной. Не менее сомнительной была и репутация Мену: хотя он воевал в Вандее, и М. Робеспьер, и Ж.-П. Марат обвиняли его как контрреволюционера, а восстание в прериале Мену подавлял стократ более энергично. Другой пример: один из активных участников восстания граф де Воблан, признанный роялист, заочно приговоренный к смерти [31], был избран депутатом нового Законодательного корпуса от департамента Сена-и-Марна.

В этих условиях не удивительно, что среди членов тех органов, которые должны были отвечать за решение судеб мятежников или подозреваемых в участии в мятеже, царила растерянность. Многих по решению Комитета общей безопасности или его бюро отпускали на свободу. Четырнадцатого вандемьера это стало темой ряда выступлений в Национальном конвенте: одни депутаты призывали комитет не торопиться [32], другие указывали на то, что нужно продолжать идти по тому пути, на который Конвент встал перед восстанием. Оживились бывшие монтаньяры, указывавшие на то, что декретом от 12 фрюктидора смогли воспользоваться в основном роялисты: П.-А. Гарро заявил, что патриотам — в отличие от аристократов — не нужна амнистия, однако, если после 9 термидора на свободе оказалась «сотня тысяч аристократов», отчего бы теперь не простить тех, кто совершал ошибки [33]. Снова заговорили и о том, что «роялисты» или «террористы» — это лишь ярлыки и наказывать нужно лишь тех, кто совершил уголовное преступление [34].

Двадцатого вандемьера об амнистии упомянула делегация «патриотов 89-го года», допущенная к решетке Конвента. Призывая к «всепрощению», ее оратор несколько неуклюже и косноязычно напомнил, что «только милосердие имеет исключительное право на смягчение ненависти, на рубцевание ран, лишь оно отведёт всех граждан под счастливое ярмо закона» [35]. Тем не менее многим на том этапе идея амнистии казалась

чрезвычайно опасной; особенно пугало, что будут прощены враги Республики, роялисты. «Как тирания влечет за собой бунт, так полная безнаказанность влечет за собой преступление», — холодно ответил членам делегации председатель Конвента.

На следующий день от имени Комитета по законодательству слово взял Ф.-Л. Пон (*Pons*), заявивший, что «перед судами предстает огромное количество людей, обвиняемых в преступлениях, не предусмотренных Уголовным кодексом» [36]. Он попытался представить это как результат широкого заговора врагов Республики против патриотов, конец которому был положен 13 вандемьера. Пон предложил декрет, запрещающий передавать в суд дела, не связанные с «убийствами, казнями, кражами и другими преступлениями, указанными и содержащимися в уголовных законах», и предлагавший отпустить всех обвиняемых по ним на свободу. Главная роль в решении таких дел возлагалась на Комитет по законодательству.

Разгорелась жаркая двухдневная дискуссия, в ходе которой депутаты обвиняли друг друга и даже постановили запретить трибунам выражать свое одобрение или осуждение. Не всем понравилось усиление Комитета по законодательству и превращение его в аналог верховного суда, однако на следующий день Пон с документами в руках доказал коллегам, что на местах законы трактуются весьма по-разному [37] и от отсутствия такого декрета больше всего страдают люди, активно поддерживавшие диктатуру монтаньяров, а после того, как 13 вандемьера Конвент воспользовался их помощью, это уже перестало восприниматься как преступление.

На сей раз слышались другие возражения: 13 вандемьера не должно заставить забыть о 1 прериаля, поскольку «и в тот и в другой день хотели уничтожить национальное представительство и тем самым уничтожить отечество и свободу. Необходимо, чтобы зачинщики и того, и другого были наказаны», тогда как предлагаемый декрет поможет им этого избежать [38]. Депутаты опасались, что декрет сделает Республику беззащитной, поскольку никакие политические преступления, естественно, не были прописаны в Уголовном кодексе. В итоге постановление было принято с одной важной поправкой: «Данный декрет не предусматривает отступление от предыдущих законов, касающихся шуанов и других мятежников в западных департаментах и внутри страны, а также неprisягнувших священников и заговорщиков 13 вандемьера» [39].

Тридцатого вандемьера (21 октября) после доклада Барраса о происках роялистов слово взял Ж.-Л. Тальен — совсем недавно сам обвиненный в роялизме, поскольку коллегам казалась весьма подозрительной его деятельность во время миссии в Вандее [40]. Некоторые современники были уверены, что Тальен через свою жену, Терезу, поддерживал связи с испанским правительством, поскольку отцом ее был Франсиско Кабаррус — соратник Карла III, вновь переживший карьерный взлет в 1795 г., как считалось, благодаря поддержке фаворита королевы и друга Карла IV Мануэля Годоя. Биограф Годоя Э. Ла Парра полагает, что Кабаррус

установил эту связь, еще будучи в тюрьме, за что получил 6 миллионов реалов и свободу [41].

Чтобы доказать свою лояльность Республике, Тальену пришлось способствовать казни захваченных при Кибероне пленных [42], выступил он и против амнистии. Напомнив, что значительное число руководителей контрреволюционеров, выступивших против Конвента, «было гильотинировано лишь на бумаге» и скрывается в Париже или в департаментах, Тальен постарался напугать коллег апокалиптической картиной торжества роялизма. «Вскоре вы увидите, — прорицал он, — как вновь, не менее нагло, появятся те, по кому нанесли удар приговоры военных советов [43]; вы увидите их на скамьях народного представительства, в администрации и в судах, поскольку первым, что сделают их друзья, придя к власти, будет провозглашение амнистии за вандемьерские события» [44]. Таким образом, Тальен давал понять, что амнистия выгодна лишь противникам Республики и цель ее — привести к власти контрреволюционеров.

Тем не менее всего через два дня, 2 брюмера (23 октября), в Конвенте с пространным программным докладом [45] от имени Комиссии одиннадцати, занимавшейся написанием новой конституции, выступил один из ее членов Пьер-Шарль-Луи Боден. Он не принадлежал к «цареубийцам», был близок к «жирондистам», приобрел немалый авторитет в ходе дискуссии о конституции и выполнял обязанности председателя Конвента в первой половине вандемьера, в том числе и во время восстания 13 вандемьера. Именно ему было доверено уговорить коллег одобрить «декреты о двух третях». На сей же раз Боден предложил им амнистию.

Депутат постарался убедить законодателей в том, что амнистия станет достойным завершением их трудов и что только отсутствие подходящего момента удерживало их от этого шага раньше. Ее цель — «вычеркнуть из памяти воспоминания о заблуждениях и ошибках, совершенных во время революции». Многие, был уверен Боден, мечтали бы, чтобы забыли об их собственных ошибках, но оказываются не готовы закрыть глаза на ошибки других, тогда как закон должен быть един для всех. Ведь никто не безгрешен, никто не может сказать о себе, что за годы Революции он ни разу не проявил слабость, что его принципы оставались неизменными и всегда уместными. А если найдутся те, кто будет на это претендовать, достаточно предложить им вспомнить, «не они ли вторили здесь кощунственным словам Марата, когда он требовал двести тысяч голов».

Таким образом, Боден перевел аргументацию в иную плоскость, нежели это происходило в предыдущие месяцы. Если тогда ораторы делили французов на республиканцев и роялистов и боялись объявить амнистию, чтобы не оставить безнаказанными сторонников монархии, то Боден поначалу намекает на то, что и сами республиканцы далеко не едины. Впрочем, делить их на «угнетателей» и «угнетенных» — это путь лишь к вечному стремлению к мести. «Истинное положение всех французов» другое:

Нет ни одного человека, который смог бы избавить себя от участия в революции; все должны были с самого начала ее чувствовать себя на одном корабле и стать по необходимости матросами, солдатами или, по крайней мере, пассажирами, а следовательно, все должны были ради общего блага помогать лавировать в буре, все погибли бы, если бы каждый не использовал против ветров и рифов всю свою силу и всю отвагу, поскольку отныне было невозможно ни вернуться в исходную точку, ни войти в какой бы то ни было иной порт, кроме порта свободы [46]. Не осознавая этого, вместо того чтобы работать сообща, одни французы оставались равнодушными и безучастными, когда преследовали не их, другие же пытались остановить ход Революции. Таким образом, хотя на протяжении всей речи Боден подчеркивал, что самый упорный и самый опасный враг — это сторонники монархии, в данном случае роялисты фактически ставились на одну доску с теми депутатами Конвента, кто не пытался, как, впрочем, и сам Боден, остановить Робеспьера и его соратников.

Доклад показал, что Боден внимательно слушал своих коллег в предыдущие месяцы. Казалось, он в своей речи отвечает на все аргументы против амнистии, которые были высказаны. Останутся безнаказанными участники восстаний в вандемьере и прериале? Но ведь, убеждает коллег Боден, даже в трех восстаниях, оказавшихся наиболее опасными для национального представительства — 31 мая, 1 прериала и 13 вандемьера, среди участников было немало «заблуждавшихся патриотов, думавших послужить своей родине» и поддерживавших Революцию с первых дней. Смогут избежать ответственности главари? Словно забыв, что он начал свою речь с заверения в том, что «мы не требуем у вас безнаказанности для грабежей и убийств», Боден призывает распространить амнистию и на тех, кто вел народ за собой и вводил патриотов в заблуждение. И тому он видит несколько резонов. Первый моральный — «Следует ли покрыть республику тюрьмами и эшафотами, чтобы смягчить боль от стольких эшафотов и тюрем?», «Будут ли беды стольких семей, пребывающих сегодня в отчаянии, компенсированы другими бедами, и не потребуют ли в свой черёд другие семьи, в которые придет горе, крови и жертв?» Второй практический — можно ли ныне найти в Республике беспристрастный суд? Не получится ли, что одного и того же человека в одном суде оправдают, а в другом осудят?

Речь Бодена построена чрезвычайно искусно. Он предлагает амнистию словно нехотя, будто анализируя иные возможности и не находя другого выхода, выбирая меньшее из зол. Он осыпает роялистов проклятиями, но при этом остается реалистом. Враги и палачи никуда не делись, они не заслуживают прощения, однако это ничего не значит, ведь положить конец бедствиям можно, лишь поставив точку в репрессиях: Если вы ныне не можете заставить себя относиться к вашим согражданам как к братьям, прекратите, по крайней мере, поступать с ними как с врагами; если для вас невозможно возлюбить их, не согласитесь ли вы перестать их ненавидеть? И когда наконец ненависть перестанет быть для

вас необходимой, можно ведь надеяться на отказ от любых планов мести? Если вы не достойны того, чтобы положить камень в основание алтаря согласия, позвольте, по меньшей мере, его возводить другим, заставьте себя хотя бы не мешать тем, кто, дабы его возвести, настроен не щадить своих сил и, если потребуется, скрепить его своей кровью [47].

Разумеется, успокаивал коллег Боден, речь не идет о том, чтобы простить деяния, не связанные с Революцией. Это уже стало точкой консенсуса, и Боден умело на этом играет, создавая ощущение, что не предлагает ничего нового: ведь Конвент уже принимал 22 вандемьера декрет, освобождающий от ответственности за все преступления, кроме уголовных. Об этом практически уже договорились, нужно лишь торжественно объявить амнистию:

Вы хотели прийти на помощь угнетенным патриотам, которые не могут иметь среди вас ни единого противника, и в то же время вы отдали в руки обычных судов негодяев, у которых здесь не найдется защитников. Но вы не должны на этом останавливаться [...]: благодеяния закона должны ныне распространиться на все партии, чтобы уничтожить их более эффективно — путем забвения ошибок, а не преследованиями, которые увековечивают как религиозные секты, так и политические.

И мы осмелимся вам сказать, представители народа, что именно из этих стен должен исходить призыв к миру и что бессмысленно прививать драгоценные ростки сердцам французов, если вы сами не подадите им целительный пример [48].

Презрение, убеждал коллег Боден, подействует на роялистов куда лучше репрессий. Теперь, когда роялизм разбит 13 вандемьера, можно пойти даже дальше и отменить саму смертную казнь — пережиток варварства. В поисках аргументов Боден ссылался на труды философов и пример других стран, призывал оценить весь символизм этого поступка: Национальный конвент начал работу с отмены королевской власти и закончит ее отменой смертной казни. И даже угрожал другим депутатам, напоминая, что «сохранить эшафоты пусть даже для одного преступления — это риск, что их начнут вскоре использовать и для других преступлений» [49]. В память об отмене смертной казни Боден также предложил в ходе торжественной церемонии переименовать площадь Революции (на которой казнили Людовика XVI, Марию-Антуанетту, Дантона, Робеспьера и многих других) в площадь Согласия — так она называется и по сей день.

Всё это были лишь средства, тогда как на протяжении всего доклада Боден не позволял своим слушателям ни на минуту забыть о цели. В завершение речи он предложил коллегам «торжественно заявить, что без амнистии они не считают революцию законченной» [50].

Проект декрета, который зачитал Боден, был составлен весьма осторожно. В нем аннулировались любые обвинительные заключения, связанные с революционными событиями. Исключение делалось лишь для тех, кто будет мешать ввести в действие конституцию III года Республики, для участников восстания 13 вандемьера, для неприсягнувших священников. Смертная казнь сохранялась лишь для эмигрантов [51].

Впоследствии Боден признавал, что те принципы, которыми руководствовались и он, и его коллеги, предлагая амнистию, требовали не делать из нее исключения для участников восстания 13 вандемьера. Однако они понимали, что в данный момент не предложить этого было невозможно [52].

Представляется, что он не кривил душой. Сразу же после доклада Бодена, дискуссию по которому решено было отложить, выступил Тальен от имени Комиссии пяти, занимавшейся последствиями восстания 13 вандемьера. И сам тон его доклада, и декрет, который он предложил [53], были далеки от стремления простить своих врагов: он предусматривал лишение права занимать общественные должности как самим эмигрантам, так и их родителям [54] и напоминал о необходимости срочно исполнить законы, касающиеся неприсягнувших священников. Впрочем, он разрешал тем, кто не хотел оставаться в Республике, покинуть ее — с последующим включением в списки эмигрантов.

Оба декрета были двумя сторонами одной медали. Двадцатого вандемьера состоялись выборы, к началу брюмера Конвент уже должен был представлять себе весь расклад политических сил. Как показывает анализ Ж.-Р. Сюратто, из 234 депутатов, избранных свободно (т.е. не подпадавших под «декреты о двух третях»), в Законодательный корпус прошло 49 «контрреволюционеров» и 68 «умеренных роялистов», тогда как республиканцев — всего 56 [55]. Пошли разговоры о том, что выборы и вовсе стоит кассировать, а вступление новой конституции в силу — отсрочить. В этой ситуации верные и уместные, по сути, политические проекты неминуемо сталкивались с реальностью, и реальность эта депутатов Конвента пугала.

Четвертого брюмера обсуждение декрета об амнистии началось в то время, когда Конвент должен был уже завершить свою работу. «Который час?» — спросил один из депутатов, на что со скамей, где сидели левые, послышались голоса: «Час правосудия» [56]. Согласно историческому анекдоту, после этого председатель Конвента даже остановил часы, чтобы не нарушать заранее установленного регламента [57].

Несмотря на это, декрет не прошел без обсуждения, и споры вновь оказались столь ожесточенными, что Боден даже вынужден был призвать депутатов к порядку: «Граждане коллеги, я представил вам декрет о замирении, постарайтесь же вести себя мирно» [58]. Поляризация Конвента была видна как никогда: у одних вызывало возмущение то, что упомянуто 13 вандемьера, но не упомянуты участники восстания в жерминале и прериале, другие постоянно твердили, что амнистия и отмена смертной казни выгодны лишь роялистам. Первым отвечали, что зачинщики весенних мятежей уже наказаны, а остальных их участников можно назвать лишь заблуждающимися; вторым — что роялистов смертная казнь никогда ни от чего не удерживала и многие погибли храбро.

В финальном варианте декрет претерпел принципиальные изменения. Смертная казнь отменялась — но лишь с момента провозглашения

всеобщего мира [59]. Фактически же она так и не была отменена, что позднее позволило Наполеону включить ее в законодательство Империи. В число исключенных из амнистии добавлялись также изготовители фальшивых ассигнатов и фальшивомонетки [60]. Как иронично заметил Б. Бачко, «речь об амнистии была более щедрой, нежели сама амнистия» [61].

Декрет стал последним в долгой истории работы Национального конвента. После его принятия председатель торжественно объявил, что «единство, дружба, согласие между всеми французами — вот способ спасти Республику», тогда как Конвент выполнил свою задачу и его заседания окончены [62].

Таким образом, в отличие от ряда декретов об амнистии тем или иным категориям населения, принимавшихся ситуативно и не преследовавших далеко идущих целей (за исключением разве что декрета об амнистии вандейцам и шуанам, который должен был замирить мятежные департаменты), трижды в ходе Французской революции амнистия мыслилась как акт примирения, забвения всех распри и в конечном счете завершения Революции.

В 1791 г. депутаты Учредительного собрания пошли на нее легко, амнистия была всеобщей, однако ни она, ни конституция, по случаю принятия которой была провозглашена амнистия, Революцию не остановили. Амнистия Людовика XVIII, провозглашенная им в 1795 г., всеобщей уже не была, но исключения из нее предполагались минимальные — к тому же впоследствии король не раз говорил, что, при соблюдении определенных условий, он готов простить и «цареубийц». Впрочем, должного эффекта Веронская декларация не произвела, амнистия так и осталась на бумаге. В этом плане для нас важно лишь, что, как и депутаты Учредительного собрания, Людовик XVIII не мыслил благополучного завершения Революции без такой, пусть и символической попытки подвести под нее черту.

Амнистия же, провозглашенная республиканцами, оказалась значительно более ограниченной, нежели роялистская. Она и не мыслилась как всеобщая — более того, депутаты подчеркивали, что ее можно одобрить именно потому, что она таковой не является [63]. В этом заключался немалый парадокс: депутаты устанавливали мир и согласие на символическом уровне, тогда как в практическом плане исключения для неприягнувших священников и эмигрантов лишали амнистию ее главного смысла — послужить средством национального примирения. Как в свое время в Англии была введена веротерпимость лишь для исповедующих протестантский культ, так и революционеры готовы были простить лишь тех, кто исповедует культ республиканский.

Такая амнистия не могла объединить нацию — и не сделала этого. Конституция III года Республики, которая писалась на десятилетия, просуществовала лишь пять лет, а созданный ею режим постоянно подвергался нападкам и слева, и справа. И в итоге рухнул, уступив место Консульству.

-
- [1] См., например: *Mellet P.-A., Foa J.* Une "politique de l'oubliance"? Mémoire et oubli pendant les guerres de Religion (1550–1600) // *Astérion*. No. 15. 2016. <<http://journals.openedition.org/asterion/2829>> (дата обращения 25.09.2019).
- [2] См., например: *Edict du Roy portant amnistie générale de tout ce qui s'est fait à l'occasion des mouvemens passez, jusques à présent. Vérifiée en Parlement, toutes les chambres assemblées, au chasteau du Louvre, publié, le Roy y séant, le 22 octobre 1652.* P., 1652.
- [3] Réimpression de l'Ancien Moniteur. P., 1842. Vol. 9. P. 655 (далее — Moniteur).
- [4] Ibid.
- [5] Ibid. P. 662.
- [6] Ibid. P. 796.
- [7] *Archives parlementaires. lère série.* P., 1900. T. LVIII. P. 450. Col. I.
- [8] *Lanthenas F.* Motifs de faire du 10 août un jubilé fraternel, une époque solennelle de réconciliation générale entre tous les républicains, en consacrant une déclaration des devoirs de l'homme, des principes & maximes de la morale universelle. P., 1793.
- [9] *Archives parlementaires.* T. LXXII. P. 4624. Col. II — 3. 625. Col. I.
- [10] Подробнее см.: *Бачко Б.* Как выйти из Террора? Термидор и революция. М., 2006.
- [11] *Moniteur.* P., 1862. Vol. 22. P. 649.
- [12] Ibid. Vol. 23. P. 253.
- [13] Ibid. Vol. 22. P. 700.
- [14] Ibid. Vol. 23. P. 253.
- [15] *Ozouf M.* Thermidor ou le travail de l'oubli // *Ozouf M.* L'Ecole de la France. Essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement. P., 1984. P. 96–102.
- [16] *Thibaudeau A.-C.* Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. Vol. 1: Convention. P. 142.
- [17] *Louis XVIII.* Déclaration de Louis XVIII, Roi de France et de Navarre à ses sujets. S.l., s.d. P. 5–6 (BNF. 4-LB41-1907).
- [18] Ibid. P. 6.
- [19] Ibid. P. 7.
- [20] См., например: *Daudet E.* Histoire de l'émigration pendant la Révolution française. P., 1905. Vol. I. P. 285; *Bonno G.* La Constitution britannique devant l'opinion française de Montesquieu à Bonaparte. P., 1932. P. 217.
- [21] См., например: Paris. Archives du ministère des Affaires étrangères. Mémoires et documents France. 588. F. 233, 234v.
- [22] Цит. по: *Recueil des Constitutions politiques de la France.* P., 1848. P. 82.
- [23] *Louis XVIII.* Op. cit. P. 7.
- [24] См., например: *Moniteur.* P., 1842. Vol. 25. P. 641–642.
- [25] Ibid. P. 615.
- [26] Ibid. P. 783–784.
- [27] *Moniteur.* Vol. 26. P. 117.

- [28] Ibid. P. 133–134.
- [29] *Biard M., Bourdin Ph., Marzagalli S.* Révolution, Consulat, Empire. 1789–1815. P., 2009. P. 145; *Ducoudray E.* Vendémiaire (Journée du 13) // Dictionnaire historique de la Révolution française / dir. A. Soboul. P., 1989. P. 1077; *Soboul A.* La Révolution française. P., 1983. P. 437–438; *Ревуненков В.Г.* История Французской революции. СПб., 2003. С. 489–490.
- [30] Подробнее см.: *Бовыкин Д.Ю.* Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М., 2016. (Гл. 10: 13 вандемьера: кому выгодно?).
- [31] Archives Nationales. W 557. Doss. 2. Pièces du Procès des nommés Vaublanc le Penigny absents condamnés à mort.
- [32] Moniteur. Vol. 26. P. 138.
- [33] Ibid. P. 139.
- [34] Ibid. P. 140.
- [35] Moniteur. Vol. 26. P. 191.
- [36] Ibid. P. 197.
- [37] Ibid. P. 206.
- [38] Ibid.
- [39] Ibid. P. 212.
- [40] Révélation puisées dans les cartons des Comités de salut public et de sureté générale, ou Mémoires (inédits) de Sénart. 2ème éd. P., 1824. P. 273ss.
- [41] *La Parra E.* Manuel Godoy. La aventura del poder. Barcelona, 2005. P. 119.
- [42] Подробнее см.: *Зайцева Д.В.* Участие Ж.-Л. Тальена в разгроме Киберонской экспедиции роялистов // Французский ежегодник — 2019. М., 2019. С. 42–52.
- [43] Тальен говорил о приговорах, в том числе и смертных, вынесенных участникам восстания 13 вандемьера чрезвычайными судебными органами.
- [44] Moniteur. Vol. 26. P. 283.
- [45] Rapport fait à la Convention nationale, et projet de décret, présenté dans la séance du 2 brumaire, an 4, au nom de la Commission des onze par P.C.L. Baudin, député par le département des Ardennes, sur l'abolition de la peine de mort et l'amnistie pour les faits relatifs à la révolution. Paris, brumaire an IV.
- [46] Ibid. P. 4.
- [47] Rapport fait à la Convention nationale. P. 10.
- [48] Ibid. P. 13–14.
- [49] Ibid. P. 16.
- [50] Ibid. P. 18.
- [51] Ibid. P. 19–22.
- [52] Déclaration de P.-C.-L. Baudin (des Ardennes), député au Corps législatif et membre du Conseil des Anciens, sur les motifs d'après lesquels a été proposée, et les circonstances dans lesquelles a été décrétée par la Convention nationale la loi d'amnistie du 4 brumaire de l'an IV, dont il a été le rapporteur. P., s.d. P. 6.
- [53] Moniteur. Vol. 26. P. 308–312.
- [54] Боден отмечал, что в какой-то мере это напоминало ордонанс 1667 г., где родство являлось поводом для отвода судей: Déclaration de P.-C.-L.

Baudin (des Ardennes). P. 7. Из всех членов Конвента против этой меры выступил лишь один член Комиссии одиннадцати, А.К. Тибодо, который посчитал ее неконституционной, поскольку она влияла, в частности, на решения ассамблеи выборщиков: *Moniteur*. Vol. 26. P. 316.

[55] *Suratteau J.-R.* Les élections de l'an IV // *Annales historiques de la Révolution française*. 1952. No. 1. P. 47. Политические взгляды еще 52 депутатов Сюратто определить затруднился, а 84, как он полагает, не занимали на момент выборов четкой политической позиции.

[56] *Moniteur*. Vol. 26. P. 346.

[57] *Baczko B.* Briser la guillotine. Une amnistie thermidorienne // *Crime, Histoire & Sociétés / Crime, History & Societies* [En ligne]. Vol. 8. No. 2 | 2004, mis en ligne le 26 février 2009, consulté le 07 octobre 2019.

<<http://journals.openedition.org/chs/458>>; DOI:10.4000/chs.458.

[58] *Moniteur*. Vol. 26. P. 347.

[59] Когда он был наконец провозглашен в 1802 г., никто об этом законе не вспомнил: *Baczko B.* Op. cit.

[60] *Rapport fait à la Convention nationale*. P. 22–24.

[61] *Baczko B.* Op. cit.

[62] *Moniteur*. Vol. 26. P. 349.

[63] См., например, выступление М.-Ж. Шенье 4 брюмера: *Ibid.* P. 348.

Ирина Варьяш **Рай отменяется?**

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_376-386

Изрядно секуляризированного европейца ждали теперь царства божии на земле — ему обещали создание человеческих сообществ, вполне земных, но чуть-чуть божественных...

М.А. Бойцов

В поисках истины и, вероятно, повинуюсь глубинному социальному запросу, а также общечеловеческой природе, не претерпевшей существенных изменений со времен прародителей, ученые-историки с завидной регулярностью вполне осознанно отказываются от садов Эдема, предсказуемо обретая взамен неравенство, несвободу и тяжкий труд. В этом легко убедиться, взглянув на состояние современной испанистики.

Ключевой темой испанской средневековой истории, которой интересуются и медиевисты-западники, и византинисты, и востоковеды, и слависты, является тема «андалусского рая» (*Andalusian Paradise*). Именно такой звучной метафорой, практически превратившейся в результате частого использования в концепт, некоторое время тому назад стало принято обозначать феномен сосуществования представителей трех

авраамических религий — христиан, мусульман и иудеев — на Пиренейском полуострове в Средние века.

Любопытно, что этот концепт с характерной внешней сверхположительной семантикой был изобретен для того, чтобы обозначить нечто, чего никогда не было, по мнению его творцов, с целью низвергнуть саму идею исторической возможности подобного сосуществования. «Андалусский рай» был призван к жизни в научном дискурсе ради ниспровержения концепции *convivencia*.

Поначалу андалусским раем обозначали социокультурную ситуацию, сложившуюся в Аль-Андалусе, т.е. созданную исламским миром на Западе. После знаменитого спора А. Кастро и К. Санчеса-Альборноса о становлении испанской нации, в котором центральную роль играл вопрос о значении в этом процессе становления исламского компонента и использовался термин *convivencia* [1], практически любую книгу о мусульманах, христианах и иудеях средневековой Испании рассматривали с точки зрения того, существовала ли, по мнению ее автора, терпимость между конфессиями или же ее не было. Поскольку постепенно концепция *convivencia*, использованная А. Кастро, стала распространяться на все земли и периоды истории средневековой Испании, где проживало смешанное мусульманское, иудейское и христианское население, то и андалусский рай закономерно расширил свои пределы [2].

Созданные в 1970–1990-х годах прошлого столетия работы Т.Ф. Глика [3], Р.И. Бернса [4] и М. Мейерсона [5], посвященные взаимодействию исламской и христианской культур на Пиренейском полуострове в Средние века, сместили исследовательское внимание в сторону проблем «аккультурации», «ассимиляции» и «социоэволюционного обмена», поставили тему взаимоотношений иноверческого населения с христианской властью, но не изменили общего вектора развития историографии. Затем в 1996 г. вышла знаменитая книга Д. Ниренберга «Сообщества насилия: преследования меньшинств в Средние века», и исследовательское поле усложнилось [6]. Объектом внимания американского историка были именно формы насилия, проявлявшегося христианами по отношению к иудеям и мусульманам в городах южной Франции и Короны Арагона. Эти формы насилия понимались автором в широком антропологическом контексте — наравне с насилием по отношению к другим меньшинствам, в качестве каковых он рассматривал и проституток, и прокаженных, — и объяснялись фискальными интересами христианской власти. Д. Ниренберг всегда был аккуратен и тонок в оценках, но его книги часто прочитываются господами историками прямолинейно, поскольку в самом приведенном историческом материале читатели видят доказательство того, что отношения между конфессиями были конфликтными, приводили к насилию [7]. В результате совершенный Д. Ниренбергом поворот, предполагавший изучение истории меньшинств в социально сложном и многоуровневом пространстве с учетом и благочестивых настроений христианского общества, и проповедей, и финансовых appetitов христианских властей, будь то

городских советов или короны и ее официалов, остался методологически недооцененным.

На фоне разработок историков (Ниренберг, Бернс, Глик, Гишар и многие другие), заинтересованных в изучении социоантропологических событий и процессов, работа филолога-арабиста М.Р. Менокаль «Украшение мира: как мусульмане, иудеи и христиане создали культуру терпимости в средневековой Испании», изданная в 2002 г. [8], выглядит почти «винтажно», поскольку возвращает читателя к стилю и идеям В. Ирвинга с его «Сказками Альгамбры» [9]. Автор написала научно-популярную книгу о литературе и культуре, представив *case studies* трудов писателей и интеллектуалов средневековой Испании, которые говорили на разных языках и исповедовали разные религии, но жили вместе и создали общую книжную культуру и знание. Определяя ее, М.Р. Менокаль использовала термин «культура терпимости» (*culture of tolerance*).

Как ни удивительно, публикация этой книги вызвала к жизни целую серию сугубо профессиональных работ историографического характера, в которых критически обсуждался концепт андалусского рае, *convivencia* и толерантность вместе с ними [10]. Например, А. Новикофф, рассуждая об андалусском рае, предлагал осторожнее использовать концепт религиозной толерантности, который оказался много сложнее и многозначнее, по его мнению, чем можно было предполагать, призывал различать «культуру терпимости» и «общество терпимости». М. Сойфер Айриш, со своей стороны, даже писала о том, что пользоваться термином «терпимость» как исследовательским инструментом весьма затруднительно, более того, его применение уже привело к искажениям исследовательской оптики, что выразилось в возникновении напряженной оппозиции «терпимость — преследование» и породило невнимательное отношение к социальным и политическим аспектам истории мусульмано-иудео-христианского сосуществования. М.Х. Рубьера-Мата и М. де Эпальса указывали на необычность для средневековой европейской истории андалусской исламской модели терпимости, при всей ее ограниченности тем не менее ставшей образцом для социально-политического строительства средневековых христианских королевств на Пиренейском полуострове, но отмечали, что сегодня использование такого рода парадигмы было бы невозможно [11]. А. Акасой подчеркивала, что концепт мирного сосуществования представителей разных религий в Аль-Андалусе каждый раз используется историками не столько для познания прошлого, сколько для обслуживания чаяний настоящего [12].

При таком состоянии умов испанистов-медиевистов еще более странно выглядело появление монографии Д. Фернадеса-Мореры «Миф об андалусском рае» [13], на поверку оказавшейся довольно поверхностным произведением политически ангажированного автора, которого заботили не столько тонкости и глубины научного поиска, сколько потребность дать широкой публике антиутопию, сконструировать, описывая Аль-Андалус IX–XI вв., образ, противоположный райскому, возвращая, по сути, латино-христианские идеи чуть ли не XVI в. Возможно, построения Д. Фернадеса-

Мореры, как и идеи, появившиеся полтысячелетия тому назад, были порождены чувством самозащиты европейской культуры. Однако сегодняшнему читателю не так очевидно, почему наследникам латинской цивилизации столь важно искоренить иллюзию толерантности в исторической памяти поколений XXI в. Книга вызвала резко негативную реакцию со стороны специалистов [14], а сам автор, пожалуй, и не заметил, что борьба с культурным и социальным обаянием средневекового ислама предсказуемо привела к потере важнейшей культурной ценности западной цивилизации — терпимости.

В целом рубеж тысячелетий принес споры о самом термине «терпимость», его наполнении и возможности применять к средневековому материалу. Теперь уже дискуссии разворачивались не вокруг специфичности национальной истории испанцев, как то было в середине XX в., а вокруг самого концепта толерантности как общеевропейского феномена. В центре внимания оказались и отношения власти с иноверцами. С одной стороны, такая постановка вопроса диктовалась состоянием наличной источниковой базы, большую долю которой представляет документация разных властных институций. С другой стороны, проблема толерантности политической власти, будучи обсужденной в связи с феноменом иноверчества, приобретала особенно резкий фокус.

Иберийский опыт наконец был вписан в более широкий контекст истории Европы и Средиземноморья [15], а средневековая Испания отныне стала считаться уникальной исследовательской площадкой для проверки разного рода теорий о европейских парадигмах межконфессиональных отношений и социального взаимодействия [16].

Однако именно теперь тема толерантности теряет свою безусловную привлекательность: ее все меньше обсуждают на международных конференциях, она исчезает из списков академических исследовательских проектов, поддержанных ведущими международными фондами. И это в то самое время, когда спустя тысячелетие после распада Кордовского халифата и более пятисот лет после падения последнего оплота мусульман на Пиренейском полуострове — Гранадского эмирата — европейское массовое сознание наконец готово воспринимать испано-исламское наследие как собственное [17]. В массовой культуре, по справедливому наблюдению Д.К. Филиос, Аль-Андалус ностальгически представляется как рай — место безмятежного сосуществования и терпимости; в художественной литературе и кинематографе мусульмане, иудеи и христиане предстают живущими рядом друг с другом в гармонии и процветании [18]. Напротив, историческая академическая наука практически теряет интерес к данному сюжету — и вовсе не от того, что ее просветительская миссия успешно выполнена.

Кажется, XXI в. открывает, что терпимость, о которой мечталось, невозможна, следовательно, ее никогда и не было... И наоборот: в социальной памяти европейской культуры нет устойчивых отсылок к опыту терпимости, так что ее невозможность закономерна... Наука и

массовая культура вновь стоят в оппозиции. Совсем недавно массовая культура воображала средневековую Испанию в образах костров инквизиции, священной войны, мучеников и т.д., а гуманитарная наука писала о *convivencia*. Сейчас все наоборот: массовая культура, во всяком случае тех стран, которым не безразлично европейское прошлое, мыслит образами религиозной толерантности, разрушенной религиозной нетерпимостью, в то время как историки вскрывают несостоятельность концепта андалусского рая.

В интерпретации испанистов — историков, филологов, историков науки и искусства, археологов — рай создается религиозной терпимостью, которая ведет к миру, процветанию, социальной гармонии и обеспечивает взаимодействие трех разных традиций в области книжной культуры, знаний и искусства, тем самым сообщая цивилизации более высокий уровень и большую успешность. Такой взгляд на толерантность как на условие социокультурной эволюции человечества был сформулирован в XX в. и может рассматриваться в качестве маркера и неоспоримого достижения европейской культуры ушедшего столетия.

Резкое снижение интереса к теме толерантности имеет несколько причин. Дело не только в том, что с 1948 г., когда понятие *convivencia* впервые приобрело концептуальное звучание в труде А. Кастро, по настоящее время сменилось три поколения исследователей — тех, кто открывал райские сады, возделывал их, и тех, кто присвоил им новое имя, чтобы вместе с ним низвергнуть, деконструировать. Исследовательский процесс в этой области знания, в общем-то, никогда не был однолинейным. Кроме того, довольно рано, уже в 1970-е годы, стали возникать серьезные сомнения в существовании *convivencia*. Собственно говоря, это произошло сразу же, как только исследовательское внимание было перенесено с истории культуры на социальную историю, которая черпает информацию из весьма специфических источников, по природе своей чаще других отражающих конфликт, спор, тяжбу, ссору, нестроение, социальное напряжение.

К 1990-м годам стало отчетливо заметно, что на пиренейском материале с религиозной терпимостью в узком смысле слова и в современном европейском понимании термина как-то не складывается: феодальные войны, джихад и крестоносная идея, кордовские мученики, пострадавшие за веру в IX столетии, и мусульмане, сожженные на кострах за связь с христианками в XIV в., предписания иноверцам носить отличительный знак и жить отдельно, ущемление в правах и приниженный статус иноверцев — все это никак не вписывалось в европейское понимание толерантности. В то же время впечатляющий объем арабских, еврейских, латинских текстов, архитектурных памятников и произведений искусства отчетливо свидетельствовали о взаимодействии традиций, и с этим следовало что-то делать. Поиск ответа на вопрос, откуда взялась культура с такими возможностями и таким горизонтом, привел к углублению и разнообразию исследовательских подходов.

За последние 20–30 лет сюжеты мусульмано-христиано-иудейской истории изучались под самым разным углом зрения. То они оказывались частью проблематики Другого (Чужого, Иного), то рассматривались как история меньшинств; попадали в поле зрения конфликтологии или, наоборот, разработчиков коммуникативной теории; становились частью потестарных исследований; появлялись в штудиях, развивавших концепт пограничья или религиозной встречи; возникали в трудах по идентичности и мультикультурализму, мультиконфессиональному обществу и мультилингвизму — этот ряд можно продолжать.

Результатом означенного сложного обсуждения отношений между тремя религиями на Пиренейском полуострове стала постепенно сложившаяся историографическая привычка говорить и писать о взаимодействии культур, о взаимодействии представителей разных конфессий, о взаимодействии идей, знаний и текстов. Понятие «взаимодействие» (*Interaction*) является сегодня ключевым словом, при помощи которого описывается бывший «рай», будь то взаимодействие в рамках «Диалога», в том числе между властью и подданными, или в процессе выстраивания «Идентичности», испытывавшей на себе воздействие как традиции, так и политической власти, или внутри «социокультурных структур» города, административной элиты, интеллектуалов.

Здесь принципиально важно заметить произошедшее смещение научного интереса и вместе с ним — «перемещение» исследовательских подходов. По сути дела, при помощи социальных категорий и инструментов делается попытка исследовать внутреннюю логику развития культуры.

Не случайно в современной науке, изучающей испанские религиозные реалии, внимание уделяется двум обстоятельствам. Во-первых, такая история и любая связанная с ней проблематика должны рассматриваться в общемировом контексте, т.е. в приложении к Средневековью — в единстве как минимум с европейскими, византийскими и ближневосточными соответствующими сюжетами, поскольку испанский опыт должен быть понят как элемент более крупной структуры [19]. Во-вторых, обсуждение конфессиональной проблематики имеет в виду разработку широкой темы социального и культурного обмена (*Exchange*) между разными конфессиональными сообществами и традициями [20]. Речь идет об интересе к феномену взаимодействия такого типа, который ведет к появлению нового внутри каждой из культур или принципиально нового для всех культур-участниц; об интересе к феномену взаимоотношений такого рода, при котором взаимодействие было бы возможно; о поиске реализованных форм взаимодействия и тех социальных, культурных и даже хозяйственных явлений, в которых межконфессиональное взаимодействие (*Interfaith Relations, Interfaith Exchange*) сказывалось в жизни.

В конечном итоге сегодняшних историков больше привлекает взаимодействие, которое преодолевало конфессиональные преграды, чтобы найти в ином новое, но органичное себе. Процессы культурного

обмена притом могли, по мнению ученых, реализовываться по-разному: путем апроприации чужого опыта, аккомодации, аккультурации, симбиоза, *convivencia*, «перекрестного опыления» и т.д. [21] Таким образом, исследовательский фокус вовсе сместился из области истории религий в сферу взаимодействия, которое определялось культурой и реализовалось ради ее развития. Судя по всему, было обнаружено, что религиозный фактор в этом контексте вовсе не являлся принципиально важным и детерминирующим. Вследствие этого произошел концептуальный возврат к культуре, с которой, собственно, как мы помним, и начался интерес к сюжетам *convivencia*, но которую сегодня интересно обсуждать уже не только в формате поэзии и литературы, но и науки, знаний, идей, сакральных практик, права, обычаев, праздников, диетологии и т.п. и посредством не одних лишь текстов, но и искусства, архитектуры, керамики, археологических находок.

Нетрудно заметить, что за всем этим многообразием тем, подходов и сюжетов померкла проблематика толерантности, во всяком случае как эксплицитная активная часть научного дискурса. Райские сады религиозной терпимости остались за горизонтом актуальной европейской науки [22].

Это наблюдение вызывает сожаление, поскольку дальше критики возможностей применения термина «терпимость» и споров о его наполнении дело не продвинулось. Осталось не сформулированным ясно понимание относительности этого исторического феномена. Как следствие, не были проблематизированы и отработаны на конкретном материале проявления особенной, свойственной именно средневековым людям религиозной толерантности. Европейская культура, не обнаружив в своем прошлом понятную и близкую ей сегодняшней конфессиональную терпимость, перенесла поиски объяснительных интерпретаций в область множественно-составной природы средневековой культуры (*Multiculturalism*) и взаимодействия ее компонентов, что лишило каких бы то ни было оснований дальнейшие поиски «толерантности».

Со времени окончания Второй мировой войны, которое вызвало к жизни концепт *convivencia*, минуло 70 лет, и сегодня на академическом пространстве гораздо перспективнее и современнее выглядит обширная и разнообразная тема «принуждения» (*Coercion, Compulsion*), вытеснившая более агрессивные и прямолинейные «насилие» и «преследования» (*Violence, Persecution*) [23], зеркально отражавшие «терпимость». «Принуждение» появляется в проектах исследовательских институтов и групп, на международных конференциях и в книгах, под эту проблематику крупнейшие фонды готовы выделять немалые средства. По сути дела, речь идет о стремлении гуманитариев вскрыть формы не-свободы в любой ее модальности: открытой и скрытой эксплуатации, психологической, экономической, гендерной зависимости, в рабстве и положении военнопленных, заключенных, в домашнем принуждении и императивах культуры.

Такое состояние науки симптоматично и указывает на то, что человечество не испытывает сегодня нужды в гармонии и взаимопонимании, а ищет свободы. Ограниченность нашего мира, однако, с предсказуемой неизбежностью превращает поиск свободы в изучение форм не-свободы. Впрочем, существует небольшая доля вероятности, что в исторической перспективе спустя несколько поколений на новом уровне осмысления свобода и терпимость концептуально войдут в соприкосновение. А пока установка европейской культуры радикально меняется — концепт толерантности как общего горизонта замещается концептом принуждения как свойства всякого социального. Не в этом ли горечь плодов древа познания добра и зла...

[1] *Castro A.* España en su historia: cristianos, moros y judíos. Madrid, 1948; *Sánchez-Albornoz C.* El islam de España y el Occidente. Madrid, 1974. Эта дискуссия по праву считается в современной медиевистике начальной точкой возникновения проблематики межконфессионального обмена и взаимного влияния в Средние века, так что ее имеют в виду не только испанисты, занимающиеся историей иудео-христианских или христиано-мусульманских отношений. См., например, исследование по истории Византии: *Islam and Christianity in Medieval Anatolia / A.C.S. Peacock, B. De Nicola, S. Nur Yildiz (eds).* Burlington, 2015.

[2] *Pearce S.J.* The Myth of the Myth of the Andalusian Paradise // *The Extreme Right and the Revision of History / L. Valencia-García (ed.).* N.Y., 2020. P. 3.

[3] *Glick T.F.* Islamic and Christian Spain in the Early Middle Ages. Comparative Perspective on Social and Cultural Formation. Princeton, 1979.

[4] *Burns R.I.* Muslims, Christians and Jews in the Crusader Kingdom of Valencia: Societies in Symbiosis. Cambridge, 1984.

[5] *Meyerson M.* Els musulmans de Valencia en l'Época de Fernan i Isabel. Valencia, 1994; *Meyerson M., Edward D.* Christians, Muslims, and Jews in Medieval and Early Modern Spain: Interaction and Cultural Change. Notre Dame, 1999.

[6] *Nirenberg D.* Communities of Violence: Persecution of Minorities in the Middle Ages. Princeton, 1999. Испанский перевод: *Nirenberg D.* Comunidades de violencia. La persecución de las minorías de la Edad Media. Barcelona, 2001.

[7] *Novikoff A.* Between Tolerance and Intolerance in Medieval Spain: An Historiographic Enigma // *Medieval Encounters.* 2005. Vol. 11 (1–2). P. 7–36.

Разработка этой темы была продолжена автором; см., например: *Nirenberg D.* Neighboring Faiths. Christianity, Islam and Judaism in the Middle Ages and Today. Chicago, 2015. Собранный Д. Ниренбергом материал оказал влияние и на общетеоретические разработки в области истории толерантности. См., например: *Catlos B.A.* The Victors and the Vanquished: Christians and Muslims of the Ebro Valley, XI–XIII centuries. Cambridge, 2004.

[8] *Menocal M.R.* The Ornament of the World: How Muslims, Jews and Christians created a Culture of Tolerance in Medieval Spain. Boston, 2002.

- [9] Первая публикация была осуществлена под псевдонимом: *Crayon G.* The Alhambra. L., 1832.
- [10] *Novikoff A.* Op. cit.; *Soifer Irish M.* Beyond Convivencia: Critical Reflections on the Historiography of Interfaith Relations in Christian Spain // Journal of Medieval Iberian Studies. 2009. Т. 1. P. 19–35.
- [11] *Rubiera Mata M.J., de Epalza M.* Al-Andalus: Between Myth and History // History and Anthropology. 2007. Vol. 18. P. 269–273.
- [12] *Akasoy A.* Convivencia and its Discontents: Interfaith life in al-Andalus // International Journal of Middle East Studies. 2010. Т. 42. P. 489–499. См. также: Manufacturing a Past for the Present. Forgery and Authenticity in Medievalist Texts and Objects in Nineteenth-Century Europe // G. Klaniczay, J. Bak, P. Geary et al. (eds). Leiden, 2015; *Manzano Moreno E.* Qurtuba: Some Critical Considerations of the Caliphate of Cordoba and the Myth of Convivencia // Awraq. 2013. Т. 7. P. 226–246.
- [13] *Fernández-Morera D.* The Myth of the Andalusian Paradise. Wilmington, 2016.
- [14] *Pearce S.J.* Op. cit.
- [15] Tolerance and Intolerance: Social Conflict in the Ages of the Crusades. Syracuse, 2001; Medieval Iberia: World of Difference: European Discourses of Toleration c. 1100–1550. University Park, 2000; Difference and Dissent: Theories of Tolerance in Medieval and Early Modern Europe. L., 1996; Beyond the Persecuting Society: Religious Toleration before the Enlightenment. Philadelphia, 1998; Humanism and the Rhetoric of Toleration. University Park, 1996.
- [16] *Novikoff A.* Op. cit.
- [17] *Rubiera Mata M.J., de Epalza M.* Op. cit.
- [18] *Filios D.K.* Expulsion of Paradise: Exiled Intellectuals and Andalusian Tolerance // In the Light of Medieval Spain. Islam, the West, and the Relevance of the Past / S.P. Doubleday, D. Coleman (eds). N.Y., 2008. P. 91–115.
- [19] *Catlos B.A.* Muslims in Medieval Latin Christendom, c. 1054–1614. Cambridge, 2014; Conversions islamiques. Identités religieuses en Islam méditerranéen / ed. par M. Garcia-Arenal. P., 2001; Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 1–8 / D. Thomas, J. Chesworth, A. Mallet (eds). Leiden; Boston, 2009–2015; Diverging Paths? The Shapes of Power and Institutions in Medieval Christendom and Islam / Jh. Hudson, A. Rodríguez (eds). Leiden; Boston, 2014; *Nirenberg D.* Neighboring Faiths; Islam and Christianity in Medieval Anatolia; *Tolan J.V.* Saracens. Islam in Medieval European Imagination. N.Y., 2002.
- [20] Pays d’Islam et monde latin, Xe–XIIIe siècles: textes et documents / ed. par P. Guichard et D. Menjot. Lyon, 2000; Religious cohabitation in European towns (10th–15th centuries) / S. Boisselier, J. Tolan (eds). Turnhout, 2014; *Barton S.* Conquerors, Brides, and Concubines. Interfaith Relations and Social Power in Medieval Iberia. Philadelphia, 2015; Law and Religious Minorities in Medieval Societies: between Theory and Praxis / A. Echevarría, J.P. Monferrer-Sala, J. Tolan (eds). Turnhout, 2016; Religious Minorities in Christian, Jewish and Muslim Law (5th–15th Centuries) / N. Berend, Y. Hameau-Masset, C. Nemo-Pakelman, J. Tolan (eds). Turnhout, 2017; Religious Minorities, Integration and the State / J. Tolan, I.

Jablonka, N. Jaspert, J. Philippe Schreiber (eds). Turnhout, 2016; Routledge Handbook on Christian-Muslim Relations / D. Thomas (ed.). N.Y., 2018.

[21] Beyond Religious Borders: Interaction and Intellectual Exchange in the Medieval Islamic World / D. Freidenreich, M. Goldstein (eds). Philadelphia, 2012.

[22] Пожалуй, достаточно будет для наглядности этого тезиса привести в пример масштабный проект RELMIN, поддержанный Европейским советом по исследованиям на 2010–2015 гг. В рамках этого проекта в период 2013–2019 гг. было выпущено 10 коллективных фундаментальных исследований по самым разным вопросам истории взаимоотношений конфессий в Средиземноморье в Средние века — проблема толерантности в этом проекте специально не исследовалась, особое внимание уделялось вопросам правового положения иноверцев, их религиозной и этнической идентичности, их взаимоотношений с властью.

[23] Здесь полезным будет материал и библиография, представленные в: *Dmitriev M.V. Muslims in Muscovy (XVth through XVIIth centuries): Integration or Exclusion? // Religious Minorities, Integration and the State. Turnhout, 2015. P. 69–82; Дмитриев М.В. Московская Русь перед лицом иноверия: восточнохристианская модель религиозно-культурного плюрализма? // Средневековая Европа: Восток и Запад. М., 2014. С. 233–324.*

Власть текстов — тексты о власти

Александр Марей

Такое разное обаяние власти: российский контекст, христианская традиция и кастильский пример

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_388-397

Прекрасным примером, позволяющим проиллюстрировать сложность употребления понятия «власть» в исторических исследованиях, может служить рефлексия власти, сформировавшаяся при дворе короля Кастилии Альфонсо X Мудрого (1252–1284). Кастильские юристы и теологи обращаются к понятию власти многократно, однако наиболее общая формулировка была включена ими в один из законов четвертой из «Семи Партид», посвященной проблемам семейного права [1]. В третьем законе титула «Об отцовской власти» его авторы собрали все наиболее распространенные, с их точки зрения, значения понятия «власть».

Согласно их формулировке:

Слово, которое на латыни звучит как *potestas*, а на кастильском означает то же, что и «власть», понимается во многих смыслах. Иногда им означают право собственности, как это происходит с властью, которую господин имеет над своим рабом. Иногда его используют, чтобы означить юрисдикцию, как это бывает применительно к власти, которую имеют

короли и иные, занимающие их место, над теми, кого они могут судить [2]. А еще используют его, чтобы описать власть, которой обладают епископы над своими клириками и аббаты — над монахами, которые обязаны им повиновением. Иногда же словом *potestas* обозначают ту связь, основанную на почтении, подчинении и наставлении, которая должна быть между отцом и сыном [3].

Таким образом, с точки зрения юристов скриптория Альфонсо X, власть может пониматься как господство, основанное на праве собственности, юрисдикция, подчинение, строящееся на обете или же на кровной связи. Из них к королевской власти напрямую относится только вторая, юрисдикционная модель, в рамках которой правитель трактуется как судья. Однако, если поместить этот фрагмент в более широкий теолого-нормативный контекст произведений, созданных в скриптории Мудрого короля, становится ясно, что на самом деле к монарху относятся все четыре выведенных в законе образа власти. Король Кастилии претендует быть не только верховным судьей, но и хозяином своего королевства, отцом народа и фактически главой духовной власти.

Более подробно королевская власть разбирается Альфонсо Мудрым во «Второй Партиде», посвященной прежде всего политическому устройству королевства, обязанностям правителя, положению народа и, наконец, вопросам войны и высшего образования. Этот текст, по всей видимости, составлялся иным авторским коллективом, чем «Четвертая Партида», — помимо юристов здесь в работе явно принимали участие и богословы. Открывает эту часть свода своеобразное «Зерцало короля» [4] — комплекс из 11 титулов, в которых сначала приводится рассуждение о том, кто такой монарх и чем он отличается от иных владетельных сеньоров, а затем подробно разбирается, каким должен быть король в быту и в привычках, как ему следует выстраивать отношения с родными, близкими, официалами двора и т.д. Даже если опустить анализ личных качеств идеального правителя, оставшегося материала будет вполне достаточно для рассмотрения концепции королевской власти в «Партидах».

В первом титуле «Второй Партиды» юристы Альфонсо X сначала обращаются к образу императора (законы 1–4), а затем подробно разбирают образ короля, очерчивая истоки и пределы его власти, а также саму ее природу (законы 5–9). Десятый закон титула закрывает разговор о королевской власти, анализируя понятие тирана и природу его власти. После этого в законах титула с 11-го по 13-й их авторы скорее перечисляют, нежели описывают полномочия иных высокопоставленных лиц, от графов и герцогов до судей Сардинии.

Короля авторы описанных законов определяют как наместника Бога на земле, чьей основной обязанностью является поддержание справедливости и отправление правосудия и правды в мирских делах, подобно императору в империи [5]. Это же утверждение повторяется и в следующем законе, где король напрямую сравнивается уже не с императором, а с Богом [6]. Встречаются подобные высказывания и в других нормативных источниках, созданных при дворе Альфонсо X, в

частности в тексте «Королевского фуэро» (ок. 1256 г.), где «право королевской власти» объявляется выше любых законов и привилегий [7]. Подобные определения не составляют отличительной черты только кастильского права — уподобление короля верховному судье в своей стране было, как известно, делом традиционным для европейских монархий раннего и высокого Средневековья. Полностью согласуются эти высказывания и с приведенным выше законом из «Четвертой Партиды», где власть короля определяется через понятие юрисдикции.

Однако даже из приведенных цитат можно понять, что полномочиями судьи роль короля отнюдь не ограничивается. В законе Р. II.1.6 говорится о том, что Бог держит королей на земле своими наместниками для того, чтобы *fazer justicia e derecho*, т.е. дословно «творить правосудие и право». В отправлении правосудия входит, что естественно, не только проведение судебных заседаний, но и вынесение решений, обретающих — раз их издает король — силу закона. Со второй же частью этой формулы все несколько сложнее. Монарх имеет право издавать законы, отменять и устанавливать фуэро, обычаи и правовые обыкновения (*fueros, usos y costumbres*), но он же наделен властью и воздавать каждому его право. Иными словами, по сути, он выступает живым источником права, восполняющим лакуны, исправляющим недочеты и, при необходимости, создающим новые формы бытования права.

Наконец, король как наместник Бога на земле выступает головой тела народа так же, как и Христос представляет собой главу мистического тела Церкви. Пожалуй, наиболее ярко это объясняется в одном из законов «Королевского фуэро». Сначала, говорит законодатель, Христос поместил на небе свой двор и сделал себя его главой и началом всех ангелов и архангелов [8]. Вторым шагом стало творение человека, тело которого, по подобию Создателя, увенчано головой, хранящей в себе разум и способность понимания. Голова расположена выше всех остальных членов тела, и потому они обязаны охранять ее и служить ее нуждам больше, чем себе самим. Наконец, третьим шагом стало сотворение (опять глагол *ordenar*) земного королевского двора, созданного по полному подобию двора небесного. Главой этого двора и началом всему народу Бог поставил короля так же, как и сам взял на себя подобные функции применительно к сообществу ангелов и архангелов. Соответственно, весь народ в целом и каждый конкретный человек из народа обязаны любить своего правителя, повиноваться его велениям и защищать его честь и доброе имя так же, как свое собственное тело [9]. В том же законе, но несколькими строками ниже, подчеркивается и еще одна мысль — без короля народ не существует, так же как в отсутствие головы не существует тела, а есть лишь разрозненные члены [10].

Именно в этом, третьем по счету, пункте заключается одно из основных отличий власти короля от власти императора, с точки зрения авторов «Партид». Отличий, конечно, значительно больше: юристы Альфонсо X неоднократно подчеркивают, что власть императора выборная [11], в то время как власть короля имеет наследственный

характер; что короли появились раньше императоров и потому их власть старше [12]; наконец, что императоры, в отличие от королей, не обладают правом собственности на подвластную им территорию и их полномочия гораздо уже, чем у последних [13]. Но ключевым, по моему мнению, аргументом становится отсутствие мистической связи императора с его подданными — такой правитель, по мнению авторов «Партид», должен постоянно завоевывать любовь своих соплеменников и делать все, чтобы не потерять ее [14]. При этом подданные Империи не образуют народа: для их обозначения в «Партидах» устойчиво используется слово *gente*, т.е. «люди», либо просто местоименная конструкция *los del Imperio*, т.е. «население империи» или «те из империи», но никогда не употребляется слово *pueblo*, т.е. «народ». Это можно было бы счесть случайностью или сослаться на близость значений слов *gente* и *pueblo*, но не все так просто.

Дело в том, что все рассуждения авторов «Партид» о королевской власти строятся на терминологической паре *rey* и *pueblo*, «король» и «народ», и применительно к подданным монарха слово *gente* не употребляется практически никогда. Важно и то, что литературный кастильский язык эпохи Альфонсо X еще очень молод, люди, пишущие на нем, постоянно держали в голове соответствующие латинские слова. Соответственно, пара *gente* — *pueblo* была равносильна латинской паре *gens* — *populus*, семантическое различие между членами которой огромно. Главное отличие же заключалось в том, что общность, называемая *gens*, не обладает политической субъектностью, в отличие от *populus*, и не составляет никакого единства, которое могло бы быть уподоблено телу. Соответственно, император правит не народом, а просто неким (пусть очень большим) скоплением людей, тогда как король своей властью объединяет людей королевства в единое мистическое тело, головой, сердцем и душой которого он является [15].

Можно отметить и еще одну характеристику власти короля как наместника Бога на земле, а именно то, что в пределах страны он своей властью превосходит даже папу, что достаточно ясно показано в тексте двух первых «Партид». С одной стороны, юристы Альфонсо X, ссылаясь на Аристотеля, утверждают, что «король в языческие времена был не только предводителем, и военачальником, и судьей над всем народом королевства, но также и старшим в духовных делах, которые совершались тогда из благоговения и почтения к богам, в которых они тогда верили. И их называли королями, поскольку они правили как в мирских делах, так и в духовных» [16]. Там же, несколькими строками ниже, авторы закона еще раз обосновывают роль короля как наместника Бога, приводя близко к тексту соответствующие цитаты из Нового Завета [17]. С другой стороны, в «Первой Партиде» в законе, посвященном статусу папы римского, его авторы, подчеркнуто игнорируя титул «наместника Христа», используемый понтификами как минимум с 1200 г., называют папу «наместником апостола Петра». При этом уточняется, что, раз все епископы суть наместники апостолов, а папа — епископ Рима, то он и есть наместник первого из апостолов, т.е. св. Петра [18]. Если теперь собрать обе

части аргумента вместе, получится, что король — это наместник Бога на земле, в то время как папа — всего лишь наместник св. Петра, и, следовательно, наместничество короля старше и власть его выше как минимум в пределах его королевства.

Завершить этот краткий обзор кастильской теории королевской власти можно рассмотрением еще одного закона из «Второй Партиды», в котором описываются отношения короля и народа. Этот закон — Р. II.10.3 — стоит несколько особняком от остальных, посвященных той же проблематике. Если в подавляющей части законов «Второй Партиды» король описывается как голова, сердце и душа народного тела, т.е. как необходимая и во многом структурообразующая, но тем не менее всего лишь часть большого мистико-политического целого, то в законе Р. II.10.3 картина предстает совершенно иной. Со ссылкой на письмо Аристотеля Александру Македонскому авторы закона определяют само королевство как сад, народ — как деревья, растущие в нем, а короля — как его хозяина [19]. Источником вдохновения для кастильских юристов послужила в данном случае знаменитая «Тайная тайных» (*Secretum secretorum*; каст. *Poridat de las poridades*) [20] — апокрифический арабский трактат, переведенный на латынь в начале XIII в. и вскоре — на старокастильский и состоящий из писем и поучений Аристотеля, якобы обращенных к Александру Македонскому [21].

Данный фрагмент, хотя и не получил дальнейшего развития в тексте «Партид», представляется весьма важным потому, что позволяет добавить недостающий элемент в кастильскую теорию королевской власти. Монарх предстает здесь как сеньор, а точнее даже как античный *dominus* — хозяин имущества, господин над всем, что ему подвластно. Народ, что характерно, обретает в этой метафоре черты недвижимой собственности — он образует единое целое с королевством, где живет, так же, как и деревья, согласно доктрине римского права, составляют один объект с землей, на которой они растут.

Власть — одно из самых многогранных и сложных понятий в лексиконе современного исследователя-гуманитария, будь то историк, антрополог, философ или политический теоретик. Работать с ним тяжело, обходиться же без него не получается: понимание природы и сути власти привлекает практически любого человека, берущегося за изучение политической культуры, правовых и общественных установлений, истории идей или образов. Подобное «обаяние власти» приводит к необходимости дать ей хоть какое-то определение, выстраивая тем самым не только исследовательскую логику, но и свое личное отношение к этому понятию. В отечественной науке на настоящий момент сложилось устойчивое превосходство так называемой волевой концепции власти, в рамках которой она понимается как возможность или способность одного человека или группы людей навязать свою волю другому человеку (или другим людям), вынуждая его или их совершать некоторые действия или же воздерживаться от их совершения, даже если это и противоречит их воле. Эта концепция родилась в рамках европейской культуры Нового

времени и попала к нам в результате рецепции идей мыслителей Европы и Америки XIX–XX вв., чьи труды переводились на русский язык на протяжении последних полутора веков. Однако представляется, что подобное понимание власти имеет мало пользы для историков, специализирующихся на периоде Античности и Средних веков, прежде всего потому, что оно является анахронизмом для мыслителей изучаемых ими периодов.

В поисках альтернативы современному пониманию власти я обращаюсь в рамках этой статьи к богословской традиции западного христианства, ограниченной, с одной стороны, посланиями апостола Павла, с другой же — комментариями к ним Фомы Аквинского. Для средневекового теолога власть прежде всего представляла собой устанавливающую силу, основной функцией которой было творение нового порядка (*ordo*), а затем поддержание его существования. Отмечу, что подобная трактовка власти пережила средневековую культуру, актуализируясь периодически во времена политических и социальных потрясений. Применительно к земным владыкам устанавливающая и поддерживающая функции означали, что естественно, власть законотворчества и судебное верховенство, опирающиеся на образ короля как наместника Бога в пределах своего королевства.

Кастильские законодатели середины — второй половины XIII в. добавили к этим двум полномочиям претензии короля на верховенство над папой римским (ведь король — наместник Бога, тогда как верховный понтифик — лишь апостола Петра) и его власть над землей своего королевства, опирающуюся на право собственности. Пожалуй, единственный лик власти, единственное ее значение, которое не удастся встретить в средневековых источниках, — это как раз трактовка власти как волевого превосходства одного человека над другим или другими, та самая трактовка, на которой будет выстраиваться вся теория власти в Новое время.

[1] Общие замечания о проблемах датировки и авторства «Партид», равно как и об их структуре, можно найти, например, в: *Марей А.В.* Рукописная традиция «Семи Партид» короля Альфонсо X Мудрого: рукописи «Второй Партиды» в библиотеке Эскориала // *Вспомогательные исторические дисциплины*. 2016. Вып. 35. С. 271–315; *Марей А.В.* Подарок митрополита: Рукопись Второй Партиды (43–11) из библиотеки Толедского собора и ее маргиналии // *ЭНОЖ «История»*. 2017. Вып. 8 (6). <<https://history.jes.su/s207987840001902-1-1/>>. См. также перечисленную в этих статьях литературу. Партиды цитируются по изданию: *Las Siete Partidas del muy noble Rey D. Alfonso el Sabio / glosadas por el lic. Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de S.M. Madrid, 1843.*

[2] Любопытный вариант этой фразы содержится в нескольких из сохранившихся рукописей «Четвертой Партиды»: «...которой обладают короли и иные, занимающие их место люди, над теми, кто имеет власть

судить». Король здесь предстает не просто судьей, но судьей высшей инстанции, в чьей власти оказывается судить иных судей.

[3] "Tomase esta palabra que es tomada en latin *potestas*, que quiere tanto dezir en romance como poderio, en muchas maneras. Ca a las vegadas se toma por señorio, assi como auiene en el poderio que ha el señor sobre su sieruo. E a las uegadas se toma por jurisdicion, assi como acaesce en el poder que han los reyes, e los otros que tienen sus lugares, sobre aquellos a que han en poder de judgar. E a las vegadas se toma por el poder que han los obispos sobre sus clerigos, e los abades sobre sus monjes, que les son tenudos de obedescer. E a las vegadas se toma esta palabra *potestas*, por ligamiento de reuerencia, e de subiecion, e de castigamiento, que deue auer el padre sobre su fijo" (P. IV.17.3).

[4] Размышления о структуре «Второй Партиды» как классического зеркала правителя см. в диссертации И. Нану: *Nanu I. La Segunda Partida de Alfonso X el Sabio y la tradición occidental de los specula principum*. Valencia, 2013. Я, со своей стороны, считаю, что текст «Второй Партиды» состоит как бы из трех зеркал, или трактатов: о короле, о народе и о войне. Особняком стоит замыкающий титул (в зависимости от редакции текста 30-й или 31-й), посвященный правовому положению университета.

[5] "Vicarios de Dios son los reyes, cada uno en su reyno, puestos sobre las gentes para mantenerlas en justicia e en verdad quanto en lo temporal, bien assi como el emperador en su imperio" (P. II.1.5).

[6] "Señaladamente tomo el rey nome de nuestro Señor Dios ca assi como el es dicho rey sobre todos los reyes, porque del han nome e los gouierna, e los mantiene en su lugar en la tierra para fazer justicia e derecho; assi ellos son tenudos de mantener, e de guardar en justicia e en verdad a los de su señorio" (P. II.1.6).

[7] "Non ha otro omne poder, si rey non de dar fidalgo por aleuoso, nin de quitarle de riepto si non fuere prouado aquello de que fue reptado. E maguer le sea prouado o sea iudgado or aleuoso, el rey le puede dar por quito e por leal, si tanta merçet le quisiere fazer; e tan grand es el derecho del poder del rey que todas las leyes e todos los derechos tien so si..." (FReal. IV.21.5).

[8] Стоит отметить, что, описывая создание небесного двора, кастильские юристы употребляют именно глагол *ordenar*, т.е. «устанавливать», «упорядочивать» и т.д.

[9] "Nuestro Sennor Ihesu Christo ordenó primerament la su corte en el ciello e puso a ssi mismo por cabesca e començamiento de los ángeles e de los archángeles e quiso e mandó quel amassen e quel agardassen como a començamiento e guarda de todo. Et después desto fizo el omne a la manera de su cort; e como a ssí auie puesto cabeça e comienço, puso al omne la cabesca en somo del cuerpo e en ella puso razón e entendimiento de cómo se deuen guiar los otros miembros e cómo deuen seruir e guardar la cabeza mas que a ssí mismos; e desí ordenó la cort terrenal en aquella misma guisa e en aquella manera que era ordenada la suya en el cielo, e puso al rrey en su logar cabeça e comienço de todo el pueblo assi como puso si mismo cabeça e comienço de los ángeles e de los archángeles, e diol poder de guiar su pueblo e mandó que todo el pueblo en uno e cada uno omne por si recibiesse et obediciesse los

mandamientos de su rrey e que lo amassen e quel temiessen e quel guardassen tan bien su fama e su ondra como su cuerpo mismo" (FReal. I.2.2).

[10] "Assí como ningún miembro non puede auer salut sin su cabeza, assi ni el pueblo ni ninguno del pueblo non puede auer salut sin su cabeça assi ni el pueblo ni ninguno del pueblo non puede aur bien sin su rey que es su cabeça..." (Ibid.).

[11] "E este poder ha el señor, luego que es escogido de todos aquellos que han poderio de lo escoger, o de la mayor parte, seyendo fecho rey en aquel lugar onde se acostumbraron a fazer antiguamente los que fueron escogidos para emperadores" (P. II.1.2). "E aun demas que el rey lo tiene por heredamiento e el emperador por eleccion" (P. II.1.7).

[12] "Complidas e verdaderas razones mostraron los sabios antiguos porque conuino que fuesse rey, mas de aquellas que de suso diximos del emperador. E como quier que antes fablamos del, por la honrra del imperio que del rey, pero antiguamente primero fueron los reyes que los emperadores" (P. II.1.7).

[13] "Reyes... non tan solamente son secos de sus tierras mientras biuen, mas aun a sus finamientos las pueden dexar a sus herederos, porque han el secorio por heredad, lo que non pueden fazer los emperadores, que lo ganan por eleccion, assi como de suso diximos. E demas el rey puede dar villa o castillo de su reyno por heredamiento a quien quisiere..." (P. II.1.8).

[14] "Otrosi dixeron los sabios que el mayor poderio e mas cumplido que el emperador puede auer de fecho en su señorío, es quando el ama a su gente e es amado della. E mostraron que se podria ganar e ayuntar este amor, faziendo el emperador justicia derecha a los que la ouieren menester, e auiendo a las vegadas merced en las cosas que con alguna razon guisada la puede fazer, e honrrando su gente de palabra e de fecho, e mostrandose por poderoso e por amador de cometer e fazer grandes fechos, e cosas grandes a pro del imperio. E aun dixeron que el emperador maguer amasse su gente, e ellos a el, que se podria perder aquel amor..." (P. II.1.3).

[15] О метафоре «души народа», разработанной в скриптории Альфонсо X, см.: *Марей А.В.* Бог, король и земля: три облика души народа // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 14 / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2019. С. 338–354 (и цитированную в этой статье литературу).

[16] "Segund dixeron los sabios antiguos e secaladamente Aristoteles en el libro que se llama Politica, en el tiempo de los gentiles el rey non tan solamente era guiador e cabdillo de las huestes, e juez sobre todos los del reyno, mas aun era secor en las cosas espirituales..." (P. II.1.6).

[17] "Tomo el rey nombre de nuestro Señor Dios ca assi como el es dicho rey sobre todos los reyes, porque del han nombre e los gouierna, e los mantiene en su lugar en la tierra, para fazer justicia e derecho..." (Ibid.).

[18] "Apostolico tanto quiere dezir como aquel que tiene logar del apostol. E como quier que los otros obispos sean en logar de los apostoles, assi, como dicho es, <...> este tiene señaladamente logar de Sant Pedro..." (P. I.5.3).

[19] "Para lo fazer bien entender conuiene que demostremos la semejança, que fizo Aristoteles al rey Alexandre en razon del mantenimiento del reyno e del

pueblo: e dize, que el reyno es como huerta, e el pueblo como arboles, e el rey es señor della" (P. II.10.3).

[20] *Bizarri H.O.* Secreto de los secretos. Poridat de las poridades. Versiones castellanas del pseudo-Aristóteles Secretum secretorum. Valencia, 2010.

[21] Издатель этого памятника, Г. Бизарри, предполагает, что источником рассматриваемого закона «Партид» стал следующий фрагмент «Тайной тайных»: "El mundo es huerto, so fructo es regno. El regno es el rrey, defendelo el iuuzio. El iuuzio es el rrey, engenneralo el rrey. El rrey es guardador, ayudalo la hueste. La hueste es ayudadores, ayudalos el auer. El auer es riqueza, ayuntala el pueblo. El pueblo son sieruos, e fizo los sieruos la iusticia. La iusticia es amada e con ella se endereça todo el mundo" (*Bizarri H.O.* Op. cit. P. 18–19). Я считаю, что в данном случае позиция Бизарри неверна — в приведенном им фрагменте народ сравнивается с рабами, что категорически неприемлемо для политической теории Альфонсо X. Более того, здесь садом называется весь мир, а его плодом — королевство. На мой взгляд, источником для кастильских юристов стал иной фрагмент «Тайной тайных»: "Alexandre, sabet que uuestro pueblo es uuestro tesoro, el que non se pierde e el que ayna se conbra, e con el sodes rey; pues asmat que uuestro pueblo es uerto, e que a en el muchas fructas e que non es como las mieses que se rrenueuan cada anno e que las siembran cada anno, que los arboles son todauia fincables que non los an de sembrar cada anno, pues como preciades uuestro tesoro que es cosa con que dura uuestro regno, assy guardat uuestro pueblo que non les faga ninnguno mal nin soberuia..." (Poridat, IVd).

Вторая Партида.

Титул 1. В котором говорится об императорах и о королях и о прочих знатных сеньорах [\[1\]](#)

Перевод со старокастильского и примечания Александра Маррея

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_398-413

Императоры и короли суть знатнейшие люди [\[2\]](#) и в чести, и во власти, дабы поддерживать и хранить свои земли в правосудии, как мы сказали в начале этой Партиды. И так как они являются как бы началом и главой всех остальных, Мы хотим сначала сказать о них. И покажем, кто они и почему так называются. И почему подобает, чтобы они существовали, и какое место они занимают, и какую власть имеют и как должны ей пользоваться. А затем скажем о прочих знатных сеньорах.

Закон 1. О том, что такое империя, и почему она так называется, и почему было нужно, чтобы она появилась, и какое место она занимает

Империя [3] — это великое достоинство, знатное и чтимое превышает всех остальных, которые люди только могут получить в этом мире. Ведь сеньор, которому Бог дает такую честь, называется королем и императором, и ему надлежит, согласно праву и древнему соглашению людей, управлять и поддерживать империю в справедливости [4]. И потому он называется *императором*, что означает то же, что и *повелитель*, поскольку его повелению должны повиноваться все жители его империи, а он сам не обязан повиноваться никому, кроме Папы в делах духовных. И подобает по многим причинам, чтобы лишь один человек был императором и обладал бы на земле этой властью. Во-первых, чтобы устранить разногласия между людьми и объединить их, чего он не смог бы сделать, если бы было много императоров, — ведь власть [5], согласно природе, не нуждается в товарищах и не желает их [6], хотя, конечно же, подобает, чтобы были добрые и знающие люди, которые советовали бы императору и помогали бы ему. Во-вторых, для того, чтобы устанавливать фуэро и законы, чтобы люди его сеньории судились бы по праву. В-третьих, чтобы сокрушить гордецов, вредителей и преступников, которые, по своей злобности или по своей власти, осмеливаются творить зло или обиды по отношению к менее знатным. В-четвертых, чтобы защищать веру Господа нашего Иисуса Христа и сокрушать ее врагов. А также говорили мудрецы, что император — это наместник Бога в империи, поставленный, дабы вершить правосудие в мирских делах так же, как Папа — в делах духовных.

Закон 2. Какую власть имеет император и как он должен пользоваться ею

Власть, которой обладает император, двойка: одна по праву, вторая же на деле. И та, которую он имеет, согласно праву, состоит в том, что он может создавать законы и новые фуэро и менять старые, если сочтет, что это служит к общей пользе его людей, а также, если законы и фуэро будут непонятны, у императора есть власть их разъяснить. Также он может отменять используемый обычай, если сочтет его вредным, и устанавливать новый, добрый. И еще есть у него власть вершить правосудие и казни во всех землях империи, когда люди сделают то, за что их нужно казнить; и никто другой не может этого делать, кроме тех, кому он это поручит или кому это будет пожаловано императорской привилегией. И также обладает он властью устанавливать портазго [7] и устраивать новые ярмарки в тех местах, где, по его мнению, он должен это сделать, а больше этого не может никто. И по его приказу и дозволению должна чеканиться монета в империи; и хотя ему повинуются многие знатные сеньоры, никто из них не может этого делать в своих землях, кроме как те, кому он позволит это сделать. И лишь он один может изменять округа провинций и городов. По

его приказу должны начинать войну, заключать перемирие и мир. И если возникнет тяжба по поводу привилегий, выданных им или иными императорами, бывшими прежде него, ее может разрешить только он и никто другой. И еще есть у него власть назначать аделантадо [8] и судей в разные края, чтобы они судили, каждый на своем месте, согласно фуэро и праву. И может брать он с них постоянные деньги, и подати, и ценз тем же образом, как это обычно делали издревле иные императоры. И хотя жители империи обладают полным правом собственности [9] на свое наследственное имущество, все же, когда кто-нибудь из них будет пользоваться имуществом противоправно или недолжным образом, император может исправить его и наказать, как сочтет правильным. Также постановляем, что когда император пожелает отобрать у кого-либо наследственное владение или иное имущество для себя или чтобы отдать его другому, то, хотя он и является сеньором для всех жителей империи, с тем чтобы защищать их от насилия и сохранять в справедливости, все же не может он ни у кого отобрать его имущество без его согласия, если этот человек не сделает такого, за что он должен будет потерять его, согласно закону. А если вдруг император пожелает отобрать у него имущество, поскольку ему будет оно нужно для чего-либо, служащего к общей пользе империи, он, согласно праву, будет обязан сперва предложить собственнику достойный обмен, стоящий, по мнению «добрых людей» [10], столько же или больше, так, чтобы тот остался бы доволен. Ведь хотя римляне, издревле силой захватившие власть над миром, и установили императора и передали ему все могущество и власть, которыми обладали они над народами, с тем чтобы поддерживать и защищать, согласно праву, общее благо всех [11], все же у них не было намерения сделать императора хозяином имущества каждого человека, чтобы он смог забирать все, что ни захочет, кроме как в случаях, описанных выше. И эта власть есть у императора, так как он избран всеми теми, кто имеет право избирать его, или большей их частью, будучи прежде сделан королем в том месте, где это с давних времен обычно делали те, кого избирали в качестве императоров.

Закон 3. О том, какую власть император имеет на деле

На деле император должен быть столь могущественен и его власть должна быть столь полной и хорошо устроенной, чтобы он мог иметь прав больше, чем все прочие жители его сеньории, дабы карать и принуждать тех, кто не захочет ему повиноваться. А для того чтобы иметь такую власть, необходимо ему быть сеньором многих рыцарей [12], чтобы он разделил их и поручил бы таким командующим, которые любили бы его и которые держали бы этих рыцарей за него и от его имени [13] так, чтобы те признавали бы императора своим сеньором, а тех, кто будет ими командовать, — предводителями. И также могущество императора должно состоять в замках, и в крепостях, и портах империи, прежде же всего — в тех, что стоят по границам с варварами и с прочими королевствами, над которыми у императора нет власти, — чтобы в руках императора и в его

власти находились бы все входы и выходы из империи. И также должен он иметь мудрых и знающих мужей, верных и правдивых, которые помогали бы ему и служили бы ему делом там, где будет ему нужда в их совете, и в отправлении правосудия, и в творении права для людей. Ведь так как не сможет он один ни рассмотреть, ни разрешить все дела, весьма нуждается он в помощи других, которым доверится, чтобы они, пользуясь властью, полученной от него, делали бы на своих местах то, что не сможет сделать он лично. Также говорили мудрецы, что наиболее велика и полна власть императора в его сеньории, когда он любит своих людей и любим ими, и показывали, что он может получить и увеличить эту любовь, творя праведное правосудие над теми, кто будет нуждаться в нем, и проявляя иногда милосердие там, где он это может сделать по какой-либо разумной причине, и прославляя своих людей словом и делом, и показывая себя могущественным и любителем сражений и великих свершений на благо империи. И еще говорили они, что император, хотя бы и любил он свой народ, а тот — его, все же может потерять эту любовь по трем причинам [14]. Во-первых, если он будет явно несправедлив, во-вторых, если будет презирать и унижать людей из своей сеньории, в-третьих, если он будет столь жесток по отношению к ним, что они будут его бояться.

Закон 4. О том, как император должен пользоваться своей властью

Согласно тому, что говорили древние мудрецы, есть два времени, в которые императоры должны пользоваться тем, что им необходимо для упорядочения всего, что им надлежит делать в каждое из них. И одно из них — это время мира, другое же — время войны. Во время мира следует подготовить и осмотреть все, что потребно ему во время войны, дабы все было готово и, когда придет нужда, этим можно было бы воспользоваться наилучшим образом. Также в то же самое время должны императоры трудиться над исправлением своих людей и своей земли, опираясь на законы, и фуэро, и права и пользуясь ими против гордецов и вредителей, воздавая каждому свое по праву. И также должны императоры держать в полном порядке свои ренты и все свое имущество, чтобы оно было хорошо устроено и они могли бы пользоваться им. Ведь хотя богатства императора и огромны, все же, если они не будут должным образом приведены в порядок, мало пользы сможет он извлечь из них. Также должен император стараться собрать праведным образом некое сокровище, к которому сможет прибегнуть для свершения какого-нибудь великого дела, и спрятать его до времени, чтобы потом легче было бы это дело совершить и завершить. Также говорили древние мудрецы, что во время войны император должен пользоваться оружием и всем тем, что сможет помочь ему против его врагов на море или на суше. И еще утверждали они, что должен император советоваться по военным вопросам с чтимыми людьми, и с рыцарями, и с прочими знатоками войны и что они обязаны участвовать в этих советах, когда возникнет нужда. И император должен

пользоваться своей властью в соответствии с их советами, точно так же как он руководствуется советами знатоков права для устранения тяжб, возникающих между людьми.

Закон 5. О том, кто такой король

Короли — это заместники Бога, каждый в своем королевстве. Они поставлены над народами, чтобы сохранять их на этом свете в правосудии и в истине, так же как и император в своей империи [15]. И это полностью подтверждается двумя путями. Во-первых, духовным, в соответствии с тем, о чем говорили пророки и святые, которым дал наш Господь благодать знать обо всем и учить этому знанию. Во-вторых же, естественным, в соответствии с высказываниями мудрых людей, знавших многие вещи по природе [16]. И святые говорили, что король поставлен на земле на место Бога для того, чтобы вершить правосудие и воздавать каждому его право [17]. И потому прозвали его сердцем и душой народа [18]. Поскольку так же, как душа покоится в сердце человека и потому тело его живет и сохраняется, так же в короле покоится правосудие, дающее жизнь народу в его сеньории и сохраняющее его. И точно так же, как сердце едино и им соединяются все члены, чтобы стать одним телом, так и народ королевства, хотя и многочислен (в то время как король есть и должен быть один), должен быть поэтому един с королем, для того чтобы служить ему и помогать в тех делах, которые тот должен делать. А мудрецы говорили, естественно, что король — это глава королевства, поскольку как из головы рождаются чувства, которыми направляются все члены тела, так и повелением, исходящим от короля, который есть сеньор и глава всего народа королевства, народ должен направляться и управляться [19] и быть в согласии с королем, для того чтобы повиноваться ему, и защищать его, и охранять, и увеличивать королевство. Потому что король — душа и глава всех членов.

Закон 6. Что означает слово «король» и почему его так называют

«Король» (*rey*) означает то же, что и «правитель» (*regidor*), поскольку ему, без сомнения, принадлежит управление королевством [20]. И согласно тому, что говорили древние мудрецы, а именно Аристотель в книге, называемой «Политика» [21], во времена язычников король был не только предводителем и вождем войска и судьей над всем народом королевства, но также и старшим в духовных делах, которые совершались тогда из благоговения и почтения к богам, в которых они тогда верили. И их называли королями, поскольку они правили как в мирских делах, так и в духовных. И определенно получил король имя от нашего Господа Бога, поскольку как тот назван «королем над всеми королями» [22], потому что они получили от Него имя и Он правит ими и ставит их на их место на земле с тем, чтобы творить право и правосудие, так и они обязаны хранить

своих подданных в истине и в справедливости. И еще иным образом объясняли мудрецы, почему король называется так, и говорили, что «король» означает то же, что и «правило» (*regla*), поскольку как посредством правила узнаются и исправляются все ошибки, так посредством короля узнаются и устраняются все проступки.

Закон 7. Почему король должен быть и о том, какое место он занимает

Помимо того, о чем мы говорили выше применительно к императору, древние мудрецы приводили многочисленные и правдивые доводы в пользу того, что король должен существовать. И хотя мы говорили об императоре раньше, чем о короле, из почтения к империи, но в древности короли появились раньше императоров. И один из доводов, приводившихся в пользу того, что король должен существовать, таков, что все живые существа от природы имеют при себе все, в чем нуждаются, и не подобает, чтобы к этому добавлялось что-либо извне [23]. Поскольку если речь идет об одежде, то все они одеты в свое — кто в перья, кто в шерсть, кто в шкуры, кто в чешую или в раковину, согласно их природе — и не имеют нужды в шитье, чтобы одеваться. Также и для защиты у одних есть клювы, у других — зубы, у иных — когти, или рога, или жала, или шипы, так что им нет нужды искать иного оружия для того, чтобы защищаться. Также и с тем, что они едят и пьют, — каждый находит то, в чем имеет нужду, таким образом, что не должны они искать кого-то, кто приготовил бы для них, ни того, о чем знают лучше, и не должны ни покупать еду, ни идти за нее работать. Но человек не имеет для себя ничего из этого, за исключением помощи многих тех, кто ищет для него и приносит ему то, что ему подходит. И эта помощь не может быть оказана без правосудия, которое не сможет осуществляться иначе, кроме как начальствующими (*mayorales*), которым все прочие обязаны повиноваться. И не может быть, чтобы эти начальствующие, будучи многочисленными, не ссорились бы многократно, поскольку воли людей от природы разделены [24] и каждый для себя хочет большего, чем все остальные. И потому возникла нужда в справедливой силе, осуществлявшейся кем-то одним, возглавлявшим всех, рассудком которого направлялись бы и объединялись бы все, как все члены тела направляются и руководятся головой [25]. И по этой причине короли должны были появиться, а люди — признать их за сеньоров. Другой довод уже имеет духовный характер, в соответствии со словами пророков и святых о том, зачем появились короли. И это случилось по причине справедливости, которую наш Господь Бог должен был дать этому миру, чтобы люди жили в мире и любви, и нужно было, чтобы кто-то вершил ее за Бога в делах земных, воздавая каждому по праву, согласно его заслугам. И король занимает место Бога для того, чтобы творить правосудие и право в королевстве, в котором он является сеньором, точно так же как мы говорили выше об императоре в империи. А еще то, что король получает по наследству, император — в результате выборов.

Закон 8. О том, какова королевская власть и как он должен ей пользоваться

Известно, что всю власть, которую, как мы сказали ранее, имеют и должны иметь императоры по отношению к народам своей империи, имеют и короли в своих королевствах. И даже более того, поскольку они не только являются сеньорами своих королевств, пока живут, но и в смерти своей могут оставить их своим наследникам, так как у них наследственная сеньория. Этого не могут сделать императоры, получающие ее в результате выборов, как мы сказали ранее. И более того, король может отдать кому захочет в наследственное владение город или замок из своего королевства, чего не может сделать император, поскольку он обязан приращивать свою империю и никогда не уменьшать ее, хотя, разумеется, он может отдать их другому в феод за услугу, которую тот оказал или пообещал оказать. Также скажем, что король, когда ему это понадобится, может просить разных услуг и помощи от народа своего королевства, чего не сможет сделать император, поскольку он ни в коем случае не может принудить жителей империи дать ему более того, что было принято издревле давать иным императорам, если они не сделают этого по собственной воле. Король же может требовать и брать с королевства то, что прежде брали другие короли, бывшие до него, и даже более того в периоды, когда возникнет серьезная нужда ради общего блага королевства и он не сможет, как это делают прочие люди, попадая в состояние нужды, прибегнуть к тому, что получил в наследство. Также говорим, что король должен пользоваться своей властью в то же время и в той же манере, как мы говорили ранее, может и должен пользоваться император.

Закон 9. Каким образом приобретается власть над королевством

По-настоящему называется королем тот, кто получает власть над королевством по праву. И получить ее по праву он может следующими четырьмя способами. Во-первых, когда старший сын либо кто-нибудь из прочих ближайших родственников короля на момент его кончины принимает королевство по наследству. Во-вторых, когда он получает королевство в результате соглашения всех его жителей, которые избирают его сеньором, не имея родственника, который по праву должен унаследовать сеньорию скончавшегося короля. Третий способ — это брак, когда кто-либо женится на девушке, являющейся наследницей королевства; и хотя бы он и не был из рода королев, он может называть себя королем после того, как женится на ней. Четвертый способ — по пожалованию Папы или императора, когда кто-либо из них ставит королев в тех землях, где у него есть право это делать. И потому, если короли получают королевство одним из названных выше способов, они поистине называются королями. И также они должны всегда более заботиться об общем благе своего народа, нежели о своем личном, поскольку благо и

богатство народа для них — как их собственное. Также они должны любить и почитать магнатов, и средних людей, и меньших — каждого согласно их состоянию. И должен король вместе с мудрецами радовать народ и советоваться со знающими людьми, и устанавливать в своем народе любовь и согласие, и быть правосудным, воздавая каждому свое право. И должны короли более доверять своим, нежели чужестранцам, поскольку для них они сеньоры по рождению, а не по принуждению.

Закон 10. О том, кто такой тиран

«Тиран» означает то же, что сеньор, взявший власть в каком-нибудь королевстве или краю силой, обманом или предательством. И тираны таковы, что после того, как они окончательно закрепятся во власти в королевстве, больше стремятся к своей выгоде, хотя бы это и наносило урон королевству, нежели к общей пользе, и потому постоянно живут в страхе потерять власть. И говорили древние мудрецы, что для того, чтобы наиболее полно осуществить свои намерения, используют тираны свою власть всегда против народа и делают это с помощью трех хитрых уловок. Во-первых, они всегда борются за то, чтобы их подданные были невежественны и боязливы, поскольку, пока они будут такими, они не осмелятся ни восстать против тиранов, ни противостоят их желаниям. Во-вторых, за то, чтобы в народе была взаимная ненависть и чтобы люди не доверяли друг другу, поскольку, пока они живут в такой разногласии, они не осмелятся составить никакого заговора против тирана из страха, что не смогут сохранить ни доверия, ни тайны заговора. В-третьих, борются тираны за то, чтобы их подданные были бедны и всегда вовлечены в великие дела, которые невозможно окончить, поскольку они всегда должны видеть, как им плохо, чтобы никогда не пришла бы им мысль сделать что-либо против их сеньории. И, сверх того, тираны всегда заботятся о том, чтобы разложить знатных и перебить мудрых, и всегда наблюдают в своих владениях за братствами и собраниями людей и любым способом заботятся о том, чтобы знать, кто что говорит или делает в королевстве. И более они верят советам чужестранцев и вверяют им охрану своего тела, поскольку те служат им охотно, в отличие от народа их королевства, который служит по принуждению. Также говорим, что хотя бы кто-либо и получил сеньорию или королевство одним из способов, описанных нами выше, в предыдущем законе, но если он будет дурно использовать свою власть, как мы сказали в этом законе, то народ сможет назвать его тираном и превратится его сеньория из правой в преступную, как и сказал Аристотель в книге, повествующей о правлении городами и королевствами.

Закон 11. О том, кто такие иные великие и чтимые сеньоры, которые не являются ни императорами, ни королями

Князьями [26], герцогами, графами, маркизами, судьями [27] и виконтами зовутся иные сеньоры, о которых мы сказали выше, что они получают по наследству почет сеньориальной власти. *Принцепсом* издревле называли императора Рима, так как с него начиналась римская власть, а позднее слово *князь* стало общим именем для обозначения королей. Но в некоторых краях это название конкретной сеньории, как, например, в Германии, на Морее [28], в Антиохии и в Апулии. Других же сеньоров, кроме перечисленных выше, обычно не называют этим словом. Слово *герцог* [29] означает то же самое, что и «командующий, ведущий войска», который получал эту должность [30] издревле из рук императора. И по причине великого почета, присущего этой должности, императоры давали тем, кто занимал ее, обширные земли на правах наследственного владения, и сейчас они называются герцогствами, и герцоги за них являются вассалами империи. Слово *граф* [31] означает то же, что и *спутник*, ежедневно сопровождающий императора или короля, исполняя определенные обязанности; были некоторые графы, именуемые *палатинами*, что означает то же, что *графы двorca*, так как они сопровождали королей в этих местах и постоянно служили им там. А наследственные владения, которые даются таким официалам, называются графствами. Слово *маркиз* означает то же, что и сеньор некоего обширного края, расположенного на границе королевства. А *юдекс* означает то же, что и судья: и этим словом не называли обычно никого, кроме четырех сеньоров, которые судят и правят на Сардинии. А слово *виконт* означает официала, занимающего место графа.

Закон 12. О том, какой властью обладают перечисленные выше сеньоры, имеющие земли в наследственном владении

По наследству имеют сеньориальную власть князья, герцоги и прочие знатные сеньоры, о которых мы говорили в предыдущем законе. Их существование необходимо по той причине, что ни император, ни король, хотя бы они и были великими сеньорами, все же не могут сделать больше, чем может один человек. Потому и возникла необходимость, чтобы были при их дворе почтенные мужи, которые служили бы им и управляли бы людьми, и занимали бы их место в тех делах, которые они должны были бы рассматривать по их приказу. И каждый из них в своем краю обладает властью вершить правосудие и во всех прочих вопросах, входящих в сеньориальную власть, согласно тому, как установлено привилегиями, пожалованными им императорами и королями, которые дали им изначально сеньорию над их краем, или согласно древнему обычаю, которым пользовались издавна, за исключением того, что не могут они признавать незаконных детей законными [32], ни творить законы, ни

устанавливать новые фуэро без позволения народа. Во всех же прочих вопросах должны они пользоваться своей властью согласно праву в тех краях, где они являются сеньорами, так же, как мы устанавливаем в нижеследующих законах о том, как это должны делать императоры и короли.

Закон 13. Кого называют капитанами, вальвасорами, подеста и викариями и какой властью они обладают

Капитаны [33] и вальвасоры [34] — это те идальго в Италии, которых в Испании называют инфансонами [35]. И хотя они происходят издревле из благородных родов и имеют большие наследственные владения, но все же не рассматриваются среди знатных сеньоров, о которых мы сказали выше. И потому они не могут и не должны пользоваться ни властью, ни сеньориальными правами на землях, которыми владеют, разве только им будет позволено это привилегиями императоров и королей.

А *подестана* называют в Италии тех, кого избирают правителями городов и крупных замков; и у них есть власть судить, согласно закону или фуэро, в тех местах, где они избраны, в тех вопросах и на протяжении того времени, как было им позволено людьми этой местности, и не более.

А *викариями* называют тех официалов, которые остаются в качестве *аделантадо* вместо императоров, королей или знатных сеньоров в провинциях, в графствах или в крупных городах, когда те не могут находиться там лично. И эти официалы должны пользоваться той властью, которую имеют сеньоры, оставляющие их вместо себя, кроме тех вещей, которые те ясно запретят им делать.

[1] Перевод выполнен по изданию: *Las Siete Partidas del muy noble Rey D. Alfonso el Sabio / glosadas por el lic. Gregorio Lopez del Consejo Real de Indias de S.M.* T. 1. Madrid, 1843. P. 368–383.

[2] В тексте: *los mas nobles omes e personas*. Понятие *persona* в «Партидах» используется, как правило, не в качестве самостоятельного термина, но как дополнение к слову *ome*, т.е. «человек». Значение *persona* как «лицо» было, безусловно, известно составителям «Партид» (на что указывает, в частности, закон P. VII.1.26), однако технической дефиниции ими для него разработано не было. Вместе с тем именно понятие *persona* породило термин *personero*, т.е. «процессуальный представитель», широко использовавшийся в кастильском праве и в «Партидах» в частности.

[3] Можно предположить, что в этой фразе скрыта определенная игра слов. Кастильское слово *imperio*, выступающее подлежащим в предложении, может быть переведено и как «империя» (этого варианта придерживаюсь я, так же переводят французские коллеги), и как «империй» (а так предпочитает переводить С.П. Скотт). В последнем случае под этим словом имеется в виду вид власти («власть как высшее повеление»), восходящий к римской традиции.

[4] Эта норма восходит к знаменитому фрагменту из «Институций» Домиция Ульпиана, включенному впоследствии в «Дигесты» Юстиниана, а затем переписанному практически дословно в «Институции» Юстиниана: «Что угодно принцепсу, имеет силу закона, так как народ царским законом, изданным об его империи, передал ему и перенес на него весь свой империй и свою власть»: “Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat” (D.1.4.1pr. Ulp. I Inst.). См.: *Digesta Iustiniani Augusti* / recognouit Th. Mommsen. 2 vols. Berlin, 1870. Bd. 1. S. 14.

[5] Русским «власть» в данном случае переведено кастильское *señorio*, по значению идентичное латинскому *dominium*. Интересно, что точно передает значение этого слова только Гр. Лопес в своей латинской сумме этого закона (...quia regnandi ius seu dominium impatiens consortis est). Французские переводчики предпочли использовать кальку — слово *seigneurie*, С.П. Скотт в английском переводе использовал термин *sovereignty*, отчетливо анахроничный по отношению к переводимому тексту: *Las Siete Partidas del Rey D. Alfonso*. P. 369; *Las Siete Partidas*. Vol. 2. *Medieval Government* / transl. into English by S.P. Scott; R.I. Burns (ed.). Philadelphia, 2001. P. 269; *Titre I. Qui traite des empereurs, des rois et des autres grands seigneurs // Alphonse X le Sage Deuxième partie* / G. Martin (ed.). P., , 2010. <<http://e-spanialivres.revues.org/66>> (дата обращения 31.05.2020).

[6] Эта фраза представляет собой практически точную цитату из «Фарсалии» Лукана (Luc. I. 93–94: “Omnisque potestas impatiens consortis est” = Лукан, Фарсалия, I. 93–94: «Верности нам не знаять в соучастниках власти, и каждый // Будет к другим нетерпим»), заимствованную потом Родриго Толедским (Rod. Tol. VI.14) для описания братоубийственной войны между детьми короля Фернандо I: *Lucan. The Civil war (Pharsalia)*. Books I–X / with an English transl. by J.D. Duff, M.A. (Loeb Classical Library). L.; Cambridge (Mass.), 1962. P. 8; *Roderici Ximenii de Rada Historia de rebus Hispanie sive Historia Gothica* / cura et studio J. Fernández Valverde. Turnhout, 1987. P. 194; *Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне* / пер. Л.Е. Остроумова, ред. и коммент. Ф.А. Петровского. М., 1993. С. 9 [репринт издания 1951 г.].

[7] Портазго (каст. *portazgo*) — пошлина на провоз товаров через городские ворота.

[8] Аделантадо (каст. *adelantado*) — наместник пограничной провинции; должность впервые введена при Альфонсо X.

[9] В тексте: *ayan señorio enteramente*.

[10] «Добрые люди» (каст. *homes buenos*, лат. *boni homines*) — наиболее уважаемые люди той или иной местности; в контексте «Партид» это слово приобретает и еще одно значение. Альфонсо X, иногда по собственному желанию изменявший значения тех или иных слов, указывал в тексте «Седьмой Партиды», что под обозначением «добрые люди» следует понимать королевских судей, назначаемых в разные города и провинции королевства.

[11] Ср. уже упоминавшийся фрагмент из «Дигест»: “Quod principi placuit, legis habet vigorem: utpote lege regia, quae de imperio eius lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem conferat” (D.1.4.1pr. Ulp. I Inst.).

[12] В оригинале: *cavallerias*.

[13] В оригинале: «из его руки» (*de su mano*).

[14] В этой детали заключается одно из важнейших для теории Альфонсо X отличий короля от императора. Последний, имея свою власть по праву избрания, должен постоянно добиваться любви народа и заботиться о ее сохранении и приумножении. Его власть основывается на рациональном выборе и не имеет мистической компоненты. В противовес ему король пользуется своей властью как наместник Христа на земле, как голова, душа и сердце мистического тела народа: он любит свой народ и любим им, и по-другому быть просто не может.

[15] Здесь и далее встречаются аллюзии на известный принцип *rex est imperator in regno suo*, отраженный, в частности, в булле Иннокентия III *Per venerabilem*, где он приобрел форму: *Rex superiorem in temporalia non recognoscit*.

[16] Речь идет о двух типах знания: знание эпохи благодати, после Откровения, и знания дохристианские, «естественные». Законодатель на первое место ставит благодатное, однако «естественное» мыслится им если и не равноценным «благодатному», то лишь немногим уступающим ему.

[17] См. 1 Петр. 2: 13–14; одновременно с этим формула «воздавать каждому свое право» (*dar a cada uno su derecho*) восходит к одному из основных принципов римского права, закрепленному в высказывании Домиция Ульпиана (D.1.1.10.1) и затем — в «Институциях» Юстиниана (Inst. 1.1.3).

[18] Представления о короле как о разумной душе народа восходят к аристотелианской традиции, в частности к трактату *Secreto de los secretos* и к традиции комментария трактата «О душе». См. также трактат Фомы Аквинского *De regimine principum seu de regno*, l.12: “Noc igitur officium rex se suscepisse cognoscat, ut sit in regno sicut in corpore anima et sicut Deus in mundo” (*Sancti Thomae de Aquino Opera omnia iussu Leonis XIII P.M. edita*. T. XLII. Roma, 1979. P. 464).

[19] Ср.: De regimine, l.1: “In uno etiam homine anima regit corpus, atque inter anime partes irascibilis et concupiscibilis ratione reguntur. Itemque inter membra corporis unum est principale quod omnia mouet, aut cor aut caput” (Ibid. P. 450) = «В человеке также душа правит телом, а между частями души — яростная и вожделеющая управляются разумом. Также и между членов тела есть один главный, который движет всеми, как сердце или голова...» (Фома Аквинский. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей. Книга 1 / пер. с лат. и коммент. А.В. Мареев // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 99–100; doi:10.17323/1728-192X-2016-2-96-128).

[20] Это практически прямая цитата из «Этимологий» Исидора Севильского: “Reges a regendo vocati. Sicut enim sacerdos a sacrificando, ita et

rex a regendo. Non autem regit, qui non corrigit. Recte igitur faciendo regis nomen tenetur, peccando amittitur. Vnde et apud veteres tale erat proverbium: 'Rex eris, si recte facias: si non facias, non eris'" (*San Isidoro de Sevilla*. Etimologías. Edición bilingüe / ed. por J. Oroz Reta, M.A. Marcos Casquero, M.C. Diaz y Diaz. Madrid, 2004. P. 754. IX.3.4).

[21] Имеется в виду «Политика», 3.X.1, 1285b23–25; см. также: *De regimine*, l.15. См.: *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 476; *Sancti Thomae de Aquino Opera omnia*. Т. XLII. P. 467.

[22] Отсылка к фрагментам 1-го послания к Тимофею (1 Тим. 6:15) и Апокалипсиса (Откр. 19:16), где Бог назван «Царем царствующих и Господом господствующих». В переводе я сохранил слово «король» в целях стилистического единства текста.

[23] Ср. дальнейший текст с рассуждением Фомы Аквинского в *De regimine*, l.1: «Ведь для прочих животных природа приготовила еду, волосяные покровы, защиту, как, например, зубы, рога и когти, либо, на крайний случай, быстроту в бегстве. Человек же устроен так, что у него нет от природы ничего из этого. Вместо всего ему дан рассудок, посредством которого он мог бы приготовить себе это все с помощью своих рук, но для того, чтобы все это сделать, недостаточно одного человека» (*Фома Аквинский*. Указ. соч. С. 98).

[24] Тезис о разделенности человеческих воль см., в частности, в булле Иннокентия III *Quia diversitatem*, включенной в Свод канонического права: *Corpus iuris canonici* / hrsg. von A. Friedberg. Graz, 1955. Bd. 2. Col. 489–490. X.3.8.5.

[25] Ср.: *De regimine*, l.1: «Также и между членов тела есть один главный, который движет всеми, как сердце или голова...» (*Фома Аквинский*. Указ. соч. С. 100).

[26] В тексте: *principes*. Слово это весьма многозначно и позволяет различные переводы. Совершенно неприемлемым представляется закрепившееся в русской традиции «государь», так как оно, во-первых, семантически размыто, а во-вторых, не отражает ни этимологической, ни исторической традиции латинского *princeps*. В данном случае я предпочитаю вариант перевода «князь» применительно к правителям германских сеньорий, Апулии и Антиохии и «принцепс», когда речь идет об императоре Древнего Рима.

[27] Речь идет о правителях Сардинии. Начиная как минимум с конца IX в. остров был разделен на четыре так называемых *юдиката*, руководили которыми *юдексы* (от лат. *Iudices* — судьи). На протяжении 1250-х годов два из четырех юдикатов потеряли независимость, перейдя под власть Пизы и Генуи, в 1288 г. была решена судьба третьего. Именование правителя «судьей» (*iudex*) восходит ко временам Римской империи, когда так часто называли наместников провинций. Однако конкретная модель управления Сардинией обязана своим возникновением периоду византийского владычества, длившемуся с середины VI по конец IX в. Подробнее см.: *Boscolo A. La Sardegna dei Giudicati*. Cagliari, 1979; *Ortu G.G. La Sardegna dei Giudici*. Nuoro, 2005 (и цитируемую там библиографию).

Следует отметить и еще один момент, позволяющий сделать предположение относительно времени составления данного закона. Говоря о судьях как четырех управителях Сардинии, юрист, писавший этот закон, употребил глаголы, описывающие их деятельность, в настоящем времени. Между тем известно, что после 1259 г. на острове осталось лишь два *юдиката*, а после 1288 г. — один.

[28] Нынешний Пелопоннес.

[29] В тексте: *duque*, этимологически восходящее к латинскому *dux*, т.е. «вождь». В русскоязычной традиции для периода зрелого Средневековья принимается перевод «герцог».

[30] В тексте: *oficio*.

[31] В тексте: *conde*, этимологически родственное латинскому *comes*, т.е. *комит*. В Римской империи это слово использовалось для обозначения людей, входивших в личную свиту императора, повсюду сопровождавших его. Именно из их числа зачастую назначались наместники городов и прочие должностные лица. Это привело к тому, что уже как минимум к началу IV в. слово стало обозначать высших должностных лиц империи (комиты городов) и руководителей различных ответвлений имперской администрации (комит священных щедрот, комит священной опочивальни и т.д.). В Вестготском королевстве термин *comes* означал, во-первых, глав городских или территориальных округов, назначавшихся королями или *дуксами* и представлявших короля в этих местах. Им, в свою очередь, были непосредственно подчинены окружные судьи, выполнявшие не только судебные, но и некоторые административные функции. Помимо комитов городов, существовали также комиты войска. Также этим словом назывались и главы отдельных ведомств внутри дворца (спатариев, нотариев, личной казны, фиска и т.д.), образующие в совокупности королевский совет (*Aula regia*). Об эволюции этой должности см. подробнее: Ауров О.В. Город и рыцарство феодальной Кастилии: Сепульведа и Куэльяр в XIII — середине XIV века. М., 2012.

[32] В тексте: *legitimar*. Правом объявлять незаконнорожденных детей свободными обладали верховные сюзерены средневековой Европы, т.е. императоры и короли, каждый в рамках своей юрисдикции. Также этим правом, использовавшимся применительно к детям клириков различных рангов, а также к незаконным детям самих королей, обладал Папа Римский. См. об этом знаменитую буллу Иннокентия III *Per venerabilem*: *Corpus iuris canonici*. Bd. 2. Col. 714–716. X.IV.17.13.

[33] В тексте: *catanes*. Этим словом, чуждым для языка эпохи Альфонсо X (ни «Словарь документов Альфонсо X», ни «Словарь кастильской прозы Альфонсо Мудрого» этого слова не знают), обозначались представители средней и низшей итальянской знати, фигурирующие в *Libri feudorum* как *capitanes*. Вместе с тем возможно и иное прочтение этого слова — *катепаны* (как интерпретирует его, например, Ж. Мартен в своем переводе этого закона). *Катепанами* называли византийских наместников на юге Италии (Итальянский катепанат, с X в.), затем, по принципу расширения, стали называть и иных представителей мелкой знати в

нормандской Сицилии и на юге Италии. Этимология греческого слова вызывает сомнение (например, В.В. Латышев выводил его от *капитана*: Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 19), а большого смысла отягощать перевод малопонятным современному читателю словом я не вижу. Поэтому в переводе оставлены *капитаны*. См.: *Titre I. Qui traite des empereurs, des rois et des autres grands seigneurs*.

[34] В тексте: *valvasores*. Слово происходит от позднелатинского сочетания *vassus vassorum* и означает дословно «вассал вассалов». Этим словом обозначали в южной Италии мелких феодалов, как правило державших феодалов от баронов или *капитанов*: Barbero A., Frugoni Ch. *Dizionario del Medioevo*. 6^a ed. Roma; Bari, 2011.

[35] Инфансонами называли представителей низшего слоя наследственной знати Кастилии: Valdeavellano L.G. *de. Curso de historia de las instituciones españolas*. Madrid, 1977. P. 319–321.

Олег Воскобойников **Марсилий Падуанский**

и его трактат «Перенос империи»

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_414-422

Масштабный «Защитник мира», законченный в 1324 г., представляет собой важнейший этап в жизни и творчестве итальянского политического мыслителя Марсилия Падуанского (1284/1287–1342) [1]. Он и снискал ему заслуженную славу, поскольку представляет собой едва ли не самое оригинальное средневековое сочинение о соотношении духовных и светских властей [2]. Созданные позже «Малый защитник» (*Defensor minor*) и «Перенос империи» (*De translatione imperii*) призваны были закрепить и продолжить его основные положения [3]. Второй из этих текстов я и хотел бы представить читателю в русском переводе, надеясь, что эта скромная лепта подвигнет моих друзей и коллег к созданию давно назревшего свода важнейших памятников политической полемики эпохи зрелой схоластики [4].

В конце второго раздела (*dictio*) «Защитника мира» Марсилий сообщает, что собирается с исторической точки зрения разобрать переход империи от греков к германцам в специальном сочинении [5]. Это обстоятельство — хороший указатель на то, *зачем* это сочинение возникло. История всегда служила способом сконструировать настоящее за счет прошлого, и этот элементарный закон сопровождал историю — и мифологию — средневековой Римской империи со времен Карла Великого [6]. Более того, всякая картина, написанная кистью современного историка или средневекового хрониста, по определению служит самоидентификации сообщества, к которому этот историк принадлежит [7]. История как род знания есть рефлексия общества, а потому будет существовать, пока существует оно само [8].

В первой четверти XIV в., на очередном витке сложных взаимоотношений между Империей и папством, закон этот действовал так же отменно, как и ранее. Так, понтифики как минимум начиная с декреталии 1202 г. *Venerabilem*, изданной Иннокентием III, не сомневались, что постепенный «переход» или «перенос» империи, *translatio imperii* с Востока на Запад — не просто дело Церкви, но и свидетельство ее власти над светским государством сейчас и навеки. Поэтому в 1323 г., не желая признавать избрание Людвига Баварского и короновать его, Иоанн XXII указывал на дарование империи Карлу Великому Апостольским престолом как на действующий прецедент. Незадолго до него Бонифаций VIII заявлял, споря с Филиппом IV, что может сместить любого короля, как любого слугу, *sicut unum garcionem*, к тому же, добавлял он, все же знают, что его предшественники лишили трона трех королей Франции, «как мы находим в наших хрониках, а они могут найти в своих» [9].

Битвы о границах *auctoritas* и *potestas*, духовной и светской, которые велись в основном на юридическом поле, в риторике энциклик и булл, с использованием схоластической логики становились предметом специальных трактатов вроде написанного для юного Филиппа IV «Правления государей» Эгидия Римского или «Монархии» Данте. Но периодически споры возникали и в области исторической мысли. Прошлое как будто само напрашивалось на использование в настоящем.

Именно поэтому Марсилиий, уже заканчивая свой главный труд, понял необходимость представить к этому проекту еще и историческую аргументацию. Вместе с тем он знал, что хронистика и анналы не могут служить достаточно авторитетной основой в политической теории, к его времени превратившейся в самостоятельную, пусть и связанную с другими, область знания и одновременно ставшей орудием пропаганды в реальной политике. Приведем в качестве примера хотя бы «низложение» Хильдерика, последнего Меровинга, «ленивого», но вполне законного. Современники Марсилия знали обстоятельства этого события как из относительно ранних первоисточников, вроде Эйнхарда, так и из недавних энциклопедических сводов типа «Исторического зеркала» Винсента из Бове. Но если эти тексты утверждали, что папа Захария не самовольно низложил короля, а просто «одобрил» действия знати, то подобное свидетельство можно было трактовать как угодно: будучи историческим прецедентом, оно отнюдь не превращалось в прецедент юридический [10]. Возможно, понимая амбивалентность подобных аргументов в целом, Марсилиий решил писать все же не историческое сочинение в строгом смысле, а «трактат».

«Перенос империи» состоит из двенадцати глав. Автор не скрывал, что взял в качестве образца — и предмета полемики — «Трактат о состоянии и изменении империи» (*De statu et mutatione imperii*) пропапски настроенного шартрского каноника Ландульфа Колонны [11]. Знакомство с этим сочинением, написанным между 1317 и 1324 гг., судя по всему, стало для Марсилия поводом вступить в спор. Назвав своего предшественника одновременно «почтенным» и «сатрапом», он метко указал и на

гуманистический авторитет знатного оппонента, и на его политическую ангажированность. Ландульф, однако, не был просто рьяным папистом. В шартрской библиотеке он читал римских классиков, «Поликратик» Иоанна Солсберийского, Боэция, а своей любовью к Титу Ливию сумел поделиться в Авиньоне с юным Петраркой. Ему принадлежит также компилятивная «Краткая история» (*Breviarium historiarum*). Одним словом, его можно было считать весьма авторитетным историком и гуманистом.

Схожесть «Переноса империи» Марсилия и трактата Ландульфа бросалась в глаза, думаю, уже современникам, у них были одни и те же источники и в целом одинаковая манера обращения с ними. В Новое время их печатали рядом (как в базельском издании 1566 г.). Однако политическая и отчасти мировоззренческая направленность их сочинений оказывалась разной, а местами и полностью противоположной, как можно увидеть на конкретных примерах [12]. Имея перед глазами несколько хроник, от позднеантичных до новинок масштаба «Церковной истории» Птолемея Луккского, законченной не позднее 1317 г., каждый выбирал в *истории* то, что подкрепляло его авторскую позицию по злободневному *политическому* вопросу. Опустить какие-то детали в той или иной коллизии прошлого значило уже трактовать ее с оглядкой на настоящее. Изменение тональности изложения, едва заметное сегодня и нелегко передаваемое в переводе, многое говорило читателю тех лет. Использование определенного эпитета по отношению к действующему лицу показывало не меньше, чем титулатура или точность даты. Когда Марсилиус приписывает Мухаммеду *prudentia*, это не знак какой-либо происламской симпатии, но дань своеобразного уважения политику, добившемуся невероятного успеха. Для нас же это знак довольно серьезного изменения ментальности: в эпоху Крестовых походов вряд ли кому-то пришло бы в голову приписать «лжепророку» одну из важнейших добродетелей христианского правителя.

К такой же отчасти парадоксальной инверсии Марсилиус прибегает и рассуждая о кардиналате — реальной опоре папской власти. Древность института он не подвергает сомнению, вслед за Мартином Поляком и Ландульфом перечисляет функции римских клириков, непосредственно связанных с курией, но считает необоснованной узурпацию у сенаторов принадлежавшего им — и только им — достоинства, *dignitas*. За короткой ссылкой на «Защитника мира» и немногословным разъяснением своей позиции на самом деле стоит реакция на многовековую работу Римской курии по выработке и укоренению среди мыслящих католиков представлений о кардинале как «члене тела Римской Церкви» и даже неотъемлемом члене «тела папы». Такой органонологической метафорикой оперировали в XII в. писатели масштаба Бернарда Клервосского, Иоанна Солсберийского и Оттона Фрейзингенского. В 1260-х годах влиятельный канонист Остиец развернул формулу *pars corporis* на языке права, комментируя Декреталии, и пришел к выводу, что связь всех членов тела, с папой (в прямом смысле слова) *во главе*, столь нерушима, что кардиналы даже не должны приносить понтифику клятву, «потому что они — его

внутренние органы» [13]. Действительно, не может же тело присягать самому себе или, напротив, отвергать власть своего главного органа, если, конечно, это не сатира, т.е. нечто шутливо-невозможное [14].

Для Марсилия вся эта выцветшая символика, пропитавшая, однако, вполне конкретные притязания папства, дешево стоит: «Защитник мира» отвергает божественное происхождение папства и, следовательно, легитимность «абсолютной власти», на которую претендовали Бонифаций VIII и его ближайшие наследники. И это обстоятельство весьма симптоматично, если смотреть на вещи с точки зрения истории ментальности. Подобные десимволизация и «заземление» института, представлявшего власть *не от мира сего*, звучали в какой-то степени столь же революционно, как и дантовская защита земного счастья *наравне* со счастьем небесным [15]. Революционно, но вместе с тем ожидаемо для их аудитории, давно спустившейся с небес на землю вместе со своими «ценностными ориентациями» [16]. И эта аудитория кое-что значила во вполне реальной, а не только символической жизни Запада — и не только в его, Запада, «системе ценностей».

Данте резко критиковал конкретных пап, не скупясь на адские муки:

Как, Бонифаций, — отозвался тот, —

Ты здесь уже, ты здесь уже так рано?

На много лет, однако, список врет.

Иль ты устал от роскоши и сана,

Из-за которых лучшую средь жен,

На муку ей, добыл стезей обмана? [17]

Бонифаций VIII оказался в Злых Щелях вместе с Симоном Магом за обман — «покупку» «лучшей из жен», т.е. Церкви. Но таких обвинений и обвинителей хватало и без поэта и его «Комедии». Самое страшное обвинение Данте вложил в уста самого Петра:

...Что я меняюсь цветом,

Не удивляйся; внемля мой глагол,

Все переменят цвет в соборе этом.

Тот, кто, как вор, воссел на мой престол,

На мой престол, на мой престол, который

Пуст перед Сыном Божиим, возвел

На кладбище моем сплошные горы

Кровавой грязи; сверженный с высот,

Любуясь этим, утешает взоры [18].

Перед нами — приговор конкретному человеку, с которым у Данте личные счета, и этот приговор вложен в уста того, чьим викарием понтифик признается повсеместно. Мощная тройная анафора «престол мой» стилистически и содержательно отсылает к пророку Иеремии: «Не надейтесь на обманчивые слова: здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень» (Иер. 7:4). Престол, формально занятый, на самом деле пустует, ибо занят незаконно. «Кладбище мое», т.е. место мученической смерти Петра, метонимически означает Рим, оно осквернено, буквально — превращено в «кروавую, зловонную клоаку», *cloaca / del sangue e de la*

pizza. И все это происходит на радость поверженному дьяволу. Поэт дал волю гневу, но он не поставил под сомнение небесную природу института, а оскорбление, нанесенное Бонифацию VIII, знаменитую «пощечину», счел оскорблением не человека, но наместника Христа:

Но я страшнее вижу злодеянье:

Христос в своем наместнике пленен,

И торжествуют лилии в Аланье [19].

Марсилиий, еще один католик и интеллектуал, не гениальный поэт, но совсем не бесталаный писатель и не менее страстный политик, назвал папство не более чем результатом общественного договора [20]. Подчеркну: не более чем, хотя и это немало для того времени. Хронологическая разница между «Переносом империи» и «Монархией» составляет либо несколько лет, либо чуть больше десятилетия (в зависимости от спорной датировки последней), Марсилиий и Данте могли познакомиться в Париже около 1310 г. и, следовательно, не могли не повлиять друг на друга [21]. Но шаг, сделанный Марсилием, оказался смелее, и, как показали события в Риме, он не всеми был понят и принят.

Вернемся напоследок к нашему памятнику. Опираясь то на официальную куриальную историю — «Папскую книгу» (*Liber pontificalis*), то на иные известные им хроники, и Ландульф, и Марсилиий периодически путаются в хронологии. В этом они как раз не более чем ранние или, если угодно, *proto*-гуманисты, как часто и называют их поколение. Когда за критику «Константинова дара» и прочих мифов столетие спустя взялся Лоренцо Валла, он оперировал уже новыми методами и рассчитывал на иной уровень понимания в читательской среде [22]. Потому что история политических учений еще и история критического мышления, опиравшегося на обновленные *studia humanitatis*. Однако, как и у их многочисленных средневековых предшественников в среде историописателей, мы можем констатировать у Марсилия замечательный вкус к детали и не менее замечательное умение ненавязчиво, не «в лоб» использовать каждую такую деталь для выстраивания нужного ему настоящего за счет подходящих для этого событий прошлого.

Он не был первым, кто отрицал божественность папской власти, но он не был ни катаром, ни вальденсом — напротив, его избрали профессором, а в 1312 г. даже ректором Парижского университета, затем каноником в родной Падуе, и одно время он пользовался поддержкой некоторых кардиналов. Впрочем, в верного сына Римской церкви он, конечно, не превратился. В 1327 г. он присоединился к Людвигу Баварскому в качестве советника и сопровождал его во время «похода на Рим», завершившегося, как известно, «народной» коронацией в базилике Св. Петра: корону Виттельсбаху вручил капитан народа Джакомо Шарра Колонна. Марсилия назначили духовным викарием города Рима. Иоанн XXII, обвиненный в ереси, был объявлен низложенным, вместо него под именем Николая V оказался поставлен понтификом Пьетро Райнальдуччи, выбранный при участии Марсилия из среды францисканцев-спиритуалов и ставший последним в истории имперским антипапой (1328–1330). В

соответствующей энциклике, выпущенной по этому поводу, присутствуют аргументы, взятые непосредственно из «Защитника мира». Апокалиптического масла в огонь подлил и непонятно откуда явившийся знаменитый мистик Убертино да Казале, объявивший Иоанна ХХII антихристом и вскоре исчезнувший, уже навсегда. Тесные отношения, связывавшие рационалиста Марсилию с радикальными спиритуалами, хорошо известны. А потому нетрудно догадаться, что между «Переносом империи» и всеми описанными событиями связь оказалась самая непосредственная. Следующим же этапом в средневековых перипетиях Империи и в рассуждениях о ее *translatio*станет уже, несомненно, «Золотая булла», утвержденная Карлом IV Люксембургом. Однако это — уже совсем другая история... [\[23\]](#)

- [1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Культурные модели европейского Средневековья», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.
- [2] *Watt J.A. Spiritual and Temporal Powers // The Cambridge History of Medieval Political Thought* с. 350 — с. 1450 / J.H. Burns (ed.). Cambridge, 1988. P. 416. Существует русский перевод «Защитника мира», сделанный с французского, а не с латыни: *Марсилию Падуанский. Защитник мира / пер. Б.У. Есунова. М., 2014.* Интерес к Марсилию Падуанскому и в особенности к «Защитнику мира» в последние годы столь велик, что приводить даже минимальную библиографию представляется бессмысленным, тем более что рассмотрение творчества Марсилию в рамках истории политической мысли или взаимоотношений между Империей и папством не входит сейчас в мои задачи.
- [3] Другие относительно небольшие философские и пропедевтические сочинения приписываются Марсилию с большей или меньшей основательностью: *Briguglia G. The Minor Marsilius: The Other Works of Marsilius of Padua // A Companion to Marsilius of Padua / G. Moreno-Riano, C.J. Nederman (eds). Leiden; Boston, 2012. P. 266–268.*
- [4] *Marsile de Padoue. Œuvres mineures. Defensor minor. De translatione imperii / texte établi, traduit et annoté par C. Jeudy, J. Quillet. P., 1979. P. 372–432.*
- [5] *Marsilius von Padua. Defensor pacis. II, XXX, 7 / hrsg. von R. Scholz. Hannover, 1933. S. 600.*
- [6] *Бойцов М.А. Как Александр Македонский по пути из Чехии поддержал москвитов // Polystoria. Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе / отв. ред. М.А. Бойцов, О.С. Воскобойников. М., 2016. С. 265–300.*
- [7] *Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 7 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. М., 2005. С. 15.*
- [8] *Бойцов М.А. Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2 / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 1999. С. 17–41.*

- [9] *Dupuy P.* Histoire du differend d'entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel Roy de France. P., 1655. P. 79.
- [10] Так в связи с казусом Захарии и Пипина рассуждал как раз в начале 1300-х годов, во время противостояния между Филиппом IV и Бонифацием VIII, доминиканец Иоанн Парижский, по прозвищу Спящий (*Quidort*) в трактате «О королевской и папской власти».
- [11] Трактат издавался в Новое время под разными названиями, например: *De iurisdictione, autoritate, et praesentia imperiali*. Basel, [1566]. S. 284–296. Я привожу то, которое сам Ландульф использует в первых строках своего сочинения.
- [12] Сходства и различия трактатов известны в историографии и неплохо разобраны уже в комментариях Жаннин Кийе и Колетт Жёди. Нынешнее состояние вопроса отражено в статье Лауры Гароццо: *Garozzo L.* Tractatus de statu et mutatione imperii // *Aevum*. 2017. Vol. 91. P. 537–569 (библиография: P. 562–569).
- [13] *Hostiensis.* Lectura in quinque Decretalium libros. Venezia, 1581. Fol. 86v. См. подробнее об этом мнении Остийца, об экклесиологии кардиналата и ее месте в идеологии средневекового папства: *Leclerc J.* Pars corporis papae. Le sacré collège dans l'ecclésiologie médiévale // *L'homme devant Dieu. Mélanges offerts au Père Henri de Lubac*. Т. II. P., 1964. P. 185–186; *Paravicini Bagliani A.* Il corpo del papa. Torino, 1994. P. 87–89.
- [14] *Воскобойников О.С.* Casus belli, или Без царя в голове: анонимная поэма «Чрево» и поэтика тела в XII–XIII вв. // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории*. Вып. 14 / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2019. С. 319–337.
- [15] *Данте Алигьери.* Монархия. III, III, 16 / пер. В.П. Зубова // *Данте А. Малые произведения / изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов*. М., 1968. С. 360–362.
- [16] *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // *Одиссей. Человек в истории* — 1991. М., 1991. С. 25–44.
- [17] *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Ад. XIX, 52–57 / пер. М.Л. Лозинского; изд. подг. И.Н. Голенищев-Кутузов. М., 1967. С. 85.
- [18] Рай. XXVII, 19–27.
- [19] Чистилище. XIX, 85–87. «Аланье» — т.е. Ананьи, папская резиденция под Римом, в которой Бонифаций VIII был схвачен Шаррой Колонной и Гильомом де Ногаре, человеком Филиппа IV, требовавшими его отречения. Ср.: «Верховный первосвященник, наместник Господа нашего Иисуса Христа и преемник Петра, которому мы должны воздавать не все, что должны воздавать Христу, но все, что должны воздавать Петру» (*Данте Алигьери.* Монархия. III, III, 7. С. 343). О пощечине и вообще об обстоятельствах ареста папы в сентябре 1303 г. см.: *Paravicini Bagliani A.* Boniface VIII. Un pape hérétique? P., 2000. P. 380–382.
- [20] *Marsilius von Padua.* Defensor pacis. I, XIX, 6. S. 130.
- [21] *Dolcini C., Lambertini R.* Marsilio Mainardini (Marsilio da Padova) // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 67. 2006.

<[http://www.treccani.it/enciclopedia/marsilio-mainardini_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/marsilio-mainardini_(Dizionario-Biografico))> (дата обращения 05.05.2020).

[22] Характерно, однако, что составитель цитировавшейся выше базельской антологии папско-имперской полемики помещает «О ложном Константиновом даре» Лоренцо Валлы вместе с другими средневековыми сочинениями, начиная с памфлетов времен борьбы за инвеституру: *Laurentius Valla. De falsa donatione Constantini // De iurisdictione. S. 728–784.*

[23] *Бойцов М.А.* Золотая Булла 1356 г.: империя как тело, виноградная лоза и «священное здание» // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 89–120; *Бойцов М.А.* Какую реальность отражает структура текста «Золотой буллы» 1356 г.? // Человек читающий: между реальностью и текстом источника / отв. ред. О.И. Тогоева, И.Н. Данилевский. М., 2011. С. 105–135.

Марсили́й Падуа́нский **Перенос империи [1]**

Перевод и примечания Олега Воскобойникова

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_423-442

Двенадцать глав этого трактата

Первая — о цели повествования.

Вторая — о том, как Римская империя неизменно оставалась в Риме при тридцати трех императорах 354 года и пять месяцев.

Третья — о том, как восточные народы — персы, арабы, халдеи и другие их соседи — отпали от Римской империи.

Четвертая — о том, кто были те народные предводители, которые, воспользовавшись случаем, подняли мятеж.

Пятая — о начале и порядке перехода Империи от греков к франкам.

Шестая — о том, как Пипин во времена папы римского Захарии из майордомов был возведен в короли франков.

Седьмая — о том, как король франков Пипин по просьбе Римской Церкви пошел в Италию войной против короля лангобардов Астульфа, победил его и вернул Римской Церкви ее владения.

Восьмая — о том, как при папе Адриане Карл Великий стал патрицием Города и получил пожалование Римского Апостольского престола.

Девятая — о том, как Римская империя перешла от греков к франкам.

Десятая — о том, как империя перешла от франков, или галлов, к германцам.

Одиннадцатая — о том, как у германцев появились выборщики империи.

Двенадцатая — эпилог сказанного.

Глава первая

В трактате под названием «Защитник мира» мы рассказали о том, как устроено римское и всякое иное государство, как оно обновляется или меняет форму правления, каким оно должно и может быть согласно разуму и праву. Теперь мы хотим повести речь о переходе императорской власти, четко следуя некоторым хроникам и историям почтенного Ландульфа Колонны, сатрапа [2] Рима, хотя его сочинение не во всем совпадает с нашей точкой зрения, в особенности в том, как он поправа права Империи по собственному усмотрению и бездоказательно. Итак, для начала расскажем о переходе императорской римской власти — о том, от кого и как она перешла от римлян к грекам, потом от греков — к галлам, или франкам, наконец, от франков, или галлов, — к германцам.

Прежде всего следует учесть, что «Римская империя» в одном из своих значений указывает на монархию, или королевскую власть, исключительно в городе Риме, каковым он был изначально, и это будет ясно из нижеследующего. В другом же значении она относится ко вселенскому, всеохватному монархическому правлению над всем миром или по крайней мере над многими провинциями, каковым город Рим и римское государство стали в процессе развития. Этот второй смысл мы и будем иметь в виду, рассуждая о ее переходе.

Начнем по порядку с самого начала и расскажем о происхождении города или государства Римского, о начале слабой монархии, о росте ее и становлении всемирной монархии или высшей власти. Затем уже поведаем о ее переходе от трона к трону, от народа к народу, следуя порядку времен. Сведения о происхождении и первоначальной структуре Рима почерпнем из надежных историй [3]. Бежав после гибели Трои, Эней морем достиг Италии и здесь основал Римскую империю, на том самом месте, где сейчас Рим, и здесь же, поскольку место ему понравилось, он посеял семена римского народа [4]. Семена эти со временем дали прекрасные всходы, по всем климатам расправили они свои ветви, словно зерна малой горчицы, которая дивно разрастается среди прочей зелени: под сенью ее все растения — цари, государи и тираны — с народами своими наслаждались мирным покоем [5]. Упражнением в оружии, полевой дисциплиной, воинской выучкой, миролюбием, уважением к правосудию, почтением к законам, добрососедством, трезвостью суждений, продуманными словами и делами — вот чем произошедшие от Энея римляне достигли власти над миром. Семьсот лет, от Ромула до Цезаря Августа, римский народ так уверенно и умело вел свои войска по кругу земному, силой подчиняя себе все царства мира, что, читая об удивительных деяниях, подумаешь, что совершил их не один народ, а весь человеческий род, и поверишь, что за создание Империи ратовали и вся добродетель человеческая, и фортуна.

Глава вторая

Согласно некоторым мнениям, Римская империя началась с Юлия Цезаря, но правильнее считать, что с Октавиана Августа, первого римского

императора. Как объективно явствует из истории, Юлий Цезарь, хотя и был первым, захватил римскую монархию, он был не императором, а насильником государства, узурпатором власти, поэтому в списке римских государей не числится [6]. До Константина Великого, при тридцати трех императорах 354 года и пять месяцев, империя неизменно оставалась в Риме. Этот Константин на седьмой год правления перенес столицу в город Византий, называемый теперь Константинополем и по императорскому праву пользующийся прерогативой старого Рима. Там он устроил императорский двор, а Рим с некоторыми итальянскими провинциями отдал в распоряжение блаженному Сильвестру, тогдашнему папе римскому, и его преемникам, как о том рассказывают некоторые истории, утверждающие также, что по настоянию понтифика он наделил сенаторским достоинством некоторых римских клириков. Называвшиеся тогда клириками Римской Церкви теперь кардиналы, но до Сильвестра они были просто клириками, или священниками Римской Церкви: у них не было титулов, приносивших почет и достоинство, их титулы означали служение — проповедь, захоронение мучеников, крещение и исповедь [7]. Эти функции возникли задолго до Сильвестра, во времена Клета и Анаклета, Дионисия и Марцеллина, но при Сильвестре римские священники получили звание, дававшее почет, права и достоинство, которыми при Константине обладал Сенат. Правильно это или нет, интересующийся узнает из нашего «Защитника мира» [8].

Отметим, что Мартин Польский в своей «Хронике» указывает число кардиналов — пятьдесят два: шесть епископов, двадцать восемь пресвитеров и восемнадцать дьяконов. Одни сопредседательствуют с верховным понтификом. Таковы епископы, сидящие на торжествах рядом с папой и занимающие кафедры. Другие — сопредседательствуют: таковы пресвитеры, которые каждую неделю присутствуют при богослужении и чтении часов. Третьи — причтены: таковы дьяконы, они прислуживают во время мессы, облачают папу и служат у алтаря [9]. По распределению титулов, проведенному сначала Клетом, потом Анаклетом и Марцеллином, их еще больше, но этому в наше время значения не придается. Историки единогласно сходятся на том, что кардиналами этих клириков впервые назвал блаженный Сильвестр. До тех пор, как уже говорилось, они называли пресвитерами Рима, как явствует из «Церковной истории» Евсевия и из того случая, когда пресвитер Римской Церкви Новациан, стремясь к папской власти, попытался помешать избранию папы Корнелия [10].

Глава третья

Константин и его преемники мирно правили Востоком до двадцатого года императора Ираклия, когда все восточные народы отпали от латинского владычества. А поскольку причина этого отпадения и как оно произошло, никому не известны, я подумал, что не лишнее дело рассказать о том, как восточные народы полностью отказались от власти и религии греков и

латинян. Причиной, по которой восточные люди, т.е. персы, арабы, халдеи и другие пограничные народы, отпали от власти Римской империи, стала тирания Ираклия [11]. Одержав над персами великую победу, он стал жестоко править ими и другими восточными народами, поэтому те, воспользовавшись случаем, восстали. А чтобы закрепить свое отпадение и не подпасть снова под прежнюю власть, они последовали совету Магомета, отличавшегося среди персов богатством и влиянием, и сменили культ, чтобы новые верования и новая религия, иными словами — секта, не позволили им вернуться к бывшим государям. Возможно, они взяли пример с Иеровоама, который десяти последовавшим за ним племенам дал новый культ, дабы они не вернулись к прежней, законной власти [12]. На нечто подобное пошли и греки: чтобы не подчиняться Римской Церкви, они приняли другой культ и изменили церковные обряды, сознательно впад в разного рода заблуждения. Все их коснеющие в расколе монахи — несториане, евтихиане, ариане, яковиты или эбиониты. Вот что случилось с племенами и народами в тех землях, где произошли восстание и распря. Чтобы восстание это имело долгий успех, они раскол превратили в секту, чтобы уйти не только от Империи, но и от христианства, приняв и нечто общее для Моисеева закона и для Евангелия, что явствует из Корана. Показательно, что некоторые еретические секты, судя по Корану, были очень близки Магомету и Сарацинскому закону, например несториане, которых Магомет велит почитать. А Ришар в хронике рассказывает, что несторианский монах по имени Сергей долго учил Магомета, потому-то у них великие монастыри в сарацинских владениях [13].

Глава четвертая

Описав, как и почему восточные народы отпали от владычества греков и латинян, посмотрим теперь, какие из них в особенности воспользовались этими обстоятельствами, чтобы разжечь мятеж, а какие не только осмелились на восстание и неподчинение, но и завоевали области Римской империи или близкие императору [14]. Ришар в своей хронике, Мартин, Исидор и Аймон в четвертой книге «Деяний франков» согласны в том, что первым решилось на такую дерзость племя, пришедшее из Аравии и предгорий Кавказа. Согласно хронике Иеронима, оно зовется набатеями, от Набаота, первенца Измаила, поэтому его нужно называть не сарацинами, но агарянами или измаилитами [15]. Разоряя земли империи, этот народ дошел до Сирии и Иудеи, навстречу ему выступило несметное войско императора Ираклия, которое было полностью уничтожено: сто пятьдесят тысяч полегло из воинов этого императора. Однако рассказывают, что враги проявили человечность и через посланников вернули императору всю добычу. Но Ираклий от этого дара отказался и призвал на помощь аланов, пришедших вроде бы с Кавказа, где их, если верить историям, запер Александр, восстановил войско и собрал бесчисленную рать. Во главе сарацин стояли два военачальника, подготовивших к войне двести тысяч воинов. Обе армии расположились лагерем в боевой готовности друг

напротив друга, а в ночь перед битвой в лагере греков обнаружилось, что пять тысяч два человека мертвы. Остатки армии в ужасе разбежались кто куда, оставив всю империю неприятелю. Получив известие об этом поражении и не находя в себе сил, чтобы оказать сопротивление, император с горя заболел и от отчаяния заразился и душой: по сведениям некоторых историков, он запяtnал себя заблуждениями Евтихия и женился на дочери своей сестры — Мартине. По другим сведениям, в ересь он впал до этой войны.

После этого разрослась армия арабов и набатеев за счет соседних земель — халдеев, аммонитян и моавитян, — к ним, как пишет в хронике Ришар, присоединился Магомет, правивший в Аравии. Обученный, как считается, магическим искусствам, но, как мне кажется, скорее благодаря своей дальновидности, воспользовавшись всеобщей ненавистью к империи, он убедил эти народы жить по его правилам, а чтобы усилить собственную власть, неоднократно обманывал людей своим искусством и отвратил от веры, утверждая, что им не удержать власти, если не откажутся от христианства и не последуют его наставлениям. Он делал вид, что обладает неким божественным даром, и, всякими фокусами обманывая народ, убедил их в том, что он пророк [16]. Этой чепухой он так прельстил одну знатную и могущественную вдову по имени Хадиджа из области Хорасан [17], что та вышла за него замуж и он получил власть над той землей. Прельстил он и многих иудеев, которые поверили, что он их Мессия. Хитростью, силой, послаблением законов по любовной части и великими обещаниями на будущее он соблазнял народы, оружием заставляя их присоединяться к своей нечисти. Следуя данному через Магомета закону, поднявшие оружие на империю народы заставляли принимать закон Магомета жителей завоеванных земель, а если те отказывались его принимать, их казнили. Из Аравии они пришли в Египет, подчинили тамошний народ и так же поступили, пройдя по Африке. Дойдя до самой Испании, они заставили и ее частично отпасть от прежней веры. Так они умножились, больше жестокой войной, нежели проповедью.

Глава пятая

После смерти Ираклия и падения власти империи на Востоке императорская столица оставалась в Греции, в Константинополе, до времени Константина VI и его сына Льва [18], при 33 императорах, включая Константина Великого, 451 год и два месяца, начиная с 23 лет правления Константина: именно столько лет он прожил, перенес столицу из Рима в Грецию. Тогда, при папе Льве III, начался переход империи от греков к франкам. Из-за расхождений в свидетельствах эта история никому не известна, потому что неясны ее истоки, тем не менее следует знать и четко понимать, что первоначальным поводом для этого переноса стал конфликт между императором Львом III и Римской Церковью по вопросу о почитании церковных образов [19]. Император Лев III утверждал, что изображения Христа и святых почитать нельзя, потому что он видел в этом

род идолопоклонства. А Григорий III, возглавлявший тогда Римскую Церковь, считал, что почитать образы Христа и святых нужно. Император Лев так упорствовал, что прибыл из Константинополя в Рим, забрал все изображения Христа и святых, какие смог найти, увез в Константинополь и приказал сжечь. В ответ понтифик Григорий III решился отлучить Льва и убедил всю Апулию, всю Италию и всю Гесперию [20] перестать ему подчиняться, и, судя по последствиям, хотя и не должным образом, он в этом начинании преуспел: уж не знаю, какой властью, а скорее дерзновением он торжественно запретил императору сбор налогов, созвав в Риме собор, подтвердил почитание святых образов и предал анафеме нарушителей этого решения [21].

Лев умер, не изменив политики, ему наследовал его сын Константин V, разделявший отцовские взгляды [22]. Поскольку он нисколько не благоволил Римской Церкви, папа Стефан II, собственно, и задумал перенести Римскую империю от греков к франкам при жизни Пипина, впоследствии короля франков, который пережил понтифика. Когда иные говорят, что империя перешла от греков к франкам при Стефане, это следует понимать так, что переход был запланирован, но не осуществлен. Таким образом, во время папы Стефана был запланирован переход Римской империи к франкам, чью заботу римский клир уже хорошо почувствовал.

Глава шестая

Пипин, сын Карла Мартелла, отважный воин, добрый католик, известный честным нравом, по свидетельствам церковных авторов, пожелавший узурпировать чужую власть, из майордомов был возведен в достоинство короля франков папой Захарией. Этот Захария, говорят они, не за какие-то злодеяния, но просто за бесполезность его на таком высоком троне сместил франкского короля Хильдерика, а на его место поставил Пипина, отца Карла Великого, освободив всех франков от присяги верности, связывавшей их с Хильдериком. Однако правдивее пишет в «Деяниях франков» Аймон: Пипина законно избрали королем франки и возвела на трон франкская знать, а архиепископ Реймский Бонифаций помазал его в монастыре св. Медарда в Суассоне. Хильдерик, называвшийся королем, косневший в уютах и бездельи, постригся в монахи. Значит, не Захария сместил Хильдерика, но, скорее, согласился с действиями тех, кто его сместил. Дело в том, что смещение короля и возведение на трон другого не касается епископа, иного клирика или целой коллегии, но принадлежит всем жителям области, гражданам [23], знати или подавляющему большинству их — мы доказали это в двенадцатой, тринадцатой, пятнадцатой и восемнадцатой главах первого раздела нашего «Защитника мира». Так что свидетельство Аймона нужно принять, а писания клириков — отвергнуть как ложные и предосудительные по отношению к франкам. А чтобы яснее стало, зачем, почему и как произошел этот переход империи

от греков к франкам, коротко перескажем историю этого Пипина, короля Франкии и Германии.

Глава седьмая

Когда умер папа Захария, одобвивший возведение Пипина на трон (а, по мнению некоторых, тот и вовсе без его согласия уже был законным королем франков, как явствует из сказанного выше), в год Господень 778-й, от основания Города 1530-й, верховным понтификом стал Стефан II [\[24\]](#), римлянин по отцу своему Константину; как пишет о том Аймон в пятой книге «Деяний франков», допекаемый лангобардским королем Айстульфом, он прибыл во Франкию к королю Пипину, чтобы добиться возвращения отнятого Айстульфом имущества Римской Церкви [\[25\]](#). Как полагается, король Пипин встретил папу римского на расстоянии трех миль и с почестями проводил в свой королевский дворец [\[26\]](#). Здесь папа четко объяснил королю причину приезда и в деталях поведал об оскорблениях, нанесенных ему Айстульфом. Желая услужить папе и исполнить его волю, король подготовил большое войско и вместе с понтификом выступил в Италию против Айстульфа. Тот всеми силами оказал сопротивление королю и отказался вернуть имущество Римской Церкви. Завязалась между ними битва, в которой Айстульф со своими людьми проиграл и вынужден был вернуть Римской Церкви ее владения. Выдав 40 заложников из знатнейших людей королевства, он поклялся вернуть достояние Римской Церкви. Затем победоносный король Пипин счастливо вернулся во Франкию, а папа Стефан — на апостольскую кафедру, в Рим. Однако Айстульф не сдержал данного Пипину обещания, король вернулся в Ломбардию, осадил Айстульфа в Павии и заставил выполнить обещанное. Пипин отправился потом в Равенну, взял ее и подчинил все Пятиградие в Романии вместе с Экзархатом, в котором находится Болония. Все это, как о том пишут, он фактически передал Римской Церкви [\[27\]](#).

Соблазнившись этими благодеяниями и воспользовавшись слабостью тогдашнего императора [\[28\]](#), папа Стефан с приспешниками осуществил перенос империи от греков к франкам, позабыв о поддержке, которую императоры оказывали Римской Церкви: он сделал все возможное, чтобы передать ее далеким чужакам, а самому, при подавленных греках и ни о чем не заботящихся франках, спокойно править Италией. Вот как следует понимать письменные свидетельства, утверждающие, что империю перенесли от греков к франкам при папе Стефане: в его время перенос был спланирован. При другом папе [\[29\]](#) и Льве III он был осуществлен, как станет ясно из ниже следующего.

Глава восьмая

Умер понтифик Стефан II при защитнике Римской Церкви Пипине, на восемнадцатом году правления путем всякой плоти отправился и сам Пипин, а на трон вступил его сын Карл, за величие добродетелей прозванный Великим, быстро сменили друг друга три папы, избрание и

жизнь которых я краткости ради опущу: это Павел I, Константин II и Стефан III. И тогда, в год Господень 795-й, от основания Города 1547-й, был избран папой Адриан I, римлянин по отцу своему Феодору, из квартала Вия Лата: он правил Римской Церковью 23 года 10 месяцев 18 дней. Этот понтифик призвал на помощь против лангобардов Карла Великого, который, как сказано, правил тогда Франкией и Германией. После смерти упоминавшегося лангобардского короля Айстульфа ему наследовал его сын Дезидерий: пойдя по стопам отца, он лишил Римскую Церковь имущества, забрав ее деревни, города, замки и прочие владения, а римлян обложив налогами и сборами. Поэтому Адриан направил во Франкию кардинал-пресвитера Петра, чтобы просить у Карла помощи против Дезидерия. Государь принял легата милостиво и на собрании знати и прелатов решил удовлетворить прошение Адриана. Отпустив легата с ожидавшейся милостью, король собрал большое войско и морем и через горные теснины, преодолевая немалые трудности, повел его в Ломбардию. В Лигурии и Эмилии, называемых теперь равнинной Ломбардией, он разбил шатры под Павией и, став лагерем, чтобы быть верными истории, там отметил Рождество Господне.

Однажды, оставив войско, Карл по благочестию отправился в Рим и с Адрианом отпраздновал Пасху, после пасхальных торжеств вернулся в лагерь под Павией, продолжил осаду и взял город. Он принял короля лангобардов Дезидерия с женой и детьми, все они подчинились его власти, и тогда же власть короля Карла признали пришедшие из отдельных городов Италии посланники и вестники [30]. Когда все так счастливо завершилось, он прибыл в Рим, вернул Римской Церкви ее владения, заодно от щедрот своих фактически одарив ее герцогствами Сполето и Беневенто [31]. Обрадовавшись этому государеву дару, понтифик Адриан созвал в Риме собор из 153 епископов и аббатов: на этом общем собрании славный государь Карл получил право и власть избирать римского папу и назначать на апостольскую кафедру, ему также пожаловали достоинство патриция, которое некогда обозначало как бы отца государя. Кроме того, решили, что от него станут получать инвеституру епископы и архиепископы всех провинций. А чтобы никто не посвящал в сан епископа без одобрения и инвеституры короля, всех ослушников этого решения собор анафематствовал и, в случае отсутствия раскаяния, лишал имущества. На подобные пожалования или действия не имел никакого права ни этот понтифик, ни иной епископ или клирик иначе как по поручению и решению римского народа.

Первым пожалованием, правом избирать римского папу и назначать на апостольскую кафедру, Карл не пользовался: возможно, потому, что мало было пап в его правление после этого пожалования, т.е. в течение 40 лет. В то время, за 44 года и несколько месяцев, Римскую Церковь возглавляли лишь папы Адриан и Лев III. Однако нет и свидетельств, чтобы Карл отказался от этого полагавшегося ему согласно пожалованию права или кому-то его передал. Что же до второго пожалования — поставления епископов, — им он иногда пользовался, как явствует не раз из истории его

деяний. Говорят, однако, что от этого права отказался Людовик [\[32\]](#). Но чтобы поскорее продолжить наш разговор о переносе империи, опустим множество славных дел Карла.

Глава девятая

После смерти Адриана, в правление защитника Римской Церкви Карла Великого, римским папой стал Лев III, римлянин по отцу своему Айстульфу. В год Господень 819-й, от основания Города 1571-й, понтифика схватили в Риме во время Литании, ослепили и лишили языка. Его поместили в темницу, но ночью он выбрался через стену и бежал к посланникам Карла, аббату Гирунду и Вингизу герцогу Сполетскому, которым доверял. Ришар в своей хронике и еще некоторые историки пишут — и пусть верит кто хочет, потому что достоверных доказательств такой его святости не найти, — что он божественной силой полностью вернул себе члены, т.е. глаза и язык, и прибыл во Франкию к Карлу Великому как главному защитнику Церкви. Тот встретил его, как и полагается, с честью, приехал с ним в Рим и справедливо отомстил за оскорбление понтифика и Римской Церкви [\[33\]](#).

Аймон, в «Деяниях франков» описавший события весьма подробно, рассказывает, что, когда король приблизился к местечку Ментана, в 12 милях от Рима, приехавший раньше папа Лев с большой свитой явился перед ним, принял как римского патриция, со всем смирением и почтением, и отобедал с ним там же. Так об этом рассказывает история. Затем вместе со свитой он проводил его в Город. На следующий день папа встал на ступенях базилики св. апостола Петра, навстречу государю выслали городские хоругви, в нужных местах были расставлены группы паломников и горожан для пения славословий пришедшему королю. Вместе с клиром и епископами он принял его, когда тот сошел с коня и стал подниматься по ступеням, сказал приветственное слово и, под пение псалмов, ввел в базилику св. Петра. Это произошло на 33 год правления Карла. Неделю спустя, собрав ассамблею, король объявил, зачем он прибыл в Рим, и с этого дня приложил все старания, чтобы выполнить свои намерения. И хотя понтифик обвинялся в тяжких преступлениях, не нашлось никого, кто представил бы законное доказательство вины, верховный понтифик при всем народе и с согласия короля с Евангелием в руках поднялся на амвон и, призвав имя Святой Троицы, клятвою канонично очистился от вменявшихся ему преступлений [\[34\]](#).

Другие истории добавляют, что три кардинала, возложив руки на святые божи Евангелия, подтвердили, что все предъявленные понтифику обвинения ложны. Это очищение было торжественно подтверждено клиром и народом и законно закреплено государем. В тот же день, согласно «Деяниям франков» Аймона, в Рим приехали от Иерусалимского патриарха посланниками аббат Захария и два монаха, один с Масличной горы, другой — из Святого Саввы на Востоке. Они привезли ключи от Гроба Господня, Лобного места и от города Иерусалима и одну хоругвь [\[35\]](#). Карл принял их тепло и несколько дней держал при себе в почете и обращаясь очень по-

человечески, а потом отпустил в Палестину с богатыми дарами, свидетельствовавшими о королевском величии. Некоторые истории передают, что это посольство так вдохновило короля, что по просьбе тогдашнего императора Константина VI он с большим войском поспешил на Восток и отвоевал всю Святую землю с согласия царя персов, который правил тогда в Палестине и во всей Сирии [36]. Молва о славном короле Карле разнеслась по всему Востоку, поэтому правивший там царь персов стал искать его расположения, направляя с высокопоставленными вестниками и посланниками драгоценные подарки. А король Карл, повсюду одерживая победы и вернув Святую землю, через Константинополь возвратился в Рим и там вместе с папой Львом отпраздновал Рождество Господне.

В этот знаменательный день Рождества Христова, когда славнейший король Карл благочестиво встал перед исповедальней св. Петра, окончив молитву, папа Лев, подготовив все необходимое для такого праздника, торжественно возложил на его голову императорскую корону, а весь римский народ воззвал к нему: «Августу Карлу, Богом венчанному, великому и миролюбивому императору небеса жизнь и победу воссылают!» Все истории повествуют об этой коронации папой Львом и о провозглашении имперских славословий народом. После чего Карлу изъявили всеобщее почтение, как древним государям, сняли с него титул патриция и единогласно объявили императором августом.

Карл правил Римской империей 14 лет, а Франкским и Германским королевствами до того правил 33 года, когда его, согласно свидетельствам историй, называли лишь королем и патрицием. Но начиная с тридцать третьего года, после императорской коронации, все анналы, «деяния» и истории, упоминая его, без каких-либо вариаций стали называть его императором августом. Насколько твердым и согласным праву был этот перенос империи, вполне очевидно — или станет очевидно всякому — в нашем «Защитнике мира». Этот перенос империи от греков к франкам продлился у франков семь поколений, т.е. в течение правления семи императоров, более 103 лет.

Глава десятая

Император Арнульф, последний в Карловом роде, изнеженный и малодушный, трусил и трепетал и перед тираном Беренгарием, нападавшим тогда в Италии на Римскую Церковь, и перед другими правителями, терзавшими различные ее области; да и сам он, по свидетельству Мартина Польского и Тосканца, подвергал гонениям Римскую Церковь. Сына Арнульфа, еще не получившего императорского благословения, победил тиран Италии Беренгарий, его искалечили в Вероне, и на нем род Карла в империи угас вовсе. В Италии стал править Беренгарий, своими нападками всячески расшатывавший Римскую Церковь. И вот, поскольку этот тиран докучал Церкви, а еще и потому, что Иоанн, сын Альберта, по свидетельству великого историка Сикарда

Кремонского, был скорее наемником, чем настоящим пастырем, в 950 году от Рождества Христова кардиналы единодушно написали герцогу Саксонии [37]. Этот очень могущественный человек правил тогда всей Германией, отличался набожностью и правоверием, в совете дальновидный, в суде справедливый, верный своему долгу, отважный в битве и вообще славный нравами, свято преданный Божьей Церкви. Кардиналы попросили этого государя о помощи, чтобы он защитил и поддержал Римскую Церковь, расшатанную постоянными нападениями. Собрав большую армию, он прибыл в Италию, вступил в бой с Беренгарием и сразил его вместе с его войском. Прибыв в Рим, он созвал кардинальскую коллегия и по их совету, понимая, что папа неисправим, призвал того отречься от кафедры. Поскольку папа отказался, Оттон его накрепко запер в замке Святого Ангела и заставил отречься [38].

Тогда пастырем Римской Церкви стал Лев VIII. Задобренный благодеяниями Оттона Римской Церкви как в том, что касалось гонителя ее Беренгария, так и в отношении ее реформирования, шедшего, как сказано, стараниями короля, Лев VIII пожаловал Оттону то же достоинство, что Адриан — Карлу [39]. На синоде, при собрании клира и народа, его объявили императором без всякого предварительного избрания, появившегося 40 лет спустя. Так произошел переход империи от франков, или галлов, к германцам. Оттон I получил империю мирно, в установленном заранее порядке, а вслед за ним, без всякого противоречия, империей правили его сын и внук.

Глава одиннадцатая

После смерти оставшегося без детей Оттона III верховным понтификом стал германец Григорий V [40]. Как пишет Мартин Польский, при этом папе возник институт имперских выборщиков из семи князей Германии, четырех светских и трех церковных, т.е. прелатов. Три Оттона получали империю фактически по наследственному праву, поэтому ради благоденствия Церкви Божьей и христианского народа было принято полезное и дальновидное решение, что бремя такой великой власти должно передаваться не по крови, а по добродетели, не через наследование, а избранием, чтобы к управлению империей допускался достойнейший [41]. Постановили, что семь знатнейших в империи людей будут выбирать римского короля, чтобы затем понтифик венчал его императорской короной [42]. Как уже сказано, это были три прелата, тогда, как и сегодня, — императорские канцлеры: архиепископ Кёльнский — канцлер Италии, архиепископ Трирский — канцлер Галлии и архиепископ Майнцский — канцлер Германии; и четыре барона, служившие и служащие римскому императору: маркиз Бранденбургский, герцог Саксонии, герцог Баварии и король Богемии. Поэтому и говорится в стихах: Майнца предстатель и с ним Трирский и Кёльнский владыки — Каждому канцлером быть полагается в службе имперской. Щит Палатинец несет, герцогу меч доверяют,

Держит ответ за палату маркиз, виночерпий — Богемец.
Им выбирать суждено государя над всеми вовеки.
Такой порядок был установлен в 1004 г., как о том свидетельствуют
«Деяния германцев».

Глава двенадцатая

Из сказанного явствует следующее. При короле Пипине и папе римском Стефане в описанной выше ситуации был спланирован перенос империи от греков к франкам, при Адриане I Карла Великого назначили устроителем Римской Церкви, избирателем римского понтифика и патрицием города Рима, а при Льве III его сделали римским императором, в то же время осуществив переход империи от греческих правителей к франкам. Некоторое время спустя, по прошествии многих лет, при папе римском Льве VIII империя перешла от франкских, или галльских, государей к германцам. Наконец, при Григории V избрание римского императора передали семи германским князьям: они избирают императора по сей день, чтобы затем его венчал — впрочем, не по необходимости — римский епископ. Так произошел переход империи к тевтонцам, или германцам. Все это предприняли и с помощью сообщников своих осуществили римские епископы, насколько же оно было обосновано тогда или имеет силу сегодня, здравомыслящему читателю станет очевидно из двенадцатой и тринадцатой глав первой части и из последней главы второй части нашего «Защитника мира».

Заканчивается Трактат о переносе империи.

[1] Абсолютно адекватный, бесспорный перевод названия *Translatio imperii* вряд ли возможен. Это связано с тем, что за знакомым нам латинским словосочетанием стоит понятие политической мысли, пережившее длительную эволюцию, историю, объединявшую в сознании средневековых мыслителей несколько государств, народов, языков, культур. Как видно в том числе из нашего трактата, на протяжении столетий империя мыслилась как форма правления и совместной — политической — жизни людей, которая рождается, трансформируется, переживает периоды упадка и расцвета. Она одновременно принадлежит конкретному индивиду, правителю, но она же — божественное установление или предмет договора между людьми либо между людьми и Богом. Она одновременно выступает как специфическая реальность и как идея, иногда выраженная дискурсивной мыслью, иногда — ритуалом, знаком, предметом, художественным изображением вроде знаменитой сцены апофеоза Оттона III в ахенском «Евангелии Лютхара» (ок. 996 г.). Ее «переносят» и передают, но она же периодически «переходит» куда-то или к кому-то сама, словно живое существо, наделенное душой, телом, жизнью. Она путешествует и изменяется, но она же — пребывает, и это самое «пребывание», *status*, присуще ей не меньше, чем движение, возможно, потому, что она, будучи чем-то исторически обусловленным,

одновременно провиденциальна и, следовательно, принадлежит вечности, готовит к ней. Развивая аналогически тему такой миграции империи через века и страны, ее путешествий во времени и пространстве, Александр фон Рёс писал в конце XIII в. о *translatio studii*, т.е. о «миграции наук», из древних Афин в современный ему университетский Париж. Все эти бегло описанные здесь общие мировоззренческие основания идеи империи в Средние века указывают на очевидные «трудности перевода». Когда французский переводчик нашего трактата, Жаклин Кийе, предлагает на место *translatio* поставить *translation*, это не более чем калька, в русском языке невозможная. Слово *translatio* здесь включает в себя «путешествие», «миграцию», «перипетии», «историю», «перенос» и «переход». При всей условности моего варианта я решил на него, во-первых, потому, что не считаю возможным оставлять без перевода слова, все же обладающие принятыми у нас словарными значениями, а во-вторых, потому, что Марсилий последовательно проводит мысль о том, что история империи творится руками конкретных людей, которые и отвечают за ее — империи — *перенос*.

[2] Ландульф был связан с Авиньонской курией, поэтому Марсилий решил использовать довольно резкий и не слишком часто встречающийся термин. Он мог позаимствовать его в «Псевдо-Исидоровых декретах» либо в близком по времени трактате «Происхождение, перенос и состояние Римской империи» (*De origine et statu Romani imperii*), написанном около 1308 г.: *Tractatus anonymus de origine ac translacione et statu Romani imperii* / hrsg. von M. Kramer. Hannover, 1909. S. 66. Одним из кандидатов на авторство считается Птолемей Луккский, знакомый как Ландульфу, так и Марсилию.

[3] Марсилий вдохновлялся прежде всего доведенной до 1277 г. «Хроникой императоров и пап» польского доминиканца и капеллана нескольких понтификов Мартина Опавского (Поляка): *Martini Oppaviensis Chronicon Pontificum et Imperatorum* / hrsg. von L. Weiland. Hannover, 1872. S. 397–474. Но он был знаком и с другими сочинениями: «Церковной историей» Евсевия Кесарийского в латинском переводе св. Иеронима, «Большой хроникой» св. Исидора Севильского, «Историей франков от взятия Трои» Аймона Флёрийского, «Хроникой» Ришара Ключийского.

[4] Явная реминисценция первых строф «Энеиды». Ср.: «Божественный поэт наш Вергилий по всей "Энеиде" сохраняет свидетельство для вечной памяти, что славный царь Эней был отцом римского народа» (*Данте Алигьери. Монархия. II, III, 6. С. 323*).

[5] Ср.: «Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13: 31–32).

[6] Марсилий был последовательным в своем осуждении Цезаря в обеих версиях «Защитника мира». Фигура императора являлась предметом активных дебатов в XIV в. Тот же Данте выражал сомнения своего века: «И

хищноокий Цезарь, друг сражений» (Ад. IV, 123, *occhi griffagni*, т.е. буквально «глаза взрослого сокола», наводящие ужас; ср.: Рай, XI, 69), но его убийц казнит втроем с Иудой самой страшной казнью, в пасти Сатаны (Ад. XXXIV, 37–67). Тем не менее раздавались и голоса в защиту легитимности императора-узурпатора и одобрения убийц — Брута и Кассия, выступивших в защиту республики и свободы.

[7] Высшая церковная иерархия, к тому времени закрепленная трехвековой рефлексией курии, освященная соответствующей пропагандой, эkkлесиологией и законотворчеством, явно низводится здесь до простого, сугубо человеческого изобретения, вне связи между титулом и священническим служением.

[8] В «Защитнике мира» речь о «Константиновом даре» и его последствиях заходит не раз: *Marsilius von Padua. Defensor pacis*. I, XIX, 9; II, XI, 8. S. 131–132, 262–263.

[9] *Martinus Polonus. Chronica pontificum et imperatorum. Ed. L. Weiland // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum Series. T. 22. Hannover, 1872. S. 407.* Марсилиус следует источнику близко к тексту, однако опускает присутствующее у Мартина и его предшественника Ришара Ключийского возведение кардинальской трехчастной иерархии к иерархии ангельской.

[10] *Liber pontificalis. Vol. 1 / ed. L. Duchesne. P., 1886. P. 150–152.* Новациан, живший в III в., не соглашался с Корнелием в том, что в лоно Церкви можно и нужно принимать отпавших. К нему восходит ересь новациан, или «чистых» (кафаров), распространившаяся в III–VII вв. в нескольких митрополиях.

[11] Ираклий I (610–641) был крупным военачальником, но при нем действительно началось продвижение арабов на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

[12] Иеровоам I пришел к власти в результате восстания десяти из двенадцати колен Израиля. Третья Книга Царств рассказывает, что он поставил двух золотых тельцов в Дане и Вефиле: 3 Цар. 12: 28–33.

[13] О несторианах Коран не упоминает, хотя хвалит христианских монахов в целом, когда те принимают ислам (5, 82–85, Сура «Трапеза»), и намекает на влияние, оказанное на Мухаммеда неким учителем из чужестранцев. Сведения о Сергии и несторианах восходят к полемической христианско-мусульманской «Апологии» («Рисаля») где некий аль-Хашими выступает мусульманином, а некий аль-Кинди — христианином (не путать с известным багдадским философом). Это сочинение IX в. перевели в Испании с арабского в 1142 г. одновременно с Кораном, и аббат Ключи Петр Достопочтенный включил его в собственный свод переводов с целью ознакомления христиан с учением ислама: *Exposición y refutación del islam. La versión latina de las epístolas de al-Nāšimī y al-Kindī / ed. F. González-Muñoz. A Coruña, 2005. P. XXXIII–XXXV, 65.* Ришар Ключийский наверняка знал этот свод, потому что его хроника посвящена тому же Петру Достопочтенному. В XIII в. Коран, доступный в двух переводах, по-прежнему читали очень редко, довольствуясь подобными отрывочными апокрифическими сведениями.

[14] *Imperatori vicinas*, т.е., видимо, пограничные. Эта странная формулировка скопирована из сочинения Ландульфа.

[15] Набаот, Наваиоф в Синодальном переводе (Быт. 25:13), действительно считается в иудейской и мусульманской традициях первенцем Измаила, а тот — первенцем Авраама от рабыни Агари: «И о Измаиле Я услышал тебя: вот, Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ» (Быт. 17:20).

[16] Представления о Мухаммеде как маге и обманщике были широко распространены в эпоху Крестовых походов и зафиксированы как в хрониках, так и, например, в «Зерцале истории» Винсента из Бове, одном из возможных источников Ландольфо, Птолемея Луккского и Марсилия: *Daniel N. Islam and the West. The Making of an Image. Edinburgh, 1960. P. 12, 324; Лучицкая С.И. Образ другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 122–136.* Следуя общей негативной точке зрения, Марсилиус тем не менее указывает и на *prudentia* Мухаммеда, традиционно считавшуюся одной из важнейших и обязательных характеристик христианского государя. Я посчитал возможным передать этот сложный термин «дальновидностью», учитывая, что «мудрецом» его Марсилиус, конечно, не считает.

[17] Явно перепутаны историческая область в Восточном Иране и название мекканского племени Курайш, из которого действительно происходила первая жена Пророка.

[18] Константин VI (776–797) был свергнут и ослеплен по приказу своей матери, Ирины, в дальнейшем канонизированной.

[19] Лев III Исавр (717–741).

[20] *Hesperia* обозначает весь Запад, что казалось нелогичным уже средневековым переписчикам, поэтому в ряде рукописей стоит *Hispania*. Тем не менее, как можно видеть по разделению Апулии, находящейся в Южной Италии, и Италии целиком, географическая номенклатура не была устойчивой даже на Апеннинском полуострове и даже в образованных кругах.

[21] Осуждение действий папы, естественно, отсутствует у Ландульфа. Зато описание конфликта вокруг почитания образов более детальное: «Возглавлявший тогда Римскую Церковь Григорий III согласно с католиками утверждал, что изображения Христа и святых заслуживают почитания и, следовательно, культа. Образ ведет человеческий разум к внешнему познанию того, чей облик скрыт внутри. Мы молим о помощи того, кто изображен, должным образом его почитаем и воздаем образу то, что подобает первообразу. К тому же изображения и скульптурные идола — не одно и то же. В идолах таился нечистый дух, из них возвещавший ложь, поэтому их почитать нельзя. Одним словом, почитание образов не есть идолопоклонство, но почитание, то есть может обоснованно называться культом» (*De iurisdictione. S. 289*). Такое внимание к сути конфликта, нюансированность и тонкость суждения не удивляют в шартрском канонике. Кроме того, авторитетность римского епископа в

вопросах культа ни у кого не вызывала сомнения, следовательно, чем четче обозначается основательность его, понтифика, позиции в этом вопросе, тем резоннее выглядят и его решения в делах политических. Марсилию важно иное, поэтому акцент делается на противопоставлении *auctoritate* (власти) и *temeritate* (дерзновения). Не игнорируя сугубо религиозные мотивы — вопрос об иконопочитании, — он все же обращает внимание на прагматику управления, явно указывая на незаконность вмешательства духовной власти в вопросы налогообложения.

[22] Константин V Копроним (741–775).

[23] Термин «гражданин» даже при переводе *cives* резонно покажется анахронизмом, поэтому, как мне кажется, следует понимать, что этот анахронизм навязан прошлому — раннему Средневековью — итальянцем начала XIV в., для которого гражданство уже не просто школьное слово из Цицерона.

[24] Стефан II (752–757).

[25] Айстульф (749–756) продолжал активную политику своего предшественника Ратхиса, стремившегося к присоединению византийских земель на Апеннинском полуострове. Однако его столкновение со Стефаном II окончилось неудачей, он был побежден Пипином, Равеннский экзархат и Пятиградие перешли папству, став основой Папского государства — Патримония св. Петра.

[26] Папа остановился в монастыре св. Маврикия в нынешнем швейцарском кантоне Вале (Сен-Морис д'Огон), 6 января 754 г. он был принят Пипином в Понтионе.

[27] Марсилий пишет о «фактической передаче», *scribitur contulisse de facto*. Известно, что «возвращение» занятых лангобардами земель обсуждалось во время папского визита во Франкию и закрепилось военной операцией 755 г., когда предварительные переговоры Пипина с Айстульфом в 754 г. провалились. Обстоятельства этого очень важного для истории Западной Европы «дара» были зафиксированы в церковной традиции, например в «Папской книге» (*Liber pontificalis*). Но Марсилий опускает важнейшее обстоятельство всей коллизии: помазание Пипина Стефаном II в Сен-Дени. Этот акт, безусловно, накладывал на помазанника особые обязательства по отношению к тому, кто причислил бывшего майордома к истории государей, восходившей к ветхозаветным царям, начиная с Саула.

[28] Имеется в виду василевс Константин V.

[29] Адриан I (772–795), Лев III (795–816).

[30] Титул короля лангобардов Карл носил с 5 июня 774 г.

[31] Это очередное франкское обещание тоже было зафиксировано в Римской курии. Слово «фактически», *de facto*, указывает на позицию Марсилия, не видящего в обещании никакой юридической силы.

[32] То есть Людовик Благочестивый, в 817 г.

[33] Речь о действительно произошедшем нападении на папу во время так называемой Великой Литании — масштабной церковной процессии, проходившей 25 апреля 799 г. Папе удалось бежать, после чего состоялась

его встреча с Карлом в Падерборне. Подробнее см.: *МакКормик М.* Карл Великий и Лев III: встреча в Падерборне в 799 г. // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 5 / под ред. М.А. Бойцова и И.Н. Данилевского. 2003. С. 25–41. Несмотря на отрывочность реальных сведений о происшедшем, современники действительно не выражали особого восторга по поводу морального авторитета Льва III. И все же коллизия дала повод для создания поэмы в полтысячи строк «Карл Великий и папа Лев», приписываемой Ангильберту: *Angilbertus. Karolus Magnus et Leo papa* // *Poetae latini aevi Carolini* / hrsg. von E. Duemmler. Bd. I. Berlin, 1880. S. 366–381.

[34] Эта очистительная клятва, зафиксированная в «Папской книге», была дана 23 декабря 799 г.

[35] Имеется в виду иерусалимский монастырь св. Саввы. Преподнесение хоругви следовало трактовать как настойчивое приглашение стать защитником Святой земли и ее христианских святынь.

[36] Сведения о «восточном походе» Карла Марсилья почерпнул у Мартина Польского. Под царем персов нужно понимать пятого аббасидского халифа Харуна ар-Рашида (786–809), с которым действительно налаживались контакты.

[37] Оттон I сначала выступил в защиту Иоанна XII (955–963), сына Альберика II, правившего Римом в 932–954 гг. и фактически ставившего одного за другим удобных ему понтификов.

[38] «Папская книга» отзывается об Иоанне XII очень сурово, называя его развратником, а Лиутпранд Кремонский описал его предательство по отношению к Оттону, за которое тот был низложен синодом в базилике св. Петра: *Лиутпранд Кремонский.* Книга об Оттоне // *Лиутпранд Кремонский.* Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / изд. подгот. И.В. Дьяконов. М., 2006. С. 113–114. Ср. также свидетельство епископа Сикарда Кремонского начала XIII в., доступное Марсилию: *Sicardus Cremonensis. Chronicon* // *Patrologia Latina.* T. 213. Col. 497–498.

[39] На самом деле Оттона I и Адельгейду венчал и помазал Иоанн XII на Сретенье, 2 февраля 962 г. В благодарность «Оттонова привилегия» закрепляла за папством территории, перечисленные Карлом Великим в 774 г., присовокупляя к ним, в случае их обретения, византийские территории в Кампании и Сицилию: *Fried J.* Der Weg in die Geschichte. Die Ursprünge Deutschlands bis 1024. Frankfurt a/M; Berlin, 1994. S. 644–645.

[40] Григорий V (996–999), первый германец на римской кафедре, был кузеном Оттона III и короновал его в Риме.

[41] Ту же идею добродетелей избранного государя в противовес государю наследственному Марсилья защищает в «Защитнике мира»: *Marsilius de Padua.* Defensor pacis. I, XVI. S. 94–112.

[42] У Марсилья *coronandum*, у Ландульфа — *confirmandum*. Этот нюанс важен: для Ландульфа папская коронация — момент конституирующий, для Марсилья — лишь символическое закрепление свершившегося факта.

Бонифаций VIII

Слава, хвала и почет. Булла о канонизации Людовика IX Святого [1]

Вступление, перевод и примечания Светланы Яцык

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_443-458

Людовик Святой был удостоен канонизации в 1297 г., через 27 лет после смерти. Первым причислить короля к лику святых попытался Григорий X (1210–1276) в 1272 г. [2]: по его просьбе доминиканец Жоффруа из Болье (ум. 1282), исповедник Людовика, написал его первое житие. Первые расследования о жизни усопшего короля тайно провел Симон из Бриона (1210–1285), кардинал-легат Григория X во Франции. Однако смерть Григория в 1276 г. замедлила канонизационное расследование. Николай III (1225–1280) и Мартин IV (под этим именем на папский престол взошел Симон из Бриона) продолжали инициировать расспросы о жизни и чудесах Людовика. Гонорий IV (1210–1287) и Николай IV (1227–1292) создавали комиссии для изучения полученных материалов. Однако точку в этом процессе, не в последнюю очередь руководствуясь политическими мотивами, поставил Бонифаций VIII (1235–1303). Он принимал участие в канонизационном расследовании, еще будучи кардиналом [3]: состоял в комиссии, изучавшей чудеса Людовика, и собственноручно переписывал свидетельские показания (так, он записывал ответы Карла Анжуйского) [4]. А 4 августа 1297 г. он впервые публично огласил намерение ввести Людовика в сонм святых, поскольку его жизнь была не просто безгрешной, но стала «извечным движением от хорошего к лучшему» [5].

Торжественная процедура канонизации прошла в Орвьето. Четвертого августа в старом папском дворце, только что пережившем реконструкцию [6], Бонифаций VIII произнес первую посвященную Людовику проповедь, на стих «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21). Под кесарем он подразумевал Людовика, заслужившего святую память по себе. Любопытно, что в этой проповеди Бонифаций назвал жизнь Людовика «сверхчеловеческой» [7]. В ней же папа перечислил причины, повлекшие за собой удлинение процесса канонизации короля, в частности череду сменявших друг друга понтификов и проведение многочисленных опросов (как публичных, так и закрытых). Папа завершил проповедь призывом воздать Господу то, что Ему причитается, ибо Он прославляется в своих святых.

В следующее воскресенье, 11 августа 1297 г., во францисканской церкви Орвьето [8] Бонифаций объявил о канонизации святого короля и произнес проповедь «*Rex pacificus magnificatus est*», построенную вокруг стиха из Третьей книги Царств: «Царь Соломон превосходил всех царей земли богатством и мудростью» (3 Цар. 10:23). В этой проповеди понтифик

сравнивает Людовика с Соломоном и называет первого *rex pacificus*, царем-миротворцем [9]. «У него был мир в душе [10], он познал мир земной и потому обрел мир вечный» [11]. Таким образом, Людовик предстал в этой проповеди в качестве гаранта не только политического мира на земле, но и мира истинного, в эсхатологическом понимании этого термина, вечного мира.

Бонифаций также отметил, что король был велик «по четырем измерениям»: «долог в упорстве, широк в щедрости, глубок в смирении и высок в своих праведных помыслах». Это напоминает Послание к Ефесеям (3: 18–19): «...чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долготы, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею».

Важнейшим этапом литургии канонизации было публичное оглашение буллы, которой папа утверждал начало нового культа. Эти буллы, с одной стороны, содержали лаконичное обоснование прославления нового святого; с другой — в них папа делал акцент на тех качествах нового праведника, которые казались ему особенно значимыми и назидательными. После публичного прочтения булла, возвещающая учреждение нового культа «всей церкви», *per universalem ecclesiam*, рассылалась епископам.

Булла, объявляющая о канонизации Людовика, в сущности, построена как его краткое житие [12]. При этом в отличие от житий, написанных нищенствующими братьями [13], жизнеописание Людовика в булле не строится по модели «подражания Франциску», *imitatio Francisci* [14]. Тем не менее сконструированный Бонифацием образ Людовика впитал значительную часть современных ему представлений не только об идеальном святом, но и об идеальном правителе [15].

Перевод выполнен по изданию буллы, вошедшему в *Acta Sanctorum* [16], с опорой на издания 1617 [17] и 1894 гг. [18]

Епископ Бонифаций, раб рабов Божьих — славным братьям, всем архиепископам и епископам, подчиняющимся и не подчиняющимся Французскому королевству, шлет приветствие и апостольское благословение.

Слава, хвала и почет Отцу света — всякое Его *даяние доброе и всякий дар совершенный* [19] — от всех правоверных христиан, надежды которых обращены к высям. И пусть они воздадут небесам чрезвычайно скромным стремлением к благочестию и благоговению. Ибо Он, богатый милосердием, щедрый в милости и обильный в воздаянии, опустил с высоты Небес взгляд своего великолепия на глубины мира и обратил свое благосклонное внимание на величайшие заслуги и чудесные дела блаженного Людовика, Его славнейшего исповедника, некогда славного короля Франции, благодаря которым тот, оставаясь в мире, воссиял, как

яркий светильник. И как справедливый Судия и славный воздаятель, стремясь вознаградить за эти достойные заслуги короля, столь достойного и заслуживающего воздаяния, Он поместил его подле Небесного трона после завершения этой жизни и тяжелых битв этого мира (которые тот вел, пламенея божественным послушанием ясно и властно), чтобы он воссел с вельможами и держал престол славы, вкушая сладость вечного блаженства.

Да возрадуется мать-Церковь и да отметит праздником радостей, что такого великого и славного сына породила, произвела, обучила воспитанника, блистающего сейчас среди славного сонма небесных царей. Пусть возрадуется, говорю, и отпразднует, и возвысит голос во славу Всевышнему, что она, церковь, явлена, освещенная и украшенная сиянием столь возвышенной и столь славной блистательной поросли.

Следует во всеуслышание возносить хвалу этой церкви и выражать ей высшее почтение, поскольку она яснейшим образом открывает и очевиднейше объясняет: тех следует допускать до радостей вечного блаженства и до участия в вечном наследовании, кто своей светлой верой и деяниями свидетельствовал о названной церкви, матери верующих и супруге Христовой. И никто не может войти во славу небесного отечества, когда будут отворены небесные врата, иначе, чем благодаря ее, небесной ключницы, добродетельному служению. Да возрадуются сонмы небесных жителей приходу столь возвышенного, столь светлого насельника, ведь к ним присоединился опытный христианской веры сеятель, выдающийся возделыватель. Да прозвучит глас ликования славной знати граждан небесных, ибо она узнала, что к ней присоединился столь великий и столь прекрасный гражданин. Да расцветет радостью и ликованием досточтимое собрание святых из-за вновь приобретенного достойнейшего сотоварища.

Вставай же, многочисленное полчище верующих, вставайте, ревнители веры! Воспойте же с Церковью гимн великой хвалы. Да прольется на ваши сердца мощный ливень радости, и да наполнится обильной сладкой росой тайны души из-за прославления земного князя столь могущественного и блистательного, что для нас он превратился из жителя земли в соотечественники небесные, исполнив твердую надежду, и стал нашим верным заступником перед Сыном Вечного Отца, который, заботясь о благополучии нашего спасения, искусно несет службу просителя, уже представ перед Ним. Кто мог бы столь велеречиво и столь ясно в полной мере выразить красноречием или сиянием блестящих речей знаки высочайшей святости и многочисленных совершенных заслуг, коими блаженный Людовик просиял, пребывая на земле? Ведь представлено так много его славнейших деяний, которые следует вознаградить, что нужно очень много перьев, чтобы их назвать, уст, чтобы о них возвестить, и языков, чтобы их описать. Но чтобы блеск его деяний не скрывался под облаком и чтобы на него не падала тень, мы почитаем справедливым, чтобы наш рассказ кое-что о нем открыл и всем о нем возвестил.

Он был знатнейшим происхождением, великий силой, богатый способностями, возвышенный добродетелями, изысканный нравами,

выдающийся скромностью, поскольку бесчестие и постыдное совершенно отринул. Он был так привержен делу целомудрия и так усердно избегал дурного влияния плоти, что (и тому есть множество достоверных свидетельств), пока не заключил супружеский союз, сиял блеском невинности. Ведь на протяжении долгого времени он руководил названным государством и осторожно направлял его кормило заботливо и осмотрительно. Никогда не виновный, ко всем справедливый и ни к кому не жестокий, он всячески оберегал и поддерживал границы праведности, не сходя с дороги к справедливости. А нечестивые попытки развратителей сдерживал мечом должного воздаяния, попирая усилия злых и обуздывая недопустимую дерзость порочных. Он был исключительным ревнителем мира, пылким приверженцем согласия, неутомимым двигателем единства, бегущим разладов, избегающим соблазнов и ненавидящим распри. Благодаря тому, что в счастливое время его правления, во всех отношениях утихомирив бури, сведя на нет преступления и избежав смут, он осветил обитателей своего королевства рассветом сладкого спокойствия, воссияло улыбкой исполненное радости спокойствие желанного процветания.

Надлежит рассказать кое-что о его жизни, ибо чем больше она обсуждается, чем больше подвергается исследованию, тем большую сладость приносит рассказчику и всеми силами улаживает умы слушателей. С ранних лет он почитал Божьего Сына нежной привязанностью разума и не прекратил Его почитать, продолжая спасительное учение, хотя и имел удобства в земной жизни. Однако чем большего возраста достигал, чем дальше во времени устремлялся, тем обширнее дух распял в нем жар любви. Так ведь, лишившись отцовской помощи, в 12 лет он остался под надзором и попечительством своей матери Бланки, светлой памяти королевы Франции. Горячо преданная божественному послушанию в том, как разумно наставлять и усердно обучать сына, она хлопотала, чтобы он сделался достойным и готовым, стал пригодным к предстоящему управлению государством, которое, как известно, алкало его попечения.

С ходом времени сей король достиг возраста в 14 лет. Королева приписала к нему собственного учителя, который его напичкал знанием грамоты и обучил добрым нравам. Сей король, оказавшись под линейкой этого учителя, обнаружил такое повиновение и уважение и так смиренно принимал его учение, что, упрежденный высшей благодатью, похвально преуспевал и в том, и в другом. Столь усердный в божественной службе, он был доволен, лишь когда велел своим клирикам днем и ночью торжественно справлять службу и слова этой службы весьма внимательно вместе с ними произносил.

Наконец, когда с течением времени ему исполнилось 20 [\[20\]](#) лет и когда он был отягощен напавшим на него недугом [\[21\]](#), он с большой настойчивостью попросил у присутствовавших тогда епископов Парижа и Мо [\[22\]](#) дать ему знак Святого Животворящего Креста в защиту Святой земли. И хотя, движимые разумными причинами, названные епископы его отговаривали, все же он, пламеневший любовью к Господу и страстно

желавший услужить ему пламенной жертвой, разумно не прислушавшись к их увещаниям, принял сей знак из рук названного парижского епископа с огромной радостью и ликованием. И многие прелаты, знатные люди и воины взяли вместе с ним этот знак. И, наконец, хорошо снарядив корабль и совершив иные приготовления, которые в таких случаях требуются, достигнув возраста в 34 года, он отплыл на помощь, поддерживаемый супругой [23] и братьями, тогда еще живыми (Робертом д'Артуа, Альфонсом де Пуатье и Карлом, королем Сицилии, тогда — Анжуйским графом), преодолевая множество тяжелых опасностей, которые обычно несут морские течения.

Когда он, изобилующий великой силой, прибыл в эти места, с триумфом захватив Дамиетту, и проследовал далее, Господу было угодно, чтобы за ним последовал недуг, охвативший почти все его войско, и другие враждебные обстоятельства. Названный король почти со всем своим войском попал в руки и во власть султана сарацинов. Он терпеливо и смиренно сносил множество обид и унижений, усилившихся из-за бесславного состояния их причинявших. Граф Роберт был ими жестоко убит за веру Христову. Затем с тогда еще живым султаном велись переговоры об освобождении короля с войском за огромное количество денег. Этот султан внезапно был убит собственными вассалами [24], а сарацины, которые захватили его владения, остро нуждались в деньгах и с огромной настойчивостью требовали, чтобы в назначенные договоренности между сторонами мирно было добавлено и утверждено присягой, что, если они сами не будут соблюдать договор, они все откажутся от Магомета (которого, по их словам, почитают), и чтобы король в своей присяге добавил, что и он отвергнет Божьего Сына и отойдет от его веры, если им названные условия не будут соблюдаться.

Желая это предотвратить, названный король решительно отказался это сделать. И даже, исполненный негодования, прямо утверждал, что он не произнесет своими устами такую нечестивость и этого ни в безумии, ни в поддельном отрицании не извергнет. Однако названные графы Пуатье и Анжу и многие другие, находившиеся рядом, настоятельно его склоняли принять эти условия, ибо видели, что отказом он, вероятно, на себя и на других хриstopашцев навлекает опасность смерти. В особенности это происходило с теми, кто, как уже было сказано, убил названного султана, присвоив себе его владения. И они открыто говорили королю, что, если он не сделает того, о чем они просят, они без промедления распнут и его самого, и его ближних. За этим последовал бесстрашный и твердый ответ сего короля: если сарацины уничтожат его тело, они не получат его душу.

Действительно, по прошествии времени, после того как верные христиане перенесли множество различных ударов, сильный голод, тяжелую нужду и ужасные раны, а король в это время страдал животом [25] и другими недугами, христианское войско вернулось к Дамиетте. Король же отказался его оставить: он намеревался вместе с ним кротко сносить тяготы, делить опасности, которые тогда могли очень обоснованно пугать, и вернулся туда со своим отрядом. Против такой

дикой ярости сарацин, глумящихся нечестивцев, он поставил себя действительной главой защиты, чтобы уберечься от злодейских козней сих врагов. И, наконец, когда бесчестной и коварной подлостью войско сарацин окружило христианскую армию, удерживаемую, как говорилось ранее, слабостью, они уверенно набросились, и королю и войску пришлось сдаться вышеназванным сарацинам. И сей король, если бы не победил действием каприз желания, мог бы сбежать на приготовленном корабле, что и советовали ему многие великие, присутствовавшие в том месте. Он же, из-за чрезмерного пыла милосердия, что страстно в нем возгорелось, предпочел подвергнуть свое тело пыткам, чтобы христианский народ сохранился невредимым. Хотя слабость его войска и укрылась от внимания сарацинов, а сила сарацинов была известна христианам, он не пожелал спастись бегством, оставив других стянутыми путами плена. Он открыто заявил, что, если сможет, он намеревается или увести с собой обратно войско, которое привел, или же попасть в плен или умереть вместе с ними.

И когда между королем и христианами, с одной стороны, и сарацинами — с другой, заключался договор и затем определялись условия, сарацины, намеревавшиеся получить полную гарантию выплаты той части выкупа, которая оставалась невыплаченной, поставили короля перед выбором: либо он освобождался из тюрьмы, оставив в темнице других христиан, покуда не будет выплачен весь долг, либо он сам оставался в темнице, а другие христиане освобождались. Король на это ответил без сомнений, что сам намеревается остаться в тюрьме, пока долг не будет выплачен целиком, а остальные христиане должны быть освобождены прежде. Хотя вышеназванные Альфонс, Карл и другие знатные мужи, приближенные к нему, ясно говорили и открыто заявляли, что никоим образом не согласны с таким решением, и даже настаивали, что лучше бы король сам был освобожден, а остальные — нет, король решительно ответил отказом, не слушая их советы.

Наконец король и другие заключенные обрели полную свободу, а названного Альфонсо оставили в качестве заложника для исполнения этого решения. Король все же не хотел покидать тюрьму, в которой находился, до тех пор, пока отложенный долг не будет выплачен и Альфонс к нему не вернется, а все христиане, которых держали в заточении в ближайшей темнице и которых вражеская рука не увела в Вавилон, не будут освобождены от оков и также те, кого все еще удерживали в Дамiette, не сядут на корабли. Наконец король, освобожденный вместе с войском, вернулся в город Акра и там, весьма задержавшись, преисполненный страстной любовью к человеческому спасению, обратил к Богу столь грубые души многих агарян не только убедительностью своих спасительных слов, но и примером достойной жизни. Сделав это во славу Божьего имени и величия католической веры, он крестил их с почтением, одарив их богатыми дарами и обогрев их своей великодушной благосклонностью. Он выкупил многих солдат и других христиан и от королевской щедрости одарил их одеждами и необходимой пищей, насколько требовало положение каждого. Стены и укрепления многих

городов и крепостей, которые в той области удерживались верующими, он торжественно приказал восстановить и надежно и безукоризненно укрепить, как того требовала необходимость.

По прошествии времени король узнал, что горькая смерть унесла его мать и суровые испытания обрушились на его государство. По совету своей знати он вернулся во Французское королевство и то занимался святыми делами, то с покорностью Господу возводил монастыри, то строил приюты для бедных и другие дома, посвященные божественному почитанию, — было бы слишком долго перечислять здесь их все. И на это щедро отдавал собственные богатства. Он стал лично посещать слабых и немощных, лежащих в разных монастырях и странноприимных домах, согревая их своими утешительными речами и подавая им еду и питье собственными руками, стоя на коленях.

Так, в монастыре Ройомон, в диоцезе Бове, который сей король, понеся большие расходы, построил и украсил щедрыми дарами, жил монах по имени Леодегар, страдавший проказой так сильно, что, отвратительный другим и презираемый, жил обособленно от прочих монахов, брошенный в келью упомянутого монастыря. Под грузом тяжелой болезни и немощи его изъеденные глаза ничего не видели, а отверстия на их месте сделались красными и отвратительными. Также он потерял нос. Его губы неумеренно вздулись и были разрушены глубокими язвами. И его-то король, сопровождаемый аббатом сего монастыря, лично посетил и застал за принятием пищи. Ел тот как мог. Король, послав ему радужное приветствие, опустился перед ним на колени и, нарезая поданное мясо собственными руками, старательно клал лакомство Леодегару в рот. Не удовлетворенный таким послушанием, он приказал принести этому монаху блюда с королевского стола и подал их ему, не остановясь перед ужасом места и болезни. Аббат этого монастыря был чрезвычайно изумлен тем, что настолько изысканный государь может заниматься такими трудами и служением.

Затем, когда король явился в больницы в Компьене, чтобы оказывать их обитателям знаки смиренного служения, и уже сильно устал, он заметил подле себя больного, страдающего так называемым недугом святого Элигия, и опустился перед ним на колени. Король положил ему в рот кусочек груши, очищенной от кожуры, и гной, вытекший из ноздри больного, гнусным образом испачкал руки короля, который благочестиво и ласково это стерпел и, ничего не изменив в своем поведении, тотчас же вымыл руки и заботливо приступил к послушанию, которое его манило.

Он принимал большое участие в жизни слуг Христовых, бедных, нищих и униженных людей, и проявлял это щедрой раздачей милостыни. А девушек, которым нужда не позволяла выйти замуж, он обеспечивал из королевской казны подобающим приданым, чтобы они не осквернили себя обманчивым позором плоти. То, что превращалось в траты на милостыню и другие благочестивые цели, он почитал славным и спасительным расходом.

Он внимательно прислушивался к проповедям и другим проявлениям Божьего Слова, причем был не забывчивым слушателем, а усердным вершителем дел. Он питал отвращение к запятнанным грязью еретического позора и неутомимо изгонял их за границы названного королевства, чтобы они не замарали верных почитателей христианской веры. Иначе говоря, он тщательно заботился о ее состоянии, чтобы, когда эти едкие элементы будут исключены, в королевстве воссияла чистота.

Когда же некоторым частям названного королевства угрожало подорожание еды из-за неплодородия и дурной погоды, король, едва узнав об этом из слухов, отослал с верным вестником для распределения между бедными сумму денег, для чего отказался от части своих богатств. Великий в своем смирении и смиренный в своем величии, он демонстрировал множество знаков смирения своим снаряжением и одеждой, которые часто раздавал нищим, особенно после первого возвращения из-за моря. Он никогда не украшал себя ни золотом или серебром, ни королевскими одеждами, ни всяческими соболями, но привык к простому меху, мирскую роскошь от себя совершенно отринув.

И чтобы пыл духа не был потушен жаром плоти супруги, но напротив, чтобы аскетизм разгорелся и возвысился умерщвлением и подавлением плоти, как рассказывают, он укрощал свою плоть неумолимой грубостью власяницы, он смирял свои прихоти узами жестокого воздержания и стягивал их путами. Чтобы влечение не руководствовалось собственными желаниями и не управлялось кормилом его похоти, он под спасительным ведением духа продвигался к подобающему, воздерживаясь от неподобающего.

Он истощал свое тело строгими постами, прибавляя к соблюдению древних заветов, установленных святыми Отцами, строгость новых, добровольно себе их назначая. Весь сорокадневный пост и сорок дней, предшествующих празднику Рождества Господня, и во время всенощных бдений на все праздники, и на постные дни, которые предписывает католическая церковь, король пребывал в посте и молитве и отказывался полностью от употребления запретной вкусной и изысканной пищи. На бдения на праздники во славу Присной Девы и Рождества и в пятницу на Страстной неделе он соблюдал пост, удовлетворяясь скромным пропитанием из одного только хлеба и воды. По пятницам во время Великого поста и весь Адвент он воздерживался от употребления рыбы.

Чтобы ни один час не протекал впустую, он занимал себя множеством иных всенощных. После своего возвращения из Святой земли он не ложился ни на перья, ни на солому, но спал на деревянном походном ложе, ничего не подстилая, бросив на него только простой матрас. Помимо того что он воссиял чистотой жизни, он был искренним другом истины и суровым врагом лжи. Все его речи побуждали к увеличению спасения и спасительным делам. Они услаждали души слушателей и приносили им многое в назидание.

И, вознося пылкие молитвы за усиление истинной веры и скорое освобождение Святой земли, он вновь взял крест для помощи этой земле. И

затем, собрав мощный и сильный флот, поддерживаемый многочисленными могущественными сеньорами, вместе с графом Пуатье [26], собственными детьми и дочерью, светлой памяти королевой Наваррской [27], которая по возвращении отдала долг природе, вновь отправился за море. А Карл, который некоторое время был в Италии, отправился по следам короля. Наконец, благополучно добравшись до Туниса, он встал там лагерем по совету своих правителей и силы свои выставил против набегов сарацин. Там на него напали болезни [28] из-за бесчисленных трудов, которыми он был обременен. По прошествии нескольких дней, одолеваемый жестокостью болезни, он благочестиво принял церковные таинства и, ощутив час смерти, вновь вознес молитву за христианское войско, благочестивыми молитвами вверил свою душу Господу, произнес следующие слова: «*Отче, в руки Твои предаю дух мой*» [29] — и радостно отбыл ко Христу, чтобы наслаждаться радостями небесными.

Воистину, завершив свой жизненный путь, он истиннее стал жить, чем прежде жил, и Сын Божий, которого король всеми чувствами своей души почитал, не пожелал, чтобы святость столь благочестивого государя, такого защитника правой веры, была скрыта от мира. Но пожелал, чтобы он воссиял множеством заслуг и разнообразием чудес. И он, тот, кто Его почитал с полнейшей набожностью, сам в Небесном чертоге удостоился Его почитания. Так, согнутым он возвращал прямоту тела, а горбунам, почти касавшимся лицом земли, полностью восстанавливал здоровье, выпрямляя их облик. Золотушным он даровал милость избавления. Одну женщину, у которой рука была сухая и совершенно бессильная, он избавил от этого недуга. Еще для одного, у которого рука висела, будто мертвая, король через все свои святые добродетели достиг милости исцеления. И множеству пораженных недугом паралича и другими болезнями он дал полное избавление. Воззвав к его имени, слепые получали зрение, глухие — слух, хромые — возможность ходить. Этими и многими другими чудесами [30], перечисление которых нам не кажется необходимым [31], этот славный святой просиял.

Да возрадуется славный французский дом, породивший такого государя и весьма прославленный его заслугами! Да возликует праведнейший французский народ, который удостоился того, чтобы получить избранного и столь добродетельного господина! Да наполнятся радостью сердца прелатов и клириков из-за того, что сие королевство было украшено святыми знаками чудес этого короля. Да возрадуются сердца знати, магнатов, нобилей и воинов, что через святейшие дела этот король достойными поступками поднял статус королевства и как солнечные лучи воссиял.

Кроме того, тех, кого снисходительность Небесного Царя прославила на небесах короной славы, верующим следует почитать и в земном отечестве юдоли. Мы же, получив полную уверенность в святости жизни и достоверности чудес сего блаженного Людовика, после усердия любопытного, обычного опроса пожав плоды дискуссии, советом и

согласием наших братьев и многих прелатов, находившихся тогда при апостольском престоле, в воскресенье, третий день августовских ид, предписываем включить его в список святых. Поэтому мы всех вас призываем и настойчиво побуждаем, поручая вам это через апостольское письмо, прославлять его на следующий день после блаженного апостола Варфоломея, когда его счастливая душа из оков тела вырвалась и, устремившись к звездам, вошла в небесный чертог [32], чтобы питаться вечной радостью. Набожно и как установлено поминайте святого в его день и научите верующих в ваших городах и диоцезах подобающим образом его славить, чтобы его заступническими молитвами вы могли освободиться от угрожающих опасностей и получить в будущем дар вечного спасения.

И, чтобы к его славной могиле стекались охотнее и обильнее многочисленные верующие и чтобы торжественнее происходили празднества в его честь, мы, опираясь на милосердие Всесильного Господа и на власть апостолов Петра и Павла, милосердно даруем на год и сорок дней послабление епитимьи всем, кто, в самом деле раскаявшись и исповедовавшись, будут набожно приходить на это место в этот праздник каждый год, чтобы получить его благословение. А тем, кто будет приходить к названной могиле ежегодно в течение восьми дней после его праздника, — послабление на сорок дней [33]. Писано в Орвьето, в третий день августовских ид [34] в третий год нашего понтификата.

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Запреты в средневековом обществе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г. Автор благодарит В.Г. Долгополова и А.М. Изосимову за помощь в работе над переводом.

[2] Процесс канонизации Людовика подробнейшим образом изучил и описал Луи Каролюс-Барре (см.: *Carolus-Barré L. Les enquêtes pour la canonisation de saint Louis — de Grégoire X à Boniface VIII — et la bulle Gloria laus, du 11 août 1297 // Revue d'histoire de l'Église de France. 1971. T. 57. No. 158. P. 19–29; Carolus-Barré L. Le procès de canonisation de saint Louis (1272–1297). Essai de reconstitution. (Collection de l'École Française de Rome, 195). Rome, 1994). Значительная часть сопровождавших процесс документов была утеряна, однако некоторые из них удалось обнаружить: *Linehan P.A. "Animadverto": A recently discovered consilium concerning the sanctity of king Louis IX // Revue Mabillon. 1994. Vol. 5. P. 83–106.**

[3] *Carolus-Barré L. Les enquêtes pour la canonisation de saint Louis. P. 26.*

[4] *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 237.*

[5] "Vita <...> non fuit interrupta, sed ab infantia continuata, et de bono in melius semper procedens, semper augmentata" (Sancti Ludovici Francorum regis, vita, conversatio et miracula, per F. Gaufridum de Bello-loco, Confessorem, et F. Guillelmum Carnotensem, Capellanum eius, Ordinis Praedicatorum, item Bonifacii papae VIII sermones duo in Canonizatione, Bulla Canonizationis, et Indulgentia in translatione corporis ipsius / ed. Claude Ménard. P., 1617. P. 145).

[6] *Le Pogam P.-Y.* De la "Cité de Dieu" au "Palais du Pape": Les résidences pontificales dans la seconde moitié du XIIIe siècle (1254–1304). Roma, 2005. P. 115–118.

[7] "Vita ejus non fuit solum vita hominis, sed super hominem" (Sancti Ludovici Francorum regis, vita, conversatio et miracula. P. 145). Эта формула в средневековых документах применялась чрезвычайно редко; нам известен только один аналогичный случай: Фома из Кантимпре назвал Альберта Великого *homo super hominem in scientia*. «Что же удивительного в том, что успеха в науке достигает настолько превосходящий прочих человек, тот, который столь свято и полно преуспел в добродетельности?»: "Quid mirum ergo si talis homo super hominem in scientia profecerit, qui tam sancte, tam integer in virtute profecit?" (*Thomas Cantimpranus*. Bonum universale de apibus / ed. G. Colvener. Duaci, 1627. P. 577).

[8] Выбор локации можно объяснить тем, что кафедральный собор в тот момент еще был на реконструкции, однако сложно не отметить удачное стечение обстоятельств. Ангажированные авторы склонны трактовать выбор как иллюстрацию тесной связи Людовика с Орденом или даже как аргумент в пользу того, что король при жизни был терциарием. *Castet S., Waddingus L.* Annales des frères mineurs. Toulouse, 1680. Т. II. P. 325.

[9] Прижизненная слава Людовика как короля-мироотворца была настолько велика, что Фридрих II призывал его в качестве третейского судьи для решения спора с Иннокентием IV. *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 490.

[10] В восприятии ряда средневековых авторов мир в душе христианнейшего короля коррелировал с миром на подвластной ему территории. *Vic P.* Pouvoir royal et commentaires de la Bible (1150–1350) // Annales. É.S.C. 1989. Vol. 44. No. 3. P. 691–713.

[11] "In se fuit pacificus. Habuit enim pacem pectoris, pacem temporis et idcirco tandem consecutus est pacem aeternitatis. Qualiter vero pacifice tenuit regnum suum, hoc sciunt omnes qui sunt illius temporis. Ista vero pax non est sine justitia — sequitur enim justitiam" (*Ménard Cl.* Histoire de S. Loys IXe du nom, roi de France, avec diverses pieces. P., 1617. P. 157). Проповедь переведена на французский язык: *Carolus-Barré L.* Le procès de canonisation de saint Louis. P. 275–278.

[12] Кажется, именно почерпнутые из буллы сведения легли в основу ряда коллекций житий. См. об этом: *Gaposchkin C.* The Making of Saint Louis: Kingship, Sanctity, and Crusade in the Later Middle Ages. Ithaca, 2008. P. 51.

[13] Жоффруа де Болье, Гийомом Шартрским и Гийомом из Сен-Патю. Житие Людовика Святого, написанное миноритом Гийомом из Сен-Патю, исповедником королевы Маргариты и королевы Бланки, очевидно скроено по лекалам «Большой легенды» — текста, значимость которого в рамках францисканской традиции трудно переоценить.

[14] *Frugoni C.* Saint Louis et saint François // Médiévaes. 1988. No. 34. P. 35–38. Людовик уподоблялся не только Франциску, но и царям Давиду, Соломону и Иосии; такие сравнения можно встретить, например, в посвященных Людовику гимнах: «Всею сердцем наряду с королем Иосией искал Бога с детства, второй Давид в милосердии и Соломон в мудрости.

Иосиф в предвидении и Гедеон в постоянстве» (Кравцова Е.С. Созидание святого короля: францисканский орден и королевская власть во Франции до 1270 г. // Европа святых / отв. ред. С.А. Яцык. СПб., 2018. С. 224).

[15] О проблеме соотношения светской власти и святости см., например: *Folz R.* Les saints rois du Moyen Age en Occident, VIe–XIIIe siècles. Bruxelles, 1984; *Graus F.* La sanctification du souverain dans l'Europe centrale de Xe et XIe siècles // *Hagiographie, culture et sociétés.* P., 1981. P. 559–572; *Парамонова М.Ю.* Генеалогия святого: мотивы религиозной легитимации правящей династии в ранней святовацлавской агиографии // *Одиссей. Человек в истории* — 1996. М., 1996. С. 178–204; *Парамонова М.Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси. М., 2003; *Цатурова С.К.* Под сенью Людовика Святого: этико-правовые основы монархического культа во Франции // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени.* 2016. Вып. 2 (14). С. 45–64.

[16] AASS Aug. V. P. 528–532. *Перевод и комментарии С.А. Яцык.*

[17] *Regis Francorum beati Ludovici Canonisatio* // *Sancti Ludovici Francorum regis, vita, conversatio et miracula.* P. 162–183.

[18] *Regis Francorum beati Ludovici canonisatio* // *Recueil des historiens des Gaules et de la France.* T. 23 / ed. par M. Bouquet; nouv. éd. publ. sous la dir. de L. Delisle. P., 1894. P. 154–160.

[19] Иак. 1:17.

[20] В рукописи буллы, хранящейся в Национальном архиве Франции, указано, что Людовик впервые взял крест “in anno vicesimo” (Paris. Archives Nationales. J. 940. No. 111; цит. по: *The Sanctity of Louis IX. Early Lives of Saint Louis by Geoffrey of Beaulieu and William of Chartres / transl. by L.F. Field; ed. and introd. by M.C. Gaposchkin and S.L. Field.* Ithaca; L., 2016. P. 164). Эта ошибка перекочевала в “*Sancti Ludovici Francorum regis, vita, conversatio et miracula*”, а оттуда — и в AASS. Однако известно, что в первый крестовый поход он отправился в 1244 г., в возрасте 30 лет.

[21] Если расстройства, мучившие других Капетингов, воспринимались современниками как слабость, то болезни Людовика Святого биографы и хронисты описывают как элементы его святости: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 650.

[22] Гийом Овернский (ок. 1180–1249) и Петр из Кьюзи (ум. 1255).

[23] Маргарита Прованская (1221–1295).

[24] Подразумевается убийство султана Египта Туран-шаха II ибн Айюба, которое 2 мая 1250 г. организовала группа мамлюкских эмиров во главе с будущим султаном Бейбарсом I (ок. 1223–1277). На престол взошли вдова султана Шаджар ад-Дурр (ум. 1257) и мамлюк Айбек (ум. 1257), взявший ее в жены.

[25] Известно, что Людовик был болен дизентерией, однако, несмотря на то что в булле фигурируют названия конкретных заболеваний, в данном случае Бонифаций ограничился диагнозом “*fluxus ventris*”, который можно понимать очень широко.

[26] Граф Альфонс де Пуатье (1220–1271).

[27] Изабелла, жена Тибо V Шампанского, короля Наваррского (1242–1271).

[28] Недавние исследования подтвердили, что Людовик страдал от цинги, сопровождавшейся, вероятно, окопной лихорадкой или сыпным тифом: *Charlier P., Augias A., Benmoussa N., Rainsard P., Froesch P., Richardin P., Froment A., Bianucci R., Appenzeller O., Perciaccante A., Lippi D., Prades L.* The mandible of Saint-Louis (1270 AD): Retrospective diagnosis and circumstances of death // *Journal of Stomatology, Oral and Maxillofacial Surgery*. 2020. Vol. 121 (2). P. 173. Среди причин его смерти называют тиф (*Ле Гофф Ж.* Указ. соч.. С. 649) и дизентерию (именно к этому варианту склоняются сегодня специалисты по патологической анатомии: *Charlier P.* Neither plague nor malaria, but dysentery as a cause of death for St. Louis // *Forensic Science, Medicine, and Pathology*. 2016. Vol. 12 (1). P. 122).

[29] Лк. 23:46.

[30] Всего Папская курия сочла достоверными сообщения о 63 чудесах святого Людовика. Бонифаций перечислил их в проповеди на стих «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу».

[31] Первым папой, перечислявшим в буллах о канонизации чудеса святых, почерпнутые из протоколов канонизационных процессов, стал Иннокентий IV. В булле *Magna magnalia*, провозгласившей святым Петра Мученика в 1253 г., Иннокентий упомянул шесть чудес, совершенных доминиканцем: чудесным образом загорающиеся возле его могилы лампы, несколько исцелений, описанных чрезвычайно подробно (в ходе торжественной канонизации Иннокентий *ex cathedra* рассказывал, как Петр остановил кровавую рвоту некой женщины и исцелил указательный палец на левой руке некоего мальчика), и одно чудо-наказание (AASS Arg. III. P. 702). Вероятно, на столь детальное перечисление чудес Иннокентия сподвигло особое положение Петра Веронского: современники видели в нем в первую очередь мученика, пострадавшего за веру от рук еретиков. При этом Иннокентий IV неоднократно настаивал на том, что мученическая кончина не является достаточным условием для признания кого-то святым. Поэтому, поддерживая, очевидно, кандидатуру Петра Мученика, понтифик заострил в булле внимание на его посмертных чудесах. Провозглашая канонизацию Станислава Краковского, Иннокентий IV вновь обратился к совершенным святым чудесам и упомянул девять казусов (AASS Jul. II. P. 125–127). Последователи Иннокентия IV переняли его манеру и начали включать в буллы, оглашавшиеся в ходе литургии, сведения о чудесах, полученные в ходе канонизационных процессов. Так, в булле о канонизации Клары Ассизской перечислены восемь совершенных святой чудес (AASS Aug. II. P. 750), в булле о канонизации Ричарда Чичестерского — четыре (AASS Arg. I. P. 303–304), а в булле о канонизации Ядвиги Силезской — три чуда исцеления (AASS Oct. VIII. P. 222).

[32] 25 августа.

[33] Как правило, буллы, возвещающие канонизацию нового праведника, даровали индульгенцию на срок до 40 дней. С помощью этих индульгенций папа поощрял развитие угодных ему культов, тем самым формируя

понимание святости представителями нищенствующих орденов. Об индульгенциях см.: *Capitani O. L'indulgenza come espressione teologica della "communio sanctorum" e nella formazione della dottrina canonistica // Indulgenza nel medioevo e perdonanza di papa Celestino / a cura di A. Clementi. Atti del Convegno storico internazionale. (L'Aquila, 5–6 ottobre 1984). L'Aquila, 1987. P. 17–32.*

[34] 11 августа 1297 г.

Павел Уваров

Чума в Провене 1582–1583 гг.

К вопросу о патологоанатомии власти

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_459-482

Читатели данного сборника уже поняли, что творчество Михаила Анатольевича Бойцова сегодня ассоциируется главным образом с изучением власти, ее не поблекшего сияния, ее церемоний и ритуалов, с умением препарировать институт власти и использовать полученные таким образом препараты для всеобщей пользы [1].

В связи с этим небезынтересно будет напомнить об одном примечательном событии из нашего общего недавнего прошлого. В апреле 1990 г. еще в старом здании Института всеобщей истории РАН (ул. Дмитрия Ульянова, 19) проводилась большая конференция «Власть и политическая культура в средневековой Европе», обратившаяся к таким проблемам, как «Рост государственного аппарата и рождение бюрократии», «Государство и проблемы политической стабильности», «Средневековое сословное представительство и проблемы демократии». Участники сходились в том, что современные политические структуры и процессы вызревали в недрах Средневековья и задача советских медиевистов — показать, какие структурные сдвиги обеспечивали эти изменения, а какие, напротив, являлись их результатами. Но вот слово взял Михаил Анатольевич. С уже тогда присущим ему дружелюбным ехидством он поставил вопрос о политической культуре Священной Римской империи: непонятно, на чем все держалось в столь обширном и пестром государственном образовании, но ведь держалось же, а для того чтобы выяснить, почему и как это происходило, нужен не столько «контекст структурного анализа», сколько понимание сложной игры смыслов, явных или не очень явных для современников и, как правило, совсем не явных для историков. Это выступление прозвучало на общем фоне столь вопиющим диссонансом, что текст обстоятельной хроники конференции не сохранил о нем упоминания [2]. А призыв приступить скорее к описанию конкретных ситуаций и к пониманию их смыслов современниками, чем к непременно вписыванию данного события в контекст «большой истории», в дальнейшем привел Михаила Анатольевича в соредакторы альманаха «Казус», где провозглашался микроисторический стиль исторического исследования.

Вот почему мне и захотелось вплести в венок сонетов некое микроисторическое исследование, которое имело бы отношение к проблематике власти. Вспомнился один из тезисов нашумевшего манифеста, призывавшего анализировать «свойства изучаемого фрагмента на фоне индивидуального личного опыта исследователя» [3]. А если этот опыт еще соотносится и с опытом читателя, то эффект будет кумулятивным. Нагрянувший COVID-19 подсказал сюжет, побудив обратиться к одному из самых любимых моих источников — «Мемуарам» Клода Атона, где описана вспышка эпидемии чумы, обрушившейся на Провен в правление Генриха III.

Мне уже доводилось публиковать перевод фрагментов этого памятника, описать и само сочинение, и жизненный путь его автора [4]. Клод Атон, священник из Провена, города средней величины в Шампани, оставил пространный текст (1054 листа), в котором он стремился по возможности тщательно воспроизводить главные события в жизни страны в эпоху религиозного раскола. Родившийся около 1535 г. в крестьянской семье, Атон был рукоположен в 1555 г., впоследствии стал клириком церкви Сент-Айуль в Провене и даже иногда замещал там кюре. Сохранившаяся часть пространной рукописи с некоторыми лакунами охватывает период от 1553 до 1582 г., впрочем, и начало, и конец рукописи утрачены. В своих «Мемуарах» Атон отмечает небесные и иные знамения, погодные условия, цены на зерно и вино, рассказывает в основном о том, что случилось в Провене и в прилегающих землях в радиусе 30–35 км. Но иногда он описывает события в масштабах всего королевства, связанные прежде всего с королем и его двором, с Парижем (от которого Провен был удален на 90 км), с военными действиями и дипломатическими переговорами, но всегда поспешно возвращается в своем повествовании к провенскому краю.

Автор, не обремененный солидным образованием и не обладающий изяществом стиля, обращается, по его словам, к «простому человеку», и порой его пассажи напоминают проповедь. В предыдущей публикации я назвал Клода Атона «бытописателем французской смуты», на что А.М. Изосимов, в ту пору писавший курсовую работу по этому источнику [5], возразил, что целью автора была вовсе не регистрация событий повседневной жизни, а повествование о великой финальной битве сил добра и зла, разворачивавшейся на глазах автора и его современников. Обычно Атон старался дать событиям ригористическую оценку, видя в еретиках-кальвинистах и их приспешниках главных слуг Антихриста и виновников того, что гнев Божий изливается на землю карами, предсказанными «Откровением» Иоанна Богослова. Но в силу стилистических особенностей «Мемуаров» и позиции автора этот источник обретает особую ценность, давая удивительно плотное, насыщенное описание социальной жизни, которому мог бы позавидовать сам Клиффорд Гирц [6].

Мне показалось, что фрагмент об эпидемии в Провене лучше не пересказывать, а дать в переводе. Продвинутый (*advanced*) исследователь

мотивировал бы подобное решение желанием сохранить когнитивный и дискурсивный потенциалы нарратива [7], я же просто признаюсь, что не смогу лучше Клода Атона рассказать об этом событии. Но есть одна проблема. Дело в том, что двумя годами ранее в «Мемуарах» уже говорилось о вспышке чумы 1580 г. Но в рамках одной статьи места хватит лишь для одного из эпизодов.

Первый рассказ более типичен для общего замысла автора «Мемуаров». Ему предпослано повествование о землетрясении 6 апреля 1580 г. с эпицентром в районе Кале [8] с ожидаемым перечислением всех бедствий приближающегося Апокалипсиса: появлением лжепророков, возвещающих приход Антихриста, войн, голода, сотрясения земли и, наконец, морового поветрия. Последнее бедствие началось в Париже в конце февраля 1580 г., а в июле добралось и до Провена. Этот эпизод «Мемуаров» изобилует интересными подробностями, однако он посвящен не только Провену, но и положению в Париже, да и в «провенской» части повествования Атон значительное место уделяет размышлениям о том, каким образом парижане заразили жителей его родного города. С точки зрения микроисторического подхода второй эпизод более компактен и целостен. В нем почти соблюдено то самое тройное единство драматургического действия, которое в середине следующего столетия сформулирует аббат Д'Обиньяк, теоретик классицизма и, кстати сказать, внук великого медика Амбруаза Паре, столь интересно писавшего о чуме в том же 1580 г. [9] Но я буду по мере необходимости апеллировать к прошлому опыту жителей Провена.

Перевод дан по последнему изданию под редакцией Лорана Буркена [10].

Чума в Провене, Мелёне, Монтро и в нескольких деревнях вокруг Провена

47. В апреле этого года [1582], в самом его начале, случилась страшная болезнь, уморившая многих людей в городах и селах, и их смерть порой наступала быстрее, чем проявлялось заболевание. Одни, застигнутые ею, болели лишь двадцать четыре часа, а то и меньше, другие болели два дня и одну ночь, некоторые — две ночи и день, в зависимости от часа, когда их поражала болезнь. Другая болезнь также поражала некоторых людей, которые не умирали, но лишь повреждались в уме, трогались рассудком, становились помешанными, подобно идиотам, лишенным разума и чувств: и днем, и ночью они не могли оставаться на одном месте и не понимали, что делают и что говорят. От этой болезни умирали немногие, но по молитвам своих родственников, друзей и католической Церкви, просившей за них Бога, а также по заступничеству своих святых быстро обретали прежнее здоровье тела и духа.

Чума в Севей-ле-Провен и в Шез-де-Шалостр-ла-Гранд, близ Ножан-сюр-Сен

48. Как только вышеназванные болезни прекратились, заразная болезнь чумы начала проявляться в разных местах, сказываясь на пораженных ею людях; и началась эта болезнь в сем провенском краю вначале с деревень Шез-де-Шалостр-ла-Гранд близ Ножан-сюр-Сен [11], где умерла почти половина людей. Примерно через неделю, к восьмому дню апреля, болезнь перекинулась в деревню Сетвей в приходе Сент-Коломб [12], затронув ее очень сильно и немилосердно к великому несчастью жителей этих мест, оказавшихся покинутыми людьми из окрестных городов и сел. И была выставлена стража у ворот Ножана, Бре [13] и Провена с целью помешать местным появляться в этих городах. Но люди из Провена не смогли обеспечить столь надежную охрану своих ворот, чтобы не пустить болезнь в город, по причине алчности некоторых его жителей, каковые первыми заплатились за это своей жизнью, став при этом причиной смерти и ужаса других, поскольку не пожелали открыть свою тайну и заявить о постигшей их болезни.

49. Первым, кого поразила болезнь и смерть, был булочник из Провена по имени Пьер Фаруз, проживавший в приходе Сент-Айуль [14], совсем рядом с большими воротами церкви и воротами приората, который примыкает к галерее менял указанного Сент-Айуля. И он сам, и его жена не захотели объявить о постигшей их беде из страха быть покинутыми другими людьми, опасаясь, что их оставят умирать без ухода. И так продолжалось четыре дня, начиная с того момента, как он был заражен, и до его смерти. В течение этих дней он не прекращал посещать других людей, ходить в церковь, пить из общественных фонтанов днем и ночью из-за сильной жажды и оправдываясь тем, что он якобы страдает от боли, потому что решил переставить в погребке тридцативедерную бочку без всякой посторонней помощи. Говорил, что боль возникла у него в животе и почках именно по этой причине, и, по его словам, ничто не мешает тому, чтобы общаться с ним, пить и есть с ним вместе и посещать его дом. И он продолжал выходить из дома до самого часа своей кончины, однако за два дня до смерти помешался рассудком, не понимая, что говорит, и, хотя он по-прежнему выходил из дома, все думали, что он заболел чем-то наподобие той болезни, от которой, как мы прежде говорили, трогались рассудком, но выздоравливали.

50. Он умер на девятый день мая, одетый и обутый, без какого-либо покрывала, на руках у священника, которого позвал, чтобы исповедоваться.

Этот человек был болен заразной болезнью, скрываемой его женой, и его болезнь объяснялась ею якобы тем, что он один ворочал тридцативедерную бочку в погребке и порвал себе вены, так что, по ее словам, день или два до смерти он мочился лишь кровью. Он был достойным образом похоронен на кладбище Сент-Айуль при большом стечении родственников, соседей, булочников и прочих, которые отнесли

его тело и в церковь, и в могилу в сопровождении священников прихода Сент-Айуль и монахов обителей кордельеров и якобинцев. Поскольку детей у него не было, то служба в церкви была организована племянниками, его наследниками. Они же составили опись имущества при помощи королевского нотариуса, королевского сержанта, оценщика и нескольких свидетелей, среди которых были, например, кюре, викарий указанной церкви, священники, приписанные к Сент-Айуль, за исключением клириков указанной церкви по имени Клод Атон и Огюстен Пеле, священников, помогавших в этой церкви. По завершении дел никто не отказался от еды и выпивки в доме, полагая, что нет никакой опасности заразиться в этом жилище умершего.

51. Причиной того, что священники Атон и Пеле не пошли вместе с другими священниками и родственниками умершего в его дом, было подозрение, что они могут там заразиться, поскольку знали указанного Фаруэ как прощельгу (*adventureux*), всюду ищущего свою выгоду, и еще потому, что о нем уже ходил слух, что еще до праздника святого Георгия [15] он ходил продавать облатки в приход Шалостр-ла-Гранд и что в деревне Шез указанного прихода Шалостр он побывал в доме, где жители, умершие от заразы, остались должны ему денег. Их пожитками он нагрузил свой сундук и увез его в Провен. Несмотря на это, все прочие люди не переставали посещать его дом, его ферму и его наследников вплоть до того момента, как через десять дней заболела его жена, умершая на пятый день своей болезни, т.е. через две недели после смерти мужа.

Советник Баранжон, пораженный чумой и умерший в своем доме в Провене

52. Тем временем на двадцатый день мая заразная болезнь поразила советника [16] указанного Провена, молодого человека возраста 28 лет, по имени мэтр [...] Баранжон [17], сын элю Баранжона [18], по прозвищу Хромой элю. И у него заражение было обнаружено из-за жара и чумных абсцессов, возникших на теле, как заключили медик мэтр Жан Сольсуа и хирург Николя Дури, проживающие в указанном Провене. За то, чтобы ухаживать за указанным Баранжоном, лечить его и врачевать, указанные хирург и медик получили каждый по 20 экю платы еще до того, как соизволили им заняться, хотя он уже несколько дней как заболел, затем во время болезни они посетили его.

53. В том и заключалось скудное милосердие братьев в гугенотской религии, к каковым и ранее, и теперь относился указанный Дури, — соблаговолить помочь своему брату во Христе, но только за хорошие деньги. Пациент, который по желанию своего отца и за счет его средств был с юных лет вскормлен и прошел катехизацию в Женеве, казалось, был возвращен в лоно католической церкви, как и указанный медик Сольсуа, так как они посещали католические храмы, слушали святую мессу, присутствовали на божественной службе и внешне старались показать, что они добрые христиане-католики. А указанный Дури и этого не делал, и,

после того как несколько раз покидал католическую Церковь, он в конце концов порвал с ней окончательно: упрямец вернулся к гугенотской ереси, которую открыто и исповедовал. Вот почему я называю их братьями во Христе, всех этих еретиков — лютеран, кальвинистов, гугенотов во Франции, каковые с самого начала именно так себя и называли.

54. И все же они не спасли жизнь этому Баранжону за его деньги, ибо в двадцать второй день того же месяца мая он умер и был похоронен в своем саду несколькими женщинами и слугами, проживавшими у него, теми, кто ухаживал за ним в его болезни и у кого не было сил снести его на приходское кладбище Сен-Пьер [19], хотя оно и находилось совсем рядом. Смерть и заражение этого человека больше напугали жителей города, чем смерть Фаруз, тем более что самые богатые в большинстве своем навещали его, когда он уже заболел, но признаки заражения еще не проявлялись. Как только он умер, его жена, чьей матерью была жена Жана Руа-младшего, писмоводителя Провена, была забрана из этого дома своей матерью и указанным Жаном Руа, ее отвели в дом, где жила бедная женщина по прозвищу Кормилица [20], которая уже на протяжении нескольких лет ухаживала за чумными больными как в Сансе, Бре и Провене, так и в других местах; ее дом находился в Гарла [21], где некоторое время она ожидала, пока правители города примут какие-нибудь меры, чтобы помочь пораженным болезнью больным.

55. Адвокат по имени Ренар, родом из Сезана, и его жена, приходившаяся сестрой упомянутому Баранжону, проживавшие в доме покойного элю Баранжона, их отца, и все время общавшиеся с больным, отправились за город в принадлежащее им имение, называемое Фаро, что в окрестностях Банно [22], где они пробыли десять дней и где сестра покойного, жена помянутого Ренара, умерла от этой же болезни. Многие другие богатые люди, навещавшие советника Баранжона, теперь покинули дома в Провене и отправились на свои фермы в деревнях, чтобы дышать там воздухом, который они считали свежим.

56. Удивлялись, где Баранжон подцепил эту заразу, учитывая, что он не покидал ни своего дома, ни города. Одни говорили, что он якобы побывал в Мелёне, на похоронах умершей там вдовы покойного Этьена Бурдые, при жизни бывшего лейтенантом по уголовным делам в Провене [23]. Но это вряд ли возможно. Другие же говорили, что его дом был заражен неким человеком из прихода Шалостр-ла-Гранд, его виноградарем, принесшим Баранжону свою плату, что мне кажется более правдоподобным.

57. Через три дня после смерти Баранжона умерла жена названного Пьера Фаруз. Она умерла в своем доме, покинутая всеми, за исключением Пьера Бройона-старшего и его жены, сестры Фаруз. Умершая была осмотрена лишь издали медиками и хирургами, не захотевшими к ней слишком близко приближаться, и для этого она была вынесена мертвой из дома прямо на улицу. И осмотрев ее совсем голой со всех сторон, спереди и сзади, они заметили фистулы на бедрах и чреслах, что они и назвали признаками заражения, и, не сказав ничего другого собравшейся по меньшей мере сотне людей, приказали, чтобы ее поскорее похоронили, что

и было сделано. На следующий день той же болезнью оказались поражены два наследника покойной Фарузэ, а также Эдме Дедуаен по прозвищу Бурлье [24], ее сосед, — все умерли. Почти все наследники Фарузэ, числом девять человек, были заражены этой болезнью, и трое из них умерли в течение недели.

58. За десять дней зараза распространилась по всему Провену, так что сильно зараженными оказались по меньшей мере шесть домов и даже приорат Сент-Айуль, в котором от этой болезни умер брат Аньян Мартен, кантор указанного приората.

59. Власти города, увидев общую опасность, со всей поспешностью стали запасаться необходимыми вещами для ухода за больными, как уже заболевшими, так и теми, чья болезнь воспоследует. И сделали так, чтобы выплатить Николя Дури, вышеупомянутому хирургу и цирюльнику, 60 эю в месяц, и был составлен контракт на эту сумму между ним и властями города, чтобы он оказывал услуги, а город выплачивал бы деньги. После того как соглашение было заключено и контракт подписан, Дури отказался посещать и лечить больных этой заразной болезнью, пока власти не выделят ему в помощь еще одного мэтра-цирюльника, что они вынуждены были сделать за такие же деньги. И ему отрядили мэтра [...] Табю, проживавшего в Замке [25], и вынудили его [согласиться] по суду. Но и после этого Дури не захотел идти туда, где находились больные, хотя он и его компаньон получили деньги за два месяца, в конце которых они рассчитывали получить столько же, что на каждого составило бы по 120 эю, причем за эту сумму они собирались служить городу не дольше трех месяцев. Стоит согласиться со словами этого милосердного гугенота, похвалявшегося тем, что он сделает наименьшее из того, что сможет, для больных, которым суждено заболеть этой болезнью.

60. Во время его препирательства с властями города случилось так, что монах из приората Сент-Айуль был поражен тем же недугом. Увидев у себя признаки болезни и прослышав, что Дури нанят для лечения больных, он отправился к его дому в пятницу накануне Пятидесятницы, первого июня, чтобы рассказать, какая беда с ним приключилась, и просить об уходе и лечении в том месте, где тот соизволит находиться. Но услышав его речи, Дури стал смеяться над ним, сказав ему следующее: «Идите, месье, идите петь вашу мессу и запаситесь соломой и сеном, коли у вас этого пока недостаточно, для питания и ухода за вашими жеребчиками (*poullains*)». И не получив иного ответа, монах скончался в маленькой сторожке в саду приората Сент-Айуль в следующий понедельник, четвертого июня. Этим был весьма опозорен гугенот Дури, вызвав всеобщее презрение. Но на упреки он отвечал, что хотел бы, чтобы со всеми монахами, священниками и папистами Провена, т.е. с католиками, случилось то же, что и с этим монахом.

Смерть мэтра Николя Дури, лейтенанта цирюльников и хирургов [\[26\]](#)Провена

61. Все же, получив деньги от города за два месяца, отправился он со своим компаньоном в те места, где уже было несколько больных, ожидавших милосердия Божия и помощи от этого добродетельного гугенота. Но он ими не занимался и десяти дней, а заплатили ему той же монетой, и получил он столько жеребчиков, сколько, по его словам, имел монах. За оскорбление, нанесенное монаху указанным Дури, Бог послал возмездие и не разрешил ему жить дольше, дабы он умер смертью, подобно монаху и прочим людям, которым он не захотел протянуть руку помощи. Дури, как только заболел, не мог принять никаких лекарств и снадобий, которые составлял и приготавливал ему медик, его брат во Христе и в религии, и болезнь становилась все хуже и хуже, таким образом умер гугенот, упорствующий в своей ложной религии, на двадцатый или двадцать первый день [июня] того же года. Его тело в разных местах имело восемь шишек и очагов пестиленции, наименее излечимых из всех возможных, как их описал его компаньон Табю. Смерть этого несчастного и к тому же презренного человека вызвала радость всех жителей Провена, поскольку город очистился смертью столь упорствующего открытого гугенота. Ибо Провен имел лишь одного такого гугенота, как он, совсем переставшего ходить с католиками на богослужение в церкви и получать таинства, как все католики. И сочли в Провене, что его смерть в большей степени, чем все прочие, явилась карой Господней, особенно если учесть, что опыт, которым он обладал, был достаточен для того, чтобы уберечься от заразной болезни.

62. После смерти этого Дури чумная зараза в Провене быстро прекратилась, продлившись чуть более двух месяцев. Горожане решили, что они расквитались с ней, и отпустили цирюльника Табю после того, как он отслужил свои три месяца, в течение которых, слава Богу, заболевших и умерших не набралось и дюжины. Город был бы в еще лучшем состоянии, если бы не корыстолюбие некоторых жителей: в силу своей алчности и стремления к наживе, воспользовавшись хорошими ценами, они торговали с жителями деревень Сетвей, Куртон в приходе Сен-Лу [\[27\]](#), Сессуа, прихода Мон в Монтуа [\[28\]](#), Монтро-Фот-Йон [\[29\]](#) и других местах, где была распространена эта болезнь.

Два цирюльника, назначенные лечить больных чумой, умерли, ухаживая за больными

63. По этой причине зараза в Провене возобновилась к середине августа и не утихала вплоть до февраля следующего года как в городе, так и в замке. Всего умерло от этой болезни до двухсот десяти человек. Среди них были мэтр Жан Николя и Пьер [...], хирурги и цирюльники. Николя был из города Провена, Пьер [...] — из бурга Нанжи, каковой прибыл в Провен, надеясь подзаработать. Каждому из них город выдал по 50 экю в месяц на двухмесячный срок, что составляло по 100 экю на двоих ежемесячно. Этот

Жан Николя показал себя довольно плохо в своей должности и проявлял мало милосердия по отношению к больным: о нем рассказывали, что он не хотел ни лечить, ни ухаживать, если ему не платили денег, причем весьма щедро.

Он был обвинен в вымогательстве, и дело бы обернулось для него скверно, если бы смерть не освободила его от преследования, так как городские власти имели желание наказать его по суду, убедив судей в вымогательстве с его стороны. Он был скорее высокомерен, чем опытен, и столь же жаден, сколь и честлюбив. Да простит его Бог! Его компаньон мэтр Пьер, прибывший из Нанжи, некоторое время пребывал в одиночестве, ожидая, что мэтры-цирюльники изберут кого-нибудь, чтобы отрядить ему в помощь.

64. И был ими избран мэтр Жан Лелонг из указанного Провена, каковой, желая уклониться от этого, отправился в Париж, нашел там человека, привез с собой и представил его городским властям, и те наняли его за ту же плату, что получали покойные. И звался он мэтр Жак [...], молодой холостяк, как говорят, в возрасте 24–25 лет, у которого не было такого опыта работы с больными, как у мэтра Пьера из Нанжи, который вскоре умер, оставив его в одиночестве.

65. Мэтр Жак выказывал расположение и учтивость ко всем людям, как к больным, так и к здоровым, и о нем пошла хорошая молва и добрая слава в Провене. Его очень ценили за его искусство. Он давал советы больным, которые имели возможность оставаться в своих домах, чтобы не отправляться в специально отведенные места, где находились прочие больные, говоря, что воздух там слишком отравлен, что было правдой. И по велению сердца он ежедневно ходил дважды в день, посещал и лечил больных на дому и довольствовался лишь благодарностью тех, о ком всячески заботился. И почти месяц он работал один, без компаньона или мэтра того же статуса и не просил бы никого в помощь, если бы сам не заболел, но, по милости Господней и по молитвам всех провенцев, быстро вылечился и к нему вернулось здоровье. Цирюльник-хирург из Мо, явившийся в Провен, был дан ему в коадьюторы [30] за счет города, который, впрочем, невысоко оценил его труды, так как по милости Божьей болезнь завершилась так же внезапно, как и началась.

Талья на жителей Провена для покрытия расходов по причине чумы

66. Чтобы покрыть расходы, которые требовались по причине заразы, с разрешения короля, полученного прокурором и эшевенами Провена [31], на жителей города была наложена талья. Эта талья была разверстана на всех — как на освобожденных, так и на не освобожденных от налогов, включая людей церкви, в целом, а не по отдельности, кроме тех, чье имущество располагалось за пределами территории общины [Провена], таких, например, как аббат монастыря Сен-Жак, приоры Сент-Айуля, Сент-Круа и Сурдена, каждого из которых обложили по отдельности, поскольку

они имели бенефиции вне общины. На остальных людей церкви разверстка была общей, а не по отдельности, т.е. каноники церковью Провена платили в зависимости от оценки доходов каждого капитула. Капитул Нотр-Дам-дю-Валь был обложен в 40 эю и более, капитул Сен-Кириака — в 50 эю и более, капитул Сен-Николя — от 12 до 15 эю, капелланы Сен-Блеза — от шести до семи эю, община капелланов Нотр-Дам-дю-Валь — в пять эю, община капелланов Сен-Кириака — в пять и две трети эю, кюре и клирики, приписанные к приходам в общем порядке, были обложены в каждом приходе суммой по 100 турецких су.

67. И были вышеназванные оценки сделаны сборщиками [32] тальи по каждому приходу Провена, раскладывавшими обычную годовую талью по королевскому поручению. Люди церкви не захотели избирать никого из своей среды, чтобы выполнить разверстку взносов, сделанных ими в общем порядке, что составляло пятую часть от той тысячи эю, до которой доходил размер тальи, наложенный на городскую корпорацию, простолюдинов и обывателей. Аббат Сен-Жака хотел опротестовать размер своей квоты в 50 или 60 ливров, как и Жирар Жамвье, буржуа города, который также был разверстан платить 50 эю. Но в итоге, увидев, что эти деньги идут на благочестивые нужды и благотворительность, выплатили свои квоты.

Число умерших в Сетвейе от заразной чумной болезни

68. Описанная зараза бушевала в Провене до февраля 1583 г., прежде чем полностью уняться, хотя уже с первого дня ноября до февраля следующего года людей умирало немного. Жителям Сетвейя, прихода Сент-Коломб-Ле-Провен, не удалось так хорошо расквитаться с этой болезнью, как жителям Провена, ибо как в Верхнем, так и в Нижнем Сетвейе начиная с апреля вплоть до праздника святого Андрея [33] умерли 160 человек старых и малых и лишь 45 человек в Сетвейе не погибли. Из заразившихся во время эпидемии выжить там удалось по большей части женщинам, а не мужчинам. У них не было ни цирюльников, ни хирургов, чтобы оказать помощь, так что они лечились сами, как могли.

69. Некоторые вверяли себя рукам и милосердию женщины, которая была родом из прихода Гуэ [34], по имени Марион Полеве и по присвоенному ей прозвищу Кормилица, каковая помогала так, как понимала по собственному разумению, и некоторых вылечила. Она давно имела некоторый опыт в обхождении с этой заразной болезнью, поскольку за несколько лет до того ей поручали ухаживать за больными подобной же хворью в Сансе, Бре и Провене, где она обучилась способам, чтобы противостоять этой болезни. Она бралась врачевать приходивших к ней больных, изготавливала для них мази и накладывала на язвы, которые прокалывала ланцетами, иглами и прочими металлическими инструментами. И эта женщина избегла опасности, никакая болезнь не причинила ей вреда. Она была бедна земным имуществом и якобы имела пятно на своей чести, но это не помешало ей найти счастье в браке и выйти

замуж за сукновала Шастеро, за которым она ухаживала во время этой болезни, и потом завести с ним хорошее хозяйство. Она в прошлые годы помогала больным той же болезнью в городе Провене, как это делали еще две местные дамы в этом году. Но из-за плохого с ней обращения и не получив оплаты, она не захотела помогать тем, кто тогда же болел в Провене.

70. Кюре местечка Сетвей-э-Сент-Коломб, который был из пикардийцев [35] и звался мэтр Бризебар, проживавший в этом же приходе, видя, что болезнь продолжается, договорился с мэтром Жеромом Сажо, священником того же прихода, чтобы тот вел службы в церкви и окормлял прихожан, а сам укрылся в Париже, откуда он был родом и где имел пребенду в церкви Сент-Оппортюн; с тех пор он никогда не возвращался туда, где являлся кюре. В компенсацию он принял капеллу, которую ему передал Антуан Нанно, каноник церкви Сен-Кириак. Указанный мэтр Жером Сажо, викарий, узнав, что кюре Бризебар, от которого он получил обязанности кюре, уже передал это свое место, решил покинуть сей приход. Но он не мог этого сделать, поскольку Нанно, новый кюре, не хотел вступать во владение во время заразы и отрицал, что он там служит. Вот почему Сажо продолжал службы в этом приходе, и он, набравшись смелости и надежды на Бога, сам не заболел, исповедовал всех, кто был заражен, — как тех, кто позже умер, так и тех, кто выжил. За это его повсюду расхваливали. Он нес службу кюре до февраля следующего года, после чего отправился в путешествие в Иерусалим с другими провенскими клириками, о чем мы расскажем под следующим годом [36].

Виноградники остаются неубранными в Сетвейе и в Сессуа, приходе Мон в Монтуа

71. В Сетвейе бедствие, вызванное этой заразной болезнью, было столь велико, что хороший урожай, который дали виноградники, оставался почти несобранным в этом приходе, равно как и в деревне Сессуа, приходе Мон в Монтуа-Ле-Доннмари, где эта болезнь была такой же или еще сильнее, чем в Сетвейе.

На основании приведенного отрывка я бы не взялся делать выводы этиологического, эпидемиологического или микробиологического толка. Сначала Клод Атон говорит о трех болезнях с разной симптоматикой, но впоследствии они сливаются в его описании воедино. То, что началось в Париже в 1580 г., современники называли коклюшем, но к нынешней одноименной болезни он имел весьма отдаленное отношение. Парижский госпиталь Отель-Дьё уже через пару недель после начала эпидемии не мог вместить всех больных, и власти приступили к строительству чумных барачков (*sanitat*) в загородной зоне как Левого, так и Правого берега Сены. Были закрыты университетские коллегии, судебные заседания проводились вне Парижа. Пьер Летуаль, в некотором роде коллега Клода

Атона по составлению «Мемуаров», говорил о 30 тысячах умерших в тот год [37], хотя никакой статистики по Парижу у историков нет.

Судя по упоминаниям населенных пунктов в «Мемуарах», очаги заражения первоначально расположились вдоль берегов Сены, лишь позже переместившись в Провен. Случившееся в самом городе было тяжелым испытанием, но не катастрофой, в отличие от деревни Сетвей, где умерло четыре пятых населения. 210 умерших жителей Провена составляли от 2 до 3% жителей, если исходить из того, что число жителей города не превышало 10 тысяч человек [38]. Много это или мало? Во время нынешней эпидемии в Нью-Йорке, мегаполисе, наиболее пострадавшем от коронавируса, на начало мая 2020 г. болезнь унесла в пропорциональном отношении в десять раз меньше жизней, чем чума в Провене. Атон не упоминает об общем числе заболевших, но из его текста следует, что какая-то часть инфицированных выживала. В данном фрагменте он называет имена троих: молодой доктор Жак, вдова советника Баранжона, отданная на попечение женщине по прозвищу Кормилица, и сукновал Шастеро, который не только был спасен заботами этой же целительницы, но и, выздоровев, сочетался с ней браком.

У читателя данной статьи, сверяющегося с названием сборника, возникнет вопрос: «А где здесь власть?» И этот вопрос будет оправдан. Потому что власти здесь практически нет. Во всяком случае — королевской. Вообще-то на страницах «Мемуаров» Атон много пишет о короле, его политике, его советниках. Иногда хорошо, но чаще плохо. А в последней части своего сочинения он все больше критикует Генриха III за его новые фискальные инициативы, за создание все новых должностей, ложившихся бременем на плечи народа, за расточительство, за нежелание искоренить еретиков раз и навсегда и даже за потворство им. Раньше Атон предпочитал обвинять дурных советников монарха, но теперь в его тексте виновным все чаще и чаще оказывался сам король. Представим себе, что сегодня колумнист какого-нибудь оппозиционного издания пишет большой текст на актуальную тему и вообще не упоминает о нашей вертикали власти. И это красноречивое молчание Атона дает полезную пищу для размышлений. Наступают моменты, когда внимание автора переключается исключительно на локальный уровень. *Gouvernement* в этом контексте — это только городские власти и никакие иные.

Прежде и к отцам города Атон мог относиться с известной долей критики, но на сей раз о них он не говорит ничего плохого или почти ничего. С точки зрения современной медицины действия властей Провена вполне оправданны. Они выявляют пути заражения и стараются перекрыть возможные каналы его распространения, обеспечив изоляцию города. Когда этого не удастся из-за нарушений режима изоляции неосознательными горожанами, власти выделяют специальную зону, куда свозят больных. Из текста ясно, что такие места есть, но в данном фрагменте Атон не указывает, где именно они находятся. Из описания прошлой эпидемии следует, что таким местом была деревня или хутор

Гарла в Сен-Брисе, в полутора километрах к северо-востоку от Провена [39].

Оценив реальность угрозы, власти спешно закупают «все необходимое» и пытаются назначить «чумных докторов». Врачи обоснованно требуют высокой оплаты — по 50 экю одновременно в первый месяц работы, что чуть больше годового жалованья советника президиального суда Провена. Но это оправданно, ведь помимо того, что такой врач подвергается смертельному риску, он автоматически лишается прочей практики и, следовательно, всяческих доходов.

Не вполне ясно, по какому принципу подбираются «чумные доктора». Власти делают «предложение, от которого трудно отказаться», суля большие деньги и грозя судом в случае отказа. Они также контролируют работу хирургов: так, узнав, что хирург Жан Никола вымогает у пациентов деньги, его сразу же привлекли к суду. Атон упоминает о двух дамах, которые ухаживали за больными, и их, по-видимому, тоже вознаграждали из городской казны.

Чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных расходов, и власти вполне успешно решают эту задачу. У короля испрашивается разрешение на сбор тальи специально для покрытия затрат по случаю морового поветрия. На сей раз Атон воздерживается от замечаний в адрес королевской политики. Сбирать налог доверяют тем же людям, которые ведали раскладкой обычной королевской тальи. Расходы были возложены на всех обитателей города, вне зависимости от их привилегий. Священники и монахи не избежали налогового бремени, но на сей раз не протестовали против него. У первого сословия было право прибегать к «самообложению»: в масштабах всего королевства для этой цели собиралась ассамблея духовенства. Но в данном случае сословие доверилось городским оценщикам, что, возможно, немного удивило Атона, раз он отметил это обстоятельство.

Осознав, что налоги пойдут на понятные нужды, передумали протестовать даже самые «сверхобложенные» обитатели Провена: аббат монастыря Сен-Жак и купец Жирар Жамвье, которого Атон в своих «Мемуарах» называл самым богатым буржуа.

Атон не упоминает о серьезных упущениях городских властей в борьбе с эпидемией. Но нас не может не удивить отсутствие сведений о создании похоронной команды и о выделении специального места для захоронения умерших. Согласно Атону, родственники либо относили трупы на соседнее кладбище, либо хоронили в собственном саду.

Если говорить не о властях, а о жителях, то они тоже ведут себя понятным нам способом, в целом стараясь соблюдать карантин. И только действия корыстолюбивых нарушителей изоляции приводят к первой апрельской вспышке заболеваний, а затем и к повторной, в конце лета. Лишь немногие горожане могут последовать знаменитому медицинскому предписанию — «Cito, longe, tarde!», быстро уехав подальше от города, чтобы вернуться как можно позже. Заразившиеся жители Провена поначалу не хотят или не догадываются сразу заявить о своей болезни.

Кого-то пугает перспектива оказаться в одиночестве без всякого ухода, кому-то не хочется верить, что это не простое недомогание, а смертельная болезнь. Позже больные сами спешат за помощью к врачу и даже готовы отправиться в чумной барак, но по возможности предпочитают лечиться дома, не без оснований опасаясь, что в месте скопления больных «плохой воздух». Именно воздух представляется если не главным источником заболевания, то важным его фактором. Богатые горожане стремятся найти за городом «хороший воздух», но похоже, что сам Атон сомневается в действенности этих мер — то ли потому, что знает, сколько опасностей таит в себе *Plat pays*, открытая местность, в эту беспокойную эпоху, то ли потому, что считает главным источником заражения непосредственные контакты с больными или с их вещами.

Кроме диагностики, мы мало что узнаём из «Мемуаров» о методах, применявшихся врачами, точнее «хирургами-цирюльниками». Они готовили некие медикаменты, по-видимому каким-то образом обрабатывая пораженные места. Но больше узнаем о действиях Кормилицы, вскрывавшей бубоны ланцетом, накладывавшей мази на язвы. Целительница старательно копировала действия лекарей, знакомые ей по прошлой эпидемии.

Нетрудно выделить социoproфессиональные группы, наиболее уязвимые для инфекции. Прежде всего, как и сегодня, под ударом оказываются сами врачи. В этой группе есть видимая иерархия. Медик Жан Сольсуа упомянут лишь в начале повествования. Его пригласили к заболевшему советнику Баранжону, с семейством которого он был связан узами давней дружбы и конфессиональной солидарности. В дальнейшем мы ничего не слышим о нем, однако, если бы Жан Сольсуа заболел, Атон с радостью бы сообщил об этом. Ученые медики с университетской степенью редко становились «чумными докторами».

Хирург Николя Дури, по-видимому, был старше коллег, Атон упоминал о нем еще в 1561 г., и уже тогда Дури был женатым человеком. Автор «Мемуаров» называет его *lieutenant*, очевидно указывая на его начальствование над «чумной командой», созданной на время эпидемии. Его компаньон, хирург Жан Табю, проживал в Верхнем городе — в Замке. Он не хотел подвергаться риску, и только принуждение городских властей, грозивших ему судебным преследованием, заставило его взять на себя эту опасную ношу. Он оказывал помощь своему заболевшему коллеге Дури и засвидетельствовал его смерть от тяжелой формы чумы. Выполнив возложенные на него обязанности, во время «второй волны» эпидемии он смог отказаться от роли «чумного доктора», раз Атон не упоминает больше о его судьбе. Жан Николя, появившийся в Провене сравнительно недавно, в середине 1570-х годов [40], и данный ему в компаньоны Пьер из Нанжи умерли, а молодой и неопытный хирург Жак заболел уже на излете эпидемии, но выздоровел. Избежать неприятностей удалось Жану Лелонгу, хирургу достаточно опытному (он вместе с Николя Дури диагностировал первое заболевание чумой в Провене в 1580 г.), сумевшему найти себе замену. Итак, из шести хирургов-цирюльников, выполнявших обязанности

«чумных докторов», трое погибли на своем посту, один заболел, но чудом выжил, двоим удалось остаться невредимыми, хотя в последнем случае приезжий хирург из Мо практически «разминулся» с эпидемией.

Мы не знаем, каковы были правовые основания для того, чтобы принудить врачей идти к чумным больным. Возможно, выбор зависел от корпорации или сообщества городских хирургов-цирюльников [41]. Свидетельства Атона подтверждают наблюдения Амбруаза Паре о возможных мотивациях «чумных докторов»: ими становились по принуждению городских властей, из-за стремления заработать большие деньги, а молодые безвестные хирурги чаяли обрести славу и набраться мастерства [42].

Существовали еще три «группы риска», особо уязвимые для болезни. Прежде всего, как, впрочем, и сегодня, — духовенство. Священник постоянно рисковал, исповедуя, причащая и отпевая чумных больных. Монахи и регулярные каноники были уязвимы еще и из-за скученного проживания. Если горожане предпочитали лечиться дома, а не в чумном бараке, то монах из приората Сент-Айуль сам упрашивал хирурга Дури поместить его туда, куда свозят больных. Получив отказ, он нашел последний приют в садовой сторожке. Но речь идет не о каком-то уединенном убежище в тенистом саду, а всего-навсего о клуатре, месте для самоизоляции ненадежном.

Жертвами болезни, но также и виновниками ее распространения были и торговцы, передвигавшиеся по зачумленному краю и контактировавшие с заболевшими людьми и вещами, которые им принадлежали. Но в этом нет ничего для нас удивительного.

Менее ожидаемой группой риска выглядят люди, которых можно назвать сливками провенского общества, — обладатели королевских должностей, судейские, врачи. Иными словами, те, кого Атон держит под подозрением, видя в них еретиков или сочувствующих ереси. В любом случае, эти горожане были тесно связаны между собой дружескими, родственными и профессиональными узами. Люди одного круга, они не могли не наносить друг другу частые визиты, не навещать больных, не присутствовать на похоронах, что делало их уязвимыми для болезни.

Эпидемия в Провене началась с двух случаев заражения — булочника Фаруэ и советника Баранжона. Но как не похожи они друг на друга! Булочник был укоренен в Нижнем городе, месте жительства купцов, ремесленников и виноградарей. Фаруэ, торгующий облатками, оказался тем самым тесно связан с приходской церковью и с приоратом Сент-Айуль, его смерть спровоцировала заражение соседей, родных, друзей, хотя и оставалась до поры до времени событием локального масштаба. Несмотря на подозрения проникательного Атона и его товарища, понадобилось не менее десяти дней для того, чтобы дом Фаруэ привлек внимание местных медиков. Но смерть советника Баранжона в Верхнем городе — Замке — сразу же стала поистине ударом набатного колокола для Провена и его властей.

Отталкиваясь от этого, в сущности, не столь заметного различия в описании двух смертей, хочется далее поразмышлять в русле социальной истории Религиозных войн, усмотрев следы противостояния купеческой и чиновной элиты, которое в Провене носило еще и территориальный характер. Напомню, что, согласно одной из интерпретаций городского радикализма времен Религиозных войн, средние слои горожан были недовольны действиями местной верхушки, состоявшей из владельцев королевских финансовых и судебных должностей. Последние в случае конфликта интересов городской общины с королевской властью заботились не о свободах родного города, но о собственной выгоде, стремились выслужиться перед королем. Религиозные проповедники находили горячий отклик у тех горожан, которые склонны были обвинять элиту в эгоизме, недостаточном рвении в делах веры, а то и просто в измене. На смену коррумпированной верхушке должны были прийти «рьяные борцы», честные люди, искренне радевшие за веру, справедливость и за свой родной город. У Атона верность Провену и верность католической вере практически нераздельны. И поэтому упоминание о том, что люди из «круга Баранжона», проживавшие в Верхнем городе, в панике бежали прочь в поисках «чистого воздуха», может иметь дополнительную социально окрашенную трактовку. Атон не любит «дезертиров», что видно из описания того, как вели себя старый и новый кюре прихода Шалостр: один предпочел считать себя каноником парижской церкви, другой идентифицировал себя лишь с канониками церкви Святого Кириака. Одно дело получать доходы с бенефиция кюре, другое — окормлять паству зачумленного прихода.

То, что эпидемия — кара за грехи всего рода человеческого, не вызывало сомнений у католического священника. Но это не мешало Атону разрабатывать собственную «прикладную этиологию» ригористического характера. Чума поражает корыстолюбцев — именно они, ставя наживу выше интересов общины, и в апреле, и в августе занесли чуму в Провен. Все три умерших хирурга отличались алчностью: Пьер из Нанжи приехал в город в надежде заработать денег, Жан Николя вымогал деньги у больных и чуть было не попал за это под суд, Николя Дури долго торговался с местными властями в то время, когда смерть уже косила жителей, и не стеснялся брать большие деньги со своего друга Баранжона, которому действенной помощи он так и не смог оказать. Но, в отличие от двух умерших коллег, Дури удостоился у Атона описания ужасающих язв, разверзшихся на его теле. Еще бы — он ведь оказался не просто стяжателем, но еще и явным гугенотом (что для Атона было взаимосвязано), к тому же оскорбившим больного монаха. Ересь также является важнейшей для Атона причиной заболевания: кроме хирурга Дури пострадало все окружение Баранжона, недавнего еретика.

И наоборот, истинные добродетели защищают лучше всяких лекарств. Молодой хирург Жак оказался спасен верностью христианскому долгу, доброжелательностью и веселым нравом, что принесло ему любовь всех горожан. Викарий Жером Сажо, оставшийся исповедовать и отпевать

зачумленных в вымершей деревне Сетвей, был также спасен милосердием Божиим.

Но если бы Атон делил своих героев лишь на хороших и плохих, то его «Мемуары» не были бы столь завораживающим в своей достоверности источником. Целительница Полеве по прозвищу Кормилица оказалась неподвластной болезни и имела богатый опыт ухода за больными. Город не захотел оплачивать ее услуги, и потому она оставалась в Гарла. Вероятной причиной отказа была ее дурная репутация: у нее не было имущества, она рассталась с мужем, вдобавок ходили слухи, что молодой хирург, приставленный в 1580 г. в Гарла лечить чумных больных, грешил с ней [43]. Но Атон явно впечатлен ее самоотверженностью и эффективностью ее лечения, ведь только в рассказе о ней он описывает конкретные методы врачевания. Похоже, он был искренне рад, что она обрела, наконец, достойное положение и статус и, смеем надеяться, семейное счастье.

О многом еще хотелось бы поговорить, разбирая описание чумы 1582 г.: и об иерархии церковных общин, увязанной со шкалой налогообложения, и о территориальной проекции власти городской общины, о которой мельком говорится в контексте раскладки налогов. Эта тема привлекает сегодня внимание многих французских коллег [44]. Стоило бы подумать и о том, на каких «жеребчиков», *poulains*, намекал Дури — на «жеребьячье сословие» монахов или на вскочившие на теле больного бубоны, а может, на то и другое вместе?

Но в микроисторическом исследовании самое трудное — вовремя остановиться.

На мой взгляд, история эпидемии, рассказанная Атоном, — это казус. Казус же, являясь чем-то необычным, «создает напряжение нормы», выявляя то, о чем обычно не говорят «фоновые практики». Вспомним, что на форзацах первых трех выпусков одноименного альманаха, соруководимого тогда М.А. Бойцовым, значилось, что «именно в таких казусах может быть выражено неповторимое своеобразие минувшей эпохи, и именно они позволяют глубже осмыслить меняющиеся пределы свободы воли человека» [45].

Своеобразие, несомненно, выражено Клодом Атоном весьма убедительно, однако странным образом мы, вопреки всем требованиям профессиональной истории, невольно примеряем его рассказ на наш сегодняшний личный опыт, находя для себя много знакомого. А разве не в этом заключается еще один из парадоксов микроистории?

[1] Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г.

[2] Гутнова Е.В. Всесоюзная конференция «Власть и политическая культура в средневековой Европе» // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 279–282.

[3] *Бойцов М.А.* Вперед, к Геродоту! // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 2 / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 1999. С. 17–41.

[4] *Уваров П.Ю.* Клод Атон — бытописатель французской смуты: Загадка «простого человека» // Французское общество в эпоху культурного перелома: От Франциска I до Людовика XIV / под ред. П.Ю. Уварова, Е.Е. Бергер. М., 2008. С. 91–103.

[5] *Изосимов А.М.* Конструирование образа гугенота по «Мемуарам Клода Атона» // Курсовая работа студента 1 курса бакалавриата образовательной программы «История» факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, направление подготовки 46.03.01 История. М., 2016 (рукопись).

[6] *Гириц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42.

[7] *Худякова Е.С.* Нарратив и идентичность: от детства до старости. Пермь, 2019.

<<http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/khudyakovanarrativ-i-identichnost.pdf>> (дата обращения 22.04.2020).

[8] *Bellart G., Vion A.* Documents sur le tremblement de terre du 6 avril 1580 // Bulletin de la commission départementale d'histoire et d'archéologie du Pas-de-Calais. 1991. Т. 12 (1986–1990). P. 540–550.

[9] *Paré A.* Traicté de la peste, de la petite verolle & rougeolle avec une briefve description de la lèpre. P., 1580.

[10] *Memoires de Claude Haton (1553–1582)* / ed. integrale sous la dir. de L. Bourquin. P., 2007. Т. 4. P. 479–488. Арабскими цифрами дана авторская нумерация параграфов, курсивом — маргиналии, резюмирующие содержание отрывка. *Перевод и комментарии П.Ю. Уварова.*

[11] Ныне Шалотр-ла-Гранд (*Chalautre-la-Grande*) — коммуна в 13 км к юго-востоку от Провена и в 8 км от г. Ножан-сюр-Сен (*Nogent-sur-Seine*).

[12] Сент-Коломб (*Sainte-Colombe*) — коммуна в 5 км к юго-западу от Провена. Деревня Сетвей (*Septveilles*) включена в состав этой коммуны.

[13] Ножан-сюр-Сен расположен в 20 км к юго-востоку от Провена. Бресюр-Сен (*Bray-sur-Seine*) — городок в 18 км к юго-западу от Провена.

[14] Сент-Айуль (*Saint-Ayoul*) — церковь в Провене, в районе Нижнего города. Возникла как святилище на могиле св. Агиульфа Буржского. С середины XI в. преобразована в приорат бенедиктинцев, в 1527 г. здание было поделено между приоратом и приходской церковью, к которой был приписан Клод Атон.

[15] 23 апреля. Это был приходской праздник, поскольку местная церковь была посвящена великомученику Георгию.

[16] Имеется в виду должность советника президиального суда в Провене. Шестьдесят таких судов были созданы в 1552 г., иерархически занимая среднее положение между местными судами баля и высшими королевскими судами — парламентами.

[17] Клод Атон оставил здесь пустое место, не зная имени молодого советника.

- [18] Элю — королевский чиновник, контролирующий сбор прямых налогов. Элю Николь Баранжон в первой книге «Мемуаров» Клода Атона описывается как один из главных гугенотов Провена.
- [19] Кладбище в верхней, «аристократической», части города.
- [20] *La Bicquetière* — настоящее имя Марион Полеве. Точное значение прозвища мне установить не удалось. Возможно, оно связано со словом *becque* (клюв). *Becqueter* — клевать, долбить клювом, есть, отсюда — *becquetance* (еда, корм). Учитывая деятельность Марион Полеве, я предложил значение «Кормилица», по аналогии с птицей, вкладывающей корм в раскрытые клювы своих птенцов.
- [21] Гарла (*Garlat*) — хутор или деревушка близ церкви Сен-Брис (1,5 км к северо-востоку от Провена).
- [22] Банно (*Bannost*) — ныне коммуна Банно-Вильганьон в 18 км к северо-западу от Провена.
- [23] *Lieutenant criminel* — в данном случае следователь и судья по уголовным делам президиального суда.
- [24] *Bourlier* — возможно, образовано от *bourelrier* — шорник, изготавливающий постромки и вожжи.
- [25] Замок (*Chasteau*) — так назывался район Провена, образующий Верхний город.
- [26] *Lieutenant des barbiers et chirurgiens* — формально такой должности не существовало, имеется в виду старшинство Николя Дури в «чумной команде».
- [27] Ныне Сен-Лу-де-Но (*Saint-Loup-de-Naud*) — коммуна в 5 км к юго-западу от Провена; входящую в нее деревню Куртон с деревней Сетвей разделяет р. Вулзи.
- [28] Ныне Мон-ан-Монтуа (*Mons-en-Montois*) — коммуна в 15 км к юго-западу от Провена.
- [29] Монтро-Фот-Йонн (*Montereau-Fault-Yonne*) — город, расположенный на слиянии рек Сены и Йонны в 30 км к юго-западу от Провена.
- [30] Кoadьютор — помощник епископа, назначаемый папой в определенную епархию для осуществления епископских функций наряду с действующим епархиальным епископом. Атон либо иронизирует, используя «высокий» стиль в рассказе о городских лекарях, либо бесхитростно использует знакомую ему церковную терминологию для обозначения сугубо светских реалий.
- [31] Эшевены — в данном случае руководители городского самоуправления.
- [32] *Assieteurs* — оценщики *assiette fiscale*, т.е. общей суммы, с которой исчисляется тот или иной налог или сбор.
- [33] 30 ноября.
- [34] Гуэ (*Gouaix*) — коммуна в 10 км к югу от Провена.
- [35] Буквально — «принадлежал к пикардийской нации».
- [36] Мы так и не знаем о том, что это было за паломничество, поскольку рукопись Атона обрывается, дойдя до конца 1582 г.
- [37] *Babelon J.-P. Paris au XVIe siècle. P., 1986. P. 176.*

- [38] Сейчас в городе, размеры которого несколько превышают границы средневекового периода, проживает 11,8 тысячи жителей.
- [39] *Memoires de Claude Haton*. Т. 4. Р. 311–312.
- [40] В 1576 г. Атон упоминает о нем как о хирурге, недавно перебравшемся в Провен из Шалостр-ла-Гранд.
- [41] Это сообщество было немногочисленным. В 1577 г., по данным Атона, в Провене было три медика и пять хирургов-цирюльников.
- [42] *Paré A*. Op. cit. Р. 55–56.
- [43] Тогда, в 1580 г., она взяла в Гарла двух своих детей. Девятилетний сын умер от чумы, а шестилетняя дочь выжила.
- [44] *Communautés d'habitants au Moyen Age (XIe–XVe siècles)* / sous la dir. de J. Morsel. Р., 2018.
- [45] Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. Вып. 1–3 / под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 1997–2000.

Александр Черных

Шарль Дю Канж и его рассуждение

«О передаче фамильных гербов»

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9_483-510

Комплекс посвященных геральдическим темам исследований французского историка-эрудита Шарля Дю Канжа (1610–1688) относится к сравнительно малоизвестным сторонам научной деятельности великого ученого [1]. В области изучения геральдики Дю Канж является автором неопубликованного геральдического трактата. Им были сделаны копии нескольких средневековых гербовников, оригиналы которых сегодня большей частью утрачены. Наряду с этим в 1668 г. Дю Канж издал «Историю Людовика Святого» Жана де Жуанвиля (*Histoire de saint Louis par le sieur de Joinville*). Он восстановил, насколько это было возможно в то время, первоначальный текст и сопроводил его 30 тематическими изысканиями об оружии, праздниках, турнирах, в том числе и о гербах, которое представляет интерес как исследование геральдического измерения взаимоотношений власти с людьми, имеющими заслуги перед нею.

В переводе изыскания, посвященного дарованию гербов, сохранены авторские сноски французского текста Дю Канжа, сопровождаемые указаниями на издания по современным правилам [2].

О передаче фамильных гербов или их части, предоставляемых государями различным лицам в качестве привилегии или вознаграждения

Рассуждение XXV

Существует также вид обретения почета, который применяли короли и государи, когда они передавали свои гербы различным дворянам из числа своих подданных или иностранцам. Поскольку гербы суть подлинные знаки фамилии, то представляется, что те, кто таким образом ими удостоены, должны быть не чужды и их преимуществ.

Это средство, которое они избрали, чтобы награждать за службу тех, кого они хотели бы вознаградить, дабы в будущем сильнее привлечь их и их потомство на свою службу. Это *предоставление части гербов*, согласно [тому, что пишет] Ги Кокий в «Истории Нивернэ», «делается с заметным умалением посредством перемены цветов или уменьшения числа фигур, которые являются гербами благотворителей, таким образом, что можно распознать, что они не являются родовыми, но что ими обладают по благодеянию».

Государи часто также даровали эту привилегию в знак своего покровительства, так как те лица, которые были пожалованы гербами государя, имели особое обязательство служить ему в память о чести, которую он им оказал, и поддерживать достоинство того, чьи гербы они носят. Эней Сильвио [3], впоследствии папа Пий II, в письме секретарю короля Англии Адаму де Мулену, ходатайствуя за секретаря императора, который желал иметь от этого короля привилегию носить его гербы, после того как представил ему достоинства лица, ради которого он старался, выразился следующим образом: «*Hominem dignissimum promovebis, qui divisæ regiæ non minus honoris præstabit, quam ipsas sibi divisia præbeat. Scis enim tales res illi committi deberi, qui tueri earum honorificentiam possint* [Человека достойнейшего возвышаешь, который королевским гербам не меньшую честь выкажет, чем сам себе гербами окажет. Знай же, что дела эти, которые должны быть исполнены, таковы, что тебя ими почтить могут]». Вместе с тем государь оказывался обязанным оказывать покровительство тому, кому он передал свои гербы, тем самым признавая его лицом, которое с ним связано и которое некоторым образом разделяет права его семьи, честь которой он обязан хранить.

Эта привилегия носить гербы или часть гербов государя всегда ценилась особо, будучи предоставляема только тем, кто имел большие заслуги перед государством, которое и воздавало ему, отмечая его службу. Это подтверждает максимум политиков [4], которые придерживаются мнения, что государи зачастую имеют простые средства для вознаграждения не только людей с заслугами, но и своих любимцев, не нанося заметного ущерба своим финансам, которые являются нервом и основанием государств, поскольку в действительности цену

вознаграждению придает честь, которая есть единственное побуждение к добродетели, а не стоимость вещей. Венцы из лавра и других растений очень мало значат, принимая во внимание те прекрасные деяния, которые они покрывают славой, если только цель более почетная не придает им некоторую выразительность. Нет ничего более легкого, чем звания и титулы, которые сенат давал великим военачальникам, отличившимся в боях и покорявшим провинции: порой невозможно было найти более достойного вознаграждения за их отвагу, чем сделать их в грядущем добавлением имени, которое в малом количестве букв содержало бы похвалу им и их прекрасным военным подвигам и объясняло бы величие и исключительность их побед: «*Qui uno cognomine declarabatur non modo quis esset, sed qualis esset* [Одно прозвание которого указывало не только на то, как он поступал, но и на то, каким он был]», говорит Цицерон [5].

Я ставлю в ряд этих вознаграждений, простых на вид, но славных по воздействию, привилегии, которые государи предоставляли своим подданным или другим чужестранным сеньорам, которые были отмечены заслугами перед их государствами, носить их гербы или часть их в своих фамильных гербах. Также они использовались только в отношении уважаемых лиц и теми, кто принес заметную пользу, каковой тип вознаграждения использовался императорами, королями, герцогами и другими суверенными государями, как я собираюсь доказать примерами, почерпнутыми из истории.

И начиная с [истории] императоров Запада, я отмечаю, что они пользовались [подобным типом привилегий] более чем все остальные. Оттон I пожелал, чтобы итальянцы Луиджи и Пьетро Дель Понте носили бы в главе своих гербов орла Империи и взяли имя Оттони. «*Ex nostro proprio nomine, cognomine Othonis eorum familiam nominare, et insigniis aquilam superaddere liberalitate augusta concedimus...* [Августейшей волей даруем их семьям называться фамилией Оттони, [происходящей] от нашего собственного имени, и прибавить поверх знаки орла...]» — так гласят письма-патенты этого императора от декабря 963 г., согласно сообщению Сансовино [6], если, впрочем, они подлинные, поскольку сомнительно, что в те времена существовали устойчивые и присущие определенным семействам гербы. Оттон, именуемый Рыжим, дал своему зятю, герцогу Богемии Удальрику, в качестве гербов орла Империи, вместо которого Владислав, второй король Богемии, взял льва, который был ему дан императором Фридрихом I, после того как тот отличился при осаде Милана [7]. Тот же Фридрих наделил дворянина из Губбио Джулио Мариони титулом графа и одновременно своим посланием от апреля 1162 г. [8] дал ему привилегию добавить в свои гербы орла Империи. Дом Джовио [9] в Италии признает, что орел, которого они носят в главе своих гербов, происходит от пожалования, и в эти гербы император Карл V добавил два геркулесовых столба, которые были его изобразительным девизом. Конрад Маласпина [10] получил в дар от императора Фридриха II главу Империи за то, что при осаде Виттории, взятой приступом неверными, будучи ее правителем, отважно сражался. Сир

Жуанвиль [\[11\]](#) пишет, что Сеседэн (*Scecedun*), предводитель Турков, который был самым отважным и самым совершенным из всех язычников, носил на своих знаменах гербы этого императора, сделавшего его рыцарем и, возможно, давшего их ему. Матео, или Маффео Висконти по прозвищу Великий, получил от императора Адольфа вместе с общим викариатом над Миланом и Ломбардией дозволение носить орла Империи в одной из четвертей своих гербов [\[12\]](#). Генрих VII дал Альбоино делла Скала, правителю Вероны, привилегию носить четверть Империи в своих гербах, что было подтверждено затем императором Людвигом Баварским для Кангранде, который, [как и Скала], носил этого орла в главе над красной лестницей [\[13\]](#). Сигизмунд, сделав Луиджи дель Верме, дворянина из Вероны, графом Сангвинетто, даровал ему орла Империи в 1433 г., и в том же году он передал такое же право Джан-Франческо Гонзага, которого он сделал первым маркизом Мантуанским, даровав ему гербом четырех черных орлов [\[14\]](#).

За некоторое время до этого, а именно в 1413 г., он удостоил Франческо Джустиниани, генуэзского дворянина и графа Палатината [\[15\]](#), орла Империи, которого этот дом носит в главе своих гербов, [что засвидетельствовано] в письмах [Сигизмунда], приведенных в «Истории острова Хиос» [\[16\]](#). Два года спустя, находясь в Авиньоне, он позволил Эльзеасу де Садо, сеньору Дез Эссар [\[17\]](#), провансальскому дворянину, обременить звезду в своих гербах черным орлом. Один немецкий автор [\[18\]](#) отмечает, что в рукописях актов Констанцского собора, хранящихся в архиве этого города, можно видеть изображения гербов, которые этот император даровал различным семействам разных наций во время работы собора, и несомненно, что многие обрели в это время главу Империи. Фридрих IV сделал в 1451 г. Борсо д'Эсте [\[19\]](#) маркизом Феррары и дал ему гербом «синее поле с серебряным орлом»; также, когда он находился в Венеции, 23 мая 1455 г. он дал орла Империи Манфреду, графу Корреджо. Джан Роверелло [\[20\]](#), будучи сделан этим императором в 1444 г. графом Палатината, получил от него дозволение носить черного орла рядом со своими гербами. Максимилиан I даровал того же самого орла [\[21\]](#) Джан Бентивольо II, правителю Болоньи, чтобы тот носил его в одной из четвертей его гербов с таким девизом: *Maximiliani munus*; Альберикку Чибо [\[22\]](#), правителю Массы (*Masse*), когда даровал ему титул князя Империи, [а также] Рафаэлю Гримальди [\[23\]](#), именуемому Кастро, письмом от 16 января 1497 г., сделав его рыцарем и графом Палатината. Тот же самый император, возвысив город Камбрэ до герцогства в пользу епископа Жака де Круа [\[24\]](#), позволил ему и последующим епископам носить в главе гербов их дома орла Империи с бризурой — одним красным титлом, [даровав его] письмами-патентами от 28 июня 1510 г. Император Карл V дал миланскому дворянину Массимилиано Стампа [\[25\]](#) маркизат Сончино и орла Империи в главу его гербов, чтобы вознаградить его за верность при сохранении замка Дзобиа в Милане. Николо Гримальди [\[26\]](#), сеньор Монтальде, получил в 1525 г. от того же императора титул графа Палатината и золотого орла в красном поле в главу своих гербов, которые

являются теми же, что и у императора Константинополя, и подобны тем, что император Мануил Палеолог дал Кастеллино Беккариа (*Castellino Beccaria*) [27], который его получил и даровал Милану, когда там проезжал, направляясь на Флорентийский собор, и этим же сеньором он был использован перед государями, чтобы заставить их оказать ему помощь, которой он просил [в войне] против турок.

Если мы обратимся к Франции, то обнаружим, что там были в употреблении те же самые вознаграждения. Святой Людовик, будучи за морем, дал главу Франции Тевтонскому ордену [28]. Проезжая через Антиохию, он, по сообщению сира де Жуанвиля [29], позволил юному государю Боэмунду VI его гербы, которые были алыми (*vermeillées*), разделить четверочастно гербами Франции. Филипп Валуа, согласно некоторым [авторам] [30], позволил Гийому де ла Тур носить свой щит усеянным, как [герб] Франции. Но г-н Жюстель в «Истории графов Оверни» [31] уверяет, что это дозволение было гораздо более древним, отмечая, что в замке де ла Тур, до того как он был разрушен, он видел два вырезанных на камине, построенном в 1218 г., щита с гербами Дома де ла Тур — один просто с башней (*la tour*), который является более древним [гербом], другой — с синим полем, усеянным золотыми лилиями, и серебряную башню, которые таковы же, какие сеньоры де ла Тур в Оверни носили до настоящего времени. Тот же король [32] дозволил мессиру Пьеру де Сальвэн, сеньору Буассье, очень влиятельному человеку в совете Умберта, последнего дофина Вьеннского, добавить к своим гербам кайму Франции, поскольку он был одним из главных участников передачи этой провинции Франции. Он также пожелал [33], чтобы кардинал Бертран за защиту привилегий галликанской Церкви против адвоката парламента Пьера де Киньера обременил синее стропило в своих гербах тремя золотыми лилиями. Карл V дал семейству Фабр одну геральдическую лилию [34]. Когда Стефан, король или император Сербии [35], прислал в 1351 г. во Францию своего протовестиария Никколо Буччия, чтобы найти дочь короля Филиппа Валуа для брака с его сыном Урошем, то, несмотря на то что эти поиски не возымели действия, король Карл V, желая отметить доброе поведение этого посла, дозволил ему носить в своих гербах одну геральдическую лилию. Карл VI письмами-патентами от 20 января 1394 г. дозволил герцогу Миланскому Джан-Галеаццо [36], по случаю его брака с Изабеллой Французской, дочерью короля Иоанна, и его наследникам разделить четверочастно их гербы гербами Франции без числа. Тот же самый король [37], будучи в Тулузе в 1389 г., в присутствии герцога Турени, своего брата, герцога де Бурбон, своего дяди, и многих сеньоров Франции и Гаскони даровал своему двоюродному брату Шарлю д'Альбре и его потомкам привилегию разделить четверочастно его гербы, которые были просто красными [состояли только из сплошного красного поля. — А. Ч.], двумя сплошными четвертями Франции без бризуры, «каковую вещь сеньор де Лабрэ (сообщает Фруассар [38]) воспринял как богатый и великий дар». Карл VII дозволил второму герцогу Феррары Никколо д'Эсте [39] в благодарность за союз и выражение взаимного

доверия, а также за клятву верности, которую тот ему принес, «носить геральдические лилии в своем щите с правого края, с золотой и красной зубчатой (*denté*) каймой, имея старинный герб Феррары с левого края», письмами от 10 мая 1432 г. Он, согласно автору того времени [40], позволил также виконтам де Бомон усеять их щит геральдическими лилиями. И он дал одну [геральдическую лилию] в герб Орлеанской Девственнице. Кассанеус [41] пишет, что в царствование короля Людовика XI многие получили дозволение носить геральдическую лилию в своих гербах. Дю Тилле говорит, что [король] позволил в письмах от мая 1465 г. сеньору Флоренции Пьеро Медичи II и следующим за ним [его потомкам] носить в главе их гербов «синий круг с тремя золотыми геральдическими лилиями». Это то, что Андрэ Фавэн [42] приписывает королю Людовику XII. И так же было с королем Людовиком XII, который дал Джан Бентивольо II [43], правителю Болоньи, главу [из] гербов Франции; а также Жану Ферье, архиепископу Арльскому [44], щит «синий с одной золотой геральдической лилией» в его гербы поверх всего. Генрих Великий пожаловал капитану Либерта, освободившему город Марсель [45] от тирании Казо, который долго осуществлял ее в пользу Лиги и сговаривался с Испанцем, чтобы передать город в его руки, — синюю главу с тремя золотыми лилиями в его герб — в красном поле серебряный замок. Он сделал то же самое и для дворянина из Марселя Пьера Остаже [46], который служил его величеству при сдаче этого города в 1596 г., и дал ему щит «синий с одной золотой лилией» в его герб поверх всего. По подобным же соображениям он пожелал, чтобы сеньор де Вик, вице-адмирал Франции и правитель Кале и Амьена [47], который верно служил ему в ходе самых неудачных войн с Лигой, носил в память [об этом] одну золотую геральдическую лилию в своих гербах; и подобным же образом он дал одну [геральдическую лилию] сирю Заме [48]. Его сын Людовик XIII использовал подобное пожалование в случае с мессиром Гишаром Деажан, шевалье, сиром де Брюлон, бароном де Вире, первым президентом Счётной Палаты Дофинэ, позволив ему обременить орла в своих гербах щитом «синим с золотой лилией», и это [было сделано] в награду за верность, которую тот явил в важных государственных делах, в которых он участвовал. Венецианец Морозини после пребывания во Франции в должности посла [Венецианской] Республики был удостоен тем же королем привилегии носить три геральдических лилии в своих гербах. Наконец, каждый знает, что в настоящее время царствующий король [Людовик XIV] дозволил кардиналу Флавио Киджи, племяннику папы, легату во Франции, носить одну [геральдическую лилию] в своих гербах. Испания и другие королевства осуществляли то же самое во многих случаях [49]. Энрике III, король Кастилии [50], дал гербом «золотой замок в синем поле с составной золотой и красной каймой» дону Рую Лопес Давалос, которого он сделал графом Рибадье и коннетаблем Кастилии в 1390 г.; его потомки были маркизами де Пескара (*Pescara*) и д'Аквино (*d'Aquino*) в Италии. Тот же король [51] дал носить четверть с гербами Испании упомянутому у Фруассара рыцарю Бегу де Вилэн (*Begues*

de Villaines), который тоже был графом Рибадье, и эти гербы были «в серебряном поле три черных льва и красная малая кайма». Рукописная «Хроника Бертрана Дюгеклена» отмечает это пожалование следующим образом:

Другой рыцарь к Энрике его направил,
Коего я вижу знамя, на котором щит серебряный
С тремя благородно нарисованными черными львами,
И они окаймлены красным, я это ясно вижу.
С двумя неверно сидящими пурпурными львами,
С четвертью Испании, благородное держание.
И тем ему было даровано настоящее графство
С именем Рибадье — благородное название;
Беск де Вилэн все именуют его.

Короли Кастилии и Арагона Фернандо и Изабелла [52], чтобы вознаградить генуэзца Христофора Колумба за открытие Западной Индии, помимо десятой части доходов даровали ему вечный титул великого адмирала Индий и герб — «щит с делением мантией, в первом красном поле золотой замок, во втором серебряном пурпурный лев, в серебряном с синими волнами подножии пять островов и один золотой земной шар с двумя обручами крест-накрест», с девизом: "*Por Castilla y por Leon, Nuevo mundo halla Colon* [Для Кастилии и Леона Колумб открыл Новый Свет]". Герцоги Веррагуа и маркизы Ямайки на Западных островах происходят от него. Альфонсо Арагонский, король Неаполя и Сицилии, почтил Франческо Филельфо [53], даровав ему рыцарство и наделив своими гербами, как свидетельствует сам Филельфо в двух посланиях.

Короли Неаполитанские Анжуйской ветви также часто использовали эти пожалования (*grat*) [54]: графы Никастро из Дома Костанцо получили от них привилегию носить в одной из четвертей своих гербов «синее поле с шестью золотыми геральдическими лилиями и красное титло». Точно так же и Дом д'Андреа в Провансе [55], происходящий из Неаполя, носит «синюю кайму с десятью золотыми цветами (*fleurs*) и красное титло с четырьмя подвесками вверху главы». Он таков же, как [герб рода] д'Аламан, которые носят щит Анжу в сердце своих гербов; и рода де Баккарис, из того же графства, который носит «главу Франции с красным титлом с тремя подвесками» [56]. Род де Ла Ратта в Италии носит титло, усеянное геральдическими лилиями, по пожалованию короля Роберта [57]. Рене, король Сицилии [58], дал Рене де Болье, виконту де Рейан, правителю Марсея, кайму в его гербы, составленную из гербов Анжу-Неаполитанских и Иерусалима, из восьми частей. Король Арагона Альфонсо [59] в 1511 г. даровал Уистону Брауну, английскому дворянину, черного орла (Неаполитанского [королевства]), чтобы добавить в свои гербы. И Фернандо, король Арагона, тоже пожелал, чтобы другой английский дворянин, Генри Гилфорд, носил гранат поверх своих гербов.

Англия, Богемия, Польша и Швеция предоставляют подобные же примеры. Король Англии Эдуард I пожелал, чтобы Жоффруа, сир де Жуанвиль [60], рассек гербы своего дома гербами Англии; король

предоставил ему это [право] за его достоинства и прекрасные деяния, как сказано в надписи на его могиле. Эдуард IV дал Людовику Брюггскому [\[61\]](#), сеньору де ла Грютхузе и князю Стеенхузе, графство Винчестерское с разрешением носить в своих гербах четверть из гербов Англии, а именно — «в красном поле золотого леопарда с синими вооружениями (зубами и когтями)», в своих письмах-патентах от 28 ноября 14-го года своего царствования [т.е., вероятно, в 1474 г. — А. Ч.]. Томас Мэнвор (*Manvors*), барон де Роз, рыцарь ордена Подвязки, получил от короля Генриха VIII [\[62\]](#) графство Ратлэнд (*Rutland*) с привилегией носить в главе своих гербов часть гербов Англии, а именно — «четверочастный, в первом и четвертом синем поле две золотые лилии, во втором и третьем красном золотой леопард»; частично, чтобы вознаградить его за заслуги, поскольку он происходил от сестры короля Эдуарда IV. Я пропускаю герб Дома де Гулэн [\[63\]](#), «рассеченный, в красном поле 3 золотые половины леопардов, в синем золотая геральдическая лилия и еще одна ее половина», которые являются наполовину гербами Англии и Франции и, как говорят, были дарованы королем Англии Альфонсу, сеньору де Гулэн, принимая во внимание, что, будучи направлен его хозяином, герцогом Бретонским, для умиротворения королей Франции и Англии, он в этом достиг цели и преуспел совершенно. Император Карл IV, король Богемии, дал льва [из] герба этого королевства Бартоло, советнику в вопросах права, как свидетельствует сам Бартоло в своем «Трактате о Гербах» [\[64\]](#). Сигизмунд [III], король Польши, дал в качестве гербов Мартину Кромеру, своему историографу и послу при императоре, щит «красный, с одним рождающимся серебряным орлом с распростертыми крыльями с лавровым венцом на шее»: к нему император Фердинанд добавил главу с орлом Империи, о чем он также рассказывает в описании Польши [\[65\]](#). Густав-Адольф, король Швеции, дал Генри Сент-Джордж Ричмонду [\[66\]](#), гербовому королю, который доставил этому государю орден Подвязки, три золотых короны, которые суть герб Швеции, чтобы тот объединил их со своими [гербами]. Сэлдэн в [своей книге о] «Почетных титулах» [\[67\]](#) сослался о том на письма-патенты.

Герцоги и мелкие суверенные государи пользовались этими пожалованиями подобным же образом. Жан, герцог Лотарингии и Калабрии [\[68\]](#), даровал гербы Лотарингии Вирджилио Малуэццо, графу Кастельгвельфо, который принимал его и разместил в своем доме во время путешествия, которое этот государь совершал по Италии. Герцог Бургундский дозволил своему канцлеру М... Патерэну [\[69\]](#) носить шлемовой эмблемой его гербов щит с гербами Бургундии с таким девизом: «Его даровал мне герцог». Людвиг [\[70\]](#), герцог Баварии и император, находясь в 1327 г. в Италии, дозволил Каструччо, герцогу Лукки, носить гербы Баварии. А в следующем году, будучи во Франкфурте, он дал Джакомо и Фанчо (*Fancio*) де Прата, графу Луничано (*Luniciano*) в Италии, корону гербов герцогства Бавария, чтобы соединить ее со львом их гербов. Фрейер ссылается на письма-патенты об этом. Император Роберт, князь рейнского Палатината, пожелал, чтобы Джакомуццо Аттендула [\[71\]](#), из

семейства которого происходят итальянские Сфорца, добавил льва Палатината в свои гербы, каковыми является гранат.

Республики и города также часто передавали свои гербы частным владельцам, как это сделала Венеция в отношении самых знаменитых из тех, кто имеет вес и значение среди благородных людей этой республики: Домов Фоскари, Маньо и Нани, что носят в щите своих гербов льва Святого Марка, полученного ими в награду за службу. Рыцари Святого Марка в этой же республике имеют привилегию носить шлемовой эмблемой своих гербов львиную морду. Генуэзская республика позволила Гульельмо Чибо [72] (по другим сведениям — Арано Чибо), вице-королю Неаполитанскому, носить в главе своих гербов красный крест в серебряном поле. Республика Падуи [73] за заслуги в должности подеста даровала Риккардо, графу Сан-Бонифачо, привилегию носить гербы этого города объединенными с его фамильными. Сиенцы [74] сделали то же самое в отношении Блеза де Монлюка, впоследствии маршала Франции, за то, что он отважно держал осаду, которой император Карл V обложил их город. Наконец, папы римские даровали некоторым кардиналам из своих ставленников [право] носить главу их гербов [75]: так поступил Пий IV из Дома Медичи в отношении кардиналов Сорбельони, Борромео, Альтен и Джезуальдо. Папа Юлий III из рода де Монти — по отношению к кардиналам де ла Корн и Симончелли; папа Пий V — к кардиналам Маффеи, Санторио, Чези, Каллио, Бонелли; папа Григорий XIII из рода Бонкомпаньи — к кардиналам де ла Больм, Ваставиллано, де Беаг и Риарио. Что касается того, что писали Параден [76] и те, кто ему следуют, что Орден Святого Иоанна Иерусалимского просил графа Савойи Амедео IV взять гербы религии (*les armes de la religion*), в память о великих заслугах, которые он выказал при осаде Родоса, то это спорно, так как А. Дюшен [77] полагает, что тот крест, который носят герцоги Савойские, есть герб княжества Пьемонт.

Комментарии

Ги Кокий — Ги Кокий (1523–1603), французский правовед, поэт и историк, автор «Истории Нивернэ» (1595) (*Coquille G. Histoire du Pays et Duché de Nivernais. P., 1622*).

Адам де Мулен — Адам де Мулен († 1449), епископ Честерский, лорд-хранитель личной печати короля Генриха VI.

Сансовино — Франческо Сансовино (1521–1586), итальянский историк, автор книги «Происхождение и деяния знаменитых семейств Италии» (*Sansovino Fr. Della origine, et de' fatti delle famiglie illustri d'Italia...*, 1582).

Дель Понте — старинный род итальянской знати, представители которого Луиджи и Пьетро дель Понте, согласно родовой легенде, получили в X в. в герб двуглавого черного орла от Оттона II как его сыновья (*Girolamo Maria di Santanna. Storia genealogica della Famiglia Del Ponte patrizia romana, e napoletana. Parte prima. Napoli, 1708. Cap. III. P. 10–11*), что слишком рано для любого герба.

Герцог Богемии Удаљрик — Ольдржих (966–1034), князь Чехии в 1012–1034 гг. из династии Пржемысловичей.

Мариони — старинный гибеллинский род в Губбио, участники Первого крестового похода. Джулио Мариони возведен в графское достоинство императором Фридрихом I.

Дом Джовио — итальянский знатный род, происходящий из Комо, известен с XII в. (*Crollanza G.B. di. Dizionario storico blasonico delle famiglie nobili o notabili italiane estinte e fiorenti. Vol. 1. Bologna, 1886*). Общий герб — коронованный черный орел в золотом щитке поверх красного замка с тремя башнями.

Конрад Маласпина — Конрад или Коррадо Маласпина (ок. 1180 — после 1254), известнейший представитель знатного итальянского рода, происходящего от маркизов Тосканы. Сторонник императора, предположительно супруг Констанции, дочери Фридриха II. В 1221 г. основатель ветви Спино Секко в Ломбардии и Лигурии.

Сеседэн — темное место и у Дю Канжа, и у Жуанвиля, возможно *Sacardin*.

Альбоино делла Скала — Альбоино делла Скала († 1311), правитель Вероны из знатного гибеллинского рода Скалигер, правившего Вероной в 1260–1387 гг.

Кангранде — Кангранде II делла Скала (1332–1359), представитель рода Скалигер, первый муж дочери Людвига Баварского Елизаветы (1329–1402) от второго брака.

Луиджи дель Верме — Луиджи даль Верме (ок. 1390–1449), представитель знатного рода из Северной Италии, происходящего из Вероны, засвидетельствованного в 1174 г., сын Джакопо даль Верме, кондотьер. Первый граф Сангвинетто Священной Римской империи с 1433 г.

Джан-Франческо Гонзага — Джан-Франческо I Гонзага (1395–1444), кондотьер, пятый капитан Пополо Мантуи в 1407–1433 гг., первый официальный и наследственный маркиз Мантуанский (1433).

Франческо Джустиниани — Франческо Джустиниани (ок. 1360–1435), посол Генуэзской республики к императору Сигизмунду I, сделавшему его рыцарем и графом Палатината 15 мая 1413 г. и даровавшему в его герб — в красном поле серебряный замок — орла Империи.

«История острова Хиос» — сочинение Джироламо Джустиниани (1544–1600) — *Giustiniani Hieronimo. Istoria di Scio scritta nell' anno 1586. P., 1585* (фр.: *Déscription de l'île de Chio*).

Эльзеас де Садо — Эльзиас де Садо, сеньор Дез Эссар, представитель старинного разветвленного провансальского знатного рода нормандского происхождения Дез Эссар, известного с 1096 г.

Один немецкий автор — Мельхиор Гольдаст (1578–1635), немецкий гуманист-эрудит, правовед, историк, библиофил. Автор 65 трудов, в том числе книги: *Goldast Melchior. Alamannicarum rerum scriptores aliquot vetusti. T. 1–3. Frankfurt a/M. MDCVI, переизд.: 1661*.

Борсо д'Эсте — Борсо д'Эсте (1413–1471), представитель знатного дома Эсте, маркиз Феррары в 1451 г., первый герцог Феррары с 18 мая 1452 г. Папа Павел II даровал ему личный титул герцога Феррары 14 апреля 1471 г.

Манфред граф Корреджо — Манфред I, граф Корреджо, представитель знатного итальянского рода ломбардского происхождения, обладавшего, наряду с другими, сеньорией близ Пармы и Корреджо. Правил многими коммунами в качестве подеста и капитанов Пополо. Кондотьер и политик, сеньор Корреджо в 1430–1452 гг., граф в 1452–1474 гг.

Джан Роверелло — Джованни Роверелло (XV в.), представитель рода Роверелла из Феррары, сын Бартоломео ди Дженнаро Роверелло. Нотариус в Ферраре, в 1444 г. занимал должность камерленго маркиза Феррары Леонелло д'Эсте. Фридрих III возвел его в графы Палатината.

Джан Бендивольо — Джованни II Бендивольо (1443–1508), правитель Болоньи в 1463–1506 гг. из знатного болонского рода Бендивольо.

Maximiliani munus — краткий вариант текста *Maximiliani Imperatoris munus* (1494 г.), намекавшего на дарование в родовой герб Бендивольо имперского черного орла, на ленте которого он был помещен.

Джованни II Бендивольо был сделан графом Палатината в 1465 г., что подтвердили в отношении его самого и его наследников Максимилиан I в 1493 г. и Максимилиан II в 1569 г.

Альберик Чибо — Альберик Чибо, представитель знатного тосканского рода *Cibo* (или *Sybo*), связанного с Массой, главным городом тосканской провинции Масса-Каррара.

Рафаэль Гримальди, именуемый Кастро — представитель разветвленного знатного рода Гримальди, с XII в. преимущественно связанного с Генуей. Уточнить, был ли он графом Палатината в 1497 г., не удалось.

Жак де Круа — Жак де Круа или де Крой (ок. 1436–1516), епископ и первый герцог Камбрэ с 1510 г., князь Священной Римской империи. С тех пор герцоги-епископы Камбрэ совмещали светский титул и духовный сан.

Массимилиано Стампа — Массимилиано Стампа (1494–1552), представитель знатной семьи миланских банкиров. В феврале 1531 г. получил от Джованни ди Меркадо командование замком Дзобиа в Милане с условием передать его императору Карлу V, что и сделал в 1536 г., за что пожалован маркизатом Сончино (*Soncino*).

Замок Дзобиа — замок Сфорца XV в. в Милане, построенный на основе разрушенного замка XIV в., известного как *Castello di Porta Giovia* (или *Zobia*), исторический центр города.

Николо Гримальди — предположительно Николо Гримальди (ок. 1500 — ок. 1594), из высшей генуэзской финансовой знати, первый князь Салерно (*principe di Salerno*) и обладатель прочих титулов, предоставивший в 1519 г. 55 тыс. флоринов Карлу V для поддержки его имперского избрания.

Кастеллино Беккариа — Кастеллино Беккариа (1365–1413), представитель знатного рода Беккариа из Павии, известного с конца XIII в.,

одноименный правителю Павии в 1341–1358 гг. Сеньор Вогеры в Ломбардии (с 1406 г.).

Гийом де ла Тур — Гийом де ла Тур (до 1284 — после 1366), представитель знатного рода из Оверни, сын Бернара IV де ла Тур, возможно прево церкви в Бриуде. По утверждению Ж.-А. де ла Рока, первый из рода, кто имел герб с королевскими пожалованиями.

Жюстель — Кристоф Жюстель (1580–1649), французский эрудит, историк церкви и канонического права, генеалог, секретарь герцогов Бульонских.

Пьер де Сальвэн — Пьер де Сальвэн сеньор Буассье († после 1380), представитель старинной знати Дофинэ, член совета Умберта II, один из главных сторонников передачи дофината Филиппу VI в 1343–1349 гг.

Умберт — Умберт II де ла Тур дю Пэн (1312–1355), последний дофин Вьеннский в 1333–1349 гг.

Кардинал Бертран — Пьер Бертран епископ Отэнский (1280–1349), епископ в 1320–1332 гг., кардинал с 1331 г. На Венсеннской ассамблее 1329 г. отстаивал права церкви против Пьера де Киньера.

Пьер де Киньер — Пьер де Киньер (ок. 1297–1345), легист, член королевского совета, адвокат Парижского парламента в 1329 г. и его президент в 1343 г. Отстаивал права короны на Венсеннской ассамблее 1329 г.

Семейство Фабр — марсельский род, происходящий от Гаспара Фабра, разделившийся на две ветви, одна из которых восходит ко временам Людовика IX и аноблирована в 1439 г. королем Рене, вторая аноблирована в XVI в.

Стефан король Сербии — Стефан Урош IV Душан (1308–1355), король Сербии с 1331 г. из династии Неманичей.

Протовестиарий — придворная должность византийского двора, начальник императорской гардеробной, хранитель личной казны императора. В XII–XV вв. в Византии и Сербии звание главного финансового чиновника.

Никколо Бучча — Никколо Буча († 1354), представитель известного с XIII в. рода знати Боки Которской; в 1351 г. посол Стефана Уроша IV во Францию к Карлу V. Возможно, что изменение родового герба связано с Трифоном Буча († 1352) (*Kampe Leonid. Prilozi za proučavanje heraldike roda Buća // Godišnjak Pomorskog muzeja u Kotoru. LVII–LVIII, Kotor, 2010. S. 119–136*). Их потомок Джироламо Буча в XVI в. подвизался на дипломатической службе при императоре Карле V, будучи послом в Турции (*Bertomeu Masiá M.J. Cartas de un espía de Carlos V: la correspondencia de Jerónimo Vucchia con Antonio Perrenot de Granvela. Valencia, 2006*).

Урош — Стефан Урош V Слабый (1336–1371), сын Стефана Уроша IV, последний царь Сербии с 1355 г.

Джан-Галеаццо — Джан Галеаццо Висконти (1351–1402), первый миланский герцог из рода Висконти.

Изабелла Французская — Жанна Валуа, принцесса из династии Валуа, дочь короля Иоанна II и Бонны Люксембургской.

Шарль д'Альбре — Шарль I д'Альбре (1370–1415), коннетабль Франции времен Столетней войны, командующий французской армией в битве при Азенкуре, где и погиб.

Никколо д'Эсте, второй герцог Феррары — имеется в виду Никколо III д'Эсте (1383–1441), кондотьер, маркиз Феррары с 1393 г.

Виконты де Бомон — французский знатный род, известный по сеньории в Мэне с X в. с предполагаемого Юбера I (ок. 910 г.). В XV в. весьма разветвленный род. Геральдические лилии без числа встречаются уже в гербе Гийома де Бомон епископа Анжерского (1177–1240). Есть мнение, что геральдические лилии в их герб даровал Карл V (*Gilles André de Laroque. Les blasons des armes de la Royale maison de Bourbon & de ses alliances. P., 1626. P. 24*).

Кассанеус — Бартелеми Кассанеус (1480–1541), французский юрист и геральдист, автор книги *Catologus gloriæ mundi, excellentias et præeminentias omnium fere statuum continens* (P., 1527).

Дю Тилле — Жан дю Тилле († 1570), французский эрудит и епископ, автор книги: *Du Tillet Jean. Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison. P., 1587*.

Фавэн — Андрэ Фавэн (1560?–1620?), адвокат парламента, французский геральдист и историк, автор книги «Театр чести и рыцарства...» (*Favyn A. Le Théâtre d'honneur et de chevalerie ou l'Histoire des ordres militaires... Vol. 1–2. P., 1620*).

Джан Бендивольо II — Джованни II Бендивольо (1443–1508), правитель Болоньи в 1463–1506 гг.

Жан Ферье — Жан Ферье I († 1521), каталонец, епископ Мельфи в 1498–1499 гг., архиепископ Арльский в 1499–1521 гг., участник V Латеранского собора.

Капитан Либерта — Пьер де Либерта́ (1562–1597), убийца главы Марсея Ш. Казо 17 февраля 1596 г.

Тирания Казо — диктатура в Марселе, отказавшемся в 1589 г. в ходе религиозных и гражданских войн во Франции признать Генриха IV королем, Шарля де Казо (1547–1596) в 1591–1596 гг.

Сговаривался с Испанцем — имеется в виду Филипп II (1527–1598), король Испании с 1555 г. В Марсель 21 февраля 1596 г. прибыли две испанские галеры с 1200 воинами; узнав о смерти Ш. Казо, повернули обратно в Барселону.

Пьер Остаже, дворянин из Марсея — Пьер д'Остаже, сеньор де Ла Гранд-Бастид. Служил Генриху IV, за что получил дарование в гербы (зарегистрировано в Парламенте Прованса 12 декабря 1596 г.). Впоследствии советник и управляющий двора (*De La Chenaye-Dubois. Dictionnaire de la Noblesse, Contenant les Généalogies, l'Histoire & la Chronologie des Familles Nobles de France, l'explication de leurs Armes... T. VIII. P., 1774. P. 109*).

Сеньор Де Вик — Доминик де Вик, «Капитан Саррэд» (1551–1610), виконт д'Эрменонвиль сеньор де Монтэнвиль, французский военачальник.

Правитель ряда городов, вице-адмирал с 1602 г., посол в Швейцарских кантонах в 1604 г.

Заме — Себастьян Заме (1549–1614), барон де Мюрат и де Билли, французский придворный финансист итальянского происхождения, во Франции с 1581 г., комендант замка Фонтенбло, пользовался личным расположением Генриха III, Генриха IV и королевы Марии.

Гишар Деажан — Клод Гишар Деажан сеньор де Брюлон, барон де Вире (1574–1645), французский политический деятель. В 1606 г. секретарь короля Генриха IV, королевы-матери Марии Медичи (1615 г.), секретарь по финансам (1616 г.), генеральный интендант по финансам. Первый президент Счетной Палаты Дофинэ (с 1631 г.). Член Государственного и личного Совета при Людовике XIII. В заключении в Бастилии в 1626–1630 гг.

Морозини — Джованни Морозини (1633–1682), представитель одного из древнейших знатных родов Венеции, известного с X в. В 1662 г. — подеста Кьоджи, в 1666 г. — посол при королевском дворе в Савойе, в 1668–1669 гг. — посол Венеции во Франции при Людовике XIV.

В настоящее время царствующий король — Людовик XIV (1638–1715) из династии Бурбонов, царствовал в 1643–1715 гг.

Флавио Киджи — Флавио Киджи (1631–1693), кардинал с 1657 г., легат во Франции.

Д'Авалос — Руй (Родриго) Лопес Д'Авалос, граф де Рибадео (1357–1428), кастильский военный и политический деятель, коннетабль Кастилии с 1390 г. Граф второго графства Рибадео в Галисии в 1401–1423 гг.

Д'Аквино — знатный сицилийский и неаполитанский, весьма разветвленный род, известный с конца X в. Основная ветвь в 1450 г. в связи с браком Иньиго Д'Авалос († 1484), сына Родриго Д'Авалос графа де Рибадео, и Антонеллы д'Аквино перешла к роду Д'Авалос, которые стали именоваться Д'Авалос д'Аквино (*D'Avalos d'Aquino*). Иньиго Д'Авалос стал в 1453 г. первым маркизом д'Аквино и де Пескара (*Pescara*).

Рыцарь Бег де Вилэн — Пьер Ле Бег де Вилэн (Заика) († 1401/1413), соратник Бертрана Дюгеклена, которому король Кастилии Энрике II Трастамара в 1369 г. дал первое графство Рибадео, существовавшее в 1369–1401 гг., и у которого его купил Руй Д'Авалос в 1401 г.

Герцоги Верагуа и маркизы Ямайки — первым герцогом де Верагуа на Панамском перешейке в 1537–1572 гг. был внук Христофора Колумба Луис Колон-и-Альварес де Толедо (ок. 1520–1572), он же — второй маркиз Ямайки (формально маркизат существовал с 1474 г.), третий адмирал Индий с 1536 г. В 1556 г. герцогство Верагуа вернулось Испанской короне при сохранении наследниками Колумба титула доньне.

Западные острова — термин Западные острова (*Illes Occidentales françaises*), или Западные Индии, с 1664 г. обозначал преимущественно французские Антильские острова и совокупность французских территорий в Америке.

Альфонсо Арагонский — вероятнее всего, Фернандо II Арагонский Католик, также известный как Федерико II (1452–1504), король Арагона, Кастилии, Неаполя (в 1496–1501 гг.) и Сицилии из династии Трастамара, в Неаполе называвшейся Арагонской. Супруг и соправитель королевы Изабеллы Кастильской.

Филельфо — Франческо Филельфо (1398–1481), итальянский эрудит Раннего Возрождения, латинист.

Короли Неаполитанские Анжуйской ветви — короли Неаполитанского королевства от Карла I Анжуйского (в 1266–1285 гг.) до Владислава I Дураццо (в 1386–1414 гг.), последнего мужского представителя Анжуйской династии на неаполитанском троне.

Графы Никастро из Дома Костанцо — ветвь знатного неаполитанского рода Костанцо, первый представитель которого Антонио держал земли близ Салуццо с 1111 г. (первая документированная инвеститура в 1215 г.). Неаполитанский патриций Оттино († 1444), канцлер Неаполитанского королевства в 1419 г. — обладатель титула первого графа ди Никастро (1415 г.) из Дома Костанцо, подтвержденного Луи III Анжуйским в 1427 г. и папой Евгением IV в 1442 г.

Д'Андреа — знатный род, происходящий из Неаполя, переселившийся сначала в Монпелье, где в XVII в. сохранялось несколько ветвей этого рода, затем в Прованс, в Марсель. По документам прослеживаются с Жака д'Андреа, вступившего в брак в 1559 г. (*Histoire héroïque et universelle de la noblesse de Provence*. Т. 1. Avignon, 1676. P. 41–42).

Д'Аламан — род в Тулузском графстве, известный в XIII и захиревший в XIV в. В XII–XIII вв. участники Альбигойских войн в окружении графа Тулузского Раймонда VI. В 1995 г. среди фресок в бывшем аббатстве Вьельмюр-сюр-Агу (Тарн) был обнаружен цветной герб рода начала XIV вв. — красный с серебряным лётот (двойным крылом).

Де Ла Ратта — итальянский род, происходящий из Испании, известный с каталонца Диего де ла Рат (*Diego De la Rath*) (1310–1328), в итальянизированном виде делла Ратта, сопровождавшего Виоланту, супругу Роберта Анжуйского; первый граф ди Казерта, каковой феодал и имя они сохраняли до 1509–1511 гг.

Король Роберт — Роберт I Мудрый (1275–1343), король Неаполя и граф Прованса в 1309–1343 гг., герцог Калабрийский (1296–1309) из Анжуйской династии.

Рене, король Сицилии — Рене Добрый (1409–1480), титульный король Сицилии в 1434–1480 гг. из Анжуйской династии.

Рене де Булье — из рода провансальской знати (с 1408 г.), приносившего в XV в. оммаж герцогу Анжуйскому Луи III (1403–1434) в качестве короля Сицилии и Иерусалима за купленное в 1428–1429 гг. виконтство де Рейан. Возможно, имеется в виду Антуан-Рене де Булье, в XVI в. приносивший оммаж графу Прованса. По другим данным, составная Анжу-Сицилийская и Иерусалимская кайма дана в гербы де Булье Жанной II (1373–1435), королевой Неаполитанской в 1414–1435 гг.

Король Арагона Альфонсо в 1511 г. — в 1511 г. короля в Арагоне с таким именем не было. Королем Арагона в 1479–1516 гг. был Фернандо II Католик.

Уистон Браун — Уистон Браун, английский дворянин из рода Браунов из Риверстоуна, камерарий короля Генриха VIII, которому в 1511 г. был дарован в герб двуглавый орел (*Burke B., Fox-Davies A.Ch. A genealogical and heraldic history of the landed gentry of Ireland. L., 1912. P. 78*).

Гилфорд Генри — Гилфорд Генри (1489–1532), придворный английского короля Генриха VIII. В его четверочастном гербе присутствует в красном поле золотой гранат.

Людовик Брюггский — Людовик Брюггский (1422/1427–1492), сеньор де ла Грютхузе (по отцу), князь Стеенхузе (по матери) и 1-й граф Винчестер (с 13 октября 1473 г.). Бургундско-нидерландский аристократ, статхаудер Голландии, Зеландии и Фрисландии (1463–1477). Посол герцога Бургундского в Англии (*Стасевич В.А. Титулованная знать при ранних Тюдорах. СПб., 2015 (на правах рукописи). С. 112*).

Томас Мэнвор — Томас Мэннерс (ок. 1492–1543), 12-й барон де Роз, граф Ратлэнд второго основания титула с 1525 г. при короле Генрихе VIII, рыцарь ордена Подвязки с 1525 г., получивший в герб две золотые геральдических лилии в синем поле.

Де Гулэн — Альфонс сеньор де Гулэн из Нанта, направленный герцогом Бретонским Конаном III Толстым (*Conan III le Gros*) (1095–1148) для успешно завершившихся переговоров о мире между королями Франции и Англии, чей герб — пример совместного дарования герба обоими королями.

Бартоло — Бартоло да Сассоферрато (1313/1314–1357), итальянский юрист, постгlossатор, автор геральдического трактата «О знаках и гербах» (*De Insigniis et Armis*) 1355 г.

Сигизмунд [II] — Сигизмунд II (1566–1632), король Польши с 1587 г., король Швеции в 1592–1599 гг.

Мартин Кромер — Мартин (Марцин) Кромер (1512–1589), польский историк, переводчик, правовед, посол Сигизмунда III к императору Фердинанду I. Автор книг «О происхождении и деяниях поляков, в 30 книгах» (*De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*) 1555 г. и «Польша, или О расположении, населении, обычаях и управлении Королевства Польского, в двух книгах» (*Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica Regni poloniae libri duo*) 1577 г.

Фердинанд — император Фердинанд I (1503–1564), император Священной Римской империи с 1556 (1558) г.

Густав-Адольф, король Швеции — Густав II Адольф (1594–1632), король Швеции с 1611 г.

Генри Сент-Джордж Ричмонд, гербовый король — такого гербового должностного лица не существовало. Имеется в виду Генри Сент-Джордж младший (1625–1715), который был не гербовым королем, а герольдом Ричмонд в 1660–1667 гг. Это он в 1669 г. от имени гербового короля Подвязка сэра Э. Уокера отправился с миссией в Стокгольм для вручения

королю Швеции знака ордена Подвязки. Он был гербовым королем Норрой (с 1677 г.), гербовым королем Кларенс (с 1680 г.), гербовым королем Подвязка (с 1703 г.).

Сэлдэн — Джон Сэлдэн (1584–1654), английский юрист и историк-правовед, писатель. Автор в числе прочих трактата «О титулах» (*Selden John. Titles of Honor. L., 1614, reed. 1631, 1672*).

Жан, герцог Лотарингии — Жан II Лотарингский (Жан II Анжуйский, Жан Калабрийский) (1425/1427–1470), герцог Лотарингии (1453–1470), титульный герцог Калабрийский (1435–1470).

Вирджилио Малуэццо — Вирджилио Мальвецци граф Кафельгвельфо (1595–1654), итальянский и испанский историк, военный и политический деятель.

Патерэн — вероятно, имеется в виду Клод Патерэн (ок. 1475–1551), последний представитель рода бургундских юристов и магистратов, известных с XIV в. К. Патерэн по прозвищу «Отец народа» был первым президентом Парламента Бургундии, вице-канцлером Миланского герцогства.

Каструччо, герцог Лукки — Каструччо Кастракани дельи Антельминелли (1281–1328), кондотьер, вождь гибеллинов из рода Антельминелли, герцог Лукки с 1325 г.

Джакомо и Фанчо де Прата — на имперской коронации Людвига Баварского 17 января 1328 г. в соборе Святого Петра в Риме в числе епископов были сторонники Людвига Баварского епископ Джакомо Альберти из Прато († до 1335), епископ с 1311 г. и впоследствии кардинал, и Бонифацио делла Герардески из Пизы (*Bonifazio Donoratico*) († 1333) из графов Доноратико в Тоскане, епископ с 1297 г., которого обычно звали *Fazio*. Дарование гербов имело место, скорее всего, не ранее весны 1330 г.

Лунисиано — Луниджана, историческая область на границе Тосканы и Лигурии. Название происходит от исчезнувшего античного г. Луни. В XII–XV вв. главную роль в Луниджане играли Маласпина. Наиболее могущественным из графов Луни был Оберто I Обиццо († до 975), от которого ведут происхождение и Маласпина, и д'Эсте, которым принадлежал титул графов Луниджана.

Фрейер — Марквард Фрейер (1565–1614), пфальцский дипломат и историк, советник Курпфальцкого регента Иоганна Казимира.

Император Роберт, князь рейнского Палатината — вероятно, Рупрехт II Серьезный (1325–1398), пфальцграф Рейнский с 1329 г. из династии Виттельсбахов, или, скорее, его старший сын Рупрехт III Пфальцский (1352–1410), курфюрст Пфальца с 1398 г. и король Германии с 1400 г. из династии Виттельсбахов.

Джакомуццо Аттендула — Муцио Аттендоло Котиньола (1369–1423) по прозвищу Сфорца (*Sforza* — Сильный), итальянский кондотьер из Романьи, служивший неаполитанским королям из Анжуйской династии, основатель династии Сфорца. Герб — в синем поле восстающий золотой

лев Палатината с зеленой ветвью и плодом айвы (*cotogno*) — гербом дома Аттендоло, в ранних примерах действительно напоминающим гранат.

Дома Фоскари, Маньо и Нани — Фоскари, старинный род венецианского патрициата из Дзеларино в Венето, известный с IX в., под родовым именем Фоскари с 960 г.; Маньо, венецианский патрицианский род из Эзоло или Маньи, старинный знатный род, происходящий от епископа Лодовико (1110 г.) из г. Ананьи в Лацио; Нани, происходящие из Альтино, упоминаются в 1195 г. Уже в XIII в. род разветвился (например, ветвь из Каннареджо — Нани Мочениго); аноблированы в 1817 г.

Гильельми Чибо, Арано Чибо — вероятно, это Гульельмо Чибо Добрый († 1311), аноблированный, граф Палатина с 1260 г., адмирал геновского флота, но вице-королем Неаполитанским он не был. Вице-королем Неаполитанским был Арано Чибо, граф Граньяно (1377–1457).

Риккардо, граф Сан-Бонифачо — Риккардо, граф Сан-Бонифачо († 1254) из знатного итальянского рода французского происхождения, происходящего от Милоне ди Сан-Бонифачо († 955). В Вероне были графами и подеста. Риккардо — зять сеньора Вероны, Падуи и Виченцы Эццелино III да Романо (1194–1259), был в Вероне главой партии гвельфов.

Блез де Монлюк — Блез де Лассеран-Массенком де Монтескью, сеньор де Монлюк (1500/1502–1577), французский полководец, маршал Франции с 1574 г., автор мемуаров, за образец которых взял «Записки о галльской войне» Цезаря.

Кардиналы Сорбельони, Борромео, Альтен и Джезуальдо — кардиналы Джованни Антонио Сербельони (1519–1591), кардинал с 1560 г.; Карло Борромео (1538–1584), кардинал с 1560 г.; Альтен (?) — вероятно, Феличе Перетти ди Монтальто (1521–1590), происходивший из семьи простолюдинов из Гроттамаре, близ Монтальто, кардинал с 1570 г., известный как кардинал Монтальто, избранный папой в 1585 г. под именем Сикста V; Альфонсо Джезуальдо (1540–1603), кардинал с 1561 г.

Кардиналы де ла Корн и Симончелли — кардиналы Фульвио Джулио де ла Корнья (1517–1583), кардинал с 1551 г.; Джироламо Симончелли (1522–1605), кардинал с 1553 г.

Кардиналы Маффеи, Санторио, Чези, Каллио, Бонелли — кардиналы Маркантонио Маффеи (1521–1583), кардинал с 1570 г.; Джулио Антонио Санторио (1532–1602), кардинал с 1570 г.; Пьердонато Чези Старший (1521–1586), кардинал с 1570 г.; Каллио — вероятно, Антонио Мария Галло (1553–1620), кардинал с 1587 г. в понтификат Сикста V; Микеле Бонелли (1541–1598), кардинал с 1566 г.

Кардиналы де ла Больм, Ваставиллано, де Бераг и Риарио — кардиналы Клод де Ла Больм или Бом (1534–1584), кардинал с 1578 г.; Филиппо Джаставильяни (1541–1587), кардинал с 1574 г.; Рене де Бераг (1507–1583), кардинал с 1578 г.; Алессандро Риарио (1543–1585), кардинал с 1578 г.

Парадэн — Гийом Парадэн (ок. 1510–1590), декан капитула в Божё, французский гуманист и историк. Автор книг по истории Лиона,

Бургундии, Савойи, в частности: *Paradin G. Chronique de Savoye*. Lyon, 1552. Другое издание: 1560.

Дюшен — Андрэ Дюшен, Дю Шен (1584–1640), французский эрудит, историк, генеалог.

- [1] *Pastoureau M. Du Cange héraldiste // Colloque international du C.N.R.S. La lexicographie du latin médiéval*. P., 1978. P. 501–508.
- [2] Перевод осуществлен по изданию: *Du Cange et alii. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Editio nova aucta pluribus verbis aliorum scriptorum a Léopold Favre*. T. I–X. Niort / éd. L. Favre, 1883–1887. T. X. 1887. P. 87–90.
- [3] P. 80 [*Aeneas Silvius Piccolomini. Epistolae // Aeneas Silvius Piccolomini. Opera quae extant omnia, nunc demum post corruptissimas editiones summa diligentia castigata & in unum corpus redacta, quorum elenchum uersa pagella indicabit*. Basilea: Henrich Petri, 1551].
- [4] Scipione Ammirato, nel Discors. Polit. 1.2 [*Ammirato Scipione. Discorsi sopra Cornelio Tacito*. Firenze: per Filippo Giunti, 1594. Libro Primo. Discorso II].
- [5] Pro Fonteio [*Цицерон. В защиту Фонтя*, 39].
- [6] Neele Famig. Illustri d'Ital. I.1, p. 33 [*Sansovino Francesco. Origine e fatti delle famiglie illustri d'Italia*. Venetia: Combi e La Nou, 1670. Libro I. Signori Ottoni. P. 55].
- [7] Æneas Syl. In Hist. Bohem. C. 18, 24 [*Æneas Sylvius Piccolomini. Historia Bohemica*. Köln, 1524; Basel, 1575; Amberg, 1592 или *Æneas Sylvius Piccolomini. Opera quae extant omnia...* Basilea, 1551].
- [8] Sansovino, p. 343 [*Sansovino Fr. Op. cit.* P. 533–534].
- [9] Paul. Jov. In Descript. Larii Lacus [*Pauli Iovii Descriptio Larii Lacus*. Venetii: Ex officina Stellae Iordani Zilletti, 1559].
- [10] Jean le Laboureur, en la Geneal. De Malasp [*Le Laboureur J. Histoire genealogique succuncte de la Maison de Malaspina // Le Laboureur J. Relation du voyage de la Reine de Pologne, et du retour de Madame la Maréchale de Guébriant, ambassadrice extraordinaire...* P., 1647. P. 281–287].
- [11] P. 38 [Ibid.].
- [12] Sansovino 1.1., p. 285, 359 [*Sansovino Fr. Op. cit.* P. 533–534].
- [13] Joseph. Scalig. in epist. de orig. Gentis Scalig. p. 18 [*Scaliger I. Epistola de Vestutate et Splendore Gentis Scaligerae et Jul. Caes. Scaligeri. // Scaligeri Vita... Oratio... et Testimonia*. Lugduni Batavorum [Leiden]: ex officina Plantiniana; apud Franciscum Raphelengium, 1594. P. 18].
- [14] Sansovino [*Sansovino Fr. Op. cit.*].
- [15] Giust. nell. Hist. di Gen. 1.5, an. 1413 [*Giustiniani Agostino. Annali della Repubblica di Genova*. Genoa, 1537 — полное описание: *Giustiniani Agostino. Castigatissimi annali con la loro copiosa tauola della eccelsa & illustrissima republi. di Genoa, da fideli & approuati scrittori, per el reuerendo monsignore Agostino Giustiniano genoese vescouo di Nebio accuratamente raccolti. Opera certamente molto laudeuole, a studiosi assai comoda, & comunemente a tutti vtilissima. Facendo per la varieta delle opere chiaramente conoscere, quanto si*

debba da tutti riprouare el male, & costantemente procurare el bene della sua republica. Genova: per Antonio Bellono taurinense, 1537].

[16] P. 116 [Ibid.].

[17] Hist. de Prov. p. 557 [*César de Nostradamus*. L'histoire et chronique de Prouence de Caesar de Nostradamus gentilhomme Prouencal, ou Passent de temps en temps et en bel ordre les anciens pœtes personnages & familles illustres qui ont fleuri despuis 95 ans oultre plusieurs races de France, d'Italie, Hespagne, Languedoc, Daufhine, et Piemont y recontrées, avec celles qui despuis se sont diuersement annoblies comme aussi les plus signalles combats et remarquables faicts d'armes qui sy sont passez de temps en temps iusques a la paix de Veruins. Lyon: chez Simon Rigaud pour la Societe Caldoriene, 1624].

[18] Goldast. Tom 2, Rer. Alem. p. 197 [Скорее всего: *Goldast Melchior*.

Alamannicarum rerum scriptores aliquot vetusti. T. 1–3. Frankfurt a/M, 1606, reimp.: 1661].

[19] Gen. d'Est [Возможно, рукопись *Genealogia dei Principi d'Este*. Codice.Vitt. Em. 293. Biblioteca Nazionale Centrale di Roma или *Genealogia Estensum Peregrino Priscianum*, о которой сообщает А. Муратори, или одна из прочих].

[20] Sansov. 1.1, p. 275, 392 [*Sansovino Fr.* Op. cit. P. 275, 392].

[21] Id. 1.1, p. 173 [Ibid. P. 173].

[22] Jean le Laboureur, en Gen. de la Maison de Cibo [*Le Laboureur J.* De la Maison des Cybo // *Le Laboureur J.* Relation du voyage de la Reine de Pologne, et du retour de Madame la Maréchale de Guébriant, ambassadrice extraordinaire... P., 1647. P. 287–301].

[23] Carol. de Venasque, in Gen. Grimald. p. 109 [*Carolo de Venasque Ferriol*. *Genealogica et Historica Grimaldae Gentis Arbor...* P., 1647].

[24] Jean Scob. en Gen. de la Maison de Croy, p. 52 [*Scohier Jean*. La genealogie et descente de la tres illustr. maison de Croy. Douay, 1589].

[25] Leand. Alb. nella Descrip. D'Ital., p. 404 [*Leandro Alberti*. *Descrittione di tutta Italia, nella quale si contiene il sito di essa, l'origine et le Signorie delle Città et delle Castella*. Bologna, 1550, reimp.: 1551, 1561, 1568, 1575 etc.].

[26] Carol. de Venasque, in *Geneal. Gent. Grimaldæ.*, p. 114 [*Carolo de Venasque Ferriol*. Op. cit.].

[27] Sansovino, 1.1, p. 161 [*Sansovino Fr.* Op. cit. P. 161].

[28] A. Favyn [*Favyn A.* Le théâtre d'honneur et de chevalerie, ou L'histoire des ordres militaires des roys et princes... de l'institution des armes et blasons... duels, joustes et tournois et de tout ce qui concerne le faict du chevalier de l'ordre. 1 t. en 2 vol. P.: R. Foüet, 1620].

[29] En l'Histoire de S. Louys [*Joinville J. de*. Histoire et chronique du treschrestien Roy Saint Loys, IX. du nom, et XLIII. Roy de France, escrite par feu messire Ian sire, seigneur de Jonville, Seneschal de Champagne familier & contemporain dudict Roy S. Loys, [Genève]: Jacques Chouët, 1596].

[30] La Roque, en Gen. de Bourbon [*Gilles-André de La Roque de La Lontière*. *Blasons des armes de la royale maison de Bourbon et ses alliances*. P., 1626. P. 34].

- [31] Hist. d'Auvergne, p. 247 [*Justel Ch.* Histoire généalogique de la maison d'Auvergne, justifiée par chartes, titres et histoires anciennes et autres preuves authentiques. P.: chez la veuve Mathurin Du Puy, 1645].
- [32] La Colomb. en son Recueil d'Armoiries [*La Colombiere M. Vulson de.* La Science Heroïque, traitant de la Noblesse, de l'Origine des Armes, de leurs Blasons, & Symboles, des Tymbres, Bourlets, Couronnes, Cimiers, Lambrequins, Supports, & Tenans, & autres ornements de l'Escu; de la Devise, & du Cry de guerre, de l'Escu pendant & des Pas & Emprises des Anciens Chevaliers, des formes différentes de leurs Tombeaux; Et des marques extérieures de l'Escu de nos Roys, des Reynes, & Enfants de France, & des Officiers de la Couronne, & de la Maison du Roy. Avec la Généalogie succincte de la Maison de Rosmadec en Bretagne. P., 1644].
- [33] Mathieu de Goussanc. au Martyr. des Chev. de Malte, p. 50 [*Goussancourt Mathieu de.* Le Martyrologe des chevaliers de S. Jean de Hiérusalem, dits de Malte, contenant leurs éloges, armes, blasons, preuves de chevalerie et descente généalogique... avec la suite des grands-maîtres, cardinaux, archevêques, évêques... de cet ordre et le catalogue de toutes les commanderies... par F. Mathieu de Goussancourt... 2 t. en 1 vol. P.: S. Piget, 1654. P. 50].
- [34] Mathieu de Goussanc. au Martyr. des Chev. de Malte, p. 288 [*Goussancourt Mathieu de.* Op. cit. P. 288].
- [35] Mauro Orbini, nella Istor. Degli Slavi, p. 266 [*Orbini Mauro.* Il Regno degli Slavi oggi corrotamente detti Schiavoni historia. Pesaro, 1601].
- [36] Du Tillet, au Recueil des rois de France, p. 320 [*Du Tillet Jean.* Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison. P., 1587. P. 217].
- [37] Idem [Ibid.].
- [38] Vol. 4, ch. 9 [*Froissart J. de.* Histoire et Chronique Memorable de Messire Jehan Froissart. T. 1–4. Vol. 4. P.: Michel Sonnius, 1574. Ch. 9].
- [39] Du Tillet, ib. [*Du Tillet Jean.* Op. cit. P. 217].
- [40] Monstrelet, vol. 2, p. 70 [*Enguerrand de Monstrelet.* Chroniques D'Enguerrand De Monstrelet. Vol. 2. P., 1603].
- [41] Concl. 54, n. 40 [*Cassaneus B. de.* Catalogus gloriae mundi D. Bartholomaei Cassanaei, Burgundi, apud aqvas sextias... In XII Libros divisum. Francofurti ad Moenum: Sigismudi Feyrabentius, 1579].
- [42] P. 1498 [*Favyn A.* Op. cit. P. 1498].
- [43] Sansovino, p. 173 [*Sansovino Fr.* Op. cit. P. 173].
- [44] Claude de Valles [*Valles Claude Antoine de.* Le Théâtre d'honneur de plusieurs princes anciens et modernes, avec leurs vies et faits plus mémorables et leurs vrais et naturels portraits, contenant aussi les vies et faits de tous les chanceliers et gardes des seaux de France, de plusieurs hommes illustres, des jurisconsultes plus célèbres, anciens et modernes, qui ont escrit sur le droict romain, les faux dieux, le temps qu'ils ont esté et leurs pourtraits, recueillis et mis en cet ordre par M. Claude de Valles... P., 1618].
- [45] Hist. de Provence, p. 704 [*César de Nostradamus.* Op. cit. P. 704].
- [46] Ibid. p. 1036 [Ibid. P. 1036].

- [47] I [In] Mercure Franc. 1610, p. 519 [Mercure François: ou suite de l'histoire de nostre temps, sous le Regne du Tres-Chrestien Roy de France et de Navarre Lovis XIII. P., 1610].
- [48] La Colombiere [*La Colombiere M. Vulson de*. Op. cit.].
- [49] Sansovino, p. 18 [*Sansovino Fr*. Op. cit. P. 18].
- [50] A. Favyn, p. 1515 [*Favyn A*. Op. cit. P. 1515].
- [51] Chr. de Fr. Ms de la Bibl. De Mesmes. — al. ouvrez [Chroniques de Froissar. Manuscrits de la Bibliotheque De Mesmes — Claude de Mesmes, comte d'Avaux (1595–1650)].
- [52] Franc. Lopes Gomara, en l'Hist. des Indes, l. 1, c. 17 [*Gomara Fr.L*. Histoire Generale des Indes Occidentales et Terres Neuves qui jusques à présent ont esté decouvertes, augmentée en ceste 5e édition de la description de la Nouvelle Espagne et de la grande ville de Mexicque autrement nommée Tenuctilan, composée en espagnol par François López de Gómara et traduite en français par le S. de Genille, Mart. Fumée. P.: chez M. Sonnius, 1605. Livre I. Ch. 17. P. 25].
- [53] L. 11, Epist. [*Franciscus Philelphus*. Epistolarum familiarum Libri 37. Venetiis Joannes et Gregorius de Gregoriis, 1502. Lib. 11].
- [54] Sansovino, p. 200 [*Sansovino Fr*. Op. cit. P. 200].
- [55] Hist. de Provence, p. 633 [*César de Nostradamus*. Op. cit. P. 633].
- [56] Campanile [*Campanile Filiberto*. Del'armi, overo insigne de nobili... scritte dal signor Filiberto Campanile. Napoli, 1610].
- [57] Mem. de M. de Peiresc [Возможно, рукопись "Mémoires [de la main de Peiresc] de la maison de Vintimiglio de Lascaris qui avoit possédé les contez de Vintimiglio et de Tende, soubs la souveraineté des comtes de Provence, depuis l'an 1257". Nicolas-Claude Fabri, seigneur de Peiresc (1580–1637)].
- [58] Hist. de Provence, p. 633 [*César de Nostradamus*. Op. cit. P. 633].
- [59] Campanile, p. 78, 216 [*Campanile Filiberto*. Op. cit. P. 78, 216]; Civil. P. 150 [?]; Math. de Goussanc, Hist. de Prov. p. 436 [*Goussancourt Mathieu de*. Op. cit. P. 436]; Thom. Milles, de Nobil. Polit. etc. [*Milles Thomas*. Nobilitas polit, et civil., personas scil. distinguendi et ab origine intergentes ex principum gratia nobililandi forma. Londini, 1608].
- [60] V. la Gen. de Joinville [*Du Cange Ch*. Généalogie de la maison de Joinville en Champagne // *Du Cange Ch*. Histoire et Chronique de S. Louis, Roi de France; par Jean, Sire de Joinville, Sénéchal de Champagne, contemporain du Roi. P.: S. Marbre Cramoisy, 1668. Part. 2. P. 5–30].
- [61] Raph. Brooke [*Brooke Ralph*. A Catalogue and Succession of the Kings, Princes, Dukes, Marquesses, Earles, and Viscounts of this Realme of England, Since the Norman Conquest, to this Present Yeere, 1622: Together with Their Armes, Wiues, and Children: the Times of Their Deaths and Burials, with Many of Their Memorable Actions. Collected by Ralph Brooke, Esquire, Yorke-Heraulde... William Stansby, 1622].
- [62] Id. [Ibid.].
- [63] Le roy d'armes [*Varenes Marc-Gilbert de*. Le Roy d'armes, ou l'Art de bien former, charger, briser, timbrer et par conséquent blasonner toutes les sortes d'armoiries... Le tout enrichi de discours, d'antiquitez et d'une grande quantité de blasons des armes de la pluspart des illustres maisons de l'Europe, et

- spécialement de beaucoup de personnes de condition qui sont en France, par le R.P. Marc Gilbert Devarenes... P.: P. Billaine, 1635].
- [64] De Insign. et Arm. n. 2 [*Bartolo de Saxoferratto*. De Insigniis et Armis // Medieval heraldry / E.J. Jones (ed.). N.Y., 1983; Рус. пер.: Трактаат Бартоло ди Сассоферрато «О знаках и гербах»; вступ. ст., пер. А.П. Черных // Средние века. Вып. 52. М., 1989. С. 307–322].
- [65] L.1. Polon. [*Cromerus Martinus*. Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica Regni poloniae libri duo. 1577].
- [66] A Catalogue of the Dukes, etc. of England, 1634. [A Catalogue of the Dukes, Marquesses, Earles, Viscounts, Bishops, Barons of the Kingdom of England, Scotland, and Ireland, with their Names, Sirnames, and Titles of Honour; Whereunto is added, a perfect List of the Lords, and others of his Majestis most Honourable Privy Counsell, Knights of the Garter: the names of the Judges, the Baronets of England and Scotland, with the dates of their Patents, the Knights of the Bath from the first of King James: with an addition of the Knights, from the first of King Charles to the present. Collected by T.W. [alkey]. 1634].
- [67] Part. 2, c. 2, § 1 [*Selden John*. Titles of Honor. L.: T. Dring, 1672. P. 381–383].
- [68] Sansovino, p. 140 [*Sansovino Fr*. Op. cit. P. 140].
- [69] Science Heroïque, p. 175 [*La Colombiere M. Vulson de*. Op. cit. P. 175].
- [70] J. Villani, 1, 10, c. 38; Freher, in Orig. Palat. c. 14 [*Villani J*. Nuova Cronica, T. 2. Libro 11. Ch. 38; *Freher Marquard*. Origines Palatinae. Heidelbergae, 1686].
- [71] Paul Jovius, in vita Jacomuzzi Attend., c. 18 [*Paolo Giovio*. Vita di Muzio Attendolo (?) См.: *Giovio Paolo*. La vita di Sforza valorosissimo capitano, che fu padre del conte Francesco Sforza, duca di Milano. Venetia: Giouanni de' Rossi, 1557. Dell'Arme, che gli fu donate dall'Imperatore Roberto. Ca. XVIII. P. 31–33].
- [72] A. Favyn, l. 8 du Theatre d'Honn.; Sansovino, et Jean le Laboureur, en Geneal. de Cibo [*Favyn A*. Op. cit; *Sansovino Fr*. Op. cit.; *Le Laboureur J*. Op. cit. P. 287–301].
- [73] Sansovino, p. 140 [*Sansovino Fr*. Op. cit. Libro I. Signori Marioni. P. 140].
- [74] A. Favyn, l. 7 du Theatre d'Honn., p. 1343 [*Favyn A*. Op. cit. P. 1343].
- [75] Hist. de Nivernois [*Coquille G*. Histoire du Pays et Duché de Nivernais. P., 1622].
- [76] Aux annal. De Savoye, l. 2, c. 115 [Вероятно: *Paradin G*. Chronique de Savoye, reveue, & nouvellement augmentée, par M. Guillaume Paradin. Lyon: par Jean de Tournes imprimeur du roy, 1561].
- [77] Hist. de la Maison de Bethune, p. 205 [*Du Chesne André*. Histoire généalogique de la maison de Béthune justifiée par chartes... P.: S. Cramoisy, 1639. Livre III. P. 205].

Tabula gratulatoria

А.С. Авдохин
С.Ю. Агишев

А.М. Акаева
Е.В. Акельев
М.А. Александрова
Н.А. Алтухова
Г. Альтхоф
М.Л. Андреев
И.И. Аникьев
А.А. Анисимова
А.С. Ануфриева
Ю.Е. Арнаутова
О.В. Ауров
И.Ф. Афанасьев
Г.О. Бабкова
П.С. Бавин
М.Э. Байсвенгер
Л.С. Белоусов
Е.Е. Бергер
Е.А. Бережнова
О.Ю. Бессмертная
М.В. Бибиков
А.Н. Бикташева
С.В. Близнюк
В. Блокманс
М.С. Бобкова
Д.Ю. Бовыкин
Д.М. Бондаренко
М. Боргольте
В.Е. Борисов
Г.И. Борисов
Л.М. Брагина
О.В. Будницкий
И.Д. Вавочкина
И.И. Варьяш
А.В. Вдовин
В.А. Ведюшкин
Н. Вейль-Паро
А.Ю. Виноградов
М.В. Винокурова
Ж. Вирт
Е.А. Вишленкова
В.М. Володарский
О.С. Воскобойников
П.Ш. Габдрахманов
А.Б. Герштейн
Х.-В. Гётц
А.Г. Глебов

Л.Е. Горизонтов
М.В. Грацианский
Т.П. Гусарова
А.Б. Давидсон
М.А. Давыдов
И.Н. Данилевский
А.Н. Дмитриев
М.В. Дмитриев
О.В. Дмитриева
Д.А. Добровольский
Д. Жакар
Е.А. Заболотный
Ю.П. Зарецкий
М.В. Земляков
С.А. Иванов
Е.А. Иванова
А.И. Иванчик
А.А. Исэров
Е.В. Казбекова
Е.В. Калмыкова
А.Б. Каменский
С.П. Карпов
Е.Н. Кириллова
А.С. Колесник
И.Г. Коновалова
О.Е. Кошелева
М.В. Крумм
Ю.П. Крылова
О.Ф. Кудрявцев
П.В. Кузенков
Я.И. Кузьминов
А.Д. Куманьков
М.А. Курышева
М.Б. Лавринович
И.А. Ладынин
К.А. Левинсон
А.М. Лидов
М.А. Липкин
А.Ф. Литвина
С.И. Лучицкая
В.И. Мажуга
А.А. Майзлиш
М.Р. Майзульс
Е.Н. Марасинова
А.В. Марей
Е.С. Марей

Д.В. Маркин
Л.К. Масиель Санчес
И.Н. Мастяева
И.А. Махалова
А.В. Мелихова
С.Г. Мереминский
К. Мертель
К.Д. Мефтахудинов
Ж.-М. Мёглен
А.В. Муравьев
А.В. Назаренко
Д. Настасою
Н.В. Некрасова
Л.Г. Новикова
Д.М. Носов
О.В. Окунева
В. Паравичини
А. Паравичини Бальяни
М.Ю. Парамонова
В.С. Парсамов
А.М. Перлов
В.Я. Петрухин
Л.А. Пименова
А.В. Пожидаева
С.В. Польской
Г.А. Попова
А.Ю. Прокопьев
В.В. Радаев
А. Ранфт
Ф. Рексрот
Л.П. Репина
А.В. Романова
М.Ф. Румянцева
О.В. Русаковский
А.В. Русанов
А.М. Руткевич
И.М. Савельева
О.В. Савельер
Е.Е. Савицкий
Ю.Д. Сапрыкин
М.Г. Селезнев
Н.А. Селунская
А.М. Семенов
А.Ю. Серегина
А.И. Сидоров
Е.Б. Смилянская

И.С. Смирнов
Н.Ф. Сокольская
П.С. Стефанович
А.В. Стогова
А.А. Талызина
Т.Н. Таценко
О.И. Тогоева
Е.Н. Трефилов
П.Ю. Уваров
Н.Ф. Усков
Б.А. Успенский
Ф.Б. Успенский
В.В. Файер
Д.Г. Федосов
И.И. Федюкин
С.Е. Фёдоров
И.С. Филиппов
Ф. Фукс
О.В. Фурман
Е.А. Хвальков
Й. Хельмрат
О.В. Хлевнюк
А. фон Хюльзен-Эш
С.К. Цатурова
А.П. Черных
А.В. Чиркова
А.О. Чубарьян
А.В. Чудинов
Е.Б. Шарнова
А.В. Шарова
А.П. Шевырев
Э. Шлойтхойбер
Х.-Й. Шмидт
Б. Шнайдемюллер
П. Шрайнер
Р.М. Шукуров
А.Д. Щеглов
С.А. Экштут
М.М. Юдкевич
М.А. Юсим
С.А. Яцык

1. Золотник князя Владимира

2. Номисма императоров Василия II и Константина VIII, подвид 6b

3. Номисма императоров Василия II и Константина VIII, подвид 6a

4. Серебренник князя Владимира I типа

5. Номисма императоров Василия II и Константина VIII, подвид 4d

6. Серебренник князя Владимира II типа

7a,b. Серебренники князя Владимира III типа

8. Серебренник князя Владимира IV типа

9. Номисма императора Александра

10. Поясная часть императорского лора и княжеского облачения на номисмах императора Александра и серебряниках князя Владимира II типа

Список иллюстраций

Илл. 1. Золотник князя Владимира (Сотникова 1-1) [\[1\]](#). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 2. Номисма императоров Василия II и Константина VIII, подвид 6b. *Dumbarton Oaks, Washington*

Илл. 3. Номисма императоров Василия II и Константина VIII, подвид 6a. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 4. Серебренник князя Владимира I типа (Сотникова 12-1). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 5. Номисма императоров Василия II и Константина VIII, подвид 4d. *Dumbarton Oaks, Washington*

Илл. 6. Серебренник князя Владимира II типа (Сотникова 66-1). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 7а,б. Серебренники князя Владимира III типа (Сотникова 117-1, 137-1). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 8. Серебренник князя Владимира IV типа (Сотникова 160-1). Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 9. Номисма императора Александра. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 10. Поясная часть императорского лора и княжеского облачения на номисмах императора Александра и серебряниках князя Владимира II типа. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Илл. 11. Номисма императора Константина VII 10-го вида. *Dumbarton Oaks, Washington*

Илл. 12. Милиарисий императоров Василия II и Константина VIII. *Dumbarton Oaks, Washington*

© Илл. 1, 3, 4, 6–10. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2021

© Илл. 2, 5, 11, 12. *Dumbarton Oaks, Coins and Seals Collection, Washington, DC*

[1] Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. М., 1995.

Abstracts

Alexey Muraviev

Eschatological Emperor-Wanderer. Mythology of the Royal Charism on the Christian East at the Time of Justinian

The idea of royal charism took on the Christian East sometimes quite paradoxical forms. It was due to the fact that the Christian East was constructed of several cultural and religious clusters, every one of which developed its idea. Syriac world had an ideal model of a true king and that was Alexander. His image has been coined after Ps.-Callisthenes'. It took final form in the Syriac and Arabic Alexander Romance and ultimately in the Apocalypse of Ps.-Methodius, written in the late 7th c. In these texts Alexander goes to the distant eastern countries to seek for the 'lively water' to save the Kingdom. In fact, he translates the Kingdom given to him by God to the East to save it and to return it to God in the Last Judgement. The Syrian anti-Chalcedonians saw in the Arabic invasion the last act of that drama. The intermezzo could be found in the 'Syriac Julian Romance' a piece of eschatological fiction, trying to see in Justinian the righteous king would eventually save the Empire from the Chalcedonian curse. This image found its way to the Georgian tradition. In the 'Kartlis cxovreba' anti-king Julian and his Christian antagonist Jovinian (Justinian in disguise) play an important role in the foundation of Georgian royal mythology by Vaxtang Gorgasal.

Anastasia Anufrieva

Worms — Aachen, 961: The Coronation and Its Image

In that work we are making an attempt to explore not “real” early medieval royal and imperial coronations but the images of them which have been created by the historical writers of the era of Otto I — including Widukind of Corvei, Liutprand of Cremona, Adalbert of Magdeburg, Hrotsvitha of Gandersheim, Ruotger of Cologne. Comparing descriptions of the various inaugural ceremonies (in the East Frankish Kingdom and Italy between 919 and 973), we discover that some of these ceremonies have been described in more detail and more often than the other, and it cannot always be explained by the actual political significance of these events.

Thus, in the focus of attention for almost all authors of this circle was seemingly not very significant inauguration of the underage Otto II as the co-regent king of his father in 961. We assume that it played the role of a “model inauguration” in the Ottonian historiography mostly because it was convenient to symbolically represent a balance of interests between different groups of the German nobility.

Sergey Ivanov

Who is the “World-Ruler”?

The term *κοσμοκράτωρ* appeared in Antiquity as an epithet applied to certain gods. But it was also attributed to Alexander the Great in a popular novel, after him real Hellenistic kings were described in the same way, and then (unofficially), some Roman emperors. Gnosticism endowed this word with a negative connotation (“the ruler of the accursed material world”), and the early Christians implied this connotation as they labeled Satan as *κοσμοκράτωρ*. These two meanings coexisted in the Late Empire: theologians replicated St. Paul’s words of the “rulers of the darkness of this world (*κοσμοκράτορας τοῦ σκότους τούτου*)”, while Eusebius of Caesarea unabashedly and endearingly applied it to Constantine the Great. Between the mid-sixth and mid-twelfth centuries, *κοσμοκράτωρ* barely occurs in its political, positive meaning. Yet, this epithet returns to the fore in the panegyric literature of the Comnenan period, likely resulting from the rising popularity of the Alexander-novel. Thus, two diametrically opposite meanings of *κοσμοκράτωρ* once again coexisted and were properly understood, each on its own level of Byzantine literary culture.

Alexander Nazarenko

“Vladimir on the Throne”. Throne-Representations on the Coins of the Enlightener of Rus’

The long reign of the first Christian prince of Kiev Vladimir (978–1015) was accompanied by production of little quantity of golden coins and of more massive circulation of silver. The iconography of all these coins is in focus of this detailed

comparative study, which brings in light parallels and contrasts between Byzantine and Russian coins of that time. The kievian coins' iconography unveils Vladimir's wish to put on the Byzantine system of insignia patent new accents, and not just to combine Byzantine political insignia with Russian ones. With the help of traditional Byzantine, i.e. Christian, symbols, he eventually aspired to a sacralization of the most important sign of his princely power, the throne, the Russian stol.

Mikhail Bibikov

"Rex of Moscovy and of all Russia": View from Constantinople

Late Byzantine idea of all-orthodox commonwealth including the "most Christian" Rus' as opposed to the Latin West (German II, Silvestor Syropoulos, Ioannes Canavoutzes etc.). After Ottoman conquest 1453 the list of "united Europe" includes the pope, France, Alamans, Genoa, Venice and the rest of Italy, Catalonia etc. (Ps.-Emmanuel Georgillas). In the late-Byzantine epistolography, the subject of rise of Rus' is connected, and acts with, the theme of advancing role of Moscow, the new centre of metropolitan court in Russia. In such circumstances appeared the new official title of Russian ruler, civil and clerical. Russian princes were named since the middle of the 14th century "rex" (i.e. king) instead of "archonts" as earlier. The "royal" title was now applied to the ruler in Moscow — the centre of Moscovy as Russia was then nominated. Moreover, Nicephore Gregoras and Constantine Lascaris applied to tsars naming them "basileis" (i.e. emperor) of Moscovy, neglecting that this term earlier was used exclusively in connection with Byzantine monarchs.

Olga Okuneva

Savage's Sword, Hercules' Mace and Monarch's Scepter: A Power of Symbol and a Symbol of Power from the Other Side of the Atlantic

The chapter examines the evolution of images and interpretations that accompanied one artifact from the New World, described by European authors of the 16th century: a wooden club / sword from the Tupinamba culture (Atlantic coast of Brazil). This object was known in Europe because of regular contacts between Amerindians and French navigators and merchants in the 16th century. French travelers and their travel books largely contributed to its consequent literary and artistic fame. Different testimonies, both narrative and iconographic, defined this artifact either as a club or as a sword giving in such a way different paths for interpretation and associations; each of them evolved with time. As a result, the original otherness of such an object from another world was assimilated by European culture and placed in a number of "constituent Others" significant for the Old World.

Anna Litvina, Fjodor Uspenskij

The Sovereign's Two Names (Potapii Maksimovich the Grandson of Matvei, or Vasilii Ivanovich Shuiskii)

The strange and eclectic phenomenon of polyonymy, whereby a single person can possess quite a list of given names, is very much characteristic of Russian society throughout the whole of the medieval era. In either the twelfth or the seventeenth century, a person could have gone under one and the same personal name for their whole life, or else accumulated three, four, or even five names, some of which were given at birth and some only in their later years. In general, newly acquired names would not cancel out earlier ones: not infrequently, they would all remain integral attributes of their bearer until his or her death, and sometimes have at least a degree of posthumous significance. Notably, however, these names would hardly ever occur all together in the same communicative situation and would only sporadically appear together within the same written text. Untangling these anthroponymic processes and situations is not easy, even if they involve figures who have not been ignored either by medieval chroniclers or by modern historians: there is sometimes a degree of confusion even surrounding the various names of tsars. Especially unlucky in this respect were the Muscovite rulers of the pre-Romanov era, Boris Godunov and Vasilii Shuiskii. Their anthroponymic history (convoluted enough in itself) has picked up a number of historiographic errors and oddities. These are appreciably abundant in Godunov's biography — yet it is not Godunov who is the hero of this paper, but rather the last Rurikid on the Muscovite throne: Vasilii Ivanovich Shuiskii.

Stanislav Mereminskiy

Life and Death of a Bearded Man: William Fitz Obsbert and London 'rising' of 1196

The article deals with the conflict that took place in the spring of 1196 in London and commonly known as 'the revolt of William Fitz Osbert, aka William 'Longbeard'. These events became the first certain case of an urban conflict in medieval England with a socio-economic background. They attracted the attention of contemporaries, as four contemporary chroniclers left rather detailed descriptions, complementing each other. In spite of that fact, in the English historiography, the 'revolt' was pushed into the margin of the historiographical narrative concerning the age of the first Angevins, and in Russian scholarship it received only a sparse attention, despite the emphasis that Soviet historians had made on social conflicts in the medieval Europe. Meanwhile, an analysis of the figure of William and his fate makes to pay attention to the connection between such different topics as the nature of socio-economic conflicts in the medieval city, the symbolism of beards and hair, apocalyptic expectations caused by the conquest of Jerusalem by Salah al-Din in 1187, and the formation of a bureaucratic machine in the 'Angevin Empire'.

Anna Gerstein

The Appearance of the Pseudo-Ruler in a City: Two Interpretations of One Story

The author examines the sources, describing how the impostor, who declared himself to be Frederick II (1194–1250), the former Emperor of the German Empire, appeared in public for the first time. It happened in Cologne in 1284. The article shows that the crowd of Cologne demonstrated its non-recognition of Pseudo-Frederick, holding him in derision. Moreover, the very derision was a way of persuading those of people, who hesitated, was he the true emperor or not. The author pays special attention to the language of the descriptions of the chronicles, *Gesta Henrici, Archiepiscopi Treverensis* and *Iohannis abbatis Victoriensis Liber certarum historiarum*. It is paid heed that the style of describing the deriding in Cologne resembles the story of the mocking of Jesus, as it is given in Gospels. What meant this parallel? Did the medieval chroniclers consider that enigmatic man as an innocent victim of a crowd, suffered for telling the truth, or quite the opposite? This story of Pseudo-Frederick showed how the different social groups in the German Empire considered that troublemaker and at the same time exposed the categories of thinking of the medieval historiographers.

Julia Krylova

Orders and Disorders at the Court of the Dukes of Burgundy and not only

Under the influence of the royal court, the dukes of Burgundy laid the foundations for their own magnificent court. The court ceremonial was developed at its peak in the second half of the 15th century, a period which scholars consider to be a time of great development. Numerous sources are dedicated to this period, including one that is unique because it was written by a lady of the court. Using the notes of Éléonore de Poitiers (1444/1446–1509), the article examines the ceremonial customs at the court of the dukes of Burgundy, especially those of the women, as well as the irregularities that frequently occurred. Thanks to Éléonore's surviving testimony, it becomes clear to us that ceremonial norms in the French court at the dawn of the Modern Age were quite fluid, and that the Burgundian court remained invariably linked to the court of the French king.

Anna Seregina

War and Succession: Elizabeth I Visits Southern England, 1591

The article is focused on the dialogue between the Queen and her subjects that occurred in the course of her summer progress of 1591. This was her only visit to the South of England, and also the only royal progress, from which two printed texts of royal entertainments survived. The first was the entertainment organized for Elizabeth at Cowdray, house of Anthony Browne, Viscount of

Montague, and the second took place at Elvetham, manor of Edward Seymour, Earl of Hertford. The author compares the texts, their aims and rhetorical strategies. It is shown that Montague presented himself as a humble and loyal subject of the Queen and succeeded in his aim to get recognized as a guarantor of the peace and loyalty of local people (Catholic and Protestant). Hertford, on the contrary, tried to present himself as a nearly equal to the Queen in a bid to get his son legitimized and be accepted as a heir to the throne, and failed exactly because his humility was found wanting.

Mikhail Dmitriev

Tsarist Temptation... Why the Orthodox Inhabitants of the Polish-Lithuanian Commonwealth Wanted to Become Subjects of the Muscovite Rulers?

A series of Ruthenian texts of the first half of the XVIIth century has been studied. These texts mirror an ideological trend in the mind of the Orthodox ecclesiastical and secular élites of the Polish-Lithuanian commonwealth, that underpinned their inclination to pass under authority of the Muscovite tsars. A special attention has been paid to the vast Zakhariya Kopystensky's "Foreword" to the "Exhortations on the saint Apostles' Acts" by John Chrysostom, published in Kiev in 1624. We paid attention especially to biblical allusions in this text and found its connections to the rhetoric in 1648–1654 uprising declarations and count Konstanty Ostrogsky's missive to Moscow in 1604. These materials and their contexts lead to the hypothesis that we have to do with motives of a religious-political ideology (and, why not, of a "political theology"), that implied the necessity to unite all Orthodox population of Eastern Europe under the rule of the Muscovite tsars. Reasons behind this trend eventually emerged from the traditional norms of the Byzantine-Orthodox thought in which the organically close links between Empire, Church and "Christian populus" were postulated.

Olga Kosheleva

The State Attacks Chancelleries: A Transfer of Decrees to Administrative Bodies in Russia in the Second Half of the Eighteenth Century

The article traces the pathway of decrees, issued by the central government, to lower administrative bodies and the latter's response to them. As a specific example, it considers the voivode chancellery of Gorokhovets, a provincial town in Russia. The article examines the length of time needed for decrees to be delivered, the number of printed copies, the review procedure of decrees by the chancellery, the number of decrees per month, management of legal paperwork, the typological content of the decrees, their promulgation, reports on the execution of decrees sent to higher authorities, the chancellery's staff and their salaries, and the overall volume of work required to carry out the decrees. The author concludes that the central authorities' demands and local chancelleries' capabilities were incompatible.

Alexander Tchoudinov

The French Revolution in Perception of Russian Contemporaries

Having studied the private correspondence and diary notes of the Russian aristocrats P.A. Stroganov, B.V. Golitsyn and D.V. Golitsyn, who were in Paris in 1789–1790, the author of the article analyzed their assessment of the events of the French Revolution, which they witnessed. Although all three young aristocrats were educated in Western Europe and sympathized with the ideas of the Enlightenment, they were quite negative about the violent overthrow of the Ancient regime and categorically did not want a repeat of the French experience in Russia. The statement that these three Russian aristocrats supported the Revolution and even participated in it, which is widespread in the Russian historical literature of the twentieth century, is just a historiographical myth.

Alexander Sidorov

Dishonor the King: Honor and its Place in Carolingian Political Culture

The paper is devoted to the problem of why the attempted coup d'état in the Frankish Kingdom in the 830s was described by contemporaries — for the first time in European history, it seems — as a *dehonoratio* of the ruler. Part of the elite, primarily the clergy perceived the removal of the Emperor Louis the Pious from the government as his exclusion from the hierarchy, in which the person of the ruler connected the people entrusted to him with God, as a deprivation of his rights and obligations to fulfill his quasi-sacerdotal function, as a denial for him not only the right but also the ability to take care of the Church and *populus christianus* and also in charge of preparing them for future Salvation. The decision to *dehonoratio* the king was made by collective consensus and was a public act. The basis for such actions was the idea formed in the Carolingian era about the broad participation of the nobility in the royal service (*ministerium regale*), and therefore about the right on its part to claim participation in the special honor of the sovereign, granted to him by God.

Andrei Vinogradov

Apostolic Authority, Power over the Body, and Rome as Arbiter: The Bath Dispute in Eastern and Western Europe

The article deals with the mysterious story from the Tale of Bygone Years about the acquaintance of the Apostle Andrew with the custom of the Ilmen Slovenes to wash in the bath. Unlike the solemn Kievan part of the apostle's journey to Rus', composed of Byzantine hagiographic *topoi*, the Novgorod "bath" episode has not received a convincing interpretation in scholarship. The author suggests that the Apostolic approval of the bath custom was introduced by supporters of the Studite Typicon against radical monastic rules of the late 11th — early 12th century, completely prohibiting washing the body in the bath.

Sergei Karpov

Authority beyond Judgement or Judgement on Authority: Syndications of Venetian and Genoese Consuls in the Black Sea Settlements, 14th–15th Centuries

The author studies the functioning of the system of administrative and legal control over highest magistrates of the Venetian and Genoese trading stations of the Black Sea region (Caffa, Tana, Trebizond and others). In both cases, a special system of judicial investigations of the activities of the consuls of the trading stations after termination of their mandate was applied. The procedure of these investigations, known as syndication, used different methods of financial and administrative control of the metropolis over the governance of its supreme administrators endowed with broad powers in the trading stations. The system had its own characteristics, which are being discussed in the article. Statutory standards for investigations are verified by performance data reflected in the documents of the State Archives of Genoa and Venice.

Susanna Tsaturova

The Royal Schism, Etienne Pasquier and the Corporate Historical Memory

The article analyzes the interpretation of the events of the Armagnac-Bourguignon Civil War and the subsequent royal schism in 15th-century France in the historical work of Etienne Pasquier *Recherches de la France*. Pasquier was not only a humanist and erudite, but also a prominent lawyer and the guardian of the historical memory of the judicial corporation. The work of Etienne Pasquier was written in similar conditions of the civil war (Wars of Religion) and the split of the country. Drawing analogies between the two crises, Pasquier looked in the past for ways to restore the country's unity. According to Pasquier, a significant contribution to the end to turmoil could be put by royal officials, primarily servants of the Parliament of Paris.

Olga Togoeva

Under the Shadow of the King

The article is devoted to the history of the so called "swimming" — the ordeal used in English witch trials in the early Modern time. The author analyzes the English demonological pamphlets of the 17th century and comes to the conclusion that this "novelty" became the local judges' reaction to the treatise "Daemonologie" of King James I, who strongly recommended the "swimming" to identify the true witches. The personal position of the king, however, was soon challenged by his eternal opponents — the English Puritans, who devoted more than one treatise to the issues of judicial procedure in witch trials. It was under the pressure of the Puritans that the English judges were finally forced to

abandon the practice of the “swimming”, regardless of the authority of their ruler.

Ludmila Pimenova

Anatomy of the French Monarchy of the Old Régime in the “Treatise on the Rights” edited by J.-N. Guyot

This article analyses a collective essay published on the eve of the French Revolution, in 1786–1788, entitled “A Treatise on the Rights, Functions, Franchises, Exemptions, Prerogatives and Privileges Annexed in France to Every Dignity, to Every Office and to Every Estate, Civil, Military or Ecclesiastical”. Its authors had a project to study and explain the history and current state of the power institutions of the French monarchy. In their reflections, they used both the previous legal tradition, especially the works of Charles Loyseau, and the modern ideas, including those of the Enlightenment. In the treatise, they consistently formulated the principles of indivisible royal sovereignty and absolute power, not limited by anything except the enlightened will of the monarch. The authors pointed out the danger posed to the monarchy by the Parliaments with their political aspirations, but with optimism — as it turned out, unjustified — they counted on the stability and ability to overcome difficulties inherent in the “monarchical constitution” of France.

Dmitry Bovykin

Everything is Guilty Here: The General Amnesty as the End of the Revolution

In the political practice of the French Ancien Régime amnesty was used more than once as an instrument of general reconciliation, a way to resume the times of turmoil and disaster. These attempts to reconcile were often accompanied by the desire to erase certain events from the national memory, to “forget” them. This was relevant both during the Religious wars and during the Fronde. And, of course, it became relevant again in the epoch of the French Revolution of the 18th century: in the eyes of contemporaries, such an amnesty would simultaneously mean the end of the Revolution itself. The article examines the paths taken by the royalists and republicans to the general amnesty in 1791–1795, and the general amnesty itself announced in 1795 at the end of the National Convention.

Irina Variash

Is Paradise Cancelled?

The Andalusian Paradise is a central concept of Iberian medieval history, which, in the second half of the 20th century, attracted the attention of scholars studying medieval history of the West, Byzantium, the East, and the Slavs. The concept reflected the new level of academic knowledge about the relationships

existing in the Medieval World between Christians, Muslims and Jews, on the one hand, and between dominant authority and religious minorities, on the other. Modern historiography considerably revises the factual and interpretational features of this historical experience, including the concepts of Convivencia, Coexistencia, and religious Tolerance. Nowadays the concepts of Coercion and Compulsion have replaced the terms Violence and Persecution, which were opposed to Tolerance of the 1990s.

Alexander Marey

So Different Charm of Power: The Christian Tradition and the Castilian Example

The author analyses the concept of the royal power developed in the Castile's kingdom in the second half of 13th century. Principal sources he uses during this analysis are the First and the Second Partidas of Alfonso X the Wise (1252–1284) and some chapters of the Fuero Real ascribed to the same monarch. The author shows that Castilian lawyers and theologians had depicted the king as a supreme judge and, at the same time, as a legislator, a "living source of law" of his kingdom. Besides this purely juridical image, they described the king as head and soul of his people. The author emphasizes that the latter idea (the king as a people's soul) was a pure invention of Castilian thought, unknown in the West. This chapter also includes a translation of the first chapter of the Second Partida dedicated to the emperors, kings, and other higher authorities of the medieval world.

Oleg Voskoboynikov

Marsilius of Padua and his Treatise "On the Transfer of Empire"

Marsilius of Padua is well known for his political Defender of Peace (1324) and for his involvement in the confrontation between the pope John XXII and Louis of Bavaria, elected candidate for the throne of the Holy Roman Empire. On the Transfer of Empire (De translatione imperii) is a historiographic annex to his important treatise, together with his Little Defender (Defensor minor). This short account of 'travels' of universal rulership from Greeks to Germans is, for Marsilius, an occasion to demonstrate historically the principles he ascribed to politics and power in his theory. This is the first analysis and full translation of this text into Russian.

Svetlana Yatsyk

Boniface VIII. "Glory, Praise, and Honour": Bull of Canonization of Louis IX

Louis IX was canonized in 1297, 27 years after his death. It was Gregory X, who first attempted to canonize the king in 1272: at his request, Geoffrey of Beaulieu, a Dominican friar and Louis' confessor, composed his first vita. The first inquiries

into the life of the deceased king were made in secret by Simon of Brion, future pope Martin IV, who was sent to France by Gregory X. Gregory's death in 1276, however, delayed the canonization process. Nicholas III and Martin IV continued to appoint cardinals to run the investigation. Honorius IV and Nicholas IV set up commissions to examine the reports of the held inquiries. And only under Boniface VIII the process reached a long-desired conclusion, not least of all for political reasons. Boniface took part in the canonization inquiry while he was still a cardinal: he was a member of the commission that investigated Louis' miracles, and he personally transcribed the testimonies. And on August 4, 1297, he publicly announced his intention to consecrate Louis IX as a saint, because his life was not merely sinless, but was "an eternal movement from good to better". On August 11, 1297, Louis was officially canonized, and the bull announcing his canonization is structured as a brief *vita* of the holy king. The current translation is based on the text of "Gloria laus" as it appeared in *Acta Sanctorum*, in view of the editions of 1617 and 1894.

Pavel Uvarov

Plague in Provins in 1582–1583. To the Issue of the Pathology Anatomy of Power

The article analyses the description of the plague of 1582–1583 in "Memoirs" of Claude Haton, a priest from Provins. This voluminous work is characterised by eschatological expectations and rigoristic critic of authorities. However, these motives are oddly absent from this text, where royal power is barely mentioned while the actions of urban authorities are positively described in detail. The translation is included into this article, because it has plenty of new information on the formation of the institute of "plague doctors", sanitary measures, organised by the authorities and their financing, the inhabitants' behaviour during the epidemic, those who were considered to be at high risk. The immersion in the narrative of Haton allows us to determine the town's internal hierarchies, distinctive features of the social topography of Provins. The author's peculiarity is presented not by the description of inevitable "God's punishment", but by an original "applied etiology". In an unobtrusive way, Haton conveys that most of all the illness spreads to mercenary people, especially if they are also secret or even open Huguenots. True virtue, fidelity to duty protect from the epidemic better than medicine and sanitary cordons.

Alexander Tchernik

Charles Du Cange and his Dissertation on the Transmission of Family Coat of Arms

This article is a Russian translation of the XXV appendix that the famous erudite Charles du Cange added to his edition of the Joinville's *Histoire de Saint Louis par le sieur de Joinville*, 1668. Du Cange's text belongs to the category of heraldic research. It is of interest as a study of the heraldic form of relationship

between the authority and those who have merit to it. Despite the long time, past from the 17th century, the work has not lost its significance and serves as a monument of heraldic studies. This translation is accompanied by exhaustive historical and historiographic commentary.

Anatomy of Power: Princes and Subjects in Medieval and Modern Europe [Text] / Nat. Research Univ. Higher School of Economics; A. Anufrieva, M. Bibikov, D. Bovykin etc.; compil. and ed. by O. Voskoboynikov, O. Togojeva. — Moscow: HSE Publishing House, 2021. — 568 pp. + 4 pp. ill. — (Polystoria). — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2362-9 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-2248-6 (e-book).

Anatomy of Power is issued from a common work of 28 scholars from leading universities and academic centres of Russia, dealing with the phenomenon of power in medieval and early modern Europe. Relations of domination and submission, political institutions, processes and technologies are represented in all intricate details, as a real *organism*, a *body politic*, on a large chronological and geographical horizon: from Rus' to Byzantium, from Pyrenees to Island. Several aspects of the European history are discussed: juridical fundamentals of power, its symbolic communication with society, rituals and self-representation, strength and weakness of individual rulers or institutions, ascents and falls, historical criticism of sources related to power, historical thought at its service, power and religion, the prince's body, and mythology. All microanalyses have been conducted on original sources in different languages, some of them are presented in translations into Russian.

This book is addressed to a wide public interested in general history, but also to professional scholars of humanities.

[Текст] / А. С. Ануфриева, М. В. Бибииков, Д. Ю. Бовыкин и др.; сост. и отв. ред. О. С. Воскобойников, О. И. Тогоева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 566, [2] с. + 4 с. цв. вкл. — (Polystoria). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2362-9 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2248-6 (e-book).

«Анатомия власти» представляет собой совместный труд 28 историков из ведущих университетов и научных центров России, изучающих феномен власти в европейском обществе Средневековья и раннего Нового времени. Отношения власти и подчинения, политические институты, процессы и технологии представлены здесь во всей сложности их проявлений, как настоящий организм, как политическое тело, на широком географическом и хронологическом горизонте: от Руси и Византии до Пиренеев и Исландии. Читатель узнает о таких аспектах европейской истории, как правовые основания власти, символическая коммуникация власти и общества, ритуалы и репрезентация, сила и слабость конкретных правителей или целых институтов, взлеты и падения, источниковедческие особенности изучения власти, историческая мысль на службе власти, власть и экономика, власть и религия, тело государя, мифотворчество. Все исследования проведены по оригинальным источникам, некоторые из них представлены в полноценных переводах.

Книга адресована как широкому кругу читателей, интересующихся историей Европы, так и профессиональным историкам, археологам, историкам искусства, культурологам, философам и литературоведам.
УДК 94(4)

ББК 63.3(4)

A64

Серия основана в 2020 г.

Специальный выпуск: Festschrift в честь профессора Бойцова

Редакционный совет серии:

Михаил Бойцов (председатель), *Андрей Виноградов*, *Олег Воскобойников*,
Дмитрий Бовыкин, *Фёдор Успенский*, *Рустам Шукуров*

Дизайн серии: ABCdesign

Составители и ответственные редакторы:

Олег Воскобойников, *Ольга Тогоева*

Авторы:

Анастасия Ануфриева, *Михаил Бибилов*, *Дмитрий Бовыкин*, *Ирина Варьяш*, *Андрей Виноградов*, *Олег Воскобойников*, *Анна Герштейн*, *Михаил Дмитриев*, *Сергей Иванов*, *Сергей Карпов*, *Ольга Кошелева*, *Юлия Крылова*, *Анна Литвина*, *Александр Марей*, *Станислав Мереминский*, *Алексей Муравьев*, *Александр Назаренко*, *Ольга Окунева*, *Людмила Пименова*, *Анна Серегина*, *Александр Сидоров*, *Ольга Тогоева*, *Павел Уваров*, *Фёдор Успенский*, *Сусанна Цатурова*, *Александр Черных*, *Александр Чудинов*, *Светлана Яцык*

Составление указателей: *Александр Левченко*

Рецензенты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН *Светлана Лучицкая*;

доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова *Рустам Шукуров*

Издание подготовлено по результатам совместного исследовательского проекта Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ и Института всеобщей истории РАН «Анатомия власти — 2020».

Руководители проекта: *Олег Воскобойников* (НИУ ВШЭ) и *Ольга Тогоева* (ИВИ РАН)

В оформлении обложки использован фрагмент миниатюры к Библии Мациевского. *Morgan Library & Museum, New York, USA*(https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Old_Testament_miniatures_with_Latin,_Persian,_and_Judeo-Persian_inscriptions_-_Google_Art_Project.jpg)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2362-9

ISBN 978-5-7598-2362-9 (в пер.) © Национальный исследовательский

ISBN 978-5-7598-2248-6 (e-book) университет «Высшая школа экономики», 2021

© Составление. Воскобойников О.С.,

Тогоева О.И., 2021

Научное издание
Серия Polystoria
Специальный выпуск

Составители и ответственные редакторы

Олег Воскобойников, Ольга Тогоева

Зав. книжной редакцией *Елена Бережнова*

Редактор *Анастасия Архипова*

Верстка: *Ольга Быстрова*

Корректор *Ольга Ростковская*

Обложка и вклейка: *Валерий Коршунов*

Дизайн серии: ABCdesign

Даниил Бондаренко

Екатерина Панкратова

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг

обращайтесь в отдел реализации

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15297

bookmarket@hse.ru

Подписано в печать 07.04.2021.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285